

Валентин Сидоров

Избранные произведения

ВАЛЕНТИН СИДОРОВ

ТОМ ВТОРОЙ

ПРОЗА

Валентин Сидоров

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1990

ВАЛЕНТИН **С**ИДОРОВ
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ТОМ ВТОРОЙ

НА ВЕРШИНАХ
СЕМЬ ДНЕЙ В ГИМАЛАЯХ
РУКОПОЖАТИЕ НА РАССТОЯНИИ
МОСТ НАД ПОТОКОМ
(Повести)

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1990

ББК 84Р7
С 34

Оформление художника
С. КУЗЯКОВА

С $\frac{4702010201-146}{028(01)-90}$ 73-90

ISBN 5-280-01084-7 (Т. 2)
ISBN 5-280-01083-9

© Состав. Оформление. Издательство «Художественная литература», 1990 г.

а ВЕРШИНАХ

Глава первая
«ДЕРЖАВА РЕРИХА»

1

«Колумб открыл Америку, еще один кусочек все той же знакомой земли, продолжил уже начертанную линию — и его до сих пор славят за это. Что же сказать о человеке, который среди видимого открывает невидимое и дарит людям не продолжение старого, а совсем новый, прекраснейший мир!

Целый новый мир!

Да, он существует, этот прекрасный мир, эта держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Не занесенный ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или Королевство Испанское. И туда можно ездить, как ездят люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте, о его людях, о его странах, радостях и страданиях, о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть жизнь и смерть, святые и воины, мир и война — там есть даже пожары с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи... Нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не знает земная география. И, забываясь, можно по-смертному позавидовать тому рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит-видит такой прекрасный мир, мудрый, преображенный, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей».

Так писал о творчестве художника в статье, помеченной 1917 годом, Леонид Андреев.

«Величайший интуитивист современности», — говорил о нем Горький.

В 1920 году великий индийский поэт, писатель, фило-

соф Рабиндранат Тагор впервые увидел полотна Рериха. На другой день после знакомства он пишет письмо художнику:

«Ваши картины глубоко тронули меня. Они заставили меня осознать нечто очевидное, но пуждающееся в постоянном раскрытии: что истина беспредельна. Когда я пытался найти слова, чтобы выявить мысли, рожденные во мне вашими картинами, мне это не удалось. Это потому, что язык слов может выразить лишь один определенный аспект истины, а язык картин — истину в целом, что словами не выразить. Каждое искусство достигает своего совершенства, когда оно открывает нашему уму те особые врата, ключ от которых находится только в ее исключительном владении. Когда картина убедительна, мы не всегда в состоянии объяснить, что это такое, но все же мы это видим и знаем. То же самое обстоит с музыкой. Когда одно искусство можно полностью выразить другим, тогда это неудача. Картины ваши ясны и все же не выразимы словами, — ваше искусство ограждает свою независимость, потому что оно велико».

В декабре 1947 года в Дели после смерти Николая Константиновича Рериха организовали его мемориальную выставку. Выступая на ее открытии, Джавахарлал Неру поделился своими мыслями о человеке, с которым его связывали узы дружбы и духовная устремленность:

«Когда я думаю о Николае Рерихе, я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения. Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и исследователь, он касался и освещал так много аспектов человеческих устремлений. Уже само количество картин изумительно — тысячи картин, и каждая из них — великое произведение искусства. Когда вы смотрите на эти полотна, из которых многие изображают Гималаи, кажется, что вы улавливаете дух этих великих гор, которые веками возвышались над равнинами Индии и были нашими стражами. Картины его напоминают нам многое из нашей истории, нашего мышления, нашего культурного и духовного наследства, многое не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном, и мы чувствуем, что мы в долгу у Николая Рериха, который выявил этот дух в своих великолепных полотнах.

Хорошо, что эта выставка состоялась, несмотря на печальное обстоятельство смерти творца этих полотен, потому что искусство и труд Рериха имеют мало общего с жизнью и смертью личности. Они выше этого, они продолжа-

ют жить и в действительности являются более долговечными, нежели человеческая жизнь».

Россия и Индия едины в своем восхищении Рерихом. Что ж, это понятно и легко объяснимо. Русский по рождению, Рерих последние двадцать лет прожил в Индии. Его творчество по праву принадлежит обеим странам. Но посмотрим, что писала о художнике в его время пресса всех континентов Земли. Возьмем издания двадцатых и тридцатых годов. Перелистаем пожелтевшие страницы газет и журналов.

Китай. Национальный музей в Пекине направляет приветствие в адрес Рериха. «Мы всегда почитали Ваше западное и восточное знание, и слава Ваша выросла подобно Тянь-Шаню или созвездию Большой Медведицы».

Монголия. «Такие великие всемирные личности, как Рерих, шествуют как светочи столетий. В наш век эгоизма их великие дела приносят безграничное благо тем странам, через которые проходят эти великие души».

Япония. «Достигнув подобных высот, гениальное творчество Рериха неустанно растет. Вдохновленный внутренним стремлением, неустанно ведущим его вверх, он ищет новые высоты и побеждает, казалось бы, непреодолимые препятствия. Рерих — творец, писатель, мыслитель и водитель, предвидит приближение его Нового Мира... Любовь, красота, действие — щиты Рериха, и во имя их он одержал свои великие победы».

Но это Восток. А Запад? Сдержанный, недоверчивый, желчный, ироничный Запад? На мгновение он забывает об иронии, обязательном скепсисе, даже о сдержанности, — настолько захватывает его волна восхищения и энтузиазма. В словах, обращенных к Рериху, звучит органичный торжественный тембр.

«Если Фидий был творцом божественной формы и Джотто живописцем души, то можно сказать, что Рерих раскрывает дух «космоса» (Барнет Д. Конлан).

«...История предоставит ему в нашей эпохе такое же место, какое было предоставлено, например, Фрепсису Бэкону, выделявшемуся как центральная фигура эпохи, когда в поток европейской культуры влился новый творческий импульс, или Микеланджело и Леонардо да Винчи — этим наивысшим светочам эпохи Возрождения, или Периклу — этому синониму великолепия Греции» (Теодор Хеллин).

И вот что знаменательно. Все или почти все, кто чувствует всемирную значимость искусства и личности Рериха,

отчетливо чувствуют и другое: искусство Рериха неотделимо от творчества его страны, а сам он (говоря его же словами) лишь гонец и вестник ее.

— Великий художник! — восклицает знаменитый испанский портретист Игнасио Сулоага.— Его искусство свидетельствует, что из России на весь мир исходит некая сила, — я не могу измерить ее, не могу определить ее словами, но она налицо.

Не правда ли, как неожиданно созвучны слова иностранца, созвучны не только сутью, но даже формой выражения («не могу измерить, не могу определить») знаменитым стихам Тютчева: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить!»

2

Зима 1920 года. В Нью-Йорке объявлено об открытии выставки всемирно известного русского художника Николая Рериха. Толпа осаждала кассы, потом до отказа заполняла тесные залы галереи. Газеты подсчитали, что в первый же день выставку посетило 10 000 человек! Нынешний вице-президент музея Рериха в Нью-Йорке Зинаида Григорьевна Фосдик вспоминает:

«Я стояла перед «Сокровищем ангелов», «Языческой Русью» и «Экстазом» — тремя огромными полотнами сверхчеловеческой красоты и спокойствия, какие мог задумать и осуществить в красках только выдающийся ум, родственный Леонардо да Винчи.

Для меня толпа уже не существовала, исчезла. Я стояла лицом к лицу с Беспредельностью... Великие пространства космической значимости, горы, водные пути, массивные утесы, земные и небесные вестники, скромные святые и герои населяли мир Рериха, который он, в свою очередь, давал людям с щедростью, присущей истинному гиганту искусства. Я задыхалась, слезы наполняли глаза, мысли и эмоции били ключом в моем сердце. Мой до сих пор обособленный мир уступил дорогу миру неземной красоты и мудрости.

Кто-то меня вырвал из моей погруженности во все это великолепие, настаивая, что он хочет меня представить художнику. Почти неохотно я последовала за ним, только теперь отдавая себе отчет, как крутится вокруг меня толпа; я думала о том, каким усталым и безразличным должен быть художник, встречая людей, которых он тотчас же забудет. Но он предстал передо мной с искращимися сипи-

ми глазами, благородным челом, излучающим какую-то особую доброжелательность... Он был среднего роста, с клинообразной бородкой. Рядом с ним стояла его жена, Е. И. Рерих, такой поразительной красоты, что у меня захватывало дыхание. Меня представили. Я слышала тембр их голосов, с улыбкой говорящих со мной на нашем языке, и, к моему изумлению, как во сне я услышала их приглашение посетить их в тот же вечер в доме художника».

Зинаида Григорьевна была ошеломлена неожиданным приглашением и с лихорадочным нетерпением ожидала вечера.

«Когда я вошла в большую студию и была принята с тем чудесным радушием, естественно свойственным русскому характеру, меня ожидало много других, не менее изумительных сюрпризов. Этот великий человек и его жена приняли меня, как будто они знали меня! Более того, они начали мне рассказывать о своих планах на будущее, о своей миссии в Соединенных Штатах и о будущем, в то же время выявляя глубокий интерес к моей музыке и педагогической деятельности».

Вся жизнь Зинаиды Григорьевны будет идти отныне под знаком этой встречи. На ее долю выпадет радость непосредственного общения с великим художником. А быть близким к Николаю Рериху — скажет она потом — равнозначно одновременному посещению нескольких университетов. Она назовет его сеятелем, который трудился не для себя, а для человечества.

«...Его взгляд был пронизателен, как будто он мог заглянуть глубоко в душу человека и пайти ее самую сущность». Очень часто на живописных портретах Рериха сила его взгляда как бы приглушена. Взгляд его устремлен куда-то вглубь, он, как и все существо художника, подчинен какой-то внутренней, не прекращающейся ни на единый миг работе.

Но на фотографиях (не на всех, но на некоторых) глаза Рериха смотрят на вас в упор. Энергия, электрическая насыщенность взгляда поразительны. Поневоле понимаешь человека, который, увидев фотографию Рериха, восхищенный мощью его глаз, воскликнул: «Какие окна духа!»

3

Статью «Держава Рериха» Леонид Андреев завершает шутливым замечанием: «Не мешает послать в царство Рериха целую серьезную бородатую экспедицию для ис-

следования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; потом пусть пишут историю этой новой земли и заносят ее на карты человеческих откровений, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои царства».

С той поры воды утекло немало. Уже не одна «борода-тая» и «небородатая» экспедиции путешествовали по маршрутам «Державы Рериха», которая, кстати, с той поры еще шире, еще дерзновенней раздвинула свои границы. «Пусть ходят и измеряют». Но чтобы не заблудиться в неведомых просторах, экспедиция должна иметь компас, должна иметь надежные ориентиры. У каждой экспедиции они будут свои. На мой взгляд, таким компасом, такими ориентирами могут служить стихи самого художника.

Исключительно многогранно и многоцветно творчество Рериха. Рериха-художника мы знаем. Рериха-писателя, Рериха-поэта мы знаем меньше или не знаем вовсе. А между тем — цитирую известного индийского писателя Генголи — «его легкое, не требующее усилий перо, соперничая иногда с его кистью, беспрестанно исторгает жемчужины очерков, статей и духовных воззваний».

В творческом наследии художника стихи занимают особое место. Сам Рерих считал, что они имеют программное значение для всего его творчества.

Прежде всего должно заметить, что стихи Рериха не плоды любительского увлечения, как можно было бы заранее, до знакомства с ними, предположить. Это не хобби (если прибегать к современному термину).

Не являются стихи Рериха и простыми пояснениями к его картинам, как это может показаться с первого взгляда. Конечно, определенную сюжетную и эмоциональную общность картин и стихов заметить легко. Сооставления напрашиваются сами собой. Сергей Радопежский, которому медведи помогают в трудах его (картина «Сергей-строитель»), славянский Орфей, завораживающий свирелью бурых хозяев северного леса (картина «Человечьи праотцы»), и духовный водитель, образ которого как бы перекочевал из легенды в стихотворение «Не помяв».

Как трудно распознать все твои
устремленья. Как нелегко идти
за тобою. Вот и вчера, когда ты
говорил с медведями, мне
показалось, что они отошли, тебя
не помяв.

Можно привести и другой пример. Образ вестника, столь любимый Рерихом, с одинаковой силой владеет и воображением художника, и воображением поэта.

И все же делать на этом основании вывод, что стихи играют подсобную роль, было бы поспешно и ошибочно. Дело в том, что провести строгую демаркационную линию между стихами и остальным творчеством Рериха нельзя. Для него такого деления не существовало. Картины, стихи, сказки, статьи — все это для Рериха волны единого творческого потока. Естественно поэтому, что стихи и картины перекликаются друг с другом, дополняют и проясняют друг друга. Но стихи, как и картины, имеют свое, самостоятельное значение. Кстати, интерес современников к стихам Рериха был велик. О них спорили, ими восхищались. Известно, что они получили высокую оценку Горького, Леонида Андреева, Рабиндраната Тагора.

Горький определял стихи Рериха величественным словом «письмена». Это выразительное слово сразу высвечивает характерную особенность поэзии Рериха. «Письмена» — не просто литературное произведение, хотя бы и значительное. «Письмена» — это нечто важное, монументальное по идейному и историческому смыслу. Это некие заповеди, обращенные к человечеству. В слове «письмена» есть и указание на то, что произведение возникло из опыта не только одной личности, но и многих поколений.

Письмена не рядовые начертательные знаки, которые могут без труда уложиться в сознании человека. Нет, над письменами надо сидеть, надо думать, может быть, надо их расшифровать. «Берегли письмена мудрые тайны» — сказано в одном из стихотворений Рериха. А «мудрые тайны» не поддаются поверхностному изучению.

Стихи Рериха — это короткая философская притча, иногда — пейзажная зарисовка, вырастающая в символ. Но чаще всего это обращение к самому себе как бы со стороны, от имени своего внутреннего «я». Принято говорить о своеобразии стихов Рериха. Они действительно необычны. Необычна ритмическая структура белого стиха. Необычна предельная обнаженность мысли. К стихам Рериха вполне приложимы слова Тагора: «Моя песнь сбросила с себя украшения. На ней нет парядов и убранства. Они омрачили бы наш союз. Они мешали бы пам...» Мысль в стихах Рериха не отягощена ничем. Никаких украшений. Никаких подпорок. Она как провод, освобожденный от изоляции. Любопытно композиционное строение стиха. Последнее слово, несущее наибольшую смысловую нагрузку,

обязательно выписится в название стихотворения. Получается круг, кольцо, которым, словно стальным обручем, схвачено все произведение.

«Напряженная мысль имеет все качества магнита», — говорил Рерих. И строки его стихов намагничены высокой энергией устремленной мысли.

Как и все созданное Рерихом, стихи носят печать его неповторимой индивидуальности. Но непохожесть его стихов на чьи-либо другие вовсе не ставит их особняком, где-то в стороне от традиций русской поэзии. Стихи Рериха неразрывны с главной линией нашей философской лирики, представленной именами Ломоносова, Державина, Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Тютчева, Фета. В новых условиях они продолжают ее по-новому.

Русская поэзия еще в начале прошлого столетия набрала величественную картину мироздания.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Стремление к неизведанному всегда пересиливало сомнения и страхи, и ищущий человеческий ум дерзал заглядывать в глубины головокружительной бездны. В борьбе с сомнением и отчаяньем, подчиняя себе хаос противоречивых мыслей и желаний, отливался в торжественные строки манифест независимого человеческого духа.

Мужайтесь, боритесь, о храбрые друзья,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

Эта устремленность мысли к тайнам мироздания, это смелое соревнование поэзии с философией в решении глубочайших вопросов бытия находили прямой отзвук в душе Рериха. Он ощущал дыхание космоса в каждой былинке, в каждой капле воды. А напряжение духовной битвы не покидало его ни на миг. В стихотворении «Не убьют» Рерих говорит, обращаясь к себе, — и не только к себе:

Сделал так, как хотел,
хорошо или худо, не знаю.
Не беги от волны, милый мальчик.

Побежишь — разобьет, опрокинет.
Но к волне обернись, поклонясь
и прими ее твердой душою.
Знаю, мальчик, что биться
час мой теперь наступает.
Мое оружие крепко.
Встань, мой мальчик, за мною.
О враге ползущем скажи...
Что впереди, то не страшно.
Как бы они ни пытались,
будь тверд, тебя они не убьют.

Не собираюсь искать внешние похожие строчки или повторяющиеся мотивы. Стихи Тютчева и Рериха роднит другое: внутреннее единство, единство устремления и духовного настроения. А повторяется в них то, чему суждено повториться еще многократно: призыв к героическому напряжению всех духовных сил человека.

4

Философия стихов Рериха — не уход от действительности, не бегство в потусторонние миры. Конечно, влияние идеалистической философии в них обнаружить нетрудно. Но с самого начала следует подчеркнуть, что ближе всего Рериху была философия пантеизма (это, кстати, тоже родило Тютчева и Рериха), философия, которая видит дыхание чудесного во всем, что окружает человека. Эта философия, по-своему воспринятая Рерихом, творчески им осмысленная, лишена и намека на обособленность или пассивность. В ней нет и нотки «мировой скорби», которую декларировали все без исключения представители символизма. Это философия радостного слияния с природой, с людьми, со всем светлым, что есть в нашей жизни.

Поэзия Рериха символична, но символ для Рериха — это не «тайнопись неизреченного», как провозглашал апостол символизма Вячеслав Иванов. Нет. Символ в поэтической системе Рериха обеспечен конкретным содержанием, он несет в себе определенный и ясный призыв. Философия стихов Рериха в высшей степени действительна, потому что она связана с живой реальностью. Более того! Сквозь своеобразную философскую символику легко угадывается биографическая основа стихов.

Леонид Андреев называл Рериха поэтом Севера, а его стихи — «северным сиянием». Это очень точная характеристика. Сдержанные краски северного озерного края все

время воскресают в философских стихах Рериха. Углубленно-внутренняя работа мысли и духа происходит на фоне прозрачных карельских пейзажей.

Зелены были поля.
А дали были так сны.
Потом шли лесами и мшистым болотом.
Цвел вереск. Ржавые мшаги мы обходили.
Бездонные окнища мы миновали.

...Поредели
леса. Пошли мы кражем
скальным. Белою костью всюду
торчал можжевельник, светлыми жплами
массы камней сдавились
в давней работе творенья.

До деталей воспроизведена обстановка, в которой в те годы, живя на одном из островов Ладожского озера, работал Рерих. «На острове — мы. Наш старый дом... Наша пещера. Наши и скалы и сосны и чайки. Наши — мхи».

«Настроения, рожденные жизнью, дали притчи «Священные знаки», «Друзьям», «Мальчику», — сообщает Рерих. «Настроения, рожденные жизнью». А в жизни назревают события всемирной значимости. Творчество Рериха насыщено предчувствием грядущего переворота.

В стихотворении «В танце», датированном последним предреволюционным годом, Рерих резкими штрихами рисует обобщенный образ буржуазного мира с его бездуховностью, с его страхом перед катастрофой, с его стремлением любым способом уйти от этого страха, забыть, забыться.

Бойтесь, когда спокойное придет
в движенье. Когда посеянные ветры
обратятся в бурю. Когда речь людей
наполнится бессмысленными словами.
Страхитесь, когда в земле кладами
захоронят люди свои богатства.
Бойтесь, когда люди сочтут
сохраненными сокровища только
на теле своем. Бойтесь, когда возле
соберутся толпы. Когда забудут
о знании. И с радостью разрушат
узнанное раньше. И легко исполнят
угрозы. Когда не на чем будет
записать знание ваше. Когда листы
писаний станут непрочными,
а слова злыми. Ах, соседи мои!
Вы устроились плохо. Вы все
отменили. Никакой тайны дальше
настоящего! И с сумою несчастья

вы пошли скитаться и завоевывать
мир. Ваше безумие назвало самую
безобразную женщину — желанная!
Маленькие танцующие хитрецы!
Вы готовы утопить себя в танце.

Удивительно современные стихи!..

В 1918 году Рерих перед прыжком в неизвестное. Чтобы выполнить миссию, к которой он считал себя призванным, ему придется окунуться в атмосферу чуждого западного мира. Он внутренне готовит себя. Он ищет слова утешения, дабы укрепить свой дух. Так появляется стихотворение «В толпу».

Готово мое одеянье. Сейчас
я маску надену. Не удивляйся,
мой друг, если маска будет
страшна. Ведь это только
личина. Придется нам
выйти из дома. Кого мы
встретим? Не знаем. К чему
покажемся мы? Против свирепых
щитом защищайся.
Маска тебе неприятна?
Она на меня непохожа?
Под бровями не видны
глаза? Изборожден очень лоб?
Но скоро личину мы
снимем. И улыбнемся друг
другу. Теперь войдем мы в толпу.

Настроения этого времени отразились и в другом стихотворении — «Оставил». Но отразились по-другому. Период жизни завершен. Подводя его итоги, Рерих прощается с прошлым. «Все должно быть оставлено раньше, чем путник двинется в дорогу», — напоминает он сам себе восточное изречение.

Я приготовился выйти в дорогу.
Все, что было моим, я оставил.
Вы это возьмете, друзья.
Сейчас в последний раз обойду
дом мой. Еще один раз
вещи я осмотрю. На изображенья
друзей я взгляну еще один раз.
В последний раз. Я уже знаю,
что здесь ничто мое не осталось.
Вещи и все, что стесняло меня,
я отдаю добровольно. Без них
мне будет свободней. К тому,
кто меня призывает освобожденным,
я обращаюсь. Теперь еще раз

я по дому пройду. Осмотрю еще раз
все то, от чего освобожден я.
Свободен и волен и помышлением
тверд. Изображенья друзей и вид
моих бывших вещей меня
не смущают. Иду. Я спешу.
Но один раз, еще один раз
последний я обойду все, что оставил.

Приметы внешнего мира и внешней жизни в стихах Рериха очерчены достаточно четко. Но, разумеется, ими не исчерпывается содержание стихов. Оно глубже, тоньше, сокровеннее. В них запечатлен духовный и творческий поиск художника.

5

Поэтическое наследие Рериха невелико. Если исключить ранние подражательные вещи, то почти все стихи собраны в книге «Цветы Мории», изданной при жизни художника¹. Основу книги составили произведения «карельского» периода (1916—1918 гг.), созданные на переломном рубеже жизни. Но есть в книге стихи, датированные и более ранними, и более поздними годами. Последняя и самая значительная вещь Рериха — поэма «Наставление ловцу, входящему в лес» написана в 1921 году. После этого художник лишь два-три раза вновь обращается к поэтическому жанру. В 1932 году он пишет, например, стихи «Орифламма». Но они преследовали локальную цель. Рерих мыслил их как подпись к картине с тем же названием.

Книга «Цветы Мории» была издана в Берлине в 1921 году. Она вышла в трудное для Советской Республики время, и средства, полученные от ее продажи, предназначались голодающим в России.

Книгу предваряет эпиграф. Он очень важен. Не только потому, что в нем сконцентрировано содержание книги, но и потому, что здесь сформулирован незыблемый символ веры Николая Константиновича Рериха. Вот эти строки, ставшие девизом всей многотрудной жизни художника.

---

¹ Последние изыскания обнаружили в архиве Рериха полтора-два десятка стихотворений, написанных в то же время, что и книга «Цветы Мории», но не вошедших в нее. (*Здесь и далее примечания автора.*)

Поверх всяких Россий есть одна незабываемая Россия. Поверх всякой любви есть одна общечеловеческая любовь. Поверх всяких красот есть одна красота, ведущая к познанию Космоса.

Глава вторая

«ЕСТЬ ОДНА НЕЗАБЫВАЕМАЯ РОССИЯ»

1

«Россия не только государство. Она сверхгосударство, океан, стихия, которая еще не оформилась, не влегла в свои, предназначенные ей берега, не засверкала еще в отточенных и ограненных понятиях в своем своеобразии, как начинает в бриллианте сверкать сырой алмаз. Она вся еще в предчувствиях, в брожениях, в бесконечных желаниях и бесконечных органических возможностях.

Россия — это океан земель, размахнувшийся на целую шестую часть света и держащий в касаниях своих раскрытых крыльев Запад и Восток.

Россия — это семь синих морей; горы, увенчанные белыми льдами; Россия — меховая щетина бесконечных лугов, ветреных и цветущих.

Россия — это бесконечные снега, над которыми поют мертвые серебряные метели, но на которых так ярки платки русских женщин, снега, из-под которых нежными веснами выходят темные фиалки, синие подснежники.

Россия — страна развертывающегося индустриализма, нового невиданного на земле типа... Россия — страна неслыханных, богатейших сокровищ, которые до времени таятся в ее глухих недрах.

Россия — не единая раса, и в этом ее сила. Россия — это объединение рас, объединение народов, говорящих на ста сорока языках, это свободная соборность, единство в разности, полихромия, полифония...

...Россия — могучий хрустальный водопад, дугою вьющийся из бездны времени в бездну времен, не охваченный доселе морозом узкого опыта, сверкающий на солнце радугами сознания...

Россия грандиозна. Неповторяема. Россия — полярна. Россия — мессия новых времен».

Я цитирую письмо Гериха, помеченное 26 апреля 1935 года. Но вот закончен абзац, и выясняется, что этот каскад ошеломительных образов принадлежит не Гериху,

а его адресату, писателю Всеволоду Никаноровичу Иванову.

«Не странно ли, что в письме к Вам выписываю Ваши же слова. Но слова эти так верны, так душевны, так красивы, что просто хочется в них еще раз пережить запечатленные в них образы».

Всеволод Никанорович работал над книгой о Рерихе. Первую главу будущей книги он послал художнику. Поэтический пролог замыкали следующие строки:

«И Рерих — связан с этой Россией. Связан рождением, молодостью, первыми осенениями, образованием, думами, писанием, пестротой своей русской и скандинавской крови. И особенно: связан с ней своим огромным искусством, ведущим к постижению России».

«Связан рождением, молодостью, первыми осенениями...»

Рерих родился в Петербурге в 1874 году. Летние дни мальчик проводит в имении отца, которое носит странное название «Извара». Скупая и торжественная красота русского Севера захватывает его воображение. Впоследствии в биографической повести «Пламя» он скажет устами главного героя:

«Вообще помни о Севере. Если кто-нибудь тебе скажет, что Север мрачен и бедец, то знай, что он Севера не знает. Ту радость, и бодрость, и силу, какую дает Север, вряд ли можно найти в других местах. Но подойди к Северу без предубеждения. Где найдешь такую синеву далей? Такое серебро вод? Такую звонкую медь полупочных восходов? Такое чудо северных сияний?»

Небо, которое почему-то в северном крас, как нигде, приближено к травам и деревьям, пробуждает в нем художника. Одно из самых сильных детских впечатлений — узорчатые облака, чье бесконечное движение рождает постоянно меняющиеся образы. Небесное творчество привлекает к себе взгляд. Фантастические горы, страшные животные, ладьи, плывущие под цветными золочеными парусами, белые кони с развевающимися волнистыми гривами, богатыри, поражающие копьями хвостатых драконов, — все это возникает, исчезает и вновь повторяется в радостном и щедром сочетании красок...

С детства Рерих воспитывается на лучших образцах русского реалистического искусства. В Академии художеств он попал в мастерскую Куинджи, замечательного

художника и человека высокой нравственной чистоты. «Он-то понимал,— говорил о нем Рерих,— значение жизненной битвы, борьбы света со тьмою». До конца своих дней сохранил воспитанник благоговейную память о Куинджи. Он называл его Учителем с большой буквы, Учителем жизни.

В студенческие годы жизнь свела Рериха со Стасовым. Вряд ли это можно считать случайностью. К знаменитому русскому критику тянулось все подлинно национальное, демократическое, новаторское. С каким темпераментом, с какой страстной убежденностью отстаивал Стасов то, что было так близко юному художнику,— независимость русского искусства. «Отчего русское искусство, как русская литература, во многом опередило мир? Оттого, что оно храбро и дерзко! У них там нет ни одного Гоголя, ни одного Островского, ни одного Льва Толстого! У нас одних только есть непочтительность к старому, а отсюда являются и самостоятельность и оригинальность настоящие. Петр Великий — какой он ни был зверь и монгол, а был настоящий русский, наплевал на все традиции, на все предания, на всю школу. В этой русской храбрости — главный русский характер».

Конечно, в атмосфере полемики и споров, которая всегда бурлила вокруг неукротимого критика, высказывались и крайние мнения, рождались парадоксы. Но обвинения в адрес Стасова — а его обвиняли в узости и национальной ограниченности — Рерих считал абсурдными. Цитируя слова Стасова «всякий народ должен иметь свое собственное национальное искусство, а не плестись в хвосте других, по проторенным колеям по чьей-либо указке», художник говорит: «В этих словах вовсе не было осуждения иноземного творчества. Для этого Стасов был достаточно культурный человек; но, как чуткий критик, он понимал, что русская сущность будет оценена тем глубже, если она вывится в своих прекрасных образах».

Самобытность дарования Рериха проявилась рано. В качестве дипломной работы он представляет в Академию художеств полотно, написанное на сюжет древнерусской истории: «Гонец». Гонец в ладье спешит к отдаленному поселению с важною вестью о том, что восстал род на род. Картина стала настоящей сенсацией. Она поражала точностью психологического видения времени, тревожным напряжением красок. Тут же, на конкурсной выставке Академии художеств, она была приобретена для своей галереи П. М. Третьяковым.

В дела своего молодого друга властно вторгается Стасов. Он зовет его в гости к Толстому.

— Что мне все ваши академические дипломы и отличия? — гремит его голос. — Вот пусть сам великий писатель земли русской произведет в художники. Вот это будет признание. Да и «Гонца» вашего никто не оценит, как Толстой. Оп-то сразу поймет, с какой такой вестью спешит ваш «Гонец».

2

До самых мельчайших подробностей запомнилась поездка. Москва. Тихий Хамовнический переулок. Дом, пропитанный ароматом яблок, запахом старых красок и книг, напоминал деревенскую усадьбу. Гостей встретила Софья Андреевна. По праву старого знакомого Стасов завязал оживленную беседу. Толстой вышел несколько позже. Он был в светлой блузе, той самой, которая обрела всемирную известность. Прозванная «толстовкой», она входила в моду.

Разумеется, цепкий профессиональный взгляд художника сразу схватил внешние черты облика писателя. Он отмечает «характерный жест его рук, засунутых за пояс, так хорошо уловленный на портрете Репина». Но Рериха интересует то главное, то внутреннее, что дарует такую притягательную силу всему облику Толстого. Он пытается понять это главное.

«Только в больших людях может сочетаться такая простота и в то же время несказуемая значительность. Я бы сказал — величие, но такое слово не полюбилось бы самому Толстому, и он, вероятно, оборвал бы его каким-либо суровым замечанием. Но против простоты он не воспротивился бы. Только огромный мыслительский и писательский талант и необычайно расширенное сознание могут создать ту убедительность, которая выражалась во всей фигуре, в жестах и словах Толстого. Говорили, что лицо у него было простое. Это неправда, у него было именно значительное русское лицо. Такие лица мне приходилось встречать у старых мудрых крестьян, у староверов, живших далеко от городов. Черты Толстого могли казаться суровыми. Но в них не было напряжения и само воодушевление его, при некоторых темах разговора, не было возбуждением, но, наоборот, выявлением мощной спокойной силы. Индии ведомы такие лица».

Наконец, разговор перешел к картине Рериха. Художник привез ее фотокопию. Много слышал отзывов Рерих.

Восхищались неожиданным свечением красок. Молодого художника объявляли родоначальником исторического пейзажа. Но Толстой подошел к картине с необычной стороны. Он увидел в ней и в художнике то, чего не увидели другие. Он действительно понял, с какой вестью спешит «Гонец».

— Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? — сказал Толстой. — Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все равно снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет.

Эти слова уйдут в самую глубину сердца. Спустя много лет, когда Рерих будет всемирно признанным мастером, они воскреснут в его письме к молодому художнику:

«Будьте проще и любите природу. Проще, проще! Вы творите не потому, что «пужда заставила». Поете, как вольная птица, не можете не петь. Помните, жаворонок над полями весною! Звенит в вышоте! Рулите выше!»

А Толстой между тем полностью завладел беседой. Впоследствии, вновь и вновь переживая эту встречу, Рерих поймет, что писатель неспроста так много и так подчеркнуто говорил о народном искусстве, о необходимости народного просвещения. Он как будто хотел направить в определенную сторону его творческий поиск, устремить его внимание в сторону народа. «Умейте поболеть с ним», — скажет Толстой, и это станет для художника великим паутствием.

Не однажды еще обратится Рерих к воспоминаниям о Толстом. В долине Кулу, в предгорье Гималаев, напишутся слова: «Священная мысль о прекрасной стране жила в сердце Толстого, когда он шел за сохой, как истинный Микула Селянинович древнерусского эпоса и когда он, подобно Бёме, тачал сапоги и вообще искал прикоснуться ко всем фазам труда. Без устали разбрасывал этот сеятель жизненные зерна, и они крепко легли в сознании русского народа».

Образ Толстого так дорог Рериху, что сама мысль о нем, подкрепленная живым воображением художника, на мгновение преображает весь окружающий мир.

«И сейчас записываю эти давние воспоминания, а перед окном от самой земли и до самого неба — через все пурпуровые и снеговые Гималаи засияла всеми созвучиями давно небывалая радуга. От самой земли и до самого неба!»

У искусствоведов бытует разделение творчества Рериха на два периода: «русский» и «индийский». Конечно, такое разделение имеет свое основание. Его диктует сама биография художника. И все же оно приблизительно и условно. В «русский» период он неоднократно обращается к индийским сюжетам, а на склоне лет, в разгар увлеченной работы над гималайской серией, пишет знаменитые картины на русские темы: «Сергий-строитель», «Святогор», «Настасья Микулична», «Богатыри просыпаются». Точнее существо дела выразил сам художник, когда внес в записную книжку знаменательные слова: «Повсюду сочетались две темы — Русь и Гималаи».

Никогда для Рериха не стоял вопрос в такой плоскости: Россия или Индия? Он решал эту проблему иначе: Россия и Индия, ибо вся его жизнь была подчинена стремлению найти общие корни двух великих народов.

Свое творчество художник считал неотъемлемой частью русской культуры. Статьи Рериха по справедливости зовут «духовными воззваниями». По-иному их и не назовешь: такой призыв к немедленному действию в них звучит! В одном из «воззваний», написанном, кстати, в «индийский» период, в 1935 году, художник вдохновенно формулирует свою творческую программу:

«И в пустынных просторах, и в пустынной тесноте города, и в песчаной буре, и в наводнении, и в грозе, и молнии будем держать на сердце мысль, подлежащую осуществлению, — о летописи русского искусства, о летописи русской культуры, в образах всенародных, прекрасных и достоверных».

Так называемый «русский» период (если уж принять для удобства схему, предложенную искусствоведами) особая глава творческой биографии Рериха. Здесь исток всех истоков, начало всех начал художника.

Но постоянная устремленность Рериха к сокровенным глубинам национального искусства вовсе не означала узости и замкнутости его творческого поиска. Мировая живопись в лучших своих образцах питает воображение художника. Несколько лет он живет в Париже. Учится технике рисунка у французского художника Кормона. С увлечением изучает картины Пювиса де Шаванна, этого волшебника «скудной, как бы затертой, сдержанной краски, что делает его живопись похожей на гравюры». Оголтелый национализм, дешевая фанатерия спекулянтов идеи пре-

тят Рериху. «Оставим зипуны и мурмолки. Кроме балагана, кроме привязанных бород и переодеваний, вспомним, была ли красота в той жизни, которая протекала именно по нашим территориям. Нам есть что вспомнить ценное в глазах всего мира».

Стремясь раскрыть красоту русской истории для современников, Рерих становится археологом. Его раскопки северных курганов предметно воскрешали давно прошедшую эпоху: «Колеблется седой вековой туман; с каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридцатое царство; шире и богаче развертываются чудесные картины».

Рерих первым обратил внимание на работу наших древних иконописцев. Он первым заговорил о великом культурном и эстетическом значении их труда. Он первым осмелился (именно осмелился) взглянуть на иконы со стороны чистейшей красоты. Отбросив предубеждение, он рассмотрел в иконах и стенописях не грубые, неумелые изображения, а великое декоративное чутье, овладевавшее даже огромными плоскостями.

Сейчас, когда, по выражению Рериха, весь мир склонился перед русской иконой, это кажется азбучной истиной. Но в начале XX века это было неслыханной дерзостью. На уровне курьеза воспринимались предсказания художника: «Даже самые слепые, даже самые тупые скоро поймут великое значение наших примитивов, значение русской иконописи. Поймут и завопят и заахают... Скоро кончится «археологическое» отношение к историческому и народному творчеству и пышнее расцветет культура искусства».

Обстановка того времени не благоприятствовала начинанию Рериха. Сокровища народного гения были в постыдном и преступном небрежении.

Когда в Индии в 1939 году художник узнал, что Новгород объявлен городом-музеем, он сказал: «А ведь в прошедшем это было бы совсем невозможно, ибо чудесный Ростовский кремль с храмами и палатами был назначен к продаже с торгов. Только самоотверженное вмешательство ростовских граждан спасло русский парод от неслыханного вандализма».

Выступления Рериха в защиту русской иконы вызвали целый переполох. Борьбу пришлось вести сразу на нескольких фронтах. Художники и эстетствующие критики, ориентирующиеся на Запад, видели в иконах серые неуклюжие примитивы. Явно имея в виду «версальского рац-

сода» Бенуа, с которым Рериха некогда формально объединял «Мир искусства», художник вспоминает: «Когда мы говорили о российских сокровищах, то нам не верили и надменно улыбались, предлагая лучше отправиться в Версаль. Мы никогда не опорочивали иностранных достижений, ибо иначе мы впали бы в шовинизм. Но ради справедливости мы не уставали указывать на великое значение всех ценностей российских».

Были и другие противники, еще более непримиримые,— церковники и официальные охранители традиций. «Омоложение» русской иконы, затеянное Рерихом, они считали кощунством и подрывом незыблемых устоев.

«Любопытно, кто первый направил палеховцев и мстерцев в область былинной иллюстрации? — спрашивал Рерих в том же 1939 году.— Счастлива была мысль использовать народное дарование в этой области. Помню, как на нашем веку этих даровитых мастеров честили «богомазами». Впрочем, тогда ухитрились порочить многие народные достоинства. Доставалось немало за любовь к народному искусству. Правилен был путь наш. Не пришлось с него сворачивать».

«Омоложение» Рерихом русской иконы обозначило новый рубеж в отношении к культуре нашего прошлого. Взглядам людей открылся неведомый доньше мир, спрятанный в глубине веков. Впечатление было ошеломляющим. Современник Рериха искусствовед Яремич пишет:

«Впервые мы услышали не сухое, отдающее затхлостью мнение археолога о предметах святых и дорогих, а живой голос художника, уяснившего нам подлинное значение старых городов и городищ, древних церковных росписей, и вдруг воскрес живой смысл памятников отдаленных веков. Воистину воскрес, потому что Рерих первый подчеркнул художественную сторону красот древнерусского искусства... И вдруг наше искусство, остававшееся так долго под спудом, озаряется солнечным светом... Отсюда вытекает естественный вывод о громадном значении для нашего существования труда наших предков. Не уныние, не меланхолию, не укор вызывает деятельность прошедших поколений, наоборот, она влечет к ликованию и радости».

Чисто стилизаторские тенденции чужды духу художника. Прошлое не самоцель, утверждает он всей своей деятельностью. «Когда зовем изучать прошлое, будем это делать лишь ради будущего... Когда указываем беречь культурные сокровища, будем это делать не ради старости, но ради молодости».

Автор монографии о художнике Е. И. Полякова, повторяя образное определение его творчества — «держава Рериха», пишет: «Сердце этой державы — прекрасная Древняя Русь». С этим можно согласиться, но отбросив эпитет. Просто Русь. Древняя. Современная. Устремленная в завтра.

4

В начале века Рерих вырастает в крупнейшего художника России. В 1909 году он становится академиком. Одна за другой появляются картины Рериха. В них причудливо сочетаются современность и история, фантастика и реальность. Зрителей восхищает одухотворенность его полотен, их поэтическая пластичность и целостность. Краски звучали, царствовала «магия знака, линии и цвета».

Это был мир ощутимой реальности, но лишенный прямолинейной и грубой конкретности натурализма, мир, насыщенный глубокой символикой. В марте 1914 года художник завершает очередную серию картин. В этой серии — полотно с аллегорическим названием «Град обреченный». Огнедышащий дракон окружил телом своим город, наглухо закрыв все выходы из него.

«Короны». Три короля скрестили мечи, а с их голов снялись короны. Короны растворяются в синеве, превращаются в призрачные облака. Современники не раз вспомнят эту картину, особенно в конце первой мировой войны, которая принесет крушение некогда могучим монархиям: российской, австро-венгерской и германской.

В 1915 году новые картины Рериха демонстрируются на выставке «Мира искусства». 12 февраля 1915 года выставку посетил Горький.

«Он очень хотел иметь мою картину, — рассказывает Рерих. — Из бывших тогда у меня он выбрал не реалистический пейзаж, но именно одну из так называемой «предвоенной» серии — «Город осужденный», именно такую, которая ответила бы прежде всего поэту».

Эта картина и дала повод Горькому назвать художника «величайшим интуитивистом современности».

У Рериха есть биографический очерк «Друзья». Перебирая в памяти людей, с которыми он был духовно связан, Рерих называет имена Горького и Леонида Андреева.

Общие дела и общие устремления рождали и общих врагов. Черносотенное «Новое время» публикует серию фельетонов небезызвестного Буренина, в которых он обру-

шился и на Горького, и на Рериха. «Мы, конечно, не обращали внимания на этот лай», — говорит Рерих.

Дружба великого писателя и великого художника сразу приобретает (да иначе и быть не могло) творческую окраску. Рерих придает исключительное значение участию Горького в его литературной работе.

«Дорогой Алексей Максимович! — пишет художник 4 ноября 1916 года. — Посылаю Вам корректуру. За все замечания Ваши буду искренне признателен. Хорошо бы повидаться: в словах Ваших так много озона и глаза Ваши смотрят далеко. Глубокий привет мой Марии Федоровне. Сердечно Вам преданный Рерих». Свои стихи, ценя высокий поэтический вкус Горького, он в первую очередь показывает ему. Впоследствии, пахотясь за границей, выпуская в свет сборник статей и очерков «Пути благословения», он озабоченно пишет из Индии своему рабочему секретарю Шибаеву: «Пошлите два экземпляра книги (в русском новом правописании) Горькому в Берлин с приложенным письмом (адрес в издательстве Гржебина)».

В предреволюционные годы Рерих часто встречается с Горьким. Это были и частные беседы, и совместная работа в литературно-художественных организациях и общественных комитетах. «Многие ценные черты Горького выяснятся со временем», — говорил Рерих, вспоминая эти дни близкого общения с писателем. Он отмечает, что замечательные особенности характера Горького подчас совершенно не совпадали с его суровой наружностью. Как-то в одной из крупных литературных организаций тех лет решался специальный вопрос, вызвавший бурные разногласия. Рерих обратился к Горькому, дабы узнать его мнение. Тот улыбнулся в ответ:

— Да о чем тут рассуждать, вот лучше вы, как художник, почувствуйте, что и как надо. Да, да, именно почувствуйте, ведь вы интуитивист. Иногда поверх рассудка нужно хватать самую сущность.

Рериха и Горького, помимо прочего, родило одно качество: оба они были работники в подлинном смысле этого слова. Оба они не чурались (хотя казалось бы, заботы о собственном творчестве должны были их поглотить целиком) обычных и суровых дел повседневности. Художник вспоминает:

«Пришлось мне встретиться с Горьким и в деле издательства Сытина (Москва) и в издательстве «Нива». Предполагались огромные литературные обобщения и просветительские программы. Нужно было видеть, как каждая

условность и формальность коробили Горького, которому хотелось сразу превозмочь обычные формальные затруднения. Он мог строить в широких размерах. Взять хотя бы выдвинутые им три мощных культурных построения. Имею в виду «Дом Всемирной литературы», «Дом Ученых» и «Дом искусств». Все три идеи показывают размах мысли Горького, стремившегося через все трудности найти слова вечные, слова просвещения и культуры. Нерасплесканной он пронес свою чашу служения человечеству».

Горькому, несомненно, импонировало в художнике умение ладить с людьми, привычка самому делать черновую работу. Не случайно, когда в весенние дни революционного 1917 года была создана Комиссия по делам искусств и председателем ее был назначен Горький, пост своего помощника он предложил Рериху.

Расстояния разделили двух мастеров культуры. Но то, что их соединяло — их творчество, — было и над расстоянием, и над временем. В рассказе художницы В. М. Ходасевич о встрече с Горьким всплывает имя Рериха: «В один из приездов в 1935 году в Горки в столовой я увидела развешанными на стенах восемь картин Н. Рериха. Они озаарили довольно неуютную большую столовую и поражали (как всегда рериховские вещи) каким-то свечением красок. Эти картины в основном запомнились по цвету — золотисто-лимонному, оранжевому и багряному. Как мне сказали, Рерих был проездом через СССР из Гималаев в Америку и оставил эти вещи в Москве. Картины эти нравились Алексею Максимовичу».

Об этом факте Рерих узнал позднее (из письма Грабаря). «Вдвойне я... порадовался. Во-первых, Алексей Максимович высказывал мне много дружества и называл великим интуитивистом. Во-вторых, семь картин «Красного всадника» — Гималайские, и я почувал, что в них Алексей Максимович тянулся к Востоку».

Имя Горького нередко возникает в статьях и выступлениях Рериха, в обстановке, подчас накаленной и враждебной. В Шанхае он читает эмигрантам лекции о русском искусстве и литературе. В ряду великих русских писателей он упоминает Горького. Гул негодования катится по залу. Рассказывая об этом случае, художник говорит, что это было человеконенавистническое рычание.

Но для Рериха имя Горького прочно и ярко утвердилось в пантеоне всемирной славы. В статью, посвященную памяти Горького, он включает близкие ему по духу слова Романа Роллана об их общем великом друге:

«Горький был первым, высочайшим из мировых художников слова, расчищавшим пути для пролетарской революции, отдавшим ей свои силы, престиж своей славы и богатый жизненный опыт... Подобно Данте, Горький вышел из ада. Но он ушел оттуда не один. Он увел с собой, он спас своих товарищей по страданиям».

5

«Случалось так, что Горький, Андреев, Блок, Врубель и другие приходили вечерами поодиночке, и эти беседы бывали особенно содержательны. Никто не знал об этих беседах при опущенном зеленом абажуре. Они были нужны, иначе люди и не стремились бы к ним. Стоило кому-то войти, и ритм обмена нарушался, и торопились по домам. Жаль, что беседы во ночи нигде не были записаны. Столько бывало затронуто, чего ни в собраниях, ни в писаниях никогда не было отмечено».

Действительно, жаль, что не были зафиксированы эти «беседы во ночи». Даже по отдельным, отрывочным записям подчас воскресает такая яркая картина, с такими живыми подробностями, которые память, увы, не всегда сохраняет. Например, из коротенького очерка Рериха о Леониде Андрееве выясняется забавная сторона их общения. Оказывается, писатель Леонид Андреев говорил главным образом о своей живописи, а художник Николай Рерих — о своих литературных трудах. Обнаружив «такую необычную обратность суждения», собеседники от души смеялись над собой.

А Блок? «Помню, как он приходил ко мне за фронтисписом для его «Итальянских песен», и мы говорили о той Италии, которая уже не существует, но сущность которой создала столько незабываемых пламенных вех». Тогда в журнале «Аполлон» готовились к печати «Итальянские стихи» Блока. Они были опубликованы в четвертом номере журнала за 1910 год вместе с рисунком Рериха, сделанным сухой кистью и тушью. За этим рисунком и пришел к художнику Блок.

Опираясь на стихи Блока и учитывая характер собеседников, можно с какой-то степенью достоверности судить о содержании их разговора. Главная «незабываемая пламенная веха» — это, конечно, эпоха Возрождения. Для обеих она олицетворялась могучей фигурой Данте.

Лишь по почтам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данте с профилем орлиным
О новой жизни мне поет.

В «Итальянских стихах» Блока находит неожиданный отзвук знаменитая теория перевоплощения, корни которой уходят в древние философско-поэтические восточные учения, в те годы увлекавшие Рериха.

Слабеет жизни гул упорный.
Уходит вспять прилив забот.
И некий ветр сквозь бархат черный
О жизни будущей поет.

Очнусь ли я в другой отчизне,
Но в этой сумрачной стране?
И памятью об этой жизни
Вдохну ль когда-нибудь во сне?

Кто даст мне жизнь? Потомок дожа,
Купец, рыбак или перей
В грядущем мраке делит ложе
С грядущей матерью моей?

— Почему-то всегда случалось,— говорит Рерих,— что общения наши всегда бывали какими-то особенными.

На вопрос Рериха, почему он перестал посещать модное в интеллигентских кругах Петербурга религиозно-философское общество, Блок отвечал кратко: «Там говорят о Несказуемом». Впрочем, этот лаконичный ответ имел внушительное добавление: пьесу «Балаганчик», где поэт беспощадно развенчал претенциозные мистерии русских теософов.

Документов, где Блок говорит о Рерихе, сохранилось немного. Но они весомы и показательны. Вот телеграмма, присланная поэтом в юбилей Рериха в декабре 1915 года:

«Горячо поздравляю любимого мною сурового мастера.
Александр Блок».

Вот письмо редактору журнала «Аполлон» Сергею Маковскому. Маковский просил у Блока на некоторое время рисунок Рериха к «Итальянским стихам» для нового произведения в печати. Блок пишет:

«Многоуважаемый Сергей Константинович!

Рисунок Н. К. Рериха вошел в мою жизнь, висит под стеклом у меня перед глазами, и мне было бы очень тяжело с ним расстаться даже на эти месяцы. Прошу Вас, не

сетуйте на меня слишком за мой отказ, вызванный чувствами, мне кажется, Вам понятными.

Искренне Вас уважающий

Александр Блок».

Чтобы понять всю значимость такого отношения Блока, надо вспомнить, какую высокой и строгой мерой мерил он искусство. Артистка Театра Комиссаржевской Веригина (она участвовала в постановке «Балаганчика» Блока) рассказывает:

«Когда я по привычке делилась с поэтом впечатлениями от прочитанного талантливого произведения, он неизменно говорил:

— Да, но ведь это не имеет мирового значения».

Для Блока представляло ценность лишь то, что «имеет мировое значение».

Живопись Рериха и стихи Блока соприкасаются на самых жгучих точках современного им бытия. В озареньях и предчувствиях они прозревают наступление нового мира. Они не только предвосхищают его (это еще полдела, и другие предвосхищали его, да только впадали от этого в отчаянье), но и принимают грядущие события с твердой душой. Они приветствуют их.

«В пене океанских волн каждый неопытный мореход находит хаос и бесформенное нагромождение,— пишет Рерих,— но умудренный опытом ясно различает и законный ритм и твердый рисунок нарастания волны. Не то же ли самое и в пене смятения народов? Так же было бы недальновидно не различить гигантских волн эволюции».

В поэме Блока «Двенадцать» некий вития «говорит вполголоса»:

«— Предатели!

— Погибла Россия!»

Весь энергический строй и утверждающий пафос поэмы служат ответом насмерть перепуганному кликуше. Не погибла Россия! Погибла — «копдовая, избяная, толстозадая»! И как тут не вспомнить Рериха: «Поверх всяких Россий есть одна незабываемая Россия».

«К черным озерам ночью сходятся индийские женщины. Со свечами. Звонят в тонкие колокольчики. Вызывают из воды священных черепах. Их кормят. В ореховую скор-

лупу свечи вставляют. Пускают по озеру. Ищут судьбу. Гадают.

Живет в Индии красота.

Заманчив Великий Индийский путь».

Это написано Рерихом в 1913 году. Художник вынашивает планы научной экспедиции в глубины Азиатского континента. Гипотеза о единых корнях индийской и русской культур требовала основательных доказательств и подтверждений фактами. Рерих полагал, что изучение Индии даст соответствующий материал. Откладывать на долгий срок это изучение нельзя, ибо надо считаться с возможностью, что далекая от индийских традиций английская культура сотрет или обезличит многое из того, что нам близко.

Первая мировая война помешала планам художника. Поэт Рерих пишет в стихотворении «Послан»:

Не подходи сюда, мальчик.
Тут за углом играют большие,
кричат и бросают разные вещи.
Убить тебя могут легко.
Людей и зверей за игрою не трогай.
Свирепы игры больших,
на игру твою непохожи.
Это не то, что пастух деревянный
и кроткие овцы с наклеенной шерстью.
Подожди — игроки утомятся, —
кончатся игры людей,
и пройдешь туда, куда послан.

Война помешала планам, но не сорвала их окончательно. После долгой и тщательной подготовки в 1923 году начинается экспедиция Рериха по маршруту Великого Индийского пути. Ее целью было «проникнуть в таинственные области Азии, в тайны философии и культуры безмерного материка». Задачи ставились большие. Предполагалось изучить памятники древности, отметить следы великого переселения народов, собрать сведения о современном состоянии религии и обычаев в странах Азии. И конечно, намечались чисто художественные задачи.

Сложная по своему характеру экспедиция разбивалась на несколько этапов. Маршрут Великого Индийского пути Рериха пролегал по территориям Монголии, Китая, Индии, Тибета. Проходил он и по азиатским областям Советского Союза. Завершающая стадия экспедиции готовилась в Монголии. Весной 1927 года, как только установилась караванная дорога, исследователи отправились в путь. В соста-

ве экспедиции — Рерих, его жена Елена Ивановна, правнучка фельдмаршала Кутузова, унаследовавшая героический дух своего предка, их сын — известный ученый-востоковед Юрий Николаевич Рерих. Северное нагорье Тибета. До столицы Тибета — Лхассы несколько переходов. И тут случилось непредвиденное.

20 сентября движение экспедиции останавливает вооруженный отряд тибетцев. Отобраны паспорта. Отобрано оружие. Район передвижения ограничен. Ни вперед, ни назад. Рерих и его спутники, по существу, на положении пленников.

Рерих шлет запросы в Лхассу. Он просит разрешить другой вариант движения экспедиции: минуя столицу Тибета, путешественники могут направиться в сторону индийского княжества Сикким. Тибетское правительство молчит.

Правда, спустя какое-то время оно не только разрешит, но и потребует, чтобы экспедиция повернула назад. Но уже началась зима. Идти в обратный путь по ненадежным горным тропам в такое время года значило обречь людей на неизбежную гибель. Путешественники остаются на месте.

Они очутились в условиях суровой зимы на высоте четырех с половиной тысяч метров. Без теплых палаток. Без теплого белья. А морозы ударили такие, что коньяк замерзал во флягах.

Рерих пишет письмо в Гангток — столицу Сиккима, единственный доступный им пункт цивилизованного мира, английскому политическому резиденту Бейли, с которым он встречался ранее. Затем тому же Бейли пишет Юрий Рерих. Письма остаются без ответа.

7

Что же случилось? Было ли трагическое положение экспедиции результатом бесчинства и самоуправства местных властей? Так полагал Рерих. Куда делись письма, направленные Бейли? Рерих думал, что они не достигли адресата. Но он ошибался.

В 1969 году советский журналист Митрохин, работая в национальном архиве в Дели, нашел эти письма. Он обнаружил их в папке, на которой стояло название «Дело Рерихов». Аккуратно подшитые, документы проливали свет на таинственные перипетии давних событий. Бумаги со-

держали сведения о полковнике Бейли, которого Рерих считал своим знакомым и к которому в трудную минуту он обратился за помощью.

Кто же такой Бейли? Это был крупный английский разведчик, умелый мастер диверсий и провокаций. Достаточно сказать, что в 1918 году его направляют в Ташкент для подготовки контрреволюционного мятежа. Оставаясь в тени, он организует покушения на советских дипломатических представителей, убирает со сцены видных деятелей национального и революционного движения Средней Азии. Есть данные, что он причастен к расстрелу 26 бакинских комиссаров. В 1920 году он еле-еле унес ноги из Туркестана, чудом избежав ареста. 1927 год застаёт Бейли в Сиккиме. Выполняя официальные функции британского политического представителя в княжестве, он является резидентом английской разведки.

«Интеллидженс сервис» давно уже обратила пристальное внимание на Рериха. По меньшей мере странным казалось его поведение, ибо он отказывался узаконить свое положение за рубежом, получив так называемый нансеновский паспорт (официальный «вид на жительство» русских эмигрантов в то время). Исключил он для себя и другую возможность: стать подданным другой страны. При его известности это не составило бы особого труда. Но Рерих продолжал считать себя гражданином страны, имя которой стало синонимом революции.

Далее. В декабре 1924 года, будучи проездом в Берлине, Рерих посетил советское полпредство и имел длительную беседу с советским представителем. Как явствует из ее записи, художник предложил предоставить в распоряжение Советского Союза все материалы, которые соберет его экспедиция. Он дал подробную информацию о положении дел в тибетском районе Азии, о методах проникновения англичан в Тибет, о расстановке политических сил в стране, о национально-освободительной борьбе народов Азии против чужеземцев. По просьбе художника его сообщение, записанное почти дословно, было направлено в Москву наркому иностранных дел Чичерину. Английская разведка не знала подробностей встречи, но настораживал сам факт посещения советского полпредства. За Рерихом устанавливают тайную слежку.

Выяснилось, что весной 1926 года он поддерживал тесную связь с сотрудниками советского консульства в синьцзянском городе Урумчи. Художник участвует в подготовке памятника Ленину: он делает эскиз пьедестала.

Рерих оставил советскому консулу завещание: в случае его гибели все имущество экспедиции и картины переходят в собственность русского народа.

Было еще одно убедительное подтверждение политической «неблагонадежности» Рериха: книга «Община». Она вышла в Монголии на русском языке с указанием, что «весь доход поступает в распоряжение республиканского фонда помощи беспризорным детям». Имя автора отсутствовало на обложке книги. Одни считали ее автором Рериха, другие — его жену. Но английских разведчиков не интересовали такие тонкости. Их интересовал текст книги, так или иначе связанный с именами Рерихов. А он гласил следующее:

«Учитель Ленин знал ценность новых путей. Каждое слово его проповеди, каждый поступок его пес на себе печать незабываемой новизны. Это отличие создало зовущую мощь. Не подражатель, не толкователь, но мощный камень новых руд. Нужно приять за основание зов новизны.

Тирания и военный империализм уже в зарождении носят признаки разложения. Короли, конституции могут вызывать лишь улыбку сожаления. Все комедии парламентов могут служить лишь пазиданием бренности жизни. Все псевдосоциалистические гримасы могут лишь внушить отвращение. Только сознание общины утверждает зволюцию биологического процесса.

Желающий посвятить себя истинному коммунизму действует в согласии с основами великой материи.

Почему на Востоке почитают Ленина? Именно за ясность построений и нелюбовь к условностям, и за веру в детей, как символ движения человечества.

Трудно рушится домик ветхих предрассудков. Прежде всего запомним, что невозможно удержать роды созревшего плода. Оглянемся на страницы истории. Пришло время освобождения мысли, и запылала костры, но мысль потекла. Пришло время народоправства, и загревели растрелы, но восприяли народы. Пришло время развития техники, ужаснулись стародумы, но двинулись машины, пуль-

сируя с темпом эволюции. Теперь пришло время осознания психической энергии. Все инквизиторы, реакционеры, стародумы и невежды могут ужасаться, но возможность новых достижений человечества созрела во всех неисчислимых возможностях мощи. Инквизиторы и реакционеры могут строить тюрьмы и сумасшедшие дома, которые пригодятся для них же, в виде рабочих колоний. Но созревшую степень эволюции отодвинуть нельзя».

И наконец — самое главное — британской разведке стала известна поездка Рериха в Москву. Уже на первых этапах экспедиции художника в Азию произошли встречи и события, которые заставили его на время отложить научные исследования. Прервав экспедицию, Рерих направляется в Москву. 13 июня 1926 года Николай Константинович Рерих, его жена и сын Юрий Николаевич прибыли в столицу Советского Союза. Состоялись встречи с Чичериным, Луначарским, Крупской. Рерих передал Чичерину послание Махатм (учителей) индийского народа:

«На Гималаях мы знаем совершаемое Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения домов Общего Блага!

Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность Вашего движения и посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая Единение Азии! Знаем, многие построения совершатся в годах 28—31—36. Привет Вам, ищущим Общего Блага!»

Николай Константинович передал также Чичерину от имени тех же Махатм ларец со священной для индийцев гималайской землей: «На могилу брата нашего Махатмы Ленина». Так было сказано в послании.

Трудно сразу охватить факт во всей его глобальной значимости. С высоты нашего времени становится понят-

ным, что это не было актом сугубо символического характера, это было актом пророческого предвидения, закладкой камня в фундамент индийско-советской дружбы, которая ныне является столь важным фактором мира во всем мире.

Вряд ли британская разведка знала содержание письма Махатм. Но досье Рериха и без этого пополнилось новыми грозными обвинениями: поездка в Москву, встречи с большевистскими лидерами... Вывод был сделан решительный: Рерих — «агент Коминтерна» и «большевистский эмиссар».

По официальным и тайным звеньям британского аппарата отдается распоряжение: всеми имеющимися средствами сорвать экспедицию, ни в коем случае не допускать ее появления в Тибете и Индии. Непосредственное руководство операцией поручалось Бейли.

Формально Тибет не входил в состав Британской империи, поэтому запретить экспедицию при помощи хитроумных законов колониальной системы английские власти не могли. Но англичане были фактическими хозяевами в Тибете. В Лхассу они посылали не просьбы, а приказы или рекомендации, имеющие силу приказа.

31 октября 1927 года из Лхассы на имя Бейли поступает сообщение, что экспедиция Рериха во исполнение имеющейся договоренности остановлена. В свою очередь Бейли информирует Дели, что экспедиция «не угрожает» Британской империи, так как, следуя его указаниям, тибетские министры не допустят русских исследователей в Центральный Тибет.

А положение русских исследователей ухудшалось с каждым днем.

«Кончались лекарства, кончалась пища, — пишет Рерих. — На наших глазах погибал караван. Каждую ночь иззябшие, голодные животные приходили к палаткам и точно стучались перед смертью. А наутро мы находили их павшими тут же около палаток, и наши монголы оттаскивали их за лагерь, где стаи диких собак, кондоров и стервятников уже ждали добычу. Из ста двух животных мы потеряли девяносто два. На тибетских нагорьях остались пять человек из наших спутников...»

Вынужденная остановка растянулась на пять с половиной месяцев. Но кончилась зима. Тибетские министры, полагая, что все, о чем их просили, сделано, разрешили продолжить путь в направлении индийского княжества Сикким. Узнав об этом, Бейли приходит в ярость. Он отправляет в Лхассу раздраженное послание:

«Нам не нужны эти люди в Индии, поэтому я телеграфировал, чтобы вы их отправили тем же путем, каким они пришли».

«Ганнибал у ворот!» Экспедиция Рериха приближается к индийской границе! В водоворот событий вовлекаются крупные политические фигуры страны.

19 апреля 1928 года вице-король Индии сообщает в Лондон о положении дел и высказывает мнение, что на определенных условиях экспедицию можно допустить в Индию, поскольку это было бы менее вредным, нежели ее дальнейшее пребывание в Тибете.

Лорд Биркенхед, государственный секретарь по делам Индии в английском кабинете, получив сообщение вице-короля, обсуждает вопрос с Остином Чемберленом. Не без некоторых колебаний маститые государственные мужи приходят к заключению: экспедиции Рериха можно проследовать через территорию британской колонии.

В мае путешественники пересекают границу Индии. Рерих отправляет во все концы земли телеграммы и письма о судьбе экспедиции, которую многие (и не без оснований) считали погибшей. Агенты британской тайной службы негласно задерживают послания художника. Бейли шифром передает телеграммы Рериха в Дели (а в них излагалась трагическая правда об осаде и пленении экспедиции) и рекомендует арестовать корреспонденцию Рериха. Но вице-король отменяет распоряжения Бейли. «Наша задача, — объясняет он ретивому разведчику, — чтобы как можно дольше избегать риска раскрытия факта о нашем соучастии в так называемом бесчеловечном обращении Тибетского правительства».

Распоряжения начальства не оспариваются. Приходится делать хорошую мину при плохой игре. Из путевого дневника Рериха: «После Сеполя мы спустились через Тангу и в Ганток и были радушно встречены британским резидентом полковником Бейли, его супругою и махараджею Сиккима».

Итак, пять с лишним лет напряженных трудов и опасностей позади. Закончена экспедиция, которая продолжила во многом и завершила исследования великих русских путешественников — Пржевальского и Козлова. Участники экспедиции достигли таких пунктов Тибета и Гималаев,

куда до них не ступала нога европейца. После нелегкой и длительной борьбы (на этот раз с казуистическим крючкотворством британской бюрократии) Рерих выговаривает себе право поселиться в долине Кулу, у подножия Гималаев. На базе богатейших материалов экспедиции создается Гималайский институт научных исследований. Институт с поэтическим названием «Урусвати» («Свет утренней звезды») ставит целью объединить усилия ученых всего мира по изучению фауны и флоры Азии, по изучению истории и искусства Азии. Устанавливаются контакты с советскими учеными. Сотрудники Рериха посылают образцы семян и растений директору Всесоюзного института растениеводства Николаю Ивановичу Вавилову. Один из биографов художника Теодор Хеллин писал: «Для человека героического роста, как Рерих, земля не могла предоставить более подходящей рамки, нежели Гималаи, где он провел заключительную часть своей богатой и плодотворной жизни».

Начиная «индийский», самый зрелый, самый насыщенный период творчества Рериха. Гималайская серия картин становится вершиной его мастерства. Впечатления от полотен не укладываются в сухие формулы и термины. Исследователь творчества Рериха вынужден то и дело переходить на язык поэтических образов.

«Временами горы Рериха напоминают гигантские минералы, излучающие цветовую энергию... От контрастного соседства воспламеняются, загораясь, краски. Полыхает красное марево диковинных горных закатов и восходов, интенсивно флуоресцируют бархатисто-синие дали. Не случайно поэтому создается впечатление, будто художник пишет растертыми драгоценными камнями: кораллами, лазуритом, янтарем, изумрудами».

Художника величают Мастером гор. Но кисть его, разумеется, трудится не только над пейзажами. Его творческим воображением с новой силой владеют «всемирные, прекрасные и достоверные образы», ставшие легендарными. Основная тема художника все та же — напряжение борьбы сил света и тьмы, столкновение светлых и темных стихий земли и неба...

Под давлением мирового общественного мнения британские власти были вынуждены отступить. Но это вовсе не означало, что они примирились с художником. С первых дней пребывания в Индии за ним учреждается полицейский надзор. Его имя, равно как и имена членов его семьи, было включено в списки подозрительных лиц.

Рерих догадывается о слежке, да и трудно было не догадаться: полиция не утруждала себя тщательной маскировкой. Но, судя по письмам и выступлениям художника, его это не особенно тревожило. Правда, в некоторых письмах, в частности в письмах к латышским энтузиастам из Общества имени Рериха, он соблюдает осторожность, но делает это для того, чтобы не подвести своих корреспондентов. Живя в условиях буржуазной демократии, они по разным причинам не спешат пользоваться благами этой «демократии». Поэтому договариваются о шифре. Швеция отныне будет обозначать Советский Союз, Стокгольм — Москву; антишведская значит аптисоветская и т. п.

Впрочем, когда дело касается принципиальных вопросов, конспирация забывается. В 1937 году Рерих пишет специальное письмо о некоей Дефрис (сейчас трудно установить, кто она такая и какой материал она пыталась предложить в юбилейный рериховский сборник: отмечалось сорокалетие его творческой деятельности).

«Письмо Клечанды, конечно, можно поместить среди приветствий, но троцкистское словоизвержение Дефрис, конечно, выбросьте совсем, имени ее не поминайте и вообще прекратите с ней всякие сношения. Эта личность сродни нью-йоркским троцкистам, и мы дали ее адрес, лишь чтобы убедиться в троцкистских мировоззрениях...

Если бы троцкистка опять стала к Вам приставать, то вы ответьте ей, что ее письмо вообще запоздало, чтоб на этом и кончить всякие сношения».

Замечательна четкость политических симпатий и антипатий автора письма. Знаменательно, что для Рериха, как и для всех советских людей, слово «троцкизм» — синоним предательства.

— Любопытное дело о нас хранится в архиве здешних начальников, — сказал однажды Рерих, — лишь бы не уничтожили — уж очень показательно.

Он оказался прав. Дело Рерихов, хранящееся в архиве, очень показательно. Если бы художнику удалось его перелистать, то прежде всего он наткнулся бы на предписание департамента внутренних дел от 1 июня 1928 года: «...следить за всеми передвижениями и деятельностью Рериха». За сим следовала инструкция, адресованная пенджабской полиции: в добавление к случайным и экстраординарным донесениям присылать в Дели детальные полугодовые отчеты о Рерихе и его научной деятельности.

Чины английской службы единодушны насчет Рериха. Помощник вице-короля Ачесон заявлял: «Основной факт,

который должен определять... отношение к Рериху в настоящее время, является его визит в Москву... Одно это должно убедить нас, что он — потенциальный советский пропагандист и агент».

Английский посол доносил из Пекина, что, судя по эмигрантским слухам, Рерих давно является членом партии большевиков. А глава британской разведки в Дели Уильямсон полагал: «Рерих просто-напросто временно замаскировался в Индии, чтобы развернуть в дальнейшем активную коммунистическую пропаганду». Поэтому Уильямсон ставит перед агентурой задачу выяснить, не находится ли он в контакте с кем-нибудь из известных коммунистов в Индии.

Но венцом «детективной литературы» о художнике было фантастическое заявление (соответствующий документ аккуратно подшит к делу), в котором утверждалось, что Рерих и его сын Юрий собираются возвысить «себя до уровня Далай Ламы и установить большевистский контроль до границ Индии!»

9

— Чего только не было! — восклицает Рерих. — Всякие враги нападали, всякие грабители ограбляли, угрожали, разрушали. И опять битва становилась неизбежной. А зло-речие-то! А зависти-то, зависти сколько!

Конечно, вокруг Рериха (как это всегда бывает с выдающимися фигурами) время накапливало апокрифические рассказы. Легенды о художнике могли бы составить целую книгу. В ней он предстал бы в фантастическом облике белого мага, от сурового взгляда которого седеют люди. По воде он ходит как по суху. Он выставляет навстречу ружьям грудь, а пули не могут поразить его (из рассказов тибетцев). А над его домом в горах каждую ночь горят огни, наподобие огней святого Эльма.

— В разных странах пишут о моем мистицизме, — жалуется художник. — Толкуют вкривь и вкось, а я вообще толком не знаю, о чем эти люди так стараются... Все туманное и расплывчатое не отвечает моей природе.

В другом случае он говорит еще более резко: «Я не люблю слова «мистика» или «окулльтизм», ибо и то и другое лишь синонимы невежества». В интервью Давиду Бурлюку на вопрос «Считаете ли себя мистиком?» художник ответил:

— Я верю только в то, что существует в природе. На Востоке люди чувствительны — они знают внутренне больше, чем мы.

Несомненно, что увлеченность Востоком (там «знают внутренне больше, чем мы»), увлеченность восточной философией наложили определенный отпечаток на высказывания Рериха. Иногда они дают повод объявить художника идеалистом. Но такие суждения свидетельствуют не только о поспешности, но и о схематизме и упрощенчестве. Слишком прямолинейно порой мы подходим к Рериху, забывая о том, что он одновременно выступает в двух ипостасях: как художник и как ученый. Причем художник и поэт всегда берут в нем верх над ученым. Поэтому его формулировки подчас не терпят прямого толкования (иногда это может привести к неверным, по сути дела, выводам). Они далеко не всегда подчинены строгой логике научного мышления. Как правило, любое положение Рериха, выдвинутое в виде лозунга или научного определения, содержит в себе образ или символ, которым художник хочет воздействовать на эмоции человека.

Индийская философия, которую Рерих постоянно изучал, неоднородна по своему составу. Здесь соседствуют идеалистические и материалистические концепции. Она вобрала в себя живые элементы традиционной индийской культуры. В ней, в этой философии, нашел выражение духовный и психический склад народа Индии.

Уже сама ее поэтическая символика, образы космического масштаба, которыми она оперирует с такою легкостью, не могла не захватить воображение художника. В письме к Горькому Владимир Ильич Ленин сформулировал чрезвычайно важную мысль: «...я считаю, что художник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии». «Во всякой философии». А в данном случае мы имеем дело с философскими источниками, в которых сконцентрировался колоссальный этический и эстетический опыт народа Индии. Мы имеем дело с мышлением, которое привыкло выступать облеченным в смелые, грандиозные (не лишенные подчас религиозной окраски, но всегда исполненные интенсивной земной жизни) художественные образы. Это огромный и глубокий мир, не свободный, естественно, и от противоречий. Он в значительной мере определил духовный поиск Рериха, повлиял на его мировоззрение. Но он не обезличил художника, не растворил его в себе. Наоборот. Богатства духовного континента Индии были освоены и переплавлены его творческим

геннем в яркие, отличающиеся неповторимой самобытностью произведения.

Невероятные легенды, когда они доходили до художника, поражали его своей абсурдностью. «Какой это страшный бич невежественности — говорить о том, чего не знаешь. И как многие, казалось бы, цивилизованные люди грешат этим».

Конечно, к полуфантастическому эпосу о Рерихе приложили руку и некоторые его экзальтированные друзья. Но главным образом здесь постарались недоброжелатели и прямые враги.

Рериха всерьез интересует природа клеветы, природа чувства зависти, порока, по замечанию Бальзака, не приносящего никакой выгоды. Он подходит к проблеме с позиции ученого, пытается создать объективную картину. Не ново существование клеветы. Но методы ее (в целях борьбы с нею) обязательно должны быть изучены. И Рерих анализирует эти методы.

«Клевета в своей тупости старается поразить утверждением, что писатель никогда не писал своих сочинений, а художник даже не притрагивался ни к одному холсту, а изобретатель, конечно, украл все свои изобретения».

Как объяснить психологию «мрачных тушителей», притупивших в себе радость, умаляющих все и вся? Уж не болезнь ли это особого рода? Рерих предлагает придумать для нее звонкое латинское название. Сам же он именует ее «завистливой лихорадкой» и «судорогой ненависти». Как же лечить эту болезнь? Прописать ледяной душ — пока не одумаются? Но, увы!

«Тушителей не исправить. Как неизлечимая мозговая болезнь. Кто знает — может быть, хроническое разжижение мозга. Но опасность в том, что эти носители микробов заражают все на пути своем. Как говорится: «и трава не растет на следу их»!

Они прикидываются авторитетами, запасаются иностранными терминами. Окутываются лживою ласковостью. Полны всяких уловок — лишь бы повлиять на слушателей, лишь бы протолкнуть разложение в мозг молодежи. Они особенно охотятся за молодежью.

Опасайтесь!»

Правда, Рерих понимает, что клевета, отрицание, умаление неизбежны (если человек творит большое позитивное дело). Враждебные наскоки являются даже своеобразным признанием заслуг. «Тот, кто не был преследован за благо, тот и не являл его». Одну из статей Рерих ирониче-

ски озаглавил «Похвала врагам». Позиция олимпийского спокойствия ни в коей мере не устраивает его. Если появился ядовитый газ, надо позаботиться о противогазе.

Когда речь заходит о клеветниках, Рерих не заботится о парламентских выражениях. Его голос обретает высокие ноты. Как некий судья, он повторяет суровое библейское выражение: «Клеветник, псу подобно, пожрет свою блевотину».

Клеветники и тушители многообразны, но есть одна черта, роднящая их всех, без исключения, — духовная нищета. Именно нищета, потому что ничего своего творческого придумать они не могут. Могут лишь перевернуть вверх ногами, как переворачивают распятие, служа черную мессу. Могут лишь объявить белое черным. Чем грубее и примитивнее ложь, тем лучше. Нет нужды, что она вопиет против очевидности.

Житейские мудрецы давно заметили — «клеветайте, клеветайте всегда, что-нибудь останется». И вот появляется такая характеристика Рериха: «Человек он был несомненно умный, хитрый, истый Тартюф, ловкий, мягкий, обходительный, гибкий, льстивый, вкрадчивый, скорее недобрый, себе на уме и крайне честолюбивый. О нем можно сказать, что интрига была врожденным свойством его природы». Эти слова принадлежат князю Щербатову, известному по преимуществу антисоветскими высказываниями. Воспоминания Щербатова (он знал Рериха до революции) опубликованы в 1954 году в Нью-Йорке. Они бы не заслуживали никакого упоминания, если б не одно обстоятельство. В 1971 году в Ленинграде вышла книга воспоминаний о Валентине Серове (редакторы-составители И. С. Зильберштейн и В. А. Самков). В первом томе помещены два очерка Рериха о художнике, с которым он был дружен. В коротенькой аннотации, предваряющей статьи Рериха, составители сочли необходимым (ведь нужно дать читателю «исчерпывающие» сведения о Рерихе!) поместить выдержки из мемуаров князя Щербатова с добавлением (теперь уже от себя), что человеческие свойства Рериха «большинству людей, с ним соприкасавшихся, не импонировали». Трудно понять и объяснить намерения редакторов... Ведь нужны специальные усилия, чтобы раскопать такое. И нужна определенная направленность, чтобы, раскопав такое, поверить и обрадоваться. Воистину: «клеветайте, клеветайте всегда, что-нибудь останется».

Эмигрантская пресса (Щербатов что, это еще цветочки!) вела травлю Рериха с особым ожесточением. У нее

были свои причины не любить художника. Рерих прекрасно отдавал себе отчет, за что ему оказана столь «высокая честь».

«Главное обвинение было, почему я хвалю достижения русского народа. Мракобесы хотели, чтобы все достижения нашей Родины были стерты, а народ надел бы фашистское ярмо. Всякие радзаевские, вонсядские, васьки ивановы, юрии лукины, суворины, семеновы и тому подобные темные личности изрыгали всякую клевету и поношения на всех, кто не с ними. Но кто с ними? Подонки, потерявшие облик человеческий.

Счастье в том, если оказываются врагами те, которые в сущности своей и должны быть такими. А друзьями пусть будут те, кому и подлежит быть и кем можно гордиться. Представьте ужас, если б фашисты начали хвалить вашу деятельность. Но судьба хранит, и в списке врагов те, кому там и быть подлежит».

В списке врагов оказался и бывший редактор журнала «Аполлон» Сергей Маковский. Кампания против Рериха не прекратилась со смертью художника, и в 1956 году Маковский выступает в парижской газете «Русская мысль» со статьей «Кто был Рерих?». Можно подумать, что Маковский задался целью на более или менее современном материале воскресить «сказки Шахразады». Для начала он объявляет Рериха потомком «латыша-колдуна», унаследовавшего от своего предка мистические способности. Затем следуют картины одна эффектнее другой. Вот Рерих, словно монарх, раздает своим приближенным ордена, усыпанные бриллиантами. Вот в индийском дворце он восседает на троне, а у ног его ползают паломники.

Это ответ на вопрос: «Кто был Рерих?» А теперь ответ на другой вопрос: «Почему он рухнул?» Ибо, пытаясь выдать желаемое за действительное, Маковский утверждает, что Рерих «рухнул» как «художник-мыслитель и международный деятель». Почему? Маковский все знает: «Беда стряслась вскоре после того, как Рерих по дороге в Тибет побывал в Москве». Живуча память у ненависти. До сих пор не могут забыть.

И опять показательно, как противник, яростно стараясь развенчать Рериха, приписывает ему силу необычайную. «Сами не замечаете, как сделали Рериха не только всемогущим, но и вездесущим», — говорил в свое время о таких нападках Куинджи.

В 1926 году в Москве знакомые спрашивали Рериха: — Николай Константинович, вы что, решили совсем перебраться на Родину?

Художник отвечал:

— Но ведь я же и не перебирался за границу. Я путешествовал и намечаю новые путешествия, а совсем уезжать из России — такого вообще не приходило мне в голову.

Подводя итоги многолетних трудов и путешествий, Рерих записывает в дневник:

«В 1926 году было уговорено, что через десять лет и художественные, и научные работы будут закончены. С 1936 начались письма, запросы... Ждали вестей».

Вторая мировая война все перевернула. Оборвалась переписка. Сроки отодвинулись.

В 1942 году в доме, из окон которого открывалась величественная панорама Гималайских гор, семья Рерихов отмечает необычный юбилей — четверть века своих странствий. Их четверо: всемирно известный художник и мыслитель Николай Константинович Рерих, его жена Елена Ивановна — автор литературно-философских работ, запечатлевших дух и поэзию восточной мудрости, старший сын Юрий — директор института «Урусвати», тонкий и глубокий знаток живых и мертвых языков народов Азии, младший сын Святослав, как и отец, посвятивший свою жизнь живописи. Рерих пишет: «Каждый из нас четверых в своей области накопил немало знаний и опыта. Но для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. Много где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг мы не отклонялись от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азийским тропам».

И еще одна знаменательная запись в дневнике: «Если человек любит родину, он в любом месте земного шара приложит в действие все свои достижения. Никто и ничто не воспрепятствует выразить на деле то, чем полно сердце».

Вдали от Родины, среди сверкающего великолепия гималайских снегов художник ощущает себя полномочным духовным представителем русского народа. Разнообразнейших людей, встретившихся ему «среди странствий на полях культуры» — и не только на полях культуры, — он хо-

чет делить по признаку душевного расположения к русскому народу.

Любая несправедливость по отношению к России, любой выпад против русской культуры возмущает все существо художника, воспринимается как личное оскорбление. Он откладывает кисть, дабы взяться за перо.

«Сколько новых незаслуженных оскорблений вынес народ русский! Даже самые, казалось бы, понятные и законные его действия зло толковались. То, о чем в отношении других стран деликатно умалчивалось, то вызывало яростные нападки иноземного печатного слова. При этом потрясающе было видеть неслыханное вранье, которое никогда не было опровергнуто. Малейшая, кажущаяся неудача русская вызывала злобное гоготание и поток лжи, не считаясь с правдоподобием. Все это остается во внутренних архивах.

Остается также и то, что победы русских были исключены на Западе из исторических начертаний. А если уже невозможно было не упомянуть об удачах, о строительстве русского народа, то это делалось шепотом, в самых пониженных выражениях».

Рериху нравится слово «дозор». Одну из своих книг он назвал «Священный дозор». Пафос книги, вышедшей в 1934 году в Харбине, таков, что по допуску русских эмигрантов ее конфискуют. Художник и впрямь живет на положении дозорного, который все время напряженно всматривается в даль: а не предпринял ли враг новую вылазку против России?

Зарубежные издания предвоенных лет, отвечая растущему интересу к нашей стране, печатают пространные обзоры русского искусства и литературы. Это, казалось бы, должно радовать, но не только не радует, а огорчает, а заставляет выступать с отповедью:

«Вместо широкого и справедливого исторического обзора почти все иностранные авторы избирают себе одну какую-то группу и, фаворизируя ей, попирают и стараются умалить все остальное. Иногда избранная группа модернична, другой раз избирается группа самая старая, но и то и другое не может дать чужеземным народам веское и справедливое представление о развитии искусства нашей родины. Совершенно непонятно, к чему некоторые писатели для прославления одного явления непременно должны охаять все остальное. Так или иначе все явления искусства имеют свою преемственность. Некоторые шаги новаторов бывают очень стремительны, и тем не менее для пол-

ного понимания их необходимо знать и все бывшее. Кажущиеся противоречия искусства делаются еще более обоснованными, когда мы знакомимся с их истоками... Поистине, распространение неверных сведений есть особо вредное невежество».

В современном мире единственный жизненный пример — Россия. Мысли, изложенные в свое время поэтически-возвышенным слогом в письме Махатм и книге «Община», получают наглядное жизненное подтверждение. Рерих раскрывает «Манчестер Гардиан». Читает заголовок статьи: «Мир движется к социальному строю».

«Правильно,— замечает художник.— Но в чем же главная ценность этого строя? Конечно — в возрождении человечности, в культурности. Если, бывало, царствовал мрачный завет: «человек человеку волк», «человек человеку враг», то социальный строй решительно заявит: «человек человеку друг».

...Демократия звучит недостаточно определенно. Недавно мы спросили одного видного деятеля: «Что такое демократия?» Он рассмеялся и сказал: «Это то, что в данное время удобно». Значит, понятие расплывчато. Но социальный строй — это уже определительность. В значении слова уже заключены и союз и кооператив — словом, все, чем преуспела Русь».

Понятия «Россия» и «человечество», по словам Рериха, сочетаются разумно, и в этом он видит величайшее историческое достижение.

«Радуется сердце о славе русской». Этими словами можно объединить бесчисленные выступления, статьи и письма художника, как опубликованные, так и неопубликованные.

«Даже закоренелые в предрассудках поняли, что мировая ось зиждется на русской мощи. «Разве не зришь, как нагнетается ось мировая?» — спрашивал Вергилий. Тогда поэт не мог знать, что лишь образовывался народ, которому суждено будущее. И какое славное будущее! Вот и пришло оно, когда уже опочили и первый, и второй Рим.

Прекрасно, что нелегко завоевалось это будущее. Легкое строение от первого вихря и развалится. Великие камни сложил народ русский. На диво всем воздвиг не вавилонскую, но русскую башню. Стобашенный Кремль солнцепосев!»

В торжественный день советского праздника Рерих настраивает приемник на московскую волну. Гремят фанфары. «Если завтра война, если завтра в поход...» Под звуки

марша начинается парад. Приветствия, музыка. Нарастающий грохот артиллерии, танков, самолетов. Эхо первомайского радио наполняет гималайскую долину.

1 мая 1941 года. До начала Великой Отечественной войны оставалось пятьдесят два дня.

11

«Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах — будем оборонять».

Война! Скорбные вести о поражениях и отступлении. Устрашающие заголовки газет. Но вера в победу не изменяет художнику ни на мгновение. Эту веру питает тысячелетняя история Родины от самых древнейших времен.

«В грозе и молнии кует народ русский славную судьбу свою. Обозрите всю историю русскую. Каждое столкновение обращалось в преодоление. Каждое разорение оказывалось обновлением. И пожар и разор лишь способствовали величию земли русской. В блеске вражьих мечей Русь слушала новые сказки, и обучалась, и глубила свое неисчерпаемое творчество.

Потрясения лишь вздымали народную мощь, накопленную и схороненную, как силушка Ильи Муромца».

В эту трудную годину художник старается быть особенно полезным Родине. Он организует выставку своих картин, чтобы деньги, полученные от их продажи, направить в фонд помощи Советской России. Его сыновья Юрий и Святослав телеграфируют в Лондон советскому послу Майскому. Они просят принять их добровольцами в Красную Армию.

...Май 1942 года. В дневнике Рериха появляется запись: «Неделю у нас Неру с дочкою». Художник излагает впечатление от гостя:

«Славный, замечательный деятель. К нему тянутся. Каждый день он кому-то говорит ободрительное слово. Наверно, сильно устает. Иногда работает до четырех часов утра... Добро, добро около Пандитджи. Все чувствуют, что он не только большой человек, надежда Индии, но и честнейший, добрый человек. Эти два ощущения очень важны в наши дни. К доброму сердцу тянется все доброе естество. Мечтают люди о справедливости и знают, что она живет около доброго сердца. Трогательно, когда парод восклицает: «Да здравствует Неру!»

Рерих выделяет главные аспекты этих бесед.

«Говорили об индо-русской культурной ассоциации. Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной».

Война в самом разгаре. Германский вермахт готовится к решающему броску. Впереди — Сталинград. Кто кого? — гадают газеты. Ставится под сомнение само существование Советского государства. А взгляд художника спокойно устремлен в будущее. Он считает, что настала пора думать о конкретных формах индийско-советского содружества. Он по-деловому озабочен этим. В предвидении новых времен Рерих начинает издавать на свои средства ежемесячник «Новости Советского Союза», дабы правдивые вести о Советской стране хоть в какой-то мере могли противостоять потоку дезинформации, замаскированной, а подчас и незамаскированной клеветы. Этот поток, увы, не смогла остановить даже война. Все обстояло не так просто, хотя Британская империя и числилась нашим союзником. Рериху приходилось порою объяснять азбучные вещи. Вот его ответ на чье-то послание:

«Вы пеняете, зачем я называю русский народ великим. Но как можете вы во дни величайшего русского подвига сомневаться в истинной сущности нашего народа? Вы судите прискорбно опрометчиво. Вы говорите о том, чего не знаете, а ведь это уже свойство несправедливости...

Ведь вы многого не знаете, но должны бы знать, что русская мощь разбила сильнейшую германскую армию. Без здоровья физического и морального такой подвиг не может быть совершен».

Во всем видит художник проявление и признание русской мощи. Как известно, во время Тегеранской конференции руководители западных держав Рузвельт и Черчилль были вынуждены укрыться за стенами советского посольства, ибо на их жизнь фашистская агентура готовила покушение. Об этом они сами заявили корреспондентам. Рерих пишет: «...русский оплот оказался вернее. Под русское крыло притулились союзники не только на поле брани, но даже и в совещании».

Показательно, что союзники открыто, «для прессы» всего мира, признаются в русской краеугольности. Пусть даже заподозрят их в робости, но они правду не скроют. Говорят всему миру: «За русским порогом — вернее. За русским щитом — безопаснее».

Победа! Перевернута великая страница истории.

С восторгом узнает художник о заявлении влиятельной американской газеты: «Грядущая эпоха будет Русским веком».

«Произошло явление неслыханное в истории человечества. Друзья всемирно выросли. Враги ахнули и поникли. Злые критиканы прикусили свой ядовитый язык. Не только преуспела Русь на бранных полях славы. Она успела в трудах...

...И все такое неслыханное достижение творится самобытно, своими особыми путями. Многие народы прислушались к действию Русскому и приходят к тем же решениям.

...Народ Русский научился ценить прошлое. По завету Ленина Русский народ сбережет достижения старого знания, без них новой культуры не построить. «Знать, знать, знать», «учиться, учиться, учиться».

На Руси будет праздник. Позовет к нему народ всех кто принес пользу Руси, взаимно улыбкою обменяются сотрудники всех веков. Для Русского века потребуются неограниченное знание. Вся всенародная польза будет собрана. Все русские открытия вспомнутся. И первопечатник Федоров и все безвестные изобретатели и исследователи будут вновь открыты и добром помянуты. Перемигнется народ со всеми, кто сеял добро.

К Русскому веку русский народ может показать много былых достижений. А все русские подвиги нынешних дней славно возвысятся на празднике Русского века. И ведь не сами выдумали такое будущее. Из-за океана увиделось предназначение судьбы Русской. Русский век!»

Война окончена. Теперь Рерих не видит препятствий к возвращению на Родину. Он хлопочет о въездных документах. Упаковывает картины в ящики, готовит их к отправке в Москву. Среди радостных волнений его настигает болезнь.

13 декабря 1947 года художника не стало.

12

ПОДВИГ

Волнением весь расцвеченный,
мальчик принес весть благую.
О том, что пойдут все на гору.
О сдвиге парода велели сказать.
Добрая весть, но, мой милый
маленький вестник, скорей
слово одно замени.
Когда ты дальше пойдешь,

ты назовешь твою светлую
новость не сдвигом,
но скажешь ты: подвиг!

В стихотворении нет слова «Россия». Но прямого упоминания здесь и не требуется. Предвидение Рериха, облеченное в поэтическую форму, датировано 1916 годом. Тем же предреволюционным годом помечен его очерк «Неотпитая чаша», где говорится:

«...Пройдет испытание. Всенародная, все трудовая Русь
страхнет пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберется сил. Найдет клады подземные.

Точно неотпитая чаша стоит Русь.

Неотпитая чаша — полный целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила.

Русь верит и ждет».

Впоследствии он прояснит свое понимание чрезвычайно важной для него мысли о подвиге:

«Еще не так давно люди говорили о сдвиге, но теперь исполнилась уже следующая ступень, и мечта о сдвиге превратилась в светлую мечту о подвиге».

«Слова «подвиг» почему-то иногда боятся и иногда избегают. Подвиг не для современной жизни, так говорят боязливые и колеблющиеся, но подвиг добра, во всем всеоружии, заповедан во всех веках. Не может быть такого века, такого года и даже такого часа, в течение которого подвиг мог бы быть неуместным».

Электрическая и духовная сила стихотворения сконцентрирована в слове «подвиг», слове, взятом из героического лексикона русского народа. С гордостью пишет художник, что лишь в русском языке живет это слово «...во всей его возвышенности и поступательности». В других языках такого понятия нет. «Подвиг дан тому, кто может устремляться во имя общего блага. Русский народ уже много раз доказал свое бескорыстие, и потому он достоин и подвига».

Стихотворение биографично. Оно проникнуто ощущением важности новой миссии художника («О сдвиге народа велели сказать»). Выражение «маленький вестник» в образной системе поэта Рериха имеет вполне определенное значение. Впрочем, его можно заменить или дополнить (это как угодно) русским словом «подвижник», тоже непереводимым на другие языки, ибо оно образовано от слова «подвиг».

В свое время Ромен Роллан заявил: «Я ставил перед собой парадоксальную задачу: объединить огонь и воду, примирить мысль Индии и мысль Москвы... Доктрина СССР и доктрина гандистской Индии представлялись мне (а Ганди это и сам признает относительно своей доктрины) двумя опытами, двумя самыми спасительными опытами, единственно спасительными, могущими предотвратить катастрофу, нависшую сейчас над человечеством».

То, что для Романа Роллана было только предчувствием и далеким зовом, для Рериха становится программой действия. Вся жизнь художника, к которой приложим эпитет «подвижническая», была отдана сближению двух великих начал. И по справедливости в надписи, высеченной на памятнике-обелиске художника, стоят рядом имена двух стран, ради единения которых он жил и творил: «Здесь в декабре 1947 года было предано огню тело Николая Рериха — великого русского друга Индии. Да будет мир».

Глава третья

«ДУХОВНОЕ СРОДСТВО С ИНДИЕЙ»

1

Запад есть Запад. Восток есть Восток,
и с мест они не сойдут,
пока не предстанет Небо с Землей
на Страшный господень суд.

Звучные стихи Киплинга были знаменем своего времени. Они четко отвечали тенденции: разделить породы, возвести духовный барьер между культурами Запада и Востока. Но барьер казался неодолимым препятствием лишь его создателям. «Слово «единство» зовет еще раз, — писал Рерих, — и стираются условные наросты Запада и Востока, Севера и Юга, и всех пыльных недоразумений».

В Индии Рериху задают все тот же большой вопрос: какая разница между Востоком и Западом? Художник отвечает шуткой: «Самые прекрасные розы Востока и Запада одинаково благоухают». А в альбом своего друга он записывает: «Несгораемый светоч сияет. Во имя красоты знания, во имя культуры стерлась стена между Западом и Востоком».

Определить правильное направление духовного поиска

и творческой мысли уже означает двигаться к победе, ибо на этом пути встречаются лучшие стремления людей Запада и Востока. С радостью замечает Рерих, что на заседании от 5 февраля 1929 года Азиатского общества Бенгала президент общества д-р Рай Унепда Нат Врамачари Бахадур заявил: «Теория, что «Восток есть Восток и Запад есть Запад и никогда близнецы не встретятся», по-моему мнению, отжившая и окаменелая идея, которую нельзя поддерживать».

— В самом же деле, где же этот Восток и Запад? — подхватывает близкую ему мысль художник. — Я не умаляю ни Запада, ни Юга, ни Севера, ни Востока, ибо в сущности эти разделения и не существуют. Весь мир разделен только в нашем сознании.

И уж во всяком случае не искусственными теориями и не окаменевшими догмами определяется современный действительно существующий водораздел. Рерих призывает делить мир не по географическому признаку (вот это Запад, а это Восток), а различать повсюду старый и новый мир.

Веками складывалось предубеждение против Азии. Во многом этому содействовала бульварная литература. В меру сил постарались экономисты, историки, философы (конечно, не все, но многие). Они акцентировали свое внимание на темных и отрицательных сторонах многоликой жизни Востока. Вот и получалось вольное или невольное оправдание колониальной системы: дескать, именно с ней в царство невежества и мрака хлынул свет с Запада.

Рерих вступает в прямую полемику с открытыми и замаскированными отрицателями духовных и культурных достижений народов Востока. В своих доказательствах он документален. Уже первые впечатления от путешествия по маршруту Великого Индийского пути укладываются в сжатую и точную характеристику современного ему состояния огромных районов Азии.

«Как и всюду, с одной стороны, вы можете найти и замечательные памятники, и изысканный способ мышления, выраженный на основах древней мудрости, и дружественность человеческого отношения. Вы можете радоваться красоте и можете быть легко поняты. Но в тех же самых местах не будьте удивлены, если ужаснетесь и извращенными формами религии, и невежественностью, и знаками падения и вырождения.

Мы должны брать вещи так, как они есть. Без условной сентиментальности мы должны приветствовать свет и

справедливо разоблачать вредную тьму. Мы должны внимательно различать предрассудок и суеверие от скрытых символов древнего знания. Будем приветствовать все стремления к творчеству и созиданию и оплакивать варварское разрушение природы и духа».

Лишь откинув предубеждение, лишь держа сердце открытым для всего нового и необычного, можно приблизиться к истинному пониманию вещей. Азию недаром называли колыбелью народов. Именно здесь можно увидеть то, что в других условиях кажется невозможным, сверхъестественным. Люди искусства мечтают о театре в жизни. В Монголии Рерих и его спутники становятся участниками многодневного праздничного торжества, целиком подпадающего под это определение. В сухом и прозрачном пространстве пустыни на фоне сияющих горных вершин шествуют толпы людей в костюмах яркой и разнообразной расцветки. Колышатся древние знамена, извлеченные из древних хранилищ. Плывут священные изображения. Гремят трубы. И все это: сверкающее великолепие толпы, пронзительные звуки труб, пластические движения исполнителей ритуальных танцев — не нарушает очарования и гармонии природы, а, напротив, органически сливается с синевой простора, кажется естественным элементом его.

Взгляд Рериха не скользит по поверхности. Не со стороны он смотрит на мир, обступающий его. Он пытается постичь его во внутренних связях и сокровенной сути. Вот почему художник видит то, чего, увы, не могли рассмотреть другие наблюдатели, ослепленные экзотической раскраской восточных тканей, оглушенные многоголосым криком азиатских базаров.

«На Востоке, на этом мудром Востоке, книга является наиболее ценным даром, и тот, кто дарит книгу, является благородным человеком. В течение пяти лет путешествия по Азии мы видели многие книгохранилища в монастырях, в каждом храме, в каждой разрушенной китайской дозорной башне. Всюду и явно и тайно хранятся сокровища замечательных учений, жизнеописаний, научных трактатов и словарей. Князю Ярославу Мудрому, тому, который украсил Киев прекрасными памятниками романского стиля, приписывают слова о книгах: «Книги суть реки, напоющие благодатью всю Вселенную». И теперь, когда в пустыне или в горах вы видите одинокого путника, часто в его заплечном мешке найдется и книга».

Миф о вековечной спячке азиатских народов недаром был излюбленной темой западной литературы. Духовному

оцепенению Востока противопоставалась энергичность и волевая устремленность Запада. Это успокаивало, а экспансия приобретала характер некоей нравственной миссии.

«Бьется ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками?.. живо ли сердце?» Отвечая на этот вопрос, художник прибегает к яркому, символически-образному сравнению: «Когда индусские йоги останавливают пульс, то сердце их все же продолжает внутреннюю работу: так же и с сердцем Азии».

Свою книгу о путешествии в центральные области великого материка художник озаглавил «Сердце Азии». Биограф Рериха Жан Дювернуа пишет:

«Не определил ли художник самим названием книги смысл того, что сделало успешной его экспедицию? Не прикоснулся ли он к сердцу человеческого, которое открыло ему все пути? Конечно, и всемирно известное имя тоже являлось ему верной защитой. А может быть, имело значение и его доброжелательное стремление не только увезти, но и принести что-то светлое и полезное».

В Дели есть высшая сельскохозяйственная школа. В большом читальном зале библиотеки вдоль стен протянулись невысокие книжные шкафы. За длинными столами с утра и до позднего вечера сидят студенты: кто над книгой, кто над конспектом лекции. Когда утомленный взгляд отрывается от книги, он видит полотно, где изображены голубые цепи гор, прозрачные озера, отражающие сияние снежных вершин. Полыхание красок. Таинственная торжественность одиноких скалистых ликов. Так безмолвно и незаметно входит в жизнь человека, начинающего путь, одухотворенная красота Гималайских гор, схваченная кистью гениального русского художника Рериха.

У д-ра Калидаса Нага, известного деятеля индийской культуры, были все основания сказать: «Рерих является первым русским посланником красоты, который принес Индии бессмертный завет искусства, и мы навсегда благодарны ему за его вдохновенные мысли и лояльное сотрудничество по сближению души России и Индии».

2

В предисловии к книге «Цветы Мории» приводится отзыв Рабиндраната Тагора о стихах Рериха. Их переводы были опубликованы в 1920 году в калькутском журнале «Модерн ревью». Великий индийский поэт говорит о том,

что больше всего его поразило в стихах Рериха: особое духовное сродство с Индией. То же самое впечатление произведет на него и живопись Рериха.

Тяга к Востоку, устремленность к духовным высотам индийской культуры давно определили творческий поиск художника. Но, разумеется, здесь не может идти и речи о стилизации, о подражании чужим образцам. Духовные сокровища индийской культуры переосмыслены, переплавлены творческим «я», обогащены могучей индивидуальностью художника. Скорее, здесь может идти речь о той характерной черте истинно русского таланта и гения, которая особенно ярко проявилась в Пушкине и которую принято называть «всемирной отзывчивостью».

Русские и индийские мотивы с одинаковой силой звучат в его произведениях, не противореча друг другу, но обогащая друг друга («Повсюду сочetaлись две темы — Русь и Гималаи»). По глубочайшему убеждению Рериха, великая горная гряда Алтай — Гималаи не разъединяет, но соединяет наши страны. Родство индийских и русских народов у него не вызывает ни малейшего сомнения. общность истоков — верит Рерих — предопределяет и общность их судеб в самом ближайшем будущем. Его радует все то, что подтверждает это родство. Он останавливает внимание на созвучности образов народного творчества. Наш языческий Лель сразу вызывает в его памяти героя древнего мифа — бога Кришну, которого индийская традиция изображает в виде юного пастуха, играющего на флейте. Художник сопоставляет великий язык Древней Индии санскрит и русский язык и отмечает, что в них много общего. В русском языке он обнаруживает санскритские корни.

Однако «не об этнографии, не о филологии думается, но о чем-то глубочайшем и многозначительном». Это «глубочайшее и многозначительное» выявлено в духовных обликах обеих стран: «именно русские народы и народы Индии далеки от шовинизма. В этом их сила».

Тяга России и Индии друг к другу извечна и сокровенна. Напоминая об Афанасии Никитине, который сказал незабываемую фразу «И от всех наших бед уйдем в Индию!» и который достоверно отразил свое путешествие, Рерих высказывает предположение: «Но ведь таких, наверное, было много, но следы их завалены грозными обвалами. Множество костей белеет на караванных путях. Индусские селения на Волге, но почему на одной Волге? Ведь жил индусский раджа в Яблоницах под Питером».

Духовное сродство с Индией. Слова Тагора примечательны тем, что они сказаны о стихах, написанных задолго до того, как их автор побывал в Индии. Это потом он во главе экспедиции пройдет по героическому маршруту Великого Индийского пути. Это потом он поселится в предгорье Гималаев, и чувство восхищения продиктует ему поэтические строки о духовной красоте народа Индии:

«Кто побывал в Индии не туристом, прохожим, но прикоснулся к сущности жизни страны, или, вернее, великого континента, тот никогда и нигде не забудет очарования великой Индии. Можно всюду выполнять различные полезные задачи, можно примениться к любым условиям, можно понять разные языки, но все же ничто не затмит необычное очарование Индии.

И сердце Индии отзывчиво там, где оно почует взаимность. Никакие слова и уверения не сравнятся с великим знанием сердца. Зато и неизменен приговор сердца. Оно знает, где настоящее добро, под любую поверхность сердца определит сущность. В Индии к этому сердечному языку прибавляется еще и неповторенная психическая чуткость. Даже на расстоянии вы можете взглянуть на кого-либо из толпы, и он сейчас же оглянется, как бы желая ответить. Сколько раз нам приходилось убеждаться в этой необыкновенной чуткости.

Невозможно чем-либо насильственным или противостественным развить в себе эту чуткость. Лишь веками, в великом ритме, в постоянном мышлении о предметах высоких развивается это чрезвычайное качество».

Это все будет потом. А устремленность появилась раньше. Где истоки ее? Когда началась эта тяга?

Может быть, еще в раннем детстве, когда в большом зале гостиной изварского дома мальчик часами простаивал у старинной картины, вглядываясь в контуры непостижимо высокой горы, обогренинной лучами закатного солнца? Это была одна из прославленных вершин Гималаев — Канченджунга. Спустя много лет во исполнение детских мечтаний она вырастет перед ним из тумана, и Рерих не сразу узнает ее.

Может быть, тогда, когда в вечернем полусумраке он слушал рассказы о таинственном индийском радже, обитавшем по соседству, и о прежнем владельце их имения графе Воронцове, который путешествовал по Индии и привез оттуда название имения («извара» — искаженное «ишвара»), что означает «милость богов»).

Может быть, тогда, когда неукротимый Стасов, грома

западных ориенталистов, доказывал своему юному другу тождество сюжетов русских былин и индийских эпосов «Рамаяны» и «Махабхараты» («Наш повгородский купец Садко есть не что иное, как являющийся в русских формах индийский царь Яду... Наш царь морской или царь Водяник — это царь Нагов, царь Змеев, Ракшаза индийских и тибетских легенд...»)?

А может быть, тогда, когда зазвучали в русских переводах стихи древней «Бхагаватгиты» и строки поэтов и философов новой Индии — Вивекананды и Рабиндраната Тагора?..

3

Короткая жизнь Вивекананды (1863—1902) заполнена трудами и постоянной борьбой. Его уподобляли факелу, сжигающему себя. Известны слова Рамакришны, сказанные о своем любимом ученике: «Смотрите, смотрите, какая проникновенная сила. Он ревущее пламя, которое уничтожает все нечистое».

Имя Вивекананды, как и имена Рамакришны, Ганди и Рабиндраната Тагора, олицетворяет собой новую поднимающуюся Индию, утверждающую свое национальное достоинство, провозглашающую свои собственные идеалы. На долю Вивекананды выпала миссия первому возвестить об этих идеалах всему миру. В странах Запада он выступает послом пробуждающейся к действию Индии.

Впечатление от Вивекананды было опеломляющим. Его фигура, словно насыщенная электричеством, голос, магнетизирующий толпу, страстный темперамент, с которым он на безукоризненном английском языке обличал ханжескую мораль буржуазного мира («если вы так любите учение Христа, почему вы ни в чем ему не следуете?!»), — все это не вязалось с традиционным представлением об индийском мыслителе, отрешившемся от всего внешнего.

Вивекананда совершает турне по городам Америки и Западной Европы. В своих лекциях он пропагандирует идеи древнеиндийской философии. Лекции выходят отдельными изданиями: «Жнани-йога», «Карма-йога», «Раджа-йога». Его выступления собирают многочисленные толпы. Появляются ученики. Ему сопутствуют легенды. Влияние личности Вивекананды и в особенности трудов его (в них философская мысль Индии предстала перед читателем в очищенном от вековых наслоений и легенд виде)

на беспокойные ищущие умы Запада было огромным. Увлеченный яркой и своеобразной фигурой индийского философа, Ромен Роллан пишет книги: «Жизнь Рамакришны», «Жизнь Вивекананды», «Вселенское Евангелие Вивекананды».

Взгляды Вивекананды формировались в определенной духовной атмосфере, они вырастали на традиционной почве индуизма и ведантизма. Впоследствии критики Вивекананды не раз укажут на противоречие, сразу бросающееся в глаза: его передовое по духу мировоззрение нередко облекается в устаревшую оболочку религиозных терминов и образов. Справедливо отмечая это противоречие, почему-то подчас упускали из виду важное обстоятельство: ту конкретную обстановку, в которой складывалось учение Вивекананды. В специфических условиях Индии, где буквально все пронизано религиозным мировоззрением, где даже простой процесс еды сопровождают сложные магические обряды, в те времена говорить на ином языке было невозможно. Такого человека не только не поняли бы, его бы не стали слушать. Вот почему не внешняя сторона дела нас должна интересовать, а существо учения. А по существу, взгляды Вивекананды, терминологически связанные с индуизмом, означали решительный разрыв с его многовековой консервативной традицией. Вивекананда ведет бой на территории противника. Его зажигательные выступления направлены против авторитетов, в первую очередь — против религиозных:

«...лучше человечеству стать безбожным, следуя разуму, чем слепо верить в двести миллионов богов, повинувшись кому угодно авторитету. Мы хотим одного лишь прогресса. Никакая теория не делала людей лучше. Единственная ценная для нас сила — это «постижение», а оно обитает в нас, оно проистекает из мысли. Пусть же люди мыслят! Вся слава человека — в мысли... Я верю в разум, и я следую своему разуму, достаточно насмотревшись на вред, приносимый авторитетом, ибо я был рожден в стране, где он был доведен до крайности».

В другом своем выступлении Вивекананда продолжает эту мысль:

«Если бы в мире не было фанатизма, его прогресс был бы гораздо значительнее... Фанатизм создает отставание...»

Бунтарский дух Вивекананды взрывает древнюю символику. Многоликому пантеону бесчисленных богов он противопоставляет человека, который, по его убеждению,

и есть величайшее божество. «Не забывайте никогда, как велик человек по своей природе!»

Поэтому принцип фатальной предопределенности, покорности судьбе, карме, так усиленно культивируемый индуистской, и не только индуистской религией, абсолютно чужд миропониманию Вивекананды. Все — в человеке. «Слабых нет. Вы слабы лишь потому, что сами этого хотите. Прежде всего имейте веру в себя».

Незыблемый символ мировоззрения Вивекананды — свобода человеческого духа. Ее он утверждает страстно и неотступно.

«Будьте свободны! В этом — вся религия. Учения и догматы, обряды и книги, храмы и формы — все это лишь второстепенные детали.

...Если я... помогу хоть одному человеку достигнуть свободы, мои труды не потрачены даром.

...Я свободен, я должен всегда быть свободен. Я хочу, чтоб весь мир был тоже свободен, как воздух».

Политические взгляды Вивекананды были естественным продолжением его философии активного действия. Один из зачинателей национально-освободительного движения в Индии, он в каждое свое выступление вносит дух неукротимой борьбы. Первым в стране объявивший себя социалистом, он бросает в толпу огненные афоризмы и лозунги:

«Единственный Бог, который существует, единственный Бог, в которого я верю... Мой Бог — несчастные, мой Бог — бедняки всех народов!»

«Пока хоть одна собака в моей стране будет оставаться без пропитания, вся моя религия будет в том, чтоб накормить ее».

«Только того я назову Махатмой, чье сердце истекает кровью за бедных».

Он непримирим. Он и вправду как «режущее пламя, сметающее все печистое».

«Вы, считающие себя патриотами, вы, считающие себя реформаторами, чувствуете ли вы в биениях вашего сердца, что миллионы потомков богов и мудрецов стали близкими к скотам, что миллионы сейчас умирают с голоду, что миллионы умирают в течение веков? Чувствуете ли вы, что невежество простирается над страной, как темная туча? Переворачивает ли вас это? Теряете ли вы от этого сон? Чувствуете ли вы себя от этого на грани безумия? Забыли ли вы от этого ваше имя, ваше звание, вашу жену, ваше достояние, ваших детей, само ваше тело, охваченное

этой единственной мыслью о нищете и гибели?.. Вот первый шаг, чтобы стать патриотом. В течение веков нашему народу внушают унижающие его мысли. Массам говорят на всем земном шаре, что они — ничто. Их так утрашали в течение веков, что они стали почти что подобны стадам животных...»

Знакомство с трудами Вивекананды было радостным событием в жизни Рериха. Ему, художнику и поэту, импонирует возвышенно-поэтический настрой учения Вивекананды. Индийскому философу был чужд академизм. Свои взгляды он предпочитал излагать не в форме научных трактатов или статей, а в виде непосредственных обращений к читателю и слушателю. Мысли, резкие, как удары резца, высекали лозунги и афоризмы. Речь Вивекананды нередко предельно приближена к стихотворной ритмике. Творчеству индийский философ отводил особую роль («искусство наименее эгоистическая форма счастья в этом мире»). В откровенную минуту он признается своим ученикам: «Разве вы не видите, что я прежде всего поэт».

И он был поэтом не только в широком понимании этого слова, но и в более узком и специальном. В его стихах, в его поэме «Пробуждение Индии» звучит все тот же зов к действию и борьбе.

...Пробудись, восстань, перестань грезить!

Эта страна — страна грез, где Карма

Ткет из наших мыслей хрупкие гирлянды

Цветов душистых и вредоносных. И ни один из них

Не имеет ни корня, ни стебля, будучи рожден из Ничего,
И самое слабое дыхание Истины относит его

В первоначальную пустоту... Смелее!

Стань лицом к лицу

С Истиной! Будь единым с ней!

Влияние Вивекананды на Рериха — факт общепризнанный и несомненный. Но говоря об этом влиянии, не будем мерить его внешними, формальными признаками. Будем говорить о том внутреннем, сокровенном, что несло в себе новое слово Индии, запечатленное в трудах Вивекананды, и что находило праздничный отклик в душе русского художника.

Был еще один пункт миропонимания индийского мыслителя, чрезвычайно близкий Рериху. В беседах со своими европейскими учениками Вивекананде приходилось

касаться вопросов грядущего политического и социального переустройства планеты. «Европа на краю вулкана,— говорил он.— Если огонь не будет потушен потоком духовности, она взлетит на воздух». Тогда многие связывали надежды о будущем перевороте и обновлении мира с Америкой. Упвали на ее демократичность, на ее богатства, на ее технические достижения. Когда это предположение было высказано при Вивекананде, он отвечал твердо и категорично: нет, не она. Он судил об Америке не понаслышке, а как непосредственный наблюдатель. По его убеждению, другая страна должна начать новую эру. Он назвал имя этой страны, неожиданное для его учеников по разным причинам,— Россия.

4

В 1910 году в Индии на языке бенгали выходит сборник избранных песнопений Рабиндраната Тагора «Гитанджали». А через два года английское издание индийского поэта делает его имя известным всему культурному миру. Одно за другим, чуть ли не одновременно, появляются в России четыре издания «Гитанджали» (один из переводов осуществлялся под наблюдением Бунина).

Рерих вспоминает:

— До этого о Тагоре в России знали лишь урывками. Конечно, прекрасно знали, как приветствовано имя Тагора во всем мире, но к сердечной глубине поэта нам, русским, еще не было случая прикоснуться.

Стихи читались на вечерах, перечитывались дома. По свидетельству Рериха, вдохновенная песнь поэта, его зов объединяли самых различных людей, самых непримиримых психологов.

«...Веселие течет от листа к листу, возлюбленный мой, ликование безмерное. Небесная река вышла из берегов, и радость затопляет все».

— Таинственно качество убедительности,— говорит Рерих.— Несказуема основа красоты, и каждое незагрязненное человеческое сердце трепещет и ликует от искры прекрасного света. Эту красоту, этот всесветный отклик о душе народной внес Тагор.

Рассказ о первой встрече со стихами Тагора вырастает в обобщающую мысль.

«Велики связи двух славных народов. Именно в русском переводе прекрасно звучали Тагоровы песни. На дру-

гих языках они теряют, гаснет их пламень и задушевность. Но мысль Индии отлично выражается в русском слове. Недаром у нас столько одинаковых слов с санскритом. Эта родственность еще мало оценена».

Надобно сказать, что тогдашняя критика, не учитывая своеобразия психического склада индийского народа, подходила к стихам Тагора односторонне. Традиционная для Индии форма обращения к Учителю («Я не знаю, как поешь ты, наставник. Я слушаю в безмолвном изумлении. Мое сердце жаждет соединиться с твоей песнью... Ты сделал меня другом тех, кого не знал я доселе. Ты ввел меня в жилища, доселе мне чуждые. Ты приблизил далекое и чужого сделал мне братом») дала повод истолковывать поэзию Тагора в мистическом духе. Что же касается символистов, то они тут же поспешили зачислить поэта по своему ведомству.

Поэтическая интуиция Рериха позволила ему прикоснуться к «сердечной глубине» песнопений Тагора. «Полюбили его песни не по внешнему складу, по глубокому чувству, давшему облик милой сердцу Индии. В нем отражена душа Индии во всей ее утопченности, возвышенности... Исконная любовь и мудрость Востока нашли свое претворение в трогательное созвучие в убеждающих словах поэта».

«О Тагоре в России знали лишь урывками». Но то, что становилось известным из отрывочных сообщений, в сознании Рериха сближало образ индийского писателя с другим, бесконечно дорогим ему, — образом Льва Николаевича Толстого. «Индии ведомы такие лица», — говорил художник о Толстом. Думается, что он имел в виду Рабиндраната Тагора.

Поразительно похожи судьбы двух великих мыслителей. Писатели с мировой известностью — и русский и индийский — подчиняют всю свою жизнь бескомпромиссному нравственному поиску. Их духовные орбиты пересекаются во множестве точек. Как в свое время Лев Толстой в Ясной Поляне, так и Тагор в поместье отца в Шантанекетане основывает школу, где ведет преподавание по методам, разработанным им самим. Как и Толстой, он создает специально для учеников своей школы литературные произведения. Дети с увлечением играют в пьесах, где роли написаны для них. Как и Толстой, и, по всей вероятности, захваченный его живым примером, Тагор становится сторонником теории и практики ненасилия. Правда, как и Толстой, здесь он не всегда последователен: он часто по-

человечески (когда события принимают жесткий оборот) забывает о своей позиции певмешательства. В 1919 году под влиянием русской революции в Амритсаре вспыхнули волнения. Английские войска хладнокровно, в упор расстреляли безоружную толпу. «Массовое убийство» — так назвал Ленин амритсарское кровопролитие. Вести из Амритсара превращают философа и лирического поэта в политического трибуна. Тагор пытается организовать митинг протеста. Он пишет гневное письмо вице-королю, в котором отказывается от титула баронета, пожалованного ему британским правительством (присуждение Тагору Нобелевской премии по литературе предопределило в свое время этот акт).

Во всех подробностях целеустремленной и самоотверженной жизни Тагора Рерих с полным основанием видит знак толстовского служения человечеству.

«Для внешнего наблюдения различны Толстой и Тагор. Кто-то досужий до взысканий, противоречий, навверное, закопошится в желании еще что-либо разъединить. Но если мы пытливо и доброжелательно посмотрим в существо, то каждый из нас пожалеет, почему у него нет портретов Толстого и Тагора, снятых вместе — в углубленной беседе, в седипе мудрости и в желании добра человечеству».

В индийском доме Рериха на его письменном столе стоит открытка с изображением Толстого (один из последних снимков писателя в 1910 году). Художник часто вглядывается в черты лица, столь знакомые и столь дорогие, и по глубокой ассоциативной связи перед его внутренним взором возникает другой великий образ. И он опять повторяет мысль, что вместе, на одном изображении хотел бы видеть эти два прекрасных облика.

Воспоминания Рериха о Тагоре возвращают нас в 1920 год. Лондон. Мастерская художника на Квинсгэт-террас. Здесь впервые встретились Рабиндранат Тагор и Рерих. Тагор впоследствии признавался, что, наслышанный о художнике, он хотел увидеть русские картины. Но как раз в это время Рерих работал над индийскими сюжетами. Он писал панно «Сны Востока». «Помню удивление поэта при виде такого совпадения. Помним, как прекрасно вошел он, и духовный облик его заставил затрепетать наши сердца. Ведь недаром говорится, что первое впечатление самое верное. Именно самое первое впечатление сразу дало полное и глубокое отображение сущности Тагора».

«Ваши картины глубоко тронули меня,— пишет Тагор, еще не остыв от первого впечатления («первое впечатле-

ние самое верное»). — Картины ваши ясны и все же не выразимы словами, — ваше искусство ограждает свою независимость, потому что оно велико».

Письмо Николая Рериха.

«27 декабря 1929 года.

Доктору Рабиндранату Тагору

Больпур, Шантанекетан

Бенгалия, Индия.

Мой дорогой Друг!

Мы были счастливы вчера получить Ваш бесценный подарок, Вашу прекрасную фотографию с автографом. Для нас это было знаком не только Вашей личной дружбы, но также и символом связи между Востоком и Западом, когда без всяких предрассудков и ненависти мы можем обнять друг друга во имя Красоты и Культуры.

Это небольшое письмо Вы получите уж после нового года. Накануне нового года я шлю Вам свои наилучшие приветствия и пожелания, чтобы Ваш духовный облик Человека с большой буквы еще долго вел человечество к высотам великой правды и красоты...

Посылаю Вам свою последнюю книгу: «Flame in Chalice»¹.

«Духовное сродство с Индией», — говорит о Рерихе Тагор. Но то же самое, лишь заменив одно слово, можно сказать и о Тагоре: «Духовное сродство с Россией». Соединить два великих истока — Россию и Индию — эта мысль по своему владела и Рерихом, и Тагором. В те времена она была, пожалуй, пугающе необычной. Недаром Ромен Роллан называет ее парадоксальной. Но она была верна устремленностью, она точно определяла направление движения взаимно тяготеющих народов. И во всяком случае, за нею было грядущее.

В 1930 году, накануне своего семидесятилетия, Рабиндранат Тагор приезжает в Москву. «Наконец-то я в России, и то, что вижу, чудесно, непохоже на другие страны, в корне отлично». В «Письмах о России», опубликованных сразу после возвращения в бенгальском журнале «Пробаши», он с восхищением пишет о вдохновенно-преобразующей работе коммунистов: «Они разбудили здесь весь народ... Не увидев собственными глазами, я никогда бы не поверил,

---

¹ Книга стихов, которая в английском издании получила название «Пламя в чаше».

что они всего лишь за десять лет смогли поднять со дна невежества и угнетения сотни тысяч людей и не только научить их грамоте, но и привить им чувство собственного достоинства».

Публицистическое выступление великого писателя получило широкий общественный резонанс, на который колониальные власти реагировали весьма нервно. Они запрещают переводить книгу на английский. Журнал, осмелившийся нарушить запрет, был оштрафован на крупную сумму. Всемирно известное имя ограждало писателя от больших неприятностей, но постоянный полицейский надзор за ним был усилен.

В то же самое время Рерих ведет борьбу с британской администрацией, которая делает все от нее зависящее, чтоб не разрешить художнику поселиться на территории английской колонии. Рерих хотел приобрести землю в долине Кулу. Акт купли-продажи с юридической точки зрения дело простое и ясное, но английские чиновники устраивают проволочки, придираются к любому поводу, чтоб затруднить сделку, а по возможности и сорвать ее. Но, наконец, уведомление, санкционирующее покупку земельного участка в Гималаях, получено. Рерих спешит сообщить о победе Рабиндранату Тагору. «Таким образом, наша мирная созидательная и культурная работа может продолжаться».

Отношения между русским художником и индийским писателем, не теряя постоянства возвышенной ноты, приобретают деловой и конкретный характер. Они стараются объединить усилия созданных ими культурных центров — гималайского института «Урусвати» и университета в Шаптакекетане. На базе экспериментальной школы вырос непохожий на другие университет. По словам Рабиндраната Тагора, он основал его «как место, где могли бы учиться вместе люди разных цивилизаций и традиций». Проблемы культурного наследия Индии и Востока и проблемы европейской культуры увязываются здесь в единый комплекс.

Из письма Рериха, датированного 20 апреля 1931 года:

«Дорогой Собрат!

Прошло много времени с тех пор, как мы виделись, но я всегда с неослабным восхищением следил за Вашими мыслями, которые непрерывно насыщают пространство. Мои лучшие пожелания сопутствовали Вам повсюду, где Вы неутомимо растили прекрасный сад семян высоких

культурных сокровищ. Поистине все, сейчас стремящееся к культуре, должно объединяться и знать, что находится на одном и том же корабле, плывущем в бурном океане человеческого невежества.

В глубине души улавливаю Ваши благожелательные мысли о нашем культурном строительстве, точно так же, как и Вы, несомненно, получаете сердечные пожелания от нас процветания Вашему знаменитому Шаптанекетану. Мы, конечно, были бы очень рады напечатать в ежегоднике Института гималайских исследований «Урусвати» одно из Ваших выступлений. Лично я буду счастлив опубликовать несколько статей в журнале «Висва Бхарати» в Шаптанекетане. При этом посылаю Вам несколько брошюр Института гималайских исследований.

...Я не помню, какие из моих книг есть в библиотеке Шаптанекетана. Если вы сообщите, какие именно книги у Вас уже есть, то я буду очень рад прислать Вам другие. Хотелось бы пополнить библиотеку Института гималайских исследований «Урусвати» любимыми Вашими работами».

«Дорогой друг! — отвечает Тагор художнику. — Я был очень рад получить Ваше письмо и узнать, что Ваша культурная колония в Нагаре, Кулу, процветает, как этого и следовало ожидать.

...В мой последний приезд в Нью-Йорк я не застал Вас там. Буду рад приехать к Вам в Нагар, если мне доведется поехать в Северную Индию, и лично познакомиться с той полезной работой, которую Вы там начали.

Я высоко ценю Ваше предложение подарить свои труды нашей школе, и я, в свою очередь, буду счастлив подарить свои книги библиотеке Института гималайских исследований «Урусвати». Если Вы любезно сообщите мне, по какому адресу послать эти книги, то я соответственно попрошу издателей переслать их по указанному адресу.

Мы будем очень рады получить Ваши статьи для журнала «Висва Бхарати» в любое время, когда Вы найдете возможным это сделать».

И снова — письмо Тагора.

«Шаптанекетан.

1 ноября 1935 года.

Мой дорогой Друг!

После длительного перерыва с большим чувством радости я получил еще одно Ваше письмо и счастлив узнать,

что Вы благополучно возвратились в свой ашрам после труднейшей экспедиции в Центральную Азию. (В 1934—1935 гг. Николай Константинович и его сын Юрий совершили научное путешествие в Маньчжурию и Китай.— В. С.). Не могу не завидовать вам. Те отдаленные и труднодоступные районы земного шара, где Вы время от времени проводите свои исследования, оставляют неизгладимое впечатление и раздвигают горизонты Ваших познаний. Мой преклонный возраст и заботы растущего просветительского центра вынуждают меня довольствоваться лишь чтением сообщений об этом торжестве над природой человека, сильного духом, и я надеюсь, что очень скоро будут опубликованы Ваши захватывающие описания этих путешествий.

Вы совсем акклиматизировались в северной зоне, и я не знаю, как скажется на Вас наш климат. Но у нас сейчас зима, и если Вы сможете перенести жару здесь, то я буду бесконечно счастлив, если Вы приедете и проведете несколько дней у меня, в моем ашраме. Дух интернационализма, который царит в Шантанекетане, и его просветительская работа, я уверен, могут заинтересовать Вас. И поверьте мне, для меня будет истинным наслаждением показать Вам плоды труда всей моей жизни — Шантанекетан.

Всем вам шлю свои добрые пожелания.

Искренне Ваш

Рабиндранат Тагор».

В накаленной атмосфере тридцатых годов стремления и помыслы лучших людей планеты сходятся на одном слове: «мир». Идея пакта Рериха о защите культурных ценностей находит в Рабиндранате Тагоре самого убежденного сторонника. Он пишет художнику:

«Я зорко следил за Вашими замечательными достижениями в области искусства и за Вашей великою гуманитарною работою во благо всех народов, для которых Ваш пакт Мира с его знаменем для защиты всех культурных сокровищ будет исключительно действенным символом. Я искренно радуюсь, что этот пакт принят музейным комитетом Лиги Наций, и я чувствую глубоко, что он будет иметь огромные последствия на культурную гармонию народов».

Всем своим авторитетом писателя, гуманиста, общественного деятеля Рабиндранат Тагор поддерживает рериховский пакт Мира.

Из письма Рериха Тагору:

«15 сентября 1936 года.

Мой дорогой уважаемый друг!

С глубоким восторгом мы прочли Ваш повелительный призыв к миру, опубликованный в газетах 5 сентября 1936 года. Пусть эти страстные зовы дойдут до самых отдаленных уголков земли, и пусть они позовут к духовному порыву, к взаимопониманию и сотрудничеству, так как без этих культурных основ невозможен подлинный Мир. Разрешите мне от имени Всемирной лиги культуры и Комитета имени Мира поблагодарить Вас от всего сердца за Ваш властный призыв к защите Мира. Поистине Ваше имя, как свет маяка, освещает путь многим замечательным движениям».

Из ответного письма Тагора:

«Шантанекетан.

22 сентября 1936 года.

Мой дорогой Друг!

Меня глубоко тронули Ваши слова, высказанные в мой адрес в письме, полученном только вчера, за которое я выражаю Вам свою искреннюю признательность.

Проблема Мира сегодня является наиболее серьезной заботой человечества, и наши усилия кажутся такими незначительными и тщетными перед натиском нового варварства, которое бушует на Западе со все нарастающей яростью. Отвратительное проявление неприкрытого милитаризма повсюду предвещает ужасное будущее, и я почти перестал верить в самую цивилизацию. И все же мы не можем отказаться от наших устремлений, ибо это только ускорило бы конец.

Сейчас я так же, как и Вы, потрясен и обеспокоен поворотом событий на Западе; мы можем лишь верить, что прогрессивные силы мира восторжествуют в этой грозной битве...

Ваша жизнь — самоотвержение, и я надеюсь, что Вы проживете еще долгие годы, продолжая служить человечеству и делу культуры».

«Красота заложена в индо-русском магните. Сердце сердцу весть подает». Электрическое поле взаимного тяготения духовных полюсов Индии и России с новой силой замыкается на именах Рабиндранат Тагор — Николай Рерих. Радостно единение этих имен. Радостны слова Рериха, звучащие как стихи:

«Когда думается о неутомимой энергии, о благословенном энтузиазме, о чистой культуре, передо мною всегда встает столь близкий мне облик Рабиндраната Тагора. Велик должен быть потенциал этого духа, чтобы неустанно проводить в жизнь основы истинной культуры. Ведь песни Тагора — это вдохновенные зовы к культуре, его моление о высокой культуре, его благословение ищущим пути восхождения. Синтезируя эту огромную деятельность — все идущую на ту же гору, проникающую в самые тесные переулки жизни, — разве может кто-нибудь удержаться от чувства вдохновляющей радости? Так благословенна, так прекрасна сущность песнопения, зова и трудов Тагора».

5

Своеобразие творческого письма Рериха некоторым его современникам давалось нелегко. Камнем преткновения становилась для них образная символика поэта. Образы истолковывались подчас однозначно. Вырванные из живой ткани стиха, они казались отвлеченными, архаичными. Да и само своеобразие воспринималось прямолинейно и оценивалось по формальным признакам: белый стих, поэзия мысли. Между тем подлинная оригинальность поэтического мышления Рериха совсем в другом. Истинное своеобразие его стихам придает дыхание восточной мудрости, мудрости, ставшей живой и радостной реальностью всего его творчества. Повторяю, это не было подражанием чужим образцам или стилизацией. Это был органический сплав духовного мира современного человека с миром высоких мыслей восточной (и прежде всего индийской) культуры.

В стихах Рериха сближены русские и индийские поэтические традиции. Не поняв этой особенности, нельзя понять и главного: в чем повизна поэтического слова Рериха, в чем сокровенный смысл стихов.

Мир философских мыслей и поэтических образов Индии как ничто другое будит его творческое воображение, рождает созвучный отклик в его душе. Индийский писатель и литературовед Гепголи, анализируя поэзию Рериха, приходит к выводу, что она «раскрывает его как величайшего мыслителя и пророка». Он пишет: «Его сборник поэм «Flame in Chalice» полон глубоких поучений, которые иногда вторят мыслям Упанишад».

Но стихи Рериха не механическое переложение чужого текста. Вопрос, который ставил перед собой пытливый че-

ловеческий разум на протяжении многих веков, ставит и поэт: что есть основа сущего? На этот вопрос индийская философия с древнейших времен нередко отвечала одним словом — Абсолют, толкуя понятие широко и многопланово и ни в коем случае не отождествляя его с богом в узко-религиозном понимании слова. Собственно, стихи Рериха «Свет» могли быть названы именно словом «Абсолют», ибо речь здесь идет о нем.

Несошутимый, неслышимый,
незримый. Призываю:
сердце, мудрость и труд.
Кто узнал то, что не знает
ни формы, ни звука, ни вкуса,
не имеет конца и начала?
. . . . .
Все сияет светом его.
В темноте сверкают
крупинцы твоего сиянья,
и в моих закрытых глазах
брезжит чудесный твой свет.

Совершенно индийское по духу стихотворение «Как устремлюсь?». Пафос человеческой устремленности ввысь запечатлен в образах древнеиндийской мудрости.

...В сердце своем
ищи Вриндаван — обитель
любви. Прилежно ищи и
найдешь. Да проникнет
в нас луч ума. Тогда
все подвижное утвердится.
. . . . .
Майи не ужасайтесь. Ее
непомерную силу и власть
мы преидем.

Индийская традиция здесь выступает в чистом виде. Даже слова-понятия специфичны, и, быть может, непосвященному нужно объяснять, что Майя обозначает мир в его внешне заманчивых, но в сущности иллюзорных формах, а Вриндаван — это своего рода аккумулятор, копирующий в себе духовную энергию человека. Из мифологии перекечевали птицы Хомы, которые никогда не садятся и которые выводят своих птенцов в недостижимой высоте среди облаков и звездных зарниц.

Образы Рериха восходят к индийской символике. Достаточно сравнить его стихи с книгой Тагора «Гитапджали», которая, по признанию художника, была для него целым откровением, чтобы понять это. Торжественные слова

(«царь», «владыка», «могущий») и в тех и в других стихах вырастают из своего первоначального смысла, превращаются в символы и аллегории.

«Ночной мрак сгущался. Наша дневная работа кончилась. Мы думали, что уж прибыл последний гость, и все двери в деревне были заперты. Но кто-то скарал:

— Еще прибудет царь..

Мы засмеялись и сказали:

— Нет, этого не может быть.

Нам показалось, что кто-то постучал в двери, и мы сказали, что это только ветер. Мы погасили светильник и отошли ко сну. Но кто-то сказал:

— Это вестник.

Мы засмеялись и сказали:

— Нет. Это ветер...

В полночь послышался какой-то звук. Сквозь сон мы подумали, что это отдаленный гром. Земля задрожала, стены затряслись, и мы очнулись. Но кто-то сказал, что это звук колес. Мы прошептали в полусне:

— Нет. Это гул грома.

Было еще темно, когда забил барабан. Раздался глас: «Вставайте! Не медлите!»

Мы прижали руки к сердцу и дрожали от страха. Кто-то сказал:

— Взгляните — царский стяг!

Вы встали, восклицая:

— Больше нельзя медлить!

Царь прибыл, но где же светильники, где венки? Где седалище для него? О, стыд! О, позор! Где чертог, где украшения?

Кто-то сказал:

— Напрасен вопль! Приветствуйте его с пустыми руками, ведите его в пустые покои!

Откройте двери, пусть звучат рога из раковин! В глухую ночь прибыл царь нашего темного, мрачного жилища! Гром грохочет в небесах! Мрак содрогается от молний! Возьми кусок изорванной циновки и расстели во дворе. С бурей прибыл нежданно царь страшной ночи» (Р. Тагор).

А вот чрезвычайно тонкое по рисунку мысли стихотворение Рериха, где слово «царь» тоже играет организующую роль.

НИЩИЙ

В полночь приехал наш Царь.
В покой он прошел. Так сказал.
Утром Царь вышел в толпу.
А мы и не знали..
Мы не успели его повидать.
Мы должны были узнать повеленья.
Но ничего, в толпе к нему подойдем
и, прикоснувшись, скажем и спросим
Как толпа велика! Сколько улиц!
Сколько дорог и тропинок!
Ведь Он мог далеко уйти.
И вернется ли снова в покой?
Всюду следы на песке.
Все-таки мы следы разберем.
Шел ребенок.
Вот женщина с ношей.
Вот, верно, хромой — припадал он.
Неужели разобрать не удастся?
Ведь Царь всегда имел посох.
Разберем следы упирившихся.
Вот острый конец боевой.
Непохоже!
Шире посох Царя,
а поступь спокойней.
Метными будут удары от посоха.
Откуда прошло столько людей?
Точно все сговорились наш путь
перейти. Но вот поспешим.
Я вижу след величавый,
сопровожденный широким посохом
мирным.
Это, наверно,
наш Царь. Догоним и спросим.
Толкнули и обогнали людей. Поспешили.
Но с посохом шел слепой нищий.

Конечно, если игнорировать философскую наполненность образа, если подойти к нему прямолинейно, то тогда затуманится совершенно очевидное, что слово «царь» — это слово-аллегория, что оно символизирует творческое начало мироздания, внутреннее творческое «я» человека. Утверждение «царственности» творческого труда — вот пафос стихов Рериха. Воспитаи в себе «царя» и «владыку» собственной жизни, стань радостным творцом жизни — вот зов стихов Рериха.

Краеугольным для обоих постов было понятие «Учитель». В Индии, и вообще на Востоке, очень развито почитание этого понятия. В него вкладывают возвышенный смысл. Оно священно.

— Понятие Гуру — Учителя, — говорит Рерих, — только на Востоке возносимо с таким почитанием и достоинством. Напомню... легенду о мальчике-индусе, познавшем Учителя.

«Спросили его:

«Неужели солнце потемнеет для тебя, если увидишь его без Учителя?»

Мальчик улыбнулся:

«Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будут светить двенадцать солнц».

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу реки сидит мальчик, знающий Учителя».

В полном согласии с индийской традицией в поэтической системе Рериха образ Учителя, то четко очерченный, то ускользающий и сливающийся с небесной синевой, является главной пружиной динамического движения стиха. Даже название книги образовано от имени великого восточного учителя мудрости Морини. На первый взгляд одинаков поэтический прием Тагора и Рериха: форма обращения к Учителю. Но здесь есть разница. В стихах Тагора ученик обращается к Учителю, а в стихах Рериха — Учитель к ученику. Разница не формальная, а принципиальная, особенно если вспомнить, что торжественные слова «владыка», «Учитель», «царь» обозначают творческий зов жизни. В первом случае человек хочет услышать зов, но еще не слышит и ждет, а во втором — слышит и потому обязан действовать. Понятие «Учитель» приобретает конкретную направленность. Как и Тагор, Рерих иногда превращает Учителя в сказочного владыку. Но, как правило, Учитель у него олицетворяет то внутреннее «я», что, как точка света, живет в человеке, борется и побеждает чувства и низменную природу человека. Поэтическое воображение Рериха наделяет внутреннее «я», в котором сконцентрированы лучшие мысли и чувства человека, самостоятельной жизнью. Как бы отделившись от человека, оно зовет его ввысь. Этот неожиданный прием придает поэтической речи Рериха неповторимую специфику. Стихи приобретают безличный характер; авторское «я» отступает на задний план, исчезает, растворяется в порыве духовной радости. Вот почему столь частые обращения к «мальчику» (в книге Рериха они составляют целый раздел) вовсе не назидание, не сентенция, не папутствие кому-то. Нет, это обращено к себе, это призыв к мобилизации своих духовных сил. Слово «Учитель» для Рериха — формула действия. Все, что зовет вверх, и есть Учитель!

Мировосприятие Рериха в высшей степени диалектично. Он стремится охватить жизнь сразу в ее трех временных измерениях, и потому прошлое, настоящее и будущее у него не разорваны, а едины и неразсторжимы. Эта особенность его поэзии далеко не всеми была осознана. В одном из писем Рерих отмечал: «Публика совершенно не понимает «Цветы Мории», но все-таки чувствует, что есть какое-то внутреннее значение». Поэт придавал большое значение именно внутреннему настрою книги, внутренней связи между стихами. Не случайно четырехчастное, симфоническое построение книги: три цикла стихов, названных Рерихом «сюитами», и поэма «Наставление ловцу, входящему в лес». Уже сама композиция книги как бы символизирует восходящее по ступеням движение и развитие человеческого духа, призванного к творчеству.

Первый цикл объединен названием «Священные знаки». Здесь все подчинено ключевой теме — пробуждению пытливого человеческого духа. Он лишь смутно различает, он не видит, а скорее угадывает светлые знаки, которые затемнены для него и ночью мглой, и туманом суетливой повседневности, и пеленою собственных сомнений и страхов. Это как бы начало трудного, но радостного пути восхождения.

Во второй части книги («Благословенному») смутное ожидание открытия вырастает в уверенность. Человек слышит свой внутренний голос, зовущий к труду и творческому напряжению. Горы, облака, небо — все пронизано зовом: «Встань, друг. Получена весть. Окончен твой отдых».

Третий раздел книги — «Мальчику». Мальчик — это творческий дух человека, делающий первые робкие, но уже самостоятельные шаги. В духовной битве, битве света и тьмы, мальчик вырастает в воина. Ему сужден подвиг. «Победа тебе суждена, если победу захочешь».

Четвертую часть книги составляет поэма «Наставление ловцу, входящему в лес». Для Рериха поэма имела особое значение, он считал ее главной программной вещью. Созданная в 1921 году в радости поэтического озарения (поэма написана, что называется, за один присест, в один день!), она предвдвляет самый важный, самый зрелый пе-

риод в творчестве художника. Голос творца, осознавшего свое назначение, звучит здесь с полной силой. «Это твой час... Радуйся! Радуйся! Радуйся! Ловец трижды позванный».

2

Маленькая философская поэма «Священные знаки». В ней автор как бы оглядывается на все, что оставлено миновавшим.

Мы не знаем. Но они знают.
Камни знают. Даже знают
деревья. И помнят.
Помнят, кто назвал горы
и реки. Кто сложил бывшие
города. Кто имя дал
незапамятным странам.
Неведомые нам слова.
Все они полны смысла.
Все полно подвигов. Везде
герои прошли. «Знать» —
сладкое слово. «Помнить» —
страшное слово. Знать и
помнить. Помнить и знать.
Значит — верить.
Летали воздушные корабли.
Лился жидкий огонь. Сверкала
искра жизни и смерти.
Силою духа возносились
каменные глыбы. Ковался
чудесный клинок. Берегли
письмена мудрые тайны.
И вновь явно все. Все ново.
Сказка-предание сделалась жизнью...

В этом напряженном, пронизанном предчувственным открытием тайн стихотворении, которое даст настрой всей поэтической книге, хотелось бы выделить строки: «Сказка-предание сделалась жизнью». Здесь буквально в одной фразе запечатлено отношение Рериха к легенде. Легенда, сказка, предание играли исключительную роль в творчестве художника. Смещение реального и легендарного, пожалуй, самая характерная особенность его стиля. Граница между ними у него исчезающе зыбка и подвижна. На его картинах реальные предметы, окружающие нас, незаметно приобретают сказочные очертания; в прозрачных контурах облаков и гор внезапно различаешь величественно-одухотворенные лики, а персонажи народных сказаний (Гесэр-Хан, Матерь Мира) «заземлены», они паделены человеческими чертами.

Понимание краеугольной значимости легенды у Рериха не только эмоция, не только интуиция, оно базируется на опыте, наблюдениях, на глубоком изучении исторического материала. «Самые серьезные ученые,— говорит художник,— уже давно пришли к заключению, что сказка есть сказание. А сказание есть исторический факт, который нужно разглядеть в дымке веков».

«Неведомые нам слова. Все они полны смысла». Но письма, берегущие «мудрые тайны», не только иероглифы или клинописные знаки, над расшифровкой которых бьются умы выдающихся ученых. Для Рериха понятие «письма» выступает в расширенном и глубинном значении слова. «Мудрые тайны» хранят не только умершие языки древности, их дыхание доносит до нас и поэзия народных преданий. Но мы однозначно и придиричливо-педаггично подходим к легенде. По существу, мы усваиваем лишь внешнее начертание образа, не пытаемся пропикнуть в первоизначность смысла его. Мы забываем, что язык легенд — это язык древних символов. А он нами утрачен, и его надо восстанавливать.

«Знание преображается в легендах. Столько забытых истин сокрыто в древних символах. Они могут быть оживлены опять, если мы будем изучать их самоотверженно».

Но здесь, как нигде, неуместны буквальное прочтение текста, узколобый педантизм, который, тщательно пронумеровав каждое дерево в отдельности, не замечает, как деревья превращаются в лес. Открытие тайны приходит как результат озарения. Вот уж где ученый обязательно должен соединиться с поэтом.

«Истина не познается расчетами, лишь язык сердца знает, где живет великая Правда, которая несмотря ни на что ведет человечество к восхождению. Разве легенды не есть гирлянда лучших цветов? О малом, о незначительном человечество не слагает легенд».

Сказочные образы вырастают из реальных, а не иллюзорных устремлений людей и народов. Основа легенд и преданий при всей их внешней фантастичности жизненна и достоверна. Это для Рериха несомненно.

Потому и фольклор в праздничном великолепии сказочных элементов — проявление того инстинктивного и стихийного реализма, в котором всегда ищет выражения душа народная.

Рерих отмечает, что фольклор совпадает с находками археологов, что предание и песня подкрепляют пути истории. «Самая краткая пословица полна звучаний местности

Повелось постарп так,
Говорю: было так.

Триптих «Заклятие», открывающий книгу «Цветы Мории», явно навеян преданиями. В стихах оживает ритмика пародных заговоров («Змеем завейся, огнем спалися, сгинь, пропади, лихой»). Устремленность к Востоку, характерная уже для раннего периода творчества Рериха, объясняет появление таинственных имен, как бы привнесенных обжигающим ветром азиатских степей и пустынь.

Особый интерес представляет третье стихотворение цикла.

Камень знай. Камень храни.
Огнь сокрой. Огнем зажгися.
Красным смелым.
Спним спокойным.
Зеленым мудрым.
Знай один. Камень храни.

Эти строчки, написанные в 1911 году, перебрасывают мостик к дальнейшей работе Рериха-художника, к дальнейшим исследованиям Рериха-ученого. Он тщательно собирает легенды о Камне. На разных языках у разных народов они говорят об одном и том же. Как хвост кометы, тянется за камнем счастье, но недолго, ибо он подвижен, ибо он появляется там, где намечается единение людское. Волшебный камень Соломона (частицу кампья царь отколол и вставил в свой серебряный перстень), горюч-камень горы Арарат, камень, о который разбился новгородский богатырь в наказание за то, что не поверил в силу камня, камень, хранившийся в ковчеге средневекового Роттенбурга, камень, заповеданный стране, прокладывающей новые пути, — можно подумать, что речь идет о разных камнях, если б описания не сходились даже в деталях. Рерих высказывает предположение, что камень не просто выдумка, не просто символ, что он — реальность («Знаете ли вы, существует или нет тот камень, о котором знают так многие народы?»).

Ход рассуждений Рериха лишен всякого предубеждения. Почему бы в самом деле не быть камню? Почему бы ему как своеобразному посланцу космоса не аккумулировать в себе некую, еще неизвестную человечеству энергию, действие которой и породило пугающие и вдохновляющие легенды? Такой четкий и целенаправленный подход к народным преданиям во времена Рериха был полнейшей неожиданностью. На базе легенд, как на самой крепкой основе, он строил смелую гипотезу.

Слово «гипотеза» приложимо и к пафосу стихотворения «Священные знаки»:

Летали воздушные корабли.
Лился жидкий огонь. Сверкала
искра жизни и смерти.
Силою духа возносились
каменные глыбы.

Эти строчки поэт относил к Атлантиде.

Сейчас, когда теории о космических пришельцах и технической цивилизации, предшествовавшей нашей,— явление распространенное, они становятся даже сюжетами кинолент («Воспоминания о будущем»), вряд ли кого удивит такое предположение. «Что ж,— скажет наш современник, все более отвыкающий удивляться,— как гипотеза это вполне допустимо».

Но в те времена (1915 год) это было открытием, это было новым словом.

Отношение Рериха к прошлому действенно. Оно, если хотите, практично. Он говорит:

— Только темные невежды скажут: «Что нам до наших истлевших праотцев!» Наоборот, культурный человек знает, что, погружаясь в исследования выражения чувств, он научается той убедительности, которая близка всем векам и народам. Человек, изучающий водохранилища, прежде всего заботится узнать об истоках. Так же точно желающий прикоснуться к душе народа должен искать истоки. Должен искать их не падменно и предубежденно, но со всею открытостью и радостью сердца.

Прошлое, предопределившее пути наши, прошлое, которое исчезло лишь в своих внешних проявлениях, но не духовно, ибо оно — часть бытия нашего, волнует воображение художника. Он с восторгом повторяет слова древних майев, зазвучавшие вновь спустя три тысячи лет после того, как они были написаны:

«Ты, который позднее явишь здесь свое лицо! Если твой ум разумеет, ты спросишь, кто мы? Кто мы? Спроси зарю, спроси лес, спроси волпу, спроси бурю, спроси любовь! Спроси землю, землю страдания и землю любимую! Кто мы? — мы — земля».

3

Сказочный элемент все время вплетается в ткань стихов Рериха. Сама их инструментовка, приподнятая торжественность лексики созвучна строю легенд и преданий.

В стихах постоянно возникают атрибуты сказочного мира. Вот один из призывов к мальчику: «Отломи от орешника ветку, перед собою неси. Под землю увидеть тебе поможет данный мной жезл». По народным поверьям, с помощью волшебной ореховой палочки люди разыскивали клады и не только клады, но — что еще важнее — источники ушедшей под землю воды.

Сказки Рериха (многие из них опубликованы в первом томе его собрания сочинений) близки к стихам. Они близки не только содержанием (и сказки и стихи часто носят характер философской притчи), но и самой ритмической организацией. Одну из сказок («Лакшми-Победительница») Рерих перерабатывает для книги, превращая ее в стихи.

Снова приходится говорить об индийской традиции, ибо сюжет стихотворения заимствован из древневосточной мифологии. В индийской поэзии образ богини красоты и счастья Лакшми — обобщающий символ. Это имя обычно соединяется с понятием родины (стихи Тагора «Бенгалия — Лакшми», «Индия — Лакшми»).

Для Рериха в облике богини Лакшми воплощена красота женщины, вдохновляющая и преобразующая бытие человека. Недаром он повторяет изречение восточной мудрости: «Мир без женщины есть скала, лишенная цветов». Но цветы, вызвавшие к жизни эту аналогию, не украшательский орнамент нашей действительности. По словам тех же мудрецов древности, если бы лишить землю цветов, то она потеряла бы две трети своей жизнеспособности.

Женщина — ведущее и творческое начало мира. «Перечислять совершенное и вдохновенное женщиной значило бы описать историю мира... Под многообразными покровами человеческая мудрость слагает все тот же единый облик Красоты, Самоотверженности и Терпения. И опять на новую гору должна идти женщина, толкая близким своим о вечных путях...»

Образ женщины сопрягается со словом «победа» («Лакшми-Победительница»), он вырастает в величественный образ матери всего живущего, Матери Мира.

«...Приходят сроки, когда человечество обязано выявить все свои духовные силы и возможности. Женщины, опоясанные силой любви, венчаемые венцом подвига, как светлый дозор, как рать непобедимая, ополчаются против тьмы и зла и придут на помощь человечеству, которое находится в небывалой еще опасности».

Сюжет легенды несложен. К богине красоты и счастья («Глаза у благой бездонные... Вокруг груди и плеч разлиты ароматы из особенных трав. Чисто умыта Лакшми и ее девушки. Точно после ливня изваяния храмов Аджанты») приходит ее злая сестра Сива Тандава, страшный облик которой не могут скрыть ни запястья из горячих рубинов, ни паусковой смиренный вид («Из песней пасти торчали клык. Тело непристойно обросло волосами»). Она предлагает заключить сделку, выгодную, по ее мнению, для обеих сторон. На первый взгляд логика ее аргументов неотразима. Воздав хвалу неустанной деятельности богини, ткущей радостные покрывала для мира, сестра проявляет родственную озабоченность: «Слишком много прилежно ты поработала... Мало что осталось делать тебе... Без труда утучнеет тело твое... Забудут... люди принести тебе приятные жертвы... А ну-ка давай, все людское строенье разрушим... Мы обрушим горы. И озера высушим. И пошлем и войну и голод... И сотворю я все дела мои... И ты возгордишься потом, полная заботы и дела... Опять с благодарностью примут люди дары твои...»

О хитроумной механике темных Рериху приходилось говорить и писать постоянно. Прозрачная аллегория легенды раскрывает главную уловку темных — поставить себя на одну доску со светлыми, объявить себя силой, равнозначной Свету.

В романе Булгакова «Мастер и Маргарита» князь тьмы Воланд поражает Левия Матвея — ученика и посланца Иешуа убийственным софизмом: «Что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела Земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом?»

Так что же? Выходит, что светлые и темные — противоположные полюсы, которые, однако, разъять невозможно, не уничтожив целостности мира, а борьба между ними и является основным содержанием человеческой жизни? Так ли это? Нет. Не так. Силам света противостоит хаос. Их извечная задача — преобразовывать хаос мироздания, вносить творческое начало и порядок в многообразие еще несложившихся форм бытия. В этом созидательном процессе деятельность темных — вреднейшая и злейшая похота. Она, как ничто другое, мешает выполнять главную

задачу, задачу творчества жизни. Поэтому светлые и темные силы не антиподы, зависимые друг от друга и уравновешивающие друг друга, как трубят на всех перекрестках служители тьмы. Это лишь их уловка, жалкая попытка сделать вечным свое существование, которое отнюдь не вечно. Это претензия и потуги играть ту роль, которую они не играли, не играют и играть не будут.

Естественно, что Лакшми, для которой хитроумные ухищрения темных ясны заранее, отвергает выдумку злой богини. «Не разорву для твоей радости и для горя людей мои покрывала». Ни с чем уходит Сива Таандава. И когда она, безумствуя, пытается потрясти Землю, Лакшми успеет набросить свои покрывала.

Эти покрывала украшены повыми священными знаками — символами неодолимой силы радости и красоты бытия. Красота мира, говорит Рерих, и есть победительница.

4

«Древность выдает нам свои тайны, и будущее протягивает свою мощную руку восхождения».

Для Рериха неделим процесс, связующий воедино прошлое и будущее, историю и современность. Крайности, односторонне обозначающие ту или иную тенденцию (будь то идеализация прошлого или, наоборот, огульное отрицание прошлого и настоящего, претензия объявить себя искусством будущего), для него одинаково неприемлемы. Механические и искусственные противопоставления прошлого и будущего мертвы.

«Странны такие противоположения,— пишет художник.— Кто обернут лишь к прошлому, а кто только смотрит на будущее. Почему же не мыслится синтез, связывающий одну вечную пить знания? Ведь и прошлое и будущее не только не исключают друг друга, но, наоборот, лишь взаимоукрепляют. Как не оценить и не восхититься достижениями древних культур! Чудесные камни сохранили вдохновенный иероглиф, всегда применимый, как всегда приложима Истина.

Естественно, невозможно жить лишь в дедовском кабинете. Сам мудрый дед пошлет внуков «на людей посмотреть и себя показать...».

Тем не менее в дедовском кабинете накопилось то, что не найти во вновь отстроенном доме. У деда сохранились рукописи, которым не пришлось быть широко напечатан-

пыми. Было бы легкомысленно вдруг отказаться от всех прекрасных накоплений».

Крайности сходятся. Собственно, они немыслимы друг без друга, отрицанием друг друга и балаганной шумихой они поддерживают видимость своего существования. Именно видимость, потому что в них нет творческого начала, а следовательно, и жизни. Если уж прибегать к сравнению, то это побег, паразитирующие на древе жизни. Естественно, что крайности и односторонности в высшей степени чужды духу Рериха, работа которого шла под действительным знаком накопления и сохранения всего позитивного и творческого. Синтетичен был сам склад его гениального дарования.

«Его искусство не знает ограничения во времени и пространстве,— справедливо писал о творчестве Рериха профессор Генголи,— потому что он рассматривает Вселенную в ее прошлом, настоящем и будущем как одно целое, как нескончаемую песню, связывающую каменный век с веком электричества».

Отношение Рериха к прошлому лишено намека на сентиментальность или созерцательность. Путешествие по дорогам минувших столетий таит определенную опасность. Голос древности легко может обернуться голосом сирены, завораживающей творческий дух человека.

В непрестанном поступательном движении Рериху претит мысль об остановке, о промедлении. «Промедление смерти подобно» — этому знаменитому изречению Петра I он посвятит целую статью. Малейший перерыв в движении, даже мгновенная остановка в пути духовного развития может быть губельна для человека — убежден Рерих.

«Самое страшное — это повернуть голову человека назад — иначе говоря, удушить его. В старину говорили, что дьявол, овладевая человеком, всегда убивает, повернув голову назад. То же самое выражено и в обращении жены Лота в соляной столб. Она, вместо того чтобы устремляться в будущее, все-таки обернулась назад и мысленно и телесно окаменела».

Известен случай, когда в присутствии художника один его элегически настроенный знакомый, сетуя на жизнь, вздохнул о невозвратном прошлом. С какой горячностью прервал эти излияния Рерих, воскликнув: «Что значит все прошлое перед будущим?!»

Да, он настаивает на изучении древности («мы будем изучать ее вполне и добросовестно, и доброжелательно»), по его обращению к прошлому подчинено организующей

идее: «Также... изыскания позволят нам выбрать то, что наиболее ясно применимо в проблемах будущего».

Его чеканные афоризмы свидетельствуют о целенаправленности, о постоянной устремленности к творческому созиданию. «Прошлое лишь окно в будущее... Любите прошлое, когда оно вынырнет из нажитых глубин, но живите будущим... Из древних, чудесных камней сложите ступени грядущего».

Глава пятая

«РАДОСТЬ — СИЛА НЕПОБЕДИМАЯ»

1

Природа — обязательный персонаж произведений Рериха. Типичная для него композиция: путник и пейзаж, то радостный, то напряженно-тревожный, угрюмый, а подчас соединяющий и то и другое. Природа никогда не выполняла в творчестве Рериха вспомогательной роли. Пейзаж — это не фон, на котором разворачиваются события. Пейзаж, как и человек, равноправный и действительный участник событий. Вслед за Тютчевым художник мог бы повторить:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

— Надо природу понимать, — призывает Рерих. — Надо войти в нее как бы сотрудником ее, не осудительно, но восхищенно.

Природа для художника ни в коей мере не ассоциируется с бегством от напряженных будней повседневности. Она даже не связана с мыслью об отдыхе или минуте отрешенности и забвения. Нет, слияние с природой для него обозначает нечто другое. Активная натура художника воспринимает природу как могучий генератор, дарующий человеку физическую и духовную энергию.

«Антей прикасался к земле для наполнения силою, для обновления мощи духа. Конечно, не в опьянении он падал на землю, но сознательно он прикасался к земле, и тогда она сообщала ему здоровое обновление. Антей назывался могучим великаном. Не от целебных ли прикосновений к земле он получил навсегда это мощное наименование?»

Красота окружающего мира дарит человеку радость. Но вместить ее, разлитую повсюду, может лишь открытое, свободное от страха и уныния сердце. В стихотворении «Наш путь» поэт рисует пейзаж, не замкнутый в себе и своем безмолвии, а приближенный к человеку («Путники, сейчас мы проходим сельской дорогой. Хутора чередуются полями и рощами»). В стихотворении возникают трогательные образы детей.

Мальчик нам подал чернику
в бересте. Девушка протянула
пучок пахучей травы. Малыш
расстался для нас со своей
в полоску нарезанной палочкой.
Он думал, что с песю нам
будет легче идти.

Но как же реагируют на бескорыстное движение сердца взрослые путники, столь щедро одаренные малышами. А вот как:

Мы проходим.
Никогда больше не встретим
этих детей. Братья, мы отошли
от хуторов еще далеко,
но вам уже надоели подарки.
Вы рассыпали пахучую траву.
Ты сломал корзинку из бересты.
Ты бросил в канаву палочку,
данную малышом. К чему нам
она? В нашем долгом пути.
Но у детей не было ничего другого.
Они дали нам лучшее из того,
что имели, чтобы украсить наш путь.

Аллегория стихотворения несет в себе обобщающую мысль. Конечно, «наш путь» символизирует собой путь человеческого познания. Но познание, взвешивающее лишь на строгих аптекарских весах холодного разума, не в силах пропикнуть в красоту окружающего мира. А значит, оно неполно. Познание становится истинным лишь тогда, когда к нему на полную мощь подключается сердце. Библейское изречение, характеризующее путь познания как скорбный и трагический («во многой мудрости много печали»), Рерих решительно отвергает. В истоке познания, в существе его — радость. Познание начинается с радости. Рерих недаром многократно повторит знаменитое восточное изречение: «Радость есть особая мудрость».

«...К черте подойдем и заглянем. В тишине и молчаньи». «Тишина и молчанье». Рерих делает на этих словах смысловое ударение. Они становятся ключевыми в лексическом рисунке стиха. Сам облик Учителя (еще раз напомню, что для Рериха слово «Учитель» обозначает творческий зов жизни) сливается с безмолвием, и голос его звучит из безмолвия.

Не знаю и не могу,
 Когда я хочу, думаю,—
 кто-то хочет сильнее?
 Когда я узнаю,—
 не знает ли кто еще тверже?
 Когда я могу — не может ли
 кто и лучше, и глубже?
 И вот я не знаю и не могу.
 Ты, в тишине приходящий,
 безмолвно скажи, что я в жизни
 хотел и что достигнуто мною?

Но слова «тишина», «молчанье», «безмолвье», которые у нас нередко отождествляются с такими понятиями, как «бездейственность», «созерцательность», «отрешенность», не должны ввести нас в заблуждение. Вот что пишет Рерих по этому поводу:

«Есть два вида тишины. Беспомощная тишина инертности, которая знаменует распад, и тишина могущества, которая управляет гармонией жизни... Чем она совершеннее, тем глубже мощь и тем больше сила действия.

В этой тишине нисходит истинная мудрость... Поверхностная деятельность ума должна остановиться, и молчанье заменит беспокойство. И затем в тишине — в той беззвучной глубине — приходит озарение. И истинное знание становится безошибочным источником истинного действия».

Нет нужды доказывать, что в данном случае речь идет о тишине второго рода, тишине творческого напряжения и внутреннего озарения духа человеческого.

Юный Тютчев писал:

Есть целый мир в душе твоей
 Таинственно-волшебных дум;
 Их оглушит наружный шум,
 Дневные разгонят лучи,—
 Внимай их пенью — и молчи.

Мир «таинственно-волшебных дум» Рериха концентрируется вокруг величественного образа Учителя. Отличи-

тельная черта внутреннего мира художника — устремленность. Здесь все подчинено единой идее. Здесь все устремлено ввысь, к тому, что поэт объединяет словом «Учитель».

Звуки жизни случайной меня
не тревожат. Жду. Я знаю, что ты
меня не покинешь. Ко мне
подойдешь. Образ твой в молчании я сохранию.

3

Есть у Рериха статья «Небесное зодчество». В ней он делит людей на два вида. «Одни умеют радоваться небесному зодчеству, а для других оно молчит или, вернее, сердца их безмолвствуют». Чувство, которое сам художник определяет словами «восторг о небе», присутствует у него всюду. Звучащее небо властвует в его картинах, но оно не отделяется от земли, не противопоставляется земле. Более того. Как справедливо отмечает Леонид Андреев, художник стремится «небесное объяснить земным».

— «Ведь не сидение на тучах» и «не играние на арфах» и не «гимны неподвижности», но упорный и озаренный труд сужден, — пишет Рерих. — Не маг, не учитель под деревом, не складки хитона, но рабочая одежда истинного подвига жизни приведет к вратам прекрасным».

«Не маг, не учитель под деревом». Облик Учителя, который может поначалу показаться фантастическим, обретает реальную достоверность. Не призрачна его деятельность, она идет под знаком врачующей помощи людям. («У тебя на полках по стенам многие склянки стояли. Разноцветны они. Закрыты все бережливо. Иные обернуты плотно, чтобы свет не проник. Что в них — не знаю. Но их сурово хранишь... Помощь твоя мне нужна. В твои составы я верю»). Высокий пример того, кого Рерих именуется Учителем, вновь и вновь обращает его взгляд к земле».

Начатую работу Ты мне оставил.
Ты пожелал, чтоб я ее продолжил.
Я чувствую твое доверие ко мне.
К работе отнесусь внимательно
и строго. Ведь Ты работой этой
занимался сам. Я сяду к Твоему
столу. Твое перо возьму.
Расставлю Твои вещи, как
бывало. Пусть мне они помогут.
Но многое не сказано Тобою,

когда Ты уходил. Под окнами
торговцев шум и крики.
Шаг лошадей тяжелый по
камням. И громыханье колес
оббитых. Под крышею свист
ветра. Спастей у пристани
скрипенье. И якорей тяжелые
удары. И птиц приморских
вопли. Тебя не мог спросить я:
мешало ли Тебе все это?
Или во всем живущем Ты
черпал вдохновение. Насколько знаю,
Ты во всех решенных от земли не удалялся.

Во всем живущем черпать вдохновение — таков неколебимый завет истинного творчества. Любителям чудес и феноменов Рерих отвечает: мир, окружающий вас, и есть феномен подлинно чудесный. В повседневности таится возможность того, что люди именуют сказкой. Надо лишь уметь видеть необыкновенное в обыкновенном. Красота жизни разлита повсюду. Она мерцает даже в том, что на первый взгляд кажется малопригодным и будничным. В стихотворении «Замечаю» поэт поведал историю, похожую на притчу, о незнакомом человеке, поселившемся около сада. Он оказался певцом. Но вот что замечательно. Год идет за годом, а он не повторяется в песнях. «Песнь незнакомца всегда нова». Наконец, люди обращаются к нему с вопросом: «Откуда берет он новые слова и как столько времени нова его песнь?»

...Он
очень удивился как будто я,
расправив белую бороду, сказал:
«Мне кажется, я только вчера
поселился около вас.

Я еще не успел рассказать даже
о том, что вокруг себя замечаю».

Труд земли, любой, лишь бы в него был внесен творческий порыв, рождает «восторг о себе». «И самый прозаичный быт полон чудесности. Чудеса отменены, а чудесность бытия стучится во все двери».

4

Встаешь, друг.
Получена весть.
Окончен твой отдых.

Властная интонация стихов прорезает тишину, как звук сигнальной трубы. То, что вчера было лишь туманным предчувствием, сегодня становится ясно различным зовом. Радостное дыхание вести преобразует мир. Взгляду открывается «несказуемая по красоте своей небесная книга».

Небо почное, смотри,
невиданно сегодня чудесно.
Я не запомню такого.
Вчера еще Кассиопея
была и грустна и туманна,
Альдебарап пугливо мерцал.
И не показалась Венера.
Но теперь воспрянули все.
Орион и Арктур засверкали.
За Алтавром далеко
новые звездные знаки
блещат и туманность
созвездий ясна и прозрачна.
Разве не видишь ты
путь к тому, что
мы завтра отыщем.
Звездные руны проснулись.
Бери свое достоянье.
Оружье с собою не нужно.
Обувь покрепче надень.
Поднявшись потуже.
Путь будет наш каменист.
Светлеет восток. Нам пора.

По настроению, по замыслу, по влутрепшей наполненности стихи продолжают цикл картин Рериха с названиями, которые характеризуют их больше, чем любое описание: «Звезда Героя», «Звезда Матери Мира», «Звездные руны».

Сверкающее звездное небо в сердце человека вселяет восхищение и оптимизм: «...в самые трудные дни один взгляд на звездную красоту уже меняет настроение; беспредельное делает и мысли возвышенными».

«Стучится вестник, и чем необычнее час, тем трепетнее ожидание». Но получить весть не так просто. Для этого надо быть бдительным к любым явлениям жизни. Для этого должно напряженно вслушиваться в звучащие дали.

В жизни так много чудесного.
Каждое утро мимо нашего берега
проплывает неизвестный певец.
Каждое утро медленно из тумана
движется легкая лодка и
всегда звучит новая песнь.

И так же, как всегда, скрывается
певец за соседним утесом.
И нам кажется: мы никогда
не узнаем, кто он, этот
певец, и куда каждое утро
держит он путь. И кому
поет он всегда новую песнь.
Ах, какая надежда наполняет
сердце и кому он поет?
Может быть, нам?

Действительно, кто и как может вычислить то радостное мгновение, когда постучится вестник? «Должен ли он найти вас на башне, или должен найти в катакомбах — вы не знаете этого, да и не должно знать, ибо тогда нарушилась бы полная готовность. Будьте готовы».

Весть может прийти отовсюду, да и вестник может быть самым неожиданным. Поэтическому воображению художника он иногда рисуется огненным гонцом, встающим на столбах света. Он может явиться торжественным посланцем с драгоценным подарком от Владыки («Эй вы, уличные гуляки! Среди моего ожерелья есть от Владыки давший мне жемчуг!»). Но он может оказаться ничем не примечательным человеком, и тогда его нужно отличать от других людей не по одежде, но по огненным глазам, па-электризованным мыслью.

«Сердце звучит на все необычное и крепко врезает эти многоценные печати в сознание. Когда же мы видим далекого путника на безбрежной, снежной равнине, нам думается, что не случайно и не бесцельно совершает он трудный путь.

Наверно, он несет важную новость; и ждут его те, кто поймет знамение будущего».

Рерих как бы раскрывает смысл знаменитой восточной поговорки: «Если надо — и муравей гонцом будет». Важен не муравей, важна весть, важно услышать и понять сердцем творческий зов жизни. А «вестник даже в одежде телеграфиста уже нечто особенное».

Образ вестника — один из самых любимых образов Рериха. Он заставляет обратиться к его биографии, ибо слова «гонец» и «вестник» выражают существо его творческой устремленности, его жизни, в которой главным мотивом звучало не «я» и «меня», а «через меня». Именно так и воспринимали Рериха его современники. В биографическом очерке о художнике Всеволод Никапорович Иванов пишет:

«И не себя ли... чувствует гонцом и Рерих, когда он

идет по миру, пересаживаясь с корабля на поезд, с поезда на автомобиль, подчас рискуя своей собственной жизнью? Какая неслыханная сила влечет его за собой, толкает, заставляет обращаться к миру со своими потрясающими душу картинами, со своими глубокими проповедями?..

Это — и есть подвиг. Это — требование подвига. Это — сознание необходимости подвига для всего живущего, сознание его неотвратимости, необорности... Из России несет Рерих этот зов, из той удивительной России, в которой всегда главным вопросом человеческого существования было:

— Как жить, чтобы святу быть?»

5

..Вестник,
мой вестник. Ты стоишь и
улыбаешься. Нет ли у тебя
приказа лечить несчастье улыбкой?

Собственно, вопрос заключает в себе утверждение и приказ (если уж таким словом назвать пришедшую весть), это «приказ, выводящий из сумерек, — РАДУЙСЯ». Нет и не может быть такого положения, в котором бодрый человеческий дух не разглядел бы просвета.

«Каждая радость уже есть новый путь, новая возможность. А каждое уныние уже будет потерей даже того малого, чем в данный час мы располагали. Каждое взаимное ожесточение, каждое рождение обиды уже будет прямым самоубийством или явною попыткой к нему.

Окриком не спасешь, приказом не убедишь, но светлое «радуйся» истинно, как светильник во тьме, рассеет все сердечное стеснение и затемнение».

В то время, когда писались эти строки, среди части творческой интеллигенции Запада, так или иначе заблудившейся в сумерках буржуазного мира, растерявшейся на трудных путях земных, распространилось настроение, которое Горький ядовито и метко окрестил «космическим пессимизмом». Отношение Рериха к действительности, к процессам, преобразующим ее, можно назвать прямо противоположными словами: космическим оптимизмом. Радость, убежденная и воистину всеобъемлющая, одухотворяет его творчество.

Вспомним полотна, на которых с такой дерзостью запечатлены безбрежные пространства, залитые волнами победоносного света. Вспомним синеющие горные вершины, устремленные к облакам — и даже не к облакам, а куда-то выше, в солнечные и космические бездны. Вспомним яростную борьбу света и тьмы, которую Рерих изображает с экспрессней неведомого автора «Слова о полку Игореве». Вспомним лейтмотив его полотен — мотив торжества человеческого и созидательного начала над необузданным хаосом...

Наверное, полотна Рериха ярче, грандиозней, монументальней его маленьких поэм, но и эти — драгоценны, и в них с не меньшей силой проявился тот универсальный оптимизм, который вообще характерен для внутреннего мира художника.

За моим окном опять светит
солнце. В радугу оделась все
былинка. По стенам развеваются
блестящие знамена света. От радости
трепещет бодрый воздух. Отчего
ты не спокоен, дух мой? Устрашился
тем — чего не знаешь. Для тебя
закрылось солнце тьмою. И поникли
танцы радостных былинки.
Но вчера ты знал, мой дух,
так мало. Так же точно велико
твое незнание. Но от вьюги было
все так бедно, что себя ты
почитал богатым. Но ведь солнце
вышло для тебя сегодня. Для тебя
знамена света развернулись.
Принесли тебе былинка радость.
Ты богат, мой дух. К тебе
приходит знание. Знания света
пад тобою блещет!

Веселись!

Как мы уже неоднократно убеждались, поэзию Рериха трудно отделить от его публицистики, и не только потому, что в ней разрабатываются те же мотивы, но и потому, что она — поэтична. Стихи Рериха и его философско-поэтическая публицистика все время подкрепляют друг друга. Мысль о всепобеждающей волне радости, воплощенная в афористичные строчки стихов, находит столь же чеканное выражение в многочисленных статьях художника.

«Не для слез и отчаяния, но для радости духа созданы красоты Вселенские. Но радость должна быть осознана, а без языка сердца где же раскинет радость светоносный шатер свой? Где же, как не в сердце, твердыня радости?»

Осознавший область сердца неминуемо пристаёт к берегам творчества».

Радость — это особого рода мудрость. Мудрость творческая, преобразующая. Выявленная созидательным духом человека, она — оружие света; она, как гласит афоризм древней мудрости, — «сила непобедимая». «Ведь если бы весь мир возрадовался хотя бы на одну минуту, то все Иерихонские силы тьмы пали бы немедленно».

Глава шестая

«ПОДУМАТЬ О ВЕЧНОМ»

1

Уже при самом беглом ознакомлении со стихами Рериха замечаешь одно обстоятельство, которое поначалу кажется парадоксальным. Поэт, отличающийся такой неповторимой индивидуальностью, как бы озабочен стремлением растворить свою индивидуальность в какой-то философско-художественной стихии. Перед нами лирика, ибо мы видим в стихах Рериха то субъективное начало, которое составляет основу данного рода поэзии. Но какая странная лирика. Автор показывается на миг — и сейчас же уступает свое место некоему синтетическому образу человека, образу Учителя, который хочет запечатлеть на новых скрижалях мудрость, созревавшую в сознании и в практической деятельности многих поколений.

Подчеркнуто безличны и стихи, объединенные названием «Мальчику». Именно в них особенно резко проступает и сходство с индийской традицией (форма обращения к Учителю), и различие (здесь не ученик обращается к Учителю, а Учитель — к ученику, который в его глазах не более как мальчик). Стихи носят характер внутренних бесед. Я думаю, что почти каждому из нас знакомо то состояние духа, когда во время усиленной внутренней работы или подготовки к чему-то важному, как бы утешая и поддерживая себя, обращаешься к себе во втором лице. В стихотворной сюите Рериха это становится организующим принципом.

«Мальчик, ты говоришь, что к вечеру в путь соберешься. Мальчик мой милый, не медли... Если ты медлишь идти, значит, еще ты не знаешь, что есть начало и радость, первоначало и вечность». «Мальчик, с сердечной печалью ты сказал мне, что стал день короче, что становится снова

темнее. Это затем, чтобы новая радость возникла, ликование рождению света».

Мысль достигает высочайшего накала, ибо человек поставлен лицом к лицу с беспредельностью, ошеломляющей его своей необъятностью, грозящей растворить его в себе. «Притель, опять мы не знаем? Опять нам все неизвестно. Опять должны мы начать. Копчить ничто мы не можем».

Философия Рериха, сгущенная в стихотворные строчки, лишена и намека на пассивность. Это философия активного действия. На первый план выступает требование углубленной работы человеческой мысли. («Мальчик, опять ты ошибся. Ты сказал, что лишь чувствам своим ты поверишь. Для начала похвально, но как быть нам с чувствами теми, что тебе незнакомы сегодня, но которые ведомы мне».)

Круговорот событий стремителен и непостижим. Картины мира, не успев уложиться в сознании, меняются с пугающей быстротой. («Смотри, пока мы говорили, кругом уже все изменилось. Ново все. То, что нам угрожало, нас теперь призывает. Звавшее нас ушло без возврата».)

Как устоять, как разобраться в этом вечно подвижном разнообразии форм? Есть ли ариаднина нить, ведущая из нескончаемого лабиринта? Есть.

Брат, покнишем
все, что меняется быстро.
Иначе мы не успеем
подумать о том, что для
всех неизменно. Подумать о вечном.

«Подумать о вечном» — вот ведущий мотив философской лирики Рериха.

Но напряженный поиск истины не замыкается на чужих источниках. Изучение чужого опыта может послужить толчком для внутреннего развития, но не подменить его самого. Рерих разделяет мысль ряда индийских философов, что истина не в книгах, а в медитации, то есть в самостоятельной работе человеческого духа. Истина внутри нас. «Ищи луну на небе, а не в пруду» — гласит популярная восточная поговорка. Может быть, эту поговорку поэт развертывает в яркую символическую картину.

Над водоемом склонившись,
мальчик с восторгом сказал:
«Какое красивое небо!
Как отразилось оно!
Оно самоцветно, бездонно!» —

«Мальчик мой милый,
Ты очарован одним отраженьем.
Тебе довольно того, что внизу.
Мальчик, вниз не смотри!
Обрати глаза твои вверх.
Сумей увидеть великое небо.
Своими руками глаза себе не закрой».

2

Коренные вопросы человеческого бытия Рерих ставит в упор, обнаженно. Предельная четкость и конкретность мысли не допускают никаких ответвлений, уводящих в сторону. Никакой словесной вязи. Она неуместна, когда речь идет о смысле жизни.

Мальчик жука умертвил,
Узнать его он хотел.
Мальчик птичку убил,
чтобы ее рассмотреть.
Мальчик зверя убил,
только для знанья.
Мальчик спросил: может ли
он для добра и для знанья
убить человека?
Если ты умертвил
жука, птицу и зверя,
почему тебе и людей не убить?

Постановка вопроса предваряет ответ. Здесь не может быть «если». И не холодным рассудком можно решить альтернативу, а сердцем. «И зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове». Неспроста эти щемящие строчки русского поэта так созвучны самому складу народного характера Индии, где с детских лет приучают чтить любое проявление жизни. Трепетное единство со всем живым наполняет человеческое сердце, особенно детское, доверчивое и легко ранимое. В одном из очерков Рерих воспроизводит трагический случай, о котором он узнал из газетного сообщения:

«Знакомые подарили мальчику щенка. Мальчик кормил собачку из своих рук, играл с ней целыми днями и даже брал ее с собой, в свою кровать. Между ребенком и собакой установилась самая нежная дружба.

Отец по утрам открывал клетку с канарейкой и выпускал ее летать по комнатам. Щенок подкараулил канарей-

ку, ударил ее лапой и придушил. Отец схватил щенка за задние лапы и на глазах своего сына ударил щенка головой об стенку и убил его. Ребенок был страшно потрясен этой картиной жестокой расправы отца со своим любимцем. Спустя несколько времени мальчик стал жаловаться на сильную головную боль, указывая, что, очевидно, так же болела голова у его щенка, когда отец убивал его, ударив об стену.

На следующий день у ребенка поднялась температура. Вызвали врача, который высказал подозрение на нервную горячку и потребовал, чтобы родители перевезли мальчика в больницу. На третий день болезни врачи, по характерным признакам западания головы назад, определили у мальчика заболевание менингитом. Причиной заболевания, возможно, послужило то потрясение, которое ребенок пережил, наблюдая картину убийства отцом его любимой собачки. На пятый день мальчик умер».

Рерих добавляет: «Вы представляете себе сверлящую мысль умирающего мальчика о том, что его собачке было так же больно, когда ее убивал отец. В этом «так же точно» выражено очень многое. Наверное, когда мальчик говорил это, то никто толком и не обращал внимания на тяжкий смысл сказанного, а вот теперь, когда он умер, тогда и его слова запечатлеваются и, конечно, над ними думают».

Утверждение доброго начала в людях — вот главный нравственный принцип художника. Безусловная вера в доброе начало — краеугольный камень его миропонимания. Однозначно-арифметический подсчет общей суммы добра и зла может подчас лишь завести в тупик. Мысль человека должна погружаться в глубины, а не скользить по поверхности. «Уговори себя думать, что злоба людей неглубока. Думай добрее о них, но врагов и друзей не считай!»

Кстати, пафос стихотворения нашел практическое приложение в жизни художника. Рерих вспоминает:

«Приходилось писать «друзей и врагов не считай» — это наблюдение с годами становилось все прочнее. Сколько так называемых врагов оказались в лучшем сотрудничестве и сколько так называемых друзей не только отвалились, но и впали во вредительство, в лживое бесстыдное злословие. А ведь люди любят выслушивать именно таких «друзей». По людскому мирскому мнению, такие «друзья» должны знать нечто особенное. Именно о таких «друзьях» в свое время Куинджи говорил, когда ему передали о гнусной о нем клевете: «Странно, а ведь этому человеку я

никогда добра не сделал». Какая эпика скорби сказывалась в этом суждении.

Но о радостях будем вспоминать, жизнь есть радость».

Не языком холодного и отвлеченного разума говорит мудрость. Она — и сердце, и разум, объединенные высоким устремлением духа. Ей всегда сопутствует человечность, ибо не в себе замкнута мудрость, а для людей и во имя людей она. Поэтому улыбка мудрости ободряюща. Она понимает боязнь первых шагов еще не окрепшего творческого духа. («Замолчал? Не бойся сказать. Думаешь, что рассказ твой я знаю, что мне его ты уже не раз повторял? Правда, я слышал его от тебя самого не однажды. Но ласковы были глаза, глаза твои мягко мерцали. Повесть твою еще повтори»). Она понимает самые глубокие и сокровенные движения сердца человеческого.

Плакать хотел ты и не знал,
можно ли? Ты плакать боялся,
ибо много людей на тебя
смотрело. Можно ли плакать
на людях? Но источник слез
твоих был прекрасен. Тебе
хотелось плакать над безвинно
погибшими. Тебе хотелось лить
слезы над молодыми борцами
за благо. Пад всеми, кто отдал
все свои радости за чужую
победу, за чужое горе. Тебе
хочется плакать о них.
Как быть, чтобы люди
не увидели слезы твои?
Подойди ко мне близко.
Я укрою тебя моей одеждой.
И ты можешь плакать,
а я буду улыбаться, и все
поймут, что ты шутил и
смеялся. Может быть, ты
интал мне слова веселья.
Смеяться ведь можно при всех.

Не свысока смотрит мудрость на мир, не осудительно. Есть что-то трогательное в ее отношении к человеческому бытию. Если порою она проходит мимо, не вмешиваясь во внешнюю суету людей, то только потому, что знает: прямое вмешательство не поможет, наоборот, еще более ожесточит упрямый дух. Надо застаться терпением. Надо подождать, когда дети вырастут во взрослых.

На мощной колонне храма сидит
малая птичка. На улице дети
из грязи строят непристунные

замки. Сколько хлопот около этой забавы! Дождь за ночь размыл их твердыни, и конь прошел через их стены. Но пусть пока дети строят замок из грязи и на колонне пусть сидит малая птичка. Направляясь к храму, я не подойду к колонне и обойду стороною детские замки.

Но духовная работа мудрости, не всегда заметная для окружающих, не прекращается ни на миг. Она повсеместна. Как детям, которых предостерегают: «во время игры не деритесь», она говорит взрослым: «Попробуйте прожить один день, не вредя друг другу. Кажется, что в такой день, который бы человечество прожило без вреда, совершилось бы какое-то величайшее чудо, какие-то прекраснейшие, целительные возможности снизошли бы так же просто, как иногда снисходит добрая улыбка сердца или плодоносный ливень на иссохшую землю».

3

«Все полно подвигов. Везде герои прошли». Эта тема, однажды появившись, не исчезает; она, как нарастающая мелодия в операх Вагнера, возникает вновь и вновь, подключая к себе всю мощь невидимого оркестра.

Возвращаясь мыслью к сагам и сказкам, Рерих отмечает, что в них действуют чудесные строители, творцы добра и славы, светлые воины. Мифы, которые в конечном счете являются отображением действительности, повествуют об истинных героях, живших среди людей и совершавших свои подвиги на земле. Весь опыт прошлого, действительно приложенный к проблемам современности, свидетельствует, что основой совершенствования личности и нации было почитание героизма, а цинизм был, есть и будет формой разложения.

«Наблюдать устремленное шествие героев всех веков — это значит оказаться перед беспредельными далями, наполняющими нас священным трепетом. По существу нашему мы не имеем права отступить».

«Мы не имеем права отступить. Геронизм, — говорит Рерих, — это основное качество человека».

Все в человеке. Все приходит как результат его героических усилий. Собственных усилий — подчеркивает Ре-

рих. В стихотворении «Взойду» он ставит человека перед лицом сурового и ответственного испытания. Через него так или иначе проходит каждый из нас, когда остается один на один с пугающей беспредельностью мира. Один. Без поддержки. Без помощи, видимой и ощутимой физически.

Не важно, как долго продлится такое состояние. Мгновение пронзительного одиночества может показаться вечностью. Но и наедине с бесконечностью мироздания человек должен дерзко воскликнуть, как восклицает Рерих: «И один я взойду!»

Индивидуален и неповторим путь каждого человека. Его сокровенный мир нельзя постичь поверхностным взглядом. Да и что может увидеть сторонний наблюдатель, если к тому же он во власти предубеждения или предрассудка. О бисере, который не стоит метать понапрасну, сказано давно. Между своим внутренним миром и настороженным, подозрительным, чуждым и враждебным взглядом Рерих ставит преграду: «Не открою!»

Усмешку оставь, мой приятель.
Ты ведь не знаешь, что у меня
здесь сокрыто. Ведь без тебя
я заполнил этот ларец.
Без тебя и тканью закрыл.
И ключ в замке повернул.
На стороне расспросить
тебе никого не удастся.
Если же хочешь болтать —
тебе придется солгать.
Выдумай сам и солги,
но ларец я теперь не открою.

В стихотворении отчетливо проступает биографический момент. Необычайные творческие достижения Рериха нередко порождали и недоумение, и недоверие, и противодействие. Казалось, что кого-то пугают фантастические внутренние возможности, заложенные в человеке-творце. Доходило до того, что успехи художника приписывались вмешательству неких сверхъестественных сил. («Если же хочешь болтать — тебе придется солгать»).

Человека, в котором пробудились творческие возможности, Рерих сравнивает с дозорным. Бдительность и постоянная внутренняя готовность — вот что отличает его от других людей. «Священный дозор». Творческий зов жизни не может, не должен застать нас врасплох.

Зорко мы будем смотреть.
Остро слушать мы будем.
Будем мы мочь и желать
И выйдем тогда, когда — время.

4

Кто притаился за камнем?
К бою! Врага вику и!

«Войны бывают всякие, — проясняет свою мысль художник, — и внешние, и внутренние. И зримые, и незримые. Которая война страшнее — это еще вопрос».

Тема духовной битвы так или иначе возникает в любом произведении Рериха. Ее напряжение определяет весь ритм его деятельности. Недаром на склоне лет художник вспоминал:

«Странно, всегда мечтали о мире, о мире всего мира, а жизнь вела битвами, какими разнообразными битвами! Иной раз казалось, неужели нельзя было обойтись без того или иного сражения? Но нет, ведь не мы искали битвы, а она надвигалась неизбежно. И, как говорил один наш друг: «Нужно защищаться».

Одна оборона бессильна, значит, приходилось наступать и действовать. Наверно, благословенно это действие, когда, подобно Дмитрию Донскому, можно ответить преподобному Сергию: «Все средства к миру исчерпаны». И ответ был: «Тогда победишь».

Духовная битва не локальна. Она всеохватна. Она космична. Понятия достоинства, чести и подвига не должны быть отвлеченными. Они должны проявляться во всех обстоятельствах будничной жизни, ибо каждый день — это лишь своего рода поход. Выступая по делийскому радио, художник призывает к подвигу, творимому в жизни непрерывно.

«В любом обиходе, в каждом труде может коваться доспех подвига. Мудро произнесено «герои труда». Битва за лучшее будущее не только на полях сражений. Неустойчивость, терпение, достижение лучшего качества испытывается в жизни каждого дня».

Устремленность к подвигу должна быть так же естественна, как естественно желание жить. Она должна призывать не только видимые деяния человека, но и то за-

таенное и невидимое, что он пытается порою спрятать даже от своего внутреннего взора.

«Мы ждем героизм, который останется героическим даже в своих тайных помыслах. Мы ждем героев, которые поражают драконов в частной жизни. Мы желаем то царственное мужество, которое подавляет каждый недостойный импульс, как только он зарождается. Быть героичным должно заключаться в самой природе человеческой».

5

Встань, мой мальчик, за мною.
О враге ползущем скажи...
Что впереди, то не страшно.

Не страшно, потому что граница между светом и тьмою легко различима вовне. Но попробуй различить ее, когда речь идет о внутреннем мире человека. Тьма ползет незаметно. Невежество и его «исчадия» — страх, зависть, корысть, злоба — порождают опаснейшие болезни. Начинается духовное и душевное разложение. Вот почему голос, обращенный к человеку, предупреждает прежде всего против инстинкта собственности, быть может, самого живучего из всех наших инстинктов.

Мальчик, вещей берегись.
Часто предмет, которым владеем,
полон козней и злоумышлений,
опаснее всех мятежей.

Сколько раз случалось, что вещи делали людей неподвижными. Сколько прискорбных примеров, когда люди, казалось бы, интеллигентные и даже обладающие творческими возможностями, обрекали себя из-за вещей на угрюмо-замкнутое безрадостное существование. «Ох уж эти вещи! Эти мохнатые придатки пыльного быта. Иногда они начинают до такой степени властвовать, что голос сердца при них кажется не только неправдоподобным, но даже как бы неуместным».

Бесчисленны аспекты сражения между светом и тьмой. В невидимых человеческому глазу формах ее ярость лишь обостряется. Вот где действительно нужна готовность и бдительность, вот где необходима тотальная мобилизация всех духовных сил. Дантовские круги ада поневоле приходят на ум, когда читаешь стихи Рериха о перипетиях этой внутренней борьбы человека.

Ошибаешься, мальчик! Зла — нет.

.....
Есть лишь несовершенство.
Но оно так же опасно, как то,
что ты злом называешь.
Князя тьмы и демонов нет.
Но каждым поступком
лжи, гнева и глупости
создаем бесчисленных тварей,
безобразных и страшных по виду,
кровожадных и гнусных.
Они стремятся за нами,
наши творенья! Размеры и вид их
созданы нами.
Берегися рой их умножить.
Твои порожденья тобою
питаться начнут.

— Поистине каждый свидетельствует о себе,— говорит Рерих.— В тайных мыслях он оформляет будущее действие. Лжец боится быть обманутым. Предатель в сердце своем особенно страшится измены. Невер в сердце своем трепещет от сомнения. Героическое сердце не знает страха. Да, мысль управляет миром. Прекрасно сознавать, что, прежде всего, мы ответственны за мысли.

«Мы ответственны за мысли». Вот почему и чувство и мысль должны быть воспитаны. Вот почему такой сокровенный смысл обретают звенящие строчки Рериха:

...Победа тебе суждена,
если победу
захочешь.

6

Поэму «Наставление ловцу, входящему в лес» предврядет вступительное слово, небольшое, всего несколько строк, но очень важное для понимания духовной направленности автора.

Дал ли Рерих из России — примите.
Дал ли Аллал-Минг-
Шри-Ишвара из Тибета — примите.

Как уже говорилось, Рерих все время стремится придать безличный характер стихам. Здесь же это стремление провозглашается как принцип.

Мысль об анонимности творчества чрезвычайно дорога Рериху. Он варьирует ее на все лады. Безымянность про-

изведений народного искусства — вдохновляющий пример для художника. Имя Рерих сравнивает с отсохшим листом, который унесен вихрем времени. Бессмертно лишь само творчество, бессмертно лишь Прекрасное.

«Разве кому-либо, кроме творца, нужно определенное имя? Пустой звук. Отошедший в забвение, пенужный набор звуков. Подумайте об анонимности творчества. В нем еще одна ступень в возвышении духа, за случайными пределами дней в нем еще шаг ускорения прогресса человечества».

По мысли Рериха, автор может считать себя создателем произведений лишь номинально, ибо любое произведение, по существу, плод коллективного труда, где провести грань между «своим» и «чужим» невозможно. Недаром, чувствуя условность авторского имени, Рерих настаивает, что на его полотнах должны стоять две подписи: его и жены его, «спутницы, другини и вдохновительницы» (как называет он ее в одном из посвящений). Собственное творчество художника лишь ниточка в этой пряже, которая ткалась до него и будет ткаться после него. Для Рериха становится программным изречение древней мудрости: «Если человек утверждает, что сказанное им лишь от себя, то он мертвое дерево, не имеющее корней».

Дал ли Рерих из России —
примите.

Дал ли Аллал-Минг-
Шри-Ишвара из Тибета —
примите.

Упоминание и сближение имен России и Тибета не случайны. Поэт как бы говорит: не важно, откуда идет весть — с Запада ли, с Востока (Аллал-Минг-Шри-Ишвара — восточный подвижник древности). Важна сама весть.

В английском переводе поэмы слова Россия и Тибет опущены. Это несомненно обеднило содержание стихов. Исчез характерный момент, в значительной мере определивший духовный настрой поэмы.

7

Поэма носит все черты программной вещи. «Мальчик» вырос. Он стал творцом. Поэма подводит итоги напряженной духовной работы. Мотивы, возникавшие порознь в стихах, сливаются в единую ноту. Они не просто повторяются, а обретают новый характер.

Если раньше стихи заключали в себе призыв к бдительности и готовности («Встань, друг... Окончен твой отдых»), то теперь надежду и интуицию сменяет уверенность в том, что дух человека созрел для действия: «В час восхода я уже найду тебя бодрствующим».

Внешне мир в его непрерывном многообразии не изменился. Так же на каждом повороте пути человека подстерегает тайна. Но изменилась внутренняя точка зрения. Беспредельность не страшит человека, ибо он ощутил дыхание истины. «Видевший бесконечное, не потеряется в конечном».

Не прекратились и яростные атаки темных на дух человека. Наоборот. Они стали еще ожесточенней. Его устремленности противопоставляется «целое учение страха». Но эти страхи лишь для детей, лишь для неокрепших духом. Неодолима радостная основа человеческого бытия. «Всякий страх ты победишь непобедимой сущностью своєю».

Если раньше зов жизни звучал приглушенно, прерывался и становился вовсе перазличным, то теперь он заполняет все. Он повсеместен. В звучащей сумятице мира человеческое ухо слышит прежде всего властный голос, зовущий ввысь. «...Из области Солнца говорю с тобою. Твой друг и наставник и спутник». Духовное зрение человека раздвигает земные горизонты. Его теперь, словно магнит, тянет к себе Космос!

Творческий дух человека ставит перед собою поистине дерзкие задачи. «Большую добычу ты наметил себе. И не убоился тяжести ее. Благо! Благо! Вступивший!»

«Не стройте маленьких планов, они не обладают волшебным свойством волновать кровь». Пожалуй, с этим изречением смыкается наша русская поговорка, которую так любил Петр I: «Замахивайся на большое, по малому лишь кулак расшибешь!» Внутренний голос предостерегает творца от напрасной траты сил. («Не истрать сети твои на скалов. Добычу знает только ловец»).

Строчки стихов полны динамизма. Здесь каждая фраза — порыв к действию, к наступлению! («Но пойдешь ты вперед, ловец! Все остальное позади — не твое».) Как уместно вспомнить признание Гёте, которое с сочувствием цитирует в одной из статей Рерих и которое бесспорно проецируется на самого художника: «Мое стремление вперед так неудержимо, что редко могу позволить себе перевести дух и оглянуться назад!» В символике поэмы отражено бесстрашие человеческого духа, устремленного ввысь.

И ты проходишь овраг
только для восхода на холм.
И цветы оврага — не твои
цветы. И ручей ложбинны не
для тебя. Сверкающие водопады
найденъ ты. И ключи родников
освежат тебя. И перед
тобой расцветет вереск
счастья. Но он цветет —
на высотах.

И будет лучший загон не
у подножья холма. Но твоя
добыча пойдет через хребет.
И, пылая на небе, поднимаясь над
вершиной, она остановится.
И будет озираться. И ты не
медли тогда. Это твой час.

Но победа творчества — победа особого рода. Замечательна философия этой победы, уложенная в четкие строки стихов.

Но, закидывая сеть, ты знаешь,
что не ты победил. Ты
взял только свое. Не считай
себя победителем. Ибо все —
победители, но точно не
припомнят.

Победа созидания — это не захват чужого. Не за чужой счет пожинает лавры творец. Да и успех не его исключительная заслуга («не ты победил»). Победа — это результат совместного напряжения человеческих сил. Потому разделить ее радость приглашаются даже те, кто и не ведает о своей причастности к «лову».

В поэме намечена еще одна принципиальная тема. Она сформулирована так: «Не разгласи о лове незнающим». «Не разгласи». Не потому, что в творческом и духовном пути человека заключена тайна или какая-то мистика. А потому, что «познающий» может легко спрофанировать самую великую истину. Невежество, увы, воинственно, и оно может обратить во вред (не только другим, но и себе) полученные прежде времени знания.

Конечно, здесь нет и намек на пренебрежительное или снисходительное отношение к «ловчим» и «загоновжатым», участвовавшим в «лове». «Все — победители», — говорит Рерих, несомненно, имея в виду и их.

Справедливо будет сказать, что главный герой поэмы — радость. Радость бетховенского озарения и бетховенской мощи. Ее ликующая пота к концу поэмы нарастает неодолимо. Радость — сила непобедимая!

Знающий ищет. Познавший —
находит. Нашедший изумляется
легкости овладения. Овладевший
поет песнь радости.
Радуйся! Радуйся! Радуйся!

Ловец

Трижды позванный.

Глава седьмая

«ПОЧИТАНИЕ СВЕТА»

1

«Поверх всякой любви есть одна общечеловеческая любовь».

Глубинный и многоплановый смысл этого афоризма будет постоянно раскрываться в стихах и статьях Рериха.

«...Из мысли, эманации совершенно реальной, мы ухитрились сделать отвлеченность. Мы забыли, что не рука, но мысль и творит, и убивает. А из любви мы сделали кислое воздыхание, или мерзость блуда».

По мнению Рериха, извращено само понятие любви. Превратившееся в холодное и отвлеченное слово, оно должно вновь стать благословенным и действенным. Именно действенным, потому что любовь без дела была, есть и будет мертвой.

Для художника любовь — синоним единения. Мечту о единстве он сопоставляет со всемирной мечтой о золотом веке. И та и другая мечта на первый взгляд далеки от реальной действительности. Но и та и другая мечта обладают одинаковой жизнеспособностью, ибо в них отразилось сокровеннейшее устремление человечества.

Надо искать не то, что разъединяет, а то, что объединяет. Надо помнить: истина одна, по пути, ведущие к ней, бесконечны, как бесконечен сам путь познания и восхождения человеческого духа. «Никакое обособление, никакой шовинизм не даст того прогресса, который создает светлая улыбка синтеза». На языке поэтических символов это будет звучать так:

Вот уж был день! Пришло
к нам сразу столько людей.
Они привели с собой каких-то
совсем незнакомых. Ранее я
не мог ничего о них расспросить.
Хуже всего, что они говорили
на языках совсем непонятных.

И я улыбался, слушая их
странные речи. Говор одних
походил на клекот горных
орлов. Другие шипели, как змеи.
Волчий лай иногда узнавал я.
Речи сверкали металлом. Слова
становились грозны. В них
грохотали горные камни.
В них град проливался.
В них шумел водопад.
А я улыбался. Как мог я
знать смысл их речи? Они,
может быть, на своем языке
повторяли милое нам слово
любовь?

Но возможно ли подлинное понимание между людьми? Есть ли язык, который объединит их? Есть. Им — заявляет Рерих — должен стать международный язык знания и искусства. Искусство для художника — знамя грядущего синтеза.

«Свет искусства озарит бесчисленные сердца новою любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание».

Любовь, очищающая человеческое сознание. Рерих называет ее еще и по-другому — «творческим излучением сердца».

2

Под пером Рериха традиционное, в какой-то мере стершееся понятие обретает духовную окрыленность. Словно птица Феникс, оно воскресает из пепла, утверждая свою первозданность. Слово «культура», которому художник отводит организующую и преобразующую роль, он разбивает на два корня. Культ (почитание) и ур (свет). «...Культура есть почитание света. Даже травы и растения к свету стремятся. Как же одушевленно и восторженно нужно стремиться к единому Свету людям, если они считают себя выше растительного царства».

Не знаю, верно ли это определение с точки зрения придрочивой лингвистики (может быть, оно покажется слишком уж поэтичным), но оно верно по светящемуся существу своему. Что греха таить, усилиями некоторых философов, экономистов, историков великие понятия были превращены в абстракции и отвлеченные символы. По наблюдению художника, подчас самое реальное учение жизни при помощи искусной и бессодержательной риторики по-

степенно передается «в неосязасмую облачность». Рерих ставит перед собой в высшей степени действительную задачу: сделать эти искусственно созданные великие абстракции реальностью. «...Мы собираем около этих ценных понятий новое усилие, мы стремимся помочь напряженно созидательной энергии».

Культура есть почитание света. Отныне праздничный отблеск сокровенной мысли художника пронизает многочисленные аспекты, связанные со словом «культура». Прежде всего он постарается очистить высокое понятие жизни от наслоений и путаницы, при которых смешивается вечное с преходящим.

Многие люди (кто сознательно, кто бессознательно) заменяют слово «культура» другим — «цивилизация». А разница между двумя понятиями, по мнению Рериха, принципиальная. Цивилизация обозначает внешние формы человеческого общества, поэтому она преходяща, она может погибнуть, как погибли цивилизации Египта, Греции, Рима. Культура имеет в виду прежде всего внутреннее, духовные ценности человеческой жизни, и поэтому она бессмертна, как бессмертны культуры Египта, Греции, Рима. Культура, возникнув и утвердившись, уже неистребима, в то время как условные формы цивилизации записят даже от проходящей моды. Белый воротник, являющийся признаком респектабельности, гольф, телефон не есть еще устой культуры. Рерих не без сарказма пишет:

«Каждый производитель стандартных изделий, каждый фабрикант, конечно, является уже цивилизованным человеком, но никто не будет настаивать на том, что каждый владелец фабрики уже непременно есть культурный человек. И очень может оказаться, что низший работник фабрики может быть носителем несомненной культуры, тогда как владелец ее окажется лишь в пределах цивилизации».

Культура — это высшее в своей нерушимости выражение. Из печального и трагического опыта современной ему буржуазной действительности художник делает ясный решительный вывод:

«Будут всегда колебаться условные ценности. Низвестно, какой металл будет признаваем наиболее драгоценным. Но ценность труда духовно-творческого во всей истории человечества оставалась сокровищем пезыблемым и всемирным».

Культура, как свет, что зашифрован в начертании самого слова, понятие всепроникающее, не терпящее ника-

ких ограничений. Лишь поверхностный, лишь невежественный ум может связать ее с чем-то сверхобычным или недостижимым. Культура становится таковою не тогда, когда она — достояние одиночек, а когда она входит в повседневность и делается мерой поступков наших и мыслей наших. Прекрасное не роскошь, доступная лишь богатым. И не гость случайный она, которого можно увидеть в редкий праздничный день. Благородным водителем всей нашей жизни провозглашает Рерих Прекрасное:

«...Знамя культуры все равно, что знамя труда. Знамя беспредельного познания прекраснейшего! Какова бы ни была наша каждодневная рутинная работа, мы, отойдя от рабочего станка, омываемся, стремясь на праздник Культуры. Сойдутся ли в этом празднике трое или соберутся тысячи, это будет все-таки тот же праздник Культуры, праздник победы духа человеческого».

«Свет побеждает тьму!» — не раз во всеуслышание заявит Рерих. Его убежденность и вера базируются на самой прочной основе жизни. «Сущность духа народного гораздо сильнее выпадов невежества. Имея дело с массами, в сердце своем устремленными к знанию и красоте, мы можем оставаться оптимистами».

Культура есть почитание света. Рерих заменяет «почитание» менее торжественным, но, может быть, еще более точным в своей направленности словом: «Культура... есть служение Свету». Культура немыслима без энтузиазма. И не только без энтузиазма. Она немыслима без ежедневного труда, ибо только в нем и проверяется преданность идеалу и утверждается сила внутреннего огня. Умолкает сердце — молчит и культура.

Бесчисленны врата в грядущее. Дума о культуре тоже открывает эти врата. Призыв Рериха обращен к тем, кто олицетворяет собой движение и будущее.

«...Вам, молодежи, предстоит одна из наиболее сказочных работ — возвысить основы культуры духа, заменить механическую цивилизацию культурой духа; творить и создавать. Конечно, вы присутствуете при мировом процессе разрушения механической цивилизации и при создании основания культуры духа. Среди народных движений первое место займет переоценка труда, венцом которого является широко понятое творчество и знание».

Свет побеждает тьму. Чтобы стать защитниками света, надо уметь различать границу света и тьмы, проходящую по всему миру. Говоря об этой границе, Рерих подчеркивает: не бывает культуры тьмы. Абсурдно само сочетание

таких слов. Мы можем говорить о твердыне света, а противостоять ей будет «пропасть тьмы невежества».

«Тот, кто решается сказать «к черту культуру», есть величайший преступник. Он есть растлитель грядущего поколения, он есть убийца, он есть самоубийца».

«Когда я слышу слово «культура», моя рука тянется к пистолету»,— публично заявил Геринг. Что ж. Он полностью оправдал пророческие слова художника, сказанные в 1932 году. Он стал самоубийцей. Не только в переносном смысле. В прямом.

3

«Темные тайно и явно сражаются»,— постоянно напоминает Рерих. С высоты Гималайских гор звучит его предостерегающий голос: «Человечество находится в небывалой еще опасности... тьма редко бывала активна, как сейчас. Редко можно было наблюдать истинный интернационал тьмы, как в наши дни».

Врага должно знать. Надо изучать стратегию и тактику противника. И Рерих подвергает тщательному анализу всю хитроумную механику темных сил, уловки, приемы, методы.

«Они бывают крепко организованы, очень изысканы и часто более находчивы, нежели сторонники правды. Они завладели первыми страницами газет; они умеют использовать и фильмы, и радио, и все подземные и надземные пути. Они проникли в школы и знают цену осведомленности. Они пользуются каждой неповоротливостью оппонента, чтобы сеять ложь для процветания зла...»

Натиск темных глобален. Как писал в прошлом столетии поэт Аполлон Майков, «бой повсюду пойдет, по земле, по морям и в невидимой области духа». К сожалению, именно о битве «в невидимой области духа» люди чаще всего забывают или, во всяком случае, не понимают всей значимости ее. Эта забывчивость человечеству обходится дорого. Как часто и благое устремление, и светлый поиск затруднены и блужданиями, и «неосмотрительными отравлениями».

Временное торжество темных сил художник объясняет главным образом тем, что добро отступает на оборонительные позиции. Противник не дремлет. Пути и возможности ему создают людская трусость и безответственность сознания, успокаивающего себя и погружающегося в духовное

оцепенение. И в большом, и в малом тьма захватывает инициативу.

Получается невольное пособничество. Появляется, по словам Рериха, «разновидность добровольцев зла, которые часто и не подтверждают ложь словесно, но злорадствуют молчаливо. Они даже не пытаются предостеречь клеветника о последствиях его лжи. Наоборот, своею молчаливою улыбкою они поощряют злотворящего. Таким путем от сознательных сил темных до воинов активного добра оказывается еще огромный стап добровольцев зла, которые в самых разных степенях и содействуют, и потворствуют заражению атмосферы».

Что же может противостоять яростным атакам и лукавым диверсиям тьмы? Прежде всего — говорит Рерих — объединение. Если темные силы организованы (а на многочисленных примерах нашей действительности можно убедиться, «насколько они понимают друг друга и подчиняются какой-то своей незримой и неуловимой иерархии»), то тем более спешно и неотложно должны быть организованы силы добра. Причем организованность эта не должна быть благодушным пожеланием или чем-то отвлеченным, а должна быть живой, действенной и сугубо конкретной.

Затем постоянная бдительность, ибо обычная тактика тьмы: вести незаметные подкопы под твердыню света. Служители тьмы могут прикрываться разными личинами (они могут прикинуться даже борцами за правое дело) — лишь бы распахнулись для них ворота. Распоясываются же они, очутившись в крепости.

И наконец, наступление. «Тьма должна быть рассеиваема беспощадно, с оружием света и в правой и в левой руке».

Много признаков темноты. Но на один из них вновь и вновь обращает внимание Рерих. «Всюду какие-то темные силы обрушиваются прежде всего на культурные проявления. Точно бы именно культура мешает им довершить адски задуманное разложение мира».

— Прежде всего народ отнимет у культуры с большой буквы большую букву «К» и заменит ее маленькой. Но что от нее останется, трудно сказать.

Можно предположить, что эти слова родились в прямой полемике с Рерихом и во времена Рериха. Но их произнесли в наши дни. Известный своим «тушинскими перелетами» и любовью к идеологическим фейерверкам и сенсациям, французский писатель Жан-Поль Сартр перешел на ультралевые позиции. Он-то и пророчествует гря-

дущие разрушительные деяния народных масс («Клеветают на народ», — говорил о традиционном методе темных провокаций Рерих).

Круг замыкается. В одном и том же пункте встречаются левозастремистская, псевдореволюционная фраза и громкие речи фашизма. И то и другое одинаково кощупственно, как кощупственно громогласное заявление Сартра: «Что касается «Моны Лизы», то я позволил бы ее сжечь, даже ни минуты не раздумывая».

4

Темные тайпо и явно сражаются. Рерих пишет:

«Помимо ежедневных газетных сообщений о всевозможных антикультурных ужасах, на печатных столбцах можно находить своеобразные указания, в спокойном тоне, точно бы они могут соответствовать двадцатому веку нашей эры и неисчислимому веку от начала планетной жизни».

Рерих приводит целый список потрясающих спокойствием своего тона «своеобразных указаний» о всякого рода кощупствах, еще недавно считавшихся лишь продуктом темных романов и нечистоплотных выдумок.

«Черные мессы в Лондоне». Статья повествует о таинстве, совершаемом в одном из фешенебельных домов столицы. Здесь все как в церкви, но — наоборот. Горят черные свечи, вино, которым причащаются, черное и т. п. Как и в церкви, участники «черной мессы» исповедуются, но раскаиваются они в совершении добрых поступков. Все это кончается оргией.

«Черная магия на Брокене». Фотографии девушки, козла и прочих атрибутов колдовского шабаша.

Финляндия. Открыта организация некромантов, под крик ручного черного ворона занимающаяся осквернением трупов.

Америка. Собралась народная толпа (многие приехали издалека), чтоб полюбоваться сожжением негра.

Германия. Толпа в Берлине окрашивала знамена со свастикой в крови казненных.

— Это было не в средние века, а теперь, — говорит Рерих. — К сожалению, — добавляет он, — всякие подобные сообщения появляются не только в паразитическом разномыслии, но даже и в необыкновенной, ускоренной прогрессии.

Увы, наблюдение это оказалось пророческим. А слова Рериха столь актуальны, что кажется: они написаны сейчас, по материалам современной буржуазной жизни. Обратимся к недавней газетной публикации.

«Верховный жрец «Храма сатаны» восседал на троне. Он был в длинной черной мантии. На его груди поблескивала звезда. Правая рука опиралась на громадный меч, в левой он держал человеческий череп.

Он вещает:

— Сатана — проявление темных сторон человеческой природы. В каждом из нас сидит сатана. Задача состоит в том, чтобы познать и выявить его. Сатанинское начало, заключенное в людях, — главное и наиболее могущественное. Им надо гордиться, а не тяготиться. Его надо культивировать, что мы и делаем с помощью различных магических заклинаний»¹.

Это не сцена из оккультного романа. Главный идеолог сатанизма Энтони Лавей даст интервью корреспонденту. Основанная им в 1966 году «церковь навыворот», «церковь сатаны» зарегистрирована властями Калифорнии в качестве официальной религиозной организации. Духовный мистический шабаш ширится. Вот сообщение из «Парп матч»:

«Рядом с магазинами, торгующими порнографической литературой, появляются магазины препаратов для магических церемоний: там продают волшебные напитки и талисманы... Появились маги, странные пророки, колдуны».

А вот описание киполенты, заснятой последователями другого «черного апостола», так называемого Иисуса-сатаны: «Было заснято обезглавленное тело пагой женщины, рядом с которым лежала ее отрубленная голова, а вокруг танцевали люди в черных колпаках, разбрызгивая вокруг кровь...»²

Город желтого дьявола. Страна желтого дьявола. Мир желтого дьявола. Но то, что во времена Горького было аллегорией, в наше время стало действительностью.

Верховный жрец «Храма сатаны» в зловеще-черном одеянии, с перевернутой наоборот звездой (ибо цель темных исказить все светлые символы) пророчествует, что к 1985 году все ортодоксальные религии, существующие в Америке и за ее пределами, исчезнут, уступив место сатанизму.

---

¹ Литературная газета, 1973, 27 февраля.

² Советская культура, 1973, 20 ноября.

— На чем основывается ваш оптимизм?

— На знании человеческой натуры. Собственно говоря, мы проповедуем то, что уже давным-давно стало американским образом жизни. Просто не все обладают мужеством называть вещи своими именами.

«Черный папа», «черные мессы», колдуны, маги. Мистика? Да, но цели ее не заоблачные, а земные. По свидетельству главы «церкви павыворот», в новом порядке, общественном порядке сатанизма, который неизбежно придет на смену теперешнему хаосу в США, не будет места для либералов и прочих уродов. Их будут ссылать на необитаемые острова, чтобы они не заражали остальное человечество¹.

Темные тайно и явно сражаются. Характерная черта нашего времени — они предпочитают сражаться явно. Идет своеобразная психическая атака на человека. Маски сброшены. Сущность обнажена до предела.

Вековым опытом этой глобальной, этой тайной и явной битвы Света и тьмы выковано убеждение, которое Рерих формулирует как непреложный закон своей стратегии и тактики.

«Свет рассеивает тьму». Эта старая истина применима во всем и всегда. И, чтобы подтверждать ее, свет действия должен быть таким же объединенным, как и насыщенность тьмы. Каждый трудящийся на созидание, каждый работник культуры, конечно, всегда и прежде всего должен помнить, что он не одинок. Было бы великим и пагубным заблуждением хотя бы мигутно ослабить себя мыслью о том, что тьма сильнее Света».

Даже мысль о каком-то особом преуспевании темных вредна, ибо тем самым мы как бы даруем им новую силу. Никогда и нигде не преувеличивать мощь темноты или их мифическое вездесущие — призывает Рерих.

«Если кто-то будет настаивать на одолении силами темными, то ему нужно предложить, прежде всего, осмотреть, каков таков сам одолеваемый? Не сам ли он какою-то раздражительностью, или грубостью, или сомнением вырастил чертополох, в котором укрываются всякие черти?»

Нужно помнить, что темные, какими бы сильными они ни казались, как бы ни были организованы, все же ограничены. В этой ограниченности их конечное поражение. Они и сами знают (или подозревают) о своей ограниченности

---

¹ См.: Литературная газета, 1973, 27 февраля.

и больше всего опасаются, что она будет замечена другими. Каждая победа над тьмою — следствие большой и трудной борьбы. Но торжество света над тьмою в сущности предрешено.

5

Полотнище с тремя красными кругами на белом фоне. Прошлые, Настоящие и Будущие достижения человечества, окруженные кольцом Вечности, — таким виделось художнику Знамя Мира. По мысли Рериха, подобно тому как флаги с красным крестом охраняют госпитали и больницы, так и знамена мира должны развеяться над музеями и другими учреждениями культуры, чтобы спасти их от гибели.

Борьба за мир, которая велась в тридцатые годы, отвечала сокровенным помыслам Рериха. Он уверен, что завоевательство становится средневековым понятием, что насилия и войны останутся лишь на определенных страницах истории. «Мир всячески мыслит о мире». С радостью он замечает:

— Не удивительно ли, по-русски слово «мир» единозвучно и для мирности, и для вселенной. Единозвучны эти понятия не по бедности языка. Язык богатый. Единозначны они по существу. Вселенная и мирное творчество нераздельны.

Выступая с идеей пакта о защите культурных ценностей, Рерих создает свой фронт сражения за мир. Страшно, но именно эта деятельность художника вызывала (и до сих пор вызывает) обвинение в пацифизме.

Такое обвинение чистейшей воды недоразумение, оно свидетельствует о полном незнании вопроса, о решительном непонимании личности и трудов Рериха.

Во-первых, никогда Рерих не суживал действие пакта лишь зоной военных столкновений. Он придавал ему более широкое и ответственное значение.

«...Для нас Знамя Мира является вовсе не только нужным во время войны, но может быть еще более нужным каждодневно, когда без грома пушек часто совершаются такие же непоправимые ошибки против Культуры».

Во-вторых, Рерих никогда не полагал, что его пакт, как некое магическое заклинание, может остановить войну. Не был он столь наивен, чтобы звать к моральному разоружению.

нию перед лицом надвигающихся событий. Наоборот. Вся жизнь Рериха, все творчество его — призыв к отпору сгущающейся силе мрака. В этом призыве художник соединяет два самых дорогих для него понятия: Родина и Культура.

«Оборона Родины есть долг человека. Так же точно, как мы защищаем достоинство матери и отца, так же точно в защиту Родины приносятся опыт и познания. Небрежение к Родине было бы прежде всего некультурностью... Защита Родины есть и оборона культуры».

Где же тут пацифизм? Или для некоторых людей слово «культура» обязательно сопрягается с пацифизмом? Словно предвидя эти возражения и нападки, Рерих заявляет:

«Не будучи безжизненными пацифистами, мы хотели бы видеть Знамя Мира развевающимся, как эмблему новой счастливой эры. Мы не отвлеченные идеалисты. Наоборот, нам кажется, что тот, кто хочет украсить и облагородить жизнь, тот является настоящим реалистом».

Движение, возглавляемое Рерихом, захватило миллионы людей. Во многих странах мира создаются комитеты содействия пакту Рериха. Но встретило движение и активное противодействие. Были прямые противники. Было равнодушие. А было и такое:

«...Нам приходилось слышать, что главным препятствием для некоторых государств было, что идея пакта исходила от русского. Мы достаточно знаем, как для некоторых людей, по какому-то непонятному атавизму, все русское является неприемлемым».

В 1935 году пакт Рериха был подписан президентом Соединенных Штатов Америки Франклином Рузвельтом и руководителями стран Американского континента. Вторая мировая война перечеркнула это соглашение, как перечеркнула и многое другое. Лишь после разгрома фашизма, лишь после того, как Советский Союз и страны социализма стали главной, определяющей силой всей общественно-политической и культурной жизни планеты, великое начинание Рериха обрело реальность. В 1954 году в Гааге была заключена Международная конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Ее подписали и ратифицировали Советский Союз и другие страны мира. В основу конвенции лег пакт Рериха.

«КРАСОТА, ВЕДУЩАЯ К ПОЗНАНИЮ КОСМОСА»

1

Я нашел наконец пустытника.
Вы знаете, как трудно найти
пустытника здесь, на земле.
Просил я его, укажет ли
он путь мой и примет ли
он благосклонно мои труды?
Он долго смотрел и спросил,
что у меня есть самое любимое?
Самое дорогое? Я отвечал:
«Красота». — «Самое любимое
ты должен оставить». — «Кто
заповедал это?» — спросил я.
«Бог», — ответил пустытник.
Пусть накажет меня Бог —
я не оставлю самое прекрасное,
что нас приводит

к Нему.

«Что у меня есть самое любимое?.. Красота». «Сказавший «красота» — спасен будет», — не раз повторит Рерих. Он обратится с призывом по радио: «Не опасайтесь твердить о Красоте. Необходима поливка Сада Прекрасного. Засуха погубит все живое».

Красота с большой буквы (как пишет ее передко Рерих) имеет свою довольно сложную историю. Иногда это слово насыщали мистическим полумраком. Иногда оно становилось отвлеченностью и безжизненным символом, ибо в угоду определенной тенденции его пытались монополизировать. А иногда оно звучало всеохватно: «Прекрасное есть жизнь!»

Не будем сосредоточивать внимание на внешнем начертании слова. Посмотрим, каким духовным содержанием обеспечена его устремленность. Посмотрим, что значило оно для художника. А для него оно значило вот что:

«В красоте — не сентимент, но реальность, мощная, подымающая, ведущая. В глубинах сознания нечто уже было известно, но нужна была искра, чтобы заработала машина. Блеснет искра, осияет блеском прекрасным, и умаявшийся труженик опять восстанет полный сил и желаний, захочет и совершит. А препоны и трудности окажутся возможностям».

Но не блеснет красота подслеповатому глазу. Нужно захотеть увидеть красиво. Без красивости, но в величии

самой красоты. Счастье в том, что красота неиссякаема. Во всяком обиходе красота может блеснуть и претворить любую жизнь. Нет запретов для нее. Нет затворов пресекающих».

Красота для Рериха — это внутренний свет человека, пробудившийся к действию, жаждущий творческого воплощения. Известно, что слова «любовь», «красота», «действие» художник считал формулой международного языка. Почему-то не обращали внимания, что эти понятия для него не существуют порознь. Для Рериха они живут лишь в диалектическом единстве. Не названные, они обязательно присутствуют, если речь заходит о том или ином собрате их содружества. И неспроста триаду замыкает энергичное слово «Действие», зовущее к труду и духовному напряжению. Любовь без дел мертва. Красота утверждается руками человеческими. Вводить Прекрасное всюду — такая обязанность человека, призванного к творчеству.

«Лучшие сердца уже знают, что красота и мудрость не роскошь, не привилегия, но радость, сужденная всему миру на всех ступенях достижения. Лучшие люди уже понимают, что не твердить только они должны о путях красоты и мудрости, но действительно вносить их в свою и общественную повседневную жизнь».

Благословенна миссия прекрасного. Вдвойне благословенна она на путях в грядущее. При новом созидании и новом строительстве линия просвещения и красоты не должна быть забыта ни на мгновение. Наоборот — она должна быть усилена. Это — закон, это — ближайший распорядок.

«Радость, сужденную всему миру», Рерих возвещает в словах торжественных и возвышенных.

«Час утверждения Красоты в жизни пришел. Пришел в восстании народов. Пришел в грозе и молнии».

2

«Привратник, скажи, почему эту дверь закрываешь? Что неотступно хранишь?» — «Храню тайну покоя». — «Но нусть ведь покой. Достоверные люди сказали: там нет ничего». — «Тайну покоя я знаю. Ее охранять я поставлен». — «Но нусть твоей покою». — «Для тебя он нусть», — ответил привратник.

И действительно, для сомневающегося, для праздно вопрошающего невидимо то, что доступно непредубежденному взгляду. Бывает и, к сожалению, часто бывает так, что в рассуждениях о действии готовы забыть о самом действии. Творческое начало не пробудилось еще в человеке, дух его еще не созрел к действию. К нему и обращен суровый ответ привратника: «Для тебя он пуст».

Тайну и красоту познания для Рериха олицетворяет традиционный образ сказочных врат. Этот аллегорический образ обретает вещественность и конкретность. Если обратиться к многочисленным высказываниям Рериха, то можно видеть, как фантастический план, естественный для его своеобразного стиля, уступает место реальному, а символ превращается в указание практического характера.

«Во всех сказках мы слышим о закрытых вратах, о скрытых сокровищах, которые могут быть открыты лишь чудесным, сужденным ключом. В нас самих гнев и раздражение собирают и отлагают вреднейший яд, и чтобы очистить сердце свое, мы должны признать и гнев и раздражение разрушительными и непрактичными.

...научитесь изгнать все ядовитые мысли, научитесь осветить и устремить вверх сознание ваше, тогда вы научитесь творить для будущего человечества и, проснувшись, в радости увидите в руках ваших чудесный ключ от Врат Сокровенных».

Этот чудесный, этот сужденный человечеству ключ — красота его творческого труда. Он открывает все врата. Под знаком творческой красоты, под знаком созидательного утверждения и вершится непрерывное восхождение пути человеческого.

«Все человечество разделено на «да» и «нет». Мы же пребудем всегда с теми, — в природе которых звенит открытое светлое «да». Берегитесь утверждать «я» и «нет».

Отрицание, если к нему прикованы все мысли и внутренние силы человека, противоположно творчеству. Творец, если он творец истинный, не имеет не только времени на осуждение и отрицание, но он не имеет на это права, ибо одна критика и один отталкивающий процесс не помогают. Но осуждение прогоняет тьму, а лишь привнесение света ее истребляет. Вот почему призывает Рерих вывести из обихода «челюе, пемое», неумоллимое в своей косности «нет» и заменить его «даром дружества, драгоценностью

духа», несущим с собой светлое и открытое достижение: «да».

«Только стоит сказать «да», и камень сплывает и недоступное еще вчера станет близким и исполнимым сегодня».

Творческое начало, заложенное в самой природе человека, всепобеждающе. Веление творчества покрывает собою все, «о чем часто рычит пресекающее слово «нельзя».

Стражи у врат берегли нас.
И проспили. И угрожали.
Остерегали: «нельзя».
Мы заполнили всюду «нельзя».
Нельзя все. Нельзя обо всем.
Нельзя ко всему.
И позади только «можно».
Но на последних вратах
будет начертано «можно».

3

«Какое прекрасное слово — «творчество»! — пишет Рерих. — На разных языках оно звучит зовуще и убедительно. Оно в самом деле уже говорит о чем-то скрыто возможном, о чем-то победительном и убедительном. Настолько прекрасно и мощно слово «творчество», что при нем забываются всякие условные преграды. Люди радуются этому слову, как символу продвижения... Оно ведет за собою человечество. Творчество есть знамя молодости. Творчество есть прогресс. Творчество есть овладение новыми возможностями. Творчество есть мирная победа над косностью и аморфностью. В творчестве уже заложено движение. Творчество есть выражение основных законов вселенной».

Зов творчества — это зов самой жизни, потому что они неразделимы.

Творчество имеет воистину космическую значимость, ибо что такое красота, ведущая к познанию космоса? Это и есть творчество.

Все века, запечатлевшие свой дух и свой лик в памятниках искусства, раскрывают творчество как ведущее начало жизни. Они наглядно свидетельствуют об одном и том же: выживает лишь то, что связано с творчеством; бессмертны научные открытия, неистребима мысль художника.

Уровень искусства может быть верным мериллом духовной и нравственной жизни нации. Если искусство делается

отвлеченной роскошью, оно признак страны разлагающейся. Если искусство — подлинный двигатель народа, значит, страна на подъеме, значит, она в полной силе. Исторические эпохи, лишенные сокровищ красоты, тем самым лишены всякого значения; в них нет души. «А без выявления духовной красоты мы останемся среди безобразия смерти».

Проявления творчества многообразны, как бесчисленны разнообразны проявления жизни. Оно не замкнуто в строгие границы определенных форм искусства, и оно не привилегия гигантов духа. «Говоря о творчестве, об искусстве, я не имею в виду лишь великих выразителей: не только о Вагнерах, о Шаляпиных, о Рембрандтах идет речь. Каждый искренний вклад подлинного устремления духа вносит убедительность и струю свежего воздуха».

Рериха возмущает эпитет «коммерческое», который, как пекий ярлык, безапелляционно приклеивается ко всем видам прикладного искусства. Это отвратительное слово должно быть изъято — решительно заявляет художник. Он справедливо полагает, что простой предмет обихода, сделанный Бенвенуто Челлини, является творением великого искусства. Более того: «Мы должны помнить, как применять искусство в нашей каждодневной жизни. Даже полы могут быть вымыты прекрасно. Ибо нет ничтожного искусства в том, что истинно».

«Каждая истинная работа имеет свою красоту», — говорит Рерих, всем стилем жизни своей утверждая незыблемость сказанного. По свидетельству людей, общавшихся с ним, к любому делу (большое оно или малое) он подходит с одинаковым интересом и энтузиазмом. Писал ли он гималайский пейзаж или работал над специальной статьей для школьного журнала — всему он уделял равное внимание. Это характерный признак подлинного творца.

Важна не форма творческого выражения сама по себе, важна устремленность, важно качество. Девиз художника: высокое качество всех действий! Он повторяет как лозунг: «Качество, качество, качество! Во всем и всегда!»

«Появший строй жизни, вошедший в ритм созвучий, внесет те же основы и в свою работу. Во имя стройных основ жизни он не захочет сделать кое-как. Доброкачественность мысли, доброкачественность воображения, доброкачественность в исполнении, ведь это все та же доброкачественность, или Врата в Будущее...»

«Доброкачественность, или Врата в Будущее». Вот почему для Рериха, казалось бы, специальный вопрос о ка-

честве, об исполнении (как известно, формалисты придавали ему самодовлеющее значение) перерастает в вопрос нравственный, имеющий непосредственное отношение к личности творца и его духовному миру.

В процессе накопления качества все должно быть учтено и предусмотрено и ничто не должно быть своекорыстно извращено. По мнению художника, своекорыстие (крупное ли, мелкое), внедряемое в жизнь человечества веками извращений и отрицаний, — один из главных врагов всего совершенного. Правда, это зло не кажется ему незыблемым и вечным: «По счастью, пути совершенствования и высокого качества в существе своем лежат вне рук торгашествующих... По каким бы закоулкам ни вздумало бродить человечество, процесс качества все-таки будет совершеншаться! Все-таки совершится, ибо подвижничество живет в сердце...»

Великие примеры подвижнического труда (и об этом Рерих скажет не раз) являют мастера древнерусской живописи, которые ни в коей мере не были озабочены увековечением имен своих. Для них наградою был сам экстаз создания, сам процесс творчества. Недаром древнерусский живописец с таким трепетом готовил себя, проделывал большую внутреннюю работу, прежде чем дерзал взяться за кисть. В исторической повелле «Иконный терем» художник приводит знаменитое постановление Стоглавого собора, где в своеобразных выражениях запечатлена все та же забота о высоком уровне мастерства:

«Не всякому дает Бог писати по образу и подобию и кому не дает — им в конец от такового дела престати, да не божие имя такового письма похуляется. И аще учнут глаголати: «Мы тем живем и питаемся» и таковому их речению не внимати. Не всем человеком иконописцем быти: много бо и различно рукодействия подаровано от Бога, им же человеком пропитатись и живым быти и кроме икононого письма...»

4

Широко понятый реализм, реализм, предполагающий использование разнообразных приемов (в том числе и романтических), смелый синтезирующий реализм — исходный пункт не только эстетической, но и этической программы Рериха. Мерой его оценки не раз будут служить слова Веласкеса: «Не картина, но правда».

«Истинный реализм, утверждающий сущность жизни, для творчества необходим, — говорит Рерих. — Не люблю

антипода реализма — натурализма. Никакой сущности натуры он не передает, далек он от творчества и готов гоняться за отбросами быта. Печально, что так долго не отличали натурализма от реализма. Но теперь это различие утвердилось. Это даст здоровый рост будущим направлениям искусства.

Истинный реализм отображает сущность вещей. Для подлинного творчества реализм есть исходное восхождение. Иначе всякие параноидные тупики не дают возможности новых парастаний. Без движения не будет и обновления, но повизна должна быть здоровой, бодрой, строительной.

Упаси от абстрактных закоулков. Холодно жить в абстрактных домах. Не питает абстрактная пища. Видали жилища, увешанные абстракциями... Жуткие предвестники! Довольно! Человечество ищет подвига, борется, страдает...

Сердце требует песни о прекрасном. Сердце творит в труде, в искании высшего качества».

Только реализм утверждает подлинную свободу творческого духа. Все остальное — иллюзии, заводящие в тупик. Художник отмечает парадоксальное явление: именно бесконечные разговоры о чистом искусстве и стремление во что бы то ни стало оградить его от привхождений приводят к тому, что искусство перестает быть свободным. Да это и естественно, ибо последователь всяких «измов» заключает себя в заколдованный круг запрещений, выйти из которого он уже просто не в силах. Знаменосцами подлинной свободы творчества для Рериха являются Леонардо да Винчи и Рафаэль, которым заказчики определяли не только темы, но и давали точные описания содержания их картин. И что же? Разве могло это сковать их внутреннее устремление? Художники умели вместить любые условия не только не понижая достоинства своего творчества, но и поднимая его на новую, более высокую ступень. Такая работа, по существу не зависящая ни от чего внешнего, и выявляет истинную свободу замысла и исполнения. Ее-то и должно брать за образец.

Реализм — прочная отправная точка, ибо только он может вместить действительность во всем ее пугающем многообразии и духовно освоить ее.

«Жизнь двинула такие грозные реальности, что им будет созвучен лишь истинный реализм. Хитрым загибом, перегибом, изгибом не переборешь ужасов, затопивших смятенное человечество.

...Среди такого хаоса художники могут поднять знамя

героического реализма. Зычно позовут они к нетленной красоте. Утешат горе. Кликнут к подвигу. Пробудят радость. Без радости нет и счастья. А ведь о счастье мечтает и самый убогий нищий. Мечту о счастье не отнять у человека. Художники всех областей, помогите».

Понятие «реализм» Рерих толкует многопланово и объемно. Для него это не узко литературоведческий термин, а вописту зовущее слово. В нем он видит проявление нравственного здоровья, сердечной чуткости и духовной устремленности русского народа. Ни сюрреализм, ни другие «измы» не имеют путей в будущее. История искусства демонстрирует непреложный закон: когда наступают сроки обновления, человечество возвращается к реализму.

«Вот и теперь русский народ убрал всякие «измы», чтобы заменить их реализмом. В этом решении опять сказывается русская смекалка. Вместо блуждания в тущобах непонятностей народ хочет познать и отобразить действительность. Сердце народа отлично знает, что от реализма открыты все пути».

Определяя свой стиль, Рерих к слову «реализм» добавляет эпитет «героический». И он имеет на это полное право, ибо столкновение света и тьмы — постоянный мотив его творчества. Гесэр-Хан, бесстрашно пускающий стрелу в сгустившиеся кроваво-темные тучи зла, не только символ, но и своеобразный автопортрет мастера. «Жизнь художника нелегка, — признается Рерих. — Но эта вечная битва за Красоту делает его жизнь прекрасной».

Кто-то верно заметил, что если взять произведения Рериха (как живописные, так и литературные), то даже одни названия их составят целый словарь героизма, подвига и создания. Вот характерные названия картин: «Гонец», «Мы открываем врата», «И трудимся», «Сергий-строитель», «Не усташимся», «Богатыри просыпаются», «Сожженне тьмы». А вот названия книг, вышедших при его жизни: «Держава света», «Твердыня пламенная», «Священный дозор», «Врата в будущее», «Нерушимое».

«Не страшиться говорить самыми высокими словами о каждом проявлении красоты», — призывает Рерих. В одной из статей художник выражает надежду, что словарь клеветы, злобы, взаимно- и саморазрушения опротивел. Лексикоп извращенных понятий, считает Рерих, не безобидная дурная привычка, а реальная опасность, ибо дух его заразителен и тлетворен для окружающих. Ведь не простое сочетание букв человеческое слово, а концентрация духовной энергии.

«Очень легко вводятся в обиход грубые, непристойные слова. Называются они пелитературными. Иначе говоря, такими, которые недопустимы в очищенном языке.

В противовес очищенному языку, очевидно, будет какой-то грязный язык. Если люди сами говорят, что многие выражения не литературны, и тем самым считают их грязными, то спрашивается, зачем же они вводят их в обиход? Ведь хозяйка или хозяин не выльют среди комнаты ведро помоев или отбросов. Если же это случится, то, даже в самом примитивном жилье, это будет названо гадостью. Но разве сквернословие не есть то же ведро помоев и отбросов?.. Детей наказывают за дурные привычки, а взрослых не только не наказывают, но ухмыляются всякому их грязному выражению. Где же тут справедливость?»

Наскокам темноты Рерих противопоставляет словарь Прекрасного, где так много слов возводящих и созидательных. Этот словарь Прекрасного практичен, потому что жизнен, потому что прекрасна жизнь в основе своей. У Рериха вызывает гордость, что русский язык, как и санскрит, «особенно пригоден для выражения возвышенных понятий».

Не знаю, читал ли Рерих книгу В. И. Ленина «Что делать?» (возможно, что и читал, мысль художника постоянно возвращается к Ленину и трудам его), но пафос ленинских слов «Надо мечтать!» повторяется в статьях и выступлениях Рериха.

«Спросите великого математика, великого физика, великого физиолога, великого астронома, умеет ли он мечтать? Я не упоминаю художников, музыкантов, поэтов, ибо все существо их построено на способности мечтать. Великий ученый, если он действительно велик и не боится недоброжелательных свидетелей, конечно, доверит вам, как прекрасно он умеет возноситься мечтами. Как многие из его открытий имеют не только расчет, но именно высокую жизненную мечту».

В своем понимании реализма Рерих несомненно близок Горькому, который постоянно подчеркивал одну и ту же мысль: «А что же... разве романтике и места нет в реализме?» Известно, с какой страстностью боролся Горький против вульгаризации реализма, против сужения его горизонтов. «А где же мечта? Мечта где, фантазия, я спрашиваю?» И для Горького, и для Рериха мечта, вырастающая из сокровенных чаяний людей, не бесплотна, а реальна, как реально в цепи времен будущее, которое предвидит мысль человека. Поэтому реализм у Рериха не «приземлен», а

устремлен ввысь, и потому нерасторжим с ним эпитет «героический».

Культ героического — принципиальная черта эстетики Рериха. Для объективной оценки творчества художника очень важно понять его тенденцию к утверждению героического начала, тенденцию, идущую от классической русской литературы и искусства и роднящую его с советской литературой и искусством.

24 мая 1945 года он записывает в дневнике:

«В Москве готовится выставка «Победа». Честь художникам, запечатлевшим победу великого Народа Русского. В героическом реализме отобразятся подвиги победоносного воинства.

...Русское художество, избежав всякого ветхого фюмизма и блефизма, идет широкой здоровой стезею героического реализма. От этого торного пути много тропинок ко всем народам, возлюбившим народное достояние. Сняты ржавые замки. Выросло дружное желание сотрудничества.

Победа! Победа! И сколько побед впереди!»

5

«Поверх всяких Россий есть одна незабываемая Россия.

Поверх всякой любви есть одна общечеловеческая любовь.

Поверх всяких красот есть одна красота, ведущая к познанию Космоса».

Несомненно, что здесь есть ключевое слово, к которому, как к магниту, тяготеет вся поэзия возвышенных строк Рериха. Это слово — Россия. Тогда не были еще написаны стихи Кедрина, что так созвучны эпиграфу и проясняют его сокровенную мысль: «Я теперь понимаю, что вся красота — только луч того солнца, чье имя — Россия!» Ибо Россия — это и есть любовь в действии, это и есть красота бескорыстного подвига во имя служения человечеству... Ибо деяния России космически значимы.

И к этой России, осознающей космичность своей миссии, обращены все мысли художника. Россия — солнце в сердце державы Рериха! И есть что-то знаменательное и символическое в том, что первый космонавт Земли Юрий Гагарин сказал о просторах Вселенной, впервые непосредственно открывшихся человеческому взгляду:

— Необычно, как на полотнах Рериха.

1974—1977

СЕМЬ ДНЕЙ

В ГИМАЛАЯХ

Для многих людей планеты — для меня тоже — Гималаи не просто географический термин. Это — слово-пароль, слово-символ. Это, может быть, ключ к расшифровке тех загадок, которые издавна мучат наше воображение.

Древние легенды размещали в недоступной высоте гималайских хребтов Шамбалу — страну духовных подвижников и Учителей человечества; современные экспедиции романтиков от науки с риском для жизни ищут на крутых горных перевалах следы снежного человека, а также места стоянки неопознанных летающих объектов. Непроходимые пропасти и снежные лавины перекрывают пути к священным пещерам. Густая мгла и туманы скрывают от нашего взора остроконечные скалы, на которых то ли природой, то ли людьми высечены строгие мудрые лики. Горам вообще сопутствует тайна. Что же касается Гималаев, то в книгах, посвященных Востоку, нередко можно встретиться с мыслью (иногда она высказана прямо, иногда угадывается в подтексте): здесь самая главная тайна. Для авторов этих книг вершина мира как бы трансформируется в вершину человеческого духа.

Давным-давно кто-то высказал обнадеживающее предположение: мы все с Гималаев. Догадка имеет шансы оказаться пророческой. Существует гипотеза, которая утверждает, что наши предки спустились с Гималайских гор. Двигаясь с востока на запад, в районе Алтая они разделились на две ветви: одна устремилась в Европу, другая — в Иран. Так образовалось, если верить этой гипотезе, нынешнее человечество. И кто знает, может быть, в сокровенных глубинах души никогда и не умирало воспоминание о наших истоках, о нашей далекой прародине? Может быть, именно этим и объясняется устремление к Гималаям, интуитивно-властное тяготение к высочайшим вершинам планеты, откуда мы все пришли и расселились по лицу земли?

Думаю, все, кому посчастливилось бывать в Гималаях, согласятся со мной: перехвалить этот край невозможно. Описывать космическую красоту гималайских пейзажей не берусь. Делать это после Рериха (имею в виду не только картины, но и его дневники) — все равно что писать музыку для органа после Баха.

О гималайском климате можете судить по такому факту: в долине Кулу в целостности и сохранности стоят деревянные здания шестнадцатого века (в одном из них я провел ночь). Выглядят они так, будто лишь вчера пригояли бревнышко к бревнышку. Да что шестнадцатый век! По здешним глобальным временным масштабам это почти что современность. В Нагаре мне показывали дома одиннадцатого столетия, и я трогал руками их почерневшие и обомшелые стены. Правда, кедр, который главным образом употребляется здесь для постройки, дерево весьма крепкое, неохотно поддающееся разрушительной работе времени. Но объяснить столь поразительную живучесть старинных строений одними лишь замечательными свойствами кедра, конечно, нельзя.

О гималайском воздухе я уж не говорю. Это действительно нечто особенное. Насыщенный хвойной прапой и очищенный сразу и электрическими разрядами высот, и дыханием вечных снегов, он кажется неким целебным напитком. И не вдыхать его надо, а пить глотками, соблюдая, разумеется, поначалу осторожность, чтобы не вызвать с непривычки головную боль.

Гималайские дороги, узкие, извилистые, стремительно несущиеся над пропастью, все время таят неожиданности. Сквозь заросли диковинных растений, о названии которых осведомляешься у попутчиков, вдруг открывается картина, столь привычная для нашего взгляда: поляна, сплошь заросшая белыми цветами с золотисто-рыжими крапиками. Тысячелистник. Чем ближе к небу, тем резче контрасты. Рядом с магнолией, источающей дурманящий запах, спокойно растет белоствольная, типично воронежская березка. Островок чернолесья дышит в лицо сыростью и грибным ароматом. Поповоле понимаешь путешественника, который, очутившись в сердце Гималайских гор, с неподдельным восхищением воскликнул:

— Здесь есть все, что есть на земном шаре, и даже больше!

Первое впечатление от Гималаев незабываемо. Выехав ранним утром из Дели, мы мчались сквозь грохот и пыль по шумной автостраде, ведущей на север. «Волга» — ма-

шина, конечно, хорошая, но не приспособленная к местным условиям: кондиционер в ней не предусмотрен. Летнее солнце, очень скоро достигшее нас, раскалило ее до предела, как консервную банку. Мы задыхались от жары и духоты. Разговоры, такие оживленные вначале, умолкли. И вот, когда солнце было в самом зените, мы незаметно пересекли границу, отделяющую жару от прохлады, и очутились в царстве гигантских кедров и голубых сосен. Неправдоподобная тишина обрушилась на нас. Казалось, некто властной рукою отключил все грохоты, шумы и крики. Случилось это столь неожиданно, что мы попросили шофера остановиться: хотелось освоиться с новой обстановкой. Кажется, я даже впал в сонное оцепенение, и странное ощущение возникло у меня: мир, оставшийся за пекой незримой чертой, с его суетой, тревожениями, гвалтом, переален, а единственно реально вот это: кедр, сосна, безмолвие. Переживание повторилось на обратном пути, когда так же стремительно мы преодолели рубеж между Гималаями и равнинной местностью. Но теперь ощущение стало иным: единственно реален вот этот мир, нахлынувший на меня дорожной суетою, сигналами машин, голосами прохожих, а то, что осталось позади — горы, снега, безмолвие, — переально, выдумка, сон.

Индия немислима без Гималаев. Давно и справедливо отмечено, что она повсюду «кульминировалась в народных воображениях... сокровенно таинственными снеговыми великанами». Легко понять, почему в Индии эти горы считают священными. Ведь именно отсюда, с гималайских вершин, несет свои воды воистину животворящая артерия всей страны — Ганг. Ведь именно отсюда, с гималайских вершин, в часы нестерпимого зноя, выжигающего все живое на коричневой и бурой земле, доносится освежающее дыхание ветра, предвещающего долгожданый дождь. Ведь именно отсюда, с гималайских вершин, сейчас, как и в древности, спускаются в долину люди, которые провели в углубленной внутренней работе, в уединении, в пугающем безмолвии гор и снегов годы, а то и десятилетия. Это те люди, которых индийцы нередко называют Махатмами¹.

Почитание Гуру — Учителя у местного населения в крови. В атмосфере этого почитания здесь растут дети. Поэтому неудивительно, что Махатмы сразу же обрастают

---

¹ Ма х а т м а — великий наставник, Учитель. В буквальном переводе на русский обозначает «великая душа».

густой толпой учеников. В наши дни в этой толпе можно обнаружить европейцев и американцев, пересекших моря и континенты в надежде получить ответы на мучающие их вопросы, в надежде услышать наконец-то голос живой истины. Гуру в набедренных повязках по произвольно выбранному маршруту кочуют из селения в селение, из города в город, движимые бескорыстным чувством передать людям малую толику того знания, которое им открылось во время медитаций. Иногда их можно видеть под деревом в классической позе лотоса. Тогда они похожи на ожившие древние статуи.

Но было бы заблуждением думать, что Махатмы отрешены от жизни, что они соприкасаются с современностью лишь символически. Мне рассказывали, что Гуру новой формации патронируют музыкальные школы и литературные академии. Разумеется, они не занимают официальных постов, не имеют никаких регалий. Это для них исключено. Их влияние — это влияние морального авторитета людей, которым ничего не нужно лично для себя. Кстати, слово «авторитет» в применении к Махатмам, пожалуй, неуместно, потому что они против всякого давления на человека извне. Во всех случаях жизни они предпочитают действовать не проповедью (вернее, не только проповедью), но живым примером.

О Махатмах существует обширная литература. В ней, как это часто бывает, выдумка перемежается достоверными сведениями. Индийцы полагают, что не все Гуру спускаются с гор. Они верят, что главные Махатмы пребывают в недоступных для простого смертного местах, в полной неподвижности, воздействуя на мир энергией своих мыслей. Мы не знаем подлинной мощи целеустремленной и одухотворенной мысли, говорят индийцы, иначе бы мы поняли, что это самая активная форма участия в жизни.

Одна из примечательных особенностей нашего времени: живя на стыке науки и мифа, мы научились бороться с предубеждением. Сквозь фантастическую оболочку легенд, сквозь наслоения столетий мы поемногу начинаем различать светящееся зернышко истины.

Напомню о картине Николая Рериха «На вершинах». На ледяной площадке высокой горы сидит голый человек в состоянии «самадхи», то есть полной отрешенности от себя и окружающего мира. Чувствуется, что ветры и морозы не причиняют ему ни малейшего беспокойства. Более того: его тело багрово-красное, словно он только что вышел из бани; даже снег под ним слегка подтаял. Я пола-

гал, что это плод творческого воображения художника. Оказывается, написано с натуры.

Таких примеров демонстрации фантастической мощи, скрытой в человеческом организме — в наши дни они становятся подчас предметом научного наблюдения и эксперимента, — известно немало. Никакого противоречия с законами природы (лишь малую часть которых на сегодняшний день нам удалось постичь) здесь, конечно, нет. Если беспределен Макрокосмос, то и Микрокосмос, каковым является человек, тоже беспределен, а значит, и возможности человека практически ничем не ограничены.

Внутреннюю силу, находящуюся в нас в связанном состоянии, в разные времена называли по-разному. В древнеиндийских рукописях она фигурировала под именем «Кундалини», в современных источниках ее окрестили «психической энергией». Но как бы ее ни называли, есть основания думать: это — энергия космического характера и масштаба, и она убедительнейшим образом доказывает беспределность и неисчерпаемость феномена, имя которому — человек.

Научное исследование этой свернувшейся в клубок космической силы («Змей-Кундалини»), по существу, только-только начинается. Здесь приходится идти на ощупь, по большей части без ясно различимых и привычных ориентиров. Поэтому упреки в адрес науки — дескать, слишком уж медлительна и осторожна — неосновательны. Здесь, может быть, как нигде, следует действовать с оглядкой: ведь тайник энергии при неумелом обращении может взорвать не только тебя, но и нанести вред окружающим. Чтобы этого не случилось, одного знания мало. Нужно нечто другое, не менее важное, чем внешнее знание предмета: внутренняя чистота. Научная проблема оборачивается таким образом сугубо нравственной: слишком велика в данном случае мера ответственности. И становится понятным, сколь справедливы слова, сказанные задолго до устрашающего развития науки и технических новшеств: тот, кто не заинтересовался развитием в себе духовных сил, не может быть тружеником истинной науки.

На Востоке, где с древнейших времен воспитанию внутреннего человека придается исключительное значение, существует такое понятие: Культура сердца. Если хотите, это краеугольный камень всей духовной этики. Чтобы привести человека к гармонии, внутренней и внешней, которая, собственно, и является целью наших усилий, одной лишь культуры ума, знаний, добываемых извне, недоста-

точно. Нужна еще и шная сила, шная культура — Культура сердца.

Культура сердца — это путь индивидуальной неповторимости человека. Напрасно ум, как некое животное (по выражению, заимствованному из индийской рукописи), подбирает опыт чужих достижений: здесь ничто внешнее не может помочь. Чтобы завоевать ничтожное звено в Культуре сердца, надо сбросить огромную цепь предрасудков и суеверий. А чтобы добиться ощутимых результатов в этой области, индийцы, исповедующие теорию перевоплощения, считают, что надо прожить несколько жизней.

Культура сердца не отрицает культуру ума. Она лишь указывает на ограниченность головной работы, лишенной сердечных порывов. Жить от ума нельзя. Творчество, в какой бы форме оно ни выявлялось, есть гармония сердца и мысли. Вот почему восточная мудрость так настоятельно призывает: «Раскрепостите в себе сегодня ум от его постоянной жажды прочесть все новое и новое слово Истины. Усвойте, что только те кусочки Истины могут стать Действием в жизни человека, которые он вскрыл в себе, омыв их своими трудами на общее благо, закрепил их полной верностью своего благоговения и преклонения перед ужасом и величием путей человеческих. И сколько бы он ни читал духовных источников, если сам живет в постоянных компромиссах, — ни крупинцы Истины не введет в свое единение с людьми».

Атмосферу, создаваемую Культурой сердца, пожалуй, нигде так не почувствуешь, как в Индии. У Николая Константиновича Рериха есть наблюдение, в правоте которого впоследствии я убедился сам:

«Кто побывал в Индии не туристом, не прохожим, но прикоснулся к сущности жизни страны, или, вернее, великого континента, тот никогда и нигде не забудет очарования великой Индии. Можно всюду выполнять различные полезные задачи, можно примениться к любым условиям, можно понять разные языки, но все же ничто не затмит необычного очарования Индии.

И сердце Индии отзывчиво там, где оно чувствует взаимность. Никакие слова и уверения не сравнятся с великим знанием сердца. Зато и неизменен приговор сердца. Оно знает, где настоящее добро, под любую поверхность сердце определит сущность. В Индии к этому сердечному языку прибавляется еще и неповторенная психическая чуткость. Даже на расстоянии вы можете взглянуть на

кого-либо из толпы, и он сейчас же оглянется, как бы желая ответить. Сколько раз нам приходилось убеждаться в этой необыкновенной чуткости.

Невозможно чем-либо насильственным или противоземным развить в себе эту чуткость. Лишь веками, в великом ритме, в постоянном мышлении о предметах высоких развивается это чрезвычайное качество».

Мое путешествие в Индию началось задолго до того, как я ступил на трап самолета, совершавшего свой рейс по маршруту Москва — Дели. Приходится возвращаться на годы и даже десятилетия назад, чтобы вновь пережить момент, когда передо мной впервые обозначились Гималайские горы. В памяти воскресает апрель 1958 года. Кузнецкий мост, залитый ярким весенним солнцем. Хвост очереди на выставку Николая Рериха.

В то время — очевидно, как и многие — я и не подозревал о существовании русского художника, кончившего свои дни в Индии. Лишь спустя много лет я прочту, восхищаясь точностью формулировок, книгу-эссе Всеволода Пикадоровича Иванова.

«Рерих! Это имя человека, которого просто называют и имя которого звучит, как необъятный комплекс идей и образов. Стоит только назвать его, и все знают:

— А! Рерих!

Такое пожалование именем есть высочайшая награда своего народа, который так жалуется своего великого знатного мастера. Оно означает, что искусство такого мастера перестает быть личным искусством живописца, выражением высокого умения. Имя становится жизнью. Имя становится обозначением целого мира».

К сожалению, тогда лишь единицы могли разделять пафос этих слов. Пик Рериха был скрыт от нас туманом легенд, непонимания, кривотолков. Нужны были долгие годы работы, чтобы рассеять туман, чтобы в истинном величии предстал перед нами лик русского творца и мыслителя, которого в Индии звали Гуру-Дэвом¹, лик Мастера, энциклопедически совместившего в себе самые разнообразные дарования: художника и философа, писателя и ученого, путешественника и общественного деятеля. Переступая порог выставочного зала, я, естественно, и не ведал, что мне в числе других предстояло заняться этой работой.

Признаюсь: я шел на выставку с некоторым недовери-

---

¹ Гуру-Дэв — божественный Учитель.

ем, ибо в ту пору, следуя моде, считал себя почитателем Пикассо и Шагала. Восток, которым занимался Рерих, меня не интересовал совершенно. И вот — полотна неизвестного мне живописца. Их было много. Стремясь, очевидно, как можно шире представить творчество художника, их густо развесили на стенах. Небывалая цветовая гамма ударила мне в лицо. В первое мгновение хотелось даже закрыть глаза. Ничего подобного этому я не видел. Я не мог бы выделить отдельного сюжета или пейзажа, все для меня слилось в единое звучащее целое. Потом, оправившись от первого потрясения, помню, я долго стоял у картины, излучающей синий спокойный свет: «Огни на Ганге». Я чувствовал, как отдыхаю душой, каким умиротворением веет от таинственного вечернего сумрака, от фигуры женщины, пускающей вниз по течению реки лепестки огня. Возвращаясь к тогдашнему ощущению, могу сказать: произошло нечто, похожее на замыкание тока. Как будто молния ударила в меня и сожгла что-то во мне навсегда. Но, конечно, осознать, а тем более четко сформулировать все это для себя тогда я не мог.

Восточная мудрость, на которую я буду постоянно ссылаться в книге, ибо сам замысел книги возник под ее импульсом, утверждает: «Все истинные изменения в людях происходят всегда мгновенно. Мгновенно именно потому, что раскрывается новый аспект любви в сердце, скорее сверкнувшей молнии. Если люди неустойчивы, их внутреннее преобразование, совершающееся в одну минуту, сопровождается таким длительным и нудным периодом умирания старой личности, что они смешивают этот период муки с блаженным мигом счастья самого их преобразования».

Справедливость этих слов я мог бы подтвердить собственным примером, потому что «нудный период умирания старой личности» у меня действительно растянулся на годы. Правда, воспоминание о Рерихе жило теперь во мне постоянно, но Гималайские горы на долгое-долгое время удалились, или, вернее, ушли в тайники подсознания.

Выплыли они оттуда и снова приблизились ко мне спустя двенадцать лет, когда я писал стихи «Голубые холмы Индостана». Для меня самого эти стихи — доказательство интуитивности творческого процесса, его непредсказуемости. Отлично помню, что мысли мои были далеки от Индии. Толчком к стихам послужил совсем пустяковый повод. Перелистывая том Большой Советской Энциклопедии, я наткнулся на объяснение, что «Гималаи» в переводе на русский язык означают «Обитель вечных снегов». Каза-

лось, что тут особенного: обитель вечных снегов. Но сознание почему-то замкнулось на этой фразе. Как будто что-то щелкнуло внутри, и передо мной возникло совершенно отчетливое видение: снежные горы, луна. Первая строфа родилась произвольно, прямо-таки выдохнулась: «Гасят отзвуки лунного эха Гималаев пылающий снег. Над обителью вечного снега Вечность свой замедляет разбег».

Со стихами связана забавная история. Рецензируя мою книгу, критик выделил «Голубые холмы Индостана», отметив при этом, что в них хорошо отразились непосредственные впечатления от Индии. Статья, может быть, и льстила авторскому самолюбию, но положение дел в ту пору все же обстояло иначе: до «непосредственных впечатлений» было еще далеко. От Гималаев меня отделял четырехлетний промежуток.

Но именно после индийского цикла, образовавшегося так стихийно, стали как бы сами собой притягиваться в мой дом труды Рериха, его книги. В монографии Сергея Эриста я обнаружил стихи художника, поразившие меня чрезвычайно: о Рерихе-поэте я не имел ни малейшего понятия. Помню свое переживание: какой-то клубок подкатился к горлу, когда я читал вслух строки, звучащие столь таинственно и торжественно: «Встань, друг. Получена весть. Окончен твой отдых».

Открытие великого духовного континента Индии, который лишь в силу моего предубеждения и нелюбознательности оставался для меня заповедным, было в то же время открытием заново самого себя. То ли материалы пришли кстати, то ли потому, что я воспринимал их сугубо лично, они решительным образом повлияли на весь ритм моей жизни. Даже режим дня изменился: из «совы» я превратился в «жаворонка», то есть оставил утомительные бдения по ночам и целиком переключился на утреннюю работу. Слова, сказанные по тому или иному конкретному поводу, адресованные определенному лицу, мне по большей части казались обращенными именно ко мне — и ни к кому другому. А суждения о сокровенной сути творческого процесса — естественно, я их изучал с особым вниманием — четко согласовывались с моими собственными наблюдениями. «Люди одаренные вовсе не первоначально больные, а наоборот, они только тогда могут творить и стаповаться истинно цепными для своей современности, когда найдут в себе столько мужества и верности своему любимому искусству, что забывают о себе, о своих первах и личном тщеславии и в полном спокойствии и самообладании песут свой та-

лапт окружающим людям. Неорганизованное неустойчивое существо не может посить в себе истинного таланта. Или же оно должно рано умереть, так как гений разорит всякого, кто не может добиться полного самообладания и стать достойным — в гармонии — своего дара».

Чуть ли не сразу я выявил для себя удивительное свойство индийских текстов, позже я понял, что это признак подлинной мудрости: в них я все время узнавал свои мысли. Иногда я даже вздрагивал от неожиданности, настолько казалось, что это — мое, давным-давно уже внутренне продуманное. Просто было недосуг и лень (скорее всего, лень) зафиксировать мысль на бумаге.

Я жил в атмосфере, как бы наэлектризованной Индией и Гималаями, и естественно, что к этому источнику произвольно и непроизвольно подключалось мое творчество. Иногда индийская традиция настолько определяла настрой и содержание моих вещей, что я сопровождал их специальными предисловиями.

Но, конечно, больше всего поразила мое воображение созвучность мыслей духовных Учителей Индии (в особенности Вивекананды) с современностью, перестраивающей на новых основах свое бытие. Тут, разумеется, играло роль и то обстоятельство, что высказывания не были отделены от нас темным и холодным прогалом времени, в текстах при всей специфичности слога отчетливо угадывались реалии нашего века.

Повесть посвящена памяти Конкордии Евгеньевны Антаровой, имя которой — как я понимаю — мало что говорит современному читателю. Потому необходимо небольшое пояснение. Выдающаяся певица своего времени (она считалась лучшей исполнительницей партии графини в «Шиковой даме»), заслуженная артистка РСФСР, Антарова принадлежала к числу самых близких и преданных учениц Константина Сергеевича Станиславского. Принципы своего Учителя она старалась воплотить не только на сцене, но и в жизни. К сожалению, мне не довелось ее видеть. Антарова умерла в 1959 году. Но мне посчастливилось познакомиться с ее книгой, ставшей в наши дни библиографической редкостью: «Беседы К. С. Станиславского». Но мне посчастливилось еще больше, когда в мои руки попали ее неопубликованные записки, представляющие собой своеобразную квинтэссенцию восточной мудрости, многовекового индийского опыта. Могу признаться, что записки Антаровой, никогда не бывавшей в Индии, открыли мне Индию

гораздо больше, чем иные научные монографии и туристские очерки об этой стране.

Свои материалы она не предназначала для печати, и потому они пуждаются и в строгом отборе, и в тщательном редактировании. Но их ценность для меня состояла прежде всего в том, что они являли собой пример освоения идей восточной мудрости под углом практического приложения к работе и жизни. Насколько я могу судить, две главные особенности отличали этот непростой, этот действительно глубокий опыт постижения — творческого и жизненно-го — индийской философии и культуры.

Во-первых, ученицу Станиславского интересовала не только древняя Индия и ее древняя мудрость, но и современная Индия и ее великие учителя: Рамакришна¹, Вивекананда, Рабиндранат Тагор. Разумеется, между старой и современной Индией не было непроходимой пропасти, и учителя новой Индии неоднократно заявляли о том, что многие их положения зиждутся на основах древней мудрости; тем не менее старым идеям был дан новый импульс, новый толчок; появился новый язык, на котором во весь голос заговорила Индия, вставшая на путь борьбы за национальное освобождение.

Любопытно отметить, что на другом конце Европейского континента в том же направлении шел духовно-творческий поиск знаменитого писателя Ромена Роллана, громгласно заявившего о своем стремлении («парадоксальном» — так он сам характеризует его): «объединить огонь и воду», сблизить «мысль Индии и мысль Москвы». (Кстати, Антарова была знакома с Роменом Ролланом и находилась с ним в переписке.) Примерно в эти же годы автор «Жана Кристофа» работал над своими индийскими книгами: «Жизнь Рамакришны», «Жизнь Вивекананды», «Вселенское Евангелие Вивекананды», «Махатма Ганди». Думается, что не случайным было это совпадение, а закономерным и знаменательным.

Во-вторых, Антарова понимала (и учитывала) всю глубину разницы между восточной и западной психологией. Стараясь максимально приблизить идеи индийской мудрости к европейскому восприятию, она придавала им литературную форму. Это был своего рода эксперимент, при котором отвергались буквализм и прямое цитатничество, а

---

¹ Рамакришна (1836—1886) — один из духовных реформаторов новой, пробуждающейся Индии. Суть его учения раскрыта в трудах Вивекананды и других его учеников.

тексты освобождались от излишнего давления специфических понятий и терминов. Мысль Индии, не изменяя своему существу, обрела воплощение в традиционных, привычных для нашего сознания формах. Это была квинтэссенция многовековой индийской мудрости, но квинтэссенция строго избирательного плана.

Из глубочайшего кладезя индийской духовной культуры черпалось, выделялось, высвечивалось и как бы укрупнялось все то, что способствовало разрушению одного из самых живучих предрассудков человеческого сознания, выросшего на базе вековых привычек, догм и стереотипов. Дело в том, что многие считали, а кое-кто считает и до сих пор (отсюда, может быть, их стремление пересадить механически прямолинейно на почву современности некоторые принципы древних учений), что поиск и обретение духовно-правственных ценностей могут быть успешными лишь в неких экстремальных условиях, что для этого надо уходить в горы, уединяться от людей, замыкаться в скорлупу своего внутреннего «я». Тексты, восходящие к древней и новой мудрости Индии, сведенные Антаровой воедино, переложенные ею с учетом нашего восприятия, утверждали прямо противоположное: они призывали искать и обретать эти ценности не в стороне от жизни, а в гуще жизни, не отъединяясь от людей, а в общении с людьми, в работе, в быту. Более того: настойчиво и последовательно проводилась мысль о том, что лишь истины, постигнутые сердцем и волей человека в буднях, в повседневной работе, являются основательными и подлинными. И это естественно, ибо в буднях они добываются с большим трудом и большим напряжением сил, чем в ситуации, сложившейся неким особым образом. Не секрет, что, как правило, экстремальная ситуация (в особенности если ее создают искусственно) кратковременна и под напором суеты повседневности может довольно скоро уйти из сознания и тем самым погасить порыв, вспыхнувший в душе человека.

Читая эти записки и невольно проецируя их на современность, я сделал для себя вывод, что они не только не противоречат, но, наоборот, согласуются с духовным и нравственным поиском наших дней, потому что они не отрывают человека от земли, не растворяют его в блаженном созерцании заоблачной синевы, а заставляют его работать — причем работать постоянно и в любых условиях — над решением конкретных практических задач повседневности.

Словом, в записках Антаровой — и этим они сразу и па-

всегда завоевали мое сердце — схвачена светящаяся позитивная суть индийской духовной культуры, индийского этнического опыта. Если хотите, мне они еще раз подтвердили правоту знаменитой мысли Достоевского о «всемирной отзывчивости» русского характера. Помню, находясь уже непосредственно в Индии, сколько раз я убеждался, как точно отвечают записки Антаровой призывам и устремлениям учителей новой Индии и прежде всего — Вивекананды, этого стойкого и пламенного сторонника философии активного действия.

В общем, «открытие Антаровой» стало для меня событием, к которому мне захотелось (поскольку речь идет о моем «внутреннем» путешествии в Индию) приобщить и других. Выписывая из ее рукописей отдельные фрагменты, выстраивая их в определенном порядке, объединяя той или иной темой, я как бы превращал их в своеобразные письма-послания, адресованные не только самому себе, но и тем, кто будет их читать. Для себя я назвал их «Наукой радости». Такое определение, на мой взгляд, наилучшим образом выявляет существо дела. Впрочем, судите сами по этим выпискам.

«Помни, что радость — непобедимая сила, тогда как уныние и отрицание погубят все, за что бы ты ни взялся. Знание растет не от твоих побед над другими, побед, тебя возвышающих. Но от мудрости, спокойствия и радости, которые ты добыл в себе тогда, когда этого никто не видал. Побеждай любя — и ты победишь все. Ищи радостно — и все ответит тебе.

Жизнь, вся жизнь Вселенной, всегда утверждение. Строить можно, только утверждая. Кто же не может научиться в своей жизни простого дня, в своих обстоятельствах радости утверждения, тот не может стать светом на пути для других.

Чем больше в человеке инстинктов самости, т. е. чем сильнее он сосредоточивает мысль на своем «я», тем больше и глубже его сомнения, тем чаще катятся слезы из его глаз, тем яростнее его борьба со своею плотью, со своими страстями, со своими буйными, жаждущими, не знающими покоя мыслями.

В борьбе с самим собою еще никто и никогда не обрета- л спасения. Ибо идут вперед только утверждая, но не отрицая. Не борьба со страстями должна занимать внимание

человека, а радость любви к Жизни, благословение Ее во всех формах, стадиях и этапах бытия.

Нет ни покоя, ни мира в тех существах, что ищут все новых и новых источников откровения. Все, что они подхватывают из попадающихся им записей и книг, все это они всасывают верхними корками ума, но мало что проникает в их святая святых, составляя зерно их сердца.

Простые слова, возносимые с радостью, произносимые в мире собственного сердца, достигают большей цели, чем сотни переписанных истин, выловленных из разных «источников».

Человек должен жить так, чтобы от него лились эманации мира и отдыха каждому, кто его встречает. Совсе не задача простого человека стать или пыжиться стать святым. Но задача — непременная, обязательная задача каждого человека — прожить свое простое, будничное сегодня так, чтобы внести в свое и чужое существование каплю мира и радости.

Прост ваш день труда. Обласкайте каждого, кто войдет к вам. Если к вам пришел одинокий, отдайте ему всю любовь сердца, чтобы уходя он понял, что у него есть друг. Если придет скорбный, осветите ему жизнь вашей радостью. Если придет слабый, помогите ему знанием того нового смысла жизни, который вам открылся. И жизнь ваша станет благословением для людей.

Ни в какие мрачные или трагические моменты жизни нельзя забывать самого главного: радости, что вы еще живы, что вы можете кому-то помочь, принеся человеку атмосферу мира и защиты.

Не допускай никогда унылого чувства «недостигаемости» перед чужим величием духа. Всегда благословляй достигшего больше твоего и лей ему свою радость, чтобы ему было легче достигать еще больших вершин. Проще, легче, веселее — эти слова — целая программа для каждого. В этих словах усматривай, что высота духа не иго, не отречение и не подвиг, а только полная гармония. Она выражается в постоянной, ни на минуту не нарушаемой радости.

Не набирай на свои плечи долгов и обязанностей, которые на тебя никто не вваливал. Иди радостно. Просыпаясь утром, благословляй свой новый расцветающий день и

общай себе принять до конца все, что в нем к тебе придет. Творчество сердца человека — в его простом дне. Оно в том и заключается, чтобы принять все обстоятельства своего дня как неизбежные, единственно свои и их очистить любовью, милосердием, пощадой. Но это не значит согнуть спину и позволить злу кататься на тебе. Это значит и бороться, и учиться владеть собой, и падать, и снова вставать, и овладевать препятствиями, и побеждать их. Быть может, внешне не всегда удастся их побеждать. Но внутренне их надо победить любя.

Старайся переносить свои отношения с людьми из мусора мелкого и условного в огонь вечного. Ломай вырастающие перегородки условного между тобой и людьми. И ищи всех возможностей войти в положение того, с кем общаешься. И ты всегда найдешь, как тебе разбить препятствия предрассудков, нелепо встающих между людьми, открыть все лучшее в себе и пройти в храм сердца другого. В себе найди цветок любви и брось его под ноги тому, с кем говоришь. И только в редких случаях встречи с абсолютно злыми людьми останутся без победы твоей любви.

Братья и друзья! Не то считайте милосердием, что даете сами или дается вам как долг, обязанность, тяжелая ноша. Ибо то еще стадия предрассудочная.

Но то считайте милосердием, что даете в радости, в сияющем счастье жить и любить.

Не тот любит, кто несет свой долг чести и верности. Но тот, кто живет и дышит именно потому, что любит и радуется, и иначе не может.

И любовь сердца такого человека не брага хмельная и чарующая, создающая красоту условную, но сама чистая красота, несущая всему мир и успокоение.

Радостью ткется светящаяся материя духа, радостью вводится человек в единение с людьми, а следовательно, и со всей Вселенной»¹.

---

¹ Лишь одну разновидность радости духовная этика Индии отвергает решительно, считая ее камнем на внутреннем пути человека, — «радость о падении ближнего своего». Здесь справедливо полагают, что чувства зависти, ревности, а также рудиментарной первобытной радости «о падении ближнего своего» базируются на двух главных наших предрассудках: предрассудке превосходства над другими, не существующего нигде, кроме собственного воображения, и предрассудке разъединения с другими (существующего тоже лишь в нашем воображении).

Оглядываясь назад, я вижу, что мое активное вживание в индийский материал было внутренней подготовкой к поездке, которая в противном случае грозила бы превратиться в обычное туристское мероприятие.

Хочу предупредить читателя: в повествование будут постоянно вторгаться «письма-послания», о которых я уже говорил выше. Может быть, с точки зрения читателя, их окажется слишком много, может быть, они даже составят своего рода книгу в книге. Но без этого — чувствую — нельзя. Ведь они явились для меня своеобразным путеводителем по Индии. Ведь в них, по моему убеждению, которое лишь окрепло во время пребывания в стране, кульмируется та культура сердца, без которой невозможно понять особенности психического склада народа Индии.

Я вылетал из Москвы 24 мая. Как известно, семьдесят четвертый год был годом юбилея Рериха. 9 октября исполнилось сто лет со дня его рождения.

К тому времени я оказался прочно вовлеченным в магнитную орбиту Рериха. Таких, как я, в шутку называли «рерихнувшимися». Никогда не чувствовал в себе задатков исследователя, но тут как-то само собой получилось, что я занялся — всерьез и надолго — изучением литературного наследия художника. Постепенно мне становилась ясной принципиальная значимость стихов Рериха для нашей поэзии: в них впервые в нашей художественной практике сливались в единое целое две великие духовные традиции — русская и индийская. В редакциях журналов и газет стихи Рериха встречали хороший прием, и начиная с семьдесят второго года они стали появляться в периодике. Но самое главное — готовилась к изданию книга стихов Рериха. Я написал к ней предисловие, где высказал свою точку зрения на его стихи, а также расшифровал некоторые символы (тогда еще нуждавшиеся в пояснении). Название книги — «Письмена» — я заимствовал у Горького, который имено этим словом определял, а тем самым высвечивал монументальность мысли Рериха, возвышенно-пророческий настрой его поэтических медитаций. К моменту отъезда сигнальный экземпляр сборника был у меня в руках. Я вез его в подарок сыну художника, живущему в Индии, — Святославу Николаевичу Рериху.

Ныне единственный представитель на редкость талантливой семьи Рерихов, он стал продолжателем своего отца на путях творческих. Картины Рериха-младшего запомни-

лись еще по московской выставке шестидесятого года. В них как бы сфокусировалась Индия в ее многообразии и неповторимости: одухотворенные лица людей, многоцветье ярких тропических красок, светопосная мощь горных хребтов и неба. Особое впечатление оставляли портреты Джавахарлала Неру («пандита¹ Неру»), которые художник писал при его жизни, находясь рядом с ним.

Можно сказать, что мой путь в Индию лежал через Рериха. Моя поездка была связана с организацией его юбилея. Я должен был встретиться со Святославом Рерихом, чтобы договориться о его персональной выставке, приуроченной к дням юбилея (она проходила впоследствии в залах Третьяковской галереи). Нужно было также условиться с ним о приезде нашей киногруппы, снимавшей документальный фильм «Николай Рерих». Они надеялись на его помощь. И наконец, редакция журнала «Огонек» (она то и командировала меня на две недели в Индию) рассчитывала на новые материалы о Рерихе, в особенности об «индийском» периоде его жизни, его контактах с Рабиндранатом Тагором, о его встречах — в майские дни сорок второго года — с Джавахарлалом Неру и Индирой Ганди.

Трудность моей задачи состояла вот в чем. Я никого не знал в Индии. Я не был знаком — даже заочно — со Святославом Рерихом. Я мог лишь надеяться на то, что ему хотя бы известно мое имя: обо мне упоминал в своих письмах таллиннский биограф Рериха, издавший о нем книгу в серии «Жизнь замечательных людей», Павел Федорович Беликов. И потом, прежде чем встретиться со Святославом Рерихом, поначалу следовало его разыскать, что, как мне объяснили, без предварительной договоренности может оказаться делом чрезвычайно сложным. Если он будет у себя в Бангалоре, то связаться с ним не составит труда. Но он может быть в отъезде, и тогда его надо искать по всей Индии. Наконец, он может быть в Гималаях, в доме, оставшемся ему от отца: туда он имеет обыкновение выезжать поздней весной или в начале лета. А чтобы добраться туда по трудным и опасным горным дорогам, нужна машина, нужен хороший опытный шофер. А где и как все это достанешь?

К тому же меня весьма беспокоила проблема языка. Я ехал один, без переводчика. И хотя когда-то в университете я изучал английский язык, приводя в ужас своим про-

---

¹ П а н д и т — ученый-брахман. Эта приставка к имени обозначает также особо уважительное отношение к человеку.

пзношением преподавателей, к моменту отъезда все эти уроки, разумеется, пачисто выветрились из моей памяти.

В нашем посольстве и делийском отделении Общества советско-индийской дружбы были осведомлены о моем приезде, но, судя по всему, в Индии я мог рассчитывать лишь на собственную инициативу и... везение.

«Без машины, без переводчика — вот и просидишь в Дели всю командировку», — предрекали мне мои друзья-скептики.

Несколько подняла мой дух Людмила Васильевна Шапошникова, волевая, энергичная женщина, счастливо соединяющая в себе ученого и журналиста. Я познакомился с ней накануне отъезда. До этого я знал ее по книге «Годы и дни Мадраса», где непосредственные впечатления автора и исторический материал, собранный ею, складывались в увлекательный рассказ об Индии. Она мне сообщила, что в Индии вот уже без малого год живет ее подруга — Пина Степановна Карпова. Индолог по специальности, она преподает в местном университете и работает над докторской диссертацией о Калидасе¹. К пей-то она и посоветовала обратиться за помощью. «Она в Агре, но это не так далеко от Дели: сто — сто двадцать миль».

Правда, рекомендация тут же обросла всякими «если». Если разыщете, если не будет занята, если сумеете заинтересовать, если согласится. Но все же это было «что-то». Людмила Васильевна написала письмо и, вручая его мне, добавила с многозначительным выражением в голосе:

«Было бы замечательно, если б удалось уговорить. Хинди она знает как родной. Ходит в сари. Дружна с самыми разнообразными людьми. Она знакома даже с каким-то гималайским Гуру. Он помогает ей готовить докторскую диссертацию».

Далек мой Гуру от меня, и все же
Как близок Он, когда к Нему стремлюсь.

Хочу унять взъерошенные мысли,
Потом предстать перед Твоим лицом.

Одна волна окатывает нас,
Одно мгновение длится это чудо.

О, сколько было надобно прейти,
Чтоб заработать этот зыбкий миг
Соединенья нашего и встречи.

---

¹ Калидаса (V век п. э.) — великий поэт и драматург древней Индии.

Успьем духа вновь соединен
С Твоим безмолвьем и Твоим простором.

Учитель мой! Безмолвие Твое
Врачует, охраняет, направляет.

Но даже если слов не разберу,
Мысль о Тебе спасительна, Учитель.

Понятие учителя (в том числе Учителя с большой буквы) общеизвестно. Но, пожалуй, лишь в Индии в него вкладывают столь трепетный и возвышенный смысл. О понятии «Гуру-Махатмы-Учителя» следует сказать особо. Думается, что настает время, когда, исходя из собственных указаний тех же Учителей, его надо очищать от всяких чужеродных примесей и фантастических измышлений.

Первое — и, пожалуй, самое главное — это понятие более объемно, чем мы порою себе представляем. В нем могут быть воплощены как сугубо объективные факторы, так и сугубо субъективные. Конечно, Гуру может быть конкретным лицом, носящим определенное имя, и, как в старину говорилось, прилепившись к нему всеми помыслами, ты идешь по ступеням внутреннего роста, непосредственно руководимый им. Но дело может обстоять и по-другому. В предисловии к циклу стихов «Беседы с Учителем» я говорил, а ныне могу повторить, что в индийской традиции слово Учитель с большой буквы нередко обозначает твое же внутреннее «я», в котором сконцентрированы твои лучшие чувства и помыслы. Как бы отделившись от тебя, это внутреннее «я» живет самостоятельной жизнью, обращается к тебе, наставляет тебя, устремляет ввысь. Это, разумеется, не раздвоенное сознание, а устремленное напряжение духа.

И та и другая трактовка понятия, очевидно, одинаково правомерна: объективное и субъективное не находится здесь в противоположении. Наоборот. Они в тесной и неразрывной взаимосвязи. Ведь Гуру, работая с учеником, обращается к его так называемому высшему «я». Но, с другой стороны, и твоя индивидуальная внутренняя работа, если она вершится в чистоте и бескорыстии, развивая твои лучшие чувства и мысли, по закону взаимного духовного тяготения может привести и обязательно приводит к тому, кого именуют Гуру-Махатмой-Учителем.

Второе. Понятие Учителя настолько широко, что оно включает в себя буквально всю нашу жизнь, требуя при-

стального внимания и бдительности ко всем явлениям жизни, даже самым незначительным. Зов, пробуждающий дух человека, может прийти отовсюду. («Надо — и муравей гонцом будет».) Поэтому в Индии так популярна поговорка: «Никто тебе не друг, никто тебе не брат, но каждый человек тебе Учитель». Известен другой, более максималистский вариант поговорки: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе великий Учитель». Каждый человек, а значит, и каждая встреча, а значит, и каждое явление жизни. Все зависит лишь от того, насколько ты внимателен, насколько развил в себе дар распознавания. Сказанное может быть подытожено краткой формулировкой, которую я приводил уже раньше в своей книге «На вершинах»: «Все, что зовет вверх, и есть Учитель!»

Третье. Понятие «Учитель», в принципе, носит безличный характер. Во всяком случае, здесь четко выражено устремление к безличному началу. Разумеется, далеко не все Гуру безымянны. Институт Махатм настолько прочно врос даже в социальную почву Индии, что здесь, конечно, хорошо известны имена Учителей как прошлого, так и настоящего. Мы знаем, какой любовью окружено имя Махатмы Ганди. Мы знаем также, что в письме духовных Учителей Востока, которое Рерихи привезли в двадцать шестом году в Москву для передачи советскому правительству, Махатмой называют Ленина («брат наш, Махатма Ленин»).

И в то же время мы знаем, что многие Учителя Востока и Индии предпочитают выступать под обобщенным именем Махатмы. Твердое, неизменное желание оградить себя от известности, а тем более от широкой популярности — характерная черта всех духовно просветленных существ. В книге «Община», изданной Рерихами в двадцать седьмом году в Улап-Баторе и представляющей собой листы бесед с высоким общинником Востока (то есть лицом, не желающим рекламировать свое имя), говорится: «Для одного мы Махатмы, для другого ученые, для третьего повстанцы, для четвертого комитет революционеров». Нетрудно заметить, что в подтексте звучит все та же мысль о «муравье». Не важно, какой «муравей» принес весть, важно, чтобы она пришла вовремя и чтобы она была правильно воспринята.

Нас, воспитанных в атмосфере иной психологии, подчас озадачивает это настойчивое внутреннее убежденное стремление быть безвестным. Оно кажется нам таинствен-

ным, страшным. А ничего странного нет. Во-первых, в нем, в этом стремлении, запечатлен дух подлинного бескорыстия, которое для многих из нас остается недостижимым идеалом. Во-вторых, оно проистекает из представления о безымянности истинного творчества.

Понимание анонимности творчества отнюдь не парадоксально, как может показаться с первого взгляда. Оно развито не только на Востоке, но, если пристальней взглянуть в историю нашей культуры, у нас тоже. Безымянные авторы нашего фольклора, неизвестны по большей части имена мастеров древнерусской живописи; не случайно, быть может, не дошло до нас имя автора «Слова о полку Игореве».

В наше время на безличном, а вернее, надличном характере искусства настаивает Рерих. Неоднократно он повторяет мысль об условности авторского имени (не делая исключения и для себя). Ведь каждое произведение искусства (независимо даже от самого создателя) столько вбирает в себя отовсюду, что по справедливости должно считаться плодом коллективного труда. Усвоение этой столь очевидной вещи, по мнению Рериха, необычайно способствовало бы расширению сознания творца. Поэтому он призывает: «Подумайте об анонимности творчества. В нем еще одна ступень в возвеличении духа, за случайными пределами дней в нем еще шаг ускорения прогресса человечества».

Условность авторского имени я мог бы, в частности, продемонстрировать и на примере данной книги. Разумеется, в ней есть то, что принадлежит мне непосредственно: путешествие, которое я пытаюсь описать с документальной точностью, впечатления от встреч с людьми и одухотворенной мыслью Индии. Но я прекрасно отдаю себе отчет в том, что самое главное, определившее весь замысел книги, а именно: одухотворенная мысль Индии, естественно, мне не принадлежит. Для того чтобы прикоснуться к ней, понадобилась работа многих поколений. Я также отдаю себе отчет в том, что не мог бы возникнуть замысел и без Конкордии Евгеньевны Антаровой, которую по справедливости и без преувеличений следовало бы назвать соавтором этой книги.

Впрочем, каждый пишущий знает, как трудно отделить свое от чужого, заимствованное от оригинального. Современный индийский философ Кришнамурти, отличающийся беспощадной точностью психологического анализа, отказывается однозначно определить импульс, вызвавший к

жизни то или иное произведение (что это: то ли внешнее воздействие, то ли собственные эмоции, то ли интуиция, то ли все это вместе взятое?). Автор многочисленных статей, книг воспоминаний, стихов, он с обезоруживающей искренностью заявляет: «Мне хотелось бы знать скрытые тонкости этого весьма сложного процесса, который именуется писательским трудом».

Какого бы уровня знаний ни достигали Махатмы и Учителя в своей непрестанной работе и поиске, они никогда не замыкают на себе устремленную и ищущую мысль человека. В светящейся цепи познания, уходящей ввысь, в бесконечность, они считают себя лишь соединительными звеньями. Вот почему они так непримиримы к суеверным представлениям на свой счет. Вот почему с такой настойчивостью они стараются развеивать легенды о своей исключительности и недостижимости. Вот почему они не устают повторять: «Не считайте нас существами высшими. В страдании и плаче разворачивалось наше сердце, в тревогах и муке расширялось наше сознание. Когда-то каждый из нас был самым простым, обычным человеком и шел по такому же простому трудовому дню, как идете вы сейчас. Если вы это поймете, если поверите, что все, чего мы достигли, было достигнуто нами только потому, что любовь учила нас самообладанию, — вы найдете тот же путь».

Жадно и суетливо ищущих некоего «откровения», уповающих на встречу с Учителем как на чудо, они честно предупреждают: «Спеша, люди часто слишком многого ждут и от самих себя, и от тех, в ком они ищут себе идеальных руководителей. Не торопитесь». Все фантастические догадки о сверхъестественном разбиваются, как о скалу, об их незыблемое убеждение: в природе нет тайн, а есть только та или иная ступень знания. То, что сегодня кажется недостижимым, завтра станет доступным, а послезавтра чем-то простым и будничным. Вся обозримая история человечества подтверждает это.

Если Махатмы требуют от своих учеников сдержанности в речи, а то и налагают обет полного молчания («Есть вещи столь великие и священные, что о них не говорят»), то это объясняется не туманно-мистическими, а вполне понятными реальными причинами. В общении с каждым человеком, считают они, должны обязательно учитываться два обстоятельства.

Во-первых, ценность каждого слова. Она так велика, что иногда одно произнесенное не вовремя слово может погубить целый круг людей.

Надо очень думать о каждом слове, которое мы говорим, учат Махатмы. Нет таких слов, которые может безнаказанно выбрасывать в мир человек. Слово — не простое сочетание букв. Оно всегда передает действие силы в человеке. Даже если он не знает ничего о тех силах, что носит в себе, и не думает, какие вулканы страстей и зла можно пробудить неосторожно брошенным словом, даже и тогда пет безнаказанно выброшенных в мир слов. Берегись пересудов не только в словах: даже в мыслях старайся всегда найти оправдание людям и пролить им мир хотя бы на одну ту минуту, когда ты встретил их.

Во-вторых, должна учитываться степень готовности другого человека, в особенности если ты стараешься приобщить его к какому-то новому знанию.

Тайн в мире духовных сил нет, повторяют Махатмы. Есть та или иная ступень знания, то есть та или иная ступень освобождения. Поэтому убеждения людей, их моральные требования, их радостность или уныние в одиночии друг с другом, доброжелательство или равнодушие и т. д. — все зависит от степени закреощенности в личных страстях или от их освобожденности.

Субъективизм человека и отрицание им своей современности под тем или иным предлогом всегда служат явным и верным признаком его невежественности. Поэтому думать, что ты можешь кого-либо поднять к более высокому мирозерцанию, если приобщил его к своей истине, раскрывшейся тебе благодаря твоему собственному труду и любви, составляет такое же заблуждение, как пытаться объяснить немзыкальному человеку прелесть песни.

Отдавая другому самую драгоценную и неоспоримую для себя истину, ты не достигнешь никаких положительных результатов, если друг твой не готов к ее восприятию. А профанировать свою святыню ты всегда рискуешь. И не потому, что человек, которому ты ее открыл, зол или бесчестен. Но только потому, что он еще не готов.

Есть целый ряд знаний, войти в которые может только сам человек. Ввести в них чужья посторонняя мысль не может. Развиваясь, освобожденный человек сам ставит — свои, по-своему — вопросы матери-природе, и она ему отвечает.

Это не значит, что каждый еще ничего не понимающий в пути ученичества человек способен ставить природе те вопросы, до которых он своим умничаньем додумался. Прочел человек десяток-другой умных книжек, побыл членом, секретарем или председателем каких-либо философ-

ских или иных обществ, загрузил себя еще бóльшим числом условных пониманий и решил, что теперь он «готов», что он водитель тех или иных людей, что знания его — вершина мудрости.

Здесь начало всех печальных отклонений. Здесь начало разъединения, упрямства, самомнения, споров о том, кто прав, кто виноват. Вместо доброжелательства друг к другу и мира, что вносят с собою освобожденные, человек, ухвативший мираж знаний, вносит людям раздражение и оставляет их в неудовлетворенности и безрадостности.

Проверь и присмотришься. Тот, кто легче всех прощает людям их греховность, всегда песет людям в каждой встрече доброту, милосердие и мир. В них он каждую встречу начнет, в них ее и кончит. Тот же, кто вошел в дом и принес раздражение, тот всегда неправ, хотя бы свой приход он объяснял самыми важными причинами.

Махатмы с полным основанием полагают, что внешние церемонии и обряды, каким бы ореолом таинственности и торжественности они ни были бы окружены, при отсутствии должной внутренней устремленности не имеют никакого значения для духовного развития человека. Это — предрассудок точно такой же, как и попытка при помощи одних лишь волевых усилий или йогических упражнений раскрыть в себе высшее «я», приблизиться к Гуру. «Путь к Учителю идет только через любовь к людям». Это сформулировано самими Учителями как закон.

К тому, кто встал на путь ученичества, а не разговоров о нем, обращен их призыв: «Рассматривай себя как канал, как соединительное звено между нами, которых ты ставишь так высоко, и людьми, которым страдаешь. Передавай, разбрасывай полной горстью всем встречным все то, что поймешь от нас и через нас. Все высокое, чего коснешься, носи людям, и выполнишь свою задачу жизни. Но то будет не тяжкий и скучный долг добродетели, а радость и мир твоей собственной звенящей любви. Несите не бремя жизни, не иго ученичества, но радость труда, разделенного с нами».

Снова радость. Вот главная ось, на которой держится, по существу, духовное делание. Призыв к радости — не дань риторике, как может кое-кому показаться. Он практичен и жизнен прежде всего потому, что учитывает объективные закономерности роста человеческой психики. Что же касается духовных контактов, то суть дела, на мой взгляд, лучше всего проясняют следующие слова:

«Решившись следовать чьим-то указаниям, избрав себе в другом человеке путь, надо быть в гармонии с тем, кого хочешь назвать своим Учителем. Чтобы воспринять указания Учителя и пести их как творящую силу в свой день, надо быть в радости. Только одна радость открывает возможность слиться двум сознаниям, стоящим на разных ступенях развития. И чем радостнее и чище низшее сознание ученика, тем легче, проще и дальше оно может влиться в сознание Учителя и тем больше может унести он, радостный, из открывающегося ему высшего сознания».

Старинная восточная поговорка гласит: «Путешествие — это победа над жизнью». Она была исполнена великого смысла, когда путешествие занимало месяцы, а то и годы караванного пути, когда караван, составленный из верблюдов, лошадей, яков, медленно и осторожно двигался от перевала к перевалу, когда незнакомая местность таила неожиданности и опасности: тут тебе и горные обвалы, и песчаные заносы, и снежные вьюги, да и разбойники могли налететь в любую минуту. Требовались воля и мужество незаурядные, ибо на каждом шагу возникали препятствия. Нам нынче трудно представить себе состояние путника, который после таких мытарств и такого напряжения физических и духовных сил — наконец! — достигал намеченной цели. Воистину это было победой над жизнью!

А сейчас? Если и вспоминаешь эту популярную в Азии поговорку, то лишь затем, чтоб придать ей иронический оттенок. Нынешний вариант «хождения за три моря» укладывается в шесть часов воздушной трассы из Москвы в Дели. Что, собственно, «побеждать» во время этого беспосадочного полета, когда сидишь в комфортабельном кресле, обдуваемый легкой струей воздушного вентилятора? Привычку к сигарете, если ты курящий, в момент взлета и посадки? Скуку, которую пытаешься рассеять беседой с попутчиком или ленивым перелистыванием журналов? Собственные мысли, которые изобличают в тебе неустойчивость человека, вырванного из привычной обстановки и оказавшегося между небом и землей? Больше побеждать нечего.

Мы вылетели из Москвы поздним вечером. Легкий ужин. Пассажиры стали готовиться ко сну, откинувшись поудобнее в креслах. Я же читал свои записи и какое-то время боролся со сном. Мне обязательно хотелось увидеть Гималаи, над которыми, как я узнал, мы будем пролетать

ранним утром. Но тишина и ровный рокот моторов меня убаюкали. Дрема одолела меня, и Гималаи я проспал.

Проснулся, когда под нами плыли зеленые поля, желтое бугристое плоскогорье. Индия. Утренний кофе прогнал оцепенение, взбудрил.

Самолет пошел на посадку, но оказалось, что это не Дели, а Карачи. В Дели, как потом выяснилось, бушевала песчаная буря. Вот и пришлось, изменив маршрут, приземлиться в Пакистане.

В иллюминатор было видно ровное бетонное поле. У самолета выросли усатые охранники с длинными вилочками за плечами. По радио объявили, что температура воздуха двадцать восемь градусов. Так как меня запугали рассказами об индийской жаре, то я вздохнул с облегчением: такая температура не диковинка и в наших широтах. Но я поторопился радоваться. Когда я вышел на трап самолета, то чуть не задохнулся: было ощущение, что я попал в баню, и не просто в баню, а в парилку — такая здесь стояла духота. Близость моря (Карачи — город портовый) сразу дала себя знать. Воздух был горяч, влажен, да к тому же он был насыщен резким запахом бензина. Мы заторопились — скорей! скорей! — под спасительную крышу аэровокзала: там должен быть кондиционер. Но пам не повезло: кондиционер почему-то забарахлил и вышел из строя. На улице и в зале было одинаково душно.

Словом, два часа вынужденного ожидания в Карачи были хорошей подготовкой к Дели. Когда мы прилетели в Дели, нас встретила сорокаградусная жара. Но воздух сух, ибо климат здесь континентальный. И по сравнению с Карачи это показалось раем.

Кстати, с погодой в Индии мне вообще повезло. Лето в том году было относительно прохладным. Термометр не поднимался выше сорокаградусной отметки, а обычно в это время здесь около пятидесяти градусов жары.

Выяснилось, что я переношу жару неплохо. А когда я попал в Гималаи, зону умеренного климата, то не только не страдал от жары, но по ночам — теплых вещей я не взял — просто-напросто замерзал. Если бы падо мной не сжалились и не дали женскую шерстяную шаль, в которую я кутался по вечерам, мне бы пришлось плохо.

«Важно отдать твердо самому себе отчет, чего именно ты хочешь. Важно не быть пустым или шатким внутри, когда ты начинаешь свой новый творческий день. Важно, утверждаясь все сильнее в верности тому, что ты избрал

себе как жизненный путь, кончать свой день. Кончая его, совершенно четко отдать себе отчет, в чем ты был тверд, в чем отступил от светлой идеи, для которой живешь и трудишься. Важно — жить каждый день, трудясь так легко и честно, как будто это был твой последний день жизни.

Напрасно ждать особых испытаний. В простых серых буднях надо разглядеть главные дела любви, а жить легко свой текущий день — вот самый главный признак ее. В обычном деле обычного дня живущий жизнью любви должен быть звеном духовного единения со всем окружающим.

Ты выбрал тот путь, где героика чувств и мыслей живет не в мечтах и идеалах или фантазиях, а в делах обычного серого дня. Поэтому бдительно постигай любые маленькие факты жизни — те крохотные университеты духа, которых бывают сотни у каждого человека в его простом дне...

Усвой первое правило людей, желающих идти в ногу со своим народом, со своей современностью: нет дел мелких. Всякое дело составляет или утверждение Жизни — и тогда оно является сотрудничеством с Нею. Или оно является унылой мыслью о себе, то есть отрицанием, непониманием основного закона существования на земле: все в тебе самом, и все для блага общего, ибо все — любовь. Лишенное этого понимания, существование человека является голым эгоизмом невежественности.

Привыкни делать каждое текущее дело как самое важное. Привыкни не пересыпать перцем благих мыслей действий своего дня. Этим ты затрудняешь не только одного себя, но и всех тех, кто окружает тебя.

Нельзя, стремясь к чему-то высшему, путать понятия обывателя с понятиями мудреца. Не тот мудрец и герой, кто сумел совершить однажды великий подвиг. А тот, кто понял, что его собственный трудовой день и есть самое великое, что дала человеку Жизнь.

В жизни каждого человека наступают моменты, когда он начинает по-иному оценивать события жизни. Все мы меняемся, если движемся вперед. Но не самый тот факт важен, что мы меняемся, а как мы входим в изменяющее нас движение Жизни. Если мы в спокойствии и самообла-

дании встречаем внешние события, выпадающие нам в дне, мы можем в них подслушать мудрость быющего для нас часа Жизни. Мы можем увидеть непрестанное движение всей Вселенной, сознать себя ее единицей и понять, как глубоко мы связаны со всем ее движением.

Только не думай, что освобожденный всегда должен быть свободным от внешней суеты, от ее кажущихся пут, от забот быта и его условностей. Лучше всего служит своему народу тот, кто не замечает тягостей суеты, потому что понял основу смысла своей Жизни: нести силу Света именно в эту суету.

В жизни человека не может быть ни мгновения остановки. Человек растет и меняется непрестанно. Все, что носит в себе сознание, меняется, расширяясь. Если же человек не умеет принимать мудро своих меняющихся обстоятельств, не умеет стать их направляющей силой, они его задавят, как мороз давит жизнь грибов, как сушь уничтожает жизнь плесени. И, конечно, тот человек, что не умеет, сам изменяясь, понести легко и просто на своих плечах жизнь новых обстоятельств, будет подобен грибу или плесени, а не блеску закаляющейся и растущей в борьбе творческой мысли.

Нет серого дня, есть сияющий храм, который строит сам человек в своем трудовом дне. Не в далекое небо должен улетать человек, чтобы там глотнуть красоты и отдохнуть от грязи земли. Но на грязную, потную и печальную землю он должен пролить каплю своей доброжелательности. Жизнь человека на земле — это тот кусок Вселенной, что он мог вобрать в себя, в себе творчески обработать, очистить страданиями и вылить обратно во Вселенную, чтобы помочь ей двигаться вперед.

Если люди заняты одним созерцанием, если их сила ума и сердца погружена только в личное искание совершенства, мы знаем, что им закрыт путь вечного движения. Ибо во Вселенной нет возможности жить только личным, не вовлекаясь в жизнь мировую.

Переходы в сознании человека не могут совершаться вверх, если сердце его молчит и он не видит в другом существе то же небо, что открыл в себе.

Расти в силе каждый день. А для этого научись действовать, а не ждать, творить, а не собираться с духом. Действие, действие и действие — вот путь труда земли.

Но свою вечную силу ты не можешь сделать ни хуже, ни лучше сейчас, если вчера жил только мечтами о действиях. А действовали другие, рядом с тобой шедшие, огонь духа которых был, быть может, много меньше твоего. Но они действовали, а ты думал, как будешь действовать, и упустил в бездействии свою вечную силу, потеряв летящее «сейчас» без пользы и смысла.

Вступая в новый день, живи так, как будто это твой последний день. Но последний не по жадности и торопливости желаний или духовных напряжений, а последний по гармоничности труда и его бескорыстия».

В делийском аэропорту Палам меня встречали. Когда я подошел к таможенной перегородке, меня окликнул по фамилии высокий сухощавый человек с густой проседью в волосах. Это был паш советник по культуре Виктор Иванович Сизов. Он «вычислил» меня по напряженному лицу и озабоченно-ищущему взгляду.

Его спутник — работник делийского отделения Общества советско-индийской дружбы Ижиков — оказался обладателем пышной и короткой, топорщившейся во все стороны прически. Мне даже, грешным делом, подумалось, что ему больше подошла бы фамилия не Ижиков, а Ежиков.

Таможенный чиновник, увидев, что меня встречают наши официальные представители, взял под козырек и не стал осматривать вещи.

Мы вышли на улицу, щурясь от яркого солнца. Сизов сел за руль, и мы направились в город. По дороге я начал посвящать его в свои планы. Узнав, что о поездке я не условился ни со Святославом Рерихом, ни с кем-либо еще, он удивился моей беспечности. А на вопрос о переводчике укоризненно покачал головой:

— Боюсь, что ничем не сможем помочь.— И пакидательно-жестко заключил: — В следующий раз не садитесь в самолет, пока не будет переводчика.

Он был прав, и возражать было нечего. Нельзя же, в самом деле, не предупредив, не поставив никого в известность, вторгаться, как торпеда, в чужие планы и чужую жизнь. Вряд ли меня в его глазах могло извинить и то обстоятельство, что опыта таких поездок у меня не было.

После паузы я спросил о Нине Степановне Карповой: нельзя ли связаться с Агроей, чтобы ее разыскать?

— Карпова? Я ее немного знаю, — сообщил Сизов. — Мне кажется даже, что на днях я ее видел в Дели. Сегодня же наведу о ней справки.

Меня устроили в отеле «Дипломат». Номер был со всеми современными удобствами: с ванной, с кондиционером (слава богу, он работал). По тем временам номер стоил дорого: семьдесят семь рупий в день (сейчас, естественно, цены иные).

Я открыл чемодан и вручил гостям «презенты» — каждому по банке балтийской кильки, а также краюху черного хлеба на двоих. Всем этим я по совету Шапошниковой предусмотрительно запасся в Москве. Соленая рыба и в особенности — черпый хлеб здесь для нашего брата самый желанный деликатес. Сизов бережно прижал краюху к груди, осторожно разрезал ее на две половины. Крошки привычным движением смахнул в рот. «Для наших домашних это — как праздник», — сказал он мне.

Потом меня отвезли в наш посольский городок. Сизов дал взаймы местной валюты, чтобы я мог пообедать в здешней столовой. Меня ко всему прочему угораздило прилететь в субботу, когда все банки закрыты, и я не мог разменять свой чек. Сизов пожелал мне приятного аппетита, сказал, что зайдет за мной после обеда. Я остался в одиночестве за столиком, на котором, пробиваясь сквозь желтые занавески, радостно играли солнечные блики. Когда я меланхолично доедал ломоть арбуза, раздумывая, а не выпить ли мне для полноты счастья и стакан холодного компота, вновь появился Сизов. Он пришел с хорошей вестью: Карпова — в Дели. Мало того, она остановилась в посольской гостинице. И мы сейчас же можем направиться к ней.

Нина Степановна Карпова оказалась светловолосой, средних лет женщиной. Ее серые глаза глядели на нас вопрошающе, с удивлением. Сизов представил меня, буркнул: «Ну, теперь вы сами разберетесь» — и ушел. Я протянул ей письмо от Шапошниковой. Она бегло просмотрела его, и, как говорится, все сразу стало на свои места.

Нина Степановна пригласила меня (теперь уже как хорошего знакомого!) к столу. Вытащила из холодильника фрукты. В том числе — экзотический золотисто-желтого цвета манго. Вкус у него был непривычный, но пробовать так пробовать, и за разговором незаметно для себя я уничтожил несколько плодов.

Выяснилось, почему Нина Степановна, за мое счастье, не в Агре. Дело в том, что она заболела. Ее направили в делийскую больницу. А потом, когда выздоровела, она неожиданно получила телеграмму от своего знакомого Гур — от того самого, о котором упоминала Шапошникова. Он просил ее задержаться в Дели, потому что достал для нее какую-то старинную рукопись, предмет долгожданных исканий Нины Степановны. Вот она и задержалась, тем более что занятий в университете у нее в эти дни не было.

Заговорили о Рерихе. И тут меня ждал сюрприз. Рерих и его жена последнее время находились в Дели. Лишь сегодняшним утром они отправились к себе в Гималаи. Я размишулся с ними на несколько часов.

Но это было еще не все. Наслышанная о Святославе Николаевиче от своих друзей-индусов («некоторые из них называют его Махатмой, а вы понимаете, что значит такая похвала для индуса»), Нина Степановна набралась храбрости и два дня назад позвонила Рерихам. Они ее пригласили к себе в отель. Как и следовало ожидать, Святослав Николаевич произвел на Нину Степановну чрезвычайное впечатление. Единственное, о чем она сожалела, что встреча была слишком короткой, и мечтала вновь увидеться с ним. Таким образом, мои планы полностью соответствовали ее желаниям, и она с удовольствием согласилась поехать со мной в Гималаи. «Если достанете транспорт», — добавила она со вздохом. В ее вздохе чувствовалось сомнение.

У себя в номере я подвел итоги минувшего дня. В общем, они были утешительными. Я знал, где находится Рерих. Была решена проблема переводчика. Оставалось одно — правда, это и было, наверное, самым трудным: добыть машину. Но все равно до начала рабочей недели, то есть до понедельника, решить этот вопрос было нельзя.

Я принял душ и, оглушенный новыми впечатлениями, лег спать под ровный шум кондиционера.

Но поспать мне не пришлось. Тишину прорезал резкий телефонный звонок. Я схватил трубку, судорожно перебирая в уме примитивные английские фразы. Одну из них — защитительную — я приготовил на все случаи жизни: «Ай спик инглиш вери бед» («Я говорю очень плохо по-английски»). Но меня приветствовали на чистейшем русском языке.

Председатель делийского отделения Общества советско-индийской дружбы Юрлов и его жена приглашали меня поужинать с ними. Пришлось вскакивать, наспех

приводить себя в порядок. Считанные минуты спустя я был внизу.

И вот мы в просторном зале клуба нашего общества. Кроме нас — никого. На столе рис, заправленный по индийскому образцу острыми соусами. Фрукты. Соки. Содовая вода. Есть мне не хотелось, и я в основном налегал на соки.

Было уютно. Приветливо поблескивая очками, Юрловы внимательно слушали мой рассказ о целях поездки, о моих волнениях и трудностях.

Святослава Николаевича они знали хорошо. Бывали у него в Бангалоре. Гостили у него в долине Кулу.

— Наш активист, — сказал о Святославе Николаевиче Юрлов. — Что ж, как говорится, дело святое. Что-то надо придумать.

После небольшой паузы спросил:

— Если б вам дали транспорт, когда бы вы смогли отправиться в Гималаи?

Я прикинул в уме. В понедельник мне надо быть в посольстве, чтобы официально представиться, а потом... потом я, очевидно, вольная птица...

— Во вторник.

— Значит, 28 мая. Дадим машину и шофера дадим отличного... На какой срок? Давайте прикинем. Дорога туда заберет день, оттуда тоже день. Несколько дней, очевидно, пробудете там. Следовательно, на неделю. Устроит?

Вернулся я поздно, во втором часу, и долго не мог уснуть из-за радостного возбуждения. Еще бы! Проблемы, которые меня так пугали, которые занимали все мои мысли, решены в первый же день! И никаких особых усилий вроде бы не понадобилось.

— Ну, вам, несомненно, какой-то добрый волшебник колдует, — сказала Нина Степановна, когда я сообщила ей о счастливом повороте событий. — Другие годами живут в Индии и не могут попасть в Гималаи. А для вас сразу все двери открылись.

Мы сидели в прохладном полусумраке ее комнаты. Из окна было видно, как на зеленой лужайке двора возле гигантской клумбы, горевшей на солнце алыми лепестками роз, строились на торжественную линейку пионеры.

— Какая красивая клумба! — восхитился я.

— Красивая, — подтвердила Нина Степановна. — А неделю назад эта клумба была в осаде. Ребятишки с палка-

ми в руках, пожарные со шлангами. Да нет, не пожар. В клумбе обнаружили змею. Представляете, какой стоял визг и гвалт, пока ее ловили.

Я с опаской покосился на клумбу. Нина Степановна прошла на кухню, принесла вскипевший чайник, печенье.

Я решил, что наступил удобный момент расспросить о ее знакомом Махатме. Нина Степановна с готовностью поддержала разговор. Она показала его фотографию. Устремленный взгляд до боли жгучих, пронзительных глаз не гармонировал с упитанным лицом Махатмы. Я сказал об этом Нине Степановне.

— Что тут поделаешь, — посетовала она. — Вы знаете, как индусы относятся к Махатмам. Его приход в дом — величайший праздник. Каждый старается угостить. Хоть горсточку риса, но он должен съесть. И так везде и всюду. Поэтому полный Махатма в Индии, скорее, правило, а не исключение из правила.

Наш индустриальный век накладывает отпечаток на все. На Махатм тоже. По словам Нины Степановны, ее Махатма страстно увлекается фотографией. Постоянно странствуя, он имеет счастливую возможность делать редчайшие снимки. Коллекция его гималайских пейзажей, по мнению Нины Степановны, уникальна.

— Сколько лет он пробыл в Гималаях? Точно не знаю. Но думаю, что не меньше пятнадцати. Конечно, горный воздух, уединение, постоянные медитации — все это развивает в человеке феноменальные силы. Но сами Махатмы (настоящие Махатмы) не любят демонстрировать феномены, вернее, то, что мы называем феноменами (потому что в конечном счете все это основано на использовании определенных законов природы). Они утверждают, что так называемые чудеса представляют собой насилие над несозревшим духом человека, над его волей, и по большей части не помогают ему, а вредят. Считаюсь с постепенностью духовного роста человека, они предпочитают вести работу в форме бесед, где главным образом не слова, а как бы сама атмосфера беседы умиротворяюще и гармонично воздействует на людей.

Но при всей высоте духа они, конечно, не боги, как полагают некоторые суеверные индусы. В чем-то они ушли вперед, чего-то не знают. Во всяком случае, как мне кажется, они пуждаются в информации из внешнего мира. Мой Гуру, например, спрашивал: правда ли, что у вас в России толщина снега достигает полутора метров. Я отвечала: правда. В Сибири это не редкость. Я привози-

ла ему пластинки с музыкой Вагнера, с нашим церковным пением. Он был в восторге. Давала ему читать Толстого и Достоевского (разумеется, в переводе на английский). Понравились мысли, духовный настрой. Но сюжеты, любовные интриги, говорит, для меня это неинтересно. Понять его можно. Его подход к жизни предполагает более строгое, простое и, я бы сказала, молниеносно-четкое, как удар меча, решение жизненных конфликтов и ситуаций, которые нам представляются клубком сложнейших, запутанных, мучительных противоречий.

Впрочем, если у вас есть такое желание, мы можем сегодня ближе к вечеру поехать к моим знакомым индусам. В Дели он обычно останавливается у них. Может быть, он уже там.

Естественно, я согласился с радостью.

— Каковы отношения между Учителем и учеником? Самые разнообразные. Единой модели тут не существует. Правда, если отвлечься от конкретного Гуру и конкретного чела¹ (что, в общем-то, правильно, потому что у каждого Гуру есть свой Гуру, у того — свой и так до бесконечности) и сосредоточиться на обобщенном образе Учителя с большой буквы, то какие-то основные принципы все же можно попытаться выделить.

Учеников, очевидно, можно разделить на две группы.

Первая — те, что действуют рядом с Учителем. Следуя указаниям Учителя, которого видят и слышат непосредственно, они, по понятиям индусов, обрабатывают карму² послушания.

Вторая — те, что действуют вдали от Учителя, не видя и не слыша его непосредственно. По понятиям индусов, они обрабатывают карму инициативы.

Ясно, что вторая карма предпочтительнее, ибо считается, что ученик в наибольшей мере помогает Учителю не тогда, когда живет и действует возле него, а когда он созрел к полному самообладанию и может быть один послан в гущу людей, в толщу их страстей и скорби.

В этом случае человек не только приучается к самостоятельности. Считается, что при должной духовной направленности в нем обостряются внутреннее зрение и внутренний слух. Вдали от Учителя, приступая к любому делу, готовя себя к рабочему состоянию, ученик должен

---

¹ Чела — ученик, руководимый тем или иным Гуру.

² Карма — закон причинности. В индийских источниках он связан с верой в перевоплощение человеческой души.

сосредоточить мысли на Учителе, а также собрать все внимание и всю полноту чувств и мыслей только на том, что собирается делать. Как видите, это вовсе не мистика, а сосредоточенность и предельная собранность внимания.

Это постоянное внутреннее предстояние перед тем, кого человек избрал своим Учителем, находится вне умственно-аналитических представлений. Мне приходилось слышать, как говорили, обращаясь к чела:

«Пока ты будешь повторять себе — умом, — что я рядом с тобой, всегда твое самообладание будет пороховой бочкой. Как только ты почувствуешь, что сердце твое живет в моем и мое — в твоём, что рука твоя — в моей руке, ты уже и думать не будешь о самообладании как о самоцели. Ты будешь его вырабатывать, чтобы всегда быть готовым выполнить возложенную на тебя задачу. И времени думать о себе у тебя не будет... Если ты живешь в полном самообладании, ты всегда держишься за мою руку. И все твои дела — от самых простых до самых сложных — я разделяю с тобой. Если же раздражение вклеивается в твои дела, значит, ты выпустил мою руку, нарушил в себе гармонию и сам не можешь удержать моей руки в своей, хотя я ее и не отнимал. Помни об этом, мой друг, и старайся даже в тяжкие дни хранить в сердце не только равновесие, но и радость».

Насколько я понимаю, главное ученическое правило напоминает наш пионерский призыв: всегда будь готов!

Но, конечно, одной готовности, как таковой, мало. Предполагается еще и верность Учителю и его словам, причем такого характера, что в ней сами собой должны умирать все сомнения и страхи. Вообще любое проявление страха квалифицируется как недостаточная верность Учителю. А закон добровольного повиновения, которому беспрекословно в каких-то случаях жизни следует ученик, объясняется весьма убедительными причинами. Утверждается, что он создан не для того, чтоб превратить ученика в автомат и чтобы давить его волю, а для того, чтобы защищать его от его же чересчур рьяного желания служить всем и каждому и — по недостатку знания — набирать долгов и обязательств свыше меры. Этот закон ограждает ученика от разбрасывания. Ученик должен сознавать себя как бы стоящим на страже и именно у того порохового погреба, где его поставил Учитель.

А чтобы исчезла даже тень сомнения и не было повода для брюзжания, рекомендуется все время помнить, что те широчайшие планы, которые охватывает взор Учителя,

не может охватить взор ученика, каким бы умным и мудрым ни был последний. Посвящения ученика в те или иные вещи идут не только по ступеням его личного роста. В нем учитывается и степень его созревшей силы для помощи Учителю, о которой сам ученик, может быть, и не подозревает.

Некоторые ученические правила существуют в виде стихотворных афоризмов и призывов. В переводе с санскрита они звучат вот так.

Нина Степановна на мгновение сосредоточилась, потом прочла:

— Вот три завета жизни и труда:

1. Не повторять, но повторяться.
  2. Идти вперед, но помнить о других.
  3. Не сомневаться, что Учитель рядом.
- Сомнение предательству равно.

Есть еще одна существенная вещь, на которую все время указывают Махатмы. Некоторые люди слишком буквально воспринимают слово «ученичество», рисуя в своем воображении школу (непреренно в тихом, уединенном месте), чуть ли не ученические парты, доброго наставника. Близость к Учителю рисуется им как некий праздничный отдых. А она, эта близость, держится лишь постоянным, напряженным будничным трудом, который под импульсом Учителя становится лишь интенсивнее.

Неустанно говорится об одном и том же: что в деле ученичества не стоят на месте. Если кого-то ты сделал для себя живым примером, если кого-то ты выбрал себе Учителем, так будь добр не отставать от него. Отставать от Учителя — значит закрепощаться в суевериях и предрассудках. Чтобы этого не случилось, опять-таки требуется полная и бескорыстная отдача труду, разделяемому с Учителем.

Путь к Учителям вроде бы широко открыт. А встречи с ними редки. Считается, что помимо прочего нам мешает еще один живучий предрассудок — он развит среди индусов, но не только среди них — стремление видеть Учителя в каком-то сказочном обличье. Начисто забывается мудрая поговорка: «Надо — и муравей гонцом будет».

Вот и получается, что какие-то люди все время мечтают об Учителе, о пути с ним и жизни возле него. А когда тем или иным образом они подходят к тропе, на которой могут встретить Учителя, они начинают отрицать эту тропу, критиковать ее, что-то в ней их не устраивает. И вы-

ходит, что им важна была не весть, которая до них дошла, а муравей, что ее принес. Внимание их концентрируется на муравье и на собственном духовном умничанье, которое, по представлениям Махатм, является не чем иным, как духовным убожеством.

Гималайские Гуру считают, что никого нельзя поднять к более высокой ступени. Можно только предоставить каждому все возможности подниматься выше, служа ему живым примером. Но если человек не найдет в самом себе любви, он не поймет и встречи с высшим существом и будет жаловаться, что ему не подали достаточно любви и внимания, хотя сам стоит возле них и не видит протянутых ему рук. Естественно, он не понимает того, что лишь по неустойчивости и засоренности своего сердца не может увидеть подаваемой любовной помощи. Отсюда — недовольство, нытье, нарекания.

Словом, как видите, все в человеке. Готов дух человека, созрел он, говорят Махатмы, готова и новая форма труда и деятельности для него. Все упирается в непреложный закон: готов ученик — готов ему и Учитель.

Мы увлеклись разговором и слишком поздно спохватились, что теряем драгоценные утренние часы, когда на улице относительно прохладно. А еще вчера Нина Степановна обещала мне показать Дели. Делать нечего. Вышли из дому в разгар жары, когда время приблизилось к полудню.

Нина Степановна уверенным движением подозвала скуттер. Этот оригинальный экипаж — продукт изобретательного ума индийцев. Он представляет собой симбиоз мотоцикла и средневекового паланкина с полукруглой крышей. Экипаж менее комфортабелен, чем машина, но зато дает экономию на дорогостоящем бензине. Мы взяли скуттер, прельщенные не столько его дешевизной, сколько экзотичностью, и направились в исторический центр города — к Красному Форту. Крепость из красного песчаника, возведенная в XVII веке, ныне более всего знаменита тем, что здесь в августе сорок седьмого года была провозглашена независимость Индии. В присутствии ликующей многотысячной толпы народа Джавахарлал Неру поднял над цитаделью трехцветный флаг индийской республики с чакрамом (колесом, символизирующим неодолимое движение света) посередине.

Улочка, ведущая к Форту, напоминает торговые ряды. По обеим сторонам — магазины, открытые прилавки с товарами. Пестрые ткани. Изделия из бронзы и сапдалового

дерева. Антикварные вещи. Драгоценности. Продавцы возгласами и жестами зазывают к себе. Тут же бойко торгуют прохладительными напитками, разливая в металлические стаканы ослепительно-белоснежную влагу («сок сахарного тростника», — пояснила Нина Степановна). Мне немедленно захотелось его отведать, но она решительно воспротивилась: «Еще, чего доброго, схватите какую-нибудь инфекцию».

Мы не торопясь прошли по крытым галереям дворца, построенного во времена Великих Моголов. От той эпохи остались бассейны, выложенные мрамором. Правда, фонтаны давно иссякли, но при желании можно вообразить дышащие прохладой голубые струи воды. В мечети мы долго любовались многоцветной мозаикой камней, складывающихся в гармоничные узоры. Потом с высоты галереи снова всматривались в перспективу залитого солнцем города. На улице, стараясь привлечь наше внимание, а вслед за ним и наши пайсы¹, пели и плясали полуголые чумазые дети. Во дворе Форта прямо на газонах (в Индии не существует наших запретов) сидели люди, расстелив одеяла, и просто так, на траве. Какая-то семья, сбившись в полукруг, приступала к обеду. В траве мелькали полосатые юркие бурундучки. Людей они (это же Индия!) не боятся и подбегают к самым ногам.

Отношение к «братьям нашим меньшим» здесь, в Индии, действительно совершенно особое. Нина Степановна рассказывала, что здесь с детства воспитывают людей под девизом: остерегайся вносить в день хотя бы малейшую жестокость. Здесь учат, что, если вы видите, как бьют ребенка, и не заступились за него, вы столько же согрешили перед ним, сколько и тот, рука которого била ребенка. Если вы слышали жестокое слово, которое, словно плеть, хлестало невинного, и не сумели защитить его, вы виновны перед ним не менее самого ругавшего. И наконец, если вы присутствовали при том, как причиняли физические страдания беззащитному бессловесному существу и не протестовали и не защищали его, вы виновны даже более, чем тот, кто причинял страдания.

А что касается существ бессловесных, то они очень чувствительны к атмосфере мягкости и любви; эта атмосфера формирует их характер и поведение. Я наблюдал, как мирно прогуливались по улицам Дели низкорослые коровы. Некоторые из них с позолоченными рогами, с

---

¹ П а й с а — мелкая разменная монета.

цветными ленточками на рогах. Это на редкость спокойные животные с постоянно добрым выражением в глазах. Впечатление такое, что они (в отличие от наших коров) и бодаться-то не умеют.

Устав от ходьбы и духоты, мы устремились в кафе под открытым небом. Выпили по бутылке ледяной — прямо из холодильника — кока-колы, расплатились и уже собирались уходить, как неожиданно нас остановил круглолицый индеец лет тридцати, одетый в темный не по сезону костюм. Он спросил о чем-то Нишу Степановну, она ответила, после чего он быстро и нараспев заговорил. Нина Степановна засмеялась и обратилась ко мне: «Давайте присядем. Он говорит интересные вещи».

На столе снова появилась кока-кола, еще какие-то папитки. Внимание индийца было целиком поглощено Нишой Степановной. Он продолжал свою горячую, взволнованную речь, которую Нина Степановна прерывала, повторяя одно и то же: «ача́, ача́». Кстати, из поездки в Индию я вывез твердое убеждение, что вот это «ача́, ача́» — оно означает утверждение («да-да», «хорошо») — воистину магическое слово. Используя его, можно поддерживать беседу, даже не зная языка. Я, во всяком случае, так поступал.

Пользуясь короткими перерывами в разговоре, Нина Степановна наспех объяснила мне суть дела. Индеец, остановивший нас, оказался представителем какой-то родовитой семьи джайпурских раджей. Младший отпрыск знатной фамилии, он пошел по торговой линии, и сейчас ему принадлежат и кафе, в котором мы находимся, и какие-то лавочки в районе форта, и модные магазины в центре Дели. Нишу Степановну он узнал по фотографиям в газетах. Недавно индийские газеты опубликовали материалы о русской исследовательнице Калидасы вместе с ее портретами. Нина Степановна обещала мне потом их показать.

Гостеприимный хозяин начал с того, что выразил обиду: зачем она заплатила за папитки? Он даже хотел вернуть деньги — я видел, как он пытался это сделать, — но Нина Степановна, конечно, отказалась. Также отказалась она и от предложения пойти в магазин и выбрать себе в подарок какую-нибудь вещь или камень. Но бывший раджа оказался весьма настойчивым в своем желании обязательно услужить Нине Степановне. Он спросил о ее планах. Она сказала, что мы собираемся ехать к Рерихам в Гималаи. О Рерихах хозяин кафе не имел понятия, но

местность, где они живут, знал досконально. Он радостно заявил, что неподалеку от Рериха сейчас отдыхает его дядя, а у того дом, оборудованный по последнему слову техники, с кондиционером и прочими удобствами. Он стал упрашивать нас остановиться на день-другой у дяди. Вырвал из блокнота листок, написал адрес. В свою очередь Нипа Степановна дала ему телефон своих деловых знакомых, чтобы он мог с нею связаться. (Через день мы уехали, а когда вернулись, Нипе Степановне рассказывали, как в ее отсутствие обрывал телефон представитель джайпурских раджей, настойчиво добываясь сведений о Нипе Степановне.)

— Раз вы так популярны в Индии, то за нашу поездку я теперь абсолютно спокоен, — смеясь, сказал я Нипе Степановне. — Лучшего Вергилия, чем вы, здесь не найдешь.

Мы возвратились в посольство довольно поздно, как раз перед закрытием столовой. Пообедали, а затем Нипа Степановна пошла к себе отдыхать. Я же отправился бродить по ближним кварталам, стараясь не терять из виду родной дом с красным флагом на крыше. Вернувшись, ждал условленного с Ниной Степановной часа на скамейке возле цветочной клумбы, той самой, где недавно изловил змею.

«Подумай, что такое страх. Это самое сложное из всех человеческих ощущений. Оно никогда не живет в человеке одно, но всегда окружено целым роем гадов, не менее разлагающих духовный мир человека, чем самый страх. Страх заражает не только самого человека, он наполняет вокруг него всю атмосферу тончайшими вибрациями, каждая из которых ядовитее яда кобры. Тот, кто заполнен страхом, подавлен как активное, разумное и свободно мыслящее существо. Мысль только тогда может мяться, правильно улавливая озарения интуиции, когда все существо человека действует гармонично, в равновесии всех сил его организма. Только тогда ты попадаешь — через сознательное — в то сверхсознательное, где живет духовная часть твоего творящего существа. Если же мысль твоя в каменном башмаке страха, тебе невозможно оторваться от животной, обной животной, части организма. Твой дух не раскрывается.»

Люди, воображающие себя духовно озаренными, а на самом деле только изредка сбрасывающие каменные башмаки страха, самые жалкие из всех заблуждающихся. Их вечные слезы и стоны о любимых — это только жалкие об-

рывки эгоизма и плотских привязанностей к текущей форме, без всяких порывов истинного самоотвержения.

Люди, подгоняемые по земле страхом, неполноценные человеческие существа. Строить великие вещи, создавать Жизнь они не могут.

Очи, что плачут, не могут видеть ясно. Так же и уши тех, что жалуются, сетуют и слышат только уныние собственного сердца, не могут услышать зова Жизни. И сердце, стучащее в минорной гамме, стучит монотонно: «Я, я, я».

Нельзя вырвать из себя какое-то одно чувство, чтобы весь организм не ответил эхом тому или иному движению духа. Если ты сегодня, в эту минуту, поддался страху — весь твой организм заболел. Если ты двинулся в радости и героическом чувстве — ты вплеп в свой организм те залюги победы, которые через некоторое время войдут в действие всей твоей жизни.

Если ты начинаешь учить вперед свои нервы, как им воспринимать то или иное явление, да еще запутываешь их в сеть страха и воспоминаний, ты никогда не воспримешь правильно ни одного факта Жизни.

Мужество, одно мужество и бесстрашие раскрывают всего человека, все его силы и таланты. Старайся найти в себе свободное, не отягченное мусором личных неудач и скорби восприятие Жизни. Никакая скорбь не может скрывать той абсолютно независимой сути, что живет в сердце человека.

Будьте смелы. Не останавливайтесь в пути, чтобы оплакивать неверные шаги прошлого. Каждая такая остановка кладет на ваше настоящее разьедающий пластырь. Учатся на своих ошибках только те, кто вырастает духом, попяе свое вчерашнее убожество. Тот, кто окреп сегодня, потому что увидел в своем вчерашнем недоразумении или ссоре с людьми собственную ошибку и решил более ее не повторять, тот сегодня вырос на вершок во всех своих делах и встречах. Кто же залил слезами, жалобой, унылостью свою вчерашнюю неудачу, тот сегодня разделил судьбу мусорного растения, которое обошло широким кругом даже голодное животное.

Не имеет смысла жажда знания без наличия сил духа приложить эти знания к действиям дня.

Истина, прочитанная глазами, которые плачут, не оза-

рит путь человека в его сером дне. И день его с его прочтенной истиной останется днем серым, днем сомнения и терзающих желаний.

Истина, прочитанная глазами, которые перестали плакать, озарит серый день человека. Построит в его дне несколько храмов, так как он ввел истину в дела своего дня. И день его стал сияющим днем счастья жить, а не днем уныния и разложения всех своих духовных сокровищ, что собрал раньше.

Чистота и бесстрашие — первые условия духовного зренья. Вся сила и весь новый смысл твоего существования — научиться ничего не бояться. Добивайся полного бесстрашия. И не забудь, что бесстрашие — это не только отсутствие трусости. Это полная работоспособность всего организма, полное спокойствие в атмосфере опасности.

Но самообладание может быть бессмысленно, если оно акт чисто личный, а не действенная сила. Та сила, что вбирает в себя эманации раздражения встречного и тушит их, как глухая крышка, плотно покрывающая горшок с красными углями и сдерживающая их огонь.

Невозможно таить внутри разлад, страдать и разрываться, а вовне показывать полное якобы спокойствие и этим лицемерным самообладанием помогать человеку переносить его горькие минуты. Только истинно мудрое поведение, то есть внутренне убежденное спокойное состояние, может помочь ближнему. Оно может прервать тысячи драм людей только одним своим появлением, одной встречей. Таков живой пример мудреца. И в каком бы образе он ни встретился человеку, он может поднять его силы к героическому напряжению. Может помочь ему перейти из маленького, о личном горюющего человека одной улицы в одухотворенное понимание себя единицей всей Вселенной. Вселенной, неизбежно подчиненной одному и тому же закону целесообразности, который ведет все живое на земле — от букашки до человека — к совершенству. Вы можете сказать, что все это вы знаете и понимаете. А на самом деле ничего не знаете и не понимаете. Потому что на языке мудрости знать — это значит уметь. А понимать — это значит действовать. Тот, кто говорит, что он знает и понимает, а не умеет действовать в своем трудовом дне, в действительности ничего не знает. Он по своей невежественности ничем не отличается от цирковых собак и лошадей,

которые просто усвоили ряд привычных ассоциаций, воспринятых в той или иной последовательности.

Есть только одна непобедимая сила в жизни, и эта сила — Радость. Каждый раз, когда вам что-то не удается, когда вы хотите победить все препятствия и добиться результатов, побеждайте любя и радуясь. Каждая ваша улыбка ускорит вашу победу и развернет в вас силы. Каждая ваша слеза и слова уныния скомкают то, чего вы уже достигли в своих способностях, и отодвинут вашу победу далеко от вас¹».

В сумерках, которые здесь сгущаются чрезвычайно быстро (в этих широтах тьма обрушивается на вас внезапно, по существу, без всякого предупреждения), мы мчались на скуттере с той предельной скоростью, какую может выжать из себя сия машина. За время своего краткого пребывания в Индии я так и не смог постичь правил здешнего уличного движения. Иногда в меня закрадывалось сомнение, — а существуют ли вообще эти правила, — потому что машины здесь вылетают сразу со всех сторон, несутся друг на друга лоб в лоб и лишь в последний момент каким-то чудом избегают столкновения. Выдержка и хладнокровие индийских шоферов поразительны. Вот коричневый фторд чуть-чуть не смял наш экипаж — еле-еле мы успели вырваться в сторону. Мы с Ниной Степаповной даже вскрикнули от испуга, а наш шофер спокойно обернулся к нам с лучезарной сияющей улыбкой, словно предлагая посмеяться над столь забавным происшествием.

Мы миновали полосу оврагов, каких-то буераков, лесных прогалов. Тьма нас настигла, когда мы въехали в старейший район города.

Надобно сказать, что старейший и новейший Дели — это как бы две разных части света. Нью-Дели раскинулся широко, привольно; он относительно малолюден. Это город офисов, отелей, дипломатических представительств. Здания посольств — у каждого из них свой стиль: одни тяжеловесные, монументальные, другие ажурно-легкие; за оградями бьют фонтаны — сконцентрировались все в одном месте,

---

¹ К слезам, унынию и страху духовные Учителя Индии неирмируются. Они призывают: «Когда приходит то, что люди зовут несчастьем, надо крепко держать стяг Вечности в руках». И лишь одно исключение делают они — для слез радости, ибо, согласно древнему изречению, которое они неоднократно цитируют: «Слезы радости — господне вино».

как бы образуя особую зону в городе. Нью-Дели спать ложится рано. Примерно к восьми вечера жизнь на улицах замирает, сосредоточиваясь за тяжелыми дверями ресторанов и отелей.

Другое дело — старый Дели. Дома здесь прижались друг к другу, улицы узкие. Теснота такая, что неизвестно, как быстрее достичь цели: на машине или пешком (мне все же кажется, что пешком быстрее). Вечером здесь, наоборот, многолюдно. Жара спала — народ высыпал на улицу. Крики, разговоры. Базары шумят чуть ли не всю ночь под открытым небом.

Мы остановились у дощатого магазинчика, у которого отсутствовали двери. Нина Степановна пошла к знакомым выяснять обстановку, а я остался в одиночестве, разглядывая развешенные на стенах магазина лубочные картинки с изображением бога Кришны. Вот Кришна — полный, розовощекий, веселый ребенок. Вот он — юноша с лукавым выражением лица. Вот он отрешенно, забыв обо всем окружающем, играет на флейте.

Прошло минут пять, не более, и у машины выросла стройная фигура шестнадцатилетней девушки с живыми и радостными черными глазами. Она приветствовала меня, как это делают везде в Индии, сложив ладони вместе и прижав их к груди: «Намасте». Я отвечал ей тем же. Знаками она пригласила меня идти за собою.

Мы спустились по каменным щербатым ступеням вниз и очутились в узеньком дворике небольшого деревянного дома. Нина Степановна представила меня хозяину — человеку с оливково-смуглым лицом — Нараяне Рао. Его глаза мне показались какими-то безучастными, сонными. Но впечатление было обманчивым, потому что они проснулись и загорелись неистовым огнем, когда разговор коснулся его излюбленных тем. Скромный чиновник столичного банка превратился в философа, поэта, более того, в пророка, убежденного в правоте своих мыслей. Но это выявилось чуть позже.

Мы прошли в дом и уселись на низеньком диванчике в зеленом потертом чехле. Дверь в другую комнату была открыта, и я увидел на стене портрет Гуру — увеличенную копию той фотографии, что мне показывала Нина Степановна.

— Эта комната, — объяснила она, — для членов семьи является своеобразным храмом. Здесь не спят, здесь не обедают, не принимают гостей. Сюда заходят, чтобы медитировать, чтобы сосредоточиться, побыть в безмолвии.

В этой комнате всегда останавливается Гуру. Они ждут его со дня на день.

Быстрая, энергичная девушка — ее звали Ракеш — побежала куда-то и принесла нам с Нипой Степановной большие стаканы, наполненные соком сахарного тростника (того самого, на который я с вожделием поглядывал в полдень). Предвкушая удовольствие, я сделал первый глоток и... последний. Увы, мой организм оказался неподготовленным к специфическому вкусу напитка. Я держал стакан в руках, не зная, как выйти из положения. Я вертел его так и эдак, делал вид, что медленно пью, растягивая удовольствие, с отчаянием смотрел на Нину Степановну. Заметив мои страдания, она сказала, что если не прарится, то можно пить не до конца. Какое там до конца! Я не мог больше сделать ни одного глотка. Терзаясь сомнением — а не обижу ли я учтивых хозяев? — я незаметно отодвинул стакан в сторону, в тень, чтоб не было видно, полон он или пуст. А Нина Степановна мужественно осушила свой кубок до дна.

Что такое медитация? Этот термин, пришедший к нам из Индии, — ныне он обрел права гражданства, становится привычным, — оброс всякого рода толкованиями, породил вопросы, у иных — недоумение. Так как я работаю в жанре стихотворных медитаций — жанре, новом для нашей поэзии, мне приходилось давать пояснение этого термина, по необходимости краткое: ведь не мог же я предварять стихи развернутыми трактатами. Я определял медитацию как сосредоточенность на той или иной теме, как внутреннее осознание ее. Естественно, что такое определение никоим образом не могло претендовать на полноту обобщения. Если медитация — это сосредоточенность, то уместно спросить, в чем же отличие ее от знакомого нам процесса умственной работы, которая тоже предполагает концентрацию внимания на той или иной теме? Где грань между тем и другим? Существует ли она вообще?

Тут сам собою напрашивается ответ, что между обычным умственным напряжением и состоянием медитации нет непроходимой пропасти, что все отличие между ними, очевидно, заключается лишь в качестве сосредоточенности. Медитация — собранность внимания необычного рода и силы, когда человек как бы целиком сливается с предметом размышления. Это состояние — по большей части бессознательно — испытывали пишущий стихи и музыку, ху-

дожник, артист. Но не только они. Каждый из нас, если разобраться, переживал когда-то такие моменты.

Достичь слияния с предметом размышления, разумеется, не просто. Чтобы оно осуществилось, требуется особый внутренний настрой. Медитация учит искусству создавать этот настрой.

В процессе медитации человек как бы пробивается к сокровенно-глубинному пласту своего существа, к своему так называемому высшему «я», о котором речь шла раньше.

Что означает полнота внутреннего единства (пусть кратковременная) с точки зрения современной психологии? Она означает, что начинают активно работать пласты подсознания, вступает в действие механизм интуиции и вопросы получают молниеносно-мгновенное и четкое решение. Мы привыкли называть это озарением, экстазом.

Соединяя древние знания и достижения современной науки, некоторые индийцы полагают, что при медитации происходит подключение человека к своеобразному солнечному и космическому генератору, и светонесущая энергия насыщает клетки нашего организма. Эта энергия, считают они, в конечном счете сильнее всех других видов энергии (в том числе и ядерной) и со временем должна вытеснить все остальные виды энергии. При целенаправленной медитации, утверждают они, ее приток увеличивается во сто крат.

Такое понимание значимости внутренней концентрации объясняет исключительное и даже благоговейное отношение к медитации, которое бытует в Индии. Становится понятным возвышенно-поэтический настрой ее характеристик, когда, например, говорится: медитация — это то чудо, когда не ты поднимаешься на гору, а гора спускается к тебе. Становится понятным, почему медитация провозглашается чуть ли не единственным средством, спасающим человека от страха (от страха смерти также). В наш век по-новому прочитывается древняя и чеканная формулировка: медитация — это соединение творца с творением. Если вдуматься в существо формулировки и не замыкать слово «творец» в узкодогматические (а тем более религиозные) рамки, то медитация получает глобальное и космическое толкование как соединение человека с первозданной несотворенной основой бытия.

Но вообще надо признать, что границы медитации чрезвычайно подвижны. Попытаться исчерпать ее существо ка-

кой-либо категорической формулой — затея безнадежная. Казалось бы, медитацию, учитывая духовную устремленность людей, занимающихся ею, можно определить как сосредоточенность на предметах высоких и возвышенных. Некоторые так и относятся к медитации, не замечая, что тем самым они обедняют содержание этого воистину всепроникающего термина. Кришнамурти, о котором я уже упоминал, несомненно, прав, когда заявляет, что не видит основания, почему нужно заниматься медитацией над каким-то специально избранным предметом или темой, вместо того чтобы направить медитацию на все, что входит в жизнь: будет ли это вопрос, как провести вторую половину дня или какой костюм вам надеть. Такие мысли столь же важны (если отпестись к ним с полным внутренним осознанием), говорит он, как любая философия. Не предмет вашей мысли имеет наиболее важное значение, но качество вашего мышления.

Ну хорошо. Но ведь можно отбросить все эпитеты и попытаться определить медитацию шире широкого. Почему бы не обозначить ее как сосредоточенность на любой без исключения теме? Увы. И эта столь всеобъемлющая на первый взгляд формула содержит неприемлемое для медитации ограничение. Дело в том, что с древнейших времен существует не только медитация, фокусирующая внимание человека на некой единой точке, но и медитация, устремленная в абсолютное безмолвие. Именно медитацию чистого безмолвия и имеет в виду Кришнамурти, когда призывает человека ловить промежуток между двумя мыслями. А великий философ новой Индии Ауробиндо Гхош¹ заявляет буквально следующее: способность думать — это замечательный дар, но способность не думать — дар еще больший. Он обращает внимание на то обстоятельство, что фактически все открытия делаются, когда мыслительная машина останавливается хотя бы на какое-то мгновение. Этот психологический закон, в общем-то, известен всем нам достаточно хорошо. Так, по признанию Менделеева, знаменитая периодическая система элементов предстала реально перед его внутренним взором не тогда, когда мысль его была в наибольшем напряжении, а во сне. Мож-

---

¹ Ауробиндо Гхош (1873—1950) — философ, поэт, радикальный общественный деятель. В начале века он возглавлял левое крыло национально-освободительного движения в Индии. С его именем связаны экспериментальная школа в Пондишери, а также город будущего, строящийся под эгидой ЮНЕСКО и названный в его честь Ауровилем.

но привести и другие не менее убедительные примеры подобного рода.

Таким образом, парадоксальный призыв: «Думайте не о словах, не думайте словами» оказывается основанным на знании тонких, не всегда поддающихся прямолинейному измерению закономерностей человеческой психики. Научившегося «не думать» постигает озарение потому, что он свободен от любого груза и давления, даже невесомого, какое несет с собой мысль.

И еще одно важное соображение. Духовные учителя Индии считают, что медитация может вершиться лишь в условиях внутреннего отказа от собственности, в том числе от главного вида собственности — тела, и самого уточненного вида собственности — мысли. Тогда теряешь все точки опоры в мире сотворенном и встречаешься с миром несотворенным, то есть происходит соединение с первоначальным началом бытия.

Мой собеседник, Нараяна Рао, который оказался горячим сторонником медитации безмолвия, говорил:

— Есть два вида познания: внешнее и внутреннее. Познание, в котором орудие анализа — ум — становится господствующим, непременно приводит к отрицанию мира. Отсюда — пессимистическая формула: «Во mnogой мудрости много печали».

Внутреннее познание, которое за каждой дробной частицей видит единство бытия, приводит к радости величайшей. Отсюда оптимистическая формула: «Радость есть особая мудрость».

Оба изречения о мудрости совершенно справедливы, они не противоречат друг другу, ибо каждое из них выражает определенный аспект истины.

Так как ум — орудие анализа, он не может реально представить себе целостность бытия. Слуга превращается в господина, когда забываешь о целостности бытия, когда она перестает звучать в тебе. Когда же вспоминаешь о целостности бытия, ум вновь превращается в слугу верного и послушного.

— Поймите, — восклицал Рао, обращаясь ко мне. Он говорил медленно не только для того, чтобы Нина Степановна успевала переводить, но, очевидно, и для того, чтобы слова, разделенные паузами, звучали весомее, — осознание через мысли не единственный вид осознания. Есть осознание через чувства (правда, примешиваются мысли, но в принципе ведь возможно полное отключение от них). И, наконец, есть осознание через отождествление. С дру-

гим предметом. Со всем, что окружает. Здесь — в момент отождествления — исключается как мысль, так и чувство. Это близко к тому состоянию, что называется смертью. Но на самом деле это не смерть, а то, что можно назвать полнотой внутренней жизни.

И потом надо помнить, постоянно помнить, что познание — процесс двусторонний. Познавая предмет, мы не подозреваем, что для него мы тоже выступаем в качестве объекта исследования. Уровень познания зависит от понимания этого факта. Чувства дают внешнее общение с предметом, в то время как мысль, общаясь с мыслью, излучаемой предметом, уводит в его глубину. Но подлинное познание начинается тогда, когда происходит отождествление с познаваемым предметом, когда границы между объектом и субъектом исчезают.

Но давайте вернемся к начальной точке нашей беседы: что такое мысль?

Как вы знаете, существо и значимость ее раскрываются в многочисленных образах и символах. Выберем то, которое, может быть, является главным: мысль — это крылья духа. Опираясь на них, дух взлетает ввысь.

Трудно найти слова, вскрывающие подлинную мощь мысли. Это энергия, питающая все остальные энергии, это сила, насыщающая все остальные силы. Словом, это величайший инструмент духа, рычаг, посредством которого можно создать звезды и сдвигать мироздания.

И с другой стороны, та же самая мысль — величайший ограничитель духа. Сила оборачивается слабостью, взлеты сопровождаются падениями. И происходит это потому, что мысль содержит в себе Время и его колеблющиеся точки.

Как бы ни раздвигались пределы, ты остаешься в неких границах. Тебя можно сравнить с птицей, которая вырвалась из тесной клетки и думает, что она на свободе, а на самом деле она — в другой клетке, более просторной. Вырвешься из этой клетки, и опять — в клетке, еще более просторной. И так до бесконечности.

Как преодолеть эти временно-пространственные ограничения? Что означает подлинное осознание себя реально? Преодоление гипноза собственной мысли и умственных представлений. Грубо говоря, надо проснуться. А этому должно предшествовать совершенно четкое понимание, что все наши умственные представления, все, без исключения, условны, приближительны, искажены.

Но, конечно, добровольный и, само собой разумеется, временный и несящий сугубо психологический характер

отказ от мысли чрезвычайно труден, он равнозначен смерти. Ведь мы привыкли отождествлять себя с мыслью. Человек — это мысль. «Я мыслю, следовательно, существую». И это верно. Но кто, собственно говоря, сказал, что надо всеми силами цепляться за существование (подчеркиваю: за существование, а не за жизнь). Может быть, прекращение существования — это благо. Конечно, имеется в виду не внешнее прекращение, а нечто внутреннее и глубинное.

Мысль, отрицая самое себя, попадает в просторы Ничто и Вечности, и мы испытываем то состояние, которое можно назвать смертью. Когда мысль расстается со словом, происходит то же самое, как если бы человек расставался с телом, — она умирает. Безмолвие — это смерть мысли, но и воскресение ее.

Вы можете возразить: но потом ведь опять начинается существование, опять появляется мысль. Это так. Но обратите внимание на мысль: обогащенная импульсом Вечности, она изменила характер, она выглядит обновленной, она дарит вам свежесть, бодрость и силу. И это естественно, ибо мысль, приходящая из безмолвия, неподвластна изменчивым токам времени. Время приходит в гармонию с Вечностью.

Не задумывались ли вы, почему гордыня считалась самым страшным грехом? Нет? А я вот думаю, может быть, потому, что она — свидетельство крайней ограниченности, апофеоз ограниченности, замкнутости в свое личное «я». Человек из живого существа превращается в какую-то окаменелость.

И самый худший вид гордыни — гордыня интеллекта. Интеллектуальные накопления — и это особенно ясно в наш век широковещательной информации — погребают под собой человека. Требование отказа от собственности, которое мы можем найти почти у всех мудрецов и Учителей как Запада, так и Востока, подразумевало не только отказ от материальных ценностей, но и от призрачного и обманчивого блеска интеллектуального богатства. Но отказаться от умственных накоплений — пусть даже на кратчайший промежуток времени — для человека ограниченного и честолюбивого (а это характерные признаки верящего в непогрешимость своей логики интеллекта) равносильно отказу от себя, равносильно смерти. Скорее скряга раздаст свое добро, нежели замкнутый в узкие рационалистические рамки интеллект поступится хотя бы частичей того хлама, который скопился в его мозгу.

Поэтому великое изречение «владею потому, что отка-

вался», для интеллекта в лучшем случае пустая фраза. В лучшем, потому что приземленный интеллектуализм вопиствен, нетерпим и может усмотреть в ней обскурантизм, возвращение к дикости. Как это можно — отказываться от завоеваний мысли? Вот и получается, что человек становится рабом умственных представлений, рабом пришедшей к нему мысли.

А между тем так называемый отказ от интеллектуальных накоплений несет с собой освобождение и, конечно, ничего страшного собой не представляет. По существу, это означает, во-первых, подходить без предубеждения к любому явлению и любой мысли, во-вторых, отдавать всю полноту внимания любому явлению и любой мысли.

Полезно каждый раз вспоминать знаменитый афоризм Сократа: «Я знаю то, что ничего не знаю». Непредубежденность и полнота внимания приводят к тому состоянию, которое принято именовать безмолвием, а оно несет с собой преобразование отношения к мысли. Мысль становится твоим послушным аппаратом, а не наоборот: не ты — послушный инструмент мысли, как это случается сплошь и рядом в век торжества голого интеллектуализма.

Рао сделал небольшую паузу.

— Надеюсь, однако, из моих слов вы не вывели заключения, что я стараюсь развести как взаимоисключающие понятия мысль и безмолвие. Эти понятия, как две чаши весов, которые то в равновесии, то в подвижном состоянии. Да и кто рискнет провести границу между безмолвием и мыслью? Кто ответит, является ли безмолвие концентрацией мысли (пусть произвольной, пусть неосознанной) или дело обстоит как-то по-другому? Тут лишь одно очевидно: и концентрация мысли, и безмолвие, начисто лишнее мыслей, могут быть равнозначны. Есть один-единственный оселок, которым, на мой взгляд, должно мерить истинность пути: устремленность, единство. Эти два слова развеивают любую иллюзию, ибо в них суть. Есть устремленность к единству? Значит, есть истина. Нет — значит, нет истины.

Можно сказать: все истина, и нет ничего, что выражало бы полностью истину. Вот почему столь важно отрицание. Отрицание — это привязанность к тому, что отрицаешь, более того, это утверждение того, что отрицаешь. Поэтому можно сформулировать как закон, — Рао вынул из бокового кармана записную книжку, с некоей торжественной интонацией в голосе произнес: — «Не отрицай любое верование. Разберись, что в нем устремлено к един-

ству, и прими это устремление. Разберись, что в нем ведет к раздробленности, и отсеки это.

Не отрицай антиверование. Разберись в нем, и если оно ведет к единству, прими его. Если к раздробленности — отринь его.

Запомни: все, что претендует на исключительность, неистинно, потому что ведет оно к обособленности и раздробленности, потому что оно нарушает главный закон единства».

Как я понял, для Рао проблема времени неразрешима вне одухотворенного поля медитации и безмолвия. Об отнесенности понятия времени он говорил так:

— Прошлого уже нет, будущего еще нет, а настоящее, пока я произносил эти слова, улетучилось. Получается, что как будто нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. А это может означать лишь одно, что они — прошлое, настоящее и будущее — существуют одновременно, одновременно.

Мы движемся во времени. А надобно добиться того, чтобы время двигалось в нас: убыстрялось, замедлялось, исчезало. Надо передвинуть шкалу времени внутри себя. Пусть время будет в твоём потоке, а не наоборот. В этом — задача медитации.

В обычной жизни человек живет между прошлым и будущим, и это разделение доставляет ему страдание. В процессе медитации и безмолвия исчезают как прошлое, так и будущее, остается лишь настоящее, и это приносит радость. Сделать эту радость законом жизни — значит освободиться, значит победить.

Человека можно представить себе в виде статуи: верхняя половина — будущее, нижняя — прошлое. Гармонизация будущего и прошлого — такова задача нашего настоящего. Тогда лишь осуществляется подключение к непрерывности Вечного, что, собственно, и является целью медитации.

Концепция тотального единства человеческого бытия, которую развернул перед нами Рао, не могла не захватить воображения, хотя какие-то моменты показались трудными для восприятия, а какие-то — спорными. Если я почти дословно воспроизвожу рассуждения Рао, то потому, что хочу дать читателю образец той логики, с которой ныне нередко можно встретиться в Индии. Рао не одинок, когда заявляет о необходимости соединения древних знаний (вспомним историю Индии и ее культуры!) и современных научных гипотез и формул. Здесь (да и не только здесь),

эта задача считается созревшей и актуальной, хотя, разумеется, пути ее решения не могут быть сведены к одному-единственному варианту.

А Гао, уверенный в правоте своей точки зрения, говорил громче и энергичнее, чем прежде. Даже ритм его речи, как я заметил, несколько убыстрился.

— Тот, кто живет обычной жизнью, не вкушает жизнь подлинную, ибо существование его отравляет мысль о смерти, тень неизвестного. Жизнь истинная начинается лишь тогда, когда в тебе начинают вибрировать токи трех миров: предбытийного, бытийного и послебытийного. Кстати, сокровенный смысл понятия трех миров, так часто употребляемый в наших древних источниках (победитель в трех мирах и т. п.), имеет в виду прежде всего данный аспект. Одновременное существование в трех мирах — это есть и спасение твое, и воскресение. Достичь такого состояния безумно трудно: верящие в теорию перевоплощения считают, что на это уходят века и манвантары¹. Но знание о самой цели человека, о миссии и предназначении его — уже половина победы, то, что может стать основой духовной победы.

У нас говорят: человек знает, что он умрет, но не всегда знает, умер ли он. Прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно. Предбытийное, бытийное и послебытийное состояния существуют одновременно. Лучшее доказательство этому: практически наш ум не может определить, в каком из состояний мы сейчас находимся. Все, что совершается с нами, может происходить в любом из трех миров. Перегородки между этими мирами ум различить не в силах. Вот почему столь важно ощущение единства всего сущего. Тогда перегородки не имеют значения. В любом из миров может прийти озарение и наступить полнота жизни.

Наша беда, наша трагедия состоит в том, что мы разрушаем незыблемое триединство, и бытие наше становится изолированным и угрюмым. Наш Дом как бы повисает в некоем пространстве, и мы живем в вечном страхе: то ли он разобьется при падении вниз, то ли он погибнет, унесенный неведомым ветром высоты. А между тем все это иллюзия, рожденная разрушением единства. Дом наш стоит на крепкой гранитной основе предбытийного мира,

---

¹ Манвантара — так в индийских источниках называется гигантский период времени, оканчивающийся всемирным катаклизмом.

и высота послебытийного мира грозит ему не гибелью, а славой. Разрушаясь, Дом не погибает, а обретает другую, более надежную форму существования. Идея не умирают. Идея Дома, дух Дома, усиленный токами послебытийного мира, как правило, реализует себя более четко в последующем воплощении.

Для человека непреложны и неизблемы три факта: существую, не существовал, не буду существовать. В общем, для него и предсуществование, и послесуществование сливаются в одно целое, противоположное форме физического бытия. Как проникнуть в таинственные планы предсуществования и послесуществования? Знаменитое изречение «я мыслю, следовательно, существую» очень верно передает суть дела. Оно тем более верно, что четко указывает на ограниченность мысли: ей неподвластны планы несуществования (пред- и послесуществования). Выход один — отказаться от мысли. Этой цели и служат медитация, безмолвие. И ничего нет странного, что, возвращаясь к себе, мы опять используем орудие мысли. На своем плане бытия мы должны действовать на его уровне. Но мысль преображена, и мы сами, используя эту мысль, преображенные. Осознавая ее ограниченность, мы понимаем, что она не может являться прямым выражением истины для человека, что она может лишь приблизить человека к рубежу, за которым начинается истина.

Искусство духовного общения в Индии развито повсеместно. Об индийском собеседнике можно написать целую книгу. Умение слушать — его отличительный дар. Удивительна чуткость, с которой он реагирует на любое движение вашей души. Замечательно отсутствие категоричности, нередкой в наших спорах, предельное внимание и уважение к вашим словам. Здесь исходят из убеждения, что разговор должен идти не на уровне слов, а выявить что-то, стоящее за словами, то, что на уровне сердца. Ясно, что в этой атмосфере беседа превращается как бы в совместную медитацию на ту или иную тему. Беседа такого рода на языке хинди именуется «сатсангом». Ее самая характерная особенность — направленность в сторону высокого, вечного, беспредельного.

Насколько «сатсанг» чтится индусами, можно судить хотя бы по тому факту, что сама беседа, вне зависимости от ее конечного результата, считается наградой за то хорошее, что человек совершил в этой или прошлой жизни (как

известно, если не все, то большинство религиозных и философских школ Индии сходятся в одном пункте: они верят в перевоплощение человеческих душ или допускают такую возможность). А «сатсанг» на фоне священных Гималайских гор, в котором мне впоследствии пришлось участвовать, как мне объяснили, уже не просто награда, а двойная, исключительная награда.

Нет нужды говорить, что наша беседа с Нараяной Рао сразу же приобрела форму «сатсанга». Правда, диалога не получилось, получился, скорее, монолог, прерываемый лишь изредка моими односложными восклицаниями и вопросами. Но это был «сатсанг», и он достиг апогея, когда прозвучало слово, столь значимое для моего собеседника: Абсолют.

Миры, замрите, дабы я услышал,
Как бьется в моем сердце Абсолют!

Раскрой в себе просторы Абсолюта —
И свет Его увидишь ты во всем.

Мы все соединяемся в истоке.

Через тебя пусть дышит Абсолют,
А ты живи дыханьем Абсолюта.

Мгновенье, превращаемое в Вечность, —
Вот что тебе дарует Абсолют,
Когда ты духом с Ним соединишься.

Был сотворенным. Стал несотворенным.

Ток Абсолюта воскрешает всех.
Никто не может предан быть забвенью.

Соединившись с Абсолютом, каждый
Обрел бессмертье, истину, себя.

Теперь ты обращайся к Абсолюту,
А значит, ни к кому не обращайся.

Эти строки, пожалуй, могут служить эпитафией к тому, что было сказано потом. Во всяком случае, проблема в них обозначена достаточно четко.

То, что говорил Рао — а говорил он с неподдельным оживлением, то и дело обжигая всех нас своими глазами, — по моему убеждению, было подлинной поэмой об Абсолюте. Именно как поэму я воспринимал его слова, когда впоследствии перечитывал свои дневниковые записи. Обра-

щаясь к соответствующим страницам из «индийской» тетради (на предмет включения в книгу), вижу, что последовательность текстов восстановить не могу, что какие-то моменты — довольно важные — ныне выпали из памяти, что сама «поэма», вероятно, покажется отрывочной, фрагментарной. Но существо дела я передаю точно. За это я могу поручиться.

«Величайшая реальность проявляется вне зависимости от наших вопросов, ибо они сотканы из сомнения и смятения. Они, как туман, окутывают наше сознание. Молнии должны прорезать туман и мглу, солнце должно взойти над тобою, и лишь тогда появится надежда, что в великой тишине и молчании к тебе прикоснется то, чему нет имени.

Имепа — ступени сияющей лестницы. Но Безмолвие, лишённое тьмы и сияния, не имеет названий. Оно есть. Оно есть начало и конец и слова конец и начало.

Абсолют сгущается в слово, Абсолют сгущается в образ, но слово и образ потом утончаются, и вновь пред тобой — Абсолют.

Форма и бесформенное. Вот что такое Абсолют.

Ни формы, ни бесформенного. Вот что такое Абсолют.

Вечное и конечное. Вот что такое Абсолют.

Ни вечного, ни конечного. Вот что такое Абсолют.

Смерть и бессмертие. Вот что такое Абсолют.

Ни смерти, ни бессмертия. Вот что такое Абсолют.

Пусть негативное и позитивное замкнется в тебе и высечет искру Огня, сгорая в котором, ты обречешь слияние с Абсолютом.

Время и Вечность — два полюса магнита, такие же, как Всё и Ничто. А магнит — Абсолют!

Магнит, разделенный на части, все равно остается магнитом. Так же и Абсолют. Он — целое, и в каждой дробной частице есть Он.

Существуют ли Всё и Ничто всегда? На этот вопрос, в особенности применительно к Ничто, направляется сам собою ответ: да, всегда. А уместнее здесь было бы сказать другое: нет.

Представим себе точку, в которой сфокусировано Всё. Ведь это не просто точка, которую ставит человек на листе бумаги. Это тончайшая точка, точка точки, абсолютно

не осязаемая и абсолютно не видимая. Существует ли в ней, в этой точке, Всё? Существует, но в связанном состоянии, существует потенциальная возможность его проявления. Существует ли в ней, в этой точке, Ничто? Существует, но в связанном состоянии, существует потенциальная возможность его проявления.

Для того чтоб выделилось Ничто, необходима Вечность, для того чтоб образовалось Всё, необходимо Время.

Картина, об условном и приблизительном характере которой нужно постоянно помнить, рисуется так. Вначале выделяется Ничто в обрамлении Вечности. Затем из этого Ничто, как из своеобразного яйца, вылупляется Всё, вписанное в четкие рамки Времени — этого фрагмента Вечности.

Значит, и Ничто, и Всё имеют период предсуществования. Лишь точка, олицетворяющая Единое (она вырастет в круг и опять превратится в точку), существует всегда. Надвременно и надвечно лишь бытие Единства в Абсолюте.

Единое образует Ничто и Всё. В этом легко убедиться на примере математических символов, обозначающих Единое, Всё и Ничто. Единое соответствует единице; ноль — Ничто; множественность — Всё. Единица — эта основа математических чисел, их альфа и омега — содержит в себе и ноль, и множественность. Картина здесь ясна без особых комментариев. Единица, отрицая самое себя (один минус один), дает ноль. Единица, прибавляя к себе самое себя, дает два, то есть дает начало множественности. Можно сказать, что существует только единица, а все остальное (и ноль, и множественность) — лишь изменения в трансформации ее.

Абсолют не повторяется — вот непреложный закон Абсолюта. Об этом нужно помнить, ибо условность человеческих представлений может ограничить жизнь Абсолюта схемой, а закон пульсации Космоса может привести к мысли, что движение Абсолюта идет по замкнутому кругу. А ничего этого нет. Явления окружающего мира могут быть похожими друг на друга, равно как и мгновения нашей жизни, но тождественными они не могут быть никогда.

Абсолют не повторяется. Это может быть выражено другими словами: каждое явление, каждая вещь, каждое мгновение неповторимы и незаменимы. Отсюда

следует, что каждое явление требует всей полноты нашего внимания, ибо оно — абсолютно новое. Отсюда следует, что каждое мгновение требует всей полноты внутреннего переживания, ибо такого уже не будет никогда.

Мысль об Абсолюте дает незыблемую основу для внутреннего равновесия. Приходится прибегать к парадоксу: нет жизни — нет смерти, поскольку есть жизнь и есть смерть, поскольку они одновременны, поскольку бытие тождественно небытию. Абсолют в проявлении множественности и времени есть бытие. Абсолют в проявлении целостности (Ничто и Вечность) есть небытие. То, что является смертью для дробной множественности, есть жизнь для монолитной целостности. И наоборот.

Чтобы приблизиться к сокровенному смыслу Абсолюта, чтобы понять, что отличает его от всего окружающего, помни: все, что окружает тебя, все звенья иерархии Вселенной снизу доверху, являются проводниками. А Абсолют есть то, чей импульс и токи проводят.

Мир сотворенный (имеющий начало, а следовательно, и конец) может иметь измерения во времени. Был. Есть. Будет.

Мир несотворенный такого измерения не имеет. В самом деле, разве возможно сказать об Абсолюте: Он был или Он будет? О Нем можно сказать лишь единственное: Он есть.

Материя, поскольку она несотворенная, есть Абсолют. Материя, заключенная в формы, подверженная постоянному процессу формотворчества, есть та материя, с которой мы имеем дело на практике, в опыте. Сотворенное есть несотворенное, но сотворенное не равно несотворенному — вот парадокс, перед которым останавливается человеческая мысль.

Иногда называют иллюзией мир сотворенный, то есть мир видимый и осязаемый. Иногда называют иллюзией мир несотворенный, то есть мир невидимый и неосязаемый. И то и другое утверждения ложны. Иллюзией является единственное — разрыв между ними.

Хочешь исследовать океан — каплю его исследуй. Хочешь приблизиться к Абсолюту — искру Его в себе различ.

Всё и Ничто, соприкасаясь в человеке, рожают искру. И эта искра — мысль!

Закрытое пространство материи есть в то же время открытое пространство духа — это знание должно прева-лироваться в человеке, дабы он осознал единство свое с Аб-солютот.

Ты не можешь почувствовать себя Абсолютот, но Аб-солют может почувствовать себя тобой так же, как может почувствовать себя любой частицей бытия и цельным по-лем небытия. Ты не можешь быть равным Абсолютоту, но Абсолют может быть равен тебе так же, как может быть равен любому атому бытия и неделимому Космосу не-бытия.

Все источники всех времен утверждают одно и то же: царство истины внутри нас. Царство! А оно не имеет ни границ, ни пределов. И оно, это царство, внутри тебя, в тебе. Так кто же ты, человек? Абсолют!»

Надеюсь, читателю понятно, почему я уделяю так мно-го внимания встрече с Нараяной Рао. Эта встреча была для меня подлинным подарком судьбы. Я бы, пожалуй, затруднился ответить, чего было больше в нашем «сатсан-ге»: поэзии философии или философии поэзии? Наверное, того и другого поровну.

Кстати, именно от Рао я услышал впервые слово «дханьявад». Он произнес его, прощаясь, в ответ на мое, усвоенное здесь, в Индии, — «намасте». Примерно это соот-ветствует нашему русскому «спасибо». Но, как мне объяс-нила Нина Степановна, если обратиться к глубинному, внутреннему смыслу выражения, то перевод будет вы-глядеть так: «Мы с вами обогатились общением друг с другом».

Дханьявад! Впоследствии этим словом, за которым, как видите, тянется целый философский пласт, я назвал свой первый очерк об Индии.

Следующий день — относительно спокойный — был це-ликом отдан организационным делам. С утра я был в по-сольстве. Как и следовало ожидать, моя инициатива, осво-бождающая руководство от лишних хлопот, получила пол-ное одобрение. Сизов даже посожалел, что не может, вос-пользовавшись случаем, вместе со мной поехать к Рериху.

Потом я позвонил Юрловым. Мне сказали, что шофер с машиной будет у моего отеля в пять утра. Выезжать нужно как можно раньше, чтоб хоть на какое-то время опередить жаркое индийское солнце.

А вечером с Ниной Степановной — на этот раз на такси — мы опять отправились в старый Дели. Вопреки ожиданию Гуру еще не приехал. Нина Степановна оставила записку о том, что она уезжает — всего на несколько дней! — и надеется на встречу сразу по возвращении.

Ровно в пять утра шофер звонил в мою дверь. К тому времени я уже встал, побрился, уложил вещи. Мы поехали за Ниной Степановной.

Здесь наше терпение подверглось некоторому испытанию, а намечавшийся выгрыш во времени явно оказался под угрозой. Около часа нам пришлось ждать, пока Нина Степановна завершит свой туалет. Мы терпеливо сидели в машине, пытались объясняться с шофером при помощи жестов, потом бросили это занятие. Наконец появилась Нина Степановна в бело-зеленом сари с пластмассовой сумкой в руках.

И вот мы — за чертой города.

Дороги в Индии просыпаются рано, очень рано. Здесь дорожат каждым мгновением прохлады. Потому ранним утром на этих дорогах так же тесно и суетно, как у нас в часы «пик». В прозрачной дымке, веющей свежестью, снуют машины, спешат пешеходы; навстречу выворачивается автобус, на ветровом стекле которого красуется цветное изображение Кришны и священное слово «Ом».

Слово «Ом» — в старинной транскрипции «Аум» — нередко можно увидеть и на автобусах, и на фронтонах зданий. Оно очень почитаемо в Индии, и это связано с древними космогоническими представлениями индийцев. Им обозначается (естественно, в достаточной мере условно) тот первичный звук, вибрации которого, согласно древним источникам, образовали мироздание.

Аум есть радость, запечатленная в звуке.
Радость — начало миров и конец,
Ибо она не имеет конца и начала.

Но, конечно, центральная фигура шумных многоголовых индийских магистралей — велосипедист. Здешний велосипедист — явление особенное, уникальное. Это — фокусник, маг, чародей. Если Индия страна чудес, то, на мой

взгляд, оди из главных феноменов ее — велосипедист. Более всего поражает то виртуозное искусство, с которым скромная машина превращается в многоместный экипаж. Вот типичная дорожная картина. Счастливый отец семейства бойко крутит педали. На багажнике, непринужденно свесив смуглые ноги, восседает его жена. В ее руках — сумка с овощами и фруктами. На жесткой раме — двое или трое мальчуганов.

С детства в Индии приучаются владеть своим телом, потому позы седоков естественны, не чувствуется никакой напряженности. Не обращая ни малейшего внимания на шум и движение, члены семейства ведут нескончаемую беседу, а если прерывают ее, то только для того, чтобы одарить встречного белозубыми улыбками.

Утренний воздух хорошо нас взбодрил. Нина Степановна оживилась и прочла мне целую лекцию о Калидасе. Рассказ ее изобиловал занимательными подробностями, которые, к сожалению, ныне начисто забылись. Единственное, что осталось в памяти — и то только потому, что я сразу записал это в блокнот, — стихотворный афоризм великого поэта древней Индии. В подстрочном переводе он выглядит так: когда ты вошел в мир, ты горько плакал, а все вокруг тебя радостно смеялись. Сделай жизнь такой, чтобы, покидая мир, ты радостно смеялся, а все вокруг тебя плакали.

В каком-то патетическом месте рассказа Нина Степановна вдруг испуганно вскрикнула и забилась в угол машины. В окно влетело странное насекомое — помесь гигантской мухи с ядовито-зеленой гусеницей — и, прочертив траекторию, с деревянным треском упало на сиденье рядом с нами. Я выхватил посовой платок, поймал крылатое чудище — «только не убивайте!» — закричала Нина Степановна, — выбросил его в окошко. Подхваченное ветром, оно улетело.

— Что это такое? — спросил я у Нины Степановны.

— Понятия не имею. Но гадость, по-моему, ужасная. Я таких насекомых боюсь больше, чем змей, — призналась она.

Над деревьями выкатилось солнце. С каждой минутой оно припекало все сильнее. Мы мчались мимо глинобитных хижин, бензоколонок, куполообразных храмов, базаров, где высились горы полосатых арбузов и желто-зеленых манго.

Миновали Чандигарх — город, построенный по проекту Корбюзье. Дома современной планировки нам не попра-

вились. И, как выяснилось, не зря: нам рассказывали потом индийцы, что они разводились без учета климата. Поэтому днем в них жарко, ночью холодно. Древние строители были, пожалуй, в чем-то мудрее современных. Обычная хижина с глиняными полами существенно облегчает жизнь в жаркие дни. Глина хорошо сохраняет прохладу, и потому, когда пол заливают водой, в доме надолго воцаряется свежесть и влажность.

Наш шофер — он был родом из Непала, из потомственной семьи водителей, — оказался настоящим лихачом. Мы летели по автостраде с бешеной скоростью, практически без остановок. А если останавливались, то лишь для того, чтобы распить по бутылке запотевшей от холода кока-колы.

Первый привал сделали уже в Гималаях. Мы остановились в небольшом Рест Хаузе — домике отдыха для туристов. Было безлюдно. С трудом нам удалось разыскать хозяина горной базы. Позевывая — очевидно, мы прервали его сон, — он провел нас в комнаты, уютные и меблированные. Кухня не работала. Приходилось рассчитывать на собственные запасы. Их оказалось немного. Помидоры, хлеб, фрукты. Нина Степановна применительно к ситуации напомнила приказ индийских Махатм о том, что в пути надо стараться есть мало. Они вообще считают, говорила Нина Степановна, что если человек действительно ищет ученичества, он должен приучить свой организм питаться так, чтобы не чувствовать постоянной и несносной потребности в пище.

— Нельзя думать, что, не умея подчинить определенной дисциплине свой аппарат, можно достичь духовного совершенства или психического самообладания. Человек, поддающийся соблазну постоянного ощущения голода, ищущий каждую минуту, чем бы пабить свой желудок, ничем не отличается от обжоры, жиреющего на изысканных яствах.

Но с другой стороны, Махатмы заявляют, что в ученичестве нет особых строгостей в пище, как, предположим, у монахов. И воздержание в ученичестве не может составлять одного из ограничений для человека, стремящегося обрести тот высокий путь, где можно встретить Учителя. Путь к Учителю до тех пор не может быть найден, пока в понятиях человека живут представления: ограничить себя из принципа, отказать себе из принципа.

До тех пор пока у человека живет мысль об отказе в чем-то себе, он не выше тех, кто ищет наживы для себя.

Мысли его вертятся вокруг себя точно так же, как и мысли ищущих наживы. Подвигами, как таковыми, не движутся вперед ученики. Вот почему не следует видеть подвиг в своем ограничении в пище. Но в памяти, конечно, следует неуклонно держать: в пути надо есть мало.

Этим и пришлось нам утешиться.

Небольшая передышка — и снова в путь.

Дороги в Гималаях отличные. Их в свое время строили англичапе. Ведущие на север, в сторону нашей границы, дороги имели военно-стратегическое назначение: колониальные власти загипнотизировали и запугали самих себя мифической советской угрозой. Англичапе ушли, а дороги остались.

Правда, эти вьющиеся узким серпантинном магистрали таят в себе и определенные трудности, и опасности. Может случиться обвал (это здесь не редкость), и тогда застрянешь на несколько дней. Бывают и трагические исходы. У нас, по счастью, особых происшествий не было. Лишь один раз на крутом повороте мы чуть не столкнулись с автобусом. Шофер так резко затормозил, что пас могло сбросить в пропасть. А так все шло без сучка и задоринки.

В Нагар — конечный пункт нашего маршрута — мы прибыли поздним вечером, когда уже было темным-темно. А индийская тьма такова, что ее, кажется, можно резать ножом. Тишина. Никого. В Индии в деревнях и маленьких городах спать ложатся рано. Нам еще повезло, что мы все-таки наткнулись на человека, который знал, как проехать к усадьбе Рериха. Следуя его указаниям, наша машина по узкой обрывистой дороге-тропе медленно поползла вверх. Потом уткнулась в ворота. В свете фар тускло поблескивала медная табличка, на которой было выгравировано: Rerich. Вылезли. Никакого намека на кнопку звонка. Абсолютная непроницаемая тишина. Что делать?

Позже нам пояснили, как поступают в таких случаях благовоспитанные люди, к тому же попавшие в чужую страну с устоявшимися порядками и традициями. Нам надо было спуститься обратно вниз, устроиться на ночь в гостинице, а утром, приведя себя в должный порядок, нанести визит хозяевам дома.

Но, увы, такая простая мысль мне не пришла в голову. Я рассуждал иначе. Позади тысячи километров пути, преодолены всякого рода трудности, и вдруг остановиться перед столь ничтожным препятствием. Я говорю Нине Степановне:

— Вы как хотите, а я полез через забор.

Я выбрал место поудобнее, пониже, спрыгнул на землю. Сделал несколько шагов в густой тьме. Вернулся.

— Нина Степановна, а если я встречу индийских слуг? Ведь они примут меня бог знает за кого. Как я с ними объяснюсь? Давайте и вы через забор.

И Нина Степановна, побросав через забор — тук-тук — белые туфли, подобрав сари, взобралась на ограду и — видели бы в этот момент своего уважаемого профессора студенты! — приземлилась рядом со мною.

Проблуждав несколько минут в темноте в саду, напомиравшем дремучий лес, мы вышли к флигелю двухэтажного дома. Это была кухня. Оттуда доносился стук ножей и ложек. Поскольку двери были раскрыты, то мы без всякого предупреждения выросли на пороге флигеля.

Последовала немая сцена. Слуги — их было несколько человек — превратились в статуи. Описать выражение их округлившихся глаз не берусь. Ведь мы для них буквально свалились с неба.

Первым пришел в себя невысокий, худощавый, седой индус, испуганное лицо которого постепенно стало приобретать выражение замкнутости и некоторой важности. Это был управитель дома Рериха — Вишну. (В скобках замечу, что в Индии, особенно в простых семьях, принято давать детям громкие имена богов и знаменитых героев, очевидно, для того, чтобы в предстоящей нелегкой жизни привлечь к ним на помощь могучие небесные силы.)

Нина Степановна вступила с ним в переговоры. Рерихи вместе с гостями ужинали в столовой. Вишну спросил, как доложить о нас хозяевам. Визитными карточками я тогда еще не обзавелся, поэтому на каком-то клочке бумаги пацарапал свою фамилию, Нина Степановна — свою, а также приписала несколько слов от себя. Так как она была уже знакома с Рерихами, то я уповал на нее, считая, что потом расшифрую свою фамилию.

Появился встревоженный, недоумевающий Святослав Николаевич. Он был явно ошарашен и никак не мог взять в толк, кто я, почему мы вместе. Нина Степановна припнулась было объяснять: «Это поэт Сидоров, которого я сопровождаю», но я любезно перебил ее, сказав галантную фразу: «Неизвестно, кто кого у нас сопровождает: может быть, я ее». «Так все же кто кого сопровождает?» — спрашивал вконец запутавшийся Святослав Николаевич. В дверь просунула голову Девика — жена Святослава Николаевича. Увидев Нину Степановну, она в растерянности спросила: «А почему вы не в Ришакешах?» (При встрече с ними Нина

Степановна сказала, что в скором времени туда отправится.)

В общем, переполох был полный.

Наконец Святослав Николаевич спросил:

— Где вы остановились?

Так как мы рассчитывали на его гостеприимство, то вопрос нас озадачил.

— В машине,— тут же нашлась Нина Степановна.

— Ах, вот как!

Понемногу ситуация для Святослава Николаевича стала проясняться. Дело осложнилось тем, что к ним как раз приехали гости и все комнаты были заняты. А тут мы как снег на голову, да еще без предупреждения.

— Почему не дали телеграмму? — спросил Святослав Николаевич.

Телеграмму мы дали, но она пришла тогда, когда в ней не было никакой необходимости,— через два дня после нашего приезда.

Святослав Николаевич вызвал Вишну, сказал, что тот спустится с нами вниз и устроит нас в городском Рест Хаузе. А завтра в 9.30 утра он просит нас к себе в дом.

В этой суматохе я сбивчиво объяснил Святославу Николаевичу, откуда я и зачем приехал.

— Так это ведь о вас писал Беликов. Мы вас ждали, по раньше.

— Виза пришла очень поздно,— ответил я.

Святослав Николаевич, прорезая тьму фонариком, попросил показать, где именно мы перелезали через забор. Я показал, а он подозвал Девуку и начал ей что-то говорить горячо и взволнованно. Это происшествие — чувствовалось — произвело довольно сильное впечатление на Святослава Николаевича. Потом, в Москве, он, пряча лукавую улыбку в усы и бороду, нередко представлял меня своим знакомым таким образом: «Вот человек, который попал ко мне через забор».

Рест Хауз оказался приспособленным к современным пуждам деревянным замком, принадлежавшим когда-то местному махарадже. В наше распоряжение выделили две огромные проходные комнаты. Одна — с диванами вдоль стен — гостиная. Другая — настоящий парадный зал (метров 150, не меньше), переделанный ныне в спальню. В этом зале стояли четыре двуспальные металлически кровати, внушительный, как крепость, стол, старинные дубовые стулья. Вишну предложил расположиться мне в спальне, Нине Степановне — в гостиной. Девука — я узнал

об этом позже — строго-настрого наказала ему, чтоб нас поместили в отдельных комнатах. («Они не муж и жена».) Но гостиная Нине Степановне не понравилась: диваны узкие, в окна заглядывают какие-то люди. И она отвергла это предложение решительно и испуганно. Винну был шокирован. Святослав Николаевич рассказывал, с каким трагическим тоном в голосе он докладывал по возвращении:

— Мадам отказалась почевать в отдельной комнате.

А мы остались вдвоем в огромной неуютной и холодной комнате, где мог бы свободно разместиться целый студенческий отряд. Выпили чаю; нас покормили рисом. Мы были дошельзя удручены. Прodelали такой путь — и вот тебе раз. Нам показалось, что Святослав Николаевич принял нас слишком холодно и отчужденно и что настоящего общения с ним уже не получится.

Мы расположились в противоположных углах бывшей дворцовой залы. Уличный фонарь играл роль своеобразного починика: сквозь занавеску пробивались его лучи, образуя яркую световую дорожку на полу.

Я заснул почти сразу, но сон был недолог. Меня разбудил грохот падающих стульев, какие-то вскрики. Я насто-роженно поднял голову. Мне показалось, что кто-то повзгивает.

— Нина Степановна, что с вами?

— Я заблудилась, — послышалось в ответ.

Выяснилось, что ночью ей попадобилось встать. В большом и чужом помещении она не смогла сориентироваться и стала натекаться на стулья — отсюда грохот, — на кровати, углы бесконечно длинного стола. С трудом добралась до окна, отодвинула занавеску, надеясь на уличное освещение, а за окном — сплошная тьма. Фонарь к тому времени погас. И вот она стоит, держась за гардину, и чуть не плачет. Она говорила потом, что мечтала лишь об одном: как бы разыскать собственную кровать.

— Не трогайтесь с места, чтоб мы не стукнулись лбами, — сказал я ей.

Я встал, включил свет в туалетной комнате — ее дверь находилась как раз за моей кроватью («Пусть горит всю ночь»). А сам закутался с головой в одеяло, надеясь, что все происшествия пынешнего дня накопец-то исчерпаны и больше ничто не потревожит мой сон.

«Путь — это непрерывное движение, где не может быть ни момента остановки. Как только в путь, то есть в действия самого человека, ворвались гнев или раздражение,

так весь путь остановился. Перестала звучать его гармония, и снова надо искать, как включиться в симфонию Вселенной, ушедшей в своем творчестве вперед, пока человек стоял на месте. Нет ни для кого возможности двигаться по ступеням Вселенной, если он тяжел своим встречным, если его раздраженный окрик или правоучительная, недовольная речь не помогают человеку встречному успокоиться, но вызывают в нем протест.

Первое звено всей жизни всюду — мир сердца.

Чем в большем мире идет по земле человек, тем больше и выше он видит. А чем дальше видит, тем все больше понимает, как он мал, как мало может и знает, как много еще ему надо достигать.

Переключите свои мысли, забудьте о себе и думайте только о том, чтобы не нарушить общей гармонии своими колючими токами. Проходя день, человек больше всего должен думать, как пронести наибольшее количество мира в дела и встречи. Мир, который проливает одна душа другой, — это тот клей, который стягивает раны раздражения, прикладывает согревающий компресс к синякам бушующих страстей и льет бальзам в огорченное сердце собеседника.

Никогда не забывайте, что вся ваша деятельность, как бы высока она ни была, будет в большинстве случаев трудна вашим встречным, если вы сами в бунте и разладе. Наивценнейший труд не будет доступен массам, если сам труженик был одержим постоянной ломкой в своем самообладании. Его труд, даже гениальный, останется достоянием немногих, так как продвинуть великую или малую идею в массы народа может только тот, чьи силы живут в устойчивом равновесии.

Не имея мира в собственной душе, нельзя подать его другим. Дать можно только то, чем владеешь сам. Иначе все попытки принести мир и утешение человеку будут только пустоцветом, спиралью умиствования, без смысла и цели посланными в эфир словами, где и без того немало мусора. Если проповедь новых идей малоэффективна, то это лишь потому, что она чисто формальна. Призывая к жертвам и лишениям ради высоких целей людей, проповедники чаще всего делают исключения для самих себя. Те же из них, кто несет проповедь не словом, а живым примером, всегда достигают успеха.

Иллюзии любви и красоты, создаваемые нашим воображением, до тех пор терзают нас, пока мы не завоюем себе сами полной свободы от них. И только тогда рушатся наши иллюзорные желания всякой красоты вовне, когда в нас оживет все то прекрасное, что мы в себе носим. Все толчки скорби, потерь, разочарований учат нас понимать, что нет счастья в условных иллюзиях. Оно живет только в свободном добровольном труде, не зависящем от наград и похвал, которые нам за него расточат.

Если же вы цените только жизненные блага вроде денег, драгоценностей, богатства и внешнего положения, связанного с ними, а вопросы духа для вас излишне бесплатное приложение, ваши усилия приобрести истинное знание, которое присуще только высокой жизни, будут всегда кончаться разочарованиями.

Ищите знания, чтобы понять, что несчастья нет как такового. Всё, все чудеса и несчастья носит в себе сам человек. Когда человеку открывается знание, он становится спокойным, ибо мудрость оживает в нем. Не ищите чудес, их нет. Ищите знание — оно есть. И все, что люди зовут чудесами, все только та или иная степень знания.

Перспектива, открываемая знанием, открывается каждому, как художнику чувство перспективы, не сразу. Книга духовного знания не лежит вовне, она в сердце человека. И читать ее может только тот, кто учится жить свой каждый новый день, в который он вступил, все повышая уровень своего творчества.

Не давай слишком много обещаний и не разочаровывайся в своих силах. Не глупость твоя заставляет тебя сомневаться во всем, а привычка скептически принимать все обстоятельства жизни. Привычка думать об одной жизни земли в отрыве от всей жизни Вселенной. Устрой основное правило каждого живого человека: научись диалектически мыслить. Не разрывай связи со всеми радостными силами природы. И когда настанет твой час постичь знание всех элементов стихий природы, принеси к этому моменту в самом себе полный самообладания и гармонии сосуд.

Остерегайтесь умствовать там, где нужна простота мудрости. Научитесь хотя бы только одному: не имея о чем-

либо достаточных знаний, не отрицать того, что тебе говорят.

Мудрость не оказывает влияния извне. Она не проникает откуда-то в глубины духа. Она там живет. И пробудить ее в себе может только сам человек. И только сам человек — ограничитель собственного Света.

Если ты полон сияющей радостью, ты сразу увидишь в человеке чудо: он слит с гармонией, он идет в ней, несет в себе ее, хотя сам этого не видит. И каждый не видит по разным причинам. Один — потому, что карма держит его цепко и никак он не может освободиться от страха, жадности и ревности, которым служил долгие годы. Другой не может вырваться из ряда предрассудков долга и личной любви. Третий топчется в лабиринте узкого ума и не может вырваться из него и попасть в творчество интуиции. Четвертый завалил себе выход к освобождению, бегая весь день по добрым делам, а дома сея муть и раздражение и т. д.

Не забудь вовек: все — в человеке. И только он один — творец своего пути. Вернее, каждый человек есть путь, и этот путь настолько близок к творчеству Единой Жизни, насколько смог освободить ее в себе человек».

Сделать визит Святославу Николаевичу нам не пришлось. Ровно за час до назначенного срока Святослав Николаевич появился у нас. Он был в полуфренче стального цвета (на мой взгляд, очень удобный костюм хотя бы потому, что не нужен галстук). При дневном свете я лучше рассмотрел его живое и энергичное лицо, знакомое мне по фотографиям. Карие глаза, уходящие вглубь, которые могли обретать жесткое металлическое выражение (как это было накануне), сейчас поблескивали веселыми, добродушными искорками.

Он извинился за вчерашнее недоразумение.

— Что вы! — отвел я его извинения. — Это я должен просить прощения за то, что вторгся в дом столь экстравагантным способом.

— Считайте, что это весть из России, — я протянул Святославу Николаевичу книгу стихов его отца: маленький томик в белом балакроне. — Может, она окажется той ласточкой, что сделает весну.

Святослав Николаевич объявил, что пришел забрать нас с собой. Гости уехали довольно рано. Комнаты для нас готовы.

Мы попытались расплатиться за ночлег в Рест Хаузе, но Святослав Николаевич решительно воспротивился: «Со вчерашнего дня вы — мои гости». Мы простились со старинным замком, оставив в нем на неопределенное время — Святослав Николаевич обо всем договорился — нашего шофера-непальца.

Девика Рани, юная и одухотворенная красота которой хорошо известна по портретам работы ее мужа, встретила нас в высшей степени приветливо. Она была в ярком праздничном сари, в волосах — гвоздика. Сокрушенно разводя руками, она сообщила, что такой казус, чтоб некуда было поместить гостей, за двадцать девять лет их совместной жизни случился впервые. По ее словам, она так расстроилась, что не спала до двух часов ночи.

— То, что вы приехали, — сказала Девика, — хороший знак. Долина Кулу принимает далеко не всех. Многие хотят сюда попасть, а не могут.

Еще раз выяснилось, какое исключительное стечение обстоятельств благоприятствовало моей гималайской поездке. Обычно Рерихи в жаркое летнее время выезжают к себе в горы на месяц, а то и на два. Но на этот раз, так как год сложился напряженным — столетний юбилей Николая Константиновича Рериха требовал много сил и хлопот, — они вырвались сюда всего лишь на семь-восемь дней. И если бы я приехал в Индию чуть раньше или чуть позже, то вряд ли бы увидел Гималаи.

— Мистер Спдорон! — обратилась ко мне Девика с несколько торжественной интонацией в голосе. — Еще вчера я поняла, что в прежних жизнях вы были индусом. Поэтому я повторяю то, что произнесла вчера мысленно: добро пожаловать на родную землю!

Как я уже говорил, теория перевоплощения пустила ценные корни в сознание индусов. Ее придерживается как религия, исповедующая многобожие — индуизм, так и религия без бога — буддизм. Да и многие духовные учения Индии, объявившие о разрыве с догматическими религиозными традициями, тем не менее строят здание своей духовной этики на краеугольном камне теории перевоплощения. Поэтому древнейший и таинственный символ — змея, кусающая свой хвост (его, кстати, можно обнаружить и в рукописях средневековых алхимиков), здесь считается олицетворением кругообразного движения челове-

ческого духа. Человек живет не однажды, верят индусы, не однажды он возвращается на землю, и круг его жизней, разумеется, не замыкается на одном-единственном месте. Проживший несколько воплощений в Китае может быть воплощен потом во Франции или в Англии, живущие в промышленных центрах Америки в следующей жизни могут оказаться в затерянных уголках джунглей и т. д.

В цикле человеческих жизней, говорят сторонники теории перевоплощения, не играет особой роли географическое положение. Даже национальность, религия и им присущие свойства не играют роли, если сам человек не привязал себя к ним ненавистью или преступлениями в такой же мере, как и суевериями или тяжелой любовью. Среди сил, сковывающих свободу духа человека, наиболее неразрывные связи плетет ненависть. Если, живя среди своего народа, человек ненавидел его, он будет много раз воплощаться в том же самом народе, пока не победит своей любовью всех горестных обстоятельств, а может быть, и преступлений, которые явились результатом его ненависти. Точно так же ненависть или презрение к чужой нации или стране, к их особым свойствам создают трудную кармическую связь, которую надо изживать века и века.

Любопытно сопоставить эти суждения с тонким и вдумчивым замечанием Ромепа Роллапа, который писал, изучая философско-духовные концепции Индии: «Сколь фантастической ни казалась бы человеку Запада эта теория перевоплощений, она устанавливает самую тесную кровную связь между людьми всех времен и таким образом оказывается родственной нашей современной вере во всеобщее братство».

С нашей точки зрения, эта теория столь же фантастична, сколь и поэтична. Но наука, штурмующая бесстрашно недостижимые ранее вершины легенд и мифов, ныне подошла вплотную к тем проблемам, которые по-своему — иногда, может быть, слишком прямолинейно — пыталась решить традиционная вера Востока в переселение человеческих душ. Известны поразительные психологические феномены, изучаемые современной наукой: человек под гипнотическим воздействием вдруг начинает говорить на языке, который он заведомо не знает, или описывает местность, которую раньше он не видел. Разумеется, сейчас никто не возьмется дать однозначное истолкование этим явлениям. Здесь широкое поле как для экспериментов, так и для гипотез. Ясно одно: в генетическом коде человека зашифровано гораздо больше, чем мы могли предположить,

а тем более — разгадать. Науке здесь еще предстоит сказать свое веское и авторитетное слово.

В какой-то беседе (точно не помню, с кем) я выразил сомнение: а не расслабляет ли теория перевоплощения и неразрывное с ней понятие кармы волю человека, не ведет ли к фатализму — ведь согласно представлениям о карме, за все дурное человека должно непременно наступить возмездие (в той или иной жизни) так же, как все хорошие поступки в той или иной жизни будут обязательно увенчаны наградой? Не является ли это философией сугубой пассивности?

Помню, как бурно возражали мои собеседники. Философия Индии — это философия действия, сказали мне. Лишь того, кто не знаком с основами нашего мирозерцания, может удивить это. Ваше представление о пассивном характере нашей философии поконится на недоразумении: действие вы склонны путать с формой действия.

— Вы забываете, — говорили мне, — а иногда и не подозреваете, что так называемая пассивность подчас гораздо результативней прямолинейной активности. Тут многое зависит от конкретной ситуации и конкретных особенностей того или иного народа. История освободительной борьбы Индии, как вы знаете, богата именно формами пассивного сопротивления, которые нередко приносили успех и победу.

Разумеется, мы прекрасно понимаем, что теория перевоплощения рождает — особенно у тех, кто слепо верит в твердокаменные догматы религии, — автоматизм в поведении, застой в мыслях и делах. Но Учителя новой Индии, начиная с Вивекананды, считали первоочередным долгом бороться с духовным оцепенением своих сограждан, вытекающим из такого верования. Учителя Индии предостерегали и предостерегают:

«Перестаньте так часто говорить слово «карма». У вас создалась привычка все сваливать на это маленькое слово. Попали ли вы в тяжелую земную жизнь благодаря собственной инертности или односторонней, как флюс, энергии — карма виновата. Не сумели вы устроить своей личной жизни в доброте и мире — карму за хвост в виде спасительного змея. Не смогли вы создать себе радостного окружения по причине, конечно, собственной разбросанности и несообразности на единой цели — снова карма. Не вышли вы в большие люди — еще раз карма, и т. д., и т. д.

В результате — полное разочарование в текущей жизни, виновато окружение, выросло в сердце упышье и... или вы погубили воплощение, или вы в раздражении и зависти

выковали себе пути к злу. Тот, кто часто повторяет слово «карма», а продолжает жить все так же, как жил год назад, вчера, сегодня, не ища в себе обновляющих сил доброты и радости, тот является таким же мертвецом среди живых, как и тот, кто постоянно думает о смерти и боится ее».

Но возвратимся к рассказу и гостеприимным хозяевам, заботами которых мы были размещены как нельзя лучше.

Нине Степановне отвели комнату внизу, мне—две комнаты с примыкающей к ним ванной наверху. Одна из комнат — бывшая спальня Елены Ивановны и Николая Константиновича Рериха. Это я понял из слов Девики: она любезно взялась показать мне мои апартаменты. Указывая на деревянные кровати, разделенные небольшим промежутком, она сказала: «This is a bed of madam Roerich», «This is a bed of mister Roerich». Здесь все сохраняет прежний вид. Тяжелые тумбочки (от времени они потемнели, потрескались). На стенах на специальных подставках — керосиновые лампы с белыми матовыми пузырями. Электричества тогда не было, и приходилось рассчитывать лишь на такое освещение. Впрочем, нужда в них не отпала и сейчас. При мне несколько раз выходила из строя электростанция, и мы в темноте, чиркая спичками, зажигали керосиновые светильники.

Дверь из спальни вела в другую комнату с книжным шкафом у стены и массивным письменным столом у окна. Это был кабинет Елены Ивановны Рерих. Здесь она работала: ранним утром при свете восходящего солнца, вечером — при свечах. К свечам у Елены Ивановны было особое пристрастие, и она не отказалась от них даже тогда, когда в доме появилось электричество. Выступающие стены угловой комнаты застеклены, и из окон открывается воистину божественная перспектива. Голубой простор. Горы, покрытые лесом. Заснеженные вершины. Видна двуглавая гора, напоминающая букву «М». С легкой руки Елены Ивановны ее так и называли: «гора М». За окнами стояла тишина, прерываемая ровным рокотом реки Биас, бегущей по ущелью с севера на юг. Река считается священной. По преданию, на ее каменистом берегу мудрец и поэт древней Индии Вьяси писал Махабхарату. Впоследствии река получила его имя: Биас — трансформированное временем Вьяси.

Святослав Николаевич провел нас по дому, который теперь больше уже походит на музей, а мы соответственно этому — на экскурсантов. Дом построен, сказал он, сто с

небольшим лет назад. Строил его англичанин, хирург по профессии, полковник по званию. Хватка военного человека тут угадывается во всем. Здание надежное, основательное, кирпичные стены чуть ли не метровой толщины. Вознесенное на высоту двух тысяч метров, окруженное высоким забором, оно напоминает крепость.

От прежнего владельца, хотя усадьба попала потом в другие руки, осталось немало вещей. Когда Рерихи договорились о покупке дома, они были удивлены, что на столовом серебре, равно как и на садовой утвари, стояли буквы H. R.—английские инициалы Елены Ивановны (Helene Roerich). Это было совпадением: британского полковника звали Хенри Ренник.

Дом спланирован отлично. К комнатам для хозяев, для гостей, для прислуги примыкают ванны, совмещенные с туалетом.

Из спальни Рерихов — а именно отсюда мы начали свой обход — мы попали в широкий просторный холл. Здесь, в этом зале, где некогда стояла большая позолоченная статуя Будды — впоследствии старший сын Рериха Юрий Николаевич привез ее в Москву, — по вечерам собиралась семья Рерихов. Часы отдыха, часы сокровенных бесед. Заводили патефон, слушали любимые пластинки. Вагнер, Римский-Корсаков, Стравинский, Скрябин. От прежних времен в холле остались: на полу огромный персидский ковер, на стенах тибетские танки.

Дверь из комнаты направо ведет в гостиную с верандой, или, точнее, с балконом, превращенным в веранду. Дверь налево ведет в комнату Святослава Николаевича и Девки.

Холл и гостиная — святая святых рериховского дома. Сюда в былые времена допускались лишь самые близкие люди. Обычно гостей принимали на первом этаже в столовой — главной официальной зале всей усадьбы. Столовая расположена симметрично холлу на втором этаже. Только дверь направо ведет не в гостиную, а в студию Николая Константиновича. Эта комната — мы задержались в ней надолго — с двумя гигантскими окнами, глядящими на запад, почти в течение двух десятилетий была рабочим местом художника.

Последний — гималайский — период был особенно интенсивным в творчестве Рериха. Из пяти или семи тысяч картин (точное количество полотен Рериха до сих пор не установлено) здесь написано около половины. Мастер гор, как его называли уже в те годы, почти ежедневно писал

с натуры гималайские пейзажи. Гималайская серия по справедливости считается вершиной творчества Рериха. Она являет собой пример небывалого в истории мировой живописи одухотворенного синтеза тем, мотивов, сюжетов (очень часто легендарных) всех стран, всех континентов, всех народов. Но, как известно — и об этом не раз заявлял сам художник, — главные, ведущие темы ему дали две страны, в его сознании слившиеся в единую Державу Света: Россия и Индия.

Сейчас мастерская превращена в галерею, открытую для каждодневного посещения. На стенах развешано несколько десятков работ художника: этюды, небольшие полотна. Посетителей, когда наступает туристский сезон, немало.

Выйдя из галереи, мы очутились в саду, который не только ночью, но и днем нам показался похожим на чашу леса. Магнолии, лимонные деревья, высокие сосны. С крыши вниз головами свисают ящерицы. То и дело они срываются и шлепаются тяжело и звучно на землю. А вот царь и повелитель здешнего сада — гигантский кедр, а под ним скульптура Гугу-Чохана — покровителя долины Кулу. Эта старинная скульптура знакома и по многочисленным фотографиям, и по портрету, написанному Святославом Николаевичем: он изобразил рядом с ней своего отца. Увековечена она и на картине Николая Константиновича. Кто бывал на его выставках, тот, наверное, запомнил выразительную фигуру каменного всадника на фоне фантастического цветения деревьев. Правда, пейзаж с той поры несколько изменился. Деревья вырублены, и сейчас Гугу-Чохан как бы парит в открытом пространстве.

По тропинке, выложенной камнями, мы спустились вниз к мемориалу Рериха. Мемориал, пожалуй, слишком громкое слово. Оно может ввести в заблуждение, ибо предполагает целый комплекс неких сооружений. А памятник художнику очень скромен. Это гранитный камень, некогда сорвавшийся с вершины. На нем на языке хинди высечена известная ныне всему миру надпись: «Тело Махариши Николая Рериха, великого русского друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года. ОМ РАМ».

Невысокая ограда. Цветы. Несколько минут мы стояли молча. Потом Святослав Николаевич в задумчивости сказал:

— Когда отцу говорили, дескать, трудно жить на чужбине, он возражал: «Индия не чужбина, а родная сестра

Руси». Тем не менее до самой смерти все мысли его были о России. И даже после смерти. Когда сжигали тело отца, я помню, как в языках пламени лицо его медленно повернулось на север. В сторону России.

Нас позвали завтракать. В прохладном полусумраке столовой Девика обратилась ко мне с неожиданным вопросом:

— Мистер Сидоров, а не мешал ли вам спать нынешней ночью призрак?

Оказывается, дворец, в котором мы ночевали, как и положено любому порядочному старинному замку, имеет свое собственное привидение. Существует легенда, что в какие-то давние времена из-за несчастной любви там кончила жизнь самоубийством юная принцесса. И вот теперь после полуночи она бродит по комнатам замка, да еще с кипжалом в руках, до полусмерти пугая постояльцев. И особо дурной славой пользуется та комната, где мы расположились вчера с Ниной Степановной (кто знает, может быть, именно поэтому она и была пезанятой?).

Я отвечал, что, судя по всему, роль этого привидения с успехом выполняла Нина Степановна. И рассказал почтовую историю, что, естественно, вызвало дружный смех у Святослава Николаевича и Девики.

Честно говоря, наш ночлег в Рест Хаузе явно сослужил нам хорошую службу, ибо давал обильную пищу для шуток. А это с самого пачала позволило создать непринужденную атмосферу за столом. У нас установилось негласное правило: во время завтрака и обеда не касаться серьезных тем и проблем, не обсуждать их. Зато не было конца веселым воспоминаниям (одна история влекла за собой другую), юмористическим предположениям («Вы провели с Ниной Степановной романтическую ночь в замке», — не уставала со значением напоминать мне Девика). Она говорила также, что мы разбудили своим появлением их дом, что мы как будто вернули старые времена, когда точно так же не смолкали за столом смех и шутки.

О Девике Рапи мы, разумеется, были наслышаны. Мы знали, что она — влучатая племянница Рабиндраната Тагора, знали, что в свое время она была самой популярной кинозвездой Индии. Газеты называли ее «индийской Мерп Пикфорд». Имя Девики Рапи неотделимо от истории отечественного кино: она была не только знаменитой актрисой, но и постановщиком широко известных фильмов. Со Святославом Николаевичем они поженились в сорок пятом

году. Сообщая в одном из писем об этом событии, его отец писал:

«Помимо великой славы в своем искусстве, Девика — чудный человек, и мы сердечно полюбили ее. Такой милый задушевный член семьи с широкими взглядами, любящий новую Русь. Елена Ивановна в восторге от такой дочери».

Девика рассказала нам о том, как боязно ей было входить в семью Рерихов.

— Ведь они были Махатмы, а я — простой человек. Хотя Елена Ивановна и относилась ко мне замечательно и называла меня «маленькая Лакшми»¹, но на первых порах было очень трудно.

В том, что Рерихи — Махатмы, у Девики нет и тени сомнения. Позизив голос, она доверительно сообщила:

— Вы не представляете, как я испугалась, когда увидела вокруг спящего Святослава голубое пламя.

(Свечение, которое иногда можно наблюдать вокруг человека, в Индии называют аурой. Ее сейчас фиксируют при помощи приборов, изобретенных Кирилпапом. Индусы верят, что некоторые люди обладают способностью видеть это свечение. Как я понял, Девика причисляет себя к таким людям. Голубой цвет ауры, по представлениям индусов, свидетельствует о большой духовной высоте и силе человека.)

— А вокруг мадам, — добавила Девика, — когда она спала, всегда горело голубое пламя.

О Елене Ивановне следует сказать особо. Как известно, и муж, и сыновья считали ее добрым гением своей семьи. В речи Святослава Николаевича постоянны ссылки на ее непререкаемый авторитет: «Матушка говорила», «Матушка нас призывала». «Ведущая» — так многозначительно назвал Николай Рерих картину, посвященную Елене Ивановне: женщина ведет своего спутника по крутым обрывистым тропам на светящуюся вершину. Нет ни одной живописной работы Рериха, в которой Елена Ивановна не принимала бы участия. Сюжеты многих картин — лучших картин! — заявлял художник — подсказаны ею. О ее жизни, поражающей воображение постоянным горением духа и сверхчеловеческим напряжением физических и внутренних сил, можно написать целую книгу. Я думаю, что со временем такая книга — и не одна! — будет написана.

Принадлежит к родовитой фамилии — достаточно сказать, что Елена Ивановна была правнучкой фельдмаршала

---

¹ Л а к ш м и — в индийской мифологии богиня счастья.

Кутузова, племянницей Мусоргского, — признанная красавица своего круга, она имела возможность сделать блестящую партию. Пророчили ей и великую музыкальную будущность: в ней рано проявился дар пианистки. Но Елена Ивановна предпочла другое. Соединив свою судьбу с судьбой Николая Константиновича Рериха, она избрала многотрудный путь первопроходцев, поставивших перед собой целью синтез восточной и западной духовной культуры. Елена Ивановна много переводила; ее перу принадлежат опубликованные под псевдонимом книги: «Основы буддизма», «Криптограммы Востока». Издано два тома ее писем. Но главный жизненный и духовно-творческий подвиг Елены Ивановны заключается в том, что, общаясь с Махатмами, она сделала достоянием нашего времени их огненную йогу (Агни-йогу), обобщающую опыт прежних йог и дающую древним символам и древним принципам современное научное толкование. Книги, в которых изложены мысли духовных Учителей Востока — их первые публикации относятся к двадцатым — тридцатым годам, — известны под общим названием «Живая этика». Ныне становится ясным, что в них поставлены ключевые, неотложные для нашего космического века проблемы.

— Рерихи в Индии на особом положении, — продолжала рассказ Девика. — К нам приезжают, у нас живут немцы, англичане, американцы, французы. Некоторые из них искренне пытаются приспособиться к нашим условиям, ходят в наши храмы, носят нашу национальную одежду. Они становятся как бы индусами. А вот Рерихи в Индии не приспособлялись, они всегда в ней оставались русскими. Но именно они-то и нашли путь к индийской душе, а не те, которые усвоили некоторые особенности нашего внешнего поведения.

Те, кто видел Девiku, знают, сколь удивительно ее сходство с изображениями на портретах Святослава Николаевича. Оно тем более удивительно, что минули годы и десятилетия, а Девика все та же. Можно подумать, что она обладает секретом вечной юности и красоты. Некоторые в этом уверены. Помню, как в Москве, уловив удобный момент, моя жена просила Девiku поделиться рецептом неувядающей молодости. «Может, нужен какой-то строгий режим дня и питания? — спрашивала она. — Может, существуют какие-то определенные упражнения?» Смеясь, Девика отвечала: «Весь секрет в том, чтоб в голову не приходили никакие желания». Это, по всей вероятности, соответствует истине, но тем не менее Девика — я-то знаю —

ежедневно занималась упражнениями по системе йоги, и на них у нее уходило довольно много времени. Из-за этого, как правило, она не появлялась к завтраку.

В Индии хорошо усвоили мысль о том, что тело является своеобразным слугой, причем подчас — весьма строптивым.

Тело в трамплин превращаться не хочет.
Хочет слуга, чтоб служили ему.

Поэтому «слугу» здесь стараются держать в ежовых рукавицах. А вот к нашему увлечению йогой в Индии относятся сдержанно, порой — отрицательно. Узнав о том, что я пытаюсь ставить дыхание по методу Вивекананды, то есть вдыхаю воздух одной ноздрей и, задержав его на несколько секунд в себе, выдыхаю через другую — об этом я сообщил с чувством некоторой гордости, — Девика испуганно всплеснула руками.

— Мистер Сидоров, пеужели вы не понимаете, что в условиях города вы вдыхаете яд, а применяя йоговский способ, насыщаете ядом все клетки своего организма. Такие упражнения у нас делают где? На берегу реки, в лесу, в горах. Кстати, не думайте, что везде и всюду можно принимать любые асаны. Самые сложные из них в городе, например, абсолютно противопоказаны.

В Индии, как я убедился, считают, что система физических упражнений, именуемая хатха-йогой (а в основном у нас увлекаются ею), ни в коей мере не может являться самоцелью. Предупреждают, что при низком нравственном уровне человека она обязательно даст уродливые последствия. Хатха-йога, считают здесь, может играть лишь вспомогательно-подчиненную роль на путях внутреннего совершенствования человека. В Индии выделяют четыре главных пути такого совершенствования и соответственно этому выделяют четыре главных йоги: бхакти-йогу (путь любви к людям), карма-йогу (путь постоянного действия), жнани-йогу (путь знания) и, наконец, царственную раджа-йогу (путь исключительно духовных углубленных медитаций и безмолвия).

Неверными оказались и наши предположения насчет вегетарианской кухни в гималайском ашраме¹ Рериха. Мы съехали к Рерихам в полной уверенности, что какое-то

---

¹ А ш р а м — школа духовного воспитания человека. Как правило, такие школы располагались в уединенных местах, в высоких горах, на пустынных берегах рек.

время нам придется поститься. Мы знали, что родители Святослава Николаевича были вегетарианцами, он, мы полагали, тоже. Но нет. В первый день на обед нам подали куриные котлеты. На другой день — баранину. Хозяева, как и мы, спокойно ели мясо.

Точка зрения Святослава Николаевича на вегетарианство проста. Воздержание от мясной пищи — вещь хорошая. Но вегетарианство, как и хатха-йогу, нельзя превращать в самоцель. Если бы дело сводилось к отказу от определенного вида пищи, то задача духовного преображения человека крайне бы упрощалась. Стал вегетарианцем, и ты — на высоте. Но в действительности все обстоит несколько иначе. Если гений и злодейство — вещи несовместные, то вегетарианство и злодейство могут, увы, преспокойно уживаться в человеке.

И потом. Быть или не быть вегетарианцем в значительной мере зависит от условий, в которых ты живешь, от обстоятельств, в которых ты очутился. Вивекананда был строгим вегетарианцем. Но в Америке он делал то, что абсолютно неприемлемо для правоверного индуса, — ел говядину. Не надо быть рабом буквы догмата. Остальное, как говорится, приложится.

На почве увлечения вегетарианством со Святославом Николаевичем случилось забавное происшествие. В молодости ему пришлось жить в Париже. В то время в Париже был ресторан — модный и потому довольно дорогой, — который специализировался на вегетарианских блюдах. Святослав Николаевич усердно его посещал. Потом на некоторое время он уехал из Парижа. Вернувшись, он повел свою спутницу — тоже убежденную вегетарианку — в этот ресторан. Метрдотель сразу узнал постоянного посетителя. «Месье, вы очень давно у нас не были». «Я находился в отъезде, — сообщил Святослав Николаевич, — и соскучился по вашей кухне. Особенно мне нравятся ваши овощные супы». Метрдотель согнулся в учтивом поклоне: «О да, месье. Мы ведь делаем их на изысканном мясном бульоне».

Мы весело засмеялись, представив себе, какие лица были у Святослава Николаевича и его спутницы. По словам Святослава Николаевича, та чуть не упала в обморок.

Я сказал, что аналогичная история была и со Львом Николаевичем Толстым, которому Софья Андреевна, заботясь о здоровье мужа (и, конечно, тайком от него), знаменитые рисовые котлеты тоже готовила на курином бульоне.

— Так что, очевидно, справедливо старинное изречение,— заключил я.— Враги человеку — ближние его. Мешают ему, не дают ему стать совершенством.

После обеда в доме Рерихов воцаряется тишина. По порядку, заведенному исстари, все расходятся отдыхать по своим комнатам. Мне не спалось. Я ходил по кабинету Елены Ивановны, трогал руками вещи, любовался горным пейзажем, снегами, сверкающими на солнце, облаками, что наползали на седловину хребта. А потом за столом, где стоит письменный прибор Елены Ивановны, знакомился с материалами военной поры.

От Святослава Николаевича я знал, как встретила весть о начале войны маленькая русская колония в Гималаях. На другой день Юрий и Святослав Рерихи дали телеграмму в Лондон нашему послу Майскому с просьбой зачислить их в ряды действующей армии. Каждый вечер у радиоприемника собиралась вся семья. Слушали московские известия. Святослав Николаевич показывал старые английские газеты с лаконичными сообщениями:

«Академик Рерих и его сын Святослав пожертвовали на Русский Красный Крест 500 английских фунтов и 10 000 рупий на военные нужды».

«Издательство «Китабистан» в Аллахабаде к семидесятилетию академика Рериха выпускает 12-й том его сочинений под названием «Химават» в пользу Русского Красного Креста».

И вот записи, сделанные рукой Николая Константиновича Рериха в период Великой Отечественной войны. Тревожные и горькие вначале, они становятся все более радостными по мере приближения войны к концу.

«Русские славные победы гремят. Подвиг совершается, идет война народная, священная война». Эти дни мы все слышали о наших прежних местах. (Запись помечена четвертым февраля сорок четвертого года.) Вот наша станция Волосово, а теперь она уже город. Леможа, Заполярье, Извара — все наши места. Так хочется там, на Руси, помочь всем знанием, всем опытом, всеми накоплениями.

Все-таки мало знают нашу великую Родину. Хорошо еще, что умножаются уроки русского языка. Пишут, что в России теперь кличка «антикультурный» является руга-

тельством. Русские войны идут вперед с кличем: «За Толстого! За Пушкина!» Знаменательно.

Какая героическая молниеносность в русских победах! Неслыханно, чтобы в один день брать тысячи мест, и среди них первоклассные крепости! Какая-то непобедимая лавина! Что-то суворовское и кутузовское!

Заспешили большие события. Уже в третий раз русские войска в Берлине. 1756, 1813, 1945 — каждое столетие.

Много русских сердец поверх всех преходящих трудностей живут о славе любимой Родины. И эта слава рождается не из шовинизма, но из быстрокрылой мечты о светлом будущем. Привет всем народам Великой Руси. На пожарище возведется дом прекрасней. Израненные степы и башни вознесутся еще краше. Народы еще глубже поймут ценность своего творческого достояния. Да будет! И будет расцвет мысли и творчества».

После чаепития, которое в доме Рерихов тоже является традиционным, мы перебрались в гостиную.

— Вот здесь,— Святослав Рерих указал на угол комнаты, где стояли кресла с выцветшей ситцевой обивкой,— беседовали Неру и мой отец. Я давно был знаком с Неру. У меня установились дружеские отношения со всей его семьей. Неру хотел познакомиться с отцом, но мешали дела. В мае сорок второго года Неру вместе со мной отправился в долину Кулу. Здесь он провел неделю. Я воспользовался случаем и написал тогда целую серию этюдов и портретов Неру. Он, как вы знаете, был совершенно изумительный человек, глубокого, неповторимого сердца, большой широты взгляда. И, будучи исключительно культурным человеком, он, конечно, являлся прекрасным руководителем для Индии. Я его не только уважаю, но и люблю. И, конечно, в моих портретах я старался передать то, что о нем знаю, вижу и видел в нем.

Из очерка Николая Константиновича «Неру» мы знаем характер и содержание бесед. «Говорили об индорусской культурной ассоциации»,— сообщает Рерих. «Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной».

Если вспомнить, когда проходила встреча — разгар войны, страшное лето сорок второго года,— то становится понятным, что так спокойно, так обстоятельно о пробле-

мах будущего могли беседовать люди, абсолютно уверенные в будущем. Так могли беседовать лишь мудрецы, которым оно открыто.

— Неру с чувством высочайшего благоговения относился к Ленину,— говорит Святослав Николаевич.— Он считал его Махатмой. Если вы читали его письма, то, конечно, знаете это.

Я читал эти письма — они составили книгу «Взгляд на всемирную историю»,— перед отъездом их вновь перечитывал и отлично помнил слова, адресованные Джавахарлалом Неру своей дочери.

«Год, в котором ты родилась, 1917 год, был одним из самых замечательных в истории, когда великий вождь с сердцем, преисполненным любви и сочувствия к страдающим беднякам, побудил свой народ вписать в историю благородные страницы, которые никогда не будут забыты. В тот самый месяц, когда ты родилась, Ленин начал великую революцию, изменившую лицо России и Сибири».

— Получилось так,— завершает рассказ Святослав Николаевич,— что мой отец и Неру больше уже не виделись. Англичапе вскоре заключили Неру в тюрьму. А когда он вышел на свободу и Индия обрела независимость, ушел из жизни мой отец. Неру, будучи уже премьер-министром, открывал в Дели первую посмертную выставку моего отца.

От майских дней сорок второго года осталась фотография. Впоследствии она не раз репродуцировалась в журналах и газетах. На переднем плане снимка — Джавахарлал Неру, Николай Рерих, Индира Ганди, Святослав Рерих. На заднем — под большим зонтиком от солнца — Елена Ивановна. Лица ее не видно. Елена Ивановна не любила фотографироваться и соглашалась сниматься лишь в самых исключительных случаях.

Конечно, и в этот день, и в другие я расспрашивал Святослава Николаевича о нем самом, о его картинах, о его творческих установках. Он охотно отвечал на мои вопросы.

«Ключ к моим картинам, к моему творчеству — в моем отношении к жизни. Я люблю жизнь, меня жизнь всегда интересовала. Интересовала не только жизнь людей, но жизнь всей природы — вся жизнь. Я всегда, уже с детства, увлекался всем, что природа нам дает. И теперь ничто не доставляет мне столько удовольствия и радости, как погружаться в природу и читать ее книгу, эту книгу мудрости. Она разлита во всем: в крыльях бабочек, в сиянии кристаллов; ее вы встретите в цветах, в опылении, в жиз-

пи насекомых. И эта радость, которую я ощутил именно в контактах с природой, и есть ключ к моему творчеству и моим картинам.

...Много моих картин, как вы знаете, посвящено Индии, потому что я живу в Индии, потому что я хотел отразить жизнь Индии, ту жизнь, которая меня особенно привлекала и которая, может быть, меня поражала. Я не знаю, насколько это мне удалось или удастся. Индия настолько многообразна, что отразить ее всю во всем, во всем ее сверкании очень трудно. Но все же я считаю, что мой долг это сделать.

...Мой подход к Индии был не только через искусство, но и через мысль Индии, являющуюся совершенно исключительным феноменом. Она выкристаллизовалась на протяжении столетий, тысячелетий в замечательные философские системы. Все это говорит о древней культуре, которая пронизывает все искусство. Эта культура исключительно высокого уровня, это то, что делает Индию великой страной.

...Можно ли сказать, что мне помогает русский реализм? Да. Мои истоки в России. Я был полон русским искусством, это были мои истоки, и на них основано все мое последующее знание».

Невзирая на все уважение к традициям дома, мы в первый же день внесли изменения в устоявшийся распорядок. Припозднились основательно. Перед сном Святослав Николаевич провел нас на балкон, чтобы мы рассмотрели здешнее ночное небо. Указывая на яркий звездный сектор, сказал:

— Созвездие Ориона.

Это созвездие пунктуально, примерно в одиннадцать вечера (исключая весну, когда оно несколько уклоняется в сторону) восходит над гималайским домом Рерихов.

«Перед новыми поворотами в пути страдают только те, кто носит в себе еще не растворенным в любви свое «я». Кто ищет, отягощенный страстями, тот еще больше заблуждается.

Если человек говорит, что любит науку, а не любит людей, для которых он ищет знаний, не видит в людях высших целей — он только гробокопатель науки. Если человек идет по жизни, не замечая жертв и самоотвержения тех,

кто сопровождает его в этой жизни, он не дойдет до тех высших путей, по которым идут истинно великие люди. Если в человеке атрофируется нежность, доброта по мере того, как он восходит в высокие степени учености и славы, он сам лишает себя всех возможностей достичь радости общения с людьми, пленяющими его полнотой и размахом своей деятельности. Точно так же обстоит дело и с любовью к природе. Чтобы заметить ее усилия помочь каждому любить ее в себе и себя в ней, надо научиться замечать подвиг жизни своей родной матери. Научиться любить ее, чтобы во всю дальнейшую жизнь навсегда знать, что такое любовь.

Всякая форма любви, где есть страх, непременно будет безобразной.

Ты должен думать, и думать очень крепко, чтоб в сердце твоём не шевелился червь ревности. Большого ужаса, чем пронизать свою жизнь припадками ревности, нельзя себе и представить. Всю жизнь себе и окружающим можно отравить и даже потерять весь смысл долгой жизни только потому, что дни были разъедены ревностью. Можно иметь великий талант, можно увлечь человечество в новые сферы литературы, музыки, живописи — и все же создать себе такую железную клетку страстей в личной семейной жизни, что придется годы и годы изживать ту плесень на своем духе, что нарастил в ревливой семейной жизни.

В девяноста девяти случаях из ста то, что люди называют любовью, на самом деле или их предрассудки и суеверия, или их себялюбие. Истинной любовью будет лишь та, которая раскрывает все способности и таланты к творческой деятельности, которая освобождает дух человека.

Всякая разлука только до тех пор мучительна, пока у человека не созреет сила духа настолько, чтобы посылать творческий ток любви своему любимому с такой энергией, которая сплетала бы в любую минуту в одну общую сеть преданность обоих. Эта мощь духа так же развивается, как и всякая иная способность человека. Ежедневная радостная мысль о человеке равняется постройке рельсов для молниеносного моста, на котором можно научиться встречаться мыслями с тем человеком, о котором будешь радостно, чисто, пристально и постоянно думать.

Не забывайте, что самые важные встречи человека — это его встречи с детьми. Обращайте больше внимания на них — мы никогда не можем знать, кого мы встречаем в ребенке.

Ребенок — это не тиран, который завладевает всю твою жизнью. Не идол, для которого ты отрежешь себя от всего мира и весь мир от себя, чтобы создать замкнутую, тесную ячейку семьи, связанной одними личными интересами: любовью к «своим». Ребенок — это новая связь любви со всем миром, со всей Вселенной. Это раскрепощенная любовь матери и отца, у которых будет расти не «наш», «свой» ребенок, но душа, данная на хранение.

Не забывайте, что дети, родившиеся у вас, — не только плоды плоти и крови, принадлежащие вам. Но это те драгоценные чаши, которые Жизнь дала вам на хранение, улучшение и развитие в них их творческого огня. Не прилепляйтесь к ним, как улитка к раковине. Всегда думайте, что в вашем доме им пожить и погостить суждено какое-то время, чтобы созреть к собственной жизни.

Дети не только цветы земли. Они еще и дары вашей всей Вселенной. Через них вы или помогаете возвышаться человечеству, или остаетесь инертной массой, тем месивом, из которого, как из перегнившего леса, лишь через тысячи лет рождаются уголь и алмаз.

Это неважно, каков будет первоначальный, тайный источник вашей накопившейся любви. Любя одного человека до конца, вы — именем его — будете служить миллионам.

Если сегодня любовь в сердце однобока и может понимать счастье только в любви к «своим», то завтра — по тем или иным причинам — сознание человека может расширяться, и он охватит своею любовью «чужих». Двигаясь дальше по пути совершенствования и знания, человек осознает, что нет вообще чужих и своих. Что есть везде и всюду такие же люди, как он сам. Этот человек мог продвигнуться дальше и выше. Другой мог сильно отстать и остаться еще в стадии двуногого животного. А третий мог так далеко шагнуть вперед, что приходится зажмуриться, чтобы иметь возможность на него посмотреть.

Важнее для праведника указать другому путь в рай, хотя бы самому и споткнуться. Не тот день считай счастливым, который тебе что-то принес приятное, а тот, когда

ты отдал людям свет сердца. Вглядывайся во всех встречаемых. Если ты встретил человека и не сумел подать ему утешающего слова — ты потерял момент счастья в жизни.

Верьте не в чудеса вне вас, а в чудо живущей в вас самой любви, притягивающей к себе весь огонь сердца встречного.

В любви не стоят на месте. Любовь — живая сила, и ее надо все время лить по новым и светлым руслам. Любовь признает один закон: закон творческой отдачи. И все то, что ты отдаешь людям, любя их, снисходя к ним, все это, как ручьи с гор, посылает тебе Жизнь.

Знайте твердо: до последнего момента надо верить и надеяться пробудить в человеке его святая святых. До последних сил сердца надо молить Жизнь о помощи заблуждающемуся, заблудившемуся или оступившемуся, ибо в каждом живет Она, а для Ее пробуждения нет ни законов логики человеческой, ни законов времени человеческого.

Держи сердце широко открытым. Следи, чтобы ни один его лепесток не закрылся. Лей молча любовь и не приходи в отчаяние, если человек не подбирает твоей любви, остается беспокойным и непросветленным. Не думай о последствиях, но всегда действуй сейчас.

Действовать не значит всегда и молниеносно побеждать. Это значит только всегда вносить пробуждение в дух человека, хотя бы внешне это имело вид, что ты не принес человеку мгновенного успокоения.

Сострадать — значит прежде всего мужаться. Так мужаться, чтобы бесстрашное, чистое сердце могло свободно лить свою любовь. А любовь, пощада и защита — это далеко не всегда ласковое, потакающее слово. Это и укор, это и удар любящей руки, если она видит, как падает дух человека, чтобы трамплином своей силы подкинуть огня в снижающийся дух и энергию человека. Это и награда за текущий день, прожитый в чистоте и творчестве.

Не отчаивайся, не считай себя бессильным в иные моменты жизни, когда стоишь перед скорбью и смятением человека и думаешь, что не можешь ему помочь. Нет таких моментов, где бы чистая любовь и истинное сострадание были бессильны, не услышаны теми, к кому ты их направляешь, и оставлены без ответа. Правда, не всегда твои чистые силы проявляются мгновенно внешней помощью

встречному. Факты внешнего благополучия, единственное, что ценят люди как помощь, далеко не всегда составляют истинную помощь. Но каждое мгновение, когда ты вылил помощь любви, как самую простую доброту, ты ввел своего встречного в единственный путь чистой жизни на земле: в путь единения в мужестве, красоте и бесстрашии.

Расширяйте действительную любовь в ваших сердцах в труде простого дня. Не думайте так много о себе, о подвиге своего спасения. Думайте чаще и больше о мире, о живущих в нем людях, ищущих любви, зовущих и молящих о помощи и спасении. Посылайте каждому сердцу вашего сердца привет. Это ничего не значит, что в момент сосредоточения и тишины вы не видите людей и мир. Вы — люди, вы — мир, вы можете так широко любить и благословлять людей, печальных, неустойчивых и несчастных в своей жизни, что волны вашего доброжелательства долетят до них и принесут им успокоение.

Никакая энергия, посланная человеком в доброте, не может пропасть в мире. Энергия зла окутывает только тех, в ком встречает раздражение. Тогда она может угнездиться в человеке. А энергия доброты не минует ни одно существо в мире и если не освободит, то облегчит каждого страдальца, мимо которого мчится.

Чем выше и дальше каждый из нас идет, тем яснее видит, что предела достижения совершенства не существует. Но дело не в том, какой высоты ты достигнешь сегодня. А только в том, чтобы двигаться вперед вместе с вечным движением Жизни. А войти в него, в это движение, можно только любовью. Если сегодня ты не украсил никому дня твоей простой добротой — твой день пропал. Ты не включился в вечное движение, в котором жила сегодня вся Вселенная; ты отъединился от людей, а значит, не мог подняться ни к какому совершенству. Туда путь один: через любовь к человеку.

Никто не может быть отделен от человечества ни в чем: ни в дурном, ни в хорошем. В каждом из нас воплощено все человечество. Это не риторический оборот, не художественный образ, а реальная действительность.

Все низменное и дурное, вызывающее у тебя естественное чувство отталкивания, протест, брезгливость, живет и в тебе же самом, но оно живет в связанном состоянии, запряганное так глубоко от тебя, что ты об этом и не подо-

зреешь. Иногда необходимо чрезвычайное обстоятельство, чтоб оно выявило себя.

Из этого вытекает призыв к неосуждению, которое имеет практический результат для самого тебя: отрицая и обличая других, ты не подозреваешь, что отрицаешь и обличаешь самого себя. Неосуждение важно еще как этап, предшествующий состраданию. Целительная сила сострадания, как некий бумеранг, возвращаясь к тебе же, помогает изжить в тебе то, что глубоко и подчас скрыто от тебя.

Но если в тебе живет все дурное и низменное, то, с другой стороны, в тебе живет все высокое и героическое. Но оно тоже находится в тебе в связанном состоянии, неосознанное тобою. Понимание этой стороны дела уничтожает питательную почву зависти: все высочайшее, что доступно избранным человечества, доступно и тебе. Просто нужно быть внимательным к себе и не бояться себя и силы своей.

Все действия человека куют его связь со всем миром. Как бы ты ни жил, отъединиться от связи с людьми ты не можешь. Ты можешь только своим поведением ковать ту или иную связь, ткать ту или иную сеть, в которую ловишь людей и ловишься сам. Тобой создается та или иная атмосфера добра или зла.

Постигни, что служение ближнему — это не порыв доброты, когда ты готов все раздать, а потом думать, где бы самому промыслить что-нибудь из отданного для собственных первейших нужд. Это вся линия поведения, весь труд дня, соединенный и пропитанный радостью жить. Ценность ряда прожитых дней измеряется единственной мерой: где и сколько ты выткал за день нитей любви, где и как ты сумел их закрепить и чем ты связал закрепляющие узлы. Оцени радость жить не для созерцания мудрости, не для знания и восторгов любви, но как простое понимание: все связано, нельзя отъединиться ни от одного человека, не только от всей совокупности обстоятельств»¹.

---

¹ Не правда ли, как это созвучно возвышенно-сострадательной традиции нашей русской литературы? Вспомните Достоевского, для которого одна-единственная слезинка ребенка могла пошатнуть всю гармонию мира и даже разрушить ее, вспомните стихи Маяковского: «Кровь! Выцеди из твоей реки хоть каплю, в которой невинен я!»

Утром, причем довольно рано, меня разбудил мелодичный звон колокольчика. Его сопровождало монотонное пение. Звон колокольчика повторялся потом каждое утро, и однажды я спросил у Святослава Николаевича: что это значит? Он пояснил, что, по представлениям индусов, дом его отца — ведь отца здесь называют то Махатмой, то Махариши, то Гуру-Дэвом — священный. Поэтому каждый день вне зависимости от погоды (жара ли, холод, дождь, снег, вьюга — все равно) местный пандит совершает ритуальный обход вокруг дома. Такова традиция.

После завтрака Святослав Николаевич уехал по делам в город. Я же отправился бродить по саду, опять спустился вниз к памятнику Рериха. Возвращаясь, я увидел, что у кедра-великана пандит (тот самый, что разбудил меня утром; он был смугл, худощав) готовится к какому-то обряду. Глиняная чаша была наполнена водой. На постаменте статуи у ног Гугу-Чохана горели благовонные палочки. Потом я узнал, что за два месяца до нашего приезда в дерево ударила молния. Ударил странном образом, не обуглив его, а как бы прорезав секирой. Пандит должен был спросить небо: к чему это — к добру или не к добру? Обряд-гадание заключается в следующем. В воду опускаются три навозных шарика: один — с лепестками розы, другой — с зернышками риса, третий — с травой. Если всплывет шарик с розой — значит к добру, если с рисом — то это еще полбеды, нужно принести очистительные жертвы и все будет в порядке, а вот если с травой — тогда худо. Всплыл шарик с лепестками розы.

Но этого я уже не видел, потому что прошел к себе, чтоб сделать кое-какие пометки в блокноте. Правда, уединение мое длилось недолго, ибо почти немедленно Девика послала за мной.

Надо сказать, что Девика принимала во мне — очевидно, как в бывшем индусе — самое живое участие. Она без конца забрасывала меня вопросами: как я себя чувствую? почему грущу? (если на минуту я позволял себе задуматься). Слова «мистер Сидоров» не сходили с ее языка. Она гадала мне по руке и, как водится в таких случаях, говорила мне кучу приятных вещей.

На этот раз она хотела познакомить меня с пандитом. Мы — Девика, Нина Степановна, я — уселись в плетеные кресла в тени деревьев, а пандит, подобрав ноги под себя, под палящим солнцем, которого он, по-видимому, не опасался, — на земле. Он пачал петь, покачивая равномерно головою в такт пению.

— Ригведа,— сообщила Нина Степановна.

В смысл слов я, естественно, проникнуть не мог, но сам ритм был замечательный: бодрый и в то же время умиротворяющий.

Короткая пауза: мы воспользовались ею, чтоб передвинуться поглубже в тень. А пандит поднялся и запел стоя, воздев свои руки к солнцу. Ритм пения резко изменился. Мне даже почудилось, что он стал несколько угрожающим.

— Гимн в честь огня,— сказала Нина Степановна.

Свет есть огонь, разжиженный огонь,
Огонь, которым управляют боги.

Этот мантрам о космическом огне, пронизывающем нашу земную сферу, мне показался довольно примечательным. С помощью Нины Степановны я записал его в свой блокнот.

«Огонь подступает к домам, лижет лица людей, а люди не знают. Но все ли люди не знают? Не все.

Тот, кто знает, но хочет знанье свое схоронить от людей,— будет сметен!

Тот, кто знает, но в страхе свои закрывает глаза,— будет сметен!

Тот, кто не знает и знать не захочет,— будет сметен!

Тот, кто не знает, но сердцем чист, как дитя,— будет спасен!

Огонь на огонь — в этом ваше спасенье. Утопчайтесь духовным огнем, берегите сердце чистоту.

Аум».

Но вот пение кончилось, и начался наш гималайский сатсанг. Пандит высказал твердое убеждение, что наша сегодняшняя встреча в сердце священных гор может означать лишь одно: все мы связаны кармически прежними рожденьями.

Я спросил у пандита, где он учился, откуда он знает столь досконально Веды (Девика говорила, что он может читать их часами наизусть).

Оказалось, что пандит не получил никакого образования — даже обычного, школьного,— а учился он у Махатмы, который жил некогда неподалеку отсюда в горной пещере. Будущий священнослужитель был мальчиком, когда Махатма взял его к себе. Двенадцать лет он был его учеником.

— А потом,— пандит взмахнул руками, как крыльями,— Махатма улетел.

— Как улетел?

— При помощи воздушной йоги. Как птица.

Поскольку в рассказах индусов порою очень трудно провести грань между действительностью и воображением (а сами они, убежденные в реальности тех или иных феноменов, не утруждают себя более или менее весомыми доказательствами), приходится это сообщение, как и многое другое, оставить на совести собеседника.

Узнав о том, что я пишу стихи, пандит одобительно кивнул, присовокупив к этому короткий мантрам, который в переводе выглядит так:

А творчество возникло из молитвы.
Да будет вновь молитвою оно!

Он убеждал меня быть устремленным в сторону вечного и духовного («Сейчас, как никогда, это исключительно важно для всех людей на земле»). Однако мне, по мнению пандита, следовало освободиться от большого внутреннего недостатка: его можно назвать самопогруженностью, можно — самовлюбленностью, а если быть совсем точным, то привязанностью к своему низшему «я».

— Когда пишешь, — учил меня пандит, — ты должен как бы отойти от жены, от семьи, от всего внешнего. Ты должен быть отстраненным, как махараджа. И все придет само по себе.

Когда я возразил, дескать, трудно полностью отключиться от забот, от суеты, пандит отвечал: совсем не трудно. Нужно решиться лишь один раз и потом не сворачивать с пути.

— Но, — пандит предостерегающе поднял указательный палец, — ни на мгновение не надо забывать: все, что звучит в тебе, идет не от тебя, а через тебя, сверху. Необходимо все время помнить об этом.

Должен признаться, что на первых порах меня поражало — потом я привык — упорное стремление индийского собеседника оберегать высокие слова, если они произнесены по тому или иному поводу, от давления своей личности. «Не я, а через меня». В какой-то момент разговора вам обязательно скажут это. Девика, которая призывала меня, собственно, к тому же, к чему призывал пандит, не уставала напоминать: «Но это не Девика вам говорит, а через Девику вам говорится». То же самое заявлял и пандит, когда напутствовал меня, прощаясь. А сказал он мне следующее:

— Вся жизнь — ряд черных и розовых жемчужин. И плох тот человек, который не умеет посить в спокой-

ствии, мужестве и верности своего ожерелья жизни. Нет людей, чье ожерелье жизни состояло бы из одних только розовых жемчужин. В каждом ожерелье чередуются все цвета, и каждый связывает жемчужины шнурком своих духовных сил, нося все в себе.

Есть ученики, дарящие жемчужины черные: они идут путем печалей и несут их всем встречным. То не твой путь. Есть ученики, дарящие всем розовые жемчужины радости, и тот путь тебе определен.

Но навсегда запомни, что путь ученичества равно велик перед Вечностью, несешь ли ты в своей чаше розовые жемчужины радости или черные жемчужины скорби. Чаша радостного только кажется легче. На самом же деле людям одинаково трудно нести в достоинстве, равновесии и чести и чашу радости, и чашу скорби.

— Собственно, что такое радость? Если есть примесь личного, то это не радость. Подлинная радость не имеет точки отсчета, ибо личность растворена в Беспредельности. Существо дела можно выразить словами: радость — это жизнь Беспредельного в тебе и через тебя.

Так говорил Святослав Николаевич, продолжая тему, затронутую пандитом. После обеда и короткого отдыха хозяева вызвались показать нам ближайшие окрестности. Мы вышли за ограду дома и вскоре очутились в лесу. Нас предусмотрительно снабдили палками, потому что лес изобилует крутыми спусками и подъемами и на узкой тропинке легко было поскользнуться. Мне вручили толстую трость с монограммой: N. K.

— Если тоска — это сужение сердца, то радость — его расширение. А радостное расширение сознания называется мудростью.

В некоторых духовных источниках страданию противопоставляется радость, что, на мой взгляд, совершенно неправомерно. Эта дуада противоположностей, очевидно, должна выражаться словами: страдание — удовольствие. Радость (если мы определяем ее как особую мудрость) может быть связана с состоянием удовольствия и страдания, а может быть не связана. Не секрет, что удовольствие, особенно низменного плана, ведет отнюдь не к радости, а к разочарованию и скорби. А страдание, внутренне осмысленное и внутренне пережитое, может привести в светлую гавань радости. Во всяком случае, радость — это то свойство души и духа, к которому надо стремиться, а не изжи-

вать, и потому не следует ставить радость в дуаду противоположностей.

Спутницы, увлеченные своим женским разговором, сильно от нас поотстали. Поджидая их, мы сели на сваленное ветром дерево. Святослав Николаевич снял шляпу, положил ее на колени. На его мизинце веселым синим светом играл сапфир. («Дар реки Биас», — рассказывал Святослав Николаевич. Он нашел камень на берегу реки и отдал оправить его.)

— Мудрецы утверждают, что огонь творчества раскрывает двери духу, и потому творчество дает радость человеку, ни с чем не сравнимую. Путь искусства один из самых трудных на земле хотя бы потому, что не всем, как говорится, да по петь песню своей любви и кто-то должен петь песню любви лишь для других, проявляя тем самым величайшее самоотвержение. Учителя Востока считают, что талант, гений не должен выбиваться из состояния радости, в котором он постоянно пребывает как гонец Света. Учителя Востока, обращаясь к служителю Муз, говорят... — Святослав Николаевич помедлил мгновение — память у него отличная, доброжелательно-строгим голосом произнес слова, по всей видимости, давным-давно ему известные: — «Если ты творил свое создание, наполненный личными чувствами, оно затронет в каждом только его личное, и больше ничего. Творец красоты песет ее людям, забыв о себе. Он творит там, где кончается личное. Он любит и чтит людей, а потому и может единиться с ними в красоте и единить их в ней. Он не одержим страстями». А, обращаясь к писателю, Учителя Востока говорят... — Святослав Николаевич хитро прищурился, глядя на меня: — «Пиши просто». — Он сделал многозначительную паузу. — И добавляют: «Но ведь какая бездна мудрости должна жить в сердце человека, чтобы сказать о жизни другого или о своей просто».

И вот что они еще говорят. Путь писателя разный. Один много вещей напишет, будто бы и пужны они его современности. Но, глядишь, прошло четверть века — и забыли писателя люди, хотя и читали его, и награждали его. Другой — мало или даже одну вещь написал, а живет его вещь века, в поговорки войдет. В чем же здесь дело? В самом простом. Один писал и сам оценивал свои сочинения, думая, как угодить современникам и получить побольше благ. Он временного искал — временное ему и ответило.

Другой осознал в себе единственную великую силу: огонь Вечности. Он и в других старался его подметить.

Старался видеть, как и где человек грешил против законов Вечности, и страдал от распада гармонии в себе. Замечал, как другой был счастлив, сливаясь с Вечностью, и украшал жизнь окружающим. И такой писатель будет не только отражать порывы радости и бездны скорби людей в своих произведениях. Он будет стараться научиться так переживать их жизнь, как будто сам стоит в обстоятельствах того или иного человека. Но мало и стать в обстоятельства каждого, надо еще найти оправдание каждому в своей доброте, и только тогда поймет писатель, что значит описать жизнь человеческую «просто».

Как вы знаете, мой отец считал, что наступает время для нового искусства, для искусства принципиально нового типа. Он был убежден, что старые формы художественного самовыражения, по существу, исчерпаны. Доказательство этому в литературе — Толстой и Достоевский. Они обозначили некий предел для искусства, который уже не преступишь, и они же, с другой стороны, вывели искусство на некий рубеж, за которым открываются совершенно новые перспективы. Толстой, как, может быть, никто другой, чувствовал, что новое вино вот-вот прорвет старые меха. Отсюда столь яростное отрицание прежнего себя. Ему казалось, что слово и жизнь разделяет какая-то зыбкая, почти не осязаемая грань. Еще шаг — надо его лишь сделать, — и она будет преодолена.

В чем различие между старым и новым искусством? На мой взгляд, оно в следующем.

Произведения старого искусства мы воспринимаем отстраненно, по большей части созерцательно. Конечно, читая того же Толстого или Достоевского, мы волнуемся, переживаем за героев, испытываем возвышенные чувства. Но, отложив книгу в сторону, мы, как правило, принимаем за старое. Вот и получается, что искусство катится в одной плоскости, а жизнь наша — в другой. Они как параллели, которые пересекаются лишь в нашем воображении. Искусство нового типа, если хотите, является как бы эхом и отражением той Беспредельности, где эти параллели пересекаются не в воображении, а на самом деле.

Произведения нового искусства — тут прежде всего приходят на ум картины отца — требуют активности и, главное, немедленного подключения к их току. Контакт с его полотнами не может быть созерцательным. Или он есть, и тогда начинается устремленная внутренняя работа, которая представляет собой как бы совместную медитацию с автором, начинается трансформация, которая име-

ет шансы стать необратимой. Или его нет, и тогда произведение паглухо закрыто от тебя. В последнем случае требуется одно: не торопиться с выводами. Не надо спешить, не надо суетиться, а тем более в упрямой запальчивости отрицать. Может быть, время твое еще не пришло.

Отличительный признак наших дней — разрыв между мыслью и действием, которым болели предыдущие эпохи, должен сократиться, а завтра сойти на нет. Поэтому завет нового искусства: Мысль — Действие.

Но, конечно, вопрос не ставится в плоскости: какое искусство лучше — старое или новое? И, конечно, нет непроходимой границы между старым и новым искусством. В творениях мастеров прошлого можно увидеть проблески, вспышки искусства грядущего. Просто то, что у них было интуитивным, спонтанным, случайным, сейчас становится вполне осозанным и целенаправленным процессом.

Какие вещи я склонен отнести к искусству нового типа? Стихи-медитации моего отца (вы составляли его сборник и в предисловии слегка затронули эту проблему). И, разумеется, его полотна. Как вы знаете, в Индии их называют медитациями в красках. Это очень точно сказано, и вы правильно написали в свое время об этом:

Сиянье красок, рериховских красок —
Сверкающая мысль Учителей.

В этот вечер засиделся допоздна. При свете керосиновой лампы — электричество в тот день отключили — я перечитывал выписки из своей старой «индийской» тетради, удивляясь тому, как точно совпадает их пафос с мыслями Святослава Николаевича о новом искусстве и отличительных признаках его.

«Никто не идет в одиночестве, а менее всего тот, кто несет людям завет новый.

Но людей таких чтобы приняли безоговорочно в цельной верности новый завет своей современности, — мало. Большинство старается примирить слово новое со старыми предрассудками. И выходит у них халат из старой затасканной мешковины с новыми яркими заплатами. Они не чувствуют этого уродства, не страдают от дисгармонии, потому что их понятия о гармонии — детские. Устойчивости в них нет, и Вечностью, в ней полагая весь смысл своего текущего сейчас, они не живут. Страдает от бурь и отрицания толпы больше всего тот, кто принес завет новый.

Многие миллионы сознаний, где еще закрыт выход духу, живут, запертые в крепости ограниченно-заземленных идей ума не менее надежно, чем те миллионы, что постоянно ищут духовных путей, а живут в узких рамках личного. Первые, отрицающие духовную жизнь, часто бывают цельнее и находят путь к истине скорее и легче. Вторые — «искатели» — чаще всего так и умирают в двойственности, ища в идеях и фантазиях, а в земном сером дне живя в лапах личных желаний.

Можно стоять у источника Жизни и не видеть его. Поэтому в предстоящих встречах никогда не удивляйся, если люди будут слушать твои слова и не слышать, то есть не понимать их смысла. Будут знакомиться с твоими произведениями, выбирать то, что им будет нравиться, и пожимать плечами на все остальное, что они будут связывать с твоею им не правящейся или им непонятною личностью, и говорить: «Мало ли кто и что выдумывает?» В этих случаях ты помочь людям ничем не сможешь, так как их глаза еще не пробудились и потому видеть не могут.

Старайся раскрыть сознанию человека, что ни один из идеалов, носимых в уме как теория, не может иметь активного воздействия на сердце и дух человека.

Проповедуй в произведениях: только тот человек может войти в полное понимание своей роли на земле и понять смысл жизни, кто в своем куске хлеба не ощущает горечи, то есть в ком исчезло окончательно чувство зависти. Тому, кому еще свойственны сравнения своей судьбы с судьбами других, нет места в предстоящей деятельности людей будущего. Полная радостная самостоятельность и независимость каждого есть остов будущего человечества.

Неси не проповедь, ибо проповедь есть знание, не подкрепленное собственным примером. Гонец Света должен найти силу жить так, как звучат передаваемые им слова, он должен утверждать в действии то, что дерзнул сказать. Только тогда слова ваши взойдут как семена, а не как плевелы. По жатве понимайте силу и чистоту собственного посева.

Слово мира и любви неси не как возобновленный догмат: учи людей жить без догмата. Пытайся разъяснить тягчайшее заблуждение: жить духовно по указке другого.

Человек будущего должен жить в полной свободе, то есть в полном раскрепощении. Как самостоятельный труд, так и самостоятельное духовное развитие необходимо будущему человеку, психические чувства и силы которого

будут легко развиваться. Но условием для их ценного и истинного развития должна быть полная устойчивость в своей самостоятельности, что равносильно непоколебимой верности.

Идите, легко выполняя свои задачи, и не ждите восходящих сейчас же плодов вашей работы. Вы — новые пахари; колосья созреют. Не о плодах труда заботьтесь, но о том, чтобы в вас никогда не мелькнуло желание награды или похвалы за ваш труд.

Не ждите, что вас встретят приветом, оценят и признают. Вы будете унижены и огорчаемы; будете осмеяны и оклеветаны не раз; но для этих обстоятельств идите глухими и слепыми. Им нет отклика в ваших сердцах. Там живет только Радость — Действие. Она встречает каждого, и Она же его провожает».

31 мая — четвертый день нашего пребывания в Гималаях — превратился в тишично туристский день. С утра мы выехали в Манали, город, носящий имя древнего законодателя Индии Ману. Город — он в основном состоит из отелей (многие из них деревянные) и старинных индуистских храмов — расположен примерно в двенадцати милях от Нагара. Ныне он стал модным курортом. Летом, спасаясь от жары, сюда стекается много публики (как правило, это люди состоятельные).

В одном из отелей Святослав Николаевич снял для нас два гигантских номера: на первом и втором этаже. Меня погнали наверх.

Мой номер представлял собой четыре комнаты с ванной и верандой. Я понятия не имел, чем мне заняться, бродил по пустынным комнатам, рассматривая английские литографии на стенах, изображавшие старинный Лондон, Темзу под дождем, аккуратные зеленые лужайки. Окончательно соскучившись, спустился вниз.

На мой взгляд, не было особой нужды в таких роскошных апартаментах. Почти сразу по маршруту, намеченному Святославом Рерихом, мы направились в древний храм — храм богини Кали. Он находился в глубине кедрового леса. Когда-то в древние времена там совершались ритуальные человеческие жертвоприношения. Так как мы постоянно шутили пикировались с Ниной Степановной, то она предложила возобновить традицию и принести в дар богине мою голову.

— Ну зачем быть столь кровожадной, — возразил Свя-

гослав Николаевич.— Мы приготовили богине хороший дар.

Повинуясь его жесту, шофер вытащил из багажника большой полосатый арбуз.

Народу в храме было немного. Читали мантры, кидали к подножию статуи богини цветы и лепестки цветов. Вела службу невысокая жрица с приятным лицом.

Порядок службы, как я понял, особой строгостью не отличается. Прервав ритмическое пение, Девика что-то сказала громко и внятно. Взоры присутствующих обратились к ней. Указывая на меня, Девика сообщила, что я из Москвы, из России. Жрица и прихожане приветливо мне улыбнулись. Снова пение, снова мантры. И снова Девика прерывает службу, чтобы поделиться пришедшей ей в голову мыслью. Указывая на меня, говорит: «Когда гости посещают наши места, на наши поля нисходит благословение».

Святослав Николаевич увековечил на снимке нашу группу тотчас после выхода из храма. Мы сидим на бревне с улыбающимися, несколько отрешенными лицами. На лбу у меня пятнышко от цветочной пыльцы — результат благословения служительницы богини Кали.

После храма — благо это было неподалеку — тибетский базар. Он поразил нас разноязычным гулом, многолюдьем и... обилием хиппи.

Хиппи — длинноволосых, босоногих, в одеждах с яркими цветными заплатками — в то время можно было встретить и в Нагаре, и в Манали, и в других местах. Казалось, что они сговорились оккупировать долину. Они — с некоторыми из них мы заговаривали — съехались отовсюду: из США и Канады, из Англии и Франции. Особое впечатление произвела на нас голубоглазая шведка с двумя кудрявыми ангелоподобными мальчуганами: каждому из них пять-шесть лет, не более. Умиленная Девика гладила их по голове: сначала одного, потом другого.

Нашествие хиппи объяснялось двумя причинами.

Во-первых, относительной дешевизной здешней жизни.

Во-вторых — и это самое главное, — тем немаловажным обстоятельством, что в долине растет индийская конопля, из которой легко при помощи примитивных кустарных средств можно изготавливать гашиш. Хиппи — если не все, то многие — овладели этим способом добывания наркотического эликсира, курят в одиночку и группами гашиш и таким образом без особых трудов и усилий достигают блаженного состояния пирванги.

Местное население относится к ним лояльно. Они примелькались, на них уже и внимания не обращают. Хиппи вообразили, что они обрели землю обетованную. Они даже обратились в ООН с просьбой или требованием (соответствующая петиция была испещрена многочисленными подписями) разрешить основать в долине Кулу суверенное государство, где жили бы только хиппи.

Мы совершили экскурс по магазинчикам шумного торжища, где нам паперебой предлагали старину или подделку под старину. Как здесь принято, перед нами на прилавок, чтоб легче было выбрать, высыпали кучу самоцветных и полудрагоценных камней: бирюзу, бериллы, большие оранжевые топазы. Иногда в грудке острыми гранями вспыхивал невиданный нами кристалл: относительно недорогой (ибо до уровня драгоценного камня он не дорос) белый сапфир. Но мы не приценивались, мы просто любовались вещами. Выбрать для себя что-нибудь в подарок, как просил Святослав Николаевич, мы отказались. Тогда, не спрашивая нашего разрешения, он купил, чтобы осталась память об этом дне, изготовленные местными ремесленниками сукошные шапочки с синими отворотами: одну Нине Степановне, одну мне, одну моей дочке — ей был тогда год — на вырост.

Обедали в отеле. Заказывая еду, мы ориентировались на европейскую кухню. Правда, на столе стояло — это уже инициатива Святослава Николаевича — и несколько индийских блюд. Он рекомендовал мне отведать местный фирменный суп, пододвинув тарелку с огненно-красной жидкостью. Но я был уже человек ученый и с опаской зачерпнул небольшую ложку варева, по виду похожего на томатный сок. Как я и ожидал, это оказалось острой, чуть ли не воспламенявшейся во рту смесью. Ни дать ни взять — гремучая ртуть.

— С меня достаточно, — решительно заявил я, отодвигая тарелку. — Мне кажется, я уже получил полное представление о местной кухне.

После обеда маршрут был продолжен. Пятнадцать минут езды на машине — и мы перенеслись на целую эпоху назад. Индийская деревня — почти точная копия какого-нибудь русского дореволюционного села. Была как раз пора обмолота (здесь снимают два-три урожая в год). Крестьяне с обнаженными спинами под палящим солнцем молотили деревянными цепями связки снопов. В пыли барахтались голые ребятишки. Очнувшись от сонного оцепене-

ния, яростно лаяли на чужаков лохматые собаки. Казались, что перед нами ожила живописная картина прошлого или позапрошлого века.

Правда, в отличие от нашей бывшей деревни дома здесь в основном двухэтажные, с просторными верандами. Но по существу это те же избы, только более высокие. Даже храм Рамы, куда с решительным видом повела нас Девика, был таким невзрачным, что, пожалуй, напоминал сарай.

Мы прошли внутрь помещения. В полумраке поблескивала бронзовая статуя. На ногах и торсе были заметны свежие, довольно глубокие вмятины.

Жрец, сопровождавший нас, лаконично и сдержанно объяснил ситуацию. Оказывается, в последние годы на их долину обрушилось подлинное бедствие. Иностранцы туристы — по словам священника, в большинстве случаев это американцы — на быстроходных машинах под покровом ночи совершают паломничества на храмы, расположенные в глухих местах. Взламывают двери, тащат, что попадет под руку. Проникли они и сюда. Хотели похитить бронзовую статую. Но не учли, что она прочно вмонтирована в бетонный цементированный пол. Пытались взломать бетон, но не хватило времени. Тогда, очевидно со зла, что план не удался, нанесли несколько ударов по бронзовому изображению Рамы.

Солнечные лучи вспыхнули на металлическом лице божества, создавая иллюзию улыбки. Девика прошептала:

— Загадайте желание.

— Зачем?

— Не спрашивайте, но обязательно загадайте.

Потом с детской настойчивостью она допытывалась, что я загадал, но я отвечал, что это — секрет.

Лишь спустя несколько лет я догадался, зачем Девика заставила меня это сделать. Из трансгималайского дневника Рериха я узнал, что в Индии с долиной Кулу связано устойчивое поверье: здесь исполняется любое желание. Вот Девика и решила мне «удружить», не раскрывая в то же время непосвященному сокровенной тайны волшебной долины.

На обратном пути во исполнение заранее намеченной цели я остановил машину. Попросил спутников немного подождать, а сам спустился к реке, рассчитывая собрать на память о поездке два-три десятка гималайских камешков. Девика тут же отправила вслед за мной двух рослых слуг: а вдруг, не дай бог, я поскользнусь и упаду. Но я

благополучно избежал их опеки и очутился на берегу стремительно несущегося потока. Конечно, я не был столь везуч, как Святослав Николаевич: никакого сапфира я не нашел. Но зато очень скоро сделался владельцем довольно большой коллекции камней разнообразных форм и оттенков. Некоторые из них весело поблескивали искорками слюды. Потом в Москве я щедро одаривал этими гималайскими сувенирами своих друзей.

Возвратившись, мы увидели во дворе дома большую группу молодых людей. Это были студенты лесной академии, только что завершившие осмотр галереи Николая Рериха. Святослав Николаевич вступил с ними в разговор. А Девика прошла в дом, вынесла оттуда круглую коробку с конфетами и стала угощать слушателей. К тому времени Святослав Николаевич очутился в центре группы. С ходу он начал импровизированную лекцию об уникальной флоре гималайской местности. Надо сказать, что его познания в области ботаники основательны и обширны. В тридцатые годы, например, он сотрудничал во французских сельскохозяйственных журналах — там появилось немало его статей; в те же годы он вел переписку с директором нашего Института растениеводства Николаем Ивановичем Вавиловым, посылал ему по его просьбе опытные образцы семян редких злаков.

Из рассказа Святослава Николаевича больше всего мне запомнились его слова о валериане.

— Валериана и арника,— говорил Святослав Николаевич,— самые древние долгожители нашей планеты: им десятки миллионов лет. За долгие века человеческой истории накопилось немало сведений об их чудесных и врачующих свойствах. В древности сок валерианы называли животворящей кровью всего растительного мира. Валериановый папюток, изготовленный по рецепту гималайских рини, считался одним из самых действенных средств против болезней, прежде всего первого характера. Способ его изготовления таков: чайная ложечка измельченного валерианового корня заваривается крутым кипятком; пропорция: стакан воды на ложечку; затем примерно полчаса воду настаивают, процеживают и пьют, как пьют чай.

Способ, как видите, прост, но зато не просты обязательные условия употребления лекарства. Их два.

Первое — регулярность. Чашку валерианового чая надо выпивать ежедневно, ни при каких обстоятельствах не допуская перерыва.

Второе — длительность. Валериановый чай следует пить по меньшей мере в течение полугода, а то и больше.

Кроме того, валериановый эликсир нужно использовать в комплексе с другими вещами. Рекомендуется, в частности, чтение книг, способствующих установлению духовного равновесия. Естественно также, что на это время полностью исключаются алкоголь и курение.

«Лекция» кончилась, но не кончились посетители. Едва мы со Святославом Николаевичем проводили студентов, как у ограды вырос высокий чернобородый юноша с жестким и упрямым выражением на лице. Он задал вопрос, который любого другого человека — по не Святослава Николаевича! — непременно бы ошеломил и поставил в тупик. Он спросил, не может ли мистер Рёрих подсказать, как пройти в Шамбалу? Не вдаваясь в длинные разговоры, «мистер Рёрих» спокойно и односложно ответил, что нет, не может.

Лицо юноши обрело еще более жесткое выражение. Он вновь обратился к Святославу Николаевичу:

— Может быть, путь в Шамбалу знают в буддийском монастыре; говорят, что он неподалеку отсюда.

Святослав Николаевич резонно заметил:

— Об этом надо спросить там. А путь в монастырь я вам могу показать.

Он объяснил, в каком направлении следует идти. Не поблагодарив, не попрощавшись, так же внезапно, как и возник, чернобородый путник исчез в наступающих сумерках.

Огонь космический давно бы сжег всю Землю,
Когда б не Шамбала. Она Огонь высот
Как бы экраном неким ослабляет,
Рассеивает жесткие лучи.

Духовной жатвы сроки настают,
И Шамбала в сердца людей стучится.

Не забывай о Шамбале подумать
В тревогах мира, в суете его.

Мысль к Шамбале твоя должна тянуться,
Дабы ее энергию впитать.

Зовите Шамбалу — она ваш зов услышит.
Идите в Шамбалу, коль чуете ее.

Ступеньки творчества всех истинных творцов
Ведут всегда в единую обитель.

Кто знает, не обителью ли этой
Они и посланы людей с собой вестн.

...И осенен путь в Шамбалу словами,
Которые просты и не просты.
Три знака, три девиза, три призыва:
Бесстрашье. Бескорыстье. Беспредельность.

Огонь соединяется с Огнем —
Так Шамбала с тобой соединится.

Мы — тонкая материя Огня.
Духовный взлет и устремленность мысли.

Рать Шамбалы готова для похода.
Разведку боем начинайте вы.

Знамена Шамбалы незримые над вами,
Над теми, кто великий бой ведет.

А тьма должна достигнуть апогея,
Сгуститься, чтоб рассеянно быть.

Шамбала, по словам Николая Константиновича Рериха, краеугольное попятие Азии. Сокровенная священная страна ришп и Махатм, подвижников и мудрецов в разных легендах и сказаниях выступает под разными наименованиями. Шамбала буддистов, она же таинственная Калапа индусов, она же обетованное Беловодье наших староверов, бежавших во времена церковного раскола на Алтай. Литература о Шамбале, содержащая самые разноречивые сведения, достаточно богата: не только сказки и мифы, тут и записи путешественников, и научные предположения. Наиболее полным образом все это систематизировано и обобщено в гималайском дневнике Рериха «Сердце Азии», во второй части его путевых записок — «Шамбала». Дневник вошел в книгу избранной прозы художника, опубликованной у нас в семьдесят девятом году. К ней я и отсылаю читателя, если он захочет глубоко и обстоятельно ознакомиться с данной проблемой.

Согласно древним и новым преданиям, Шамбала имеет свои географические ориентиры, правда, смутные и неопределенные (как всегда в материалах такого рода): где-то в высоких горах, где-то в Гималаях, где-то в районе Тибета. Есть люди, якобы побывавшие в этой таинственной стране и оставившие описания гигантских библиотек Шамбалы, где собраны уникальные манускрипты всех времен и народов, ее лабораторий, оснащенных неизвест-

ной техникой (исследование процессов на Солнце и космического пространства, говорят эти люди, здесь велось еще тогда, когда бытовало убеждение, что Солнце вращается вокруг неподвижной Земли). В большинстве рассказов можно встретить упоминание о многоярусной Башне, где с незапамятных времен хранится главное сокровище Шамбалы — камень счастья (Чинтамани) — дар созвездия Ориона. Этот посланец Космоса вот уже в течение многих веков своими излучениями оказывает исключительно мощное и благотворное воздействие и на физическую атмосферу планеты, и на духовно-психическую (ноосферу, если прибегать к термину Вернадского).

Все описания сходятся в одном пункте: в этой запovedной и практически недоступной для людей горной стране живут просветленные существа, опередившие человечество на целую эпоху. Они давно уже овладели тонкими видами энергий, в том числе и так называемой психической энергией.

Некоторые современные интерпретаторы Шамбалы пытаются с ее помощью объяснить наличие тех эзотерических знаний древности, которые поражают наше воображение: трудно, например, понять, откуда задолго до развития современной астрономии могли появиться сведения о двух спутниках Марса. Теперь загадка получает ответ: видимо, все это обрывки знаний, которые пришли из Шамбалы, говорят люди, верящие в ее существование. Нет нужды объяснять, говорят они, почему посланцы Шамбалы делятся своими знаниями с сугубой осторожностью, почему посвящают они в свои тайны узкий круг определенных лиц. Ведь при невысоком духовно-правственном уровне человека добро с легкостью превращается в зло. Превращается оно в зло и в неумелых руках: недаром говорится, что благими намерениями дорога в ад вымощена. Неизвестно еще, сколько раз преждевременно полученные знания являлись причиной катаклизмов и гибели тех или иных цивилизаций.

Нетрудно заметить, что предания о Шамбале оказали определенное влияние на устремленную, ищущую мысль современности. Они получили причудливое преломление в научно-фантастической литературе (вспомним хотя бы многочисленные романы о неземных цивилизациях, опередивших нашу), отзвук их чувствуется в некоторых оригинальных космогонических концепциях. Опираясь на мифы и предания, иные склонны видеть в Шамбале пункт своеобразной стыковки с Космосом. Через Шамбалу, пред-

полагают они, Космос издревле осуществляет постоянные контакты с нашей планетой.

Итак, согласно легендам и преданиям, Шамбала имеет свое место под Солнцем. Но вот что очень и очень важно. Во всех преданиях подчеркивается, что Шамбала не только и не столько географическое понятие, сколько категория высокого духовного плана. Было бы паивным заблуждением думать, заявляют современные увлеченные комментаторы преданий, что, узнав о факте существования Шамбалы и преодолев физические препятствия, можно легко и просто достичь ее пределов (так, очевидно, полагал наш сегодняшшний чернобородый собеседник). Простая логика подсказывает тут иное. Если Шамбала существует, то, используя тонкие и совершенные виды энергий, она в состоянии поставить вокруг своих границ невидимый, но непреодолимый заслон. Иногда ссылаются на рассказы Пржевальского и Рериха, содержащие сведения о наличии неких полей, воздействующих на психику и подсознание живых существ. Из этих рассказов известно, что в Центральной Азии есть районы, куда ни за какие блага мира вас не поведут местные проводники. Вблизи тех же заповедных границ животные испытывают необоримое чувство страха: останавливаются как вкопанные, и сдвинуть их с места практически невозможно. Известны феномены и другого порядка. Есть места, которые неожиданно призывает волна благоуханных ароматов; в небе появляются аппараты странной формы (в трансгималайском дневнике Рериха дано описание одного из таких аппаратов, фигурирующих ныне под общим названием НЛО).

Собственно говоря, все предания о Шамбале подводят к одному и тому же выводу: чтобы попасть в Шамбалу, нужно, чтоб она пожелала принять тебя. А для этого, в свою очередь, нужно, чтоб, как говорили Учителя древности, «руки были чисты и слова мудры». Нужна внутренняя работа по преображению себя. Незыблемо было, есть и остается одно: истина в нас, главный источник знания в нас. Вскрой этот источник в себе, а все внешние обстоятельства не замедлят себя проявить в соответствии с твоим внутренним импульсом.

Понятие Шамбалы как бы соединяет внешнее чудо (страна Махатм и Учителей, которая в принципе может стать для тебя достижимой) и внутреннее, каковым является очищение и преобразование себя. Таким образом, это понятие, олицетворяя собой мечту о лучшем, о сказочном будущем, ставит ее на практические рельсы.

Следует заметить, что именно в те годы, когда тема Шамбалы стала одной из главных (если не главной) в творчестве Рериха, выявилось знаменательное обстоятельство, что вера народов Азии в страну обетованную слилась с их революционным порывом. Может быть, ярчайшее свидетельство этого — вождь монгольской революции Сухэ-Батор, автор песни о Шамбале. Песня превратилась в подлинный гимн народной армии.

Умрем в этой войне,
Чтобы родиться вновь
Войнами Владыки Шамбалы.

С этими словами на устах мчались в атаку монгольские конники.

Несомненно, что пробуждению интереса к проблеме Шамбалы весьма способствовали исследования и книги Рериха, а также его знаменитая трансгималайская экспедиция двадцатых годов. В его записках можно найти сообщения о беседах с Махатмами, которых восточная традиция издавна считает представителями Шамбалы. Информация о беседах крайне скупа, но сам факт этих встреч Рерих не отрицает. Более того, собираясь в двадцать шестом году в Советский Союз, в Москву, он официально мотивирует цель поездки тем, что выполняет поручение Махатм. В июне двадцать шестого года Рерих вручил наркому иностранных дел Чичерину послание Махатм. Впервые опубликованное в шестьдесят пятом году в журнале «Международная жизнь», впоследствии оно стало широко известным, многократно перепечатывалось в журналах и книгах. Тем не менее, я думаю, будет не лишним напомнить содержание этого чрезвычайно важного и принципиального документа:

«На Гималаях мы знаем совершаемое Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь Космоса. Вы открыли окна дворцов.

Вы увидели неотложность построения домов Общего Блага.

Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность Вашего движения и посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая Единение Азии! Знаем, многие построения совершатся в годах 28—31—36. Привет вам, ищущим Общего Блага!»

Рерих передал также Чичерину ларец с гималайской землей. В сопроводительной записке имя вождя революции впервые ассоциировалось со священным для всего Востока понятием — Махатма: «На могилу брата нашего Махатмы Ленина». «Не было другого, кто ради общего блага мог бы принять бóльшую тяготу», — говорилось о Ленине.

Пожалуй, глобальный и сокровенный смысл этого события состоял уже в том, что недостижимые ранее небеса как бы заземлялись. То, что считалось далеким идеалом, сказкой, мифом, ныне на практике сближалось с политической реальностью нового времени — Советской страной. Приветствуя от имени Шамбалы Октябрьскую революцию, Махатмы тем самым высвечивали, если хотите, ее космическую роль. Это было столь ошеломляющим, что не все сподвижники Рериха на Западе могли бы вместить в свое сознание всю значимость события. Вот почему о миссии Рериха были осведомлены лишь самые ближайшие друзья. Другие же узнали о целях московской поездки Рериха и о письме Махатм с большим опозданием, спустя несколько десятилетий, из публикаций в советской прессе.

В 1927 году в Улап-Баторе — этот год был знаменательным для культурной жизни Монголии: в отсталой стране открылись первые типографии, началось книгопечатание — Рерихи выпустили в свет на русском языке книгу «Община». Она представляла собой записи бесед с Махатмами, с которыми Рерихи встречались во время экспедиции. Первое издание вышло крайне ограниченным тиражом, а последующие — в частности, рижские — содержали весьма значительные пропуски (купюры делались с учетом конкретной ситуации того времени). Поэтому полный текст книги зарубежным последователям Рериха был практически неизвестен. А между тем именно в изъятых местах конкретизировались и развивались

мысли, тезисно и лаконично изложенные в письме, адресованном Махатмами Советскому правительству. Вот что, например, говорилось о Ленине:

«Могут спросить: «Какие признаки Учителя ценить?» Вы уже знаете о качестве действий и можете уже заметить новые подходы к действию. Надо предпочесть того Учителя, который идет новыми путями. В этом люди Северной Страны имеют отличный пример — их Учитель Ленин знал ценность новых путей. Каждое слово его проповеди, каждый поступок его нес на себе печать незабываемой новизны. Это отличие создало зовущую мощь. Не подражатель, не толкователь, но мощный каменщик новых руд. Нужно принять за основание зов новизны.

Мополитность мышления бесстрашия создала Ленину ореол слева и справа. Даже в болезни не покинуло его твердое мышление. Его сознание, как в пещеру, сосредоточилось, и вместо недовольства и жалоб он удивительно использовал последнее время. И много молчаливой эманации воли посылал он на укрепление дела. Его последние часы были хороши. Даже последний вздох он послал народу.

Почтим Ленина со всем пониманием. Явим утверждение Учителя, сохранившего постоянно горение в удаче и в неудаче. Среди чуждых ему сотрудников нес Ленин пламя неугасимого подвига. Учение не прерывалось ни усталостью, ни огорчениями. Сердце Ленина жило подвигом народа. У него не было страха, и слова «боюсь» не было в его словаре. Ярко успел он зажечь своим примером свет. Руша, создавал он сознание народа».

Без особых комментариев ясно, что эти тексты, исполненные суровой и своеобразной поэзии, заключали в себе динамит. То, что Ленину — Махатма, вытекало из самого определения понятия, содержащегося в книге: «Махатма означает великая душа, вместившая явления нового мира». Поэтому авторы книги призывают воспринимать появление Ленина «как знак чуткости Космоса». Естественно также, что они связывают фигуру Ленина с другим космическим понятием — Шамбала, которое для Махатм, как об этом свидетельствуют их собственные слова, вполне осязаемая реальность. («Проследите, как на Востоке произойдет слово Шамбала. Попробуйте хотя бы по-

много впикинуть в идеологию этого понятия. Попробуйте понять ритм построения речи о Шамбале, и вы ощутите великую реальность, которая потрясает струны человечества. Пусть разум поможет взвесить ценности, накопленные лучшими устремлениями». В книге имеется любопытное сообщение о том, что представители Шамбалы посещали Маркса в Лондоне, а спустя полстолетия — Ленина в Швейцарии. «Явно было произнесено слово Шамбала. Разновременно, но одинаково оба вождя спросили: «Какие признаки времени Шамбалы?» Ответчено было: «Век истины и мировой общины». Оба вождя одинаково сказали: «Пусть скорее наступит Шамбала».

Разумеется, трудно судить, насколько данный факт соответствует действительности: одни считают, что это правда, другие — что это легенда. Но для нас тут существенно иное. В книге четко и ясно высказано — эта нота звучит с начала и до конца (в приведенном отрывке тоже) — восторженное отношение к Ленину, к нашей революции, к Советской стране. Причем высказано в трудные для нас двадцатые годы, когда мы были в окружении и изоляции, одни — наподобие острова — среди враждебного старого мира, ошестившегося против нас. И высказано самыми высокими духовными авторитетами Востока. Об этом, быть может, следует напомнить именно сейчас — мне представляется, что назрело время для современного издания полного текста книги «Община», — когда начинают рассеиваться тучи предубеждения против «страны непонятой» (по выражению Николая Константиновича Рериха), против «страпы лучшей» (по выражению Елены Ивановны Рерих).

«Община» — замечательный памятник своей эпохи. Ее тексты открыто, бескомпромиссно и, главное, доказательно утверждали историческую неизбежность коммунизма, его космическую (с точки зрения Учителей Востока) целесообразность.

«Тирания и военный империализм уже в зарождении несут признаки разложения. Короли, конституции могут вызывать лишь улыбку сожаления. Все комедии парламентов могут служить лишь наглядием бренности жизни. Все псевдосоциалистические гримасы могут лишь внушить отвращение. Только сознание общины утверждает эволюцию биологического процесса.

Желающий посвятить себя истинному коммунизму действует в согласии с основами великой материи».

Книга на редкость логична и последовательна. Приемля новый строй, она приемлет сущность его идеологии и его философии. «Мы материалисты», — четко заявляют о себе Махатмы. Мы, говорят Учителя Востока, «имеем право требовать уважения и познания материи». Нам трудно представить себе, каким это было ударом по окостеневшему сознанию благодушных и беспочвенных мечтателей, для которых слова «Махатмы» и «Шамбала» витали где-то в недостижимой ирреальной высоте, скрытые от простого смертного густыми облаками мистики. Облака развеялись. Истина оказалась суровой, но и богаче. В книге само понятие «материализм», которое пытались и пытаются ошельмовать, принизить, вульгаризировать, опозитизировано и поднято на уровень величайшего символа.

«Друзья, материя не павоз, но вещество, сияющее возможностями. Нужда человечества от презирания материи. Построены храмы, где востребована помощь для обмана и убийства, но не воспеты гимны знанию.

Нужно наконец усвоить явление реального материализма, как его учили Маркс и Ленин. А всякая невежественность должна быть решительно обнаружена и удалена из коммуны. Обывательское мифотворство не присуще коммуне.

Олимпы строили империалисты, и золотили их капиталисты. С нашей общиной могут идти понявшие реальность и материализм. Нельзя себе представить мистика и метафизика за нашей оградой. Метафизик, получивший удар, кричит — я поражен физически. Мистик протирает глаза от снытия жизни.

Зачем вы живете? Чтоб познавать и совершенствоваться. Ничто туманное не удовлетворит вас».

Высказывания Махатм не оставляют никакого места для сомнения. На их знамени написано слово: Материализм. «Нужно заменить идеальные слюни твердым разумом», — громогласно провозглашают они. Но вот что важно. Воюя с противниками материализма, они с одинаковой силой воюют и против вульгаризаторов его, ратуя за расширенное понимание всеобъемлющего и всепроникающего термина: «Сущность материализма являет особую подвижность, не минуя ни одного явления жизни». Книга — сейчас это ясно, — несомненно, опередила время. Как бы предчувствуя век ошеломляющих открытий, век научно-

технической революции, на страницах ее высказывается твердое убеждение: «Нужно до такой степени обосновать материализм, чтоб все научные достижения могли войти конструктивно в понятие материализма».

Отсюда — непримиримость к сужению горизонтов познания, к предубежденности. Невежество, если к тому же оно забаррикадировалось догмами, опасный враг, грозящий многим бедами. Махатмы объявляют ему беспощадную войну.

«Мы как опытные материалисты можем видеть вред нетерпимости, основанной на грубейшем незнании. Где же реальность, когда мышление стеснено, вместо тысячи знаков знает лишь пять! Утверждение становится искажением, если заранее скован стереотип условностей. Улыбка знания опрокидывает шлюзы намеренных заграждений. Строитель не может фантазировать о почве под зданием. Такое положение тем более преступно, что материальное воззрение дает самые неограниченные, законные возможности.

Правильно думаете, что без достижения техники невозможен коммунизм. Каждая община пуждается в технических приспособлениях, и нашу общину нельзя мыслить без упрощения жизни. Нужна явленная возможность применять достижения техники, иначе мы обратимся в обоюдную тягость. Как материалисты-практики мы можем смело утверждать это. Мало того, мы можем настойчиво укорить всех ложнореалистов. Их униженная наука и слепота мешают им достижению того, к чему они стремятся.

Точно фарисей древности, они прячут страх перед допущением того, что другим уже очевидно. Не любим невежд, не любим трусов, попирающих в ужасе возможности эволюции.

Тушители огня, светоненавистники, не все ли равно, с какой стороны вы ползете? Вы хотите затушить пламя знания, но невежественный коммунизм — темница, ибо коммунизм и невежество несовместимы. Не верьте, но знайте.

Какой общинник может прикрыться плесенью суеверий? Ведь никто не употребляет убогий первобытный паровоз, также никто не может остаться при младенческом понимании реальности.

Ленин мыслил широко и пощмал матерню. Неужели вы не можете хотя бы частично следовать за вождем?

Младенческий материализм является дурманом для народа, но материализм просвещенного знания будет лестницей победы.

Без отрицаний, без суеверий, без страха пойдете к истинной общине. Без чудес, беспоклонно найдете ясную реальность и киркою испытателя будете вскрывать закрытые глубины. Полюбите бесстрашие знания».

«Полюбите бесстрашие знания!» — вот, пожалуй, один из главных лозунгов книги. Знаменательно, что этот лозунг Махатмы подкрепляют и как бы освящают именами Маркса и Ленина.

«Ленин и Маркс заботливо чужли достижения знания. Коммунист должен быть открыт всем новым возможностям».

Не можем включать в марксизм и ленинизм узость невежества. Если невежда дерзает называть себя марксистом или ленинистом, сурово скажите ему — явное предательство основ общины».

В наш век, когда, с одной стороны, развитие науки и техники вывело человечество на фантастические рубежи, а с другой — над нынешней цивилизацией нависла реальная угроза гибели, с особой силой, очевидно, должен звучать призыв Учителей Востока, обращенный к нам.

«Не опоздайте с изучением психической энергии. Не опоздайте с применением ее».

...Предоставьте старому миру бояться изучения психической энергии. Вы же, молодые, сильные и непредубежденные, исследуйте всеми мерами и примите дар, лежащий у ворот ваших».

Как ученики Ленина, смотрите орлиным взором и львиным прыжком овладевайте сужденной мощью. Не опоздайте!»

Могу поделиться личным впечатлением. Когда я читал это место в «Общине», в моей памяти всплыли слова Алексея Максимовича Горького. В последнем томе «Жизни Клина Самгина» (дело происходит в семнадцатом году, накануне Февральской революции) один из персонажей

ромапа — большевик — обращается к своим оппонентам со следующей речью:

«В классовом обществе о космосах и тайнах только для устрашения ума говорят, а другого повода — нет, потому что космосы и тайны прибылей буржуазии не паразитируют. Космические вопросы эти мы будем решать после того, как разрешим социальные. И будут решать их не едипицы, уstraшенные сознанием одиночества своего, беззащитности своей, а миллионы умов, освобожденные от забот о добыче куска хлеба...»

Святослав Николаевич, которому я процитировал Горького, согласился, что это — пророческое предвидение и что оно созвучно мыслям Махатм о том, что грубое «я» должно смениться, как они говорят, творческим «мы».

— В общине, которая, как вы знаете, нередко ассоциируется с коммуной, — это синонимы, — сказал Святослав Николаевич, — так оно и будет. Вот почему община называется Махатмами источником кипящих возможностей и чашей солнечной радости.

Пафос и духовная наполненность книги «Община» таковы, что она воспринимается как своего рода программный манифест современных Учителей Востока. Симптоматична резкая антибуржуазная, антиимпериалистическая направленность этого манифеста. Подлинное единство человечества несовместимо с эксплуатацией. Несовместимо оно также и с любыми узконационалистическими тенденциями (в том числе и с религиозно-националистическими). Надежда на спасение человечества, на обновление мира в книге связывается — это остается неизменным и по сей день — с Советской Россией, с величественным образом Ивана Стотысячного, олицетворяющим ее.

«Кто-то ждет Мессию для одного народа, — говорится в книге, — это невежественно, ибо эволюция планеты имеет лишь планетарный размер. Именно явление всемирности должно быть усвоено. Красный цвет является символом твердости стремления уничтожить различия рас. Кровь една течет, и внешний мир не будет больше разделяем расами первичных формаций.

В горне уже закалился клинок. Утверждены явления чудесного нового мира. Яркий Иван Стотысячный приближается. Он знает, что ему доверен сад. Сору еще много, но пепел шлаков есть колыбель клинка. Можно знать все несовершенства, но хула на Ивана будет камнем на пути.

Ящер лежит еще живой. Каждый клинок должен подняться из пепла. Не порицайте Ивана, если он умеет лишь разить. Хребет Ящера для него закрыл дальние миры. Он полагает, что враг закрыл вход в мир света. Звезды покажутся через расселины хребта.

Трудно рушится домик ветхих предрассудков. Прежде всего запомним, что невозможно удержать роды созревшего плода. Оглянемся на страницы истории: пришло время освобождения мысли, и запылали костры, но мысль потекла. Пришло время народоправства, и загремели расстрелы, но воспряли народы. Пришло время развития техники, ужаснулись стародумы, но двинулись машины, пульсируя с темпом эволюции. Теперь пришло время осознания психической энергии. Все инквизиторы, реакционеры, стародумы и невежды могут ужасаться, но возможность новых достижений человечества созрела во всех неисчислимых возможностях мощи. Инквизиторы и реакционеры могут строить тюрьмы и сумасшедшие дома, которые годятся для них же в виде рабочих колоний. Но созревшую ступень эволюции отодвинуть нельзя».

Когда познакомишься с письмом Махатм, равно как и с «Общиной», становится понятным, что никак не могло быть случайностью или недоразумением все то, что произошло потом, на заключительном этапе экспедиции Рериха. Детективная история, разыгравшаяся на северном нагорье Тибета, имела прямое отношение к его поездке в Москву и Улац-Батор. А события, как известно, развивались следующим образом.

В сентябре двадцать седьмого года в нескольких переходах от Лхассы экспедицию остановил отряд вооруженных тибетцев. У путешественников отобрали оружие, паспорта. Им строго ограничили район передвижения: ни вперед, ни назад. До физической расправы дело не дошло, но в условиях начавшейся суровой зимы, да еще на высоте четырех тысяч метров — а у путешественников не было ни теплых палаток, ни теплого белья, — людей обрекли на постепенное вымирание. Ситуация грозила обернуться трагедией. В дневнике Рерих лаконично сообщает: «Из ста двух животных мы потеряли девяносто два. На тибетских нагорьях осталось пять человек из наших спутников».

Он шлет в Гагток — столицу княжества Сикким — британским представителям письма с просьбой о помощи. Никакого отклика. До конца жизни для художника так и

остались невыясненными мотивы более чем странного поведения тибетского правительства.

Но нет ничего тайного, что со временем не стало бы явным. В 1969 году в Дели были обнаружены документы, вскрывающие подоплеку этой загадочной истории. Выяснилось, что акция по уничтожению экспедиции Рериха была заранее спланирована и до деталей разработана британской разведкой. Оказывается, «Интеллидженс сервис» давно уже бдительно следила за всеми передвижениями Рериха; не ускользнула от ее внимания и московская поездка: прекрасно здесь были осведомлены и о его политических взглядах. Не являлось секретом и то, каким исключительным авторитетом пользуется художник во влиятельных буддийских кругах. Еще в двадцать четвертом году в Дарджилинге высокопоставленные ламы устроили Рериху триумфальную встречу. Дело в том, что они «опознали» в нем пятого Далай-Ламу, великого реформатора Тибета, жившего в семнадцатом веке. «Опознали» оригинальным образом: по бородавкам на правой щеке художника; их было семь, и своей конфигурацией они напоминали созвездие Большой Медведицы.

Все перепуталось в умах руководителей английской секретной службы. Они пришли к выводу, предопределившему дальнейшие действия: Рерих хочет проникнуть в священную столицу буддизма — Лхассу, с тем чтобы провозгласить себя Далай-Ламой и установить большевистский контроль чуть ли не над всей Азией.

Любопытно и в высшей степени знаменательно то, что руководство операцией поручалось Бейли. Этот опытный английский шпион и разведчик в 1918 году подготовил контрреволюционный мятеж в Ташкенте; был причастен к расстрелу 26 бакинских комиссаров. Теперь он должен был убрать со сцены «большевистского эмиссара» и «агента Коминтерна» Рериха (так именовали художника в письмах-распоряжениях из Лондона).

Но Елена Ивановна недаром пазывала Англию «страной лукавой». Мировая слава художника, естественно, исключала возможность прямой акции со стороны официальных британских служб. Эту акцию предполагалось совершить руками тибетских властей. Надо сказать, что в то время независимость тибетского государства была чистой фикцией. Англичане распоряжались в стране как хозяева.

Пять с половиной месяцев находились путешественники на положении пленников. Лишь весной двадцать

восьмого года из Лхассы наконец-то было получено указание: разрешить оставшимся в живых продолжить маршрут. Узнав об этом, Бейли направляет в Лхассу срочное послание. С нескрываемым раздражением напоминает он о предыдущей телеграмме, где говорилось: «Нам не нужны эти люди в Индии». Но тибетские власти предпочли не вникать в прозрачный подтекст столь многозначительных слов. На открытое убийство они не пошли. Операция сорвалась.

Экспедиция благополучно завершила свою работу. Рерихи поселились в долине Кулу, которая, кстати, по сведениям некоторых древних источников, является не чем иным, как преддверием Шамбалы.

«Помни: зло никогда тебя не коснется, пока страх, неверность и ложь не коснутся тебя. Злу несносна атмосфера чистоты, и оно бежит ее. И только тогда, когда мелькнет тончайшая трещинка сомнений в твоём сердце, только тогда зло сможет приблизиться к тебе.»

Надо носить в себе много зла, чтобы чужая воля могла им воспользоваться. Зло тащит за собой человека не потому, что окружает его извне, а только потому, что внутри сердца человека уже готов бурлящий кратер, куда зло только выливает свое масло, прибавляя силы его низким страстям.

Сердце доброго — кратер любви, и маслом ему служит радость. Оно свободно от зависти, и потому день доброго легок. Тяжело раздраженному. Потому что кипение страстей в его сердце не дает ему отдыха. Он всегда в раздражении, всегда открыт к его сердцу путь всему злему. Такой человек не знает легкости. Не знает своей независимости от внешних обстоятельств. Они его давят везде и во всем и постепенно становятся его господином.

Человек, не умеющий быть господином самого себя и все время переживающий пароксизмы раздражения, приступы бешенства и мук зависти, это не человек. Это еще только преддверие человеческой стадии, двуногое животное.

Не всегда можно помочь человеку, потому что в нем самом лежит первое препятствие к помощи. Человек бы-

вает так закрепощен в своих предрассудках, что считает свою, на свой манер понимаемую верность какой-либо дружбе, любви или вере незыблемой истиной, величайшим светом и целью своей жизни. И такому лично воспринимающему жизнь человеку вся остальная Вселенная с ее законом Жизни, Кармой и следующими за нею по пятам закономерностью и целесообразностью представляется мертвым хаосом, где на его долю выпадают незаслуженные им горести и муки.

Чтобы иметь возможность сделать что-либо для человека, надо не только самому иметь для этого силы. Надо, чтобы и тот человек желал принять подаваемую ему помощь и умел владеть собой, своим сердцем и мыслями, умел хранить их в чистоте и проводить весь свой день так, чтобы приводить весь организм в гармонию. Нельзя и думать принести помощь тем людям, которые не знают радости, не понимают ценности всей своей жизни как смысла духовного творчества, а принимают за жизнь бытовые удобства и величие среди себе подобных, деньги.

Нет людей абсолютно плохих. Никто не рождается разбойником, предателем, убийцей. Но те, в ком язвы зависти и ревности разъедают их светлые мысли и чистые сердца, катятся в яму зла сами, туда, куда их привлекают их собственные страсти. Разложение духа совершается медленно и малозаметно. Вначале ревность и зависть, как ржавчина, покрывают отношения с людьми. Потом где-то в одном месте сердца эта ржавчина проедает дыру. Начинается над ней скопление зловонных отбросов разлагающегося духа, а там начинается капель гноя, дальше потечет его струя. И все, что прикоснется к человеку, так живо разлагающемуся в своих мыслях, все понижается в своей ценности, если не сумеет сохранить себя от заразы. Если же сердце само по себе уже носит зловоние зависти, страха и ревности, оно, встречаясь с более сильной степенью зла, подпадает всецело под его власть.

Злоба — не невинное занятие. Каждый раз, когда вы сердитесь, вы привлекаете к себе со всех сторон токи зла из эфира, которые присасываются к вам, как пиявки, уродливые красные и черные пиявки с самыми безобразными головками и рыльцами, какие только возможно вообразить. И все они — порождение ваших страстей, вашей зависти, раздражения и злобы. После того как вам будет казаться, что вы уже успокоились и овладели

собой, буря в атмосфере вблизи вас все еще будет продолжаться по крайней мере двое суток.

Эти невидимые вами пиявки сосут и питаются вами совершенно так же, как обычные пиявки, сосущие кровь человека. Всякое чистое существо очень чувствительно к смраду этих маленьких животных. И оно бежит тех, кто окружен их кольцом, кто лишен самообладания. Чистое существо, встречаясь с человеком, привыкшим жить в распущенных первах, в раздражительных выкриках и постоянной вспыльчивости, страдает не меньше, чем встречая прокаженного. Злой же человек, обладающий одним упорством воли, мчится навстречу такому существу, с восторгом видя в нем орудие для своих целей.

Если из жизни земли исключить понимание самой текущей жизни как связи вековых причин и следствий, то она сводится к нулю. Без перспективы света, который можно внести в труд дня, без знания, что свет горит в каждом человеке, жить творчески нельзя. Кто живет, не осознавая в себе этого света, тот примыкает к злой воле, думающей, что она может покорить мир, заставить его служить своим страстям, своим наслаждениям.

Все так называемые темные силы не что иное, как невежественность. Люди, стремящиеся подсмотреть силы природы, при одном напоре одной воли отыскивают их. Обычно это люди, одаренные развитыми более, чем у других людей, психическими способностями. Но так как их цель — знание, служащее только их собственному эгоизму, их страстям и обогащению в ущерб общему благу, они отгораживаются в отдельные группы, называя себя различными умными именами. Они подбирают себе компаньонов, непременно с большой и упорной волей, обладающих силой гипноза.

Это очень длинная история, о ней в двух словах не расскажешь. Тянется она к нам из древних времен, и очагов ее лжи и лицемерия очень много: тут и колдуны, и алхимики, и провидцы, и т. д.

Темная сила несет всему дисгармонию и раздражение. Ее девиз: «Властвуя, побеждай», тогда как девиз детей света: «Любя, побеждай».

Упорство воли темных — то зло, в путаные сети которого они затягивают каждого, в ком встречают возможность пробудить жажду славы и богатства. На эти два

жалких крючка условных и временных благ попадают те бедные люди, из которых они делают себе слуг и рабов. Сначала их балуют, предлагают им мнимую свободу, а затем закрепощают, соблазнив собственностью, ценностями, и так окружают разнузданностью страстей, что несчастные и хотели бы иной раз вырваться, но не имеют уже сил уйти из их цепких лап.

Как можете вы распознать, что перед вами темный? Имеют ли все темные отвратительную внешность, которая сразу давала бы вам знать, что отталкивающая вас от человека сила, вызывающая ваше отвращение, выявлена вся вовне? Среди темных много красивых людей, имеющих даже чарующую внешность. Вспомните легенды о падшем ангеле: ведь они его отнюдь не рисуют уродом.

Во внешности этих людей такое же разнообразие форм, как и среди остального человечества. Но что неизменно обще всем людям, так или иначе попавшим в лагерь темных? У каждого из них на первом месте — эгоистическое стремление овладеть волей встречного. Раньше, чем вникнуть в смысл встречи, темный выпускает свою силу гипноза, в какой бы мере она у него ни была развита; он стремится поставить своего встречного в подчиненное положение.

Он отлично знает, что сцепиться с человеком он может только через те или иные страсти, прочесть которые не составляет труда ни для одного наблюдательного человека. А темные обучаются с самых первых шагов читать признаки человеческих страстей и разбираться в степени раздражительности человека. Раздражительность — первый и главный козырь темных в системе овладения людьми. Всякими способами они пытаются нарушить равновесие человека, затем будят в нем страх и жадность, цепляются бульдожьей хваткой к человеку и постепенно — с железным самообладанием и выдержкой — втягивают его волю в орбиту собственного сознания. Это первое, общее всем темным правило их темного дня.

Второе неизменное правило их поведения — вносить в каждую встречу ложь, лицемерие и путать так сознание и внимание встречного, чтобы человек думал, что встретил великую, доброжелательную силу, которая окажет ему поддержку и помощь.

Насколько светлая сила учит каждого человека понимать, что все в нем, что он — независимый и абсолютно

свободный творец своей жизни, настолько темные стараются внушить каждому, что он бессилен и немощен без помощи и опеки, которые только и могут раскрыть двери к удачам, богатству, славе и почестям.

Светлая сила говорит каждому человеку, что он никогда не одинок, что мощь его не имеет границ, поскольку он частица Беспредельного. В речах же темного всегда звучит призыв к отъединению. Обещая за полное послушание все материальные блага, какие только существуют на земле, темный говорит встречному: «Не ищи разделить свои блага с кем бы то ни было. Все, что я дам тебе,— все сложи в склады и держи про себя. Если это материальные сокровища, копи их, ибо они сила и ими завоевывается мир. Если это знания, помни, что ими приобретается умение овладевать волей людей. Ни с кем ими не делись, старайся всегда становиться в позицию силы и борьбы. Друзья тебе не нужны, а врагов победить надо, ссоря их между собой. Никаких других возможностей побеждать нет. И чем жестче ты обращаешься с людьми, тем больше твоя сила, тем выше ты поднимаешься как владыка жизни».

Эти наставления составляют третье правило учения темных. Действуя по этим трем правилам, темные овладевают огромным количеством людей инертных и слабовольных, завистливых и жадных, раздраженных и отрицающих, жаждущих внешних благ, карьеры и славы.

Отрицание человека, его самость, его стремление всегда в жизни танцевать от своего «я» и всюду выдвигать это «я» почти всегда приводят к встрече с темными. Человек может быть очень добрым и честным по существу. Его сердце может быть полно любви и благородства. И все же в его уме может бурлить протест против своей современности, против узких рамок, которые ему предоставлены в каком-то деле, или он может протестовать против участия в его работе каких-то ему неприятных людей; или же он бунтует против тех людей, от которых он получает вести Света... И темной силе готов новый раб, даже не заметивший, когда и как он попал в железные лапы темных.

Темные могут быть обворожительными по внешности, их манеры могут пленять мягкостью, и их уговоры могут походить на журчание горных ручейков для людей мало распознающих, не собранных в своем внимании. И только несколько раз попив этой «горной» водички, несто-

рожный человек сможет разобрать вкус ее горький, запах ее, пьянящий его страсти, сможет понять, куда он забрел, какое сам своей неосторожностью соткал зло.

Но не думайте, что высшее благородство человека заключается в отгораживании себя от тех, кого мы считаем злыми или своими врагами. Врага надо победить, но побеждают не пассивным отодвиганием от него, а активной борьбой, героическим напряжением чувств и мыслей. Нельзя прожить жизнь одаренному человеку — человеку, назначенному жизнью внести каплю своего творческого труда в труд всего человечества — в счастливом бездействии, без бурь, страданий и борьбы.

Пойми, как глубоко корни несчастья людей, как нельзя их судить, как нельзя расстраиваться недостатками людей. Надо нести им бодрость или стараться пресечь зло, поставив им твердые рога там, где люди слабы, чтобы сберечь прежде всего их самих. Пока сам не созрел, не стремись помогать. Увеличишь только зло и внесешь еще большее раздражение в жизнь тех, кому захочешь помочь, если сам не готов, если сам не можешь действовать в полном самообладании.

Думай, как тебе понять, что такое Радость. В первый же раз, как ты ее испытываешь, ты прорежешь непроходимую для злых пропасть. Радость ведет к победе любви, а злое уныние — к упорству воли. Упорство же воли — меч зла. Этот меч не может разить там, где живет Радость.

Все люди делятся на знающих, освобожденных от предрассудков и давящих их страстей, а потому добрых и радостных, и на незнающих, закованных в предрассудки и страсти, а потому — унылых и злых. Учись. В жизни есть только один путь: знание. Знание раскрепощает человека. И чем свободнее он становится, тем больше его значение в труде Вселенной, тем глубже его труд на общее благо и шире круг той атмосферы мира, которую он несет с собой.

При встрече с истинным знанием все злые тайны, не представляющие из себя ничего, кроме той или иной силы гипноза, разлетаются в прах.

Еще и еще раз уложите во все складки вашего сознания не раз сказанные слова: «Если сердце ваше чисто — никакое зло не может коснуться вас. Перед вашей чистотой оно бессильно».

Первое июня в моем индийском дневнике помечено словами: «Посещение института «Урусвати».

Несколько слов об истории института. Своим возникновением он обязан трансгималайской экспедиции Рериха. Он естественно и органично возник на базе богатейших материалов, собранных русскими путешественниками. Ведь богатейшие коллекции, образовавшиеся на путях многолетнего маршрута,— археологическая, этнографическая, ботаническая, древние рукописи, нередко полученные из тайных книгохранилищ, нуждались в систематизации и тщательном научном анализе.

Николай Константинович Рерих называет точную дату основания Гималайского института научных исследований: 24 июня 1928 года, Дарджилинг. Потом институт вместе с семьей Рериха переместился в долину Кулу, в Нагар. Его коллекции все время пополнялись, потому что институт рос, активно действовал, посылал экспедиции в малоизвестные районы азиатского континента. Одну из них, довольно длительную, 1934—1935 годов, опять возглавил Николай Рерих.

Институт с символическим названием «Урусвати», что означает в переводе на русский «Свет утренней звезды», намечал обширные планы по изучению флоры и фауны, а также истории и искусства народов великого материка.

Директором института стал Юрий Николаевич Рерих. Лучшей кандидатуры на этот пост нельзя было подобрать: старший сын художника являлся одним из самых выдающихся востоковедов и буддологов мира. Как известно, впоследствии он вернулся на родину, где ему суждено было прожить неполных три года (1957—1960). Но за этот короткий промежуток времени он, по признанию его коллег по Институту востоковедения Академии наук СССР, дал новый импульс всему нашему востоковедению; в частности, он активным образом способствовал возобновлению работ по переводу и изучению древних философских и литературных памятников Азии (по его инициативе и при его непосредственном участии была издана книга изречений Будды «Дхаммапада»). Юрий Николаевич Рерих обладал исключительными лингвистическими способностями. Он в совершенстве владел двадцатью семью языками, знал многие азиатские диалекты. Без него в принципе была бы невозможна трансгималайская экспедиция. Его блистательное знание как живых, так и мертвых языков Востока одинаково важно для ее успешной работы.

Вспоминая об «Урусвати», Юрий Николаевич писал:

«Институт гималайских исследований состоял из двух отделений — ботанического и этнолого-лингвистического, которое также занималось изучением и разведкой археологических памятников... Не остался институт чужд и проблемам изучения космических лучей в высокогорных условиях... Была собрана и богатая коллекция тибетской фармакопеи, причем в этих многолетних работах приняли деятельное участие тибетские ламы-лекарки».

Все, к чему прикасались Рерихи, приобретало планетарный размах. Так было и с институтом. Главная цель, которую ставили перед собой его руководители, состояла в следующем: объединить и сосредоточить усилия видных ученых мира на неотложных и узловых проблемах (кстати, на тех самых, актуальность которых выросла еще больше в наше время). Назову некоторые из них: изучение световых и магнитных явлений Вселенной, охрана биосферы, повышение урожайности (на первый план выдвигался вопрос о засухоустойчивых растениях), поиски эффективных методов лечения (на основе малоизвестных тибетских препаратов предлагались новые формы борьбы с одним из страшнейших бедствий человечества — раком).

Единство ученых, как видите, должно было носить не декларативный, а конкретный, сугубо деловой характер. И гималайский институт — тут, конечно, сыграло немаловажную роль имя его основателя — преуспел в этом отношении.

Достаточно сказать, что в числе его постоянных сотрудников были лауреаты Нобелевской премии Альберт Эйнштейн и Роберт Малликен, знаменитый шведский путешественник Свен Гедин. Американские и французские научные учреждения посылают в Нагар своих представителей. Через Святослава Николаевича — об этом я уже упоминал — осуществлялась связь с крупным советским генетиком Николаем Ивановичем Вавиловым. В силу территориальной близости (не говоря уже о других факторах) сразу наладилось сотрудничество с учеными Индии: с выдающимся ботаником Босом, с философами и историками, имена которых ныне нам хорошо известны, — Радхакришнапом, Чаттерджи.

Особо надо выделить контакты между гималайским институтом Рериха и университетом Рабиндраната Тагора в Шантанекетане. Оба научно-культурных учреждения возникли примерно в одно время и ставили перед собой сходные задачи. Создатель экспериментального университета в Шантанекетане Рабиндранат Тагор с гордостью подчерки-

вал, что в нем царит дух интернационализма, ибо и основан он был во имя благородной цели, чтобы здесь «могли бы учиться люди разных цивилизаций и традиций». Из переписки Тагора и Рериха мы знаем, что институт в Гималаях и университет в Южной Индии постоянно делились друг с другом информацией, обменивались журналами, которые они издавали, книгами. Рабиндранат Тагор шлет пожелания успехов и процветания «культурной колонии в Нагаре». Он приглашает Рериха в свой «ашрам»: «Для меня будет истинным наслаждением показать Вам плоды труда всей моей жизни — Шаптанекетан».

Вторая мировая война резко оборвала глобальную деятельность «Урусвати». В сложившихся условиях институт, просуществовавший чуть более десяти лет, пришлось подвергнуть консервации. Она оказалась более длительной, чем предполагалось.

Надеюсь, понятно, с каким внутренним волнением я поднимался по тропинке на высокий склон в неподвижную тишину заколдованного царства. Ныне, как бы по мановению волшебной палочки, оно должно было на какие-то мгновения воскреснуть из небытия.

Институт примерно в полутора километрах от дома Рериха. Это — два двухэтажных здания, построенных все тем же предприимчивым британским полковником. Они стоят в окружении гигантских вековых кедров. Вдыхая острый смолистый запах, я думал, какое это, наверное, наслаждение для ученого — особенно для астронома — очутиться здесь, в отрешенной высоте, в таком приближении к небу и звездам...

И вот — торжественный миг. Двери распахиваются, и мы переступаем порог помещения.

В зале нижнего этажа располагаются коллекции института. Заколоченные ящики, образуя несколько ярусов, громоздятся друг на друге. Застекленные шкафы. В них — пронумерованные и снабженные латинскими наименованиями минералы. В следующем зале — библиотека: более четырех тысяч томов специальной литературы, по словам Святослава Николаевича.

Глаза осваиваются в полумраке, и я замечаю, что «заколдованное царство» имеет вполне упорядоченный вид. Ни пыли, ни паутины. Чувствуется постоянное присутствие человеческих рук.

Святослав Николаевич говорит, что особую гордость

института составляет орнитологическая коллекция. Она насчитывает четыреста видов редких птиц. Многие из них, сообщает Святослав Николаевич, теперь уже вымерли.

Он подвел нас к невысокому шкафу в углу комнаты, выдвинул один за другим его ящики. Засушенные растения. Тщательно закупоренные темные пузырьки. Это были тибетские лекарства.

Святослав Николаевич сказал:

— Восточная медицина в лице ее выдающихся представителей считает, что если врач не будет в большом чтении его жизнь, а будет искать в книгах, как там описывается лечение болезни, то он никогда не будет истинным врачом, доктором-творцом, а будет лишь ремесленником от медицины. Нельзя лечить болезнь изолированно от человека. Нужно лечить больного, применяясь ко всему конгломерату его качеств и обязательно учитывая его духовное развитие. Не приведя в равновесие всех сил в человеке, его нельзя вылечить.

Очень часто человек болен лишь потому, что засорил свой организм страхом, слезами и раздражением. Иногда сердечный приступ надо было бы назвать не сердечным, а приступом страха и ужаса. Надо бы говорить, что у человека не приступ боли в печени, а приступ корыстолюбия или уныния. Надо учиться побеждать все, что давит дух. Независимость и свобода духа человека — вот основа его истинного здоровья.

Те же авторитеты считают, что людям с повышенной нервной организацией, предрасположенным к развитию психических сил, нельзя делать уколы. Особенно такие, какие вводят в организм большое количество белковых веществ. Для некоторых людей это может оказаться смертельным. И естественно: если рекомендуется заботиться о духовных силах в своем пациенте, то тем более должно развивать эти силы в себе самому врачу.

Все не просто в этой медицине. Сейчас много говорят о нетрадиционных методах лечения, о биополях. Воздействуя на биополя при помощи рук, некоторые пытаются лечить больного. Но представляете себе, какими же чистыми должны быть эти руки! Если этого нет — тогда беда. Даже излечив болезнь (что не всегда бывает), такой горе-врачеватель может посеять семена других болезней, гораздо худших. Сам он, естественно, и подозревать об этом не будет.

На Востоке говорят: предела развитию человека и его знаний нет. И поэтому тот, кто, по мнению земных умов,

мудрец, по мнению мудрецов Вселенной, только начинающий учиться.

Одна из традиционных ошибок науки (во всяком случае, до недавних пор) состояла в том, что она рассматривала Вселенную, как хирург разглядывает распростертое перед ним тело, самонадеянно рассчитывая единственно при помощи своего ножа вскрыть все тайны мироздания.

На Востоке утверждают: кто смог осознать в себе импульс бесконечного, не подвластного измерению, разложению и времени, лишь тот пробивается к истинному знанию. При изменении временных форм надо помнить, что материя видимых вещей не составляет основного фона жизни. И чем яснее, точнее, шире человек постигает, в какой мере и степени он связан со всей единой материей Вселенной (видимой и невидимой), тем дальше он может проникнуть в законы этой вечной материи, главным образом своей интуицией, ибо логические операции здесь отступают на задний план.

Мы поднимаемся на второй этаж. Здесь комнаты для гостей института: они, как уже говорилось, стекались отовсюду (больше всего из Индии). Естественно, был в институте и небольшой штат постоянных сотрудников. Помещения физической и биохимической лаборатории мы уже осматривали. Там даже кое-что осталось от старого оборудования.

Комнаты наверху поразили нас удобной планировкой — она такая же, как в доме Рериха, — уютом. На стенах развешаны литографии: иллюстрации к «Давиду Коперфильду». В холле — пианино красного дерева (инструмент, сработанный еще в прошлом столетии). Все выглядит так, как будто отсюда выехали только вчера и вот-вот — если не сегодня, то завтра уж обязательно — сюда опять нагрянут люди. Во всяком случае, к их приезду здесь готовы.

Как раз в канун нашей встречи Святослав Николаевич беседовал с Индирой Ганди о будущем «Урусвати». Было получено принципиальное согласие на возобновление международной деятельности института. Впоследствии — в 1974 и 1978 годах — Святослав Рерих вел переговоры с нашей Академией наук, затем — с болгарской. Первая группа болгарских ученых уже побывала в Гималаях. Словом, может быть, медленней, чем хотелось бы, дело идет к тому, чтобы рериховский институт согласно воле его

основателя снова стал центром, соединяющим Восток и Запад: Индию и Советский Союз — прежде всего.

Возвращались мы несколько иным путем, чем пришли. Святослав Николаевич сделал небольшой крюк, чтобы показать нам строящееся двухэтажное здание. Оно возводится на его средства.

— Здесь будет музей,— сообщил Святослав Николаевич.— Он явится своего рода островком русской культуры посреди Гималаев, ибо в нем разместятся картины моего отца и мои. Обязательно будут также представлены произведения народного искусства долины Кулу.

— Вы заметили или нет,— обратился он к нам,— как часто местные одежды, узоры, вышивки воскрешают наш славянский орнамент. Думается, что такое сходство не может быть случайностью.

Этот день ознаменовался еще нашей стычкой с Ниной Степановной. Я сказал ей — мы сидели вдвоем на веранде, отдыхая от прогулки,— что нам, пожалуй, пора уже и возвращаться. Нагостились мы достаточно. Как говорится, надо и честь знать. Я сообщил, что решил вызвать нашего шофера, чтобы приготовиться к отъезду назавтра.

— Как назавтра?

Нина Степановна, витавшая в тот момент где-то в облаках, вздрогнула, как от удара, настолько ей претила мысль об отъезде. Возвышая голос до крика, она стала настаивать на отсрочке, да еще по возможности длительной. Я пытался ее образумить:

— Не можем же мы оставаться здесь вечно.

Но все было напрасно: казалось, моя спутница утратила чувство реального времени. Кончилось тем, что она поглядела на меня с ненавистью и вышла, чуть не заплакав.

Но Девика, узнав о нашей ссоре, мигом нас примирила. Мне она заявила внушительно:

— Вы могли еще без разрешения сюда приехать, поехать отсюда вы можете только с разрешения.

В общем, день отъезда, к удовольствию Нины Степановны (да и к моему тоже), перенесли со второго на третье июня. Рерихи должны были возвратиться пятого или шестого, и мы условились с ними о новой встрече, теперь уже в Дели.

Вечером мы сидели в гостиной, предназначенной хозяевами дома для сокровенных бесед. Я прочитал главу из

своей поэмы о Рерихе, где рефреном звучит строка: «Темные тайно и явно сражаются».

И сотрясает твое бытие
До основания великая битва.
Неотвратимо сегодня в нее
Вовлечена вся земная орбита.
За горизонт уходя, облака
Громом и тучами к нам возвращаются.
Память твою озаряют века: 8
Темные тайно и явно сражаются!

— Вам как поэту,— сказал Святослав Николаевич,— наверное, будет интересно познакомиться с точкой зрения — ее высказали Учителя Индии еще в древности,— которая различает в человеке два основных энергетических начала: огонь сферы Земли и свет Солнца (плоть и дух, неразрывно связанные). Так вот. Есть миллионы людей, говорят Учителя Индии, имеющих в себе развитым огонь Земли до высоких и даже высочайших пределов, а свет Солнца у них или не развивался вовсе, или тлеет еле заметной искрой. Такие люди могут владеть большим знанием сил природы. Могут ими даже управлять, но в них не горит свет Солнца, а значит, отсутствуют любовь и доброта. Они преданы тьме эгоизма, ими владеют только страсти и желания, только упорство воли.

Учителя подчеркивают, что бывают случаи ужасающей связи человека с темной силой, потухшие сознания, где эгоизм, жадность разложили в человеке те первые и мозговые центры, через которые в организм поступает чистая солнечная энергия. Они живут, иногда даже обладают сильными физическими проводниками, но светящейся материи, непремешным элементом которой должна быть активная любовь, они выработать не могут. Они живут, следовательно, в их проводники проникает солнечная материя, но проникает она в них лишь настолько, чтобы они могли дышать, есть, пить, действовать, но не творить. Для творчества, для жизни, идущей по ступеням Вселенной, у них этой светящейся материи не хватает.

— Но если есть темные силы и борьба с ними — реальность, — спросил я, — как же быть тогда с принципом непашилия, который провозглашается теми же Учителями как идеал? Как быть с древним призывом «Не убий!»?

— Неужели вы думаете, что этот призыв оставляет человека совершенно разоруженным в момент опасности? Неужели вы не чувствуете, какая живет диалектика в этих словах — «Не убий!»?

Во-первых, это призыв к сдержанности. Нередко, поддавшись необдуманному порыву, мы сами навлекаем на себя последующие неотвратимые бедствия.

Во-вторых, и это главное, пмеется в виду следующее: даже когда не на жизнь, а на смерть сражаешься с темным, ни на миг ты не должен поддаваться личным чувствам: жажде мщения, злорадному удовлетворению, низкой радости. Ты не должен уподобляться противнику, иначе твоя победа не будет подлинной победой. Не убий в себе лучшие чувства, даже когда в силу печальной вынужденной необходимости тебе приходится убивать врага,— так можно сформулировать это.

В качестве примера могу сослаться на картину своего отца «Победа». Помните ее? Как вы знаете, в некоторых восточных преданиях говорится о том, что последняя битва сил света и тьмы произойдет где-то в районе Алтая, предположительно на берегу Катуня. Отражая эти легенды, отец изобразил на фоне Белухи русского воина, богатыря, Ивана Стотысячного, только что поразившего па смерть страшное чудовище. Дракон, Змей Горыныч, крылатый ящер — как угодно можете назвать это чудовище. Все зависит от того, каким именем вы олицетворяете силу зла. Но обратите внимание, какое безучастно-отстраненное выражение на лице у воина. Ни гнева, ни ненависти в лице. Он исполнил свой долг (тяжкий долг!), полностью отрешившись от себя.

В этом вся суть: в борьбе с темными, как и во всех случаях жизни, нельзя применять меру личного восприятия момента. Тогда лишь станут понятными парадоксальные слова Учителя: «Закон мировой пощады требует полного уничтожения гада».

Наш последний день в доме Рерихов, словно потому, что он был последним, выдался хмурым. С гор пополз туман. После обеда зарядил мелкий дождь.

Он мог оказаться предвестником монсуна — периода страшных ливней, сопровождаемых горными обвалами. Дороги тогда становятся совершенно непроходимыми. Биас — в обычное время мирная, спокойная река — выходит из берегов, сносит мосты и близлежащие строения. Местное население привыкло к этому периодически повторяющемуся наводнению, заранее готовится к нему. Говорят, что до сих пор можно наблюдать картину, как жители того или иного селения, разделенные непроходимым пото-

ком, обмениваются друг с другом посланиями при помощи пращей.

В этот день в доме было несколько оживленнее, чем всегда. Рерихи ждали гостей. Они пригласили к чаю министра земледелия своего штата (долина Кулу входит в состав северного штата Гималаи Прадеш). С утра машину гоняли в город. Она вернулась с батареей напитков: оранжад, кока-кола. На кухне пекли какие-то лепешки.

Министр появился точно в назначенный срок. Он был не один. С ним приехали его сын (молодой человек лет двадцати, чрезвычайно застенчивый; он краснел, когда к нему обращались с вопросами, и за все время сказал двести фразы, не более) и неопределенного возраста индиец, на редкость подвижный и темпераментный. Доктор Синха—так звали последнего, он вручил мне визитную карточку, где значилось, что он член центрального парламента,—ошеломил меня донельзя. Более экспансивного индийца в жизни своей я не видел. Он не мог ни минуты спокойно усидеть на месте, вскакивал со стула, размахивал руками, рубил кулаком воздух; очки на переносице возбужденно прыгали, угрожая свалиться. Едва переступив порог, доктор Синха объявил, что прекрасно владеет русским языком и будет выступать в роли переводчика. Язык он действительно знал сносно, хотя и путался в падежах и не всегда справлялся с ударениями. С ходу он принялся излагать свою биографию. Она оказалась у него необычной.

Необычным было уже то, что традиционные для индуса поиски своего Гуру-Учителя он начал не на Востоке, а на Западе. Шестнадцатилетним юношей Синха прискал в Сорренто и осуществил задуманное: познакомился с Горьким. С непосредственностью, которая отличает индийцев в делах такого рода, он заявил, что выбрал его своим Учителем. Тронутый искренним порывом индийского юноши, Алексей Максимович принял большое участие в его судьбе. При помощи Горького Синха попал сначала в Берлин (здесь он должен был учиться, по плану его вскоре решительно изменились), затем — в Россию.

На всю жизнь сохранил Синха восторженно-благоговейное отношение к своему Гуру. Спустя несколько десятилетий он написал специально для «Огонька» воспоминания о Горьком. Они были опубликованы в журнале.

В России шла гражданская война, и Синха вступает добровольцем в Красную Армию. Участвует в боях с басмачами в Туркестане. Командует кавалерийским взводом.

После войны поступает учиться в коммунистический университет народов Востока. Недоучился — бросил. Некоторое время работал на текстильной фабрике в Вышнем Волочке.

Обогащенный жизненными впечатлениями, знаниями, опытом, он по совету Алексея Максимовича Горького решил возвратиться на родину. Правда, его любознательная и активная натура содействовала тому, что это возвращение растянулось на несколько лет. В тридцать пятом году Спиха очутился в Абиссинии как раз накануне вторжения войск Муссолини в эту страну. Разумеется, он не мог остаться в стороне и сражался против итальянцев. Были и другие события, которые удлинители его путь.

В конце концов он все же вернулся в Индию. Здесь он, по его словам, «заболел» геологией. На своем спортивном самолете — в промежутке между сражениями и учебой Спиха сдал экзамен на звание пилота — он занялся разведкой полезных ископаемых. В Северной Индии ему удалось обнаружить довольно солидные залежи урановой руды. В результате полетов разбил две машины. Сейчас собирается в Вену, чтобы купить третий по счету самолет. Был знаком доктор Спиха и с Николаем Константиновичем Рерихом и написал о художнике несколько статей.

Свой рассказ собеседник вел в быстром, напористом, наступательном темпе. Каскад слов он сопровождал эпергичными жестами: махал воображаемой шапкой (когда речь шла о стычках с басмачами) и тому подобное.

Выявилась еще одна особенность доктора Спихи: задавать вопросы и не ждать на них ответов. Вот он обратился ко мне: «Товарищ Сидоров (в отличие от Девкии он называл меня не мистером, а товарищем), не находите ли вы, что Россия и Индия — это два проявления одного и того же начала? Не кажется ли вам, что обе страны, оба народа с разных концов решают одну и ту же задачу и во всех своих аспектах они дополняют друг друга? Это как бы две половинки, образующие единое целое: действие — созерцание, насилье — ненасилье, Ленин — Ганди». Или: «Как вы относитесь, товарищ Сидоров, к пророчеству, широко у нас распространённому: ждите момент, когда один миллиард соберется под знаменем духовного обповлечения — это будет знаком победы света? Не считаете ли вы, что имеется в виду глубокий и сокровенный союз между вашей и нашей страной?» Пока я собирался с мыслями, чтобы ответить, доктор Спиха уже переходил на другую тему. Чувствовалось, что вопросы эти риторичны, что это его

твердое убеждение, лишь слегка смягченное вопросительной интонацией.

Естественно, что доктор Синха целиком завладел нашим вниманием. Своих попутчиков он явно оттеснил на второй план. Министр — он был в белых штанах, в узорчатых туфлях, загнутых кверху, — величественно молчал. Иногда широко улыбался, не смущаясь отсутствием верхнего ряда зубов.

Но за чаепитием картина решительно изменилась. Выяснилось, что министр, помимо того, что он политический деятель, к тому же еще и поэт. По просьбе Святослава Николаевича я читал ему свои стихи («Книга книг для нас с тобой открыта, и в безмолвье звездном и ночном в языке воскресшего санскрита мы глагол славянский узнаем»). Их общими усилиями тут же перелагали на английский. Министр, забыв на какое-то время, что он министр, читал, а вернее, пел, как это принято повсеместно среди индийских поэтов, свои стихи. Девика то и дело прерывала его пение возгласом восхищения: «Вах!» Мы вслед за нею повторяли то же самое: «Вах!»

Ободренный нашим вниманием, поэт оживился. По-мальчишески подмигнул нам. Сказал:

— А знаете, как я побеждаю на выборах? Я сочиняю песню, высмеивающую противника. Во всех деревнях распевают ее. И голосуют за меня. Так я побеждаю.

И поэт, опять превратившись в министра, засмеялся, довольный своей выдумкой. Засмеялся так заразительно, что все мы невольно присоединились к его смеху.

А потом разговор перешел на тему, от которой сразу посерьезнело лицо министра, — о гибели природы. Нарушение экологического равновесия — повсеместное бедствие. Даже здесь, в Гималаях, жаловался министр, засоряются источники, загрязняется воздух. Если процесс будет продолжаться, то уникальному климату Гималаев грозит величайшая опасность. С горечью он повторил слова английского философа о том, что нынешняя цивилизация сама себя пожирает.

— По поводу современной цивилизации, — сказал Святослав Николаевич, — отец говорил так: «Все нашли, а человека потеряли».

Вы, конечно, знаете, что отцу принадлежит идея Пакта об охране культурных памятников во время войны. Полжизни отдал он борьбе за эту идею, миллионы сторонников появились у нее, и в конце концов — это произошло уже после его смерти — была подписана конвенция о за-

щите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Но мало кто знает, что отец давал более расширенное толкование Пакту, чем это зафиксировано в международном протоколе. Его толкование вытекало из глубинного и глобального понимания самого термина «культура». Он считал, например, что по отношению к этому понятию слово «цивилизация» играет подчиненную роль: оно обозначает некоторые внешние признаки определенной эпохи, так сказать, внешний орнамент человеческого бытия. А слово «культура» выявляет внутреннюю, многовековую, непреходящую духовную основу бытия. И, конечно, защита культуры подразумевала и охрану природы, человеческое и разумное отношение к красоте, которая нас окружает. А как же иначе?

И потом, по мысли отца, Пакт должен был действовать не только во время войны, но и обязательно — в мирное время. Более того, он подчеркивал: в мирное время Пакт даже необходимее, ибо и без грома пушек каждодневно совершаются неисчислимые преступления против культуры. Поэтому и пужна особая бдительность.

В свое время отец произнес знаменитую фразу: «Цивилизованный дикарь есть самое отвратительное зрелище». Кстати, эти слова, неоднократно им повторяемые, у некоторых людей вызывали прямо-таки приступы раздражения. В адрес отца появлялись публичные обвинения: дескать, он противник технического прогресса, убежденный враг современной цивилизации. А ничего этого не было и в помине. Он выступал не против цивилизации, а против бездуховности ее, не против технического прогресса, а против того, чтобы он становился самоцелью, тогда действительно все находят, а человека теряют. Помню, как за год до смерти он говорил:

«Культура забыта, и вместо нее кажет когти технократия. А без культуры засохнет духовный сад. Страшно наблюдать, как, казалось бы, разумные люди забывают поставить во главе их начинаний именно культуру. Точно бы без нее зубчатая технократия вывезти может».

А знаете, о чем мечтал мой отец, и мечтал очень и очень давно? Об этом он тоже говорил незадолго до смерти:

«Вообще если один, всего один, мировой военный бюджет дать на просвещение, сколько невежества было бы просветлено, сколько цивилизованных дикарей превратилось бы в культурных тружеников. Мало, подобно попугаям, выкрикивать слово «культура», надо, чтобы она обнаружилась на деле».

Как видите, поле культуры было для отца подлинным полем битвы. Поэтому и сотрудников культуры он не называет иначе, как воинами. Прибегая к индийской терминологии, он именует их кшатриями. Отцу принадлежат многочисленные определения культуры. Обращаясь к первоначальному смыслу слова, он расшифровывает его как «почитание света» («культ» — почитание, «ур» — свет). Менее известно другое его определение, а оно, на мой взгляд, наилучшим образом подчеркивает боевой, наступательный характер этого понятия: «Культура есть молот будущего». А молот — это то, что и творит, и сокрушает. Не правда ли?

— И все же у нас нет иного выхода, как быть оптимистами.— Доктор Синха по-ораторски взмахнул рукой, давая понять, что вторгается в беседу.— А то, что делал ваш отец,— обратился он к Святославу Николаевичу,— имеет прямое продолжение в наше время. О письме Махатмы, которое Рерих привез в Москву, нынче знают многие. Но немногие знают о современных документах такого рода, потому что они широко не публикуются, потому что они не нуждаются в дешевой рекламе. Год назад в Москве был человек, с которым — и это для меня великая честь — я имел возможность познакомиться. Имя его ничего не даст, могу сказать лишь одно: многие, очень многие склонны считать его Махатмой. В обществе советско-индийской дружбы он произнес речь. У меня есть ее стенограмма. Я готовился к нашей встрече и захватил ее с собой.— Доктор Синха вынул из бокового кармана пиджака топкие листы папиросной бумаги с отпечатанным текстом, сложенные вдвое. Расправил их.— Мое мнение — это программный документ. Послушайте:

«Идеи Рамакришны и Ленина, Индии и России должны стать моральной основой нового мира. Наш союз — не политический союз. Наш союз — это союз сердца мира. Начало века выдвинуло гигантские духовные батареи. Сегодня мы должны довести идеи духовного обновления до сознания каждого человека.

У каждой нации есть своя задача в мире. Две страны сегодня облечены высокой миссией преобразовать мир. Я счастлив сообщить, что этими странами являются Индия и Россия. Мы живем в прекрасное время. Мы построили мост между нашими странами, мы должны разрезать ленточку и пустить этот мост в эксплуатацию, мы должны соединить два берега.

Мы низко склоняемся перед подвигом России, сокрушившей дракона фашизма. Мы возложим сегодня нашу

святую землю Гималаев на могилу Неизвестного солдата. Индия, как молния, должна сегодня зарядить Россию. Принципы, которые положены в основу наших отношений, древние и священные принципы. И не дай нам бог изменить им!

Нет ни одной страны на Востоке, которая не испытала бы вдохновения от революции в России. Революция в России была громом, разбудившим весь Восток.

Культура и подвиг идентичны. Ваша война дала пример массового подвига народа. Сегодня мы подошли к новому аспекту подвига — подвига в духе. Это сложнее, и люди к этому менее подготовлены. Но именно ваша страна имеет примеры такого духовного подвига. В замечательной книге вашего писателя Достоевского мы видим прекрасный образ риши Зосимы. Такие люди — поистине ваше национальное богатство. Когда читаешь поучения этого риши, становится понятным, почему вашей стране поручена миссия духовного обновления мира. Москва пропитана благоуханиями ваших подвижников. Ваш Юрий Гагарин смог подняться в Космос энергией этих мудрых риши.

Ваша страна прошла испытания физической битвы с фашизмом. Сейчас битва перенесена на духовный план, и интенсивность ее так велика, что понадобится мобилизация всех культурных сил, чтобы выиграть ее. Ваша страна должна начать огненную революцию духа.

Пример Америки показал, что техническая революция не есть еще прогресс человечества. Если сейчас мы не соберем под духовные знамена воинов культуры, все достижения человечества могут оказаться перед угрозой уничтожения и забвения.

В тридцатые годы Рабиндранат Тагор посетил Москву. Он написал тогда «Письма о России», где назвал вашу страну духовной державой мира. Послевоенные годы позволили создать базу для нашего совместного сотрудничества. 13 марта 1972 года было подписано соглашение о совместной работе в Космосе. Сегодня мы подошли вплотную к освоению великой энергии — космической энергии. Исследования Вселенной — это особый вопрос. В Космосе происходят сегодня разрушения, которые небезопасны для Земли. Наше всеобъемлющее сотрудничество должно противостоять этому.

Союз Индии и вашей страны имеет поистине космическое значение. Он возвестит начало очистительной грозы, а она оплодотворит землю благодатным дождем новых культурных идей, поможет нашей обновленной земле вос-

стать в ликующем великолепии всех своих цветов и трав, которые понесут в Космос благоуханный аромат. И откроются человечеству пути в сверкающую Беспредельность».

— Так значит,— спросил я,— на могилу Неизвестного солдата была возложена гималайская земля?

— Да,— отвечал Синха.— Могу даже сообщить точную дату.— Он посмотрел на текст стенограммы.— Двенадцатое июня семьдесят третьего года. Могу также сообщить, что была куплена лопата, маленькая детская лопата. Этой лопатой копали землю у обелиска. Потом ее привезли в качестве реликвии в Индию.— Доктор Синха опять сложил листы папиросной бумаги вдвое, спрятал их в карман.— Так что,— заключил он,— мы имеем очень большие основания быть оптимистами.

Три часа от силы заняла наша встреча, а расставались мы как старые добрые знакомые. Мы обменялись с министром книгами. Я подарил ему свой сборник стихов («Урочный час»), а он — довольно объемистую книгу с трогательной надписью: «Русскому брату моему...». Доктор Синха, прощаясь, спросил: «Я хочу прилететь на юбилей Рериха на своем самолете. Как вы думаете, мне разрешат это?» И по своему обыкновению тут же заговорил о другом: стал просить, чтобы, возвратившись, я ему немедленно позвонил. «А впрочем, я сам разыщу вас в Дели. Через ваше посольство», — пообещал он.

Ужин — мы, очевидно, еще не остыли от встречи, да и вообще было немного грустновато — прошел в молчании. Нина Степановна удалилась в свою комнату, а мы — Девика, Святослав Николаевич и я — поднялись ко мне, дабы совершить обряд прощания. Святослав Николаевич шутиливо проворчал: «Я отвернусь. Прощайтесь». Девика меня обняла — на глазах у нее были слезы, стала целовать. А потом сказала:

— Мистер Сидоров, это ваш дом. Когда захотите, вы можете приехать сюда жить и работать. Двери его всегда широко открыты для вас.

Встали мы на рассвете. Я спустился к мемориалу Рериха. Взрыхлил лопаткой желтую, влажную от утренних испарений землю. Ссыпал несколько пригоршней в твердый бумажный пакет. Мне хотелось, чтобы кусочек Гималаев постоянно присутствовал в моем доме.

Вишну, его жена, слуги провожали нас с цветами в ру-

ках. Цветов было великое множество — розы, тюльпаны. Когда мы погрузили их в машину, она стала напоминать передвижную оранжерею. Мы распрощались со Святославом Николаевичем, троекратно расцеловались по-русски и — в путь.

Шофер радовался возвращению, как дитя, ибо устал донельзя от пребывания в Рест Хаузе. Он, очевидно, наслушался всяких рассказов о привидениях, и по ночам его мучили кошмары. Каждую ночь — естественно, все это происходило во сне — на него нападали полчища злых духов, и, вооружившись саблём, он храбро сражался с ними. Он был счастлив, что полоса сражений сейчас позади. Нина Степановна понимающе, сочувственно кивала ему головой. А мне казалось, что кошмары тут дело десятое: просто-напросто царень соскучился по своей семье.

Обратная дорога прошла без всяких приключений. Вернулись мы в Дели поздним вечером. Снова — отель «Дипломат». Я снял точно такой же номер, как и прежде. Но стоил он теперь не семьдесят семь рупий в день, а восемьдесят восемь. В наше отсутствие подорожал бензин, и соответственно этому моментально поднялись все остальные цены.

«Первое, о чем помните больше всего: внимание к каждому человеку, с которым говорите, к каждому делу, которое делаете. Вся жизнь человека — только внимание. Это первая необходимость в жизни. Тот, кто не разовьет своего внимания в жизни каждого дня, не сможет ни в одной области достичь чего-либо большого.»

Каждый из нас пропускает без внимания сотни встреч, потому что не выработал привычки гибко и всецело переключаться полным вниманием от одного предмета к другому. Все упирается в рассеивающееся внимание или, вернее, в однобоко концентрирующееся внимание, упускающее из поля зрения все, кроме привлекающих дух мысли.

Обо всем надо помнить, все держать в памяти, хотя бы небо сияло в душе.

В твоей комнате стоит зеркало не для того, чтобы ты проходил мимо него, а для того, чтобы ты выходил из своей комнаты на люди, приведя в полный порядок свою внешность. Это первая из условностей, от которой тебя никто не освобождал. Не о себе ты должен думать, управляя пе-

ред зеркалом складки своего платья, а о людях, для которых твоя внешность может быть предметом раздражения, если неряшливость бьет в глаза или ты смехон в своей одежде. Запомни, что в нищету впадают чаще всего неряшливые. И даже высоко развитым духовно их неряшливость мешает продвигаться вперед в их пути. Всякая неприбранная комната отвратительна высокоразвитому и чистому человеку.

Вторая условность: «Здравствуй», которое говорят люди друг другу. Ты еще глубже должен понять это слово как привет любви, как поклон Огню и Свету в человеке. Это не только простая условность внешней вежливости для тебя, но остов твоего собственного доброжелательства в момент встречи с человеком.

Начинай через все привычные людям щели их условного общения друг с другом вносить благородство в сердца. Становись звеном духовного канала, общаясь в тех формах, которые не отталкивают людей и не затрудняют им восприятие твоего собственного образа, а привлекают их.

Следите за собой, но следите легко. Не изображайте из себя злощего и строжайшего наставника самому себе, как вы не желаете быть им для других. Душа каждого из нас — тот же нежный цветок, который нуждается в ласке и заботливости. Но надо понять, что собственная душа растет и очищается только силой той доброты, что источает сердцу встречного, а не приказом воли, повиноваться которой без легкости и доброты — и есть путь злых.

Ничего нет во Вселенной, что мог бы сделать человек, стоя в одиночестве. Все в мире связано нитями любви. И внимание, если человек выработал его в себе, до конца открывает каждому непрерывное свершение человеческих судеб. Будь внимателен к окружающим тебя людям, и ты будешь расширять свое внимание все дальше и дальше. И ты будешь видеть на много верст кругом, как и где нужна твоя помощь. Внимание человека утомляется и суживается потому, что оно много и долго обращено на самого себя. Когда оно перестает сосредоточиваться на себе, оно не знает усталости. Это для многих долгая и трудная работа. Человеку начинает казаться, что он только и делает, что думает о других. А на самом деле он имеет только более талантливую природу и ищет более широкого применения собственным талантам. И тут есть два пути: путь ума и путь сердца.

Идущие путем сердца не спрашивают себя, хорошо или плохо будет то, что они делают. Они идут и делают. Их ведет простая доброта.

Не ищи понять, как, куда и откуда идет человек, если он встретился тебе. Ищи подать ему помощь в эту минуту встречи. Ибо нет ничего важнее на земле, чем протекающая сейчас эта встреча. Если сумеешь внести в свою встречу мир, твоя задача выполнена. Бдителен будь в своем внимании, и вся жизнь ни на одну минуту не пройдет мимо тебя.

Тот, кто пришел к тебе,— самое главное твое дело. Оно первое по важности, отдавай ему всю полноту сил и чувств и не оставляй каких-то частей духа и разума для дальнейшего.

Вглядывайся пристально во встречи с людьми, думай только о них. Не примешивай к каждой встрече мыслей о себе и не примеривай на себя пути каждого другого человека, как платья. Нельзя носить все фасоны платьев и нельзя изжить все виды труда.

Можно только в данной тебе вековой форме труда пронести свое «сейчас» в таком величии знания тончайших струн человеческого сердца, в такой любви и сострадании к путям человеческим, что во всем, что выбросит в мир твой труд, для людей найдутся новые и более легкие возможности любя побеждать.

Ты должен по-новому смотреть на каждого человека, ища в нем не то, что сразу и всем видно, не бросающихся качеств ума, красоты, остроумия или злых свойств, а ту внутреннюю силу и доброту сердца, которые только и могут стать светом во тьме для всех окружающих среди их предрассудков и страстей. И если хочешь нести свет и свободу людям, начинай всматриваться в людей по-новому. Начинай бдительно распознавать разницу между мелким, случайным в человеке и его великими качествами, родившимися в результате его трудов, борьбы и целого ряда побед над самим собой. Начинай сейчас, а не завтра. Отойди от предрассудков, что человек — тот, чем он кажется, и суди о нем только по его поступкам, стараясь всегда встать в его положение и найти ему оправдание.

Как бы любвеобильны вы ни были, найти путь к единению в красоте человеку бестактному невозможно. Есть

старики, которым как будто специально дается долголетие, чтобы они поняли это свойство любви, чтобы научились распознавать во встречном его момент духовной зрелости, а не лезли к людям со своими пониманиями, спорами, жалобами и правоучениями, считая, что раз им что-то кажется таким, значит, оно такое и есть на самом деле и надо лететь и выкладывать из своей кастрюли все, что там кипит.

Обдумывайте каждое слово. Всегда распознавайте все то, что окружает вас, и помните крепко, что есть положения, когда лучше всего молчать. Кажущаяся внешняя инертность человека, всем видимая, часто бывает самой активной помощью тому, кто на вашу же инертность жалуется.

Те же люди, что бегают по дню в сумбуре своих страстей и торопливо, суетно несут всем кажущуюся помощь, те стоят на месте в смысле истинной помощи и приносят даже вред вместо пользы. Ибо истинная помощь — это мужество, быть может, иногда и суровое слово, которое не поправится встречному, а вовсе не поглаживание по головке слезливого человека. И чтобы иметь силу выказать это мужество и помочь своему встречному, надо вырасти в своем духе, в своем бесстрашии и такте.

Никогда в своих бытовых отношениях с людьми не ищи объяснений с ними. Ищи обрадовать человека, старайся начать и кончить встречу с каждым в радости. По избегай того, кто, хмурясь сам, старается искать в тебе причин своей хмурости. Беги тех семей, где живут, ссорясь. Те, кто рассказывают о своей любви к семье, а на самом деле являются тиранами и ворчунами, не меньшие преступники, чем любые воры, уносящие ценности людей.

Каждый, вступающий на путь знания, должен стараться говорить так, чтобы ни одно его слово не язвило и не жалило. Если будешь нести доброту в сердце, не сделаешь бестактности. Возьми новое правило поведения: не говори никогда и ничего о братьях и сестрах твоих, когда их нет с тобой. И говори только то, в чем не участвует твое раздражение. Каждый раз, когда слово осуждения готово сорваться с твоих уст, вспоминай, как мало тебе остается еще жить в этом теле и как каждое упущенное в пустоте мгновение разлагает не один только твой дух, но и дух каждого, с кем ты в это мгновение встретился.

Унесите с собой как завет: мужество и такт. Никогда не произносите слова, пока полное самообладание не приведет вас к мысли: человек, что жалуется или сетует мне, стоит на той точке своей эволюции, где ему еще не открылось, что все в себе, что он сам сотворил всю свою жизнь прежде, творит ее и сейчас. И только тогда ищите мужества в себе дать самый благородный ответ на самый низкий вопрос, самую недостойную жалобу.

Всегда, встречая людей, оказывая им помощь или передавая им знания, умеете приготовить в их душах почву, на которой может быть понято передаваемое вами.

Первая забота о человеке, если он поручен вам,— суметь стать в его положение и не превысить его возможностей в передаваемом ему деле.

Твердо помните не как теорию, а как практику ежедневного труда: «Может — не значит будет».

Каждый раз, когда вы подумали сначала о себе, то есть сказали себе: «Как трудно продвинуть в массы эти понимания», вы уже раскрыли щель в своей защитной сети и наполовину уменьшили успех предпринятого дела.

Нельзя врываться в чужую жизнь, предлагая свою помощь, если сам не обладаешь достаточными знаниями, помимо отваги и храбрости. Редко встречается в людях бесстрашие правды. Оно очень ценно не только потому, что охраняет самого человека от множества горестей, но и других защищает, помогая им сбрасывать с себя налет лжи. Но для того, чтобы это качество могло творчески помогать людям, сам человек должен точно, бдительно распознавать, насколько отвечают истине его собственные представления о делах и людях.

Нельзя иметь в сердце божественную доброту и при ней не развить до такого же масштаба в себе приспособления такта. Нельзя владеть огненной силой духа и не развить в себе полного понимания сил и характера встречного, чтобы всегда знать точно, в какой мере вы можете и должны вовлечь его в свой огонь.

Нельзя прикасаться к жерновам Единой Жизни иначе, как пронося в перемолотом виде все дары Истины людям. Если подать непонимающему самое заветное сокровище, он может умереть от неумелого обращения с ним, не принеся пользы ни своему окружению, ни себе.

Ничьи глаза нельзя раскрыть насильно. На земле очи каждого раскрываются тогда, когда он долго и много трудится.

Доброта личная в духовных отношениях, ложно понятое сострадание, то есть желание ввести неготового человека в мир новых идей и духовного творчества, в те высоты, где требуются уже вся мощь и вся гармония организма, приводят всегда к катастрофе. Как бутон цветка, насильственно пересаженный на чересчур яркое солнце, засыхает, вместо того чтобы распуститься, так и дух человеческий, введенный в более высокий план ранее, чем гармонично развитые силы всего его организма сами вызовут и притянут вибрации и частоту воли высшего плана, не дает не только плодов огненного творчества, но идет в искривление.

Вступая в новую орбиту движения творческих сил, сохраняйте в памяти начало своего пути, начало своих исканий. Вспоминайте, что не всегда вы были сильными. Не всегда побеждала в вас любовь без раздражения и горечи. И вам будет легче покрывать своей любовью, своим милосердием и миром ту духовную пропасть, что лежит между вами и теми людьми, кому несете свои новые знания».

Дни перед отъездом выдались суматошными. Но в памяти ничего особенного не отложилось. Очевидно, самое значительное уже произошло.

Нина Степановна — мы с ней виделись постоянно — ходила как в воду опущенная. Оказывается, на другой день после нашего отъезда появился Гуру. Он очень досадовал на Ницу Степановну за ее исчезновение. Ждал ее несколько дней в Дели, затем уехал, правда, обещал скоро вернуться. Но в пути схватил лихорадку. Слег. Об этом сообщил в телеграмме его чела.

Все это время мы жили в ожидании приезда Рерихов. Мы осведомлялись о них в отеле «Империал». В Дели — об этом мы знали от Святослава Николаевича — они всегда останавливаются именно там.

Седьмого июня, как раз накануне моего возвращения домой — восьмого я улетаю, — мы наконец дозволились до Святослава Николаевича. Было радостно услышать в трубке его приветливый голос. Он позвал нас к себе. Ровно в двенадцать, как условились, мы с Ниной Степановной были у него в помере.

Рерихи — они приехали вчера — успели отдохнуть с

дороги. Вид у них был свежий, бодрый, но несколько озабоченный. Здесь они сразу оказались вовлеченными в круговорот столичной суеты. Их атаковали журналисты; им нужно было готовиться к официальным приемам. На сегодня, например, им назначил встречу министр иностранных дел. Они должны были обсудить с ним вопрос о транспортировке картин Николая и Святослава Рерихов в Советский Союз на юбилейную выставку. Поэтому одеты были Рерихи по-праздничному: Святослав Николаевич — в белоснежном кителе, застегнутом паглухо на все пуговицы, Девика — в шелковом красном сари. На руках у нее вспыхивали белыми, желтыми и голубыми лучами бриллианты.

Нас они пригласили разделить с ними ленч. Мы спустились вниз и, миновав киоски и ювелирные магазины, очутились в огромном, прохладном, полусумрачном зале ресторана. Горели приглушенным матовым светом лампы. Оркестр играл вальс Штрауса.

Как всегда, у меня случилось недоразумение с едой. На первое нам подали холодную желеобразную массу. Это был замороженный мясной бульон. Я попробовал. Увидев мое вытянувшееся лицо, Святослав Николаевич сжалился надо мною. Он подозвал официанта, и вот мне принесли тарелку горячего дымящегося китайского супа. В нем плавали останки то ли черепах, то ли змей. Делать нечего. Ел, стараясь не смотреть в тарелку.

Вернувшись в номер, мы подвели итоги наших встреч. Условились на будущее. А потом за журнальным столиком я составил письмо Индире Ганди по поводу юбилея Рериха. Святослав Николаевич тут же перевел его на английский, отдал секретарю отпечатать на машинке. Он взялся передать письмо Индире Ганди, когда она возвратится из своего кратковременного отпуска, это должно было произойти не сегодня завтра.

«Уважаемая госпожа Премьер-Министр!

В связи с празднованием столетнего юбилея великого русского художника Николая Рериха, чье имя стало символом духовного и культурного единства народов Индии и Советского Союза, я хотел бы задать Вам несколько вопросов, которые интересуют нашу общественность. Не могли бы Вы, уважаемая госпожа Премьер-Министр, рассказать нам о Ваших впечатлениях об искусстве Николая Рериха? Мы были бы очень благодарны, если бы Вы поделились с нами Вашими личными впечатлениями от встреч с Ни-

колаем Рерихом. Если обстоятельства Вам позволят, не хотели бы Вы посетить выставки Николая Рериха и Святослава Рериха?

С глубоким восхищением и уважением

В. Сидоров».

По совету Святослава Николаевича я присоединил к письму свой последний сборник стихов. Я полагал, что имею некоторое моральное право на такой подарок: в книге были напечатаны мои первые «индийские» вещи — баллады о Сакья-Муни и Акбаре, а также цикл «Голубые холмы Индостана».

Вскоре по приезде в Москву я получил ответное письмо. Оно было датировано одинадцатым июня. Вот его текст:

«Дорогой господин Сидоров!

Благодарю Вас за Вашу книгу стихов. Я сожалею, что не знаю русского языка.

Николай Рерих действительно был великим художником и выдающимся человеком. Его картины, изображающие наши горы, красочны и полны глубокого чувства. В них схвачен дух Гималаев и дух самой Индии. Я встречала господина Рериха только однажды, когда мой отец и я были гостями в его доме в течение нескольких дней в 1942 году. Я была под впечатлением его личности. Действительно, вся семья была очень талантлива.

С добрыми пожеланиями.

Искренне Ваша

Индира Ганди».

Письмо было опубликовано в журнале «Огонек» и, конечно, сыграло свою конструктивную роль в подготовке юбилея художника.

И вот я опять прощаюсь с Рерихом. Теперь уже надолго. Святослав Николаевич обнял меня за плечи, сказал — это, пожалуй, прозвучало как напутствие: «Старайтесь всегда идти верхним путем. Когда будет трудно, вспоминайте слова Николая Константиновича: «Чем выше идеал, тем больше псов его облаивает». И добавил — внушительно и серьезно, — что отныне своими мыслями будет поддерживать и защищать меня.

А мне предстояло в этот день еще одно необходимое, но весьма хлопотливое мероприятие. У меня оставались

денеги, и в предельно короткий срок мне нужно было обязательно обежать магазины, чтобы купить подарки для родных и пополнить запас сувениров для знакомых. В сопровождении Нины Степановны я отправился на тибетский базар. И здесь произошла следующая история. Только мы вошли в тибетскую лавочку, только уселись, а перед нами хозяин высыпал на прилавок безделушки, как вдруг на пороге магазинчика выросла фигура человека в шляпе и с перекошенным от изумления и ужаса лицом. Это был мой однокашник по университету, а ныне переводчик арабской и индийской поэзии (он, в частности, перевел на русский язык книгу лирики Назрула Ислама) Михаил Курганцев.

Тут надо дать небольшое объяснение. От Миши Курганцева я знал, что он включен в состав писательской группы, которая направляется в Индию. Я же готовился к поездке в Индию по другой «линии» — от журнала «Огонек», — но держал это втайне от своего приятеля. Лелеял мысль поразить его впоследствии сюрпризом: сроки наших поездок примерно совпадали. Но случилось так, что писательская делегация опередила меня на целую неделю. Они выехали столь неожиданно, что я не успел предупредить друга о своих планах. Поэтому можно представить степень его удивления.

Он увидел меня со спины и последовал за мною («посмотреть на человека, который так похож на тебя»). Вначале не поверил своим глазам. «Подумал: мираж, призрак. Залететь за столько тысяч километров от Москвы и вдруг увидеть тебя здесь, в Дели, спокойно восседающего в тибетской лавочке. Я решил, что у меня от индийской жары просто-напросто свихнулись мозги».

Но мгновения растерянности и удивления прошли. Я представил Курганцева своей спутнице. Та чрезвычайно обрадовалась, что я встретил знакомого: она получила возможность, так сказать, сдать меня с рук на руки, а сама могла отправиться к друзьям-индийцам, чтобы навести справки о своем Гуру.

А я — теперь уже вместе с Курганцевым — продолжил рейд по торговому центру столицы.

Однако не успели мы сделать и нескольких шагов, как — новая встреча. Нас остановил возглас: «Товарищ Сидоров!» Кричал индеец в белом полотняном костюме. Я не сразу даже сообразил, что это доктор Синха. В посольство он узнал мой адрес. Звонил несколько раз мне по телефону, но не заставлял меня. Мне потом передавали от его име-

ни записки. Но я возвращался к себе столь поздно, что считал неудобным ему звонить. И вот теперь он сам передо мною, сияющий, возбужденный. «Какой я счастливый!» — восклицал он, выражая бурный восторг по поводу встречи.

Втроем — цель все та же: покупки — мы помчались, ускоряя темп шагов, по магазинам. Времени было в обрез: в половине седьмого они закрывались. Но появление Синхи упростило задачу. С его помощью я почти моментально истратил все деньги. Единственная покупка, на которую он наложил решительное вето, — чай. «Ни в коем случае не покупайте, товарищ Сидоров. Я презентую вам чай особого рода».

Он пригласил нас к себе в гости. Дом — здесь живут члены парламента, сообщил нам Синха, — был неподалеку от торгового квартала. После ходьбы и уличной сутолоки мы с удовольствием вытянулись в креслах. Доктор Синха громко хлопнул в ладоши: «Кришна!» Слуга, носящий имя великого бога, безмолвно и почтительно вырос на пороге комнаты. Достал из холодильника кока-колу, содовую. Пока мы утоляли жажду и наслаждались отдыхом, доктор Синха пересказывал свою биографию. Она произвела на моего товарища такое же оглушительное впечатление, как и на меня.

Курганцев возвращался в Москву ночным рейсом, я — утренним. Распрощались. Он направился к себе в гостиницу, а я — к себе, сопровождаемый, конечно, доктором Синха. Кстати, он преподнес мне обещанный дар: большую пачку чая полукилограммового веса. На ней крупными английскими буквами было напечатано: «Только для членов парламента». Могу признаться, что более вкусного и более ароматного чая я не пробовал. В Москве я берег его для торжественных случаев, для гостей.

В свою очередь, когда мы очутились у меня в номере, я отдал ему все оставшиеся московские сувениры: деревянные грибы, расписные матрешки, бутылку водки. Так как я общался с непьющим народом, то она без толку пролежала у меня в чемодане.

— Я не пью, — сказал доктор Синха, — но подарю ее своему знакомому летчику, летающему в Непал, в Катманду. Он большой любитель русской водки.

— Товарищ Сидоров, — обратился ко мне Синха, — а не хотите ли вы вместе со мною сходить в ашрам Вивекананды? Он не так далеко отсюда. Правда, встать надо очень рано, чтоб успеть вам попасть к самолету.

Я поблагодарил, но отказался.

— Нет сил, да и времени тоже,— признался я.

— Я вас завтра обязательно приду провожать,— заявил доктор Синха, когда уходил.

Он действительно пришел меня провожать. Пришел первым. Потом уже появились Нипа Степновна, Юрлов. Сделал трогательный подарок.

— Так как вы не попали в ашрам Вивекананды,— сказал доктор Синха,— то возьмите вот эту книжечку.

Он протянул мне маленькую брошюру, испещренную карандашными пометками: «Message of Vivekananda» («Послание Вивекананды»).

— Эта книжка всегда сопровождала меня во время полетов. Стала как бы амулетом. Пусть теперь она будет у вас.

Очки на переносице доктора Синха убыстренно задвигались. Значит, его осенила новая мысль.

— Товарищ Сидоров! Приезжайте в Индию месяца на три. Вместе с семьей. Я буду сам возить вас на своем самолете!

На этот раз я увидел Гималаи сверху. Небо было прозрачным, и под нами медленно плыли горные хребты, сверкающие белизной снегов. Трудно, как я уже говорил, выразить ощущение от Гималаев. О них написано много, а будет еще больше, ибо тема неисчерпаема. Но, на мой взгляд, нечто самое сокровенное затронул Ромен Роллан в своей книге «Вселенское Евангелие Вивекананды».

«Переведем дух! Залижем наши раны! Вернемся в гнездо Гималайских орлов! Оно ждет нас! Оно — наше! Мы, орлята Европы, не должны отказываться от своей истинной природы. Наша истинная природа — в этом гнезде, из которого мы когда-то вылетели, она — в тех, кто сумел сохранить ключи нашей башни — нашего Высшего Я. Мы вовсе не должны в ней замыкаться. Нам нужно лишь осветить свои усталые члены в великом внутреннем озере. Потом, успокоив лихорадку, с мускулами, налитыми новыми силами, вы вновь, если пожелаете, будете продолжать ваши Нашествия, друзья мои. Пусть, если таков Закон, начинается новый круг! Но сейчас необходимо, подобно Антею, прикоснуться к земле, прежде чем продолжать

борьбу! Обнимите ее! Пусть наша мысль возвратится к Матери! Пейте ее молоко! Ее сосцы могут еще напитать все народы земли».

Этими словами я, пожалуй, и заключу свой рассказ.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ЛОТОС БРАМЫ

Мысль прикасается, но трепетно
и зыбко
К великой тайне чакрам твоих.

В индийских источниках «чакрами» или «чакрамами» именуется невидимые центры человека, концентрирующие в себе его психическую энергию. Иногда их рисуют в виде своеобразных воронок, втягивающих в себя солнечный свет и космические излучения. Считается, что этим центрам соответствуют органы физического тела (сердце, солнечное сплетение и др.). Давно уже замечено, что поэтическая интуиция (вспомним древние сказания, мифы, легенды) опережает строгую, придирчивую, подчас недоверчивую логику научного мышления. Но наступает счастливый миг расширения человеческого сознания, когда наука и поэзия сходятся в одной точке. Проблема биополя, энергетических излучений человека, недоступных ранее нашему восприятию, а ныне фиксируемых чувствительными приборами, проблема, которая волнует умы ученых всего мира, непосредственно подводит нас к таинственным чакрамам индийских преданий. Великий американский поэт Уолт Уитмен говорил: «Я весь ле умецаюсь между шляпой и ботинками». То, что недавно казалось поэтической гиперболой, ныне становится реальностью, подтверждаемой тщательно проверенным экспериментом.

Вот почему новое освещение получают древние сведения о таинственных чакрамах человека. В «Лотосе Браммы» я обращаюсь к этой теме. Здесь многое определено и подсказано индийской традицией. Стихи строятся по принципу медитации, то есть по принципу внутренней мысленной беседы с самим собой. Я бы хотел, чтобы их воспринимали

как поэтическую интерпретацию той тайнописи, которую пытается расшифровать и использовать в своих целях наша современность.

ВСТУПЛЕНИЕ

Семь сфер Огня ты должен пронизать.
Седьмое небо — это Лотос Брамь.

Стихию незримого Огня
Ты окружен, когда уходишь в чакрам.

Движение чакрам есть очищение духа
И очищение тела и души.

Из вихрей из мертвящих воскресаешь,
Когда твой чакрам начинает жить.

А чакрамы — прожекторы. Включаем —
Свет прорезает тьму вовне и в нас.

Невидимые чакрамы твои
Стать органами действия стремятся.

Они живут, вращаются и властно
Преобразуют помыслы твои.

Коль чакрам действует — процесс
Начался. Дух звучит теперь в тебе. необратимый

Огонь ты извлекаешь из пространства,
Коль чакрам действует, коль дух заговорил.

Включивши чакрам, ты уже не можешь
Сам по себе тот чакрам отключить.

А чакры, в которые уходишь,
Есть тело света. Лишь в него облекшись,
Ты можешь стать творцом и сотворцом.

А чакры суть органы твои,
Которые сегодня устраивают
Кривозеркальность мира твоего.

Звучит в тебе великое Единство.
Все чакры сливаются в одно.
Различья есть. Но главное — Единство.

Ты в чакре любом соединен
Со всеми теми, кто работал также
Или работает.

Здесь встреча начинается твоя
С Единой Жизнью и Единым Светом.

Развие центров для того и пужно,
Чтобы полней воспринимать любовь,
Идущую от жизни.

А чакрам — это генератор счастья,
Родник воды воистину живой.

Едини чакры. Но есть различья все же
В строении, топальности и цвете.
И потому, коль ты настроил чакрам,
То действуй в этот день в его волне.

Работа с чакрамом — постройка цитадели,
В которой будешь ты песокушим.

Ритм чакрама пускай определяет
Твои дела, твое участие в них.

О чакраме весь день ты должен помнить
И уходить в него, когда нахлынут
И суета, и хлопоты твои.

Твой каждый чакрам — это щит незримый
И меч разящий, если нападут.

Вершина горная — вот что такое чакрам.
Взошел на гору. Так дыши всей грудью,
О дольнем мире в этот миг забудь.

А чакрам лишь вначале островок.
Потом он — континент, планета, Солнце.

Напоминает каждый чакрам Солнце.
Когда он действует, оно восходит в нас.

И каждый чакрам связь имеет с Солнцем
Прямую. И когда в работе чакрам,
Энергией он насыщает мир.

Включенье чакрама высвечивает вас.
Вниманье Космоса к себе ты привлекаешь.

Работа с чакрамом и делает сознание
Космическим. Из жителя Земли
Становишься ты жителем Вселенной.

Ритм Космоса становится твоим,
Когда работать начинает чакрам.

Познание через чакрам это есть.
Познание, отключающее чувства.

Оно — над чувством и над восприятием.
Через безмолвье познаешь звучащее,
А через вечность время познаешь.

Всегда готов к работе каждый чакрам.
Имей лишь мужество в движении привести
Рычаг незримый.

Глава первая

Есть такая формулировка: «Сердце на всех — одно». В пояснение этой мысли говорится:

«Сосредоточившись на чакраме сердца, ты отбрасываешь все свои личные мысли. а значит, личное «я». На какое-то мгновение становишься человеком вообще, как бы воплощающим в себе все человечество. Так происходит с каждым, работающим над чакрамом сердца. Вот и получается, что сердце на всех — одно».

Бушующее море, океан,
Вначале неподвластные безмолвью.

По ниточке над бездною иду.

Мысль — хрупкий мост и невесомый мост
Меж сердцем и меж мною.

А вот теперь я вижу красный цвет
И облака, наполненные светом.

Когда внимание прикуешь свое
Ты к чакраму, то он горит сильнее,
То он звучит — мне кажется — сильней.

Перемежаются и холод и тепло.
А сердце красное. А чакрам сердца белый.
А красный цвет уходит в белизну.

Оцепененье парунная сна,
В который вас мир плотных форм ввергает,
Дух начинает пробуждаться ваш.

Грань между спом и явственным условна.
То и другое сочетая в духе,
Ты в третье состояние обязап
Сбя ввести.

Смерть предвещает жизнь.
Смерть равнозначна жизни.
Очнувшись от Безмолвья, вновь и вновь
Рождаюсь я.

Теряешь «я» — приобретаешь мир
И новое очищенное «я».

А внешние заманчивые формы —
Условность. И меняются они.
Они нужны, чтобы тебя направить
На путь и подвиг духа твоего.

Все волшебство, все феномены мира
Ничто в сравненье с устремленьем сердца.

Но устремленность не должна быть жесткой,
А мягкой, незаметной быть должна.

Канонов нет. Все правила нелепы.
Для каждого — свой собственный закон.

Иди вперед не по чужому следу.
Ищи свой путь. Ищи свою тропу.

Физическое тело — аппарат,
Который дух настраивает ные.

Не ты, твой дух сигналы подает.
«Я здесь. Я здесь», — несется
в Беспредельность.

И регулярность этого сигнала
В любых условиях жизни так важна.

Но ведь и ты сигналы принимаешь,
Но только неосознанно пока.

Завеса, отделяющая вас
От высших планов, — лишь в самом тебе.
Она — в неверье, страхе и сомненье.

Будь чист душою и будь духом тверд.
Дабы могла пройти через тебя
Волна любви, Космической любви.

А Голос духа ты услышать можешь
Лишь через сердце. Нет других путей.

Безмолвный Голос — это голос сердца.
Понятия тождественны сии.

Грядущее и прошлое твое
Встречаются, когда уходишь в сердце.

Контакт, который раскрывает душу,
Вершится сердцем. Только через сердце

Ты можешь боль чужую ощутить
И радость тоже.

В известном смысле путь развития сердца —
Единственный ведущий к Свету путь.

Без подключения сердца соблазнишься,
И грех гордыни может захватить.

Любовь есть сила духа твоего,
Которая преобразует мир
Застывших форм и неподвижных форм.

Любить — ведь это значит познавать
И в каждом видеть искру Абсолюта.

Вдруг вырваться из временного в Вечность —
Какая радость и какой простор!

Огонь пространства вызываешь ты.
Огонь духа и космический Огонь
Соединяются, когда включаешь сердце.

Сердце в себе концентрирует память,
Но не простую —
Предвечную память.
Вечность есть тайна.
Предвечное — тайна из тайн.

Глава вторая

*Чакрам сознания иногда называют третьим глазом.
Считается, что физический орган, соответствующий этому
чакраму, расположен во лбу.*

Ни темноты, ни света. Ничего.
Немного ломит лоб.

Как будто вызов посылаю я
И жду ответа, отключив прожектор.

Но, боже мой, энергия какая!
Как будто луч, исшедший из меня,
Способен все пронзить и все прорезать.

А тяжесть, что слегка давила грудь,
Исчезла сразу — стоило уйти
Мне в область мысли.

Луч, бесконечность произав на миг,
К тебе же возвращается.

И волны, волны веют на меня,
Как будто кто-то ласково ко лбу
Незримою рукою прикоснулся.

Дыханье неба и дыханье света
Сливаются с дыханием моим.

Как будто бы во лбу образовалось
Отверстие, куда струится свет.

...И умираешь ты для временного.

Ты должен быть предельно обнаженным,
Как будто ты родился ниц и гол.

Контакт, уже палажешный тобою,
Не должен ты сомненьем прерывать.

Не отрицанье мира твоего,
А утвержденье мира происходит
И как бы освящение сего.

Ты в этот миг преобразуешь Карму.

Коль Солнце загорается во лбу —
Тьма отступает.

Твой третий глаз, твой потаенный взор
Тогда лишь действует, когда спокоен дух
И в равновесье и душа, и тело.

Да не закроют третий глаз сомненья
И пелена житейских мелочей!

А третий глаз чувствителен и чуток.
Он чувствует прикосновенье мысли.

Вся информация о прошлом и грядущем
К тебе идет, не загружая мозг.
Но в должный час вдруг вспыхнет озаренье
И станет ясным, что затемнено.

А третий глаз не видит, а предвидит,
Поскольку видит будущее он,
Поскольку прошлое ему открыто тоже.

Своеобразной линзой третий глаз
Мне представляется. Здесь все оттенки
спектра,
Но цвет оранжевый здесь самый главный цвет.

Свет, возникающий в сей липзе, необычен.
Он выметает все дурные мысли
В самом тебе, да и вокруг тебя.

И он к себе притягивает свет,
Идущий из великого пространства,
Идущий из глубин твоих незримых,
И фокусирует весь этот свет в огонь.

Усиьем духа создаешь ты сетку.
Она — преграда для ненужных мыслей.
И только мысль, прошедшая Безмолвье,
Безмолвьем озаренная придет.

А мысль твоя, сквозь чакрамы пройдя,
Дыхание второе обретает,
Дыхание Безмолвия песет.

Почувствуй освежающий поток,
Идущий сверху в этот миг прозрепья.

Не для себя я ощущаю Свет.
Не для себя я устремляюсь к Свету.

Источник Света, если дан тебе,
С единственной целью, чтоб ты видел
Единое во всем, что окружает.

Глава третья

В отличие от других чакрам воли не имеет воплощения на физическом плане. Считается, что он расположен симметрично чакраму сердца.

А с правой стороны я ощущаю
Второе сердце.

Я чувствую — второе сердце кровь
Струит по жилам, наполняя силой.

Здесь — Голос духа, и здесь — Сердце духа.

Не упусти, не упусти мгновенье.
Готовь себя к великому прыжку.

Приказ и зов не прозвучат здесь дважды.

Пробейся, Голос, сквозь мои невзгоды
И огорченья мелкие мои!

А чакрам твой опорный пункт для духа.
Через него тебя наполнит дух.

Себя отвергни — и войдешь сюда,
И меч в руках почувствуешь тотчас же.
Но до конца себя отвергнуть должен.

Ты сам мечом разящим отсеки
Свои сомненья, страхи и желанья,
Коль оживут и зашипят они.

А меч потом да превратится в посох,
Жезл направляющий.

Но Ад и Рай ты раздели в себе.
Лишь с этого момента и начнется
Твой путь через Чистилище твое.

Что значит Ад? Иллюзия и призрак.
Что значит Рай? Реальность бытия,
Сквозящая сквозь призрачные формы.

Твои ошибки — это испытанье.
Они важны не сами по себе,
А как ты к ним относишься.

Свободу воли превращаешь в гнет,
Когда в самом себе ты не уверен,
Когда подвержен токам темноты.

Но вырастает радость из страданья,
Но торжествует радость над страданьем,
Когда ты знаешь, кто ты и зачем.

Любой твой чакрам, чакрам воли тоже —
Твоя защита. Растворись в нем
Во время испытанья и невзгоды.

Здесь тишина энергию таит
Такою, что представить невозможно.

Вся тяжесть мира, внешней суеты
Здесь умирается незримою волною.

Здесь цвет гармонии — цвет желтый, золотой.
Он все себе оттенки подчиняет.

А импульс воли — это импульс сердца,
Свободного от страха и тревог.

И не суров зовущий Голос воли,
А радостен и внятно слуху он.

А воля — это выявление сил,
В тебе самом таящихся до срока.

Стремление постичь незримый мир
Есть мост, миры связующий друг с другом.

Ты учишься сегодня выходить
Из своего физического тела.

Из тела выйти надобно легко,
Без всякого усилья и нажима.

Теперь уже над чакрамом работай
Не только в одиночестве — в толпе.
Сумей найти свободное мгновенье
Для утвержденья духа своего.

А что такое воля? Выявленье
В тебе самом Космической любви.

К одной и той же цели все приводит —
К раскрытию Космической любви.

Нет, воля не смыкается с насильем.
Она — порыв Космической любви.

Гармония космических процессов
(Большой Вселенной и Вселенной малой)
Есть результат духовного стремленья,
Есть результат безмолвья твоего.

Свобода воли для того дана,
Чтоб, выросший из детских распашопок,
Ты стал творцом и сотворцом с Единой
И Вечной Жизнью.

Время искать.
Время к истокам своим возвращаться.

Время —
Предвечный Огонь ощутить.

Дерзай, человече,
И знай, человече:
Обратный твой путь
Не во времени —
Над.

Глава четвертая

*На физическом плане чакраму творчества и жизни со-
ответствует солнечное сплетение.*

Да будет Свет! — вот постоянный клич,
Когда дерзаешь взяться за творенье.

Да будет Свет! — все время повторяй,
Чтоб ни на миг в пути не уклониться.

Твори себя и мир вокруг твори
С таким же чувством, как творят молитву!

Огонь пространства и Огонь во мне
Соединились, превратившись в пламя.

Из кожаной одежды извлекаешь
Ты сам себя, когда уходишь в чакрам.

Энергия, рожденная на Солнце,
Через него идет, через него!

А творчество есть утверждение связи
Меж миром внешним и незримым миром.

Мир внешний и мир внутренний сомкнулись.
Здесь — точка единенья двух миров.

Здесь точка удаленья от себя.
Здесь точка приближения к себе.

Здесь орган интуиции твоей,
Над чувствами парящей и над мыслью.

Срединный чакрам. Здесь пересечение
Всех токов: как и низших, так и высших.

Здесь встречные потоки образуют
И вихрь, и бурю. Только дух и может
В гармонию их стычки превратить.

Распятые творчества — великое распятие.
Лишь добровольно на него идут.

Крест творчества и есть соединенье
Основы низшей с вашим высшим «я».

Их единенье есть преображение.
Без этого нет жизни. Нет тебя.

Ты распинаешь похоть, жадность, зависть
И страх пред жизнью и самим собой.

Но отвержение самого себя —
Не выполнение долга или мука,
А радость величайшая твоя.

Себя ты утверждаешь сим крестом,
Освободив светящееся тело.

Жизнь Космоса и творчество его
Ты через чакрам ощущаешь ныне.

Вступай в контакт с планетами иными,
Светилами безбрежного пространства.
Ты через чакрам можешь их узреть.

Два Космоса скрестились: Макрокосмос
И Микрокосмос, образуя крест,
Крест огненного творчества и жизни.

В согласии два Космоса привести —
Задача человеческого духа.

При помощи духа включай аппараты,
Которые действуют в нашем мозгу.

Творческий дух
Все пронизывать должен.
Воля быть творческой только должна.
Творческим — ум.
Ну а творчество сердца
Носит название,
Роднящее всех нас,—
Любовь.

Глава пятая

Центральному чакраму соответствует срединная часть грудной клетки. Нередко чакрам изображают в виде Чаши, из которой исходит луч, соединяющий с чакрамом, расположенным в области горла. Тем самым подчеркивается, что два чакрама — центральный и горловой — связаны между собой особым образом.

А Чаша жжет физическое тело.

Она есть синтез всех твоих начал,
Преображенных в чакрах духовных.

Все то, что переплавлено в тебе,
Огнем незримым наполняет Чашу.

Ты прикасайся к Чаше, как к святыне.

Не закрывай от взора своего
Священную сверкающую Чашу.

Из этой Чаши полной мерой черпай
И силу, и бесстрашие, и любовь.

А Чаша отливает аметистом.
Свет фиолетовый струится в тишине.

Хранитель Чаши — собственный твой дух.
Тебя он причащает этой Чашей.

А грудь моя мне кажется сейчас
Открытой нишей. В этой пище — Чаша.

А Чаша эта как бы в полумраке.
Свет от нее не ярост, а скорее —
Таинственен он, мягок, приглушен.

Слепящий луч, из Чаши исходящий,
Соединяет с Солнцем. Связь прямая
Идет через Него.

Круг солнечный содержит тоже Чашу.
Лучом с той Чашей ты соединен.

Ты ощущаешь ритм и пульсы Солнца,
И через чакрам Солнца постоянно
Его сигналы получаешь ты.

Огонь и свет, скопившийся в тебе,
Вверх устремясь, поднимаются над Чашей.

...И мысленно людей благословляй
Ты этой Чашей.

Прожекторами чакрам сегодня
Поднята Чаша радости твоей.

Великое доверие к тебе
Проявлено, коль ты благословлен
Испить из Чаши радости Вселенской.

Творенья Света, ты и я, и все мы
Должны хотеть почувствовать Творца.

Творенье и Творец нерасторжимы.
Их связью сокровенной жив твой дух.

Творец уверен, что его творенье
В конечном счете вспомнит о Творце.

Начало новой эры человека —
Творенье возвращается к Творцу.

Обетованье вечности твоей —
В священной Чаше.

То Чаша Жизни огненной твоей,
Едипой, непрерывной и бессмертной.
Все воплощенья прошлые твои
Слились в одно, соединились в Чаше.

Свет воплощений будущих твоих,
Как тонкий луч, пронизывает Чашу.

Тела уходят. Чаша остается.
Ее к Престолу Вечности песешь
Через миры, века и мавантары.

Над кругом времени ты поднял эту Чашу!

Глава шестая

Горловой чакрам — реализатор наших мыслей и чувств. Очищенные и преображенные духовным усилием, мысли и чувства человека во внешнем мире кажутся необычными, царственными. Может быть, поэтому чакрам олицетворяется величественным образом Престола.

Священной Чашей причащает тот,
Кто на Престоле духа восседает.

Подняться ввысь к подпожию Престола
Возможно лишь, вооружась бесстрашьем
И каждой клеткой Вечность возлюбив.

Но не ползи по-рабски по ступеням.
Сорвешься вниз, отброшенный назад.
Открыто, независимо, свободно
По лестнице, ведущей вверх, иди!

...И вот стою перед Престолом духа,
Его готовый выполнить наказ.

«Мой царь, мой повелитель! Дай мне отблеск
Сиянья негасимого высот.

Благослови, сидящий на Престоле,
Во имя Света дух мой устремил!»

Не некто на Престоле восседает,
Что чужд тебе и отдает приказы,
А это ты, преображенный духом.

Здесь ты такой, каким ты должен быть.
Когда свершится Путь Преображенья.

Не раздвоенье это — осознанье
Извечного и истинного «я».

Лишь цепи рабства сбросивший навек,
Лишь осознавший царственный свой дух
Идет путем единства с Абсолютом.

Но царствовать ты должен над собой,
Над чувствами и мыслями с умением
И величайшим тактом.

В минуты униженья и смятенья
Представь себя сидящим на Престоле.
Припомни, кто ты, и гляди спокойней
На мир страстей.

Ты независим, ибо твой Престол
Не могут колебать ветра и волны,
Ничто Его не может пошатнуть.

Все человечество ты сам в себе несешь,
Его страданья, взлеты и паденья.

От воплощений прошлых и грядущих
Не отчужден. Твой дух сверкает в них.

К источнику бессмертья припадая,
Ты освежайся волнами его.

Слились в безмолвье тело и душа
И устремленный дух. А это значит,
Что чакрам твой раскрылся и звучит.

Работа с чакрамом — преображение мира.
Не фраза это, а закон, который
Новейшая наука вам откроет,
Экспериментом четким подтвердит.

Материя в энергию вот здесь
Преобразуется. Незрима, невесма.
Электризует всех людей, весь мир.

Перекрещенье внутренних и внешних
Лучей собою образует чакрам,
Сияющий, как грозная вершина,
Величественный, будто бы Престол.

В основе мира простота лежит.
И механизм единства с Абсолютом
Предельно прост.

Все чакрамы, соединившись в Солнце,
Во внешний мир неодолимо рвутся
И прорываются.

Сдящий на Престоле озарен
Тем Солнцем восходящим.

Вдали, внизу,— дымящаяся бездна.
И время исчезает, как туман,
Пред солнцем духа.

А завтра дальше ты пойдешь, туда,
Где Лотос Браммы лепестки раскрыл
Для импульсов предвечных Абсолюта.

Глава седьмая

Чакраму Браммы соответствует орган, расположенный в головном мозгу. Считается, что это — самый таинственный и самый сложный из всех наших чакрам. Для облегчения работы с ним он разбит на семь основных секторов, в разных источниках носящих разные названия. Чтобы не сосредоточивать внимание на специфических терминах, я обозначаю их цифрами.

Символом чакрама Браммы, прочно укоренившимся в индийской традиции, является тысячелепестковый Лотос— Лотос Браммы.

1

Когда сольются в унисон звучащий
Вселенский пульс и твой ритмичный пульс,—
Тогда творцом ты ощутишь себя
И сотворцом с Единой Вечной Жизнью.

Не раз, не два был сотворцом ты с Нею.
Не раз, не два ты заключал себя
В круг времени. Но, прорывая круг,—
Осуществлял единство с Абсолютом.

Не в памяти все это отложилось —
В великой интуиции твоей.

Необходимость первая твоя:
Наладить, как проснешься только, связь

С истоком тем, что Вечностью зовется,
И не терять ее в течение дня.

Земля есть небо, если Лотос Брамь
Пришел в движенье, осенил тебя.

Через другие чакрамы на связь
Выходишь ты через сиянье Солнца.
Здесь—связь прямая с Космосом бессмертья.

Здесь вечность контролирует тебя.
Здесь Космос с Микрокосмосом слиянны.

Здесь приблизительно любые описанья.
Условны формулы. Виденья неточны.

Одно здесь безусловно — растворенье
В дыханье Абсолюта и любви.

В отрезок времени себя не замыкай.
Носитель Вечности ты в этом бренном мире.

Твой дух взлетает в мир надзвездный, чтобы
Великим Светом озарить себя
И воскресить дыханьем Абсолюта.

...И Солнце Солнц восходит над тобою.

2

Ты входишь в царство истинной свободы.
Оно тебе принадлежит от века.

Зависимость от внешних обстоятельств —
Иллюзия. Ее преодолей
Безмолвьем, медитацией, безмолвьем.

...Последний всплеск житейской суеты —
И небо открывается пред вами.

Не из надземной — из надзвездной сферы
Ты должен Глас великий различать!

Ты в Космосе, но Космос — часть тебя,
Коль ты соединился с Абсолютом.

Пред ликом Абсолюта светозарным
Тускнеют все незыблемые догмы
И замолкают имена Земли.

Из Царства духа изошли и ныне
Вы снова возвращаетесь туда.

Быть в духе — значит быть самим собой.
Так обретайте истинную сущность
Не только в медитации — везде.

А семя духа все в себя вмещает.
Когда приходит это осознание,
То небеса ликуют и трепещут.

Стократ благословенно воплощение,
Когда цветет и набирает силу
То Дерево Познания, о коем
Легенды человечество творит.

А образ Лотоса суть дела раскрывает.
Уходит семя в почву, чтоб вернуться,

Обогадившись соками земными
И превратившись в огненный цветок.

Искать чудес, имея Лотос Брамь,
Узнав о нем, надеяться на что-то
Смешно, грешно. Он — чудо всех чудес.

3

Вихрь образуется, бушует вокруг тебя,
Когда твой дух вторгается в пространство,
В мир временных и преходящих форм.

Твой дух — магнит. В его орбиту входят
Частицы невесомые, из коих
Куется тело духа твоего.

Вихрь мира страшен. Только вихрем Света
Тот ураган возможно укротить.

По воле Жизни и с согласия духа
Вихрь Света устремляется на землю.
И этот вихрь несущийся есть ты.

Твой путь вершится через чакрам Брамь.
На нем сосредоточься. Развивай
Его аспекты. И придет познание.
Придет раскрытие истины самой.

Под Деревом Познания посиди.
Пускай объемлет Океан Безмолвия
Тебя, твои мятущиеся мысли...

Чтоб воспринять идущий сверху Свет,
Ты должен отключиться на мгновение
От всех забот, от самого себя.

Ну, а потом, тот импульс восприпав,
Ты должен действовать.

Ты научись свободно и легко
Активный план сменять пассивным планом.
В слиянье их, в их плавном сочетанье
Победа заключается твоя.

Не перепутай и не сбейся в ритме.
Не действуй, когда нужно воспринять.

Слиянье с Космосом спачала ощути,
Дабы потом над Космосом подняться.

А Лотос Брамь — это Чаша Света.
Приникни к пей и жажду утоли!

Первичный звук мы называем АУМ.
Но мы уходим дальше, глубже, выше,
Коль Лотос Брамь раскрываем мы.

Покровы Майи сброшены. Забыты.
Обнажена сверкающая суть.

Мистерия космических стихий
Здесь совершается. Мы ловим смутный

отзвук

Мистерии в великой тишине.

Здесь над подвижным царствует недвижность.
Здесь, словно тепи, формы исчезают
В сиянии неведомых лучей.

А проявленьем истинной свободы
 И было воплощение твое.
 Твой дерзкий дух не утратился тягот,
 Ошибок, заблуждений неизбежных,
 Но с твердой верой в миссию свою
 Он устремился в мертвенные вихри.

Дух сделал выбор. Он не мог иначе.
 Ведь истина должна быть воплощенной.
 Она должна явиться во плоти.

Свободный дух свободный сделал выбор,
 И путь его светящийся пролег
 Пока пунктиром в мире плотных пластов.

Понять во времени, что было до него,
 Возможно лишь бестрепетному духу.

Ты должен как бы умереть для мира,
 Дабы воскреснуть истинно живым.

Усилье это сожигает Карму.

Замкнется круг. Тогда замкнутся токи.
 И человек — над бездной вознесен.

Тончайший вид энергии — духовный,
 Сильнейший вид энергии — духовный,
 И потому всепобеждающ он.

Законы воплощения непросты.
 Их много. Основной — Преображение.

Дух во плоти, пресбразуя плоть,
Рычаг великой силы получает.

Над воплощеньем и развоплощеньем
Ты должен стать хозяином. Ты должен
Постичь законы двух своих миров.

А медитация духовная, безмолвье —
Частичное твое развоплощенье.
Понаблюдай, как это происходит,
Со стороны сам на себя смотри.

Не смерть. не мука — воплощенье—радость,
Когда задачу выполнил свою.

Не смерть, а радость — и развоплощенье,
Когда задачу выполнил свою.

Венец чудес — жизнь духа во плоти.
Незримое светящееся семя
Уходит вглубь, чтоб Лотосом взойти.

Рост Лотоса и есть стремленье ввысь,
Которое влечет неудержимо
Порою даже вопреки всему.

5

В известном смысле воплощенье — смерть,
Ограниченье светлого для духа.
Но Свет проснется, и проснешься ты
И радость несказанную узрешь.

Распятыя временем копчаться, когда
Ты вечное зерно в себе почувшь,
Но не умом, а существом своим.

Быть посвященным — значит раскрывать
Усиьем духа тайны мироздания,
И пусть в усилье этом растворятся
И мысль твоя, и чувство, и душа.

Дух напрягай, чтоб память воскресить.
Реальность истины должна тебя наполнить.

Твое воспоминанье будит волны
Тех тонких сфер, откуда ты пришел.

И Посвященье есть сигнал к возврату,
Сигнал далекой Родины твоей.

Путь возвращенья — путь подъема в гору,
И потому здесь бдительность нужна
Особая, чтоб не сорваться в пропасть.

Реальность Абсолюта безусловна.
В сравненье с той реальностью есть соп
Все то, что окружает.

Единый, троичный, множественный Он.
Он многолик, троичен и единствен.

Жизнь в Абсолюте — это озаренье.
Одно мгновение — это цикл земной.

...Но, поднимаясь духом в небеса,
Мы ни на миг не забываем Землю.

Низы и верх светящейся чертой
Соединяет Воля Абсолюта.

Соприкоснувшись с тайной Абсолюта,
Ты не имеешь права прежним быть.

6

Единый принцип. Он же Абсолют.

Единство есть синоним Абсолюта,
Его Закон.

Через единство с Абсолютом только
Возможно единение с людьми,
Проикновенье в тайны мироздачья,
Познание сокровенное миров.

Ты чаешь воскресения из мертвых.
Оно — в твоём слиянии с Абсолютом.
А трубный Глас есть внутренний твой голос,
Зовущий к возвращению тебя.

А знать, что Лотос Браммы существует,
Одно уж это значит, что сейчас
Ты получил возможность возвращенья
Реальную.

Не упусти возможности своей!

Через Огонь мы все должны пройти.
Иначе и не будет возвращенья.

Желать Огня, просить, чтоб Он сожжет
Все низменное, грязное, чужое,—
Таков Закон Дороги возвращенья.

Дух воплощенный все иссет в себе
Для измещенья плоти и сознания.

Необходимо только — не забыть.
Необходимо только — помнить, помнить.

Доверье к духу и духовной жизни —
Так начинается твое Преображенье.
Сперва — доверье, а потом — любовь.

Мистерия Преображенья — это
Есть Жизнь, в себя включающая Космос.
Не полужизнь, а в полном смысле — Жизнь!

И жизнь, и смерть в тебе изменены.
Ты вознесен над жизнью и над смертью
Бестрепетным порывом к Абсолюту.

Ты исчезаешь для земных вибраций,
Чтоб, возвратившись, их преобразить.

...И возникает пред тобою мир
Застывших форм, окаменевших форм.
Ты должен искры высечь из него,
Зажечь огни, невидимые взору.

7

Не отрицанье смерти — Воскресенье.
Но утвержденье Всеединой Жизни.
Перед Единой Жизнью равнозначны
В известном смысле жизнь твоя и смерть.

Не отрицанье смерти — пониманье,
Что значит смерть, — несет нам Воскресенье.
А жизнь и смерть — ведь это смена ритмов
Бессмертной Жизни, Всеединой Жизни.

И, воплотясь, ты должен овладеть
Великой тайной смены этих ритмов.
И в этом путь возврата заключен
И воскресенья духа человека.

Не перед смертью страх преодолей,
А перед Жизнью. Смерть лишь измененье
Единой Жизни.

Из мутного потока выходи
Во время медитаций и безмолвья.
Пусть Вечность укрепит твой дух и мысль.

Над временем приобретая власть,
Что равнозначно власти над собою,
Ты воскресаешь из небытия.

А Воскресенье твое — свобода
От страхов, от сомнений, от иллюзий,
Свобода от всего, что есть не ты.

О радости не думают, а в ней
Живут всем сердцем, всей душой, всем телом.
Что значит радость? Высшее познание.
Она вращает чакры твои.

А Лотос Браммы — самый дальний пункт
Твоей незримой связи с Абсолютом.

Путь человеческий здесь четко обозначен:
Нисход, Преображение, Высота.

Огнь Вечности несет в мрак столетий,
И в нем преображаются они.

Дух, воскресая, изменяет все.
И он — другой. И все вокруг — другое.

Путь завершен. Но это завершение —
Лишь подготовка к Новому Пути.

РУКОПОЖАТИЕ НА РАССТОЯНИИ

Рассказывают, что однажды к Архипу Ивановичу Куинджи — мастеру строгому и взыскательному — пришел чиновник. Он принес эскизы, сделанные в свободное от служебных обязанностей время. Вопреки ожиданию, Куинджи понравились его наброски, и он посоветовал чиновнику продолжать занятия живописью. Однако похвала, вместо того чтобы ободрить и окрылить начинающего художника, вызвала прямо противоположное действие. Он тут же начал сетовать, жаловаться: дескать, служба, семья мешают искусству, нет времени и тому подобное. Куинджи выслушал и стал обстоятельно расспрашивать о распорядке дня:

— Сколько вы часов на службе?

— От десяти утра до пяти вечера.

— А что вы делаете от четырех до десяти?

— То есть как — от четырех до десяти?

— Именно: от четырех утра!

— Но я сплю.

— Значит, вы проспите всю свою жизнь. Надо вставать на несколько часов раньше.

По мнению Куинджи, если человек дерзнул сделать заявку на творчество, для него не существует никаких оправданий, никаких извинений. Сваливать вину и ответственность на внешние условия — значит обнаружить трусость, и не столько перед жизнью, сколько перед своим дарованием, значит изменить ему.

— Поймите, голубчик, — говорил в таких случаях Куинджи, — не жизненные обстоятельства сделали или делают вас тем или иным, нет, жизненные обстоятельства просто выявили или выявляют, что вы тот или иной. В самом себе — да, да, в самом себе — извольте искать причины бед и успехов, побед и поражений. И помните также, что лишь с обостренного чувства личной ответственности — и ни с чего иного — и начинается мудрость.

Еще в школе меня чрезвычайно поразило одно высказывание, или — точнее — признание (кажется, оно принадлежит Уолту Уитмену, но настаивать за давностью времени не могу). Воспроизвожу текст по памяти, таким, каким он существует многие годы в моем сознании: «Нет ничего, что бы ты мог скрыть от своих творений. Если ты лизмен, если дурно относишься к женщине, если ты любишь, чтобы во время обеда за спинкой стула у тебя стоял лакей, это обязательно скажется. Даже в твоих умолчаниях. Даже в том, о чем ты не напишешь».

Даже в том, о чем ты не напишешь. Вот почему, очевидно, первостепенной задачей великих мастеров прошлого и была, как мы знаем, забота о чистоте и предельной ясности мыслей, особенно в период творческой работы. Известно, что древнерусские живописцы, прежде чем взяться за кисть, постились, занимались так называемым внутренним деланием, чтобы обрести атмосферу равновесия, спокойствия и устремления. Приступив непосредственно к самой работе, они вели, по существу, монашеский образ жизни. Некоторые из них настолько ограничивали себя в еде, что принимали пищу лишь в субботу и воскресенье.

Ну, это примеры далекие, туманные, нам несозвучные — могут возразить мне. Хорошо. Обратимся к фигурам, не столь удаленным от нас во времени. Иван Алексеевич Бунин. Что могло быть общего между монастырски-суровым укладом жизни древнерусских художников и стилем поведения писателя XX века, жизнелюба, поклонника женской красоты? Оказывается — было. По свидетельству близких, за несколько дней до того, как сесть за письменный стол, Иван Алексеевич совершенно и патррез отказывался от вина (без которого обычно у него не обходился ни один обед), а в дни, отведенные для работы, как бы накладывал на себя некую эпитимью: начисто лишил себя женского общества; постные блюда, никаких излишеств в еде. Как видите, он делал то же самое, что и древнерусский мастер: тот же сознательный аскетизм, та же строжайшая дисциплина духа.

Так что не только произведение зависит от автора, в не меньшей степени и автор зависит от своего произведения.

Творенье заново воссоздаст тебя,
Таков закон. И таково творенье,
Которое быть истинным должно.

«Не ставьте себя на пьедестал,— советует современный индийский философ Кришнамурти,— отсюда будет падать». Что греха таить: вольно или невольно (может быть, по большей части и невольно) мысленно мы ставим себя то и дело на некий постамент, откуда или нас низвергают, или мы низвергаем сами себя. То и другое одинаково болезненно.

Право, наша самость, или — иными словами говоря — гордыня, мне иногда рисуется в виде многоглавого сказочного Змея: отрубишь одну голову, глядь — а на ее месте выросла новая, а то еще хуже — две или три новые головы. Чтобы победить такое чудовище, надо обладать не простым мечом, а волшебным мечом-кладенцом. Великие, как мне кажется, имели этот меч и владели им довольно искусно.

Кто знает: может быть, им помогала глубокая убежденность в том, что идеи и мысли, которые они несут миру, в сущности, им не принадлежат, ибо невозможно, собственно говоря, с абсолютной точностью определить безусловного и единственного творца любой мысли. В непрерывной лестнице нашего восхождения мы лишь передатчики и соединительные ступени. Ньютон, удостоившийся за свои труды всевозможных почестей, похвал и титулов, в конце жизни заявлял: «Если мне удалось подняться так высоко, то потому, что я был на плечах гигантов».

Может быть, им помогало также внутреннее понимание скромности своих достижений (какими бы значительными и грандиозными они ни выглядели в глазах людей) в сравнении с трудом всего человечества и величественным творчеством Вселенной? Сошлюсь опять-таки на Ньютона. Человек, открывший закон всемирного тяготения, ученый, составивший целую эпоху в истории научной мысли планеты, признавался: «Самому себе я кажусь лишь мальчиком, играющим на берегу моря и время от времени забавляющимся тем, что находит более гладкий камешек и более красивую раковину, а великий океан так и не познавший истины простирается передо мной».

Нашу задачу можно, пожалуй, сформулировать так: увидеть обычное в необычном и необычное в обычном. Если первое, а именно — различить в необычайном явлении приметы обыкновенности, при случае обнаружить даже пятна на солнце — мы еще умеем, то вот второе — выявить необычное в будничных примелькавшихся ве-

щах — составляет для нас порою главный камень преткновения.

Николай Константинович Рерих, на которого я неоднократно буду ссылаться, ибо вот уж многие годы он является для меня не только учителем творчества, но и Учителем жизни, сетовал на то, что люди придают такое ничтожное значение своей непосредственной связи с Космосом. Он говорил: «Верить не хотят люди, что их внутренняя лаборатория имеет космическое значение».

Звездный мир пульсирует, сужаясь.
Суживаясь, это — человек.

Еще в древности знали, что в человеке заключены все элементы Вселенной, что в макрокосмосе нет ничего такого, чего не было бы в микрокосмосе. Расшифровка тайн микрокосмоса неизбежно влечет за собой раскрытие тайн вселенной.

«Каждый нерв, каждая вибрация, — утверждал Рерих, — являют созвучия с космическими напряжениями». Отсюда — вывод: «Нужно привыкать к мысли, что люди беспрестанно творят. Каждым взглядом, каждым движением они меняют течение космических волн».

Если стать на эту точку зрения, представляете, какая ответственность ложится на наши плечи: ведь любой порыв нашей души, любой поступок рождает звучное эхо в глубине мироздания. Собственно говоря, жизнь, которую человек пытается строить по законам красоты (а творчество в широком значении слова и означает строительство действительности по законам красоты), жизнь повседневная, будничная, протекающая в данное мгновение (если мы стараемся одухотворить ее), и является самым ценным видом нашего творчества. Нет пустяков, нет деления на дела мелкие и крупные, все одинаково нужно, все одинаково важно. Вот почему с такой убежденностью Рерих заявлял: «Даже полы могут быть вымыты прекрасно!»

Словом, как в старину говорилось, поэзия пропизывает все. Она — везде. Ее нет лишь в плохих стихах.

В книге «Мудрость и судьба» Метерлиник пишет:

«Следовало бы, чтобы стоящий на страже у храма славы обращался к каждому приближающемуся поэту с несколькими простыми вопросами:

«Один ли ты из тех, которые создают или которые повторяют названия? Какие новые предметы видел ты в

свете их красоты и истины или же в свете какой новой красоты и новой истины видел ты предметы, раньше тебя виденные другими?»

Если поэт не может немедленно ответить на эти вопросы, если он смущенно медлит, пройдите мимо него не обернувшись. Он явился не из тех мест, где находятся источники».

Что и говорить: планка для нас, пишущих, намечена весьма высокая. Но, может быть, такого рода высота и необходима, чтобы воздействовать на нас отрезвляюще, чтобы мы соотнесли с нею свои силы и возможности.

В моем сознании эта мысль Метерлинка пересекается с напутственными словами Льва Николаевича Толстого молодому Рериху. Рассматривая фотокопию его картины «Гонец», на которой в таинственном и тревожном лунном освещении были изображены река, лодка, вестник, Лев Николаевич сказал: «Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет».

«Пусть ваш гонец очень высоко руль держит». Вот мерка, с которой подходил Толстой к области нравственных требований. Убежден, что с такою же меркой следует подходить и к области творческих требований тоже.

Разумеется, для того чтобы видеть вещи по-новому, не нужно становиться на голову или выбирать затейливый ракурс, дабы сместились неким особым образом — пусть даже уродливо — черты предмета. Нет. Говоря словами того же Метерлинка, «видеть вещи по-новому значит видеть их лучше, чем другие».

Пушкин восхищался описанием водопада в стихотворении Державина: «Алмазна сыплется гора». Он находил это выражение смелым, сильным, необыкновенным. Оно и было таковым в пушкинское время. Но если сейчас, по прошествии стольких лет, поэт, предположим, сравнит поток низвергающейся воды с тем же алмазным каскадом, а лунный свет — с серебром или золотом, то вряд ли кому-нибудь придет в голову объявить это поэтической новацией. По остроумному замечанию Жюлья Ренара, ныне серебро луны резко упало в цене.

В подражании нет и не может быть творчества. Это обостренно понимал, например, Сергей Есенин, когда с такой страстью и такой категоричностью восклицал:

Ганарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная нобрякушка.

Миру нужно песенное слово
Петь по-своейски, даже как лягушка.

На мой взгляд, парадоксальность нынешней ситуации заключается в том, что нам, современным поэтам, писать и легче, и труднее, чем прежде. Легче потому, что мы имеем счастливую возможность опираться на гигантский опыт, который накопила русская поэзия, на ее великую традицию. Труднее — в силу той же самой причины. К нынешнему дню русская поэзия практически освоила все виды стихосложения, все жанры, выработала определенные интонационные модели и образные структуры. Бери и пользуйся. Вот и пользуемся, и топчемся порой в заколдованном кругу устоявшихся стереотипов, не решаясь проверить себя вопросом: «Один ли ты из тех, которые создают или которые повторяют названия?»

Версификаторство, то есть умение владеть внешними техническими приемами стихосложения, можно сравнить с искусственным наращиванием бицепсов. Автор играет мускулами, любясь ими и приглашая любоваться других: я и так могу, и этак. И искренне удивляется, почему в нем не признают силача: ведь он строит стих не хуже Пушкина и Маяковского и идет дальше — у них, положим, нет слова «сипхрофазотрон», а у него есть.

Но банальность, в какие бы одежды она ни рядилась, всегда остается банальностью. И провести линию раздела между версификацией, мимикрически принимающей любые облики (тут тебе и модернизированный по последнему слову научно-технической революции стих, и ажурно-точная, наподобие синтетических кружев, стилизация классических образцов), и поэзией истинной не столь уж трудно. В конечном счете все сводится к двум простым условиям.

1. Элементарная независимость от чужого текста.
2. Подлинность переживания.

Если соблюдены эти условия, то смело можно гарантировать, что стихи несут с собой то, без чего не бывает стихов, — открытие. Излишне, наверное, объяснять, что слово «открытие» не означает появления в обязательном порядке необыкновенной метафоры или спогсшибательно дерзкой мысли. Имеется в виду иное, более существенное, более волшебное, когда мы получаем возможность прикоснуться к внутреннему миру другого человека и ощутить этот мир как незыблемую реальность.

Собственно, лишь тогда, когда внутренний мир человека настолько жизненен, настолько властно непререкаем, что он никак не может оставаться скрытым, что такого рода молчание не просто тяготит, а доставляет подлинное страдание,— только тогда он и получает право на воплощение. В остальных случаях нам, очевидно, следует прислушиваться к мудрому совету Льва Николаевича Толстого: «Если можешь не писать — не пиши».

В искусстве — и это давно уже стало аксиомой — очень важно не только что мы говорим, но очень важно и как мы говорим. По глупости, по неумению, а иногда и по злему умыслу можно о правильных вещах говорить так, что отворишь от них сердце. Вот почему для подлинных художников проблемы формотворчества, исполнительского мастерства всегда имели нравственную окраску, являясь, так сказать, вопросом их совести. Но, пожалуй, никто не ставил вопрос в той плоскости, в какой ее ставил Рерих: «Доброкачественность, или Врата в Будущее!»

Не правда ли, звучит как лозунг, звучит как приказ: «Доброкачественность, или Врата в Будущее!» Этот лозунг, равно как и настоятельные призывы Рериха полюбить сам процесс совершенствования (по его мнению, именно в этом заложена тайна преуспевания в любой области познания), базировались на космическом мироощущении художника. Наш опыт показывает, говорил он, что цель всякой жизни и всякого существования — совершенствование. Подключаясь через свой творческий труд (а таким может стать любой труд человека) к этому общему потоку, надобно помнить о цели, единой для всего живущего,— о совершенствовании. Отсюда вытекает, что забота о качестве является заботой о соблюдении космического закона. Поэтому Рерих и провозглашал:

«Понявший строй жизни, вошедший в ритм созвучий внесет те же основы и в свою работу. Во имя стройных основ жизни он не захочет сделать кое-как. Доброкачественность мысли, доброкачественность воображения, доброкачественность в исполнении — ведь это все та же доброкачественность, или Врата в Будущее».

В старину талант любили сравнивать с алмазом. Что ж, сравнение, очевидно, справедливое, но при этом следует помнить, что алмазы сами по себе — камни серые

и тусклые. Лишь при соприкосновении друг с другом, лишь при активном взаимном трении превращаются они в сверкающие гранями бриллианты.

Кто же выступает в качестве алмазов, совершающих чудо превращения? Творческая среда, коллеги по искусству? Нет, буквально все люди, с которыми вступает в контакт будущий писатель или художник, все жизненные обстоятельства, которые его окружают.

«Человек — дитя препятствий» — гласит поговорка. Отсюда парадоксальный на первый взгляд завет восточной мудрости: «Научились ли вы радоваться препятствиям?» Не огорчаться, не мириться с ними как с некоей неотвратимой необходимостью, а именно радоваться, ибо они и только они пробуждают наш дух, приводят в действие скрытые до поры наши внутренние силы.

Одного природного дарования для творчества мало. Это лишь одно из его слагаемых, это лишь отправная точка пути, ведущего, согласно латинскому изречению, «через тернии — к звездам». Чтобы творить — надобно жить. Это означает, что каждый шаг в избранной тобою сфере творчества должен быть выверен и подкреплен страданиями, муками и радостью твоего собственного жизненного поиска и устремления. Только то, что оплачено кровью, и воздействует на читателя. Если этого нет, то, как справедливо отмечал Генрик Ибсен, ты не творишь, а пишешь книги.

Есть негласный, как бы молчаливо подразумеваемый закон: в плохом стихотворении все плохо, в хорошем стихотворении все хорошо. В поэзии нет непререкаемых догм и твердых, как камень, постулатов: все здесь текуче и подвижно. Может случиться так: то, что в плохом стихотворении режет слух и взгляд, служит демонстрацией дурного вкуса, а подчас и несамостоятельности, в талантливом стихотворении, исполненном большой внутренней силы, будет выглядеть совершенно по-другому, не нарушая гармонии произведения, не привлекая к себе излишне пристального внимания.

Что может быть банальнее рифмы «свое — твое»? Уже в начале двадцатого века она становится предметом насмешек. Еще бы! Искусство рифмовки достигает высшей ступени виртуозности в эксцентрических экспериментах Хлебникова: «малюток — молю так», «видел — выдел» и тому подобное. А вот Блок не убоился старомодной рифмы. Помните:

Что ж, пора прищипаться за дело,
За старинное дело свое.
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?

И что же? Невзирая на это, его стихи оказались более устойчивыми по отношению к разрушительному действию времени, чем иные вещи с новаторскими и ультрановаторскими метафорами и ассонансами.

Как известно, Маяковский восторженно приветствовал появление светловской «Гренады». Он пропагандировал ее повсеместно. На одном собрании кто-то не без ехидства ему сказал: «Вот вы, Владим Владимыч, хвалите «Гренаду», а ведь там глагольные рифмы, бороться с которыми вы считаете своим долгом». И Маяковский величественно, как он это умел делать, отмахнулся от оппонента, словно от пазойливой мухи: «Я их не заметил».

Но тот же Светлов мне рассказывал (по-моему, в чьих-то воспоминаниях о Светлове приводится этот факт): «Однажды я написал по заказу газеты стихи. Стихи получились прямолинейными, лобовыми. Они были опубликованы, и в тот же день судьба свела меня с Маяковским. Он шел мне навстречу. Посмотрел на меня тяжелым взглядом, не поздоровался, ничего не сказал, пошел дальше. Но вдруг остановился, подозвал к себе и внушительно отчеканил: «Не умеете писать агиток — не пишите. Я умею — я пишу». Хотел было идти, но вновь остановился, словно вспомнил о чем-то важном. Добавил: «Помимо всего прочего, у вас там отвратительные глагольные рифмы».

С годами у меня сложилось убеждение, что существуют два типа издания стихов, принципиально отличающихся друг от друга.

1. Сборник, где произвольна расстановка стихов и где бессистемность как бы превращается в некую систему.

2. Книга, которая предполагает четкий внутренний сюжет, единство мысли и настроения.

Меня привлекает больше второй тип издания, и потому я предпочитаю выстраивать рукопись в виде книги. Естественно, что тогда чуть ли не главным предметом заботы становится композиция рукописи, соразмерная компоновка ее стихов. В поэзии правила математики неуместны: здесь от перестановки слагаемых сумма меняется, да еще как меняется! Все здесь важно: и какое назва-

ние будет у книги (недаром русская поговорка настаивает: «С именем — Иван, без имени — болван»), и каким запевом — какой первой строчкой — откроется книга («Начать сражение, — говорят англичане, — значит, наполовину выиграть его»; но, добавим мы, и проиграть, если полководец пикудышный), и в каком обязательном порядке будут идти те или иные ее разделы. Если хотите, свою сверхзадачу я вижу в том, чтоб стихи перекликались друг с другом (поэтому не боюсь повторяемости), чтоб они дополняли друг друга как части своеобразной поэмы.

Такой принцип построения книги изначально предполагает определенный отбор стихов. Вот почему получилось, что некоторые мои вещи до сих пор остаются бесприветными и бесхозными. Каждый раз я не включаю их в книгу, но не потому, что считаю неудачными, а потому, что они выпадают из замысла книги и тем самым разрушают ее цельность. Есть у меня, например, стихотворение, которое биографически дорого мне, дорого воспоминанием о той поре, когда я был начинающим:

В одном-единственном журнале,
Который был ни толст, ни худ,
В те дни мы с Музой обретали
Хотя бы временный приют.
В те дни невидимо, как духи,
В редакции бродили слухи.
Все, все таинственно дышало
Здесь ожиданьем перемен.
Редактор нашего журнала
(Я назову его N.N.,
Как было принято когда-то)
Недаром слыл за демократа:
Он, подавая нам пример,
Ошеломляюще был смел.
В порыве искреннем и страстном
Меня встречал он у дверей:

— Старик — читал!
Старик — потрясно!

Ты — гений!
Ты — Хемпигуэй! —

И пресекался голос, словно
Он должных слов не пахотил,
И виновато и безмолвно
N. N. руками разводил.

— Кури! —
И дым от сигареты
Струился к бронзовым часам.
— По ты, старик, как все поэты,
Умен.

Ты понимаешь сам, —

И доверительно и грустно
Он голос понижал слегка:
— Еще не время для искусства,
Оно уж близко.

Но пока...

Пока я подводить не вправе
Тебя и наш с тобой журнал.
Но все равно позволь поздравить,
Позволь обнять.—

И обнимал.

И в тишине оцепенелой
Гасил сочувственный свой взор.

И удивительное дело:
Миная длинный коридор,
Где крик стоял за переборкой,
Где пахло краскою клише,
Я шел с отвергнутой подборкой,
Но с ликованием в душе.
И мне казалось:

надо мною

(Незримо, правда, для людей)

Парит сиянье неземное:

«Он — гений.

Он — Хемингуэй!...»

Так вот: сколько ни ломаю голову, не ложится стихотворение не только в книгу, но даже в журнальную подборку. Выламывается оно из общего ряда, и ничего тут не поделаешь. Есть у меня, конечно, и другие вещи, которые по тем же самым соображениям я не извлекаю на свет божий. Чтобы их опубликовать, наверное, следует обратиться к тому типу издания, от которого я давно отказался, — к сборнику.

Среднего прозаика я всегда поставлю выше среднего поэта. Ведь прозаик, даже скромных возможностей и масштабов, обязан заботиться о развитии наблюдательности, если он хочет воспроизвести черты человеческого характера; он должен вникать в мелочи, знать, например, как пришивается пуговица, дабы не попасть впросак, и тому подобное. А для поэта это вовсе не обязательно. Он может, как говорится, выехать за счет общего пафоса и ударной силы рифмованных строк. Лишь бы не допускал явных несуразностей, перемещая, предположим, утреннюю зарю с востока на запад (помните знаменитое: «Встает на Западе румяный царь природы»). И шутовское продолжение этих строк: «И изумленные народы не знают, что же им начать: ложиться спать или вставать?»).

Расскажу о том, как я научился уважать прозу. Довольно долго я жил в плену приятного заблуждения, что с прозой я справлюсь легко. Просто недосуг, а вот выкрою кусок времени, сяду за стол и сразу накаатаю если не роман, то уж повесть во всяком случае.

Постепенно у меня сложился замысел вещи, которую я осторожно называл «Из воронежской тетради». Осторожно потому, что не мог толком определить для себя ее жанр: то ли это будут путевые записки с эссеистским уклоном, то ли очерки, то ли рассказы на документальной основе, то ли все это вместе взятое.

Я полагал, что упростил и облегчил себе задачу тем, что в основу будущей вещи кладу знакомый материал. Так как родом я из Воронежа, постоянно там бываю, то, естественно, у меня скопилась масса впечатлений. Надо было их лишь систематизировать и художественно обработать.

После долгих проволочек, которые обычно предшествуют такого рода мероприятиям, я наконец-то уселся за письменный стол. Первое открытие, которое я сделал, — материала в подлинном значении этого слова у меня нет. Полагаясь на память, я не вел никаких записей и почти не прибегал к услугам записной книжки. Для стихов резервов моей памяти, может быть, было и достаточно, а вот для прозы... Тут требовалось уже нечто совершенно иное: точное, а не приблизительное знание фактуры, деталей, речевых особенностей людей и многое-многое другое, о чем я раньше и не думал заботиться. Словом, я очутился перед разбитым корытом.

Однако это меня не обескуражило. Тогда я был легок на подъем и отправил сам себя в командировку — на три месяца! — для целенаправленного сбора материала. До сих пор с удовольствием вспоминаю об этой поездке. От этого путешествия у меня осталось несколько толстенных тетрадей, содержащих записи самого разного, порой неожиданныго, порой непредсказуемого характера.

Тут есть, например, притча, которую в прежние времена любили рассказывать в воспитательных целях подрастающему поколению деревенские патриархи.

«Умирает отец. И говорит сыну:

— Перед смертью даю тебе свой наказ. На работу идешь — ни с кем не здоровайся. Круглый год в сапогах новых разгуливай. Хлеб ешь только с медком. Исполнишь?

— Исполню, батюшка.

Так и сделал сын. На работу идет — никому не поклонится, никому слова доброго не скажет. Круглый год в сапожках хромовых погуливает. А хлеб только с медом и кушает.

Через год со всеми соседями рассорился, богатство развеял по ветру. Пошел куда глаза глядят. Идет, а сам плачет, отца проклиная.

Навстречу старик.

— О чем плачешь?

Поведал свою историю.

— Зря отца клянешь, — говорит старик. — Мудрый наказ дал он тебе, да волю отцовскую ты не исполнил.

«На работу идешь — ни с кем не здоровайся» значит: вставай чуть свет, когда все спят еще. Никого не встретишь — не с кем и здороваться будет. «Круглый год в сапогах новых разгуливай» — обувай сапоги по праздникам, вот круглый год они как новые будут. «Хлеб ешь только с медком» — когда наработаешься, хлеб сладким покажется, будто медом его намазали».

Есть запись любопытного разговора с директором сельского Дворца культуры — немолодой полной женщиной, закутанной — в помещении было холодно — в пуховый платок. Я застал ее за неожиданным и странным занятием: с потемневшими от напряжения глазами она переносила на белый лист ватмана изречение древнегреческого философа Пифагора:

«Благородная супруга!

Если желаешь, чтоб муж твой свободное время проводил подле тебя, то побеспокойся, чтоб он ни в каком ином месте не находил столько приятности, удовольствия, скромности, нежности».

Выяснилось, что в клубе планируется вечер встречи молодоженов. На этот случай и понадобился призыв эллинского мудреца.

Вот наш диалог:

— Наталья Ивановна, не мешают телевизоры плап выполнять? Ходит народ в кино?

— Смотря на что. Вчера вон был «Брак по-итальянски». Так валом валили.

— Понравилось?

Наталья Ивановна неопределенно пожимает плечами.

— Да как сказать. Немного стыдно было смотреть. Не привыкли мы к таким фильмам.

(В скобках замечу, что разговор происходил зимой шестьдесят шестого года. В наши дни, как вы понимаете,

он был бы невозможен: к таким фильмам, как «Брак по-итальянски», и не только к таким, уже привыкли.)

Согласно замыслу, одной из узловых тем моей вещи должна была стать проблема гибели малых рек. Тема затрагивала меня лично: ведь на берегу тихой речушки Потудани прошло мое детство. Здесь я научился плавать и однажды чуть не утонул. Сейчас в это трудно поверить, потому что речку в иных местах можно если не перешагнуть, то, во всяком случае, перепрыгнуть.

Никакой тайны за семью печатями не было. Дело в том, что стали распахивать пойменные земли.

Раньше никто на это не замахивался. Да если б и попытались, ничего бы не вышло: сохе не под силу цепкие корни диких луговых трав. Но вот появилась техника — тракторы, плуги, глубоко берущие землю, — и все пошло по-иному.

Урожай на заливных землях большие. Но забыли о самом главном (а может, не забыли, но решили: стоит ли придавать значение тому, что будет лет через десять — двадцать. Обойдется). Реки — разливные. Весной река выходит из берегов, затопляет пизину, возвращаясь в русло, тащит с собой чернозем. Год, второй — и вода занавозилась, поднялось дно. Обмелела, загрязнилась в одном месте, начала мелеть и в других. Десять — двенадцать лет, и речка — мутный ручей или нет ее вовсе.

В моих тетрадях — масса цитат из учебников по мелиорации, выписки из протоколов заседаний, посвященных проблеме обмеления рек, ссылки на уважаемые авторитеты. Одна из глав будущей книги, например, должна была представлять собой извлечение из трудов знаменитого русского историка XIX века. Я собирался озаглавить ее так: «Говорит Ключевский».

«...Лес и особенно степь действовали на русского человека двусмысленно. Зато никакой двусмысленности, никаких недоразумений не бывало у него с русской рекой. На реке он оживал и жил с ней душа в душу. Он любил свою реку, никакой другой стихии своей страны не говорил в песне таких ласковых слов, — и было за что. При переселениях река указывала ему путь, при поселении она — его неизменная соседка: он жался к ней, на ее непоемном берегу ставил свое жилье, село или деревню. В продолженно значительной постной части года она и кормила его. Для торговца она — готовая летняя и даже зимняя ледяная дорога, не грозила ни бурями, ни подводными камнями:

только вовремя поворачивай руль при постоянных капризных извилинах реки да помни мели, перекаты. Река является даже своего рода воспитательницей чувства порядка и общественного духа в народе. Она и сама любит порядок, закономерность. Ее великолепные половодья, совершаясь правильно, в урочное время, не имеют ничего себе подобного в западноевропейской гидрографии. Указывая, где не следует селиться, они превращают на время скромные речки в настоящие сплавные потоки и приносят неисчислимую пользу судоходству, торговле, луговодству, огородничеству. Редкие паводки при малом падении русской реки не могут идти ни в какое сравнение с неожиданными и разрушительными наводнениями западноевропейских горных рек. Русская река приучала своих прибрежных обитателей к общежитию и общительности. В древней Руси расселение шло по рекам и жилые места особенно сгущались по берегам бойких судоходных рек, оставляя в междуречьях пустые лесные или болотистые пространства. Если бы можно было взглянуть сверху на среднюю Россию, например, XV века, она представилась бы зрителю сложной канвой с причудливыми узорами из тонких полосок вдоль водных линий и со значительными темными промежутками. Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, обращаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхожденне».

Но вот как будто весь материал собран, предварительная работа закончена (на это, кстати, ушло около года). Я один на один со своими записями, наметками, замыслом. Дальше, как говорится, дело техники.

Однако вот эта техника, в корне отличающаяся от стихотворной, на первых порах меня и поставила в тупик. Честно говоря, я просто растерялся перед теми возможностями, которые представляет проза. В стихах размер и рифма как бы выпуждают тебя к единственному, однозначному решению задачи. Пусть это будет иллюзией, но, по крайней мере, ты сам хотя бы уверен в правильности выбора.

Здесь же такой уверенности быть не могло. Здесь варианты решения были или, вернее, представлялись мне бесчисленными. Я работал в поте лица, перечеркивая тексты, переставляя абзацы и слова в поисках той топально-

сти, которая заменила бы дисциплинирующие меня стихотворный размер, ассонанс, рифму.

А сколько мучений мне доставил пресловутый стиль! Проза должна быть стихом, не разбитым на строчки, вычитал я где-то; вот я и следовал этому совету, стараясь в то же время избежать излишней орнаментальной поэтизации материала, в которой критики обычно — и не без оснований — упрекают поэтов, пишущих прозу.

В общем, преодолевая сопротивление материала, преодолевая собственное внутреннее сопротивление, я обескураживающе медленно, но достаточно упорно продвигался к цели. Писал я — и порой мне это даже нравилось — примерно следующее:

«Случилось так, что в век механизмов и скоростных самолетов мне посчастливилось (я подчеркиваю: посчастливилось) ехать на лошади. Мое желание, моя добрая воля здесь были ни при чем. Помогла погода. Всю ночь валил снег. Снегу намело столько, что даже газик, исполняющий роль вездехода, обязательно застрял бы. Пришлось обратиться к старинному способу передвижения. Запрягли лошадь. Она была рыжей, низкорослой и мохнатой.

Я был одет не по нашим морозам. Холодные ботишки, импортное пальто, запросто продуваемое ветром. За свою беспечность я заплатил бы дорого. Но меня пожалели. Вытащили откуда-то тулуп. Набросали в сани соломы, чтоб было теплее. Парень в жестком желто-белом полушубке взмахнул кнутом и...

Я хотел написать — понеслись («какой же русский не любит быстрой езды»). Но, увы, лошадь оказалась меланхоличным существом. Она брела не торопясь по рыхлому, не успевшему затвердеть снегу и не обращала внимания на понуканья и кнут.

Зима, столь тщательно выметаемая в городе машинами и вручную, открывалась мне замедленно и даже торжественно.

Свежая белизна, не тронутая следами. Деревья, опущенные снегом. Черные стебли колючек. А вдали — синий затуманившийся снег.

Тишина, скрип полозьев, снег. Как тут не быть воспоминаньям!»

И так далее и тому подобное.

Но когда все было вычищено и выправлено, когда рукопись вернулась от машинистки (получилось три или три с половиной листа — не более) и когда несколько отстраненным взглядом я ее прочитал, то удивился и оторопел.

Слишком уж велика была дистанция между замыслом и воплощением. Самое забавное состояло в том, что ее можно было опубликовать: насколько я знал ситуацию, она вполне соответствовала редакционным требованиям. Слава богу, что у меня хватило соображения спрятать рукопись подальше и никому ее не показывать.

Однако труд не пропал даром. По горячим следам свою прозу я превратил в стихи, вышедшие потом под названием «Емшан». Кстати, это было первое издание, которое с начала до конца я построил по законам книги, а не сборника.

А к прозе я долго не прикасался. За прозу я дерзнул взяться лишь семь лет спустя, когда писал творческую биографию Рериха «На вершинах». Но там я не думал о стиле, там сам материал властно определял форму изложения. Там, в процессе работы, я получил наконец возможность осознать правоту парадоксального заявления одного французского писателя, что стиль — это забвение всех стилей.

В японской поэзии существует утопченная форма короткого стиха — хокку. Что такое хокку? Это — океан, суженный до размера аквариума, но все равно остающийся океаном. Пространство стиха крошечное — всего три строчки, всего семнадцать неизменных слогов, а вмещает оно в себя целый мир человеческих переживаний и мыслей.

Каким образом достигается столь невероятная степень концентрации материала? На чем держится этот мир? А держится он, как на неких сказочных китах, на отечкаренных временем понятиях, превратившихся в метафоры, а затем трансформировавшихся в возвышенные символы. Символы же, как известно, обладают счастливой особенностью говорить человеческому сердцу больше, чем длиннейшие описания и рассуждения. Достаточно, предположим, упоминания о священной горе Фудзияме, чтобы японскому читателю стал ясен сокровенный смысл внутреннего устремления автора. Вишня, которая, как у нас в России береза, является олицетворением Родины, сразу, наподобие камертона, настраивает душу человека на определенную волну.

В стране моей родной
Цветет вишневым цветом
И дикая трава.

Сама собой напрашивается параллель между хокку и японской живописью, крайне экономной в средствах и в то же время крайне выразительной. Целая гамма впечатлений здесь передается при помощи нескольких четких, графически четких деталей: контур горы, дерево, небо. В таком рисунке есть что-то от экспромта. Это как бы мгновенный снимок бытия. Собственно, на тех же самых принципах основана и японская поэтическая миниатюра, и потому она подчас воспринимается как своеобразное продолжение японской акварельной живописи.

Осенняя луна
Сосну рисует тушью
На синих небесах.

Казалось бы, как много сказано в трех строчках — и, однако, как много здесь и недосказанного. Эти строчки — своего рода импульс, который должен побудить к действию внутреннее зрение и внутренний слух. Перед нами — штрихи, которые наше воображение должно продолжить и сложить в целую объемную картину.

Холодный чистый ключ.
На дне блестят монеты.
Их путник обронил.

Считается, что в отличие от Японии и вообще Востока в русской поэзии не получил распространения и развития жанр миниатюры. Поэтому нередко можно слышать утверждение, что у нас нет аналогов лаконичной форме японского стиха — трехстрочному хокку и пятистрочной танка. Вот с этим я решительно не согласен. Явление, аналогичное японской миниатюре (аналогичное, но не тождественное), у нас есть. Это — частушка.

Разумеется, я далек от мысли проводить прямолинейное сравнение между двумя поэтическими традициями и, опираясь на это сравнение, связывать их в единый узел. Однако хочу заметить, что формальные признаки дают основания для сопоставления: японской танка у нас соответствует частушка (в большинстве случаев она является четырехстрочной), хокку — страдания (тоже трехстрочные и даже, как вы знаете, двухстрочные).

Но дело, конечно, не в этом чисто внешнем сходстве. Есть вещи внутреннего звучания, которые, на мой взгляд, объединяют феномен японской миниатюры и феномен русской частушки.

И в том, и в другом случае это — экспромт, то есть мгновенный снимок бытия. (Не надо пугаться слова «экспромт», считать его чем-то легковесным и несерьезным. Подлинный экспромт — это итоговая, завершающая точка предшествующего напряженного длительного и подчас мучительного процесса.)

Затем: в русской частушке и в русском страдании, как и в японской миннатуре, очень часто на первый план выступает метафора, играющая роль опознавательного знака, за которым должны угадываться непростые и глубинные повороты человеческих судеб.

Она — моя дама вишей,
А я, дурак, сохну по ней.

Или:

Крикну, крикну вдоль по речке,
Поилвут мои словечки.

Но характер народа проявляется во всем. В частушке — тоже. Если хокку и танка — сама закономерность, где раз и навсегда определены неумолимо четкие границы для стиха (их же не преидеши) и тем самым как бы predetermined русло, по которому должно идти течение поэтической мысли, то частушка, законы которой изменчивы и неопределенны, являет собой стихийное, непредсказуемое начало. Здесь обостренное восприятие событий не ведет, как это бывает на Востоке, к примирению с ними. Наоборот, оно ведет к предельному обострению чувства, которое под горячую руку может даже замахнуться на все мироздание. Может, например, подвигнуть на такого рода решительный вывод:

Неправильно мир построен:
Кого любишь — недостойн.

Если верить специалистам, частушка появилась примерно сто лет назад, и с тех пор она — неизменная спутница всех без исключения перемен в нашей жизни. Мозаика частушек — это, если хотите, мозаика самого времени. Можно, очевидно, написать целое исследование на тему о том, как отражалась история страны в частушках, какое своеобразное преломление она получала в них.

Комиссар, комиссар,
Как тебе не стыдно:
Сквозь твой галихво
Все на свете видно.

Само собою понятно, что такую частушку распевали во времена продразверстки и комбедов, когда комиссары жили по законам военного коммунизма, а волостное начальство щеголяло в лаптях.

Дорогая Настя,
Нам с тобой несчастье,
Золотые кольца
Сняли комсомольцы.

Это — годы коллективизации, годы бескомпромиссной борьбы с атрибутикой прошлого мира. Вряд ли кто-нибудь тогда подозревал, что пройдет определенный промежуток времени — и на комсомольских свадьбах будут обмениваться золотыми обручальными кольцами и что белая подвенечная фата, отвергаемая и презираемая, вновь войдет в моду.

Шла милому кiset,
Не хватило косяка.
Я за этим косяком
До Ростова босиком.

Это уже, конечно, Великая Отечественная война.

Я отдаю себе отчет в том, сколь многим в своем творческом поиске я обязан частушке. Напевные слова, услышанные в детстве и вновь ожившие в памяти, нередко — особенно в первых моих книгах — давали дыхание стиху, цементировали его образную структуру. Иногда они целиком определяли замысел вещи. У меня есть баллада под названием «Свадьба». («Был непохож, увы, несколько на свадьбу свадебный обряд».) Она выросла из частушки, которую я записал в 1958 году в Белгородской области:

Ты, война, ты, война,
Ты меня обидела,
Ты заставила любить,
Кого я ненавидела.

Но вот что любопытно отметить. Частушки пели (да и поют) массы, а назвать их явлением массовой культуры нельзя. Обратите внимание, что в отличие от подавляющего большинства современных песен их тексты могут жить совершенно независимо от музыки. Не это ли свидетельство их художественности, в лучших образцах достигающей высокого, подчас прямо-таки философского уровня. Судите сами:

Подходила к синю морю
И хотела утонуть.
Сине море говорило:
«Лучше ты его забудь».

В глубине моего сознания эта частушка перекликается со знаменитой притчей о кольце царя Соломона. По преданию, царь владел кольцом, на котором было выгравировано изречение: «Все проходит». В минуты горя и тяжелых переживаний Соломон глядел на надпись и успокаивался. Но однажды случилось такое несчастье, что мудрые слова, вместо того чтобы утешить, вызвали у него приступ раздражения. В ярости сорвал он кольцо с пальца и бросил на пол. Когда оно покатилося, Соломон вдруг увидел, что на внутренней стороне кольца тоже есть какая-то надпись. Заинтересовавшись, он поднял кольцо и прочел следующее: «И это пройдет». Данная, казалось бы, сверхтрагическая ситуация тоже была предусмотрена вековой мудростью. Горько засмеявшись, Соломон надел кольцо и больше с ним не расставался.

«И это пройдет». Вот почему море (а для народа оно всегда было олицетворением глубины и широты) так мудро, так утешительно советует: «Лучше ты его забудь».

Платона принято считать автором теории андрогината, породившей многочисленные легенды (вы наверняка их слышали) о двух половинках души, разъединенных, ищущих, но по большей части безуспешно, встречи друг с другом. Согласно Платону, Зевс подверг суровому наказанию первых людей Земли, сочетающих в себе женское и мужское начало, за их гордость. Он разрубил их пополам, сбросил половинки в разные стороны и тем самым обрек их на мучительные страдания и неутолимую жажду любви. Дело в том, что найти утраченную половину не так-то просто. Очень часто сочетаются половинки, друг другу не принадлежащие и даже друг другу враждебные. А смысл человеческого существования отныне — так вытекает из платоновского мифа — состоит в том, чтобы найти именно свою половину и восстановить нарушенное некогда единство. Лишь тогда человек станет совершенным и обретет наконец-то полноту истины.

В литературе, которая — вольно или невольно — разрабатывает на разные лады этот древнегреческий сюжет, классическим примером соединения двух половинок души может, пожалуй, служить встреча Ромео и Джульетты, а также не менее романтическая, но совершенно реальная встреча Беатриче и Данте. Образ Прекрасной Дамы так или иначе владеет воображением поэтов. С этой точки зрения любовные похождения Дон Жуана падают опражда-

ние в его стремлении к идеалу, взглянуть в лицо которому после всего им совершенного было равносильно смерти, а горькие, как бы подернутые дымкой тумана стихи Блока объясняются тоской по обретенному, казалось бы, но потом утраченному идеалу.

Если быть внимательным, то эхо платоновского мифа можно легко различить в сказках разных народов. Собственно, что такое «Спящая красавица» Шарля Перро? Не запечатлен ли в ней в символической форме поиск женской половины? Принцесса нарушает возложенный на нее обет послушания и погружается в длительный заколдованный сон, и вот принц, предназначенный ей от века, должен родиться сто лет спустя и преодолеть всякого рода опасности и трудности, дабы соединиться с нею.

Тот же сюжет, но зеркально перевернутый — в русской народной сказке «Аленький цветочек»: здесь показан поиск мужской половины. Путь друг к другу пелегов, он требует, чтобы к моменту великой встречи ты был внутренне подготовлен к ней. В обличии чудовища может предстать твоя половина, и только благодаря самоотверженной силе любви чудовище может превратиться в принца (как это происходит в «Аленьком цветочке»), то есть обрести свое истинное лицо.

Отсюда вытекает, что любовь — это прежде всего выражение огненного устремления и духовной мощи. Если говорят, что любовь бессильна, значит, это не любовь, а подделка под нее или в лучшем случае пробуждающееся, но еще лишенное четких внутренних ориентиров желание любви.

Помню, как меня поразило изображение двуглавого павлина, которое впервые я увидел десять лет назад в столице Филиппин Маниле. Как выяснилось, двуглавый павлин является эмблемой апостола Фомы на Востоке: по преданию, Фома был первым проповедником христианства в Индии и погиб, сраженный копьём язычника, в Мадрасе. Эта эмблема выткана здесь на рясах священников; скульптуры двуглавой птицы украшают церковные приделы, экспонируются в музеях. Долгое время я не мог понять, что означает этот загадочный символ, а когда — как мне показалось — понял, то написал вот эти стихи:

Легенды древние наплыли
Волной своею
И чужой —
А две души
Когда-то были
Как бы одною душой.

Потом пришло
Разъединенье.
Твердь отделилась
От земли,
Рождая страшное забвенье,
Века меж ними пролегли.

И душам должно
В отчужденье,
Страдая
От незримых пут,
Идти
Сквозь смерти и рожденья,
Пока друг друга
Не найдут.

Ну а павлин,
Над всей Вселенной
Крыла расправивший свои,
Залог той встречи неперемной
И восстановленной любви.

Разумеется, моя версия ни в коей мере не согласуется с ортодоксально-католической. Но — как мне думается — она имеет под собой реальные основания. Ведь неспроста павлин изображается с двумя головами, но с одним сердцем. Ведь неспроста апокрифическое Евангелие от Фомы, найденное сравнительно недавно, в 1946 году, в Каире, содержит такие таинственные слова: «Некогда вы составляли единство, но вас стало двое».

Одно время меня неотступно преследовала мысль об эниграмме. Почему бы этот жанр, столь популярный в пушкинскую эпоху, не возродить в наши дни? Я даже попытался набросать некоторое подобие программы действия в этом направлении.

Боюсь, мой друг, что мы с тобою
Прекраснодушным грешим,
Мы снисходительны порою
К врагам проверенным своим.

Мы их не значим в черном списке,
Себя на споры не мельчим.
Мы чересчур уж олимпийски
На нихзираем и — молчим.

Конечно, на статью статью
Не нам с тобою отвечать,
И не умеем мы с тобою
Иезуитство обличать,
Не выходя из тесных рамок...

Но мы забыли, ей-же-ей,
Что есть на свете эниграмма.
Как мы могли забыть о ней!

Она ведь Пушкину служила,
Она ведь создана для них,
Неумирающих злоев,
Клевещущих на русский стих.

И в ней я вижу больше прока,
Чем в силлогизме преглубоком.
И весело в свободный час
Врагу напомнить непароком:
— Не бойся. Не уйдешь от нас.

Раз оказался под рукою,
Проткнем тебя наверняка
Одной-единственной строкою,
Как колорадского жука!

Всех, всех отметим!
Мы не вираве
Не думать о посмертной славе
Своих противников упрямых...
Пускай противники мои
Живут хотя бы в эниграммах.
А что статьи... Умрут статьи.

Должен признаться, что программа поддержки не получила. Так называемые противники возмутились (дескать, занимаюсь самовозвеличиванием, обещая им бессмертие в своих эниграммах), а так называемые друзья, работающие в жанре критики и литературоведения, обиделись (как это я посмел утверждать, что «умрут статьи»).

Тем не менее я не собирался отступать от намеченного. Я даже придумал соответствующие фамилии для своих будущих персонажей, не так далеко отстоящие от подлинных,— «Распадин», «Скотский». Даже написал эниграмму на одного пародиста, не очень четко усвоившего правила школьной грамматики. («А я, поняв твои печали, тебе желаю от души: ты русский выучи вначале, потом пародии пиши».)

Однако дальше первых попыток дело у меня не пошло. Честно говоря, я вскоре обнаружил, что стараюсь искусственно разозлить себя, выдавить из себя гнев и негодование, которых у меня нет. Может быть, где-то интуитивно я осознал то, что впоследствии оформил в стихи:

Стимул к движенью даст не соратник,
Дает не союзник — противник дает.

Я не знал тогда знаменитого восточного изречения: «Движение есть щит от вражеских стрел». Но были слова, созвучные этой мысли, — слова Ромена Роллана из «Жана-Кристофа», которые являлись для меня в ту пору и утешением, и своеобразным оружием: «Враги, стремящиеся нам вредить, мы недосыгаемы, мы неуязвимы для ваших ударов! Вы бьете впустую! Я давно уже не здесь!»

Вестник и весть пришли.
Весть дошла до людей,
Если хула началась.

Эти строки прозвучали под сенью развесистого баньяна в бангалорском доме Святослава Николаевича Рериха. Жизнь членов семьи Рерихов — и самого Николая Константиновича, и жены его Елены Ивановны, и сыновей Юрия Николаевича и Святослава Николаевича — сложилась таким образом, что они в полной мере испытали на себе всю силу хулы и клеветы, помноженной к тому же нередко на чувство зависти, чувство, родившееся, если верить древней мудрости, раньше рода человеческого. Недаром одной из своих статей Николай Константинович Рерих дал весьма многозначительное название: «Как я был превознесен врагами». А «превознесен» врагами он был основательно.

«Чего только не измышлялось! — сообщает Николай Константинович. — Шептали, что картин я сам вовсе не пишу, но заказываю их известным художникам... Писали, что у меня карманы полны рубинов и жемчугов, которые я раздаю пригоршнями... Утверждали, что я читаю все мысли, что мы завоевывали целые страны... Обозвали самым Антихристом, главою всемирного Коминтерна и Фининтерна, главою масонства».

Помню, как Святослав Николаевич Рерих мне говорил: — Вестник — это человек, несущий новое, по большей части неожиданное сообщение, новое слово. Собственно, каждый подлинный художник и является вестником. К сожалению, как мы знаем из истории, посетитель новых мыслей и новых истин почти сразу становится мишенью для злобы, невежества, зависти. Это своего рода закон. Вот почему на Востоке заранее предупреждают: тот, кто не ощущает, что у него львиное сердце, чтобы презреть поднятый на него дикий лай, и душа голубя, чтобы простить бедных невежественных глупцов, не должен брать на себя столь трудную миссию.

Император Акбар утверждал, что враги — это тень человека. Длиною этой тени можно мерить значимость деяний человека. Куинджи говорил моему отцу: «Это-то хорошо, что вы имеете врагов. Только бездарность врагов не имеет».

Собственно, если разобраться, то сопротивление среды не только неизбежно, но и необходимо. Лишь преодолевая его и наращивают мускулы. Потому и говорится: ничто так не способствует победе истины, как сопротивление ей.

Но надо сказать, что это понимаем не только мы, но и противник тоже. Современный противник поднаторел в такого рода делах, и все чаще он прибегает к иной уловке, к другому способу борьбы, а именно — к фигуре умолчания. Вы сами знаете, вы сами писали об этом, что метод замалчивания действителен всегда. Но в наш век, когда появились кинематограф, телевидение, радио, газеты — а они-то и формируют вкусы и устремления людей, — он стал как никогда результативным. Здесь — бóльшая опасность, чем в прямом отрицании, грубой лжи и клевете. Эту опасность отчетливо видел Николай Константинович, который не раз и не два напоминал всем нам:

«Силы тьмы отлично понимают, сколько мощных эманацій излучают предметы искусства. Среди натисков тьмы такие эманації могут быть лучшим оружием.

Силы тьмы стремятся или уничтожить предметы искусства, или, по крайней мере, отвлечь от них внимание человечества. Нужно помнить, что отвергнутое, лишённое внимания произведение не может излучать свою благотворную энергию».

Вот почему культурные ценности нуждаются не только в охране. Этого мало. Необходимы наступательные действия. Вот почему матушка призывала объявить крестовый поход во имя культуры, во время которого люди приучались бы любить борьбу за добро и красоту.

Для некоторых людей и по сей день звучит как откровение мысль о том, что отрицанием тьмы тьму не победишь, что голое отрицание, лишённое позитивных посылок, объективно служит лишь целям усиления противника. Но это действительно так. Главная линия борьбы за добро и красоту четко определена Николаем Константиновичем: «Лишь привнесение света уничтожает тьму».

Что, собственно говоря, на практике в нашей повседневной жизни означает это «привнесение света»? Прежде всего выявление подлинного лица темных, их нетворческой, их антитворческой сути. И матушка, и Николай Кон-

стаптиневич неоднократно приводили одно из основополагающих положений восточной мудрости: «Темные могут лишь темнеть. Но если спросить их, как сделать лучше, они будут лишь злобиться, ибо не лучше, но хуже сделать их назначение».

Затем — выявление их антигуманной, а в своих крайних проявлениях — воистину сатанинской сути. Здесь важно помнить о следующем: зло пуще огня боится, что его вытащат на свет божий и покажут на него пальцем: вот оно — зло. Если добро абсолютно, то зло — нет. Зло нередко рядится в одежды добра; иногда, чтобы действовать, оно должно убедить самое себя, что оно есть добро. И, конечно, для него равносильно смерти, когда срывают с него фальшивые покровы и одежды и зло предстает в своей отталкивающей, отвратительной наготе.

Наконец, «привнесение света», на котором настаивает Николай Константинович, означает выявление истинной причины временных успехов тех, кого принято именовать темными. Она отнюдь не в их силе и мощи, которые они преувеличивают и которые иногда преувеличиваем мы сами. Истинная причина их успехов в ином — в нашем равнодушии, в нашей инертности. («Ярость врагов с робостью друзей состязаются», — говорил в этой связи Менделеев.) Истинная причина их успехов — в наших низменных чувствах и инстинктах; на темных струнах нашей души темные — нужно отдать им должное — играют довольно умело.

«Слуги тьмы не дремлют и пытаются вносить разрушение и разложение всюду, где только можно. На то они и служители тьмы. Но какова же должна быть низость неких земных двуногих, — не переставал удивляться Николай Константинович, — которые будут пытаться даже повредить всему делу, лишь бы нанести личное умаление! И как жалки те неразумные, легко вовлекаемые в пучину зла слушатели, которые готовы принимать на веру каждый клеветнический вымысел».

Однако, как вы понимаете, выявление истинного лица темных, их ограниченности, их человеконенавистнических устремлений — все это необходимо, все это важно, но это еще не гарантия победы. Это лишь одно из предварительных условий ее. А в чем же гарантия победы?

Послушайте притчу, которую любил рассказывать Николай Константинович.

Однажды Акбар провел на земле линию и задал своему советнику Бирбалу неразрешимую на первый взгляд за-

гадку: уничтожить или укоротить линию, не прикасаясь к ней. Ни слова не говоря, Бирбал провел рядом более длинную линию, и тем самым линия, начертанная Акбаром, была умалена. В этом, а именно: в проведении более длинной позитивной линии — и состоит мудрость. В этом же — и залог победы света над тьмою.

В средние века бытовала легенда о розовом дьяволе. Суть ее в следующем.

Был рыцарь, прославившийся бескорыстием, прямою, исключительной правдивостью. Никогда — даже ради спасения жизни — не покривил он душою. Ни разу не нарушил своего рыцарского слова.

Темные силы использовали разные способы, чтоб свратить его. Но все оказалось безуспешным. Ни соблазны, ни самые заманчивые обещания (а дело доходило до того, что ему предлагали императорскую корону, если он пойдет на определенного рода компромисс) не могли смутить чистый и гордый дух рыцаря. И вот, исчерпав почти весь арсенал имеющихся у них средств, темные прибегли к последнему, а именно: к содействию розового дьявола.

Однажды, находясь в лесу, рыцарь услышал крики о помощи. Он прищпорил коня и увидел карету, окруженную разбойниками. Как вихрь налетел он на грабителей, обратил их в бегство и таким образом спас путешественников. Ими оказались молодая красивая девушка с удивительно нежным, розовым цветом лица и ее подруга, очень похожая на нее, лишь цвет лица у нее был другим — смуглым.

Рыцарь с первого взгляда влюбился в девушку с розовым лицом и попросил удостоить чести считать ее дамой своего сердца, на что она ответила согласием. В благодарность за спасение она пригласила рыцаря погостить у нее в замке.

И вот когда рыцарь проводил приятные минуты подле дамы своего сердца, надеясь в скором будущем получить ее согласие выйти за него замуж, в замке неожиданно появился голец от его товарища, от его побратима, с которым он был связан нерушимой клятвой прийти на помощь друг другу по первому зову. Побратим оказался в беде. Его крепость осадили враги, и он с трудом сдерживал их натиск. Ехать падо было немедленно, но девушка с розовым цветом лица стала уговаривать рыцаря слегка задержаться. Ночью в замке давали бал, и она пообещала во время этого

бала сказать ему наконец то слово, которое решит его судьбу. После некоторых колебаний рыцарь решил остаться. Он надеялся переговорить с нею в самом начале бала, а потом помчаться на выручку друга. Но случилось так, что разговор состоялся тогда, когда кончалось празднество, почти уже утром. Девушка с розовым цветом лица сообщила о своем решении отдать ему свою руку по истечении годовичного срока, начиная с этого вечера.

Получив согласие, рыцарь оседлал коня и поспешил на помощь побратиму. Но было поздно: тот уже был убит.

Прошло еще какое-то время, и в замке появился новый гонец: на этот раз из-за моря. С просьбой о помощи обращалась к рыцарю вдова его близкого друга. Подделав документы, недобросовестный сосед предъявил права на ее земли и имущество. Если бы рыцарь появился в суде в качестве ее свидетеля и поручителя, то дело было бы решено в ее пользу. Рыцарь стал собираться в путь, а невеста принялась его отговаривать от длительной, сопряженной с опасностями поездки. Плача, она говорила, что не перенесет такой длительной разлуки. В конце концов она убедила его в том, что его присутствие в суде не является столь уж необходимым, достаточно будет письма, заверенного рыцарской печатью. Но этого оказалось недостаточным, и вдова потеряла имущество и стала нищей.

Приближался срок, намеченный для свадьбы. Но накануне этого события с владелицей замка случилось несчастье. Взбунтовались ее подданные и, улучив момент, когда она вместе с подругой была на прогулке, взяли их в плен и заключили в темницу. В темнице девушка с розовым цветом лица уговорила свою подругу — девушку со смуглым цветом лица — обменяться с ней головными уборами и фамильными драгоценностями, пообещав за это впоследствии щедрое вознаграждение. Так как девушки были похожи, то между взбунтовавшимися вассалами возникло разногласие: собственно, кто из этих девушек является владелицей замка? Вызвали рыцаря и попросили сказать, подкрепив сказанное рыцарским словом, кто его невеста. Девушка с розовым цветом лица взглядом умоляла не выдавать ее, и тот сказал неправду. После этого он отправился в свой собственный замок якобы для сбора выкупа за свою мнимую невесту, которая осталась в качестве заложницы. Подлинная же невеста уехала вместе с рыцарем.

Так как выкуп не пришел в назначенный срок, то правда всплыла наружу. И люди сказали, что рыцарь, нарушивший слово, не может больше именоваться рыцарем.

А тот, кто еще совсем недавно считался символом честности и неподкупности, сидел в своем замке, перебирая в уме события минувшего года. Когда время было близко к полуночи, он внезапно отчетливо понял, что в течение этого года стал предателем, и не просто предателем, а трижды предателем, ибо он предал побратима, предал вдову своего друга, предал подругу своей невесты. Ровно в полночь распахнулась дверь, и пред ним предстала девушка с розовым цветом лица, хохочущая и гримасничающая, в своем подлинном облике — облике розового дьявола.

В отчаянии рыцарь покончил с собой.

Как бы комментируя эту легенду, Святослав Николаевич сказал:

— Даже незначительное отступление от истины не проходит для человека даром. Как говорил Николай Константинович, сегодня — маленький компромисс, завтра — маленький компромисс, а послезавтра — большой подлец.

Не может быть союза с дьяволом. Такой союз — иллюзия. Может быть лишь рабство у него.

Слово «культура» Рерих писал с большой буквы, ибо для него оно было паролем света. В самом начертании слова он усматривал светоносное начало. Он разбивал его на две части: «культ» (почитание), «ур» (свет). Получалось: почитание света. Вот почему победа культуры для Рериха означала победу света над тьмою. В последнем письме, адресованном сотрудникам нью-йоркского музея Рериха — оно пришло за несколько дней до его смерти и потому может восприниматься как его завет и паутствие, — он пишет:

«След Культуры неизгладим. Мы можем не ведать ее путей, но они нерушимы и нежданно процветают. Как они процветают в жизни — не нам судить. Где обскачут мир благие гонцы — не наша забота, но главное знаем, что Вестник постучится в час верный. И примут его друзья, нам неведомые».

Мне посчастливилось работать почти месяц в архиве музея русского художника в Нью-Йорке. Читая письма Рериха — а их были сотни и сотни, — я видел, какая сформулирована в них четкая, конкретная и воистину боевая программа действий на поприще культуры. Уже термины говорили сами за себя: битва, оборона, наступление, подвиг.

Рерих с сочувствием цитирует Рабиндраната Тагора: «Искусство знаменует собой победу человека над миром

при помощи символов красоты». Знаменитый афоризм Достоевского «красота спасет мир» он уточняет и подправляет в своем целеустремленно-конструктивном духе: «Неверно сказать — красота спасет мир, правильнее сказать — сознание красоты спасет мир».

Максимализм рериховского подхода к проблеме прекрасного, на мой взгляд, оправдан уже тем, что для него в понятии красоты (это слово, как и «культура», он тоже пишет с большой буквы) сливаются воедино нравственные и эстетические принципы. Для него в понятии красоты с особой силой выявляется то, что он именуется «живой этикой», этикой в действии. Вот извлечения из писем Рериха (естественно, что их пафос я разделяю полностью), которые могут служить подтверждением этой мысли:

«Самый почетный дозор есть дозор о Культуре. Будьте действительны на таком дозоре. Помните, что бездейственной обороною ничего не спасете. Одна оборонительная тактика ведет к поражению. Победа — в отважном, обдуманном наступлении на врагов темных, жестоких в невежестве, — только так можно оборонить Культуру».

«Велика сокровищница Культуры, разобраться в ней может лишь тот, кто сумеет возвыситься над пеною жизни вчерашнего дня. Сухие осенние листья не смутят уборщиков сада. Они — мудрые садовники — пришли ради весны, ради расцвета. Ничто так не близко Культуре, как чувство любви, осознание прекрасного и сердечное устремление к Подвигу».

«Вандализм вещественный еще ничто перед рабством мысли, скованной невежеством. Знаем, как трудно пробиваться сквозь лед невежества. Отрицание — самое гнусное отрицание — царит на всех концах земли. Но тем священнее труд тех, кто защищает культуру, кто песет высоко свободное знание. Осознание такого почетного труда удесяттеряет силы, превращает каждодневную работу в победоносный подвиг».

«Помните, что не безграмотный народ будет яриться против действительности, но эти маленькие грамотеи свирепо будут отстаивать свою близорукую очевидность. Они будут думать, что мир, заключенный в их кругозоре, действителен, все же остальное, им невидимое, является вредной выдумкой. Что же лежит в основе этой нищен-

ской узости? Та же самая, вид изменившая собственность. Это мой свилярник, и потому все, вне его, не нужное и вредное. Это моя очевидность, и потому вне ее ничего не существует».

«Да, трудны подвиги военные, но еще трудней подвиги на пашне Культуры. Снижение Культуры происходит незаметно. Могут быть механические дни Культуры, но внутренняя Культура быта может снижаться.

Желанная гостя — Культура — захочет посетить дом. Заглянет на книжные полки, в детскую, в рабочую мастерскую, в уборную. Все ли ладно? Не любит роскошь Культура, но не терпит и грязь. Что же это — трузизм? Увы, нет, сейчас многие трузизмы превратились в неотложную необходимость. Жизнь должна обновиться. В школе от самых первых дней должно быть объяснено, что такое Культура».

«Поверх печатных хроник пишется нестираемая история героев. Время отсеивает подробности и высекает нерушимый облик великого значения. По этим вехам движутся путники. Никакие тучи, никакие туманы не пресекут роста народных движений. Пусть приходят новые друзья. Пусть они будут деятельнее врагов».

«Нужно крепить братское единение, когда теперь все творится народами, множествами. Ренан сказал: «Люди составляют народ благодаря воспоминанию о великих делах, совершенных вместе, и желанию совершать новые подвиги». Вот и дожили мы до всенародных подвигов, пришел день восхищаться и радоваться и вложить добродетельную лепту в чашу народных преуспеваний. Вперед, вперед и вперед. Учиться, учиться и учиться, как заповедал Ленин».

В рабочем кабинете Елены Ивановны Рерих на ее столе стояла небольшая статуэтка Жанны д'Арк. Стройная фигурка худенькой девушки в рыцарских доспехах.

По признанию Елены Ивановны, из всех женских обликов прошлого облик французской девы-воительницы был для нее самым притягательным и любимым. В детские годы, читая жизнеописание Жанны д'Арк, всей силой своего воображения она растворяла себя в этом образе; она

даже вздрагивала от боли, потому что физически ощущала прикосновение языков пламени костра.

Любопытно отметить, что люди, близко знавшие Елену Ивановну и восхищавшиеся неукротимым горением ее духа, нередко сопоставляли Елену Ивановну с ее любимой героиней. Николай Константинович писал:

«Деятельность Е. И. и ее внутренний смысл должны стоять примером. При отправлении нашей азиатской экспедиции (напомню, что трапсгималайская экспедиция Рерихов продолжалась в общей сложности пять с половиной лет.— В. С.) предполагалось, что Е. И. понесут в легкой дэнди, ибо она верхом не ездила. Но после первых же дней экспедиции Е. И. решила, что она «на людях не поседет», села на коня и всю экспедицию проделала на коне, на яке, на верблюдах. При этом замечательно, что лошадь, многих заносившая, под Е. И. шла всегда спокойно. Е. И. первая русская женщина, проделавшая такой путь. А тропы азиатские часто трудны — и узкие горные подъемы, и речные броды, и трещины, и тарбаганьи норы. Ну да и встречи с разбойными голоками тоже не очень приятны. Но замечательно присутствие духа Е. И. в самый опасный час. Точно Жанна д'Арк, она восклицает: «Смелей! Смелей!» Да, было много опасных встреч, и всегда проходили без страха, без вреда. Так шли».

«Воей», то есть женщиной-воином, пазывала себя правнучка фельдмаршала Кутузова. Николай Константинович говорил, что основой ее сущности является движение, вернее — устремление. «Принести помощь, ободрить, разъяснить, не жалея сил» — вот в чем прежде всего видела она смысл жизни своей.

Ее трудолюбие, как и трудолюбие самого Николая Константиновича, было воистину фантастическим. Но так же, как не любила она фотографироваться, не любила она, чтоб афишировалось ее имя. Современники, читавшие «Криптограммы Востока» Жозефины Сент-Илер или «Основы буддизма» Натальи Рокотовой, и не подозревали, что эти книги принадлежат перу Елены Ивановны Рерих. Под пятью различными псевдонимами — русскими, западными, восточными — выступала она в печати. В статье, помеченной 1938 годом, Николай Константинович рассказывал:

«И живет Елена Ивановна в постоянной неустанной работе. Так — с утра и до вечера. Поболит немного, но быстро духом преодолает тело, и опять можно слышать, как бодро и быстро стучит ее пишущая машина. Сейчас друзья хотят издать письма Елены Ивановны. Конечно,

часть писем, да и в извлечениях. Если бы все, то получилось бы много томов».

Эти письма были изданы в 1940 году в Риге. Они составили два тома. Но естественно, что неопубликованного у Елены Ивановны гораздо больше, чем опубликованного. Святослав Николаевич мне говорил, что в его архивах хранится сто семьдесят работ Елены Ивановны. Сто семьдесят! Представляете, сколько ее трудов ждут своего урочного часа и сколько открытий — порой, быть может, самых неожиданных — они сулят людям.

«Елене, жене моей, спутнице, другине, вдохновительнице» посвящает одну из своих книг Николай Константинович, подчеркивая при этом, что все его творчество в сущности посвящено ей. Не секрет, что идеи, мысли, призывы Елены Ивановны звучат в космической палитре его красок, а ее образ запечатлен в возвышенно-символических сюжетах его полотен («Держательница мира», «Ведущая»).

На протяжении нескольких десятилетий причастная к творческому процессу художника (на ее глазах и нередко под ее непосредственным импульсом возникали замыслы многих, а точнее говоря, всех картин), она проникает в сокровенную суть этого процесса. В ее письмах можно найти краткие, но чрезвычайно выразительные и точные характеристики особенностей живописного письма Рериха, стиля его работы. Она сосредоточивает внимание на исключительном, по ее мнению, даре композиции Рериха. Этот дар она вообще считает редчайшим явлением.

«Ведь все странное, чтобы не сказать больше, уклонно,— говорит Елена Ивановна,— наблюдаемые периодически в жизни искусства, главным образом происходят от отсутствия именно дара композиции. Но каждое произведение Н. К. поражает гармоничностью в сочетании всех своих частей, и эта гармоничность и дает основу убедительности. Ничего нельзя отнять или добавить к ним, все так, как нужно. Эта гармония формы, красок и мастерства выполнения и есть дар, присущий великому творцу. Произведения Н. К. дороги мне и красотой мысли, выраженной им в таких величественных, но простых и порой глубоко трогательных образах».

«Для меня, постоянной свидетельницы его творчества,— признается она,— источником непрерывного изумления остается именно неисчерпаемость его мысли в соединении со смелостью и неожиданностью красочных комбинаций. Не менее замечательной является и та легкость и уверенность, с которой он вызывает образы на холсте. Они

точно бы живут в нем, и редко когда ему приходится изменять или отходить от первого начертания. Истинно, наблюдая за процессом этого творчества, не знаешь, чему больше удивляться — красоте ли произведения или же виртуозности выполнения его».

Озабоченная в послевоенные годы созданием рериховского музея в Нью-Йорке, Елена Ивановна напоминает американским сотрудникам, что искусство Николая Константиновича в залах музея должно быть представлено как можно лучше и богаче. «Ведь каждое произведение,— объясняет она,— несет на себе наслоение такой чистой и возвышенной мысли его создателя, насыщая особым светом, особо радостными вибрациями всю атмосферу помещения, где они висят... и дальше».

Рерих любил называть свою жену древнерусским именем Лада. Он находил, что оно отвечает всему строю Елены Ивановны, духу гармонии и доброжелательности, на котором строилась их семья.

«Такой семьи я еще не встречала,— говорила мне одна из ближайших помощниц Рерихов, страж и хранитель рериховского музея в Нью-Йорке Зинаида Григорьевна Фосдик.— Это был редкий брак, в котором люди любили и уважали друг друга и считались с мнением другого все время, каждый час и минуту. Не было не только разногласия или упрека, но даже тени непонимания».

А вот слова Святослава Николаевича Рериха:

«Мы все были очень тесно связаны и всегда работали вместе. Мы старались помогать друг другу, дополнять друг друга».

Он говорил также, что именно сочетание, с одной стороны, отсутствия праздности, а с другой — паличие праздничной атмосферы в их доме и создавали исключительно благоприятные условия для выявления и развития творческих способностей. Словом, это был союз не только по крови, но и по духу, и создание такого семейного союза само по себе уже было великим жизненным подвигом Рерихов. Недаром люди, посещавшие их дом, считали их семью прообразом семьи будущего.

Несколько лет не дожили Рерихи до своей золотой свадьбы. 13 декабря 1947 года не стало Николая Константиновича. Смерть настигла его в разгар хлопот и приготовлений, связанных с возвращением на Родину. Сюда он стремился принести свои знания, опыт и вообще все накопленное в результате многолетних трудов и странствий по дальним и неизведанным маршрутам. В письме от 27

декабря 1945 года на имя официального представителя наркома иностранных дел СССР Гусева он пишет:

«Я всегда мечтал привезти на Родину плоды моей работы, включающей серии картин Гималаев, Монголии и Тибета, а также мои картины, посвященные русскому народу,— «Александр Невский», «Святогор», «Настасья Микулична», «Новая Земля», «Мстислав Удалой», «Ярослав», «Партизаны», «Богатыри проснулись», «Победа» и др. Мысленно я видел эти картины как русское достояние.

...Я и моя семья готовы принести свои труды на пользу строительства Родины».

Оставшиеся семь с половиной лет жизни Елена Ивановна подчиняет единому стремлению, которое для себя она формулирует так: «Надо до Родины донести «Чашу». Донести своего рода Чашу Грааля, Чашу огненного синтеза духовной культуры Востока и Запада, Индии и России.

«Идущее время много сложнее войны, именно сложнее и совершенно иного значения»,— отмечает в одном из писем в Америку Елена Ивановна. Сложность и опасность нынешнего витка времени она усматривала в разложении и распаде сознания той части человечества, которая, по ее словам, стала на путь сотрудничества с разрушительными силами природы.

В этих условиях, считала она, как никогда ранее, должна быть подтверждена и продолжена линия борьбы за Культуру с большой буквы, неотделимая от линии борьбы за Мир, тоже с большой буквы. Собственно, соединяя эти два великих понятия, Рерих и выдвинул лозунг: «Мир через Культуру». Потому что человечеству нужен не просто мир, а такой, который несет свет истинного знания и гуманизма.

Как известно, одной из статей Пакта Рериха о защите культурных ценностей предусматривался особый отличительный знак для объектов культурного назначения: белое полотнище с тремя красными кругами, заключенными в красное кольцо. Это был символ, потому что три красных круга олицетворяли собой прошлое, настоящее и будущее человечества, чье нерасторжимое единство и образует кольцо Вечности. Белый стяг с тремя красными кругами по середине вошел в историю рериховского движения как Знамя Мира. В канун столетнего юбилея художника советские альпинисты водрузили этот стяг на пике Рериха на Алтае. Воплощая в камне и металле мысль Рериха о Мире через Культуру, в Софии воздвигли Монумент Знамени

Мира. Иногда его называют еще и Монументом колоколов, потому что в полукруглом цоколе памятника собраны колокола всех стран мира, в том числе из Индии и Советского Союза.

Знамя Мира. Этим знаком космического звучания и космической силы как бы объединены призывы Елены Ивановны Рерих, сконцентрированные в ее последних письмах.

«Соберем лучшие мысли около Знамени Мира, покроем им все наши начинания. Пусть приходящие привыкают видеть Знамя Мира и помнят те великие основы, которые оно возглавляет. Великое никогда не входило в мир при фанфарах и ликованиях, но всегда в трудах, страданиях и при осмеянии невежеством, но мы доживем и до признания и утверждения Культуры во главе Нового Строительства. Сознание масс поднимется на новую ступень и поймет, что страны не могут жить и развиваться, утратив понимание истинной культуры. Нельзя продолжать воспитывать новые поколения на суррогатах культуры. Всякий суррогат есть ложь, но живые основы не могут увянуть прочными устоями, и потому разрушение и самоистребление неминуемо.

Конечно, преддверие Новой Эпохи, несущей великое переустройство мира и сопровождающейся необычайными откровениями и открытиями науки, не может быть легким, но прекрасно закладывать основы блестящего Будущего.

...Человечество не может превратиться в роботов цивилизации, оно не просуществует и нескольких столетий. Должно осознать, что без корней и основ ничто стоять не может, потому Основы Культуры, Гуманизма должны быть охраняемы в первую очередь в каждой стране, которая хочет жить и процветать. Итак, судьба многих стран, а может быть, и существование всей планеты в руках самого человечества.

...Вставая на защиту справедливости, люди тем самым защищают себя. Ни одна страна не может процветать при хаосе. И хаос неминуем повсеместно, если лучшая часть человечества не одумается и не поднимется на охрану всех погранных духовных ценностей, за справедливость и честность.

...Цивилизация при отсутствии истинного знания и культуры — проклятие мира и несет его разрушение. Пример — все малоисследованные прививки и впрыскивания

и изобретения чудовищных бомб, которые угрожают не только одной стране, планете, но и всей Солнечной системе. Они не знают, что нарушение связи и равновесия в цепи миров, в силу гибели одной такой планеты, как наша Земля, грозит тяжелыми последствиями всему нашему человечеству и всей Вселенной. Но кто задумывается над этим? Чего мы не знаем, того ведь и не существует для таких мыслителей эпохи технократии!

...Насаждение духовной культуры является самой главной, самой неотложной задачей. Необходимо, чтобы массы осознали, что жизнь ценна только высокими качествами в ее проявлениях психической энергии, а не выявлением разнузданных инстинктов, породителей хаоса тьмы и разложения.

...Подходит время, когда мы должны будем заглянуть за пределы не только нашего очага и страны, но и за пределы нашей планеты. Нужно забыть старые мерки и научиться прикладывать по самой широкой, по космической шкале, и тогда будет меньше ошибок.

...Конечно, близорукие не видят, не понимают строительства, слагаемого на их глазах. Ярое самообольщение и мираж старого сознания еще велики, потому так жутко за наше человечество. Яркие наклеили разные ярлыки, под которыми скрывается все та же старая скверна. Сколько жертв будет принесено, чтобы воспринять простую истину, что строить можно лишь на сотрудничестве и на принятии в основание единого великого принципа эволюции, устремляющего все человечество к совершенствованию. Эволюция или рост духа, сознания и мысли устремлены к совершенствованию в Красоте, и этот принцип мы находим во всей природе, во всех процессах ее, и сильнее всего этот принцип выражен в человеке.

...Современные проявления художественной жизни оставляют желать лучшего. Мы переживаем период, несомненно тягостный, приноровления к новому ритму и строю жизни, но и это пройдет, и наступит возрождение, как это бывало и не раз в истории всех передовых народов и стран.

...Трудности неизбежны. Ничто не приходит так, как следовало бы, из-за самых неожиданных обстоятельств, и прежде всего из-за нашей неустойчивой природы, всяких сомнений, уныний, обид, разочарований и немалого иногда самомнения. Почти каждому кажется, что он готов принять самое высокое, не ведая трудностей и при малых, но настоящих достижениях.

...Старайтесь выработать в себе ничем не сломимое спокойствие во всех случаях жизни, это лучшая защита и оружие от любого врага. Именно не следует волноваться. Только на трудностях мы учимся находчивости, терпению и великому спокойствию.

...Трудности — великая школа жизни, напрягающая наши способности. Хвала препятствиям и трудностям. Благополучие — смерть духа.

Венец достижения складывается из терний, не из лавров земных.

...Поберегите себя, прикажите себе, именно прикажите ничем не тревожиться, гоните все призраки страхов. Они расплываются с невероятной быстротой, если допустить сомнение, этого самого страшного врага нашего, который тушит все огни и уничтожает все лучшие всходы, иногда с таким трудом возвращенные! Старайтесь выработать в себе бодрую готовность встретить все призраки спокойно и утвердите радость, именно радость...

...Наша радость живет поверх земных страхов и сомнений, наша радость внутри истинного осознания нашей истинной жизни, полной проблесков духа и нашего космического назначения. Помните о доверии, о радости и тем возрастите крылья мужества.

...Вообще, родные, поменьше тревожьтесь...

Все наладится, но совершенно иначе, нежели мы представляем себе. Поэтому никакие прогнозы «житейских» мудрецов не будут оправданы. Одно незыблемо. Лучшая страна (под этими словами Елена Ивановна подразумевала Россию.— В. С.) победна во всем.

...Наша страна уявится снова на яром героизме и явной незлобивости. Страна окажется на вершине любви к Родине. Страна уявится не на уничтожении, но на яром очищении. Страна станет новой и лучшей страной.

...Неужели люди настолько слепы, что не видят, куда катится «Колесо Необходимости»? Страна лучшая под Щитом Света. Щит Света нерушим!»

«Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись,— говорил Тургенев.— Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится!»

Мне приходилось бывать за рубежом. Приходилось встречаться с людьми, которые в силу трагических обстоятельств своей жизни оказались вдали от Родины. Я видел

бывших белых, с течением времени превратившихся в «красных». Доводилось мне слушать собеседников, повторявших, как некое заклинание, слова Вертинского: «Все пальмы, всю экзотику далеких стран, все, что я видел, все, чем восхищался,— я отдаю за один самый пасмурный, самый дождливый и заплаканный день у себя на Родине».

Но особенно памятна мне встреча в столице Филиппин Маниле.

Я попал в эту экзотическую страну в составе нашей делегации, которая была приглашена на симпозиум писателей стран Азии и Африки.

Принимали нас по-восточному пышно и гостеприимно. Мы буквально сгибались под тяжестью гирлянд из цветов сампагиты, запахом своим напоминающей жасмин. В нашу честь устраивались бесконечные приемы с музыкой, танцами и плясками под стук бамбуковых шестов.

Один из таких приемов, как это здесь принято, проходил на крыше многоэтажного здания. Оттуда открывался изумительный вид на город и море.

Мы с моим приятелем Гурамом Асатиани очутились в компании филиппинских киноактеров и певиц. Мы пили то кока-колу, то соки, перебрасывались незначащими фразами. И вдруг какая-то девушка — с явным намерением привлечь наше внимание — запела песню на чистейшем русском языке. Тогда — дело происходило в 1975 году — у нас не было еще дипломатических отношений с Филиппинами и услышать здесь, в тропиках, за столько тысяч километров от Москвы, звучание русских слов было просто чудом. Мы, естественно, бросились к ней, стали расспрашивать. Выяснилось, что ее зовут Вера, что она — дочь русских эмигрантов. Во время гражданской войны ее мама — в ту пору маме было семнадцать лет — попала в Харбин. Здесь она вышла замуж. Потом судьба забросила их в Манилу, где они уже осели навсегда. Отец умер. Вера живет вдвоем с матерью.

Выяснилось, что помимо прочего Верина мама — моя землячка. Как и я, она родом из Воронежа. По случаю такого совпадения я попросил Веру передать маме сувенир (кажется, это была матрешка) и книжку моих стихов.

Через день я вновь увидел Веру. «Как мама?» — спрашиваю. Она махнула рукой: «Третий день плачет. И вы знаете, о чем больше всего она мечтает? Чтоб кто-нибудь привез ей горсть русской земли. Я уж думаю сделать вот что. Накоплю денег и отправлюсь в туристическую поездку в Европу. Говорят, что есть рейсы, когда самолеты

останавливаются у вас. Если это так, попрошу кого-нибудь и каким-нибудь образом достану горсточку русской земли для мамы».

Когда я возвращаюсь мыслями к этому эпизоду, то мне вспоминается, что в Древней Греции остракизм, то есть изгнание из отечества, приравнивался к смертной казни. Известно, что Сократ, поставленный перед таким выбором, предпочел смерть.

Для того чтобы понять себя, может быть, необходимо посмотреть на себя как бы со стороны, взглянуть на себя чужими глазами. Чтобы осознать духовный смысл существования своей страны, иногда следует прислушаться к свидетельствам зарубежных умов, разумется, тех, которые не находятся во власти предубеждения или однозначно истолкованной очевидности.

Три величайших чуда выделяет в мировой истории французский поэт Поль Валери. Он обозначает их в хронологическом порядке. Древняя Греция. Европейский Ренессанс. Русский XIX век.

(В скобках замечу, что из этого сопоставления сама собой вытекает мысль о том, как бережно мы должны относиться к золотому веку русского искусства и литературы, что мы должны охранять его достижения не менее тщательно, чем охраняют Парфенон или картины Леонардо да Винчи. К сожалению, не всегда мы на уровне этой задачи. Современная практика прагматических деятелей театра и кино показывает, что мы подчас готовы разрушить величественные сооружения прошлого ради того, чтобы использовать их гранит и мрамор для возведения сомнительных зданий типа барачков или современных стекляшек.)

Если на Западе главное внимание нередко сосредоточивают на прошлом России, то на Востоке — на ее настоящем, на устремлениях и тенденциях современного бытия. В Индии мне доводилось слышать, что русский язык называют санскритом будущего. Как известно, санскрит для древней Индии был тем же самым, что латынь для Древнего Рима. Санскрит в той же степени, как и латынь (даже в большей степени, чем латынь), был языком зовущим и объединяющим, потому что на нем были созданы величайшие творения человеческой мысли и духа.

Но язык не существует сам по себе, как бы в некоем вакууме. Великий язык, как справедливо заявлял Турге-

пев, дается великому народу. Светоносной и духовной державой мира объявил Рабиндранат Тагор Советскую Россию. Он говорил об этом тогда, когда руководители западных держав готовы были вычеркнуть Россию из истории и лишь скрепя сердце шли на политическое признание нашей страны де-юре и де-факто.

Исторически сложилось так, что в самом понятии «Россия», как под куполом храма, звучат возвышенные, объединяющие людей ноты. Устремления русского народа таковы, что слово «Россия» с течением времени обрело, по выражению Рериха, соборный характер. Недаром в своем завещании Рерих призывал:

«Любите Родину. Любите Народ Русский. Любите все народы на всех необъятностях нашей Родины. Пусть эта любовь научит полюбить и все человечество».

К этому можно добавить, что наше время дало понятию «Россия» глобальное, космическое звучание, тем самым как бы расшифровывая сокровенный смысл выразительного эпиграфа к сборнику стихов Рериха «Цветы Мории»: «Поверх всяких Россий есть одна незабываемая Россия. Поверх всякой любви есть одна общечеловеческая любовь. Поверх всяких красот есть одна красота, ведущая к познанию космоса».

У меня есть стихи о России, которые я, как правило, читаю на своих авторских вечерах. Я делаю это потому, что в них сформулирован, если хотите, мой символ веры.

И сила слов,
И сила мысли
России страстная дана.
Всегда в заоблачные выси
Была она устремлена.

И все пути
Из всех столетий,
Сплетясь в святящуюся нить,
Звучат в душе:
«Как жить на свете,
Чтоб чисту быть,
Чтоб святу быть?»

«Чтоб святу быть».
И без унынья
Глядела Русь в густую тьму,
Сию великую твердьню
Не уступая никому.

Какпе б тепи ни витали,
Что б ни страшило слух и взгляд,

Но те заоблачные дали
По праву ей принадлежат.

И не впервые,
Не впервые
Несется радостная весть.
— Пока на свете есть Россия,
Надежда на бессмертье есть!

Публикации о Рерихе сделали достоянием гласности тот малоизвестный факт, что на Востоке, и в частности в Индии, Ленина именуют Махатмой. Священная гималайская земля, которую привез Рерих в Москву из сокровенного горного ашрама, предназначалась, как указывалось в сопроводительном письме, для могилы «Махатмы Ленина».

В переводе на русский «Махатма» означает «Великая Душа». Это возвышенно-духовное понятие обычно не употребляют по отношению к политическим деятелям. Исключение составляют два человека: в Индии — Мохандас Карамчанд Ганди, у нас — Владимир Ильич Ленин.

Джавахарлал Неру называл Ленина глыбой льда, таившей в себе яркое пламя. Ленин рисовался ему чуть ли не полубогом, в частности, и потому, что в отличие от других людей он никогда не допускал того, чтобы буква торжествовала над духом, чтобы очевидность затемняла сущность.

В письмах из тюрьмы, адресованных своей дочери (они вышли под общим названием «Взгляд на всемирную историю»), Неру приводит выразительный эпизод, связанный с пребыванием нашей делегации в Брест-Литовске: она вела переговоры с немцами о мире, который молодой Советской республике был необходим как воздух. Без мирной передышки, считал Ленин, гибель Советской власти неминуема.

А члены нашей делегации сразу по приезде в Брест-Литовск столкнулись с непредвиденной ситуацией. Дело в том, что немцы пригласили их на вечерний прием, на который, согласно незыблемому правилу, они должны были явиться в черных фраках. «Дипломаты» растерялись. Допустима ли в принципе такая вещь, чтоб представитель рабоче-крестьянской власти надел фрак, который в глазах народа стал символом буржуазности? Посовещавшись и не придя ни к какому решению, они срочно телеграфируют Ленину: как быть? И вот ответ Ленина: «Если это поможет установить мир, идите хоть в исподнем!»

Но, конечно, если Ленина называть Махатмой, то это — Махатма совершенно нового типа, ибо он лишен и намек на мистический ореол. В применении к Ленину невозможно говорить о таких вещах, как, предположим, озарение, внутренний голос и тому подобное. Зато можно говорить о другом, более поразительном — об исключительной концентрации внимания ко всем явлениям жизни, ко всем ее голосам, не только громким, но и тихим, и даже едва различимым, находящимся, так сказать, в диапазоне ультразвука, но тем не менее предвещающим, быть может, коренной поворот событий. Здесь равных Ленину нет.

В статье «Удержат ли большевики государственную власть?» Владимир Ильич обращается к воспоминаниям об июльских днях семнадцатого года, когда мирная демонстрация рабочих была разогнана огнем пулеметов, установленных на крышах и чердаках петроградских домов. Большевистская партия вновь очутилась в подполье. Как и при царе, Ленин опять должен был скрываться от полицейских ищеек. «Прятал нашего брата, конечно, рабочий», — говорит Ленин.

Это было время больших испытаний. Это было время мучительных внутренних раздумий, за которыми должны были последовать четкие и определенные решения. Что означал разгон июльской демонстрации? Означало ли это, что буржуазия укрепилась, осмелела, накопила силы и готова перейти в наступление по всему фронту? Или, наоборот, это была вспышка отчаяния (а значит, и слабости), попытка запугать массы, втягивающиеся в революционный процесс? Как ответить на этот вопрос? А отвечать на него надо, ибо от его решения зависела стратегия и тактика партии.

И ответ дала, как рассказывает Ленин, сама жизнь.

«В далеком рабочем предместье Питера, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит: «Смотри-ка, какой прекрасный хлеб. «Опи» не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба. Мы забыли, было, и думать, что могут дать в Питере хороший хлеб». «О хлебе я, человек, не выдавший нужды, не думал, — признается Ленин. — Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы. К основе всего, к классовой борьбе за хлеб, мысль подходит через политический анализ необыкновенно сложным и запутанным путем.

А представитель угнетенного класса... берет прямо быка за рога, с той удивительной простотой и прямоотой, с

той твердой решительностью, с той поразительной ясностью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как до звезды небесной, далеко».

Нет необходимости излагать дальнейший ход ленинских мыслей. Последующая цепь событий завершится Октябрьской революцией. Но как многозначача в этой связи история поведенная Лениным, о простом куске хлеба, который своей тяжестью перетянул противоположную чашу политических весов. Для меня она служит, пожалуй, ярчайшим подтверждением вот этой заповеди:

Предельная внимательность. Победа —
Лишь бдительность, и больше ничего.

Осенью 1963 года я приехал в Армению. Армянские пейзажи — земля с красноватым оттенком, камни, четкие линии гор — показались мне библейскими. Ощущение усугублялось тем, что в ясную погоду из Еревана отчетливо видна отлогая вершина, увенчанная снегами, название которой является нарицательным, — Арарат.

Центральным событием поездки стала встреча с Мартиросом Сарьяном. Встреча не планировалась, просто случайное стечение обстоятельств привело нашу группу — мы прибыли в Армению на Неделю молодежной книги — в двухэтажный дом художника. Хозяин — хотя мы свалились на него как снег на голову — принял нас в высшей степени гостеприимно. Синий рабочий халат, немного запачканный красками, берет, слегка сбившийся набок, удивительно светлое и доброе выражение лица — таким мне запомнился Сарьян. В то время ему было за восемьдесят, но возраст не ощущался: так легко и стремительно он двигался, показывая нам свои картины.

Наши похвалы он мягко и незаметно отвел, направив разговор в совершенно иное русло. Стал пенять на себя, сказал, что был слишком ленив. Это он-то ленив, всемирно известный мастер, автор нескольких тысяч полотен!

«Был ленив, — настаивал на своем Сарьян. — Мог сделать гораздо больше. Если не сделал, то потому, что с определенного времени стал бояться; и знаете чего боялся? — повториться.

Когда человек достигает определенного уровня профессионализма, это чувство, по-моему, овладевает им непременно. Ведь, используя технические навыки, можно без конца варьировать одно и то же, имитируя движение, вместо того чтоб двигаться. По мне, уж лучше стоять, чем топ-

таться на месте. В искусстве нельзя идти по замкнутому кругу, как слепая лошадь по коновязи. Нужен прорыв, нужен взрыв».

Картин было великое множество. Некоторые из них — относительно новые — стояли посредине мастерской на подрамниках. За день до нас у художника побывал американский писатель Джон Стейнбек, и Сарьян написал его портрет. С холста на нас глядело жесткое, неприветливое лицо; щеку уродовало алое пятно. «Он прожил трудную жизнь», — как бы оправдывая его, сказал Сарьян.

У портрета Анны Ахматовой мы стояли довольно долго, любуясь ее величавой, царственной осанкой. «Этот портрет я написал в сорок шестом году, — сообщил Сарьян. — Видите, она как будто говорит: «Я такая, какая есть, и такой буду всегда».

Одну из картин Сарьяна — «Константинопольские собаки» — я помнил по многочисленным репродукциям. Она написана давно, в 1911 году.

«Боюсь, что на моей душе лежит грех, — со вздохом признался Сарьян. — Этих собак называли «санитарами», потому что они выполняли полезную работу: уничтожали вонючие отбросы большого города. Картина была выставлена в Париже. О ней много говорили, много писали. И константинопольские власти по-своему среагировали на этот шум: заявили, что ликвидируют позор своего города. Свезли собак-санитаров на какой-то остров в Мраморном море, и там они погибли. Если б знал, что так случится, ни за что не выставил бы картину».

Но — признаться — момент наибольшего удивления мы испытали у автопортрета Сарьяна, сделанного им в молодости. Странные, огненные, разноцветные полосы бороздили лицо, изображенное на холсте. Как это понять?

Сарьян рассказывал, что точно так же, как мы, удивлялись полотну все посетители его выставок. «А я так пояснял его замысел: Солнце внутри меня, и я хотел это передать».

«Огромное, яркое солнце, как быстро ты убило бы меня, если бы во мне же самом не всходило такое же солнце», — процитировал я строки Уитмена.

«Да, да, — обратился Сарьян ко мне. — Это, пожалуй, точно передает содержание картины. Солнце, взошедшее внутри человека, уже не может погаснуть. Скорее оно сожжет самого человека, если — не дай бог! — он вздумает погасить его.

Грешным делом, люблю легенды о Солнце. В одной из

них, я, например, прочитал, что Солнце — тоже планета, но самая совершенная планета нашей системы, и на ней обитают чистые и совершенные существа. В какой-то другой утверждают, что всем в своей жизни мы обязаны Солнцу, что наше зримое тело есть не что иное, как уплотнение тела незримого, сотканного из солнечных лучей, перасторжимо связующих нас с Солнцем.

Конечно, можно воспринимать все это как красивую аллегорию, но, с другой стороны, смею полагать, что в каждой легенде есть все же зернышко, есть крупца правды. «Сказка ложь, да в ней намек», — говаривал Пушкин. Потому, когда я слышу: «Сердце твое — повторение Солнца», иногда думаю, что это не только метафора, но и что-то реальное».

(Удивительное дело, считанные годы спустя жизнь как бы подтвердит «намек» великого художника: «Сердце твое — повторение Солнца». Исследования ученых Крымской обсерватории установят неизвестный дотоле факт, что Солнце подчиняется законам пульсации. Оно живет и действует в определенном ритме, сжимаясь и разжимаясь в четкие промежутки времени. Совсем как сердце. Как тут не вспомнить другого великого художника, Николая Константиновича Рериха, который высказывал твердую уверенность в том, что наступает время, когда «древние символы знания должны превратиться в научные формулы».)

А Сарьян продолжал:

«Где-то я прочитал, что умирают на Земле, а воскресают на Солнце. Опять-таки можно сказать, что это — красивая аллегория, но, между нами говоря, в глубине души подозреваю, что я, как и всякий человек, живу не только на Земле, но и на Солнце. Просто под грудой дел и всяческой суеты забываю об этом. Но когда я берусь за кисть, то говорю самому себе:

— Я вновь живу на Солнце — я творю!»

Достоевский в «Дневнике писателя» дает прямо-таки космогоническую характеристику творчества Пушкина. Он пишет: «Пушкин, по обширности и глубине своего русского гения, до сих пор есть как солнце над всем нашим русским интеллигентным мировоззрением. Он великий и непонятый еще предвозвеститель». По мнению Достоевского, все другие писатели, какими бы выдающимися они ни были, рядом с Пушкиным лишь малые точки, малые планеты, вышедшие «из этого же великого светила».

Думается, что сравнение такое не случайно и не про-

сто возвышенный символ. Помимо прочего, оно как бы выявляет светоносную устремленность поэзии Пушкина, суть которой сконцентрирована в знаменитом лозунге: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» Нет нужды доказывать, что этот пушкинский лозунг — «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» — программа для творчества, истинного творчества, ибо что такое творчество как не утверждение Солнца на Земле!

Не стоит поэтому удивляться, встречая те же мысли или исследования, разрабатывающие тот же солнечный сюжет, но на другом материале, на других образцах. Вот что, например, пишет о Рабиндранате Тагоре его биограф Кришна Крипалани:

«Тагор был тем, что в Индии называют кави, пророк, провидец. Его гений обогащал все, к чему он прикасался. Как само солнце, в честь которого он был назван («роби» по-бенгальски — производное от «рови» на санскрите и означает «солнце»), он излучал свет и тепло, оживлял интеллектуальную и духовную почву своей страны, открывал неизвестные горизонты мысли, перекидывал мост между Востоком и Западом».

В одном из писем Елена Ивановна Рерих признается в своем пристрастии к слову «ярый». Понимая трудности перевода этого своеобразного прилагательного на другие языки, она объясняет причины, по которым не в силах от него отказаться. «Очень люблю слово «ярый». В нем столько огненного устремления. У славян бог Солнца именуется Ярило».

Что же касается Николая Константиновича Рериха, то он сопоставляет Солнце с другим, столь близким его сердцу и столь значимым для его духа понятием — «Учитель» с большой буквы. Недаром в своих книгах он не раз воспроизводит притчу о мальчике-индусе, нашедшем своего Гуру.

«Спросили его:

«Неужели солнце потемнеет для тебя, если увидишь его без Учителя?»

Мальчик улыбнулся:

«Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будут светить двенадцать солнц».

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу реки сидит мальчик, знающий Учителя».

Недаром также в программной поэме Рериха «Наставление ловцу, входящему в лес» Учитель произносит такие слова:

...из области Солнца говорю
с тобою. Твой друг и
пастырь и спутник.

В рериховском зале Музея искусства народов Востока в Москве есть картина, на которой изображена толпа людей, восторженно приветствующих первые лучи восходящего Солнца. Название картины четко проясляет ее сокровенный смысл: «Явление Учителя». Здесь, как и в стихах, как и в философских очерках, именуемых иногда еще и «духовными воззваниями», Рерих как бы утверждает все ту же основополагающую мысль:

Учитель — Солнце, льющееся в нас.

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

Так начинается стихотворение Николая Рубцова, принадлежащее к числу шедевров нашей современной поэзии. Это стихотворение исполнено некой тайны, что и дарует ему особую притягательность: ведь тайн полна и душа человека, и безбрежность звездного мира. Образ всадника вырастает в символ. Пространство и время как бы обтекают его, гложут и затихают, будучи не в силах подчинить себе его одухотворенное устремление.

Я буду скакать, не нарушив почное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.

И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...

«Неведомый отрок» — так персонифицирует свое авторское «я» Николай Рубцов. И надобно сказать, что это в духе сокровенной поэтической русской традиции. Возьмем, к примеру, книгу стихов Николая Рериха «Цветы Морин», казалось бы, ни по каким параметрам не совместимую с поэзией Рубцова. И, однако, так же, как в стихотворении Рубцова, авторское «я» Рериха воплощено в образе мальчика, напрягающего все силы души, дабы постичь уроки Учителя с большой буквы, имя которому — Жизнь.

Мальчик тревожится и сомневается («Если ты медлишь идти, значит, еще ты не знаешь, что есть начало и радость, первоначало и вечность»). Он внимает мудрым наставлениям, где главный упор делается на воспитании нравственных качеств человека («Ошибаешься, мальчик! Зла—нет... Есть лишь несовершенство. Но оно так же опасно, как то, что ты злом называешь»). Мальчик мужает, вырастает в воина («О враге ползущем скажи... Как бы они ни пытались, будь тверд, тебя они не убьют»). И, наконец, мальчик, как сказочный Георгий Победоносец, завершая длительное сражение, поражает копьем огнедышащего Змея. («Не смогут тебя победить, но выйдут биться с тобою... Но победа тебе суждена, если победу захочешь».)

Интересно отметить, что не только люди искусства — это еще понятно — рисуют себе свое внутреннее «я» в виде мальчика или отрока, но люди науки — это уж совсем непонятно — тоже. Напомню об искренних и трогательных словах Ньютона: «Самому себе я кажусь лишь мальчиком, играющим на берегу моря...»

Кое-кого, пожалуй, такая тенденция великих мира сего может смутить и озадачить. Как это Ньютон — мальчик, Рерих — мальчик? А кто же тогда мы? Что может означать такое умаление? А означает оно лишь одно — это признак истинной мудрости, которая четко усвоила простую, но существенную мысль:

Кто не в силах учиться,
Тот не в силах учить.

Будьте как дети — гласит древняя заповедь. Старинные изречения — как айсберги, скрывающие основную свою массу под толщей воды. В них зашифровано гораздо больше, чем представляется с первого взгляда. Каждое время читает их по-своему. Современная наука, например, предлагает совершенно неожиданное толкование старинного, как мир, призыва: будьте как дети.

Исследования последних лет отменили как ошибочные прежние представления о том, что у поворожденных нет интеллекта и что они лишены сознания. В статье Мэджори Уоллеса «Большой мир маленьких детей», не так давно опубликованной в одной из лондонских газет и перепечатанной в нашем еженедельнике «За рубежом», говорится:

«Сейчас начинает выясняться, что дети — точно внеземные существа — понимают окружающий их мир и мыслят совершенно иначе, чем мы, взрослые. Мы пользуемся

«бинарной» логикой, согласно которой каждое утверждение либо истинно, либо ложно... младенцу свойственен иной ход мысли: для него вещи могут быть истинными или ложными, либо ложными и истинными одновременно, либо не истинными и не ложными».

Потом, по прошествии какого-то времени, младенец «будет вынужден отказаться от своих более обширных познаний и приспособиться к жизни в нашем ограниченном мире: ему придется изменить его систему логики на нашу, более, так сказать, практичную. Именно в силу этих причин ребенок по мере роста постепенно теряет многие из своих прежних способностей... Вытесненные новыми этапами эволюции его «лучшие годы» к четырем месяцам остаются позади».

Вот эти поразительные открытия в области детской малышовой психологии, если хотите, по-особому высвечивают специфическую роль искусства как способа познания мира. Не является ли задачей искусства — по большей части оно ставило ее перед собой интуитивно — преодоление «бинарной», то есть плоскостной, двумерной логики с целью усвоения объемной, парадоксально-непривычной логики, которую наука считает достоянием детского сознания или человеческого предсознания, как называют его некоторые ученые?

Будьте как дети. Как тут не вспомнить знаменитые стихи Тагора: «Каждое дитя приходит в мир с вестью, что Бог еще не разочаровался в людях».

В Индии весьма популярно предание о Нараде.

Нарада был великим йогиним. Однажды по каким-то своим делам он отправился на небо. В лесу, через который проходил его путь, он встретил человека, сидевшего в неподвижной позе на муравейнике. Муравьи ползали по телу, грызли его, но человек ни малейшим движением мускулов не выдавал своих страданий. Это был аскет, который сознательно обрек себя на самоистязание, рассчитывая таким образом добиться освобождения от земных пут. (По индийским представлениям, человек живет не один, а множество раз, прикованный своими ошибками к цепи земных существований, и цель его усилий состоит в том, чтобы достичь такого состояния — оно обычно именуется «нирваной», — когда ему не пужно будет больше возвращаться на землю и он сможет уйти в иные, более высокие сферы звездного и надзвездного пространства.) Аскет попросил Нараду осведомиться на небе, когда же наконец

придет к нему освобождение. Буквально через несколько шагов Нарада увидел человека, который совершал радостные танцевальные прыжки вокруг многолиственного дерева. Тот тоже попросил узнать Нараду, по прошествии скольких жизней он достигнет нирваны.

Возвратившись, Нарада сообщил аскету, когда наступит его освобождение от земных существований: «После четырех новых рождений». И аскет от ужаса, что ему предстоит прожить еще четыре столь мучительные жизни, горько заплакал. Подойдя к танцору, который на мгновение прервал свои пляски, чтобы выслушать посланца неба, он сказал: «Ты получишь освобождение после того, как проживешь столько жизней, сколько листьев на этом дереве». От радости, что его нирвана, оказывается, столь близка, танцор с еще большим ликованием возобновил свои прыжки.

И вот финал, многозначительный и парадоксальный, как это нередко бывает в сказках: в тот же миг листва с дерева осыпалась — и человек достиг освобождения.

Эта легенда может, пожалуй, служить яркой иллюстрацией к тому знаменитому изречению, которое утверждает, что радость есть особая мудрость, мудрость, не подвластная прямолинейной арифметике ума. В величайшем памятнике древнеиндийской культуры — «Упанишадах» — говорится: «Слова возвращаются от Браммы осмеянными, точно так же как и ум, но тот, кто познает его в радости, свободен от всякого страха».

Мудрость не есть ум. Это стало аксиомой еще во времена «Упанишад». Вот почему мудрость — и об этом тоже говорили уже в древности — не умничает в отличие от ума, который очень и очень любит мудрствовать. Но мудрствование ума обязательно заводит в тупик, ибо часть истины не может охватить всей полноты истины. Такие попытки бесплодны и вместо радости рождают отчаяние. А если отсутствует радость, то это — тревожный симптом, это признак неправильного пути. Отсюда — призыв: остерегайся умствовать там, где нужна простота мудрости, отринь путь бесплодных умствований, отринь сегодня, а не завтра, потому что завтра может быть поздно: засохшее дерево души не даст уже больше зеленых побегов.

Но само собой разумеется: если радость — особая мудрость, то она и требует особых усилий. Ведь эта мудрость — не некое блаженное состояние эйфории, иллюзорно отрешившейся от земных забот, и тем более она «не жирная радость объевшейся души у стойла». Ромепу Роллану радость рисовалась в облике спутницы с окровавлен-

ными погами. За этим возвышенным и романтическим образом для него вставляли совершенно четкие земные реальности: «радость испытания, радость труда, борьбы, преодоленного страдания, победы над самим собою, покоренной, соединенной с собою, оплодотворенной судьбы».

Собственно, радость — это сокровенная квинтэссенция жизни, это тот волшебный эликсир, который мы должны уметь извлекать из самых будничных и примелькавшихся обстоятельств жизни. «Следует копить в себе наиболее простые поводы для счастья, — не без основания советует Метерлинк, — не следует никогда упускать случая быть счастливым». А Николай Копстапинович Рерих в одном из писем говорит:

«Даже в напряженное время можно усматривать радость. Да, да, давайте устроим в каждом письме рассадник радости. Знаем, что на льду цветы не растут, пусть же лед тает под сердечным теплом. Самые «неразрешимые» проблемы просветляются радостью».

И далее он воспроизводит любопытный эпизод из своей жизни. Случилось так, что в Сан-Франциско дела у Рериха — а от них зависела работа интернациональных рериховских культурных учреждений — сложились не лучшим образом. За атмосферой парадности и внешней почтительности он увидел равнодушие и нежелание действовать. В какой-то момент ситуация показалась даже безнадежной. И что же делает в такой обстановке Рерих? Он признается: «Три раза ходил смотреть «Мушкетеров». Представляете — три раза! Я отлично помню эту первую звуковую комедию по мотивам романа Дюма — она шла у нас во время войны и сразу после войны, — где повара, сменив белые колпаки на мушкетерские шляпы, участвуют в веселых и забавных приключениях.

А Рерих продолжает: «Думал, коли они обернулись, то и на нашей улице будет праздник. И был праздник!»

«Радость, — говорит Рерих, — добрый магнит». Ибо она притягивает к себе соответственно все светлое и радостное. Ибо она, как неким волшебным колпаком, покрывает и гасит людские огорчения и заботы. Ибо она приучает не пугаться очевидности, нелегкой подчас очевидности, вскрывая и обнажая ее корни и показывая, что по большей части она, эта очевидность, противоречит сущности.

Радость — космический магнит, ибо, как прекрасно сказано в тех же «Упанишадах», «ни одно мельчайшее движение жизни не было бы возможным, если бы небеса не были наполнены бесконечной радостью».

Вот почему для меня и стали, пожалуй, программными эти строки моих стихов:

Наука радости — наука побеждать,
Одолевай препятствия без гнева
И понимая их предназначенье:
Они даны, чтоб высекать огонь.

А истина — живое существо,
Не хмурое, а радостное. Лики
Его изменчивы, поскольку это жизнь.
Улыбка сфинкса — радость сквозь страданья.

Чтоб звезды видеть —
Их зажги в себе.

Вселенную притягивает сердце,
И космосы вращаются быстрее,
Поскольку мощный импульс ускоренья
Им радостное сердце придает.

...А если Солнце радости восходит,
Оно уж не заходит никогда.

Впервые мне удалось побывать в Индии в 1974 году, в канун столетнего юбилея Николая Константиновича Рериха. Собственно, моя поездка и была подчинена целям подготовки юбилея. Впечатления от путешествия, предпринятого мною, легли в основу документальной повести «Семь дней в Гималаях».

Вновь я приехал в Индию (теперь уже в составе писательской делегации) в 1981 году. Парадоксальная сторона моих путешествий состояла вот в чем. Если в первый раз — а я попал тогда в Индию летом — мне пришлось страдать здесь от холодов (поскольку судьба забросила меня в Гималаи), то во второй раз, когда я очутился здесь зимой, я порядком мучился от жары и духоты. Декабрь в южных широтах таков, что поневоле приходят на память строчки Пушкина: «О наше северное лето, карикатура южных зим». В Бомбее и Мадрасе термометр твердо держался на отметке тридцать градусов выше нуля. Светлая рубашка, которую я надевал в ожидании официальных приемов, к вечеру становилась темной, как земля.

Однако сами индийцы относятся к своей зиме достаточно уважительно. В этом мы могли наглядно убедиться, купаясь в абсолютном одиночестве в волнах Индийского океана. Пляж модного курорта под Мадрасом был безлюден и пустынен. Наверное, в глазах местных жителей мы выглядели настоящими «моржами».

В Мадрасе я и познакомился с Налине. В переводе с

тамилского «налине» обозначает «лотос». Мы тут же решили, что это имя удивительно точно соответствует облику стройной, изящной индуски с нежным, задумчивым выражением лица, которое, кстати, ничуть не портили очки. Наоборот, они придавали лицу оттенок мечтательности и даже некоторой загадочности. Налине работала преподавателем русского языка, прекрасно знала наш язык, нашу литературу — потому ее и назначили нас сопровождать. Чуть ли не сразу она поделилась своей мечтой побывать у нас в России, чтобы увидеть наконец-то воочию снег. На картинах, в кино она, конечно, снег видела, а вот в натуре, чтоб потрогать его рукой, — пока не приходилось.

Так получилось, что на другой день у меня состоялся доверительный разговор с Налине, из которого я узнал, что вскоре — примерно через месяц — она выходит замуж. Родители, как это здесь принято, сами выбрали ей мужа.

— У нас не так, как у вас, — прокомментировала свое сообщение Налине. — По своему выбору у нас женятся редко, и, как правило, такие браки несчастливы. Вот моя старшая сестра вышла замуж по любви. Так это превратилось в настоящую трагедию. Она — кришнаитка, он — шиваит. Ни та, ни другая семья не признавали этого брака. В течение пяти лет они страшно бедствовали, чуть не впали в нищету. Лишь теперь их положение несколько изменилось к лучшему, стабилизировалось.

Я спросил у Налине, когда она познакомилась со своим будущим мужем. Оказывается — позавчера. Жених произвел на нее неплохое впечатление. Он правится ей тем, что совпадают их взгляды, вкусы, но больше всего тем, честно призналась Налине, что хорошо зарабатывает (он бухгалтер и получает довольно приличное жалованье).

— Чувствуется, что человек он добрый, — сказала Налине и пообещала, сопроводив свои слова очаровательной улыбкой (так она и осталась навсегда в моей памяти с этой улыбкой и с этими словами): — Я постараюсь его любить.

Если я не выявлял эти контрасты, если не акцентировал на них особого внимания в своих вещах, то не только потому, что не претендовал на энциклопедический охват индийской жизни, но и потому, что ставил перед собой цель обозначить духовные вершины Индии подобно тому, как ищут и находят в нашей стране такие же духовные вершины индийцы, расположенные к пам. А, как известно, устами своих высочайших авторитетов Индия не раз

заявляла о любви к России, о восхищении ее самоотверженной миссией. Одним из первых (если не первым) в этом ряду следует назвать имя Вивекананды (1863—1902).

У меня есть небольшая поэма о Вивекананде, которая строится как его свособразный монолог («И говорил своим ученикам Вивекананда»). Мне приходилось читать поэму в Индии. Не без трепета я делал это на его родине — в Калькутте, в миссии Рамакришны, в институте, посвященном имени Вивекананды. Признаюсь: мне было радостно узнать, что, по мнению учеников и последователей Вивекананды, в стихах точно схвачено и передано самое главное, а именно — дух и устремления их Учителя. Особенно это относится к последней части поэмы, где как бы спрессованы пророческие мысли, высказанные им в конце прошлого столетия в предчувствии величайших социальных сдвигов:

Дробится в брызги мелкие поток,
И неподвижны валуны глухие.
Друг против друга — Запад и Восток.
Два полюса. Два мира. Две стихии.

Но грани, разделяющие нас,
Как все, что разделяет, иллюзорны.
И ведь кому-то надлежит сейчас
Собрать для нас разбросанные зерна.

Кто на себя возьмет великий труд?
Америка? Я утверждаю ныне:
Коль скажут вам «Америка», соврут —
Мещанский дух бесплоднее пустыни.

Нет, не она прорвет заклятый круг.
Нет, не она — водитель и мессия.
О сокровенном размышляя вслух,
Без колебанья говорю — Россия!

То не догадка, а простой подсчет
Энергии великого народа.
Она одна бестрепетно начнет
Переворот невиданного рода.

В ней воплотятся устремленность вверх
И бескорыстие огненного века,
И станет человеком человек,
А не подобьем жалким человека.

Грядущее предвидя торжество,
Мы дарим миру чашей полновесной
Всю радость сердца, духа своего,
Свое тысячелетнее наследство.

Собственно, в том же духе, что и Вивекананда, высказывались выдающиеся лидеры Индии, когда произошел «переворот невиданного рода» — Великая Октябрьская со-

циалистическая революция. Вот отрывок из статьи Джавахарлала Неру, написанной в 1927 году:

«Советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент новой цивилизации, к которой может двигаться мир».

Вот вывод Рабиндраната Тагора, сделанный им в результате поездки в 1931 году в Советский Союз (по собственному признанию, он ехал сюда, чтобы «взглянуть на величайший жертвенный костер в истории человечества»):

«Зов русской революции — это также зов всего мира. По крайней мере, эта нация единственная из наций сегодняшнего мира думает об интересах всего человечества, считает их выше своих национальных интересов».

Та же убежденность, тот же пафос — и в словах видных современных деятелей Индии. Вот что, например, говорил, обращаясь к нам, директор института имени Бивекананды в Калькутте Свами Юктананда:

«Ваша страна прошла суровые испытания и выжила. Она идет в совершенно правильном направлении. Русский советский народ находится перед духовным взлетом. Не случайна, может быть, дружба между нашими народами. Наша дружба может подать пример остальному миру».

«А между Русью и Индией никогда никаких обид не было,— писал в одном из писем Николай Константинович Рерих.— Среди международных отношений такое качество будет исключительным. Тем легче его продолжать и впредь».

Вот почему наши отношения с Индией не замыкаются лишь в политические и экономические рамки, а имеют, если хотите, более возвышенный смысл и предназначение. Вот почему в Индии высказывают порой убеждение, что единение двух стран — программа для нашей эпохи. Не только от Свами Юктананды, но и от других индийцев мне приходилось слышать, что в современной взрывоопасной ситуации единение человечества может пачаться с единения России и Индии.

Мне довелось познакомиться с концепцией, сущность которой сконцентрирована в одной строке: «А время кончилось. Остались только сроки». Время кончилось — прокомментировали мне эту строку,— потому что мы не можем, как раньше, уповать на будущее, не можем нерешенные проблемы оставлять грядущему. Случилось так, что от нас зависит, быть или не быть будущему. Случилось так,

что мы и есть это будущее. Потому и остались только сроки, сроки немедленных решений и немедленных действий.

Действовать нужно незамедлительно, ибо, как говорила Индира Ганди, человечество приобрело опасную привычку «подходить близко к краю пропасти». С освоением ядерной энергии все кругом изменилось в корне, все, кроме нашего мышления. Допотопный образ мыслей, если мы хотим выжить, надо менять — к этому сводится суть многих высказываний Индиры Ганди, сделанных ею в разное время и по разным поводам. Ныне мне они представляются ее своеобразным завещанием человечеству:

«Мы должны понять, что никакие меры не дадут результатов, если мы не изменим свое мышление, если мы не прекратим относиться к себе как к хозяевам Вселенной, а осознали, что мы мелкие винтики чрезмерно сложной системы, в которой даже мельчайший механизм имеет свое, особое предназначение. В законах мироздания микрокосм не менее важен, чем макрокосм.

Меня никогда не переставало восхищать чудо баланса в природе, где сами отходы исключительно полезны для возобновления жизни. В своей алчности и погоне за силой человек игнорирует естественные законы. Мы нарушали и продолжаем нарушать это чудесное равновесие и при этом удивляемся, когда перед нами встают опасности, нами же сотворенные.

...Мы находимся в плену устаревших методов мышления, подчас проявляем все ту же жадность и прежние желания. Наши планы будут осуществлены лишь тогда, когда наше мышление преодолет эти барьеры и наши взгляды устремятся в XXI столетие.

...Давайте все вместе взывать к человеческому духу, спасем его от апатии и отчужденности, сделаем его боевым и энергичным. Мы находимся на пороге нового века. Как говорил поэт Сен-Жон Перс: «У нас была встреча с концом века». Давайте спросим вместе с ним: «А встретимся ли мы с людьми нового века?»

Общезвестно, что на фронтопе здания древней мудрости сияет изречение: «Познай себя». Звучит, пожалуй, таинственно, а кое для кого даже и мистично. А между тем смысл изречения прост и практичен. В Индии, например, его расшифровывают так: «Когда древние предлагали человеку познать самого себя, они прежде всего заботились о развитии наблюдательности. Такой процесс не содержит

ничего таинственного — человек должен стать внимательным к самому себе и к окружающему».

Казалось бы, чего проще — быть внимательным хотя бы по отношению к себе. Но, увы, на деле это гораздо сложнее, чем представляется с первого взгляда.

К своему телу мы еще бываем внимательны, особенно когда речь идет о здоровье. Конечно, мы недостаточно внимательны и к телу, но жизнь заставляет все же проявлять необходимый минимум заботы о нем.

А вот что касается внимания к нашим чувствам, к взрывам эмоций, то здесь мы бываем на редкость беспечны, на редкость небдительны. Порою нам не приходит в голову бороться, предположим, со своей раздражительностью. В наш современный век убийственных скоростей, напряжений, челегкого быта мы склонны даже находить ее вполне естественной, всячески извинять и оправдывать. А на Востоке с древнейших времен было принято считать раздражительность главным врагом человека. Елена Ивановна Рерих предостерегала: «Необходимо избегать раздражения. Уступите, но не раздражайтесь — получите во сто крат...» А восточная медицина на эти случаи жизни дает простой, но эффективный совет: при признаках раздражения надо глубоко вдохнуть десять раз. Так как на Востоке, и в частности в Индии, тщательно разработана теория и практика дыхания, его связывают здесь с первозданной всепроникающей энергией (праной), то считается, что данное упражнение не только окажет психологическое воздействие, но, так сказать, чисто физически погасит пламя раздражения.

И, наконец, внимание к мыслям. Многие ли из нас могут похвалиться тем, что они занимаются работой по сознательному очищению своих мыслей, или такой элементарной вещью, как приведение мыслей в порядок? Согласитесь, что, может быть, как нигде, мы отдаемся здесь на волю стихии и случая. А между тем работа над мыслями (по возможности регулярная) — к этому выводу в Индии пришли давно — не менее, а даже, пожалуй, и более важна, чем работа над телом. Во всяком случае, говорят здесь, если человек принимает каждый день душ, занимается гимнастическими упражнениями, почему бы ему не заниматься и каждодневной работой по упорядочению и воспитанию мыслей и своего внутреннего мира. Попробуйте для начала принимать каждое утро душ освежающих радостных мыслей или погружаться на какое-то время — хотя бы на несколько минут — в тишину, в безмолвие. Попро-

буйте, говорят здесь, и вы почувствуете, какой могучий заряд вы получите на весь предстоящий вам день.

Как видите, процесс развития наблюдательности и внимания, казалось бы такой обычный, требует от человека необычного упорства и последовательности. Ведь каждый сантиметр внутреннего пространства приходится брать с боя, приходится предельно напрягать свои силы. Вся эта нелегкая и кропотливая работа имеет целью, как говорят с улыбкой сами индийцы, принудить нас к совершенству, от которого мы уваливаем.

Разумеется, ничего таинственного в индийском опыте внутреннего постижения нет. В принципе каждый может приобщиться к нему. Несомненно, что Николай Константинович Рерих в свое время воспринял этот опыт и использовал его — сознательно и целенаправленно — в творческих целях. Отсюда, может быть, фантастически плодотворные итоги его жизни: несколько тысяч полотен, десятки томов литературных произведений, многочисленные философские и научные труды. Рерих рано усвоил урок восточной мудрости, который впоследствии не раз воспроизводил в своих книгах: «Очень советую уничтожить пересуды, ведь целая половина дня освободится».

«Очень советую уничтожить пересуды». Нам трудно представить себе, какая благодаря этому получается не только экономия времени, но — что еще важнее — экономия душевных и духовных сил.

В повести «Семь дней в Гималаях» я рассказал о забавных обстоятельствах, при которых произошло мое знакомство со Святославом Николаевичем Рерихом. По трудным гималайским дорогам я направился к нему, будучи незнакомым с ним и не условившись заранее о своем приезде. В этой поездке меня сопровождала преподавательница Института стран Азии и Африки при МГУ; в повести она выведена под именем Нины Степановны Карповой. Мы прибыли в Нагар ночью, уткнулись в глухую стену каменного забора усадьбы Рерихов; не заботясь о правилах хорошего тона, а движимый лишь мыслью поскорее увидеть Святослава Николаевича, я перелез в темноте через забор и уговорил последовать моему примеру спутницу. Вот таким оригинальным способом (как бы свалившись с неба) мы и очутились в гималайском апарте Рериха.

Помню, как укоризненно качала головою Девика, осуждая потом мой поступок.

— Только русский мог решиться на такое, — говорила

она, — перелезть через забор и заставить сделать это женщину. Ведь вас могли бы разорвать наши терьеры: обычно на ночь мы выпускаем их в сад. Ваше счастье, что они заболели и в ту ночь мы оставили их в помещении.

А Святослав Николаевич — это уже было в Москве, — возвращаясь все к тому же сюжету, добавил еще одну выразительную деталь:

— Знаете, как о вас доложил наш управитель Вишну?

— Не знаю, но думаю, что Ниша Степановна объяснила, кто мы и зачем.

— Понятия не имею, что она объяснила. Но Вишну доложил так: «Прибыл русский посол и перелез к нам через ограду».

Вновь я попал к Рериху — на этот раз в его дом под Бангалором — семь лет спустя. Естественно, теперь уже не было нужды перелезть через забор. Ворота были широко и предусмотрительно распахнуты, а сам хозяин, заблаговременно предупрежденный о приезде — я его увидел из окна машины, — медленно прохаживался по двору, ожидая гостей.

Святослав Николаевич обнимает меня, и мы троекратно с ним целуемся. Я представляю своих спутников. С ними — как с добрыми старыми знакомыми — он тоже целуется троекратно.

Очутившись за деревянной оградой, мы словно оказались в лесу. Дом со всех сторон обступали толстые серебристые стволы эфирноносных деревьев, мудреное латинское название которых я запомнил. Зима напоминала о себе тем, что они были лишены сейчас плодов и листьев.

Святослав Николаевич обращает наше внимание на поляну неподалеку от ворот, истоптанную так, как будто по ней прошли тяжелым бульдозером. Это следы пребывания слонов. Они здесь частые гости.

— Домашние? — наивно осведомляемся мы.

— Почему домашние? — удивляется Святослав Николаевич. — Дикие!

Я осторожно спрашиваю о кобрах.

— Их здесь немало. — Но отношение Святослава Николаевича к ним хорошее: — На людей они не нападают. Другое дело — королевская кобра (кинг-кобра). Это кобра, пожирающая обычных кобр. Вот они действительно нападают на людей. Но, по счастью, их не так уж много, — успокаивает он меня. — Недавно, — рассказывает Святослав Николаевич, — утром мы обнаружили кобру, попавшую в ловушку. Она просунула голову в крысину юру и

застряла. Сбежались мальчишки — дети местных рабочих. Схватили за хвост змею и давай ее раскачивать из стороны в сторону. Так и вытащили из норы. И представьте себе: она никого не укусила, — закончил Святослав Николаевич, хитро поглядывая на меня.

В Индии нет, наверное, такого места, которое не было бы овеяно легендой. Вот и сейчас Святослав Николаевич выносит из дома полевой бинокль, и в его окуляры мы видим пригорок с ясно очерченной впадиной. Согласно преданию, Рама, находясь примерно там, где теперь стоим мы, пустил из своего лука стрелу и прорезал этой стрелой холм. Холм считается священным. Его венчают витые колонны индуистского храма.

В бангалорском доме Рериха — это тоже связано с легендой — есть такой ритуал. Хозяин обязательно ведет гостей к баньяну, широко раскинувшему тяжелые ветки над землей. По существу, это дерево-лес, потому что отростки и побеги его образуют густую рощу. К основному стволу примыкает каменная пристройка с большим медным колоколом посредине. Существует поверье: если позвонишь в колокол, загадав желание, оно непременно исполнится. Гости подходят к баньяну и кто всерьез, кто в шутку исполняют ритуал. Естественно, и я проделал то же самое: трижды позвонил в колокол.

Я привез с собой рукопись книги о гималайском путешествии и пожелал ей счастливой судьбы.

Студия Святослава Николаевича — а здесь мы завершили свой осмотр дома и ближайших окрестностей и теперь сидели кто на диване, кто на легких плетеных стульях — представляет собой просторный и высокий — уровня двух этажей — зал. Вдоль степ длинные стеллажи. Множество книг, в том числе и на русском, в том числе и Рериха, и о Рерихе. Небольшая картина Нестерова из цикла об отроке Варфоломее. Фотографии родителей — Елены Ивановны и Николая Константиновича, окаймленные гирляндами белых цветов.

Посредине мастерской — деревянный подрамник, на который, следуя указаниям Святослава Николаевича, два высоких индийца водружали одно полотно за другим. Целая галерея прошла перед нами. Портреты людей; портреты гор; тропические пейзажи, так точно передающие яркий праздничный колорит здешней природы.

Теперь индийцы ушли, но подрамник не пуст. Но на-

шей просьбе там стоит картина, изображающая вечерние Гималаи с тонким серпиком луны над ними. Рериховские горы фосфоресцируют, излучая таинственное фиолетовое свечение.

Святослав Николаевич переводит взгляд с картины на нас.

— Матушка утверждала, что никакие лекарства не нужны для поддержания нервной системы, кроме чистого воздуха и отдыха на природе. По ее мнению, самые лучшие наши целители — возвышенное мышление и любованные красотой во всех ее проявлениях. Она говорила так: первая система питается красотой и вибрациями, исходящими от произведений искусства. Когда наше сознание понимает их значение и воспринимает их вибрации, то все наше существо получает оздоровление. Мы как бы утверждаем в себе новый ритм.

Там, где красота, там и здоровье — вот ее неизменный лозунг.

Есть такая притча о Будде. (Как я понял, Святослав Николаевич очень любит эту притчу. Тот, кто встречался с ним в Москве или Индии, почти наверняка мог слышать ее от него.)

Однажды любимый ученик Будды Ананда (кстати, «Ананда» в переводе на русский означает «радость») пришел к Будде и сказал:

«Я понял, Учитель, что наши искания красоты, наше устремление к красоте, наконец, наше слияние с красотой есть то, что составляет половину нашей духовной жизни».

«Не говори так, Ананда,— отвечал Будда.— Это не половина духовной жизни, а вся наша духовная жизнь».

Собственно, то же самое утверждает и Николай Константинович. Помните эпитафию к «Цветам Морин»? — обратился Святослав Николаевич ко мне.— «Поверх всяких красот есть Красота, ведущая к познанию Космоса». Ведь такого рода красота требует не частички нашего существа, не половинки человека, а всего человека — без остатка... Вы спрашиваете, что, собственно говоря, могут реально обозначать слова, которые нередко можно встретить у Елены Ивановны и Николая Константиновича: «расширение сознания», «космическое сознание»? Пусть не пугают эти слова. Как и все, они расшифровываются просто. Имеется в виду мысль, которую не раз повторял Николай Константинович: «Не может быть ничего земного, что не принадлежало бы Космосу. Каждый камень уже часть Вселенной». А значит, и каждый человек тоже часть Вселенной

со всеми вытекающими отсюда последствиями. Раз человек — космическое существо, значит, он располагает и запасами космической энергии. Как вы знаете, это не только не противоречит науке, но вполне согласуется с ее выводами. Как известно, паука утверждает, что человек обладает гигантскими потенциальными, еще не реализованными возможностями. Кстати, концепция Николая Константиновича, что человек — посетитель космической энергии, не освоенной им в должной мере (это еще впереди), дает возможность подойти более трезво и более конструктивно к так называемым феноменам, которые на данном этапе наука затрудняется объяснить.

Еще в древности Марк Аврелий обращался к человеку с призывом: «Изучай движение светил как принимающий в них участие». А Кант — вы, очевидно, это помните — признавался, что более всего на свете его заставляют благоговеть две вещи: свод нравственных правил в нем и звездный свод над ним. Изречение это известно, но, может быть, не обращали особого внимания на то, что для Канта вот эти своды — внутренний и звездный — выступают в неразрывном единстве. Благодаря этому его внутренний мир получал возвышенный импульс и характер, его как бы овеивало дыхание Космоса. Словом, наш космический век поставил перед нами космические задачи. Потому, на мой взгляд, нельзя и нелепо требовать от человека обычного мышления, когда, как говорится, сам воздух необычен.

Не помню, кто сказал, что человеком движет тайна. «В тайне бо живет человек, тайнам же несть конца». Может быть, с особой остротой это ощущаешь в горах. Вот почему название вашей вещи — «Семь дней в Гималаях» — мне представляется правомерным. (Накануне у меня был спор с моими товарищами по поводу названия: они нашли его неудачным. — В. С.) В древнем китайском стихотворении сказано: «В горах побывал всего лишь семь дней, а в мире тысяча лет пронеслась». Там все по-другому, и время течет по-другому. — На мгновение задумавшись, Святослав Николаевич добавил: — Ведь горы принадлежат уже больше Космосу, чем Земле.

В декабре восемьдесят второго года мы принимали участие в работе Джайпурской конференции индийских писателей, пишущих на хинди. Наша делегация была немногочисленной. Она состояла из двух человек: первого секретаря московской писательской организации Ф. Ф. Кузнец-

цова и меня. По этому поводу я даже слегка проионизировал, говоря Феликсу Феодосьевичу, что он возглавляет меня.

Когда пришел мой черед выступать, я обратился к делегатам с традиционным индийским приветствием: «Намасте», что вызвало волну аплодисментов, а затем, не чуя особой беды, прочел свои стихи (благо они были переведены на хинди) о Махатме Ганди.

Реакция оказалась непредвиденной. Вслед за мною, темпераментно жестикулируя, один за другим стали подниматься на трибуну то седобородые аксакалы в белых и голубых тюрбанах, то молодые люди с горящими глазами и взъерошенными прическами. Они читали, а вернее, пели или декламировали нараспев стихи под одобрительные возгласы зала: «Вах! Вах!» Началась стихийная мушейра (так в Индии называют состязание поэтов), в ходе которой меня вновь вытащили на трибуну и заставили читать еще какие-то стихи.

Феликс Феодосьевич укоризненно поглядывал на меня, ибо я невольно сломал чинный ход конференции. Правда, как потом выяснилось, все это было к лучшему. Такая эмоционально-поэтическая пауза была необходима. Она разрядила обстановку и, в общем, пошла на пользу делу.

В перерыве нас обступили. Невозможно передать, с каким энтузиазмом жали нам руки и какое количество автографов нам пришлось раздать. Принимали нас бурно и восторженно. Но, пожалуй, особенно запомнились слова одного собеседника — была какая-то перерекаемо-убежденная интонация в его голосе: «Мы знаем, что нигде в мире нас так не любят, как у вас в России. Но знайте, что и вас нигде так не любят, как у нас в Индии».

Честно говоря, вот эти слова жили в моем сознании и подсознании, когда я готовил свой доклад, а точнее, учитывая его скромные размеры, сообщение для международного симпозиума, организованного делийским университетом, — «Индия и мировая литература». Название я ему дал в точном соответствии с его содержанием: «Сердце сердцу весть подает». Я предлагаю его вниманию читателя на тот случай, если кто-то захочет познакомиться с кратким и беглым (и, конечно, неполным) обзором истории развития индийской темы в нашей литературе.

«Есть в России поговорка: «Сердце сердцу весть подает». Вот в этой поговорке как бы выражено существо отношений, складывающихся в течение веков между народами России и народами Индии.

Глубинная связь между двумя странами, являющимися своеобразными континентами, теряется в толще веков. Светящимся пунктиром она обозначена самой историей. Не может быть случайным тот факт, что русский язык, как никакой другой, близок санскриту, на котором созданы величайшие философские и литературные памятники древности. Санскритские корни в нашем языке видны невооруженным глазом. Однако, как говорил Николай Рерих, «не об этнографии, не о филологии думается, но о чем-то глубочайшем и многозначительном». По его мнению, это «глубочайшее и многозначительное» состоит в том, что «именно русские народы и народы Индии далеки от шовинизма. В этом их сила».

Если в структуре русского языка легко обнаружить общие с индийскими языками корни, то так же легко обнаружить и общие духовные корни в наших устремлениях и наших идеалах. Народы всегда соприкасаются своими вершинами, как бы образуя единую величавую цепь горных хребтов. Вспомним идеалы добра и красоты, которые столь страстно утверждала русская классическая литература — Пушкин, Толстой, Достоевский. Вспомним нравственный максимализм Достоевского, для которого одна-единственная слезинка ребенка могла поколебать и даже разрушить всю гармонию мира, сопоставим это с чеканным афоризмом Ауробиндо Гхоша: «Никто не спасен, пока все не спасены» или с изречением Рабиндраната Тагора: «Никакая нация не может быть спасена путем отрыва от других. Мы все должны быть спасены или должны погибнуть вместе», — и мы поймем то «глубочайшее и многозначительное», что роднит духовно наши народы. Собственно говоря, во имя тех же идеалов, чтобы все были спасены, чтобы все были накормлены, обуты, одеты и подвигнуты на более высокую ступень духовного развития, и свершалась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Словом, взаимное тяготение духовных полюсов России и Индии — характерный признак прошлого и в еще большей мере — сегодняшнего времени.

Обычно, когда говорят о нашем взаимном тяготении, возникает имя Афанасия Никитина, автора знаменитого путевого дневника «Хождение за три моря». Кстати, Афанасию Никитину принадлежит мысль, говорящая о простодушной, но незыблемой вере в чудесные возможности индийского духовного потенциала: «И от всех наших бед уйдем в Индию». Но надобно сказать, что Афанасий Никитин, обретший славу благодаря тому, что рукопись его

дошла до наших дней, не был исключением из правила, не был одинокой фигурой на многотрудных путях в индийские ашрамы. Судя по скудным сведениям из старинных русских и индийских источников, таких путников было немало. Просто следы их завалены горными обвалами и занесены песками пустынь.

Несомненно также, что индийская тема у нас началась не с Афанасия Никитина. Свидетельство этому — произведения устного народного творчества, и прежде всего былины о Садко. Знаменитый русский критик-демократ Стасов впервые, пожалуй, обратил должное внимание на индийские мотивы русского фольклора. «Наш новгородский купец Садко есть не что иное, как являющийся в русских формах индийский царь Яду,— утверждал он.— Наш царь морской или царь Водяник — это царь Нагов, царь Змеев, Ракшаза индийских и тибетских легенд». К этому перечню Николай Рерих добавлял языческого Леля, который, по его мнению, являлся своеобразной трансформацией образа бога Кришны, играющего на флейте. Можно сказать, что индийская тема началась у нас задолго до того, как образовались современный язык, письменность и литература. Она началась тогда, когда началась Русь, которая впоследствии выросла и превратилась в государство по имени Россия.

Если мы обратимся уже к XIX столетию, заговорившему на языке Пушкина и Гоголя, столетию, которое принято считать золотым веком русской литературы и искусства, то здесь (имея в виду утверждение и развитие индийской темы в русской литературе) мы должны отдать пальму первенства Василию Жуковскому. Именно он открыл для читателей своего времени Индию, сделав замечательный, живущий и поныне перевод одного из сюжетов «Махабхараты» — истории любви Наля и Дамаянти, так точно отвечающий духу и устремлению поэта-романтика, каковым являлся Жуковский. Свой перевод он предварил стихотворным вступлением, которое представляет собой не что иное, как объяснение в любви к Индии и духовной красоте этой страны.

Великий критик Белинский, в котором глубокий аналитический ум сочетался с интуицией настоящего поэта, вскрыл подлинную причину пробуждающегося интереса к Индии (впоследствии он будет нарастать стремительно и преодолимо), охарактеризовав Индию как страну, «где впервые пробудилось в людях стремление к сознанию абсолютной истины». Такого рода стремление критик сравни-

вал с вершинами Гималаев, олицетворяющих собой духовную мощь Индии.

Однако в русской литературе XIX века (в основном в творчестве некоторых поэтов) индийская тема была лишь намечена и обозначена. Это был пунктир, который будущим поколениям предстояло превратить в сплошную линию. Существовали объективные причины, не благоприятствующие духовному и художественному открытию Индии. Не нужно забывать, что в силу определенных обстоятельств знакомство с Индией в то время ограничивалось книжными источниками. Возможности непосредственного общения с далекой страной отсутствовали, и это, естественно, накладывало отпечаток на содержание произведений наших авторов. Как правило, это были или переложения древних индийских преданий и легенд (например, поэма Афанасия Фета «Сакоптала», баллады Семёна Надсона о Будде), или откровенные стилизации определенных индийских образцов, как, например, стихи Аполлона Майкова, а также стихи более поздних поэтов — Константина Бальмонта и Валерия Брюсова.

Качественный скачок обрело освоение индийской темы после 1917 года. Центр внимания сразу переместился с истории на современность. Объективные трудности, мешающие общению двух стран, не только не отпали, но даже усугубились, ибо английские власти делали все возможное, чтобы отгородить свою главную колонию от революционной России. Но давно уже сказано: «Ничто так не помогает истине, как сопротивление ей». Прорываясь сквозь рогатки и кордоны, в Москву, к Ленину, потянулись своеобразные индийские паломники — представители многомиллионных масс Индии. Этот порыв угнетенного народа как ничто другое приблизил Индию к сердцу и сознанию наших людей. В 1920 году Николай Тихонов (впоследствии он не раз побывает в Индии) пишет небольшую поэму «Сами». В ней он сделал попытку передать внутренний мир индийского мальчика, до которого дошла весть о русской революции, о Ленине. Не беда, что мальчик называет Ленина на свой лад — «Ленни». Не беда, что он молится ему, как некоему богу. Главное в другом: он понял сердцем существо великой вести — теперь, когда есть Ленин, все в мире будет по-другому, с помощью Ленина «Сами всех сагибов погубит». В истории советской литературы поэма Тихонова занимает почетное место, потому что она принадлежит к числу тех произведений, с которых начиналась интернациональная тема в советской литера-

туре. После нее революционно-интернационалистский дух, дух солидарности и братства с угнетенным народом Индии становится на многие годы главным, определяющим мотивом нашей поэзии.

Обретение Индией своей независимости вывело все наши отношения на другой, более высокий уровень. Мы получили драгоценную возможность напрямик, без помех поглядеть друг другу в глаза, поговорить и даже, как это бывает у близких, иногда и помолчать друг с другом. Индийская тема в советской поэзии (поскольку мы ведем речь пока о стихах) стала многоаспектной и полнокровной, ее, несомненно, обогатили непосредственные впечатления, которых была лишена поэзия XIX века. И действительно, для того чтоб в одном и том же стихотворении поэт мог заявить об Индии: «Вся не такая, вся в иной судьбе, вся непохожа на мою Россию» и в то же время утверждать как бы прямо противоположное: «Как ты похожа на мою Россию!» — для этого нужно было увидеть Индию воочию, и мало того — почувствовать увиденное сердцем.

Советская литература об Индии в наши дни становится не только многоаспектной, но и многожанровой. Поэзию иногда сравнивают с легкой кавалерией, вслед за которой вступают, так сказать, на поле боя другие виды войск — пехота, артиллерия, то есть проза, публицистика, драматургия. Правда, судя по всему, индийские впечатления наших прозаиков еще не улеглись, не отшлифовались, не трансформировались в значительные художественные произведения. Нельзя сказать, что нет в наличии повестей и романов об Индии, но говорить об особых достижениях в этой области пока еще рано. Собственно говоря, это естественно. Тяжелые виды войск разворачиваются медленнее. Здесь требуются время и длительное накопление опыта и впечатлений.

Непосредственное общение наших писателей с Индией — на первом этапе такого общения это выступает рельефно и четко — дало добротный материал для очерков и путевых записок. Литература такого рода обширна и богата. Разумеется, она неоднородна. В ней немало вещей откровенно туристского толка, типично журналистского характера. Но есть в ней вещи, уровень которых поднимает их над общим потоком. Это, например, очерк Николая Тихопова «В дни васанты», это «Путевые записки» Ильи Эренбурга.

Что касается чисто художественной прозы, то я, пожалуй, рискнул бы назвать роман Ивана Ефремова «Лезвие бритвы». В этом романе, сочетающем в себе элементы детектива и фантастики, сделана серьезная попытка прикос-

нуться к существованию духовной культуры Индии, попятать то, что делает Индию Индией. Но все же если взять в целом сферу художественной литературы, то приобщение нашего читателя к Индии, к ее культуре, к ее истории, к таким фигурам, как Акбар, Рамакришна, Вивекананда, Махатма Ганди, Джавахарлал Неру, Рабиндранат Тагор, идет пока что главным образом через поэзию.

Очерк, посвященный индийской теме в русской и советской литературе, был бы неполон, если бы мы не упомянули о двух фигурах нашей отечественной культуры, имевших исключительное воздействие на развитие совместных связей и контактов извечно дружественных стран. Это — великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. Это — великий русский художник Николай Константинович Рерих.

Интерес Толстого к Индии, к ее истории, культуре, к ее отшлифованной веками мудрости был продиктован самим характером мучительного нравственного поиска писателя. К концу жизни интерес усилился, чуть ли не захватив его целиком. Об этом, в частности, свидетельствует книга Ивана Бунина «Освобождение Толстого». Оказывается, перед смертью Толстой «несвязно внешне, но совершенно точно внутренне» — так говорит Бунин — «сказал... чисто индусские слова:

— *Все Я... все проявления... довольно проявлений...*»

Устремление Толстого к Индии было материализовано в творчестве. Назову его рассказ «Карма» или маленький, но — смею вас уверить — стоящий толстенных книг очерк «Будда». Идеи древнеиндийской мудрости оказали определенное влияние на формирование нравственного идеала Толстого. Несомненно, что крайности толстовского учения (в особенности его идея о непротивлении злу насилием) в конкретной революционной ситуации России конца XIX — начала XX века нанесли ущерб делу освободительного движения, ибо объективно они ослабляли революционный порыв народа. Как известно, противоречия Толстого были беспощадно и резко, но вместе с тем с полным уважением к гению писателя и его человеческим устремлениям обнажены и проанализированы Лениным. Несомненно также, что после победы социалистической революции, когда решительным образом изменилась политическая и экономическая структура общества, изменилось и наше отношение ко многим нравственным постулатам Толстого. В нынешних современных условиях они могут быть использованы более интенсиивно и, кстати, более результативно, чем рань-

ше, в целях формирования гармонически развитой личности нового общества.

Но не только Толстой открывал для себя Индию, Индия тоже — еще при жизни писателя — открывала для себя Толстого. Свидетельство этому — переписка Махатмы Ганди с Толстым, свидетельство этому — влияние Толстого на взгляды Махатмы Ганди, Рабиндраната Тагора и других выдающихся представителей индийской общественной мысли и культуры. Можно сказать, что Толстой как бы возвел первый долговременный мост между двумя великими духовными державами мира — Россией и Индией.

Что касается Рериха, то несомненна его преемственность с Толстым. Недаром Толстой благословил его и его первую картину «Гонец» замечательными пацутственными словами: «Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет». С юных лет Индия властно владела воображением художника. Его главная мысль была проста, величественна и конкретна. Веря в общность истоков народов России и Индии, Рерих считал, что это предопределяет общность их исторических судеб в ближайшем и дальнейшем будущем. «Индия не чужбина, а родная сестра Руси» — вот его убеждение и лозунг. Идее единства двух стран он подчиняет не только творчество, но и всю свою жизнь. Последние годы — примерно два десятилетия, вплоть до своей смерти — он живет в Индии. В Гималаях, в долине Кулу, он создает своеобразный ашрам, куда стекаются многочисленные гости со всего мира и прежде всего из Индии. Сохранилась фотография 1942 года, ставшая исторической. На ней запечатлены Джавахарлал Неру, Индира Ганди и Рерихи: Николай Константинович и Святослав Николаевич.

Рерих является автором нескольких тысяч полотен, и половина их (если не больше половины) посвящена Индии. В этой галерее индийских сюжетов выделяется гималайская серия. Никто до Рериха и после Рериха не изображал Гималаи с такой мощью и такой одухотворенностью. Могу сообщить, что многие люди в нашей стране — к их числу принадлежу и я — открыли (и открывают) для себя Индию через живопись Рериха. Сегодня не только через живопись, но и через его литературные труды тоже (как известно, Рерих был человеком энциклопедического склада и соединял в себе дарования художника, поэта, писателя, ученого).

В этой связи особо следует остановиться на книге стихов Рериха, изданной в 1921 году, — «Цветы Мории». Эта

книга — впоследствии она не раз у нас переиздавалась — стала новаторским явлением, потому что она открыла новый, неизвестный дотоле для русской поэзии жанр — жанр стихотворных медитаций. Рерих в своих стихах в полной мере использует индийскую традицию, придавая им характер внутренних бесед. В полном согласии с индийской традицией главными персонажами стихов являются две фигуры: Учитель и ученик. Недаром, разбирая содержание стихов, индийский литературовед профессор Генголи отмечает, что они «иногда вторят мыслям Упанишад». Но, разумеется, стихи Рериха — не стилизация, не подражание, ибо все здесь творчески освоено и переплавлено. Новизна его стихов заключается в том, что в них встречаются и как бы братаются две поэтические традиции: индийская и русская.

Надо сказать, что смелый новаторский эксперимент Рериха оказал определенное влияние на наших поэтов, и в частности на меня. Вслед за Рерихом я обратился к медитативному жанру и написал книгу стихов-медитаций «Ключ». Судя по отзывам на стихи Рериха и на мои стихи, этот новый жанр обрел своего читателя и стал достаточно популярным.

Думаю, из всего сказанного (хотя по необходимости картина дана в несколько обобщенном виде) непреложно вытекает вывод о том, что перспективы развития индийской темы в советской многонациональной литературе и искусстве имеют под собой надежную и солидную основу. Думаю, что углублению этого процесса помогут намечающиеся совместные советско-индийские издания. Я имею в виду хрестоматию советско-индийской дружбы, которая должна увидеть свет на трех языках: русском, английском, хинди. В нее войдут лучшие произведения наших авторов об Индии и лучшие произведения индийских авторов о нашей стране. Я имею в виду также проект издания на паритетных началах многотомной библиотеки советской литературы в Индии и многотомной библиотеки индийской литературы в Советском Союзе.

...Свое сообщение хочу завершить словами Николая Рериха, ибо в этих словах выражено, пожалуй, то, что чувствуем все мы в нашей стране:

«Гималаи, разрешите еще раз послать Вам сердечное восхищение. Также, вся прекрасная Индия, позволь еще раз послать тебе привет за все то влекущее и вдохновляющее, которым наполнены твои и луга, и рощи, и старинные города, и священные реки, и великие люди».

Индию принято считать страной фетоменов. Основание для этого, как вы знаете, есть. Собственно говоря, уже любой наш турист так или иначе сталкивается с тайнами, которыми баснословно богата индийская земля. В Дели, например, он может подойти и прикоснуться к знаменитой колонне из химически чистого железа, что стоит посреди развалин древнего храма напротив монументального сооружения Могольской эпохи — Кутаб Минара. Она испещрена узорчатой, похожей на своеобразный шифр, вязью старинного письма. («Берегли письмена мудрые тайны», как сказано в одном их стихотворений Рериха.) Более двух тысячелетий существует железная колонна, а ни ветры, ни дожди, ни холод, ни жара не причиняют ей ни малейшего ущерба: ведь химически чистое железо, подобно червонному золоту, не ржавеет. Такое чудо не по плечу даже нашей столь развитой в техническом отношении современности. Как же древность, с ее примитивными механическими средствами, могла справиться с этой задачей? Вот и рождаются разного рода гипотезы, в их числе — романтические и фантастические: о неземном, космическом происхождении железной стелы.

В скобках замечу, что у индийцев с этой «космической» колонной связано любопытное поверье. Говорят: если стать спиной к таинственному столбу и обхватить его руками так, чтоб сошлись пальцы рук, исполнится заветное желание. Легенда широко известна, и посетители под дружный хохот толпы пытаются добиться успеха. Пытался и я, но ничего у меня не вышло. Правда, судя по тому, что рассказали мне об одном моем московском коллеге, который за несколько лет до меня побывал у этой колонны с той же самой целью, огорчаться неудачей не следует. Мой знакомый был счастливым обладателем достаточно длинных рук и потому без особого труда выполнил ритуал, предписанный легендой. Но по странному совпадению на другой день он ухитрился сломать ногу. При всем уважении к древнему поверью вряд ли можно посчитать эту травму его заветным желанием.

В Джайпуре — а в столицу бывшего государства раджапутов, как правило, тоже ведет туристский маршрут — во дворце махараджей вам обязательно покажут громадные металлические кувшины, в которых хранилась вода из Ганга. Местные источники никоим образом не устраивали махараджу и его семью. Одна из их пезыблемых привилегий состояла в том, что они пользовались лишь водой из священной реки и ее везли сюда издалека,

чтобы наполнить высокие металлические резервуары. Так вот: хранилась эта вода не дни и недели, а длительные месяцы и не портилась даже при сорокаградусной жаре.

Чем объяснить фепомен? Может быть, тем, что вода из Ганга чрезвычайно насыщена серсбром. Некоторые ученые придерживаются этой точки зрения. Другие — ее оспаривают. Так что гипотез немало, а разгадка тайны еще впереди.

В наше время получила широкое распространение литература об индийских системах йоги; есть даже фильм «Индийские йоги. Кто они?». Разумеется — и на это не надо закрывать глаза, — в Индии немало шарлатанов и лжеучителей. Есть фокусники, притворяющиеся магами. Тот, кто бывал в Индии, наверняка видел забавный аттракцион, который повсеместно демонстрируют бродячие акробаты. Под брезентовый полог, прикрепленный колышками к земле, забирается человек, просовывая голову в продолговатую прорезь покрывала. Его напарник начинает громко и ритмично бить в барабан. Под стук барабана человек вместе с пологом отрывается от земли и без всякой опоры — так во всяком случае кажется зрителю — некоторое время висит в воздухе. Затем плавно опускается вниз. Вы можете поговорить с «чародеем», и за известную мзду он пообещает вам открыть секрет фокуса. Однако не торопитесь расставаться с деньгами. Знающие люди предупреждают, что это объяснение представляет собой тоже своеобразный фокус. Вам будет казаться, что вам открыли секрет, а на самом деле — и вы в этом вскоре убедитесь — ничего вам не открыли. Так что лучше будет, если каждый останется при своем: он при своей тайне, вы при своих деньгах.

Но, отмечая в сторону фокусничество, шарлатанство, невольный самогипноз, вынося все это за рамки нашего разговора, все же должно признать тот очевидный факт, что в Индии существуют совершенно реальные люди, добившиеся ощутимых, реальных, порою прямо-таки фантастических результатов, и не только в процессе целенаправленной и систематической трепировки тела (об этом у нас хорошо осведомлены), но и в процессе трепировки своих чувств и мыслей (об этом у нас осведомлены меньше). С древних времен в Индии победа над собой считается предпочтительней любых иных побед. Такой человек сразу становился светящимся центром суетного мира.

Я царь, но царствую лишь над одним собою,
И потому простерлись предо мною
У ног монархладыки и цари.

Нужно, пожалуй, отдать себе отчет в том, что, соприкасаясь с такими людьми (их гораздо меньше, чем принято думать, и с ними связано немалое число неправдоподобных домыслов и легенд), мы как бы вступаем в сферу непознанных явлений человеческой психики, тех явлений, которые наука на данном этапе своего развития подчас еще затрудняется объяснить. Это — бастионы, которые ей предстоит штурмовать.

Кстати, из неоднократного общения с индийцами я вынес твердое убеждение, что здесь, в стране феноменов, бытует трезвое, вдумчивое, я бы даже сказал, чрезвычайно взвешенное, отношение к явлениям, секрет которых сегодня не разгадан, но, по всей вероятности, будет разгадан завтра. Здесь — я имею, в частности, в виду Святослава Николаевича Рериха и его ближайшее окружение — считают своим долгом бороться против двух одинаково неприемлемых крайностей: и против той, которая капитулирует перед феноменами, пытаясь приписать их неким потусторонним силам; и против той, когда стремятся отгородиться от феноменов, не видя их в упор, как это делают некоторые горизонтально мыслящие ученые, почти дословно повторяющие знаменитую чеховскую юмористическую фразу: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». Здесь учат также не придавать самодовлеющего значения так пазываемым «чудесам». Если феномены становятся самоцелью или детской забавой наподобие кубика Рубика, то это не только не способствует нашему духовному развитию, а наоборот — противоречит ему. В этой связи мне даже рассказывали такую поучительную притчу.

Однажды к Учителю пришел человек, добивавшийся права стать его челою (учеником). С горячей мольбой обратился он к Учителю: «Покажи мне чудо, дабы я окончательно уверовал в тебя и твое учение». Печально улыбнулся Учитель и показал какое-то чудо. С той же горячностью, с какою просил, человек упал на колени и воскликнул: «Отныне я готов под твоим руководством идти туда, куда тебе будет угодно». Но Учитель указал ему на дверь: «А теперь ты мне больше не нужен».

Что касается меня, то могу признаться: для меня главным феноменом Индии, к которому я прикоснулся еще задолго до того, как побывал в стране, является та внутрен-

няя культура индийцев, утонченно-возвышенный характер которой позволяет назвать ее «культурой сердца». Собственно, что представляет собой внутреннее равновесие, внутренняя гармония, к достижению которой так настойчиво зовет индийская традиция? Это не холод души, говорят здесь, не отчужденно-холодное дыхание духа. Это прежде всего — радость сердца, которая обогревает встреченного тобой человека. В конечном итоге справедливость — это не то, что поучает или обличает, а то, что дарует радость. Может ли внутренне неуравновешенное, дисгармоничное существо даровать радость? Разумеется, нет. Поэтому если человек хочет нести другим людям мир, спокойствие, радость, то он должен — во имя этой цели — обрести внутреннюю устойчивость и гармонию.

Индийский духовный опыт (естественно, имеется в виду вершинный опыт Индии, естественно также, что он, проходя через наше сознание, трансформируется с учетом современных обстоятельств и применения к ним) привлек и привлекает меня тем, что в наш век, когда человека то и дело пытаются подменить механическими приспособлениями его же собственных рук, он, этот опыт, светло и непререкаемо утверждает достоинство человека. Людей, одержимых патологической жаждой потребительства и вещизма, он как бы предостерегает:

Несобственник владеет мирозданьем,
А собственник собою не владеет.

Многовековой индийский опыт, несомненно, пересекается с современностью, выявляя космический характер нашего земного существования. Как известно, он учит «быть беспредельным, находясь в пределах». Бесконечность звездных просторов Вселенной не должна устрашать человека. Наоборот, она должна возвышать и радовать его дух. Потому что:

Когда песчинка мыслит о Вселенной,
Она в себя Вселенную вмещает,
И больше Космоса становится песчинка.
Таков Закон.

Но, поднимая человека над землей, тот же многовековой опыт не отрывает его от земли. Он утверждает, что ногами надо касаться земли, а головой уходить в небо. Лишь во взаимодействии и единстве двух необходимостей, которым подчинено его бытие — житейской и духовной, — человек может рассчитывать на успех своего внутреннего поиска. Если же он объявляет «майей», то есть иллюзией, его окружающий мир, то тем самым он парует незыбле-

мое двуединство и становится добычей «майи» худшего рода: «майи» духовного, враждебного истинной радости жизни, честолюбия. Об этом на языке поэтических символов Рабиндранат Тагор говорит так:

В поздний час пожелавший отрешиться от мира сказал:
«Ныне к Богу уйду я, мне дом мой обузою стал,
Кто меня колдовством у порога держал моего?»
Бог сказал ему: «Я». Человек не услышал его.
Перед ним на постели, во сне безмятежно дыша,
Молодая жена прижимала к груди малыша.
«Кто они — порождения майи?» — спросил человек.
Бог сказал ему: «Я». Ничего не слышал человек.
Пожелавший от мира уйти встал и крикнул: «Где ты,
божество?»

Бог сказал ему: «Здесь». Человек не услышал его.
Завозился ребенок, заплакал во сне, завздыхал.
Бог сказал: «Возвратись». Но никто его не услышал.
Бог вздохнул и воскликнул: «Увы! Будь по-твоему, пусть.
Только где ты найдешь меня, если я здесь остаюсь».

В Дели в музее Махатмы Ганди можно видеть вещь, с которой Махатма не расставался в течение всей своей жизни. Это маленькая скульптурная группа, изображающая трех обезьян. Одна обезьяна закрыла руками рот, чтобы не произносить дурных слов. Другая обезьяна заткнула уши, чтобы не слышать дурных речей. Третья обезьяна закрыла руками глаза, чтобы не видеть ничего дурного.

Разумеется, это не призыв к самоизоляции, к отрешенности от мира с его заботами и тревогами, что, как известно, в конечном счете приводит к невольному пособничеству злу. Нет, смысл символа в ином. Он напоминает о том, что принято называть дисциплиной духа.

В своих рассуждениях о нравственности (порою восторженных, но абстрактных) мы забываем о ее четком практическом предназначении: умирять внутренний хаос, подчинять строгому порядку мысли и чувства. В известном смысле нравственность — это организованность.

Индийская традиция с древних лет как бы раздваивает внутреннего человека, выделяя в нем так называемое низшее «я», находящееся в сфере притяжения земных предметов и желаний, и так называемое высшее «я», устремленное в сферы беспредельного. Победа над собою, как это ни парадоксально, не означает насилия над собою, потому что насилием (как это установили еще авторы «Упанишад» и «Махабхараты») не достигается подлинный успех. Поэтому не запретами и упреками следует обуздывать

низшее «я», не пышными славословиями следует утверждать высшее «я».

Прежде всего надо помнить, что и низшее «я», и высшее зависят от пищи, которую им доставляют зрение, слух, чувство, ум. Разумное, трезвое, даже рациональное регулирование этого процесса и устанавливает должное равновесие низшего и высшего «я».

Сократить пищу для низшего «я» — это не произвол и насилье, а забота о нем, потому что в противном случае ему грозят пресыщение, болезни, разочарование. Может возникнуть необходимость сократить пищу и для высшего «я», потому что информация и знания, когда лавиной обрушиваются на человека, сбивают его с ног, грозят погрести под собою и даже ввергнуть в безумие.

Как видите, романтический подход к делу здесь теснейшим образом переплетается с сугубо практическим, выявляя то главное, что несет с собой дисциплина духа.

Трудней всего держать себя в узде,
Простая дисциплина — это долг,
Но дисциплина духа — это радость.

«О Люцилий! — обращался к своему другу римский философ Сенека. — Чему ты дивишься, что путешествия тебе не помогли. Ведь ты повсюду за собой возил себя самого».

Уйти от себя, от внутреннего смысла жизни своей при помощи смены впечатлений, пусть самых ярких и разнообразных, затея, конечно, пустая. И не только пустая, но и опасная, потому что, как бы протестуя против таких попыток, все может повернуться против человека. Рерих-поэт писал:

Не беги от волны, милый мальчик.
Побежишь — разобьет, опрокинет.
Но к волне обернись, наклонись
И прими ее твердой душою.

Лицом к лицу — таков, по мнению Рериха, должен быть принцип жизни человека. Отсюда — вот этот совет.

Если боишься — иди навстречу страху, если сомневаешься — иди навстречу сомнению. Иди навстречу, и ты увидишь истоки сомнения и страха, и ты увидишь, какая ничтожная струйка воды образует порою шумящие реки, моря, океаны, создавая иллюзию их мощи. Очевидность по большей части устрашает; сущность вещей, если к ней прикоснешься сердцем, как правило, радуется и возвышает.

Письма Елены Ивановны Рерих полны предостережений против уныния, которое она считала самым бездарным состоянием ума, ибо «уныние обессиливает сознание недостойными малыми сомнениями». «Меньше думайте о своих правах,— советует она,— и больше о своих обязанностях». И тогда, как шелуха, отпадут уныние, скорбь, горькие сетования на то, что, дескать, тебе недодали, а кого-то не по заслугам вознесли и т. п. И тогда как бы переместится центр внутренней тяжести, необратимо меняя сознание. Ведь меньше думать о правах и больше об обязанностях — значит больше думать о других, нежели о себе.

Анналы восточной мудрости содержат такое суровое предупреждение:

«Негоден и даже преступен наставник, говорящий не по сознанию слушателя».

Собственно, это относится к любому человеку, даже если он и не наставник и не пытается стать таковым. Все затруднения наши в общении друг с другом, может быть, и идут оттого, что мы забываем или не считаем нужным принимать в расчет внутреннее расстояние, реально существующее между тобой и собеседником. Если это не преступление, то тогда — ошибка, грозящая порой тяжелыми последствиями. Ведь расстояние между людьми, которое игнорируют, рискует со временем превратиться в пропасть.

Вот почему столь много вековых накоплений таит в себе краткое, но чрезвычайно емкое слово «такт» (разумеется, если под этим словом понимать не только заботу о правилах внешнего поведения, но главным образом заботу об установлении правильного внутреннего отношения к людям и к миру).

Что значит быть тактичным по сути своей? Это значит переключить свое внимание с личных амбиций и личных интересов целиком на другого человека. Такое переключение внимания совершенно необходимо, если ты хочешь не только войти в ситуацию и положение другого человека, понять внешние обстоятельства его жизни, но и почувствовать даже атмосферу и вибрации, окружающие его.

В известном смысле такт — это умение вовремя промолчать и вовремя сказать. Слова должны звучать не тогда, когда тебе этого хочется, а лишь в тот момент, когда они — и ты это чувствуешь сердцем — могут оказать воздействие на человека, а не повиснут в пустоте. И конечно, молчишь

ли ты или, наоборот, со всем пылом красноречия пытаешься убедить кого-то — ты обязан исходить не из некой абстрактной идеи, а из того, что может быть полезным для человека именно в данное мгновение и именно в данном его душевном состоянии. Лишь тогда можно считать себя более или менее застрахованным от ошибок.

В «Живой этике» Рерихов такт определяется как чуткость, а чуткость — в свою очередь — как степень культуры. Таким образом естественно и органично такт вырастает в понятие высокой духовной значимости. В сущности, любая встреча — это отражение характера внутренней работы, мерило ее интенсивности.

Наш уровень обозначает встреча.
От состояния духа лишь зависит,
Кто встретится сегодня в час урочный:
Слуга с слугой, гонец с гонцом, а может,
И царь с царем, и даже с Богом Бог.

Боюсь показаться пристрастным, но мне представляется, что слово «такт» имеет своеобразную магнитную структуру. Во всяком случае, любопытно и даже знаменательно, что в нашем языке оно образует корневую основу таких ответственных понятий, как, например, «контакт» или «тактика». Ведь само собой разумеется, что без чувства такта, развитого в той или иной мере, невозможно подлинное общение между людьми, то есть невозможен контакт. А тактика требует от нас, чтобы мы постоянно учитывали меняющиеся условия — они особенно быстро меняются в современной обстановке — и поступали в соответствии с этим, меняя стиль поведения, а если понадобится, и стиль жизни своей. Все это покрывается словом «такт».

Насколько я знаю, на Востоке давно уже стало аксиомой, что лишь развитие такта и приводит к внутреннему равновесию, а значит, и к гармонизации отношений с окружающим миром. Потому здесь и называют такт отцом гармонии.

«Хотите, я расскажу вам о том, что такое такт и гармония в действии и какие чудеса творятся ими, и только ими?» — спросил у меня однажды индийский переводчик моих стихов, редактор журнала «Гималаи» Вимал. Естественно, я ответил согласием.

«Это было в детстве, — начал Вимал. — В лесу жил отшельник, которого окрестные жители считали святым. Я часто бывал у него, он любил меня. Дело прошлое, — улыбнулся Вимал, — но иногда я воровал у него деньги, чтобы попасть в кино.

И вот однажды к нему в гости пришла моя маленькая сестренка. Я как раз был неподалеку и видел, как она вышла из хижинки с бананами в руках, которые ей подарил отшельник. Она собиралась идти домой, как вдруг обезьяны — вы знаете, какие они ловкие, проворные, нахальные — палтели на нее, вырвали из рук бананы и расселись с награбленным на деревьях. Девочка громко заплакала. Вышел отшельник. Узнав, в чем дело, он начал громко повторять священное имя: «Рама! Рама! Рама!» И что же? Обезьяны слезли с деревьев и положили у ног девочки бананы. Она ушла. А я из-за кустов продолжаю наблюдать: что же дальше? Вижу: отшельник пошел в хижину и вернулся со связками бананов. Подозвав обезьян, он роздал им фрукты.

Уже тогда больше всего меня поразило в этой истории, что обезьяны-то не остались внакладе. Для меня это было уроком подлинного внимания к окружающему миру, а также открытием, что наше внимание и наше участие в делах окружающего мира не должно быть напряженным, тяжеловесным, правоучительным, а должно быть непосредственным, легким, радостным, даже, если хотите, с некоторым оттенком юмора, — лишь тогда и возможны чудеса», — заключил свой рассказ Вимал.

Духовная работа требует больших усилий. Однако тайна не достигается лишь одними усилиями. Тайна цветка или человека жаждет раскрыться тебе, но она — как полагает древняя мудрость — нуждается в ласковых токах твоих. Если пет доброты и радости в сердце — тайна закрыта наглухо и ключ от нее утерян.

Поэтому в конечном итоге такт — это не только выявление в поступках и мыслях уважения к другому человеку, но и выявление любви к нему.

Не вкладывай персты в чужие раны,
Учись увидеть их на расстоянии.
И поклонись страданию чужому.
И помоги. Вот что такое такт.

В Индии, как уже говорилось, придают исключительное значение проблемам воспитания внутреннего «я» человека. Этому воспитанию посвящены даже специальные занятия в школах (во всяком случае, в школах экспериментального типа).

Одну из таких школ — бангалорскую, носящую имя Ауробиндо Гхоша, — мне посчастливилось посетить. Ею

руководит бывшая ученица всемирно знаменитого ашрама в Пондишери — Адити Васиштха. В ее кабинете — портрет Аурубиндо Гхоша и книги Николая Рериха. По ее словам, в своей работе она старается органически сочетать идеи великого индийского мыслителя и нравственно-педагогические принципы великого русского художника.

Помню, какой торжественный церемониал встречи был устроен во дворе баггалорского колледжа. Мы приехали туда вместе со Святославом Николаевичем Рерихом (эта школа находится под его заботливой и постоянной опекой). Мы увидели стройные ряды учащихся в синей праздничной форме. Когда мы вышли из машины, ударили барабаны и школьный оркестр заиграл торжественный марш, который потом сменило попурри из популярных индийских мелодий. К нам подбежали дети детсадовского возраста и преподнесли каждому из нас по цветку: кому розу, кому тюльпан. Мне достался белый пушистый цветок, похожий на одуванчик.

Нас провели в большую светлую комнату, которая, как можно было догадаться, выполняла функции актового зала. Здесь в нашу честь был дан концерт. Вначале — декламация, причем читали не только стихи, но и школьные сочинения с характерными названиями: «За что я люблю Индию?», «Я счастлива, что родилась в Индии». Затем — танцы, народные песни. Особое восхищение у нас вызвала невысокая девочка, исполнявшая темпераментный цыганский танец, в ходе которого ей бросали под ноги пайсы, и она лихо топтала босыми ножками никелевые монетки. Движения она сопровождала выразительной мимикой: приблизившись ко мне, вдруг грозила пальчиком; изображая ритуал гадания, брала меня за руку. Кончилось тем, что она во всеуслышание объявила главный итог гадания по руке: в скором времени я вновь приеду в Индию.

А потом нам предложили пройти по классам, где шли занятия. Вот тогда-то я и попал впервые на урок медитации. Его вел отец Адити: я уже с ним познакомился и обратил внимание, какое у него волевое и в то же время по-детски ясное выражение глаз.

Урок состоял в том, что дети (им примерно 12—13 лет) переносили свои мысли на бумагу, а затем рассказывали о своем отношении к ним, о том, как они их контролируют, как стараются их направить в то или иное русло. По словам Адити, такие упражнения способствуют становлению характера, они развивают чувство внутреннего наблюдателя в человеке. А внутренний наблюдатель, если он дейст-

вует каждое мгновение жизни, сказала она, и есть то, что индийская традиция олицетворяет словом «Учитель».

— Концентрируя мысль, сужая мысль, мы тем самым расширяем пространство,— говорил, обращаясь к ученикам, отец Адити.— Не надо метаться из стороны в сторону в поисках ответа: вопрос уже сам заключает в себе ответ. Все дело в том, чтобы углубиться должным образом в этот вопрос. Помните, что сказано в древнем стихе: «Знание обитает в головах, наполненных мыслями других людей, мудрость — в умах, внимательных к своим собственным».

«Пранаяма» в буквальном смысле слова означает «смерть дыхания». Для чего надобна эта «смерть», вернее — задержка дыхания, его саморегуляция? Для того чтоб оно насытило тело человека новой энергией. То же самое можно сказать и о «пранаяме» мысли. Мысль умирает, или точнее — на какие-то мгновения замирает, с тем чтобы воскреснуть с новой силой. Мысли нужно пройти через животворный воздух безмолвия, чтобы уплотниться, чтобы стать подлинным орудием творчества.

В сущности, безмолвие — это то состояние, когда ответ приходит как бы раньше вопроса. Вот почему и гласит мудрая заповедь: «Где говорящий промолчит, там немой скажет».

Во мне живут сомненье и смятенье.
Мне Рамакришна вспомнился опять:
«Пойдут дожди. Пойдут дожди. Терпенье».
Но недоступно нам искусство ждать,—

писал я в 1964 году, не подозревая, что спустя два десятилетия магнитное имя Рамакришны притянет меня в тот город и те места, где он излагал слушателям принципы своего миропонимания. Такое не могло мне прийти в голову, потому что упоминание о Рамакришне я и сам тогда считал случайностью. Но, очевидно, любое слово чревато последствиями и торит — исподволь, незаметно для тебя — невидимые тропинки в определенном, предугаданном твоим сердцем направлении.

Рамакришна жил в XIX веке. Даты его жизни и смерти: 1836—1886. «Платоном Индии» называл его Ромен Роллан, автор книг «Жизнь Рамакришны» и «Жизнь Вивекананды». «Парамахамсой» — священным лебедем Индии — называли его соотечественники.

В Рамакришне удивительнейшим образом сочетались аскетизм и любовь к жизни. На фотографиях его иссохшее тело как бы излучает радость.

Жрец храма богини Кали не походил на обычных жрецов. Ему было тесно на неподвижном пятачке духовного пространства, стиснутом со всех сторон твердокаменными догмами его религии. Юный искатель истины ставит целью взорвать стену между различными верованиями. Теория у него никогда не расходилась с практикой, мысль немедленно превращалась в действие. Рамакришна делает то, что любой правоверный индус расценил бы как измену или сумасшествие. Он идет в мечеть и становится мусульманином, в течение нескольких лет неукоснительно соблюдая обряды, предписанные магометанством. Затем на какое-то время превращается в христианина, всей силой сердца исповедуя символ своей новой веры.

В результате Рамакришна делает открытие, которым он спешит поделиться с людьми. Все религии трактуют об одном и том же; в сущности они едины, разделяют их лишь обряды и ритуалы, то есть чисто внешняя атрибутика. Это был вызов духу всех ортодоксальных религий, каждая из которых претепдовала на исключительность и полноту истины.

А Рамакришна идет дальше. Он хочет взорвать не только религиозные перегородки, но социальные перегородки тоже! Кровоточащим бедствием Индии того времени было разграничение на касты, установленное еще древними законами Ману: касту жрецов и ученых богословов (брахманы), касту воинов, административных и политических деятелей, царей (кшатрии), касту торговцев (вайшьи) и, наконец, касту самую многочисленную, ибо ее составляли крестьяне, ремесленники, все люди труда вообще (шудры). Эти четыре главные касты в свою очередь делились на подкасты (в общей сложности их насчитывалось несколько тысяч), и каждая из них системой унижительных регламентаций и запретов держала людей в добровольной самоизоляции.

Как всегда, рассуждению Рамакришна предпочитал немедленное действие, даже если оно грозило опасностью для жизни. Он начинает с того, что идет в гости к парии и просит разрешения привести в порядок его дом, подмести пол, почистить вещи. Тот в ужасе от такого великодушного предложения, потому что прекрасно понимает, чем это грозит. Ведь Рамакришна — брамин, а он — представитель самой низшей касты, и, приняв его услугу, он навлек бы жестокие гонения и на себя, и на гостя. Поэтому он решительно отказывается выполнить просьбу Рамакришны. Тогда Рамакришна дождался наступления

ночи. И вот, когда все уснули, он снова появился в доме парии и осуществил намеченное: подмел пол его хижины.

Сострадание было естественным состоянием души Рамакришны, причем сила его сострадания была так велика, что он как бы целиком отождествлял себя с тем существом, к которому устремлялась его мысль. Утверждают, что каждый грубый шаг по земле болью отзывался в его сердце. Рассказывают, как вспухла и покрылась красными рубцами спина Рамакришны, когда он встретил человека, плечи и торс которого были исполосованы ударами бича.

...Слава о Рамакришне гремела по всей Индии. Естественно, что он стал обрастать толпой людей, стремящихся стать его учениками. Но и здесь он вел себя не так, как прежние индийские гуру. Одного желанья — пусть самого страстного и искреннего: следовать за ним как Учителем в поисках истины — ему было мало. «Кандидатам» в ученики он устраивал своеобразный экзамен, обстоятельно расспрашивая о родителях, о семье (если таковая имела), о том, что они делали и делают для своих родных и близких. Если, предположим, «абитуриент» заявлял, что бросает родных, что рвет со всеми мирскими делами для того, чтобы быть рядом с Рамакришной, он сурово отчитывал его и отсылал обратно: «Вы должны воспитывать ваших детей, содержать вашу жену и обеспечить ей необходимое после вашей смерти. Если вы этого не сделаете, значит, у вас нет сердца, а человек, лишенный сострадания, недостоин имени человека».

Проводя столь строгий отбор учеников, он исходил из убеждения: если человек не может справиться со своими обычными обязанностями, то как же он справится с более тяжелыми обязанностями, ждущими его на попроще духовного поиска истины.

Зная неистребимую любовь своих сограждан к обожествлению и опасаясь стать со временем жертвой их привычки, Рамакришна решительным образом предостерегает от таких попыток. «Я родился не для того, — заявляет он, — чтоб создавать какую-либо новую секту в этом мире, и без того полном сект».

«Не ищите религии! — восклицает он и добавляет: — Мы должны строить на других основах, чем созидатели религии. Мы должны жить интенсивной внутренней жизнью, чтобы она сама стала Существом. Существо даст начало неисчислимым светочам правды... Реки низвергаются оттого, что породившая их гора остается неподвижной... Ко-

гда она будет воздвигнута, от нее потекут реки света и сочувствия на всех людей во все времена».

...Удивительно, но последние слова Рамакришны были о России. При жизни Рамакришны в его кругу о России не говорили. Разумеется, о ее существовании знали, но, расположенная где-то вдали за хребтом Гиндукуша, она казалась недосягаемой и даже переальной.

Но вот, чувствуя приближение последнего часа Рамакришны, ученики собрались у его ложа и обратились к нему с вопросом в духе той многовековой традиции, в которой они были воспитаны: когда и где снова родится он, их любимый Учитель? Слабеющим голосом он отвечал:

— Через сто лет.— И указал жестом на север.— В России.

Рамакришна умер 15 августа 1886 года.

В момент смерти Рамакришны его ближайшему и любимому ученику Вивекананде, призванному не только продолжить дело «Парамахамсы», но и придать ему организационные формы, было двадцать три года. Отныне вся жизнь его — а она оборвется шестнадцать лет спустя, в 1902 году, — будет посвящена единой цели: утверждению и пропаганде идей Рамакришны, которые, по его убеждению, знаменовали собой новую эру в перестройке и преобразовании человеческого сознания. Однако это не будет простой популяризацией заветов своего Учителя. С неукротимой силой сердца, которая во всем и всегда отличала Вивекананду, он внесет в духовно-нравственную программу Рамакришны неповторимое своеобразие.

Надо сказать, что Учитель и ученик — и это пошло на пользу общему делу — были не похожи друг на друга. Разница между ними начиналась с того, что Рамакришна принадлежал к касте брахманов (потому он и мог исполнять обязанности жреца), а Вивекананда был кшатрией, то есть воином. Его облик, манера держаться и говорить, стиль жизни отвечали возвышенному и романтическому представлению о кшатрии, борющемся со злом и испровергающем зло. Западным поклонникам Вивекананды казалось, что мощь героической музыки Бетховена воскресла в вибрациях его голоса, утверждающего величайшие девизы жизни человеческой — действие, мужество и устремление. «Никакого отдыха! Жизнь — это битва. Пусть же я проживу и умру, сражаясь!»

В отличие от Рамакришны, который никогда не покидал пределы родной Бенгалии, Вивекананда был неутомим-

мым путешественником. Два года он провел в странствиях по Индии, дважды пересекал океан, чтобы посетить Америку и Европу. Последней точкой его последнего европейского маршрута была Болгария.

Никто, пожалуй, в Индии до Вивекананды не обрушился с такой силой на религиозные авторитеты, слепое доверие к которым, по его мнению, превращало нередко людей в ходячие манекены и автоматы. Бесчисленные божества, считал он, на каком-то этапе истории, может, и были необходимы, но по существу они и тогда уже являлись отражением слабости человеческой. Это — веки развития неокрепшего человеческого духа, который еще неуверенно взбирается на вершины своего бытия. Он еще не знает, что не нуждается в посредниках (подчас сомнительных), чтоб отыскать путь к вершинам. Человек должен, лишь повинуясь внутреннему влечению, самостоятельно — собственно, в этом и заключается его назначение — стать «лицом к лицу с Истиной».

Душа Вивекананды жаждала истины, но не омертвелой и однобокой, а живой, полнокровной, вмещающей в себя опыт народов Запада и Востока. Отчасти под влиянием этого импульса он и основывает 1 мая 1897 года Миссию Рамакришны. Целью деятельности Миссии объявляется распространение мыслей Рамакришны о единстве религий, а также идей ведантизма, получивших после Рамакришны новый толчок. Однако наряду с этим перед Миссией ставится задача, свидетельствующая о том, что соприкосновение с западной цивилизацией не прошло даром для ищущего ума Вивекананды: «приготавливать людей к преподаванию знаний и наук, могущих служить к увеличению материального и духовного благосостояния масс».

Вивекананду принято считать религиозным реформатором, своего рода апостолом неоведантизма. Создание Миссии Рамакришны как бы подтверждает эту мысль. Однако должно заметить, что социальный реформатор всегда брал в нем верх. Доказательство этого — сама жизнь Вивекананды, которая шла под огненным знаком его знаменитого лозунга: «Пока хоть одна собака в моей стране будет оставаться без пропитания, вся моя религия будет в том, чтоб накормить ее!» Проповедовать ту или иную религию, рассуждать и спорить об оттенках различных верований в условиях, когда, по словам Вивекананды, миллионы людей в Индии раздавлены и поработены «бедностью, жрецами и тиранами», — не только непозволительная роскошь, но и предательство по отношению к ним. Громогласно — на всю

страну, на весь мир — он возвещает о нестигаемом символе своей веры:

«Единый Бог, который должен пробудиться, это наш собственный народ. Всюду его руки. Всюду его ноги, его члены, его тело. Он покрывает все. Все другие боги спят. Зачем вам искать бесполезных богов, если вы не поклоняетесь богу, которого видите вокруг себя... Вот все наши боги: люди, живые люди! И первые боги, которым надлежит поклоняться, это наши соотечественники!»

Он объявляет себя социалистом, ибо сердцем своим предчувствует и приветствует грядущее обновление мира. Острым взглядом мыслителя он предвидит победу «класса шудр», что в переводе на наш язык обозначает победу городского и сельского пролетариата.

«Придет время, когда класс шудр поднимется как таковой; и это будет не так, как в настоящее время, когда отдельные шудры возвышаются, приобретая характерные черты вайшьев или кшатриев, нет, придет время, когда шудры во всех странах с присущей им природой и привычками, не превращаясь в вайшьев или кшатриев, добьются полного и повсеместного господства. Первые лучи этого нового восходящего светила, этой новой власти уже стали медленно появляться на горизонте западного мира...»

Современники сравнивали Вивекананду с титаном, который предпринимает героические усилия, чтобы вдохнуть свой огненный дух в истрадавшееся тело Индии. «О, моя Индия, поднимись! В чем твоя главная сила? В твоей бессмертной душе...» Вот почему отцом современной Индии нередко называют Вивекананду его соотечественники. Вот почему с такой категоричностью утверждает Рабиндранат Тагор: «Если вы хотите знать Индию, читайте Вивекананду».

Как и его Учитель, Вивекананда в последние годы своей жизни обращает свой взор в сторону России. Он связывает с нею надежды на социальный переворот. Об этом свидетельствуют воспоминания учеников Вивекананды. Об этом свидетельствуют и собственные слова из работы Вивекананды, обнаруженной сравнительно недавно и опубликованной Миссией Рамакришны: «Вначале революция произойдет в России, затем в Китае, потом придет освобождение Индии. Россия станет лидером и поведет за собою весь мир».

Однако у последней фразы есть весомое добавление: «Россия станет лидером и поведет за собою весь мир, но путь ей укажет Индия».

До 1911 года Калькутта была столицей Индии. Рассказывают, что еще в начале века она поражала своей чистотой и аккуратностью. Улицы были густо обсажены розами. Так как город расположен в ложбине (он ниже уровня моря на шесть метров), то здесь царили безветрие и влажность. Поэтому над городом стояло облако, постоянно источающее нежный аромат роз.

Разумеется, сейчас от этой идиллии не осталось и следа. Город обрушивается на вас каскадом шумов, криков, ярких красок, дымного смога и невообразимой сутолоки уличных маршрутов. Калькутта самый большой город Индии (двенадцать миллионов) и самый индийский в смысле резкости здешних контрастов: в Калькутте, например, вы можете увидеть рикш, которых в остальных городах Индии давно уже нет. Здесь вас не покидает ощущение, что вы стиснуты со всех сторон. Люди, как грозди, висят на трамваях и автобусах. Машина больше стоит, чем движется. Мотор глохнет. Приходится вылезать из машины и подталкивать ее, чтобы вновь заработал мотор. Назначать свидание в Калькутте на определенный час не рекомендуется. Рассчитать время здесь практически невозможно. С помощью советских специалистов в Калькутте строится метро (введена в строй первая очередь), но разгрузить движение так, как хотелось бы, пока не удается.

Главную славу Калькутты составляют ее культурные традиции. Здесь — старейший университет Индии. Недавно исполнилось двести лет научному Азиатскому обществу в Калькутте, владеющему уникальной коллекцией древних книг и манускриптов (мы их видели), написанных на санскрите и пали, на тибетском и арабском языках. Если Дели — политическая и административная столица Индии, то город Рамакришны, город Вивекананды, накопец, город Рабиндраната Тагора — культурная и духовная столица страны. Недаром существует поговорка: «О чем думает Калькутта сегодня, Индия думает завтра».

Институту культуры Мисси Рамакришны принадлежит комплекс зданий в центре Калькутты. Гостиница, административный корпус, читальные и лекционные залы — словом, целый городок. Он оснащен кондиционерами и другими удобствами современной технической цивилизации.

Свой осмотр мы начали с библиотеки, насчитывающей, как нам сказали, сто двадцать тысяч томов. Поблескивая

корешками книг, древность перекликается с современностью. Есть и советские издания. Их, правда, мало, потому что наши научные и культурные учреждения не имеют постоянных контактов с Миссией, но все же они есть. Побывали мы в комнате, предназначенной для медитации. Она погружена в приятный полусумрак. Посредине комнаты, очевидно, для создания настроения, мерцает приглушенным красным светом металлический стержень. В лекционном зале нам даже удалось послушать кусочек беседы об «Упанишадах».

А завершилась наша экскурсия в кабинете главы Института культуры Миссии — Свами Локешварананды. Он был в шафрановой одежде (чтобы получить право на нее, пужно пройти испытательный срок длиною в восемь лет, заключающийся в обете аскетического воздержания, а также в отказе от любого вида собственности). Сквозь очки на нас смотрели ласковые, доброжелательные глаза. Речь его, сопровождаемая неторопливыми движениями, была мягкой, плавной, без единой резкой ноты или намек на диссонанс. Может быть, поэтому сразу и установилась у нас атмосфера доверительности и внутренней тишины.

Локешварананда рассказал о современном состоянии дел в Миссии. Организация имеет международный характер: больше ста ее отделений действуют в Индии, больше пятидесяти — в странах Европы и Америки. У нее двадцать шесть миллионов последователей.

Сейчас Миссия ставит перед собой в качестве неотложной задачи активное включение в борьбу за сохранение мира. (Кстати, в результате бесед с Локешваранандой и родится идея на будущее: провести конференцию сторонников мира под девизом «Человек и мир» с участием советских писателей и ученых на базе Миссии Рамакришны, Азиатского общества и Бенгальского университета.)

— Наша организация не политическая, — сказал Локешварананда, — по ведь и проблема мира давно уже переросла политические рамки.

Иногда приходится слышать, что слова никогда не останавливали войну. Не остановят они ее, если ей суждено разразиться, и на этот раз. Поэтому, дескать, незачем что-то делать и предпринимать. Бесполезно.

Что можно сказать по этому поводу? Если существует «психоз» войны — а он существует, — давайте все вместе, объединенными усилиями, создавать «психоз» мира. Давайте использовать любую возможность, чтобы говорить о мире. Пусть мысли о мире вытесняют мысли о войне. Мыс-

ли, если мы будем последовательными, обязательно превратятся в действие.

А потом Свами попросил меня прочесть поэму о Вивекананде. Дело в том, что накануне у нас состоялась встреча со студентами и преподавателями Бенгальского университета. Там — впервые на земле Рамакришны и Вивекананды — я и упомянул о своей поэме. Почти немедленно о том, что существуют русские стихи о Вивекананде, достигло Мисси. А так как здесь интересуются всеми материалами, связанными с их основателем, то, собственно, благодаря этому мы и очутились здесь.

Естественно, я читал по-русски, рассчитывая, что английский подстрочный перевод прояснит потом для хозяев содержание вещи.

Недаром было сказано о нем,
Что он подобен обнаженной шпаге.
И мысль его звенела, как клинок,
Искрилась. Изгибалась. Трепетала.
Удар! Еще удар!

И говорил
Своим ученикам Вивекананда...

Чтобы лучше слышать, Локешварананда приложил ладонь трубочкой к уху. Выждав небольшую паузу после чтения, он сказал: «Я не знаю русского языка, по сей час мне казалось, что звучит один из языков Индии. Как все-таки мы близки друг к другу!»

Принесли чай. Чаепитие — ритуал, обязательный при встречах в Индии. Чашка чая — своего рода символ, соединяющий людей в дружеское кольцо.

Мы продолжали беседовать, переходя с одного предмета на другой.

— В своем отношении к йоге и увлечению ею, — говорил Локешварананда, — мы исходим из указаний Рамакришны. На наш взгляд, он главный и непререкаемый авторитет в данной области, потому что он опытным путем прошел все виды йоговского самопознания. Так вот: Рамакришна сурово предостерегал своих учеников от йоговских обрядов. Он заявлял, что они не для нашего времени. Он считал, что в наш век, который принято считать железным, человеческие существа весьма слабы и жизнь их коротка. Они не имеют возможности предаваться таким обрядам без большой опасности для себя. Да это вовсе и не нужно. Ведь какую цель преследуют йоговские упражнения? Средоточение духа. А оно гораздо легче достигается в результате углубленного размышления.

Не с йоговских упражнений, какими б сложными они были, не с механических упражнений ума начинается подлинное внутреннее преобразование человека. Оно начинается с усвоения и постижения разумом и сердцем простых истин, которые в силу своей простоты и кажутся само собой разумеющимися. Однако следовать им чрезвычайно трудно.

Одна из таких истин, как известно, гласит: «Ты не имеешь права лишать жизни любое живое существо, ибо не тобою она ему дарована и не тобою должна быть отнята. Не тобою».

Вы спрашиваете, как же соотнести тотальный принцип ненасилия с современной действительностью, несущей именно жестокость, насилие, распад?

Локешварананда сделал небольшую паузу.

— Расскажу вам притчу, которую, как мне припомнится, я слышал от кого-то из русских.

Однажды на мосту, соединяющем два берега реки, встретились монах — дюжий, рослый и пьяница — худой, изможденный. Пьяница подходит к монаху и ни с того ни с сего бьет его по правой щеке. Монах, в полном согласии с евангельской заповедью, подставляет ему левую. Тот бьет его по левой щеке. Тогда монах своими могучими руками хватает пьяницу в охапку и бросает в реку. И кричит вслед ему: «В Евангелии сказано, что если ударят тебя в правую щеку, подставь другую, но там не сказано, что по левой щеке будут бить тоже...»

Локешварананда улыбнулся и продолжал:

— Мне кажется, что это очень актуальный для наших дней комментарий к Евангелию. Нельзя питать злобу против сумасшедшего, говорил Махатма Ганди, однако добавлял, что необходимо отнять у него возможность делать зло.

Ныне для меня существуют две вершинные точки моих индийских маршрутов. Первая: Гималаи — Нагар. Вторая: Калькутта — Белур.

Белур расположен на берегу Ганга, или, как говорят индийцы, Ганги, потому что Ганг у них женского рода. Река в этом месте широкая и спокойная. Здесь в конце прошлого века основал свой ашрам Вивекананда. «Матх» в переводе на русский обозначает «монастырь». Отсюда нынешнее название местности: Белурматх.

Здесь было кремировано тело Вивекананды, а на противоположном берегу реки было сожжено тело Рамакришны.

Здания Белурматха — канцелярия, двухэтажный дом, где жил Вивекананда, мавзолеей на месте его кремации — осенены высокими деревьями и группируются вокруг храма Рамакришны. Храм построен в 1938 году и в своем архитектурном облике в соответствии с концепцией Рамакришны воспроизводит характерные элементы различных религий: индуистской, буддийской, христианской и мусульманской.

К этому времени наша небольшая писательская делегация получила некоторое приращение. К нам присоединились сотрудники генерального консульства СССР в Калькутте. Нашим спутником стал также исследователь жизни и творчества Рабиндраната Тагора профессор Александр Петрович Гнатюк-Данильчук. Он как раз находился в командировке в Индии и работал в архивах Миссии. Гнатюк-Данильчук знал бенгальский язык и оказался для нас неоценимым помощником, потому что наши собеседники, чтобы яснее и четче выразить мысль, то и дело переходили, пользуясь его присутствием, с английского на бенгальский.

По скрипучей лестнице мы поднялись в канцелярию. Нас принимал генеральный секретарь Миссии Рамакришны Свами Хиранмаянанда. Нас предупредили, что он молчалив и встречается с людьми, прерывая обет молчания, по строго избирательному принципу.

Свами оказался среднего роста. Худое волевое лицо. Слова его пронизывала властная стальная интонация. Он, что называется, сразу взял быка за рога, заявив:

— Я вам изложу суть учения Вивекананды.

Один говорит: я обладаю большей физической силой, чем вы,— идите за мной, следуйте за мной. Другой говорит: я обладаю большим умом, чем вы,— идите за мной, следуйте за мной. Но хуже всех тот, кто говорит: я обладаю большей духовностью, чем вы,— идите за мной, следуйте за мной.

В этом суть: никакого рабства, никакого автоматизма нет и не может быть в духовном поиске человека. Человек и свобода духа равнозначны.

Наше учение иногда называют религиозным. Мы же считаем, что это неверно. Мы не любим слово «религия», мы предпочитаем более точное слово — «духовность». Не в храмах и ритуалах суть дела. Это второстепенное. Как же так? — спросите вы. Вы же строите храмы и совершаете в них ритуалы. Да, мы делаем это, но делаем потому, что не все еще люди созрели для единственно правильной точки

зрения, и мы не хотим их оттолкнуть, а хотим постепенно подготовить их к восприятию более высокого этапа.

Свами взглянул на часы.

— К сожалению, время у меня жестко лимитировано. Скоро я должен уйти, но прежде чем это сделать, я хочу показать вам то, что без меня вам не покажут.

...Двадцать лет назад, когда я писал поэму о Вивекананде, естественно, я пытался представить в своем воображении комнату, где жил и умер Вивекананда. И вот она предо мной — не в воображении, а наяву. Большие окна, из которых открывается вид на Ганг. Портрет Рамакришны. Железная кровать с марлевым пологом.

— Но он не любил спать на кровати, — сообщил Свами, — он спал и умер на полу.

Вещи Вивекананды. Высокий посох с изогнутым концом. С ним он обошел всю Индию. Я держал в руках посох Вивекананды, вспоминая вот эти строки:

Мудрость дарует вою посох,
Дабы он вправду победу добыл.

...В храме Рамакришны было пустынно и тихо. Заходящее солнце просачивалось в окна, образуя золотистые полосы на полу.

Алтарь со статуей Рамакришны посредине. Скульптор изобразил Рамакришну сидящим в позе лотоса.

Алтарь отделяла от остального помещения стальная решетка. На дверцах решетки — массивный замок.

— Раньше решетки не было, — сказал Свами. — Но, к сожалению, уже несколько раз экстремисты пытались взорвать алтарь и статую Рамакришны. Вот и пришлось прибегнуть к такой предосторожности.

Это главная наша святыня, — заявил Свами, указывая на алтарь. — Посторонним проходить сюда не разрешается.

Сообщив об этом, Свами на мгновение задумался и вдруг объявил:

— А вы можете пройти прямо к Рамакришне, но при одном условии: если согласитесь припить благословенне водой из Ганга.

Мы, конечно, согласились.

Свами вызвал молодого послушника. Тот долго возился с замком, наконец его усилия увенчались успехом и решетка медленно отодвинулась в сторону. Из серебряного сосуда он лил в наши ладони воду, которой мы смочили лицо и волосы. Потом подошли к статуе.

— Внутри статуи, — объяснил Свами, — находится урна

с прахом Рамакришны. Поэтому здесь — святая святых. Поэтому сюда никого (за редким исключением) мы и не пускаем.

Мы простились со Свами Хирамаянандой (он все-таки, судя по всему, нарушил свой регламент), когда наступили сумерки. Это было уже на улице. Несколько понизив голос, он сказал:

— Очень люблю Россию, но не всегда имею возможность об этом прямо говорить.

И ушел, раздавая благословение расступившейся перед ним толпе.

А профессор Гпатюк-Данильчук — зная Индию и обычай Индии, он был чрезвычайно взволнован происшедшим — произнес, обращаясь к нам:

— Сегодня мы прикоснулись с вами к сокровенному сердцу Индии.

Индийская эстетика — и прежде всего древнеиндийская — насквозь космогонична. Ее звездные ориентиры уходят в толщу веков и преданий. Правда, она не утверждает то, что привычно для нашего слуха: «Вначале было Слово». Она утверждает нечто похожее, но иное: «Вначале была Вибрация». Согласно устоявшимся индийским представлениям материя есть не что иное, как сгущенная вибрация.

Поэтому любая энергия, как здесь полагают, — это проявление на том или ином уровне все той же вибрации. Любой предмет — это резонатор, вибрирующий в ультразвуковом и даже сверхультразвуковом диапазоне. Ухватить эту вибрацию, приблизить ее к людям, сделать доступной при помощи звука, внятного обычному человеческому слуху, и при помощи мысли, понятной человеческому разуму, — вот истинная цель истинной поэзии, по мнению Ауробиндо Гхоша. Классическим примером такой поэзии он считал «Веды».

Обо всем этом Ауробиндо Гхош рассуждал не отстраненно, не как теоретик, а как практик. Дело в том, что за свою жизнь он написал немало стихов. Он является, например, автором эпической поэмы «Савитри», содержащей 24 000 строф.

Суть его возвышенно-романтической концепции состоит в том, что поэзия — это действие, потому что, воплощая в себе сокровенные вибрации окружающего мира, она бурлит и делает отверстия в чересчур уж забаррикадированном человеческом сознании. А в эти отверстия как бы

устремляется волна света, которая будит в человеке не только его чувства и мысли, но и его интуицию, его глубинные внутренние потенции.

При таком понимании глобально-стратегических целей поэзии неудивительно, что индийская эстетическая мысль выказывает нередко сдержанное, даже холодное отношение к метафоре, казалось бы, столь укоренившейся здесь и в поэзии, и в особенности — в мифологии. Образ — ограничение, вот почему ему и предписывается второстепенная, строго вспомогательная роль. Порою мне приходилось слышать, что образами не следует злоупотреблять, что образов следует остерегаться. Почему? Да потому, что, строго говоря, пазначением метафоры является, так сказать, перенесение в долины нашего сознания тех идей, которые могут жить и дышать лишь на большой высоте. Задача трудная, задача деликатная. Нередко случается так, что метафора, вместо того чтоб доставить к нам идею, доставляет лишь ее труп. А что это такое, как не умерщвление поэзии?

Сохранить горный воздух высот для того, чтобы легче дышалось горным мыслям, — вот цель, которой как бы призваны служить стихи-медитации. Как известно, они предназначены не столько для чтения, сколько для размышления и внутренней работы. Как известно, они рассчитаны на активное сотворчество читателя.

По формальным признакам стихи-медитации можно отнести к тому жанру, который принято именовать «поэзией мысли». С большой неохотой употребляю этот термин — «поэзия мысли», потому что в силу какого-то давно сложившегося предрассудка стало признаком хорошего тона противопоставлять ее «поэзии чувств».

Любителям абсолютизировать диалектические противоположности хотелось бы напомнить замечательные слова Аполлона Григорьева: «Наши мысли вообще, если они точно мысли, а не баловство одно — суть плоть и кровь наша, суть наши чувства, *вымучившиеся до формул и определений*». Особенность медитативных стихов заключается в том, что здесь «наши чувства, вымучившиеся до формул и определений», приобретают космический, точнее сказать — внутренне космический характер. Здесь сочетается, казалось бы, самое несоединимое: математика (ибо формулы и определения должны быть математически точными и ясными) и поэзия (ибо интонация и образ должны складываться в оригинальный поэтический узор). Здесь человек как бы выводится на простор, где

Слова, не параллельные безмолвию,
А из безмолвия самого идут.

Творчество — это любовь в действии, а художник, как в старину говорилось, это тот человек, которому бог поручил заботу обо всех людях. Идеальным образом такого человека, взявшего на себя заботу обо всех живущих на земле, мне представляется Леонардо да Винчи, создавший легендарную Мону Лизу.

Ведь, собственно, что обозначает загадочная улыбка Джоконды? Не является ли она улыбкой той всепроникающей мудрости, которая, по словам Метерлинка, в конечном счете «прозревает все силы, все истины и все добродетели на дне всех слабостей, всех пороков и всех неправд»? Сострадательному взору этой мудрости «злоба кажется не чем иным, как добротой, потерявшей своего путевода, пзмена — не чем иным, как честностью, потерявшей дорогу к счастью, а ненависть — не чем иным, как любовью, раскрывающей со скорбью дверь своей гробницы». Ободряющая улыбка этой мудрости как будто говорит, что ничего не потеряно для человеческой души, наделенной «таинственным даром бытия».

«Рукопись — это рукопожатие на расстоянии», — гласит известное изречение.

Но для того чтобы рукопожатие состоялось, необходимы обоюдные, двусторонние действия. На ваш открытый жест должны ответить столь же открыто: не вяло, не формально, а с полной отдачей внутренних сил. Если этого нет, то, естественно, нет и рукопожатия. И тогда приходится вспоминать укоризненные слова, которые не без умысла повторяет в своих письмах Николай Копстаптиневич Герих:

«Даже не дочитав первую книгу, мой друг уже спрашивает, когда выйдет вторая? Даже не исполнив ни одного указания, мой друг хочет узнать, когда будут даны следующие советы? Не сохранив ни одной тайны, мой друг требует доверить ему еще большее».

В книге «Твердыня пламенная» Герих пересказывает легенду, которую он слышал, совершая трансгемалайское путешествие:

«Однажды принес художник картину заказавцу, чтобы получить под нее ссуду. Заказавец отсутствовал, по

оставшийся за него мальчик восхитился картиной и выдал за нее большую сумму художнику. Вернулся хозяин, в гнев услышал случившееся и закричал: «Сумасшедший, ты дал столько тысяч саров за какую-то капусту, никогда не увижу моих денег более». И обозленный хозяин выгнал мальчика и забросил в угол картину, а на ней были действительно капуста и бабочки. Кончилось время залога, и художник принес взятую сумму, требуя картину обратно. Но, осмотрев картину, он отказался принять ее, сказав: «Это не моя картина, на ней были капуста и бабочки, а на этой одна лишь капуста». Занмодавец в ужасе заметил, что бабочки действительно исчезли. В конце концов художник сказал ему: «Ты изгнал мальчика, оказавшего мне услугу. Но только он может избавить тебя от затруднения. Найди его, может быть, он согласится помочь тебе». Мальчик был найден и сказал хозяину: «Искусство этого художника так высоко, что во всех его произведениях отображены все законы природы. Картина была принята нами летом, теперь же зима: бабочки не могут жить без тепла и солнца. Поставьте картину у огня, и под нею тепла опять возродятся бабочки». Так и случилось: у благодетельного пламени бабочки вновь ожили и опять окружили капусту — настолько искусство этого художника было совершенно. Мальчик же был принят обратно и сделался великим, полезным человеком, ибо дух его мог проникать в прекрасные тайны искусства».

Обратите внимание, что речь идет не только о великом художнике, но и о великом зрителе. Они как бы приравнены друг к другу. Недаром мальчик объявляется «великим, полезным человеком». Пока произведение не воспринято, оно не может считаться законченным — таков непреложный закон древнеиндийской эстетики.

Кстати, на языке хинди «литература» и «совместность» — тождественные понятия. Они обозначаются одним и тем же словом: «сахитья».

Вот в этом слове — сахитья, или совместность, — и состоит, может быть, главный урок творчества, да и всей жизни в конце концов. Ибо неизбежным было и остается: формула бессмертия — Единство.

«Я знаю, что единственное, что я могу сделать, — говорила Индира Ганди, — стараться работать ради достижения цели. Это напоминает восхождение на гору: не все поднимется на вершину, но все действуют совместно. И таким образом когда-то кто-то сможет покорить пик».

Ты не иди по жизни — восходи!

Да будет каждый день твой восхождением,
Преодолением вихрей и туманов,
Тянущих вниз, сбивающих с пути.

А путь всегда есть восхождение в гору.
Пусть пролегает по низинам он,
Но все равно он будет восхождением.

Путь — это ты. И путник — это ты.
Соединив то и другое вместе,
Достигнешь ты сияющих вершин.

Идущий — прав. На вик взойшедший — прав.
И даже прав сорвавшийся с вершины.
Не прав лишь тот, кто, зная о вершинах,
Стоит и медлит у подножья гор.

Движение вверх меняет человека
Решительней, чем наши рассуждения,
Раскаяние в содеянном. Движение —
Не только щит от стрел, но также — меч.

А устремление — это очищение.
Чем ты стремительней, тем чище твой порыв.

Покой — в движении. Счастье — в устремлении.
Других рецептов счастья не дано.

А тот, кто устремлен, тот вознесен.
Что значит устремление? Вознесение.

Дыхание гор становится твоим.
Ты на вершине, и ты сам — вершина.

Запомни поступь этого мгновения.
Тот, кто идет, проснулся. Это — ты.

Тот, кто идет, — посланный и посланник.
Творец с творением в нем соединен.

Тот, кто идет, — и ты, и я, мы вместе.
Отдельно он и в то же время все.

Идущий повторяется лишь в том,
Что он идет. Все остальное — ново.

Путь нескончаем.
Значит, путник вечен.

Исчезнет все. Останется одна лишь
Сверкающая ниточка над бездной,
Связующая дальние миры.

1985—1986

МОСТ НАД ПОТОКОМ

«Путник, ты должен отдать твои мешающие тебе вещи. И чем больше отдашь, тем легче тебе будет продолжать путь твой.

Благовари тех, кто взял у тебя.

Они помогут. Они о тебе позаботились.

Ибо идущий легко свободно достигает вершины».

Почему-то эти строки почти всегда воскресают в моей памяти, когда я бываю в Индии, когда мы мчимся в запыленном, выдавшем виды «амбассадоре» (серийной машине индийского производства) по шумной и многолюдной магистральной. Может быть, потому, что дорога в Индии, как утверждают сами индийцы, — не просто дорога. Это история, приспособившаяся к современности или, скорее, приспособившая к себе современность.

Разумеется, это не значит, что на ней отсутствуют (или почти отсутствуют) приметы технического века. Отнюдь нет. Машины здесь столько же, сколько и у нас, если не больше. А уж такого количества велосипедов, как здесь, нам и не снилось.

На задних стеклах автобусов можно прочесть выделенные крупными красными буквами слова «Horn please» («Гудите, пожалуйста»). Призыв, на мой взгляд, совершенно излишний. Индийские шоферы гудят самозабвенно по всякому поводу и без повода, тесня и подгоняя друг друга.

На обочинах шоссе, если едешь утром, видишь перевернутые автобусы и грузовики. «Гонят в темноте во всю мочь, вот и перевертываются», — объяснили мне. Однако не думайте, что водители в Индии все до одного отчаянные лихачи. Дело в том, что их заработок зависит от количества рейсов (ночные оплачиваются дороже). Как же тут не гнать во всю мочь? А спешка в ночные часы — когда внимание человека ослабевает и он, потеряв бдительность, может даже впасть в полусонное оцепенение, — нередко приводит вот к таким катастрофам...

Но вся эта техника, столь стремительная и самоуверенная, как бы ступеньвается, когда навстречу ей проскри-

нит двухколесная арба или проплывут плавно и величественно, словно из сказок «Тысячи и одной ночи», верблюды, груженные высокими тюками. Возвышаясь над машинами и даже автобусами, медленно движется караван слонов (два, а может, и три десятка слонов). Тяжело переваливаясь с ноги на ногу, они направляются к месту своей работы. Маршрут умными животными усвоен хорошо, поэтому на весь караван всего два погонщика. Каждый слон, округлив хобот, несет свой дневной паек — тощую вязанку сена.

Животный мир Индии привык к современному транспорту и относится к нему, пожалуй, без уважения и боязни. То и дело под самым носом машины перебегают дорогу обезьяны, иногда с малышами на спинах. А коровы — так те вообще не обращают никакого внимания на то, что происходит вокруг. Они как будто понимают, что ничего с ними не случится: машина затормозит и осторожно их объедет. С меланхоличным видом они жуют все, что им попадается на асфальте: огрызки фруктов, цветочные лепестки и даже газеты.

В отличие от наших бетонированных трасс индийская не отсекает прошлое, не деформирует его, а делает составной, хотя и контрастной, частью (поскольку оно несет ритмы и вибрации, к которым мы не привыкли) современного грохочущего задымленного пейзажа.

Вот неторопливо шагают крестьяне со связками тростника на голове. Их окликают, и они охотно останавливаются у пруда, который расположен неподалеку от шоссе. Женщины в ситцевых сари моют и полоскают белье и энергично и весело — шлеп! шлеп! — орудут вальками. Точь-в-точь как у нас когда-то в деревне, которая сегодня ушла в небытие.

Вот группа людей, бредущих по раскаленному асфальту. Мы их обгоняем, они сторонятся; солнце, клонящееся к закату, золотит их утомленные лица.

— Им следовало бы поторопиться, если не хотят остаться голодными, — сообщает мой индийский спутник, — до дома, чувствуется, им еще далеко. А по законам их касты они не имеют права принимать пищу после захода солнца.

— Почему бы им не сесть в автобус, чтобы выиграть время? — спрашиваю я.

— Нельзя. У них обет — не пользоваться никакими средствами передвижения. Они могут только ходить пешком и лишь босиком.

А вот еще один босой человек с напряженно-сосредоточенным выражением лица. К щиколоткам его ног привязаны бубенчики и колокольчики, которые довольно мелодично звенят при каждом его шаге. Он принадлежит к секте, придерживающейся строжайшей заповеди не причинять ни малейшего вреда ничему живущему. Звенящие бубенчики и колокольчики должны отпугивать ящериц и насекомых, дабы ненароком они не попали под ноги и не были раздавлены.

У индийской дороги есть символ веры, и он, пожалуй, может быть выражен вот этими словами:

Уходящий повсюду находит свой дом.
Остающийся дом свой теряет.

Если вдуматься, говорят здесь, дорога — сама по себе уже паграда.

Из своего путешествия по маршруту Великого Индийского пути Рерих вынес такое впечатление: «Встречные караваны приветствуют друг друга. Всегда спросят: «Откуда?» Никогда не спросят: «Кто вы?» Личность уже тонет в движении».

Мудрость Востока с древнейших времен считала, что только путь, внутренне осмысленный и наполненный, и может дать ощущение свободы (подлинной свободы) и беспредельности. А что касается путника, то

Путник имеет одну лишь задачу:
Сляпье с дорогой, ведущей нас вверх.

В магазинах Дели и Бомбея, Мадраса и Калькутты наряду с вещами современного поточного производства так много кустарных изделий и антиквариата, что они напоминают скорее музеи, чем магазины. Здесь вы имеете реальную возможность прикоснуться к предмету, овеянному дыханием истории. В одном столичном эмпорциуме, например, я видел предназначенный для продажи старинный трон.

Это было высокое кресло с обивкой из парчи. Обивка потускнела, вылиняла, местами лопнула, и наружу показались ключья свалывшейся шерсти. Но в материю были вделаны драгоценные камни (некоторые довольно солидного размера): алмазы, изумруды, рубины. Подлокотники были обвиты вязью из крупных жемчужин, отливающих белым и розовым светом.

— Недавно, — сообщил словосхотливый продавец, — этот престол торговал один арабский шейх. Но не сошлись в цене. Он давал восемь миллионов рупий, а паша цена — десять миллионов.

Ювелирное искусство Индии не утратило своего престижа, обретенного еще в древности. Со всего мира доставляют сюда алмазы, чтобы здесь придали им должные блеск и огранку.

В шикарных эмпорiums и тесных тибетских лавочках идет бойкая торговля самоцветами и полудрагоценными камнями, более или менее доступными по цене рядовому человеку: агатами, топазами, индийской разновидностью граната — альмандинами. В Красном Форте Дели есть магазинчик Гонала, специализирующийся на контактах с советскими туристами. Его хозяин, если вы совершили покупку, обязательно вручит вам карточку, из которой вы узнаете: «Мы предоставляется специальный скидка для советские люди». Здесь же содержатся — с учетом растущего интереса к астрологии и гороскопам — сведения о камнях-талисманах, соответствующих тому или иному месяцу рождения человека: «Январь: Гранат, Александр; февраль: Амитист» и т. д., и т. п.

Есть в этом, разумеется, элемент игры, есть что-то от улыбки, которую может себе позволить иногда даже самый серьезный человек. Но существует другая, более сокровенная, что ли, традиция. Существует старинное предание о том, что драгоценные камни рождаются из страданий человеческих. А отсюда, как вы понимаете, следует, что драгоценный камень — своего рода аккумулятор духовной силы человека, несущий положительный или отрицательный заряд (все зависит от того, как человек выдержал испытания, выпавшие на его долю: преобразил ли себя, поднявшись над собою, или, наоборот, ожесточился духом).

Существует определенная символика каждого цвета и связанного с ним драгоценного или полудрагоценного камня, запрограммированная древней мудростью. Семь главных цветов выделяла она и в соответствии с этим намечала семь главных духовных ориентиров для человека, семь главных секторов внутренней работы. Вот эти цвета и ориентеры в их строгой иерархической последовательности.

1. Белый. Его камни: алмаз, горный хрусталь. Цвет силы.

В пояснение символики этого цвета говорится:

«Духовная сила — меч сверкающий. Но он поражает не человека, а цепь, его оковавшую. Однако звенья цепи

так прочно вросли в тело, что человек вначале чувствует не освобождение, а страдание. Отсюда — страх перед ударом убийственной мощи, которая сразу (как будто прикоснулись магическим жезлом) уничтожает всю цепь, а не отдирает от тела звенья ее постепенно, одно за другим».

И еще:

«Духовная сила, пробуждающаяся в человеке, вырывается из него языками пламени и может быть опасной и для окружающих, и для него самого. Пробудить духовный огонь в человеке — первая задача. Укротить огонь и придать ему целенаправленный характер — вторая задача. Запомни: обе эти задачи решаются одновременно».

2. Синий. Его камень: сапфир. Цвет мудрости.

В пояснение символики этого цвета говорится:

«Мудрость — божественное свойство, заключенное в человеческую оболочку. Пассивность не равна пассивности. Спокойствие спокойствию рознь. Кажущаяся инертность, внешнее бездействие мудреца — это не трусость, не бегство, не отрешенность от мира, а, как правило, наиболее активная форма воздействия на него. Спокойствие мудреца — это не равнодушие, не замыкание себя в неких неприкосновенных границах, наоборот — это отрешение от себя, когда сострадание и доброта волнами излучаются на окружающих людей и врачуют их».

И еще:

«Мудрость не борется, а побеждает. Мудрость не может быть противоположением глупости или злу, ибо противоположения лишь усиливают друг друга. Мудрость можно угодить плотному колпаку, который покрывает чадное пламя ненависти и гасит его. Мудрость не стоит над схваткой, она участвует в ней, но — особым образом. Она приходит на помощь борющимся тогда, когда обостряется их карма или изживается карма. Но врачеватель не обязательно ласков. В случае надобности он может прибегнуть и к хирургическому вмешательству».

3. Зеленый. Его камни: изумруд, хризопраз. Цвет обаяния, артистичности, такта.

В пояснение символики этого цвета говорится:

«Такт — это не насилье над собой, а полнота внимания и к себе и к окружающим тебя. Такт — это радость узнавания себя и других, радость открытий и действий, связанных с этими открытиями. Такт (особенно на первых порах) сочетается с замедленной реакцией, ибо необходимо время для познавания себя и других в постоянно меняющейся обстановке. Но такт — это тренировка ума и чувств

и, как всякая тренировка, приведет впоследствии к быстрым и безошибочным действиям».

И еще:

«Чувство такта должно развивать не только по отношению к другим, но и по отношению к себе и прежде всего по отношению к своему духовному миру. Внутренний мир должен расти естественно, и потому здесь нужны внимание, терпение и любовь, а не упорство и насилие, не считающееся с постепенностью роста всего живущего и духовного».

4. Золотисто-желтый. Его камень — чрезвычайно редко встречающийся в природе желтый алмаз. Цвет гармоничен.

В пояснение символики цвета говорится:

«Гармония твоя — прежде всего примирение с самим собой. Лишь утвердивший внутреннее равновесие может сгармонизировать свои отношения с миром. А утверждение внутреннего равновесия означает четкое осознание духовного маршрута твоей жизни, а также той роли, которую играют в освоении этого маршрута как позитивные, так и негативные моменты твоей жизни. Не может идти речи ни о потворстве измененным инстинктам, ни о самодовольном упоении возвышенными чувствами. Речь идет о том, чтобы выявить свою сверхзадачу, в свете которой отпадет измененное, а возвышенно-чувственное перестанет быть самоцелью».

И еще:

«Гармония не приходит в результате отрешенности от внешних обстоятельств. А победа над внешними обстоятельствами — это не господство над ними, а установление правильного внутреннего отношения к ним. Неси свет радости своей во внешний мир, и он преобразится».

5. Оранжевый. Его камень: дымчатый топаз. Цвет пауки, искусства, знаний, всего того, что требует от человека необычайной концентрации воли.

В пояснение символики этого цвета говорится:

«Ничто не дает столь широких горизонтов, как духовная жизнь, но ничто и не требует такого сосредоточения всех усилий, как духовная жизнь. Сосредоточение — это всегда как бы некое сужение, концентрация в одной точке, за которой следуют взрыв и небывалое расширение сознания. Узкие ворота ведут к свободе и радости величайшей».

Но узкие ворота не есть нечто искусственное, это естественный этап развития, и от отношения к преградам на пути зависит, может быть, половина успеха. Если ты осо-

знаешь и почувствуешь, что ты — не только устремление, по ты — и преграды, тогда ты на верном пути к победе».

И еще:

«Дисциплина жизни дарует свободу духу. Это и есть узкие врата, ведущие к спасению. Жаждающий свободы превыше всего без размышлений выберет то, что приближает се желанный миг: железные законы внутренней и внешней жизни (их страшится низшее «я», а высшее «я» на них возлагает надежды)».

6. Красный. Его камни: рубин, гранат. Цвет любви и преданности.

В пояснение символики этого цвета говорится:

«Как бы формы ни принимала любовь во внешнем мире, она всегда — очищение внутренним огнем. Если же нет очищения или возвращаются к тому, что было, значит, это не любовь».

И еще:

«Когда-то в тебе должно возникнуть ощущение, которое превратится потом в уверенность, что тебя любят. Любят, как отец и мать, взятые вместе, и более того. На многих случаях ты можешь убедиться в любви Учителя, ведущей тебя неизменно в гору, а не увлекающей тебя в бездну. Если не сможешь ответить любовью на любовь, то в тебе должно родиться чувство благодарности, которое радостно и навеки свяжет тебя с Учителем, имя которому — Жизнь».

7. Фиолетовый. Его камень: аметист. Цвет религиозный, а также космический, предполагающий расширение человеческого сознания до вселенского уровня.

В пояснение символики этого цвета говорится:

«Есть карма человека, но есть и карма страны. Работая над своим духовным совершенствованием, забывают об этом. Надобно помнить об этом.

Есть карма страны, но есть и карма планеты. Любя свою Родину, забывают об этом. Надобно помнить об этом.

И, наконец, карма Земли, карма человечества связана с судьбой Космоса, который так или иначе участвует в нашей жизни. Об этом тоже забывают. Надобно помнить об этом».

И еще:

«Космос присутствует в нашей жизни, но не определяет ее. Лишь в решающие моменты, когда земные события грозят нарушить равновесие мироздания, он проявляется четко и резко. И очень важно, чтоб усилия Космоса

слились с целенаправленной волей человечества, по возможности, соборной».

Включайся в ток духовный каждый день!
Сим победиши.

Как осуществлять это включение? В Индии отвечают: при помощи медитации, то есть при помощи постоянной и кропотливой работы над нашими мыслями.

Нужно помнить, говорят здесь, что мысль, как это ни покажется странным, — живое существо со своим характером, привычками, капризами. Так, например, она не любит, чтобы разбирали механику ее. Тогда она перестает быть таинственной, неосязаемой, невидимой, а лишь при этих условиях она и может бесконтрольно воздействовать на нас. Вот почему мелочам, мыслям, скребущим сердце, надо уметь сказать, как некогда в детстве надоевшим кошкам: «Брысь!»

Уровень медитации целиком зависит от воспитания мысли. Нужно учить ее — а это далеко не просто — искусству непрерывного и устремленного восхождения.

Ленива мысль. А если б не ленилась,
Она б давно заставила тебя
В небесном ореоле видеть Землю,
В космическом сиянии — людей.

Советуют:

«Старайся все охватить мыслью — не мыслеобразом, не мыслью, четкой в своих очертаниях, нет, мыслью абстрактной, сверхабстрактной, теряющей свои границы, мыслью затихающей, затухающей, удаляющейся и вновь возвращающейся. Лишь мысль, вышедшая за пределы внешнего мира, может принести дыхание истины.

— А почувствую ли я дыхание это, а как я поверю в реальность его?

— Почувствуешь и поверишь, потому что вместе с возвратившейся и преобразившейся мыслью придут к тебе бодрость, свежесть и радость неземные».

Известно, что сны делятся на два типа: сны со снавидениями и сны без снавидений. Подобно этому медитация тоже делятся на два типа: медитация, когда есть видения, слова, мысли, и медитация, когда отсутствуют видения, слова, мысли. Так же как сон без снавидений, так и медитация, лишенная мысли, для человека и духа его результативней. Ибо:

Как суету не лечат суетой,
Так мысль не лечат мыслью, а — безмолвьем.

Много, чрезвычайно много существует определений для медитации. Например, и такое:

Высота погружается в глубину. Это и есть медитация.
Глубина подходит к вершинам. Это и есть медитация.

Спрóсите: почему так почитаемо у вас в Индии понятие Учителя? Скажут: потому что понятие Учителя выводит человека за рамки обычной жизни и, значит, поднимает его над собой.

Спрóсите: какие отличительные черты Учителя? Скажут:

Учитель тот, кто убивает страх.
Учитель тот, кто утверждает радость.
По этим признакам Учителя найдешь.

Спрóсите: что делать, если нет Учителя рядом? Скажут: если нет Учителя рядом, то внимание должно быть еще более четким, бдительным и напряженным, ибо во всем может проявиться Учитель.

Добавят к сказанному, что человек не верит себе, он склонен верить другому. Эта потребность учитывается, и ему даруется Учитель, который в сущности есть не что иное, как собственное высшее «я» самого человека.

Напомнят, быть может, изречение Будды из «Дхаммапады»: «Учась у самого себя, кого назову Учителем?»

Приведут, быть может, в подкрепление этой мысли текст из древнего учения:

«Куда б ты ни пошел, сын мой, ища откровенней, истинные посвященные тебе объяснят: «Ты сам свой первый учитель — изучай самого себя, приглядываясь к своим словам, чувствам, желаниям, действиям. Познавая, твори усиленные очищения их».

Каждый Учитель должен оставаться учеником — об этом тоже обязательно скажут. И добавят:

В конечном счете от ученика
Учитель требует, чтоб стал он как Учитель.

В бывшей резиденции Индиры Ганди, ныне превращенной в ее мемориал, есть два снимка, сделанных незадолго до смерти. Расположенные рядом, они кажутся символическими. На одном — Индира Ганди выступает на митинге. Многотысячная толпа восторженно приветствует ее. На другом — она склонилась в почтительном поклоне

перед седобородым отшельником. Громкая слава мира как бы растворилась в тишине ашрама.

«Кризис, с которым мы столкнулись,— говорила Индира Ганди (и тоже незадолго до смерти),— уходит далеко за пределы политического или экономического противоборства. Это кризис духа. Впервые в истории нашей планеты человеческое существо и ценности цивилизации, позволившие человеку подняться выше всех обстоятельств, находятся под угрозой, ибо мы утратили видение наших древних мудрецов и поглощены сиюминутными огорчениями».

А Елена Ивановна Рерих — жена и сподвижница великого русского художника — писала: «Вспомним о высоком мышлении индийских и греческих философов. Может ли двадцатый век гордиться такой же утонченностью мышления?»

На этот вопрос она отвечала отрицательно. Почему? Да потому, что «ускорение механических открытий» отнюдь не ведет к сосредоточенности мысли. Да потому, что «стук машин заглушает вопль духа».

Многие утерянные нами ключи следует поискать в прошлом, считала она. Существуют прекрасные символы древности, но, к сожалению, редко кто вникает в их смысл. Язык символов забыт, как забыто и то, что «только в добром желании можно приблизиться к сокровенным знакам».

«Обратите внимание на звучание древних названий мест,— советовала Елена Ивановна.— Новые не всегда получают такую же полезную вибрацию. Древние названия имели незапамятное значение. Часто никакая филология не найдет корня, заложенного являющимися мощными народами. Тем более мы должны относиться заботливо к наследству неведомому, но заставляющему звучать сердца наши».

По твердому убеждению Рериха, задача нашего времени состоит в том, чтобы найти «объединительные знаки между древнейшими традициями Вед и формулами Эйнштейна». Тогда наконец-то мы поймем, что в древности знали не меньше, чем мы, а может быть, даже больше, чем мы.

«Вначале это все было ничем»,— утверждают Ригведы. Однако ведь то же самое утверждает и современная наука, но на своем конкретном-конструктивном языке: «Вакуум —

это не пустота, это область проявления наиболее мощных физических процессов».

Так называемое «ничто» вибрирует с необычайной силой. Физики — Ричард Фейнман и Джон Уилер — решили подсчитать энергетический потенциал вакуума обычной электрической лампочки. И что же оказалось? Оказалось: его достаточно, чтоб вскипятить все океаны Земли!

А вот еще один пример.

Сейчас перед специалистами по искусственному интеллекту встала задача: найти (или создать) язык для компьютеров. Задача чрезвычайной сложности. Дело в том, что «компьютерный» язык должен отвечать двум условиям: во-первых, быть живым и выразительным, как любой современный язык, во-вторых, быть математически точным в передаче понятий и формулировок (а таким качеством обладает далеко не каждый современный язык). Склонялись к мнению, что для искусственного интеллекта потребуется создание специального искусственного языка. Так считали до недавнего времени, пока не выявилась неожиданная альтернатива. Американский ученый Рик Бриггс установил, что язык, идеально приспособленный для компьютеров, уже существует. Это язык древней Индии — санскрит.

Очевидно — так, во всяком случае, полагает Рик Бриггс, — создатели санскритской грамматики в свое время тщательнейшим образом поработали над очищением и упорядочением языка, поскольку предназначали его для изложения священных текстов, где были недопустимы малейшее искажение или двусмысленность. Не утратив своей выразительности, санскрит обрел ясность и четкость математического характера, словом, все то, что и требуется для компьютера. Поэтому изобретать велосипед не следует.

Как же тут не вспомнить лишний раз слова из книги Рериха «Алтай — Гималаи»: «...старые формы мысли рушатся повсюду, встают новые идеи на место изжитых догматов, и мы идем перед собой зрелище общего интеллектуального движения в направлении, до странности параллельном с восточной философией».

— Что любит быть захороненным? — спрашивали в старину на Востоке. И отвечали: — Зерно.

Пшеничные зерна недаром обнаруживают в усыпаль-

ницах египетских фараонов. Они были обязательным элементом погребального обряда. Однако не только символом победы над смертью было зерно, прорастающее вверх, но и символом знания (пыле утраченного) о могучей энергии.

В древнеиндийских источниках, бесстрашно обращающихся с астрономическими цифрами и бесстрашно отодвигающих историю человечества все дальше и дальше в тайную глубину веков, говорится, что пшеница не является знаком нашей земли: она была транспортирована с Венеры примерно шесть миллионов лет назад. И не для выпечки хлеба предназначались пшеничные зерна. Нет, они служили источником энергии, которая двигала водные и воздушные корабли.

Этой энергией полновластно владели атланты. Те же источники спокойно сообщают, что Атлантида (они называют ее по-иному) существовала около миллиона лет назад. По техническому уровню она не уступала нашей цивилизации, а в чем-то и превосходила ее. Во всяком случае не было отравления окружающей среды, ибо не использовались отбросы Земли, упрятанные в ее чреве.

Но, к сожалению, нравственность атлантов была на много порядков ниже их технических достижений. В результате самонадеянных действий они вызвали к жизни страстнейший огонь, и тот, соединившись с огнем подземным, взорвал материк. Чуть ли не мгновенно он опустился на дно океана.

«О, Египет, Египет! О верованиях твоих останутся лишь смутные сказания, им уже не поверит потомство — словам, вырезанным на камне и повествующим о благочестивом... Божественное возвратится на небо, покинутое человечество целиком вымрет, и Египет опустеет...

Мрак предпочтут свету, смерть сочтут лучшей, чем жизнь, никто не воззрит на небо. Верующий человек прославит безумцем, печальный — мудрецом, свирепый — отважным, худшие — лучшими. Душа и все относящиеся к ней вопросы — рождена ли она смертной, может ли достигнуть бессмертия? — будут преданы осмеянию и сочтутся за суесть».

Так пророчил самый любимый и почитаемый мудрец Древнего Египта Гермес Трисмегист («Трижды великий»), и ход событий подтвердил его пророчество.

Нашествия варваров опустошили Египет. Безмолвные

пирамиды погребли тайны не менее надежно, чем волны океана, скрывшие под собой страну, еще более древнюю, чем Египет,— Атлантиду. Правда, Гермес обещал людям будущего: «Я заговорю с вами в сердцах ваших». Но текли тысячелетие за тысячелетием, а обещание не исполнялось. Разговаривать было не с кем. Символ тайны человеческого бытия — сфинкс, обращенный лицом к восходящему солнцу,— стал страшилищем и пугалом для суеверных феллахов. А наполеоновские солдаты превратили его в мишень для учебной стрельбы и изрешетили картечью.

С горечью писал Николай Константинович Рерих, что варварски обезображен «Сфинкс Египта». Но, по счастью, добавлял он, «сфинкс Азии сбережен великими пустынями».

«Богатство сердца Азии сохранено, и час его пришел».

Путь простирается. И тем он необычен,
Что по нему без посоха идти
Легко и просто. С посохом — труднее.

Ты ощущаешь странником себя.
И это ощущение дорожке
Всего, что могут предложить тебе.

Лучи во мраке осветят твой путь.
Потом вершину. Каждый шаг к вершине
Даст вспышку света на твоём пути.

Для путника есть только смена форм,
А также изменение пейзажей.
А остановка каждая — трамплин.
И даже смерть всего лишь остановка
Пред поворотом на его пути.

Путь превращается в сияние луча,
Когда его пронизывает радость.

Луч — это путь. Шагайте по лучу.
Но чтобы сделать это, невесомость
Вам внутреннюю должно обрести.

Я вижу путь, ведущий из бессмертия
В бессмертие, из вечности в мир вечный.
Пусть гаснут Солнца — новые взойдут.

У индийцев — и об этом, помнится, я уже писал — врожденный дар идеальных собеседников. Даже интервью, до которых я небольшой охотник (да и давать их приходится, как правило, в неподходящей ситуации: то в дымном коридоре в окружении шумной многоголосой толпы,

то в машине, когда мчишься на официальную встречу, лихорадочно перебирая в уме тезисы будущего выступления), не выводят здесь из равновесия, не заставляют внутренне насторожиться или замкнуться. Может быть, потому, что в вопросах, обращенных к тебе, нет подвоха? Может быть, потому, что вопрошающий не программирует заранее свой ответ и не старается из всех сил подтолкнуть к нему? Когда же чувствуешь, что человек лишен предубеждения, то и сам становишься раскованным, и для самого тебя в такой атмосфере какие-то вещи вырисовываются гораздо четче и яснее, чем прежде.

Обо всем этом я обязательно хотел сказать, предваряя содержание беседы с Ражендрой Авастхи, главным редактором журнала, посвященного романтическое индийское женское имя «Кадамбини». Встречались мы с ним сравнительно недавно, и — что немаловажно — беседа проходила не в суете и спешке, а в спокойной обстановке, за чашкой кофе, что давало возможность отвечать на вопросы — а их было великое множество — без особого напряжения. В обратном переводе с хинди наш разговор выглядит так:

— Вот вы занимаетесь медитацией, пишете стихи-медитации. А не хочется ли вам уйти от суеты, от людей, от толпы на какую-нибудь высокую гору, чтобы уединиться, чтобы никто не тревожил вашего безмолвия?

— Прежде всего я убежден, что ни на какой, даже самой высочайшей вершине мира человек не может отъединиться от человечества. Это во-первых. А во-вторых, не кажется ли вам, что человек, если в нем действительно вдруг проснулось духовное начало, не должен стремглав, бросив все, бежать от толпы и людей на высокую гору, а должен нести свет этой горы именно толпе, именно людям? Это труднее, но для нашего времени необходимо. Истинная медитация не может разрезать жизнь на две несоединяющиеся половинки: одна — духовная, другая — житейская. Избрать для себя лишь одну половинку — не важно какую — значит уподобить себя человеку, стоящему на одной ноге. А на одной ноге долго не прстоишь. Обязательно рухнешь.

— Какое ваше личное отношение к религии? Согласуется ли оно или, наоборот, противоречит официальной политике государства?

— Хочу начать с самого начала, а значит, с Маркса, который, во-первых, заявлял — это доподлинные его слова, — что «насильственные меры против религии бессмысленны», а во-вторых, считал — это тоже доподлинные его

слова, — что для судеб социализма проблема религии является «совершенно второстепенным вопросом». Развивая мысль Маркса, Ленин писал о том, что единство мнения пролетариев в борьбе «за создание рая на земле для нас важнее, чем единство мнения пролетариев о рае на небе».

Вы скажете: но ведь были отступления от принципа. Были, но они-то и заставили нас с новой обостренной силой вспомнить о нем. Если хотите, помнить о нем нас заставляет само время, когда действительно единство мнений людей в борьбе за сохранение планеты и жизни на ней куда важнее единства мнений по любым вопросам другого порядка, в том числе и религиозным.

Что касается меня, то могу признаться — я твердо убежден: так же как храмы Древнего Египта скрывали в своей символике космические тайны, так и в современных религиях, — в частности и в христианской, — зашифровано немало знаний эзотерического характера, неизвестных по большей части самим священнослужителям, поскольку все это выродилось и превратилось в автоматически исполняемые обряды и ритуалы.

В нашем храме есть церковные врата, которыми отделяется святая святых храма — алтарь — от остального помещения. Существуют четыре канонизированных церковью Евангелия: Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки, Евангелие от Иоанна. Каждому из них соответствует свой символ: Матфею — человек (с течением времени он трансформировался в ангела), Марку — лев, Луке — телец, а говоря попроще, бык, Иоанну — орел. Так вот, все это изображено на церковных вратах. Но если вдуматься и сопоставить, то ведь фрагменты символов складываются в фигуру сфинкса: сфинкс обладал телом быка, имел львиные лапы и лицо человека, а на спине у него были орлиные крылья. Что это означает? На мой взгляд, лишь одно: что символы для евангелистов отбирались с определенным умыслом, тут как бы заключается намек на то, что в их текстах содержится ответ на древнюю загадку сфинкса.

Вообще я считаю, что настало время, когда наука, отбросив предубеждения и крайности, должна смелее вторгаться в святая святых религий, стараясь найти и объяснить сокровенный смысл их символов. Уверен, что это один из путей к космическим тайнам. Конечно, было бы идеально, если бы представители религий не играли лишь роль суровых стражей при доверенных им сокровищах, а шли бы навстречу науке. Но тут уж, поверное, требуется,

как сказал один мудрый человек, чтоб священнослужители стали немногo учеными, а ученые немногo духовнее.

— Можно ли вас понять так, что вы не против возвращения религии и возрождения религиозных принципов, но, естественно, на новой, более современной основе?

— Нет, речь идет не о возвращении религии или реконструкции ее, а о более правильном подходе ко всему комплексу вопросов, связанных с нею. Николай Рерих говорил: «Не разрушай храм, если не можешь поставить на его месте новый». Если ты упраздняешь прежнее верование, то дай человеку идеал, не абстрактный, а такой, чтоб у него зажглось сердце и чтоб в полной мере он возместил человеку то, что им утрачено.

Мне очень близка позиция Лессинга. А он делил духовное развитие человечества на три периода.

Первый — детство. Ему, он считал, соответствовал Ветхий Завет с его однозначно-прямолинейной системой наказаний за совершенное зло («око за око, зуб за зуб») и награды в виде материального богатства за добрые поступки. Естественно, это свидетельствовало о незрелом и грубом духовном состоянии тогдашнего человечества.

Второй — юношеский, а значит, романтический. Ему соответствовал христианский Новый Завет, который старался затронуть в человеке не низменные, а высокие струны его души. Образ Христа, героически прошедшего через кровавые муки, стал олицетворением сострадания ко всему живущему.

Духовным зреньем посмотри на руки,
Дарующие помощь и спасенье.
Чьи б ни были они, но ты увидишь
На этих милосерднейших ладонях
Зияющие дыры от гвоздей.

Это была высокая ступень духовной эволюции, но — не последняя.

Третья, высшая ступень эволюции, по Лессингу, — зрелость человечества. Ее отличительные особенности: во-первых, духовное совершенство и нравственная чистота, во-вторых, абсолютная независимость человеческой морали от веры в бога и провидение. Добро будет твориться ради добра, а не в ожидании уготованных за это воздаяний (земных или небесных).

Вот почему атенст, обладающий глубокой нравственностью, может быть выше не только верующего, не обладающего такой нравственностью, но и верующего, обладающего точно такой же нравственностью, как и атенст. Ведь в

первом случае — полное бескорыстие, во втором — надежда получить награду за свои поступки и мысли.

— Так что же: выходит, что атеист (если он обладает теми качествами, о которых вы говорили) ближе богу, чем верующий в него?

— Выходит, что так. В парадоксах всегда больше истины, чем в обкатанных силлогизмах.

— Скажите, а как вы относитесь к знаменитой мысли вашего великого писателя Достоевского (которого на наш индийский лад мы иногда называем «риши», то есть ясновидцем и мудрецом): «Красота спасет мир»?

— Видите ли, если исходить из определения Канта «Прекрасное есть символ нравственности», то отсюда как бы сам собой вытекает и афоризм Достоевского «Красота спасет мир». Этика и эстетика неразрывны. Это две стороны одной и той же медали.

Многие наши беды — естественно, я имею в виду то, что происходит у нас, в нашей стране, — идут от того, что мы разрушаем нерасторжимое единство этических и эстетических принципов, что мы забываем — как о чем-то несущественном — об эстетической стороне вопроса. Иногда складывается впечатление, что мы во власти иллюзии: раз нравственные максимы правильны и неопровержимы, то они могут автоматически, сами по себе, воздействовать на сознание людей и преобразовывать их. Мы игнорируем тот факт, что простым, информативным повторением прописных истин делу не только не поможешь, но даже навредишь, потому что подчас это может дать прямо противоположный результат.

А самое главное, пожалуй, состоит в том, что мы игнорируем исторический опыт, поскольку в нем все это давным-давно учтено. Если мы обратимся, например, к истории религий, то увидим, что нравственные постулаты христианского или буддийского учения не витают в безвоздушном пространстве, они подкреплены авторитетом, подвигом, кровью, всей жизнью основателя учения. Но и этого мало. Смотрите, как высокохудожественно организованы тексты того же Евангелия, или Корана, или Вед. Порядок словосочетаний, ритм — всему здесь придаётся значение, и недаром они обнаруживают тяготение к стихотворному размеру. Существуют даже термины: библейский стих, евангельский стих, а Коран более чем наполовину зарифмован. Все это вместе взятое и воздействует не только на ум, но и на воображение, на чувства, на подсознание человека. Казалось бы, какие простые истины: «не убий»,

«не укради», «возлюби ближнего, как самого себя». Но какой могучий дополнительный арсенал средств воздействия использован, чтоб попытаться утвердить эти истины в сердцах людей.

Вот почему я убежден: если мы всерьез, если по-настоящему озабочены задачей формирования гармонически цельной личности нового общества, то обязаны не только учитывать этот исторический опыт, но и стараться — если будет в наших силах — превзойти его. А тут возможен лишь один подход — другого не дано, — на который не однажды указывал Рерих: «Если хотите увлечь вашим знанием, сделайте его привлекательным. Настолько привлекательным, чтоб книги вчерашнего дня показались сухими листьями».

— Вы провозгласили своим идеалом коммунизм, но до осуществления его — чувствуется — еще далеко. Не кажется ли вам, что он, как и всякий идеал, отстывает наподобие горизонта, когда к нему приближаются? Иными словами: он не только далек, но и недостижим?

— То, что скажу, вам опять покажется парадоксальным. Но я действительно убежден в том, что коммунизм ближе к нам, чем нам это представляется. Просто мы смотрим на него как бы в перевернутый бинокль.

А знаете, почему я пришел к такому выводу, что главным образом на меня повлияло? Читательские письма, которые пришли с разных концов страны после моей «индийской» повести «Семь дней в Гималаях». В доброй половине этих писем звучала одна и та же нота: то, что нами завоевано, нами еще не осознано. Истинной, духовной ценности наших достижений мы не ведаем. И виной тому нравственные и другие издержки воспитания, искривляющие в конечном счете мышление человека.

И в самом деле: как была поставлена у нас пропаганда того же самого идеала коммунизма? Она носила прямолинейно-прагматический характер. Картина грядущего рисовалась примерно так: невиданное изобилие вещей, съестного, бытовых услуг и пр. Впадая в односторонность, забывали, что в отличие от буржуазного потребительского общества для нашего строя материальные блага не могут быть целью и смыслом существования, они лишь условия истинно человеческого существования. За них надо бороться, памятуя, однако, о том, что они не имеют права становиться самоцелью. А что же тогда становится целью? Нравственное преобразование человека, одухотворение его чувств и мыслей.

Если под этим углом зрения посмотрим на наши проблемы, то выяснится, что грядущее, которое, как вы ска-зали, отстывает от нас наподобие горизонта (и будет от-ступать, если будем вести себя, как прежде), в сущности, почти у самого порога. Ведь если созданы условия истинно человеческого существования — а они у нас в основном созданы, — приход коммунизма теперь целиком зависит от нас, от того, сумеем ли мы преобразовать и одухотворить свой внутренний мир, себя. Чтобы наступил коммунизм, надо утвердить его в себе, в наших душах.

Мой отец — старый партнец. Будучи мальчишкой, во время гражданской войны он вступил добровольцем в Красную Армию. То, что он говорит сегодня, можно све-сти к следующему: если бы каким-нибудь чудом удалось соединить чистоту, энтузиазм, веру, бескорыстие людей периода военного коммунизма или первых пятилеток с теми материальными благами, которые у нас сейчас име-ются, это бы и было то, что мы называем коммунизмом. Сложилась парадоксальная ситуация: из-за ошибок ли, порою трагических, из-за отсутствия ли опыта (нельзя ис-ключить и наличие злого умысла тоже), но было сделано все, чтобы развести как диаметрально противоположные полюса советскую власть и духовное начало, хотя сама советская власть и родилась в результате огненного духов-ного порыва людских масс. Задача нынешних преобразо-ваний в стране, может, в том и состоит, чтобы поставить все на свои места, чтобы вернуться к тем духовно-нравст-венным, светлым и бескорыстным основам, с которых и начинался наш строй.

— Так вы полагаете, что шанс у вас есть. Надежду на успех вы, естественно, связываете с новым периодом ва-шего развития и новым мышлением. Тогда еще вопрос: не беспокоит ли вас, что новый период, период начавшихся преобразований, с одной стороны поднял у вас волну праг-матизма совершенно западного толка, а с другой — породил ожесточенные нападки на «духовные Гималаи» (как видите, мы следим за вашими дискуссиями такого рода), то есть именно на то, на что вы надеетесь и к чему зовете?

— Беспокоит, но не пугает. Если процесс перестройки революционный — а мы полагаем, что он именно такой, — то, значит, со дна поднимется всякая муть. Воспринимайте это как пену и накипь. Процесс перестройки не может быть однозначным. Не может он также и совершиться в одночасье. И позвольте мне опять сослаться на Николая Рериха, которого, как вы знаете, я считаю своим Гуру и

который говорил, что не надо принимать вынос сора за разрушение. Это лишь начало строительства.

— Как вы расцениваете положение дел с нашей цивилизацией, с планетой вообще?

— Могу ответить строчками стихов:

Земля больна. До крайности больна.
Но нужен ей не доктор, а Учитель.

События развиваются таким образом, что дают основания считать нынешний виток времени своеобразным экзаменом, который держит человечество на звание человека. Все, что может помочь выдержать данный экзамен, должно быть воспринято, все, что мешает, должно быть отсечено.

Само слово «экзамен» предполагает учеников, каковыми мы все, собственно говоря, и являемся. Это хотелось бы подчеркнуть особо, потому что бурное развитие современной технической цивилизации породило, увы, к сожалению, что мы превратились чуть ли не в учителей. Во всяком случае мы уже считали себя вправе поучать природу, по своему усмотрению останавливая, а то и меняя вековечное течение вод; мы считали возможным подправлять историю, корректируя картины прошлого, исходя из конъюнктурных сиюминутных соображений. Но будем откровенны: мы не достигли того уровня, чтобы стать учителями в подлинном смысле слова. Для этого нам не хватает знаний (наши знания при всех успехах науки еще ограничены), для этого нам не хватает соответствующих нравственных качеств. Поэтому главной нашей задачей является, как троекратно провозгласил Ленин: «Учиться, учиться и учиться». Учиться у природы соразмерности и внутреннему порядку, принимая к сведению, что мы не имеем права легкомысленно вмешиваться в творчество природы. Учиться у истории (тут мне бы хотелось вспомнить замечательные слова арабского поэта Маари: «История — поэма, слова меняются, но ритм остается»). Наконец, учиться друг у друга, стараясь жить и действовать по принципу вашей мудрой поговорки: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе учитель».

Стремительное движение нашей цивилизации — а оно убыстряется год от года — настолько захватывает нас своей круговертью, что мы забываем спросить: а во имя чего в конечном итоге оно совершается и почему выходит из-под контроля? Ведь нарастание и убыстрение движения — не самоцель. Быстро, как известно, можно двигаться и к

пропасти. Не настал ли момент, когда нужно сделать остановку, чтобы осознать все происходящее с нами, чтоб разобраться, почистить, а может, и заменить какие-то детали машины прогресса, которая в последнее время явно начала барахлить?

— Но как же сделать эту остановку? И кто решится на это первым: вы, американцы, японцы, немцы?..

— Разумеется, ее надо делать сообща, как говорится, всем миром, дабы бегущие не растоптали остановившихся.

— Как вы знаете, некоторые люди потеряли веру в то, что мир выберется из трясины собственными силами. Поэтому они связывают надежды на спасение с Космосом. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Как ни странно, по эту точку зрения можно принять, однако с одним существенным дополнением, что Космос нужно выявлять и утверждать в самих себе, перестраивая и обновляя свое сознание по всемирной шкале.

По существу, нам остался единственный выход: поднять свое мышление на планетарно-космический уровень. То, что недавно еще считалось утопией, фантазией, далекой мечтой, а именно — расширение человеческого сознания и превращение его в космическое, стало не только реальной, но и неотложной задачей в наши дни.

А кстати, космичность мышления перасторжима с коммунизмом. Ведь коммунизм предполагает сознательное и добровольное подчинение личного начала общественному, причем не только во имя блага общечеловеческого, но и во имя блага той же самой личности. Можно сказать поэтому, что коммунизм — это выявление в сознании и поведении человека его космических качеств.

— В повести «Семь дней в Гималаях» упоминается о пророчестве: когда один миллиард людей встанет под знамена высокой духовности, то это будет поворотным пунктом в истории человечества. Я верно передаю суть ваших слов?

— В принципе, да.

— Далее вы излагаете мысль, что пророчество подразумевало союз (причем не просто экономический или политический, а внутренне осознанный, сердечный, духовный) Индии с вашей страной. Он-то и будет обнадеживающим и спасительным примером для нашей цивилизации. Не изменилась ли с тех пор ваша точка зрения?

— Нет, не изменилась. Более того, я считаю, что как бы во исполнение пророчества звучат слова Делийской декларации, подписанной руководителями наших стран.

Обратите внимание, что они «от имени более чем миллиарда мужчин, женщин и детей» — именно так сказано в декларации — выступают с призывом сделать основой человеческого сообщества принципы ненасилия.

Бесчисленны, словно листья, имена на Древе Познания, как листья, они осыпаются и вновь появляются. Но вершиной своей Древо Познания устремлено к Абсолюту, но корнями своими оно уходит в Абсолют, но ветвями своими стремится обнять оно Абсолют.

Читатель моих индийских сюжетов, наверно, заметил, что у меня так или иначе, но обязательно возникает слово «Абсолют». Могу признаться, что это, конечно, не случайность. Дело в том, что слово «Абсолют» — ключевое для всего индийского философского мироздания. Без него практически невозможно понять, чем оно живет и дышит. Игнорировать это понятие, делать вид, что его не существует, или подходить к нему с односторонне негативных позиций — значит отрезать для себя все пути-дороги к духовному сердцу Индии. Есть лишь единственный выход: попытаться разобраться в проблеме трезво, спокойно, без ненужных эмоций и тем более пенужных ярлыков. Мне, например, представляется, что индийский термин «Абсолют» в чем-то согласуется с нашей современной трактовкой категории абсолютного, во всяком случае с тем определением, которое дано в последнем издании философского энциклопедического словаря: «Абсолютное — безусловное, само по себе сущее, несотворимое, вечное, всеобщее (в этом смысле абсолютна материя)».

Надо сказать, что слово «Абсолют» в индийских источниках как бы облучено звездным и надзвездным дыханием. С древнейших времен существовало такое определение:

Оружье бога — мысль об Абсолюте.

Та же самая мысль — об Абсолюте — поднимала дух человека на небывалую высоту.

«Во всех случаях жизни боги опускаются к нам, — утверждалось в одном из преданий. — И лишь когда ты устремлен к Абсолюту, ты поднимаешься к богам, а не боги опускаются к тебе».

Абстракция абстракций — Абсолют.
Но, приблизившись к ней, ты постигаешь,
Что это есть Жизнь живей, Бог богов,
Единство бесконечных единений.

Так что же? Может быть, Абсолют и есть, так сказать, Бог в квадрате или, вернее, в эпитимии степени? Нет и тысячу раз нет! Между этими, столь близкими на первый взгляд понятиями — пропасть. И ее отчетливо ощущает человеческое сознание.

Творя себя, ты космосы творишь.
Творя себя, богов творишь ты тоже.
Лишь Абсолют творенью не подвластен.

Будда означает «просветленный». А просветление царевича Сидхарты, пришедшее в результате глубочайшей и длительной медитации под кроной многолиственного дерева, в том и состояло, что он отверг идею личного бога.

— Расскажи мне о Будде, Учитель.
— А Будда тот, кто Абсолют почувал
В самом себе. Исток и человек
Соединились. Так явился Будда.

«Абсолют — не предмет знания, Абсолют — не символ веры, — пытался он объяснить людям. — Абсолют — действие истины в тебе и в других, а истина и действие равнозначны.

Ни верования, ни антиверования не имеют никакого значения. Если есть абсолютное, если ты знаешь, что оно есть, если ты устремлен к нему, значит, ты очутился на вершине духа. Отсюда, с этой высоты ты можешь осваивать планы бытия и небытия, которые, подобно туману, застигали от тебя вершину твоего истинного «я».

Если дышишь воздухом абсолютного, ты — победитель мира, некогда победившего тебя».

Он говорил: Абсолют ускользает, чтоб нас уловить.

Сравнивал Абсолют с крепостью, которую следует обложить длительной осадой, чтобы он сделал вылазку и тем самым проявился для нас.

Предупреждал: кому-то Абсолют представляется ледяной бездыханною глыбой, кому-то огнем, сжигающим все и вся. Это происходит потому, что человек — зеркало Абсолюта, но зеркало с искажениями и потому неточно отражающее его лик.

Перевернутый мир Абсолюта —
Это ты. Чтоб все встало на место,
Парадоксами меду заблуждений развей!

А парадоксы начинаются тут же. Первый призыв, связанный с Абсолютом, — не думать! Второй призыв, связанный с Абсолютом, — думать! Оба призыва — казалось бы,

взаимноисключающие — сливаются воедино, если стать на ту точку зрения, что безмолвие — это не отрицание мысли, а состояние, когда мысль не прикована к тебе. Необходимо не просто тишина, которая в сущности представляет собой замену грубых звучаний тонкими, пронзительными, еле различимыми, а то и вовсе не различимыми для слуха (отсюда, может, и привычный эпитет для тишины: звенящая), но такая, при которой вымирают все звуки как низкого, так и высокого регистра.

Пусть замолчит молчание. Тогда
Почувствуешь дыхание Абсолюта.

Считается, что первое проявление Абсолюта в сердце — радость. Говорят, что реальность Абсолюта следует мерить радостью, расширяющейся, как Вселенная. Утверждают даже, что Вселенная и расширяется в результате взрывной волны радости.

Все рождено. И даже свет рожден.
Вот почему мы обращаем взоры
К тому, что никогда не рождено.

— Странно, — говорил мне один индийский собеседник, — но когда думаю, откуда пришел, мысль устремляется не во внешний мир со звездами и планетами, а внутрь себя. Как будто то, что в глубине меня, и породило меня. Но если это так, то значит, что начало всех начал во мне, и то, что внутри меня, как бы первично по отношению ко всему. Поэтому внешнее становится внутренним, внутреннее — внешним, ограниченное — неограниченным, неограниченное — ограниченным, я — Абсолютом. Свобода лишь в осознании истины простой: Я — Абсолют.

Но не торопитесь с выводами, упрекая в самовозвеличивании. Существует цепочка утверждений, неразъединимых друг с другом.

Первое: Есть Абсолют.

Второе: Я есть Абсолют.

Третье: Все вокруг меня есть Абсолют.

Нет оснований для исключительности и разъединения. Недаром говорится:

Чтоб уничтожить повод для гордыни,
Отбросьте ритуалы и обряды
Как нечто, возвышающее вас.
Есть Абсолют. Единственный во многих.
Через неравенство друг другу мы равны.

Непосредственное слияние с Абсолютом, а оно достижимо в любое мгновение (просто об этом не подозревают), — главный путь постижения истины. Все остальное — ветви и тропы этого пути.

Задача в том и заключается, чтобы в каждом зазвучал Абсолют, чтобы каждый ощутил себя Абсолютом, чтобы каждый не существовал, а жил.

— Но возникает парадоксальная ситуация, — сказал я. — Постигается то, что в принципе непостижимо. Ведь Абсолют не сотворен, а значит, непостижим.

Ответ был такой:

— То, что непостижимо для человека в отдельности, постижимо для человечества в целом.

Есть феномен Единства. Только он
Дает нам прикоснуться к Абсолюту.

Вот почему все усилия и должны быть сосредоточены на достижении Единства.

А в заключение беседы я услышал:

— Многое может быть отнято у человека, но главное он отнимает у себя сам: устремление, которое, будучи абсолютным, приводит его к Абсолюту. Поэтому человеку — особенно в драматические моменты жизни — рекомендуется помнить:

На переломных пунктах бытия
Спасительна лишь мысль об Абсолюте.

Русскую классику в Индии переводят охотно. И не только на хинди, но и на другие языки. Помню, как в Бангалоре, столице штата Карнатака (в штате живут примерно сорок миллионов человек, говорящих на языке каннада), нам подарили вышедшую в бангалорском издательстве книгу Достоевского «Дядюшкин сон». Художник сделал обложку с учетом вкусов и представлений своего читателя. На ней был изображен человек с моноклем, но в белой чалме, а у героини был совершенный индийский овал лица и традиционное пятнышко на лбу.

Что же касается нашей современной литературы, то, насколько позволяют мне судить мои впечатления, ее знают плохо или совсем не знают. Причин тут много, и прежде всего это языковой барьер. В Индии существуют сотни языков, и осуществлять непосредственный перевод с русского на каждый из них практически невозможно. Нет специалистов, нет школы перевода. Использовать же в каче-

стве языка-посредника английский тоже не с руки. Во-первых, перевод с перевода всегда грешит большим изъянами. Во-вторых, тут целиком зависешь от выбора (а он тоже может быть с изъянами) этого посредника.

Нельзя также сбросить со счета, что интеллигентная Индия остается пока что англоязычной страной. Информация о нас — а она, как вы понимаете, подчас весьма тенденциозна — идет с Запада. Вот почему я несколько не удивился, когда в Дели на одной из представительных встреч, где нас по индийскому обычаю увенчали гирляндами из цветов, кто-то сослался, подводя, так сказать, идеологическую платформу под свое незнание, на высказывание нашего писателя-эмигранта (по-моему, Евгения Замятина): «У русской литературы одно только будущее — ее прошлое». Дескать, ваша современная литература утратила тайну, поскольку из четырехмерной стала двухмерной. Золотой век русской духовности позади.

Я сказал в ответ, что не собираюсь полемизировать, а хочу лишь разъяснить свою точку зрения. Я согласен, что наш XX век отстает от достижений XIX столетия, которому суждено было стать золотым веком русской литературы. Но я не согласен, что мы утратили тайну, а значит, и будущее. Тайны хранят не бугорки и холмики — их везде и всюду хватает, — а вершины. А вершины у нас есть. И разве не тайна — «Тихий Дон» Шолохова, «Русский лес» Леопида Леонова, «Мастер и Маргарита» Булгакова? (Надобно признаться, что последние два имени аудиторию оставили равнодушной: то ли не читали, то ли знают о них понаслышке.)

— А вот, — продолжал я, — маленький тест. Попробуйте определить, кому могут принадлежать слова, которые сейчас процитирую:

«Поднимает тебя волна, и поднимайся, только помни всегда: это ты не сам, а волна тебя поднимает. Пользуйся высотой и живи, только отделяй ту высоту, на которой ты сам от себя поднимаешься, и ту, на которую тебя поднимают».

Или вот эти:

«Нужно собрать внутри себя тишину, чтобы не зависеть от внешних событий без побега во внутреннюю пустыню».

Возгласы: «Толстой!», «Кто-нибудь из индийских писателей!»

— Нет. Это советский писатель Михаил Пришвин. Лирик и философ одновременно. Иван Бунин, великий ма-

стер и взыскательный судья писательского слова, утверждал, что Пришвин в изобразительности птиц, зверей, насекомых, полей, лесов, рек и гор равен Брему, а в мудрости не уступает Рабиндранату Тагору.

Ну хорошо, а Рерих? Я говорю не о Рерихе — художнике, а о Рерихе — писателе и поэте. Ведь его стихи-медитации несут такой заряд духовности, что у вас же, в Индии, их и сопоставляли не больше и не меньше, как с Упаншадами! Это уже, смею полагать, искусство нового типа, которое может, если хотите, конкурировать с религией. Более того, на мой взгляд, оно обладает некоторыми преимуществами по сравнению с религией. В нем нет категоричности, присущей религии, оно не претендует на абсолютный характер своих постулатов и потому ставит человека перед нравственным выбором более спокойно и ненавязчиво. Очевидно, творчество такого высокого уровня и имелось в виду, когда в тяжелейшее для России время разрухи и гражданской войны с гималайских вершин доносились слова: «Нрав России просветит красота духа».

На состязания поэтов, которые в Индии называются мушейрами, стекаются толпы. Тем более что такие состязания не обязательно проводятся в закрытом помещении, а на улицах и площадях тоже. Но надо сказать, что почти любая литературная встреча содержит в себе элемент мушейры, если она проходит раскованно и непринужденно и, естественно, если на ней присутствуют поэты. Лишь бы кто-то начал, а уж потом, как говорится, само пойдет.

Я люблю именно стихийность мушейры. Люблю не столько читать (хотя это приходится делать), сколько слушать. Моя записная книжка после мушейры обычно исцещрена полустепографическими записями подстрочных переводов стихов.

Потом я пытаюсь в них разобраться, навести какой-то порядок; кое-что даже рифмую. Так образовался у меня вещи, написанные по мотивам того, что я слышал в ходе мушейр. Это как бы вольные переводы, где имя утрачено и где я не могу отличить свое от чужого.

Вот некоторые из них.

Не правы мы.

Не прав и тот,

кто, мир разъятый изучая,

вопрос в смятенье задает.

Не прав и тот, кто отвечает.

Время ослабляет свои тиски, дабы ты отдохнул. Это и есть безмолвие.

Безмолвие нельзя окрасить ни в какой из цветов, ибо все цвета оно содержит.

Безмолвие нельзя передать никаким звуком, ибо все звуки оно в себе имеет.

Безмолвие нельзя потревожить никакой мыслью, ибо все мысли оно в себе концентрирует.

Если же прорываются мысль, звук и цвет и превращаются в слово — то это вещь из безмолвия, это подарок тебе из безмолвия, человек.

— Зачем ты думаешь о том, что мысли твоей не подвластно?

— Затем, чтоб научиться безмолвию, а научившись безмолвию, научиться наконец-то мыслить.

— Чего ты хочешь от безмолвия?

— Ничего, кроме одного: знать, чего хочет от меня безмолвие.

— Лишенный видений, лишенный звучаний, лишенный на некоторое время мыслей — что обретаешь ты?

— Все. Вернее, все обретаю в себе, себя обретаю во всем.

Мост между человеком внутренним и внешним зыбок, незрим, невесом. Любая мысль, являющая гнев или сомнения или несущая пагубу на гнев и сомнение, может разрушить его. Будьте бдительны! Приучайтесь ходить над бездной без страха.

Не останавливайтесь на мосту — идите!

Какие б красоты вас ни пленяли вокруг — идите! Какие б голоса ни звучали над вами — идите!

Радость, которая вас ожидает на другом берегу, ваше воображение представить не в силах. Не вычисляйте, не думайте, а — стремитесь.

По существу Время подчиняет себя единственной цели: найти тропинку к Вечности, пусть самую узкую, но — найти! Но тропинки нет, а есть широкая-широкая дорога, по которой катится Время как перекасти-поле. И то, что гонит нас, — внутри нас, а не где-то во внешнем мире.

Как убого жилище мое! Заржавели двери его, а окна его помутнели. Сколько в доме мусора, хлама и пыли! В суете и спешке опять забываю о доме своем. Как войдет в этот дом Гость Грядущий? А я ведь мечтаю о нем, Госте Грядущем.

Выйду из дома и буду сидеть на пороге, дабы не пропустить тебя, Гость Грядущий. Может, кинешь один только взгляд в мою сторону, и заря засверкает в окнах, и ветер распахнет заржавевшие двери.

Гряди, Грядущее! Благослови нас, Грядущее!
Аум.

Мы бодисатвы¹ все до одного,
Мы исполнены из огня и света.
Но отчего — скажите, — отчего
Никак не можем осознать мы это?

Не только жизнь трепещущей Земли,
Жизнь Космоса от этого зависит.
Но тени угрожающе легли
И замолчали отчужденно выси.

Обозревая пройденный свой круг,
Мы чувствуем, что кончилась отсрочка.
Еще мгновенье — и погаснет дух,
Как звездная мерцающая точка.

Я познакомился со Шрикантом Вармой в Дели, когда мы обсуждали проект совместного советско-индийского издания, получившего впоследствии название «Весть». В книге планировалось собрать материалы, свидетельствующие о взаимном духовном тяготении народов двух стран, начиная с «Хождения за три моря» Афанасия Никитина и кончая стихами и очерками наших дней. Шрикант Варма дал согласие войти в индийскую редколлегию этого издания.

Был он небольшого роста, с несколько замкнутым выражением лица, которое, правда, иногда оживляла искрен-

---

¹ Бодисатва: в буквальном переводе с санскрита — тот, чья сущность просветление.

няя, прямо-таки детская улыбка. Страстный курильщик, он не расставался с трубкой ни на мгновение; потом заболел, врачи запретили курить, но по привычке он держал пустую трубку во рту, потом трубка вообще исчезла.

Мы знали, что в современной Индии он один из самых выдающихся и популярных поэтов. Даже противники, которых у него, как и у всякой неординарной крупномасштабной личности (а Шрикант Варма к тому же занимался еще и политикой), было немало, безоговорочно признавали это. Сам же Шрикант Варма объяснял наличие врагов у себя особенностями своего чересчур уж прямолинейного характера. «Я всегда повернут к человеку, — говорил он, — или всей душой, или всей спиной».

Так уж получилось, что первое стихотворение Шриканта Вармы, которое мне довелось от него услышать, было о Сталине. Оно представляло собой пункты своеобразной анкеты, на которые дает ответ человек, как бы вновь возникающий из небытия.

- Ваше имя? — Сталин.
- Ваше дело? — Сталин.
- Ваша вера? — Сталин.
- Ваша вина? — Сталин.
- Ваша кара? — Сталин.

Свою политическую судьбу Шрикант Варма связал с партией Индийский национальный конгресс. Какое-то время он был одним из ее генеральных секретарей (организационная структура партии предусматривает пять или шесть секретарей такого ранга). В 1980 году, когда в Индии были объявлены досрочные парламентские выборы, Шрикант Варма руководил избирательной кампанией Индиры Ганди. С учетом ситуации, сложившейся тогда в стране в результате недолгого правления блока разношерстных и разнокалиберных партий (в сущности, их объединяло лишь одно — неприятие Индиры Ганди), он сформулировал лозунг, которому было суждено сыграть немаловажную роль в предстоящих выборах:

«Голосуйте за Индиру Ганди. Голосуя за нее, вы голосуете за правительство, которое работает».

Впоследствии Шрикант Варма руководил также избирательной кампанией Раджива Ганди.

Я как-то спросил: а не мешают ли столь активные занятия политикой ему как поэту?

Он отвечал:

— Нет. Я умею отключаться. Когда пишу стихи, забываю обо всем, о политике тоже.

Я счел своим долгом спросить: а когда погрузаетесь в политику, вам удастся забыть, что вы поэт?

Он на минуту задумался, потом сказал:

— Вот это не всегда удастся.

Ни одного писателя мира, паверное, так не почитают в Индии, как Льва Толстого. Здесь к нему относятся не только как к писателю, но и как к Гуру, как к Махариши. Отец индийской нации — так передко называют Махатму Ганди — заявлял, что он считает себя лишь «скромным последователем» «великого учителя» — Толстого.

Вот почему для индийцев поездка в Ясную Поляну не туристское мероприятие, не рядовое путешествие, а паломничество. Совершил это паломничество, в котором я вызвался его сопровождать, и Шрикант Варма.

В молчании, длившемся несколько минут, мы постояли у могилы Толстого. Получилось похожим на ритуал, потому что Шрикант Варма, а вслед за ним и я сложили руки на груди в традиционном индийском жесте, издревле долженствующем обозначать: «Мир внутри меня, мир в сердце моем». Мы даже условились в честь такого события отныне считать себя побратимами.

А потом, отдыхая от впечатлений, мы сидели на скамейке, наслаждаясь хорошей погодой и сверканьем ярко-зеленой травы. Насколько помню, лето восемьдесят четвертого было щедрым на солнце и погожие дни.

В то время на страницы газет стали пробиваться первые материалы об опасности, грозящей Ясной Поляне со стороны химического комбината, расположенного не столь далеко от усадьбы. Опасность обозначилась явственно и зримо. Некоторые деревья уже почернели и лишились листвы. Шрикант Варма знал о беде, нависшей над Ясной Поляной, да мы и не делали тайны из этой беды.

— Природа не терпит насилия ни в малом, ни в великом, — сказал он. — И результат всегда один: катастрофа. Ромен Роллан — не помню точно, то ли в книге о Вивекананде, то ли о Ганди — нарисовал впечатляющую символическую картину того, как на вершине Гималаев пересекаются пути человека Запада и человека Востока. А здесь встает перед ними неизбежная дилемма. А здесь их ждет великое испытание, описанное в Евангелии как искушение Христа в пустыне. К сожалению, человек Запада, говорит Ромен Роллан, сделал дурной выбор: внял голосу

искусителя, предлагавшего ему царствие земное, т. е. предпочел материальное могущество, которое в Индии воспринимается как нечто второстепенное и даже иллюзорное. Вот и расплачивается он за свой выбор, потому что оказался во власти стихийных сил, которые сам по своей внутренней слепоте выпустил на волю.

Западные оппоненты Махатмы Ганди не упускали случая указать на противоречие, которое резко бросалось в глаза, между высокими достижениями духовной культуры Индии и ее нищетой и технической отсталостью. Неужели ваши мудрые предки, говорили они, достигшие таких успехов в области духа, не могли изобрести машины, облегчающие труд человека, как это сделали мы на Западе? Ганди отвечал так:

«Дело не в том, что мы не знали, как изобрести машины, но наши предки понимали, что если мы изобретем их, то станем рабами, утратим свой нравственный облик. После долгого размышления они решили, что мы должны трудиться только с помощью рук и ног».

— То есть,— сказал я,— Ганди мечтал наложить вето на технический прогресс, застопорить его, заморозить. Однако ничего у него не получилось.

— Да и не могло получиться,— продолжал Шрикант Варма.— Ведь не могла существовать карма нашей страны отдельно от кармы всего человечества. Индия, Восток остались глухи к призывам Ганди. Но точно так же и Запад остался глух к призывам Толстого.

А в итоге — если смотреть правде в глаза — перед нами тупик. Если будем вести себя по-старому, то с размаха врежемся лбом в глухую стену и тогда — конец.

Все дошло до предела: зло, безобразие, разрушение гармонии в природе и человеке. Паллиативами или заплатами делу не поможешь. Гибель мира всегда от полумер. Нынешнее положение таково, что или духовная революция, которая сожжет прежнее ветхое мышление и утвердит новое, или...

И Шрикант Варма безнадежно махнул рукой.

Источник радости повсюду и везде,
Но главным образом — в преодоленье Майи¹.

— А знаете,— сказал Шрикант Варма,— какой, может быть, самый убедительный пример Майи: звездное небо

¹ М а й я — древнеиндийское понятие, утверждающее мысль об иллюзорности воспринимаемого нами мира.

над головою. Ведь свет, излучаемый звездами, идет к нам тысячи, миллионы и даже миллиарды лет. За это время с ними обязательно что-нибудь случилось: может быть, они переместились, может, утратили свое сияние, может, — и это не исключено, — погибли в результате какого-нибудь катаклизма. Ведь сущность всего — это взрыв и огонь, и Космос — не что иное, как в глубинах запертый взрыв. Во всяком случае, глядя на звездный небосвод, мы имеем дело с тем, чего уже не существует, то есть с Майей.

Есть точка зрения, что известное так же относится к неизвестному, как иллюзия к реальности. Оно, известное, и больше, и меньше неизвестного одновременно. Ведь известное может практически до бесконечности раздвигать свои пределы, но зато и неизвестное может поглотить известное с той же легкостью, с какою море поглощает каплю дождя.

Однако, ради бога, не думайте, что философская мудрость Индии базируется лишь на безусловном и безоглядном отрицании Майи, что она высокомерно и пренебрежительно относится к иллюзиям. Мудрость вообще ни к чему не относится пренебрежительно. Просто она видит то, чего не видят другие, — корень иллюзий, и знает, что сон, затуманивающий сознание, венчает пробуждение. Как говорил Будда, единственный источник мужества — истина, а истина постигается в процессе отождествления с несотворенной основой бытия.

— Значит, опять Абсолют?

— Значит, опять Абсолют.

В моей памяти живут слова Шриканта Вармы, похожие на стихи; возможно, это и были стихи, просто я не догадался спросить.

«Я выхожу за пределы тела — это не смерть.

Я выхожу за пределы Космоса — это не смерть.

Так где же смерть? Не там ли, где я замыкаю себя в границы Космоса, в границы тела?»

Здоровье Шриканта Вармы было сильнейшим образом подорвано. Он перенес операцию на сердце. Она помогла ему, но ненадолго. Спустя два года после нашей поездки в Ясную Поляну он умер под ножом хирурга в Америке.

Шрикант Варма знал, не мог не знать, не мог не догадываться, что смерть не отступилась от него, а лишь дала отсрочку, но относился к неизбежному спокойно и мужественно, как и предписывал ему весь склад и строй его философского мышления.

— Время — это Сатурн, пожирающий своих детей, — говорил он с улыбкой и добавлял: — Очень важно знать, что Время — живое, реальное существо. В древности это понимали (вспомните греческого бога Кроноса), но потом забыли. Время может сгущаться в разные образы, может принимать многочисленные лики. Может говорить, может гипнотизировать, как загипнотизировало некогда Еву (на мой взгляд, Змей, искушающий Еву и Адама, символ времени, олицетворение всего временного). Но его не надо бояться.

Дело в том, что оно само побаивается нас. Дело в том, что не временные мы, но беспредельные. Доказательства? Сон, ускользающий из сферы влияния времени. Процесс творчества, процесс мышления вообще, когда практически исчезает ощущение времени. Поэтому, если Время — Сатурн, пожирающий детей, то и мысль в свою очередь, как утверждали древние, пожирательница Времени.

Но, наверное, лучше всего об этом сказано в Ведах:

«Время несет нас вперед, оно есть конь о семи лучах, о тысяче глаз, не знающий уничтожения и полный плодовитости. Просвещенные мудрецы продвигаются на нем; колеса его — все миры».

Звучит, как колокол, Вселенная в тебе,
И ты внутри ее, как колокольчик.

Когда соприкасаются две тайны —
Ты и Вселенная, — безмолвье говорит.

В самом себе ищу опору духу
И нахожу. И возникает то,
Что как бы составляет центр Вселенной.
Пусть каждый этот центр в себе найдет.

Вселенную в себе я повторяю,
Но, повторяясь, — я неповторим.

Не забывай опять себе напомнить:
Ты Космосу принадлежишь отныне
Не меньше — даже больше, чем Земле.

Когда ты осознаешь: твой атрам —
Вселенная, тогда поймешь другое —
Он не один. Их бесконечно много.

Готовь себя для беспредельности,
Готовь себя для беспредельности,
Готовь себя для беспредельности.
Ибо беспредельность всегда готова
Войти в тебя.

«Процесс расширения сознания самый медленный и самый опасный», — предупреждает Елена Ивановна Рерих. Почему? Да потому, в частности, что «люди не перепосят, когда они не могут понять чего-либо».

«Причем труднее всего, — добавляет Елена Ивановна, — будет расширить сознание среднего интеллигента, очень уж оно полно самомнения и всякого отрицания. Народ в глубине своего сердца знает, что «жизнь бесталанна без героя», но средний интеллигент полагает доказать свою образованность и знание отрицанием всех основ, сложивших и его неудачную (в силу отрицания) среднюю особь».

Существует давнишняя, проверенная временем закономерность: «чем меньше кругозор людей, тем легче они обижаются; чем больше человек, тем скорее отзовется он на все светлое». В одном из писем Елена Ивановна пишет:

«Малые сознания не имеют горизонта, и часто почти невозможно заставить их выйти из курятника».

Такое зрелище всегда печально. В нашу эпоху, когда, по выражению Петра Великого, «промедление смерти подобно», оно чревато катастрофическим взрывом.

«Новая эра начинается среди грома и молний. Что же вызовет явление грозы? Необычайная тупость».

Человечество нередко противоречит назначению своему. Это знали еще в древности. Но с этим трудно примириться — даже мудрецу. Рассказывают, что Платон, доведенный до отчаяния косностью своих современников, восклицал:

«Неужели человек произошел от камня, если для искры требуется удар чем-то твердым и острым?!»

И опять Елена Ивановна Рерих:

«Все твердят о различных свободах, но самые противоположные лагеря боятся одного и того же зверя — свободы мысли!»

...Люди слишком привыкли ко всяким видам запрещений и ограничений. И больше всего их пугает простор мысли, ибо они чувствуют, что с широтою мысли пробуждается и соответственно растет сознание ответственности. А кто любит ответственность? Каждый стремится избежать ее...»

В 1934 году у Рерихов очередное ЧП. Распоряжением властей в Харбине остановлена книга Николая Копстан-

типовича «Священный дозор». Позиция Рериха вступила в резкое противоречие с политическими взглядами влиятельных представителей русской антисоветской эмиграции. В результате — вето на книгу всемирно известного художника. Как мы бы сказали ныне, пример «гласности», трактуемой в чисто буржуазном духе,— как игры с правом забивать мяч лишь в одни ворота.

«Вот вам и век просвещения! — возмущается Елена Ивановна.— Нет, мы живем не в век просвещения, но в век изысканной инквизиции и безответственного шпионажа, в век, когда рабы духа превращаются в истинных роботов, которыми скоро каждая обезьяна будет командовать».

«Тяжко видеть,— заявляет она по другому, не менее печальному поводу,— как человечество, мечтая о свободе, в поисках ее занято изобретением новых, еще более тесных оков. Свобода, как райская птица, поет лишь в чистых сердцах, освободившихся от единственного тюремщика своего, имя которого — самость».

О своем муже Елена Ивановна писала так:

«Ничто не принадлежит ему, и сам он не принадлежит себе. Терпимость великая — природа его, и, как магнит, притягивает она самых различных людей и группирует их вокруг имени его».

А Рерих не уставал напоминать ученикам и соратникам: «Всякое желание заставить мыслить по своему рецепту не может служить признаком культурности».

Собственно, это застарелая болезнь наша: стремление поместить мир под своей вывеской. Именно под своей и ни под какой иной! Это беда, превращающаяся в вину: концентрировать внимание не на делах, а на именах, спорить (и причем порою весьма ожесточенно) лишь из-за названий, а не по существу.

Рерихи (и Елена Ивановна, и Николай Константинович) квалифицировали нетерпимость как проявление слабости и как клеймо невежества. Ведь «первый импульс дикаря — уничтожить или убить все непонятное ему».

Всякое -- даже во имя благой цели — насилие над волей и сознанием человека для них исключалось в принципе, ибо они исходили из убеждения: «невозможно кого-либо насильно обучить истине или передать ее. Каждый должен сам найти путь. Все, что можно сделать, это лишь указать направление».

«Легче встретить оранжевого верблюда, чем человека без предубеждения», — утверждал Николай Константинович. Даже великие умы человечества — и те порою были не в силах справиться с этим предрассудком. Недаром на Востоке предубежденные уподобляли вампиру, присосавшемуся к человеку.

Пример, ставший классическим: заседание французской академии наук в конце XVIII столетия, на котором обсуждался вопрос о камнях, падающих с неба (впоследствии они получают название метеоритов). Сведения о них поступали со всех концов страны, и вот академики собрались, дабы разобраться в природе данного явления. Вывод мужей науки был недвусмыслен и категоричен: «небесные камни» — плоды темного крестьянского суеверия. Забавно, что наиболее решительно настаивал на такой формулировке не кто иной, как знаменитый, известный нам всем по школьным учебникам химик Лавуазье.

Да и на нашем веку, помнится, так называемый нимб над головою, который нередко можно видеть на иконах, объявлялся суеверием и выдумкой церковников. Эффект Кириана, заключающийся в том, что фиксируются излучения вокруг растений и органов человеческого тела, заставил по-иному взглянуть на эту проблему. К мифу вообще, очевидно, надо подходить с сугубой осторожностью. В нем, как правило, заложена мина замедленного действия, которую необходимо обнаружить и, может быть, с пользой для дела взорвать.

Когда-то в науке не было двух мнений насчет «Илиады» Гомера, где в качестве реальных персонажей фигурировали олимпийские боги: сказка, поэтическая фантазия, выдумка. Выдумкой считались и греческие герои, и сама троянская осада. По счастью, Шлиман поверил не научным авторитетам своего времени, а Гомеру. В результате Троя была раскопана.

Так что знания наши — вещь относительная. На словах мы это с готовностью признаем, а на деле, увы, пытаемся их абсолютизировать. А еще в старину говорились, что чем выше поднимаешься, тем больше видишь, какие неисследованные просторы открываются твоему взору. «Выше всех тот, кто знает, что ничего не знает», — настаивал Лао-Цзы. А продолжатель Сократа Платон время от времени как о величайшей радости сообщал своим друзьям:

«Сегодня мне показалось, что ничего не знаю, — добрый знак, наверное, завтра узнаю нечто прекрасное».

В древней Элладе существовали две поговорки о Платоне. Одна из них хорошо известна. Она принадлежит Аристотелю: «Платон мне друг, но истина дороже».

Аристотель учился в Академии Платона и был, в общем-то, ревностным его учеником. Вступил он в спор с Учителем (правда, посмертный, Платона уже не было в живых) по поводу Атлантиды, упоминание и сведения о которой содержатся в платоновском диалоге «Тимей». Истина, по Аристотелю, состояла в том, что Атлантиды нет и быть не могло. Это стало аксиомой на долгие века, поскольку авторитет Аристотеля был непрекращаем.

Однако наше время, пожалуй, оказалось больше на стороне Платона, нежели Аристотеля. Современная наука склонна видеть в знаменитом и загадочном диалоге Платона зашифрованную (в строгом согласии с законами мифотворчества) криптограмму о реально существовавшей действительности. Во всяком случае в качестве рабочей гипотезы Атлантиду наука спокойно допускает. Сейчас ищут ее следы в Атлантике, Средиземном море, а иногда и среди песков и гор, весьма далеко расположенных от моря.

Согласитесь, что все это по-особому высвечивает сокровенный смысл другой поговорки о Платоне, гораздо менее известной. Гласит же она следующее:

«Лучше заблуждаться с Платоном, нежели отрицать с умниками».

Рерихов можно назвать первопроходцами всего загадочного и таинственного. Многие их наблюдения, спокойно и буднично зарегистрированные в дневнике трансгималайского путешествия, несли в себе зародыши будущих сенсаций. Есть здесь, например, информация о снежном человеке. Со слов туземцев Рерих описывает этих косматых, имеющих устрашающий вид великанов. Он излагает романтическую версию, согласно которой они являются стражами, охраняющими подступы к ашрамам гималайских мудрецов и подвижников. Правда, сообщение Рериха особого интереса не вызвало. Внимание людей конца двадцатых годов было поглощено совершенно иными проблемами.

В Тибете — в те же самые двадцатые годы — Рериху и его сыну Юрию удалось установить контакты с представителями добуддийской и почти неизвестной тогда религии

Бонпо и даже обрести их доверие. Их приглашали в храмы и монастыри, недоступные для чужеземных пришельцев, давали читать старинные манускрипты. Все это продолжалось до тех пор, пока не выяснилось положительное отношение Рерихов к Будде и буддизму. Двери храмов Бонпо сразу наглухо закрылись для Рерихов. Дело в том, что религия Бонпо считает своим главным противником Будду.

Но к тому времени Рерихи успели увидеть и узнать многое. Например, вот это:

«Обряды совершаются противоположно буддизму. Свастика изображается в обратном направлении. Хождение в храме совершается против солнца».

С тревогой отмечает Рерих, что «черная вера Бонпо» распространяется гораздо шире, нежели можно предполагать. «Бонпо усиливается».

В те годы никто не проявлял серьезного интереса к мистической основе германского фашизма. Никто (или почти никто) не знал, что корни ее уходят в Тибет. Лишь после мая сорок пятого постепенно начало вырисовываться и становиться явным то, что было тайным и даже сверхтайным: и то, что на знаменах фашистского рейха красовались обратные изображения свастики, точь-в-точь как и у последователей Бонпо (не древнего символа Солнца и его светоносного движения, а, наоборот, символа антисолнца и, значит, действительно тьмы); и то, что Гитлер и его окружение истратили два миллиарда марок на строго засекреченные экспедиции в район Тибета (они продолжались вплоть до сорок третьего года); и то, что на улицах поверженного Берлина были обнаружены трупы неведомо откуда взявшихся тибетцев в немецких солдатских мундирах. В общем, все следы ведут в одном направлении — в «черный Тибет», в тайные святилища поклонников Бонпо, а это в свою очередь заставляет вспомнить пророческое предупреждение Рериха, которое в свое время не сочли нужным принять во внимание:

«Жаль, что литература черной веры очень мало изучена и их священные книги не переведены еще. Нельзя отнестись к этим старинным традициям легкомысленно, когда они говорят о своих неведомых богах свастики. Древние солнечные и огненные культы находились в основе Бонпо, и обращаться с этими старинными полуистраченными знаками надо осторожнее».

В транспималайских очерках Рериха содержится описание того полужантастического явления, которое мы ныне

относим к разряду неопознанных летающих объектов. Этому описанию суждено было сыграть роль первой ласточки, значительно опередившей время. Вот соответствующее место из дневника Рериха:

«Солнечное безоблачное утро — сверкает ясное голубое небо. Через наш лагерь стремительно несется огромный темный коршун. Наши монголы и мы следим за ним. Но вот один из бурятских лам поднимает руку к голубому небу.

«Что там такое? Белый воздушный шар?»

«Аэроплан?»

И мы замечаем, на большой высоте что-то блестящее движется в направлении от севера к югу. Из палаток принесены три пары бинокля. Мы наблюдаем объемистое сферическое тело, сверкающее на солнце, ясно видимое среди синего неба. Оно движется очень быстро. Затем мы замечаем, как оно меняет направление более к юго-западу и скрывается за снежной цепью Гумбольта. Весь лагерь следит за необычным явлением, и ламы шепчут: «Знак Шамбалы».

Елена Ивановна дожила до того времени, когда начался настоящий бум вокруг «летающих тарелок», или «летающих дисков», как их еще называли. Появились даже три концепции НЛО, каждая из которых обрела горячих сторонников. Первая — самая популярная — «космическая», вторая — «горная» (значит, Шамбала), третья — «подводная» (значит, Атлантида, потомки атлантов). В нью-йоркском музее Николая Рериха я читал письмо Елены Ивановны, помеченное 1952 годом, в котором, отвечая на просьбу своих корреспондентов, она высказывается по проблеме НЛО. Прежде всего она как бы проводит резкую разграничительную грань между объектами горного (а следовательно, земного) происхождения, которые им доводилось видеть в Гималайском Тибете, и космическими. О последних она сообщает следующее:

«Так называемые «летающие диски» и прочие формации являются пространственными образованиями, посягающими вокруг нашей Земли. Обычно они не имеют доступа (выделено Еленой Ивановной.— В. С.) в ближайшие слои нашей атмосферы, ибо Земля имеет заградительную сеть. Лучи и магнитные токи образуют совершенно непроницаемую атмосферу...»

Но, по ее мнению, манипуляции с атомной энергией, которая принадлежит уже не столько миру трех, сколько миру четырех измерений, прорвали заградительную сеть.

Образовались бреши, и, как пишет Елена Ивановна, «неожиданные и часто нежеланные посетители пачинают проникать в нашу сферу».

«Чудо есть проявление тончайших энергий, не учтенных в химических и физических школах». «Не учтенных». В этом — считал Рерих — должна видеть наука ключ к познанию природы феноменов.

Что значит обычное? Что значит необычное? И то и другое делится лишь по степени сознания. И чтобы облегчить соединение одного с другим, слияние обычного с необычным, следует держать в сознании, не забывая о них ни на мгновение, вот эти три условия:

Не отридай. Не ужасайся. Не удивляйся.

— Люди знают больше, чем им кажется, — говорил Рерих. — Трудно убедить людей в их собственной силе, по тем не менее будем всеми мерами твердить о замечательных возможностях.

«Феномены, будь их реальность доказана, как $2 \times 2 = 4$, будь они очевидны, как солнце на небе, не более как детская забава, ничтожная иллюзия или уметь повелевать вещественными атомами, сосредоточивать их воедино; во всяком случае феномены эти ни в проблеме жизни, ни в вечной загадке смерти... сами по себе ничего не доказывают».

Как вы думаете, кому принадлежит высказывание? Убежденному материалисту? Непримируемому критику мистики и оккультизма?

Ничего подобного. Оно принадлежит Елене Петровне Блаватской. Да, да, той самой основательнице теософского общества, с именем которой, казалось бы, неразъединимы мистика и феномены.

Судьба Блаватской (в особенности посмертная) уникальна. Трудно найти фигуру, на которую бы столь яростно обрушивались как слева, так и справа.

С одной стороны против нее выступали дружным хором ревнители ортодоксальных религий. Фанатик церковного православия Нилус объявлял ее исчадием ада. Пламенный философ христианства Владимир Соловьев обвинял Блаватскую в том, что она приспособливала буддизм к потребностям европейской атеистической мысли.

С другой — таким же согласным хором против нее выступали атеисты, поскольку не могли простить ей той волны интереса, которую пробудила она в людях своими трудами и своей личностью к загадочным, фантастическим явлениям духовной жизни Индии и вообще Востока.

Критика Блаватской нарастала, как снежный ком. Со временем она приобрела столь глобальный характер, что стало признаком «хорошего» тона мимоходом, не утруждая себя доказательствами, обозвать ее авантюристкой — это в лучшем случае, а в худшем — шарлатанкой и мистификатором.

Но были и другие голоса — в защиту Блаватской. Причем весьма авторитетные.

Махатма Ганди с той предельной искренностью, которая отличала все его слова и поступки, заявлял: «Я был бы более чем удовлетворен, если бы смог коснуться края одежды мадам Блаватской...»

А Елена Ивановна Рерих писала:

«Е. П. Блаватская была великой мученицей в полном значении этого слова. Зависть, клевета и преследования невежества убили ее...»

...Я преклоняюсь перед великим духом и огненным сердцем нашей соотечественницы и знаю, что в будущей России имя ее будет поставлено на должную высоту почитания. Е. П. Блаватская истинно наша национальная гордость... Вечная слава ей!».

Казалось бы, такое столкновение диаметрально противоположных мнений об одном и том же человеке (я уж не говорю о ее биографии, насыщенной путешествиями, приключениями, фантастическими событиями) должно было пробудить в нас хотя бы элементарное любопытство к непростой судьбе нашей соотечественницы. Ведь как бы ни относились мы к ее деятельности, неоспорим и безусловен сам факт ее исключительного влияния на духовное бытие западного мира и Индии. Теософия превратилась у нас лишь в ругательный термин. Если по отношению к религии мы еще проявляем (в последнее время) сдержанность и корректность, то здесь мы в выражениях не стесняемся. Но спрашивается: если мы изучаем — и довольно основательно — историю религий, почему же должна выпадать из орбиты научного исследования теософия? Тем более что — как сказано в нашем же справочнике — теософия «свидетельствует о кризисе традиционных религий, кото-

рые она пытается заместить собой». Куда там! Ярлыки, особенно те, что штамную средства тотальной массовой информации, оказывают столь гипнотическое воздействие на людей, что они или безоговорочно верят им, или, если имеют собственное мнение, не решаются высказать его вслух. Себе дороже. Того и гляди, что на тебя же самого нацепят соответствующий ярлык или еще хуже — «перекроют кислород», то есть попытаются лишитъ средств существования.

Но так можно было рассуждать вчера. Сегодня, когда мы идем на сознательное разрушение стереотипов, когда вырабатывается принципиально новый взгляд на вещи, мы не просто должны, но обязаны сделать все, чтобы разобраться в феномене, именуемом Еленой Петровной Блаватской. Не только ради Блаватской, но ради самих же себя, если мы действительно жаждем восстановления справедливости и истины в полном объеме, если мы хотим возвыситься над крайностями, заводящими нас в тупик.

Первая трудность, с которой сталкивается человек, задумавший познакомиться с биографией Блаватской более или менее обстоятельно: проблема материалов. Во-первых, достать их трудно, порою просто невозможно. Во-вторых, если и достанешь, то как отделить злаки от плевел, правду от вымысла.

Книги о Блаватской (равно как и самой Блаватской) выходили в основном в дореволюционное время. Эту литературу можно разделить на две категории: апологетическую и разоблачительную. Ни той, ни другой, естественно, доверять нельзя.

Признаться, я тоже ломал голову над этой задачей. В конечном итоге я остановился на двух источниках, на мой взгляд, наиболее надежных.

Первый — воспоминания сестры Блаватской (по мужу Желиховской). Не без умысла я выбрал в качестве опорной точки именно ее биографический очерк. Дело в том, что Вера Петровна Желиховская, принимая родственное участие в судьбе своей знаменитой сестры, не разделяла ее взглядов. До конца жизни так и остались для нее тайной мотивы ее поведения. Веру Петровну не только удивляла, но прямо-таки пугала неожиданная перемена, происшедшая с ее сестрой.

«Она, никому, никогда не покорявшаяся, во всем, от раннего детства поблажавшая одной своей воле, чуть ли

не в старости, по пятому десятку, нашла человека, господина и повелителя, пред волей которого безмолвно склонялась?.. Да еще какого человека! Какого-то колдуна, полумифического индуса с берегов Ганга!.. Я ничего не понимала!»

Будучи глубоко православным человеком, Желиховская осуждала культ своей сестры среди теософов, которые после ее смерти учредили в ее честь специальный праздник: День белого лотоса. «Дорого бы я дала,—признается она,—чтобы вместо всех этих прославлений ее «посланицей Махатм и Дияп-Чохапов — святых буддизма» православные люди здесь, на месте смерти ее, пожелали бы ей вечную память и «со святыми» мирного упокоения».

Все это, думается, дает гарантию, что в воспоминаниях нет преувеличений, а присутствует сдержанный и несколько отстраненный взгляд на вещи.

Второй — статья из «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. Издание респектабельное, заботившееся о своем престиже и авторитете. Здесь старались быть объективными и сдержанными в оценках. Поэтому характеристика Блаватской лишена предвзятости. «Странности ее жизненного пути,— говорилось в статье,— находят объяснение в художественной страстности ее натуры, и неправильно было бы видеть в ней только авантюристку. Она сама, по-видимому, плохо отдавая себе отчет в своем значении, по-своему служила добру».

Что касается материалов нашего советского времени, то лучше считать, что их не существует. Какне-то публикации о Блаватской, разумеется, были, по строились они по принципу знаменитых писем о Пастернаке в период его травли: «Я, конечно, не читал Пастернака, но...» Дальше следовал набор выразительных ругательств, перемежаемых угрозами. Воистину, как говорил Гёте, «ничто не вызывает большего ужаса, чем невежество в действии».

Основные вехи жизни Елены Петровны Блаватской таковы.

Родилась в 1831 году в знатной дворянской семье. По материнской линии род восходил к Рюриковичам, а именно к князьям Долгоруким, отличавшимся независимостью права, ответственностью, бесстрашием. Ее пращур Яков Долгорукий не боялся спорить с Петром Первым, а однажды в припадке ярости разорвал царский указ, который оказался ему несправедливым.

Во всех дореволюционных справочниках отмечается, что семья была очень талантлива. Бабушка Блаватской, Елена Петровна Фадеева, первая русская женщина — ученый-естествоиспытатель, интересы которой поровну делились между физикой и ботаникой. Она состояла в переписке с Александром Гумбольдтом и другими выдающимися европейскими учеными. Мать — Елена Андреевна Ган — обрела широкое признание как романистка. Белинский называл ее «русской Жорж Занд». От матери унаследовали литературные способности и ее дочери: и та, которая впоследствии станет Желиховской (ее перу принадлежат романы, детские рассказы и повести, пьесы), и та, которая станет Блаватской (ее зарубежные очерки и корреспонденции вызывали восхищение у русской публики, а ее книга «Из пещер и джунглей Индостана» по праву считалась — да и сейчас, очевидно, должна считаться — лучшей русской книгой об Индии). Двоюродным братом Блаватской был граф Витте, который, судя по его мемуарам, несколько стеснялся своей экстравагантной родственницы.

Способностей к учению у будущего автора «Тайной доктрины» в детстве не наблюдалось. Особенно трудно ей давалась математика. Она пасовала перед элементарными арифметическими задачами.

По свидетельству сестры, «она была страшная фантазерка и подвержена припадкам почти сомнамбулизма; она часто вставала и ходила во сне и, не просыпаясь, с широко открытыми глазами, произносила целые речи, рассказывала сказки и пела песни...»

Семнадцати лет от роду неожиданно для родных (да, наверно, и для своего избранника тоже) Елена Петровна выходит замуж за эриванского вице-губернатора Блаватского, который по возрасту ей годился в отцы. Пошла она на этот шаг не по любви, а по расчету: ей хотелось как можно быстрее обрести независимость. Спустя несколько месяцев после этого брака, покинув мужа, она отправляется в зарубежное путешествие с твердым намерением, непонятно под каким импульсом возникшим в ее сознании, попасть в Гималайский Тибет. Первая попытка кончается неудачей.

Но Елена Петровна не обескуражена. На долгие годы она превращается в странницу. Где только она не побывала: Северная и Южная Америка, Англия, Греция, Египет, Малая Азия, Китай, Япония, Индия. Но маршруты всех этих странствий замыкаются в одной и той же точке,

куда ведет Елену Петровну ее непреклонная воля: Гималаи. И каждый раз — неудача.

Лишь с четвертой попытки, когда ей исполнилось тридцать три года, она пересекает, наконец, заповедную границу.

Трудно с определенностью судить о ее встречах и приключениях в Гималаях. Обычно словоохотливая, Елена Петровна хранила на этот счет молчание или отделялась намеками и общими фразами. Достоверно одно: пробыла она в Гималаях семь лет.

В 1872 году Елена Петровна появляется в России. Это был последний ее приезд на Родину. Находилась она здесь недолго. В 1873 году у нее уже новый адрес: Нью-Йорк. Начинается американский период ее жизни.

Именно после Тибета и стала явственной разительная перемена в Елене Петровне Блаватской, столь поразившая и испугавшая ее сестру. Своего гималайского Учителя Блаватская называла или на английский манер «Мастером», или, согласно индийской традиции, — «Махатмой». Под именем Гулаб-Лалл-Синга она описала его в книге «Из пещер и дебрей Индостана».

Подготовительный период жизни Блаватской закончился; теперь ее действия, да и вся линия ее поведения, обрели целенаправленный характер.

Поначалу она отдает дань модному в то время спиритизму. Участвует в сеансах столоверчения в качестве сильного медиума, необходимого для контактов с вызываемыми «духами». Но вскоре разочаровывается в этой низкопробной магии и решительным образом рвет с нею. Более того, начинает активную кампанию против увлечения спиритизмом, который, по ее мнению, наносит безусловный вред духовному развитию человека и может иметь обратимые негативные последствия для его психики.

1875 год — переломный в жизни Блаватской. Она основывает теософское общество, перед которым ставит задачи глобального характера. Три главных пункта предусматривались ее программой.

1) Образование ядра всемирного братства людей, без различия вероисповедания, происхождения и общественного положения. Его члены обязывались стремиться к самосовершенствованию и к взаимному вспомоществованию, как нравственному, так, по возможности, и материальному.

2) Изучение и распространение восточных языков и

литератур, которые приближают к научно-религиозному синтезу, выработанному в величайшей колыбели мудрости Востока.

3) Изыскания в области еще неизведанных законов природы и психических сил человека, которые должны усложнить и расширить самую психологию человека, открывая ему возможность все новых и новых восприятий.

Надо сказать, что эта программа, отдающая духовный приоритет Востоку и цветной Индии, сразу же натолкнулась на сопротивление со стороны западных клерикалов. Особенно насторожились иезуиты. Отныне и до смерти Блаватской (да и после ее смерти тоже) они будут чинить ей всяческие козни. Кроме религиозных ортодоксов были и другие непримиримые враги — расисты, сторонники авторитарных режимов. Гитлер, например, огнем и мечом, не только в переносном, но и в буквальном смысле слова уничтожал «теософскую заразу».

Разумеется, не все и далеко не всегда теософы были на уровне задач, поставленных перед ними. Да и отношения между основательницей общества и ее последователями были неоднозначными и небезоблачными. Блаватская признавалась своим родным: «Я готова отдать последнюю каплю крови за теософическое дело, но теософов — почти никого не люблю!» После смерти основоположницы начались неизбежные в таких случаях выяснения отношений, споры, раздоры. Выделилась еретическая ветвь теософии во главе с Рудольфом Штейнером. Она получила название антропософии. Ныне теософское общество напоминает собой потухающий вулкан; влияние его повсеместно ослабело.

Но вначале, когда дело привлекало своей новизной, энтузиастов было хоть отбавляй. У Блаватской появился американский соратник, с которым она будет идти рука об руку до конца своей жизни. Им стал полковник Олькотт, недавно еще сражавшийся на полях гражданской войны за освобождение негров.

В 1878 году принимается решение перевести штаб-квартиру общества с Запада на Восток, из Америки в Индию, чтобы быть поближе к истокам тех духовных традиций, которые и привели в результате к созданию общества. Главная квартира общества обосновалась в Южной Индии, в Адьяре, по соседству с Мадрасом. Она расположилась не столь далеко от собора святого Фомы — исконной цитадели католицизма в Индии.

Адьяр представлял собой живописное место на берегу океана. Густые тени высоких пальм защищали от иссушающих лучей солнца двухэтажное каменное бунгало. Рядом протекала речка, которую Елена Петровна на русский лад окрестила «Адьяркой».

«Здесь мне чудо как хорошо! — сообщала она в одном из писем, адресованных в Россию. — Какой здесь воздух! Какие ночи!.. И какая чудная тишина. Нет городского треску и уличных криков. Сижу себе, пишу и смотрю на океан, блестящий, безбрежный, словно живой — право! Мне часто кажется, что он дышит, что сердится и бьется в гнев!.. Зато, когда он тих и ласков, не может быть в мире красоты обаятельнее!.. Особенно в лунную ночь. Луна здесь на глубоком темно-синем небе кажется вдвое больше и вдесятеро блестящей вашего европейского перламутрового шарика...»

Сто лет спустя мой индийский маршрут привел меня в Адьяр. За это время соседний Мадрас разросся, раздвинулся во все стороны, и штаб-квартира теософского общества давным-давно оказалась в черте города. Но разросся и сам Адьяр, отстроился, преобразился. Он стал своеобразным городом в городе.

Его иногда называют городом-садом, потому что сад занимает основную территорию Адьяра (как мне сказали, примерно триста акров). Этот сад прорезают улицы и аллеи, посаженные имена Блаватской, Олькотта и других заслуженных ветеранов теософского движения. Основополагающей идеей теософов была мысль о единстве всех религий (что, кстати, сближало их с учением Рамакришны и Вивекананды), и потому здесь можно встретить самые разные храмы: и буддийскую пагоду, и христианскую церковь, и даже зороастрийское святилище.

Геометрическим центром «города-сада» является гигантских размеров баньян и примыкающая к нему площадь. Это место, где собирались теософы на свое «вече», чтобы решать кардинальные вопросы, как теоретические, так и организационные. Но, очевидно, время таких многочисленных собраний миновало, потому что площадь заросла дикой травой и огорожена неключею проволокой. Мы хотели было залезть под проволоку и подойти к баньяну, но служитель, сопровождавший нас, предупредил: в этих неухоженных и диких зарослях можно наткнуться на кобру.

Как и всякий город с традициями, Адьяр имеет музей,

имеет библиотеку, уникальную по своему характеру и ценности: нам показывали пергаменты с текстами на санскрите и пали, а также старинные книги, переплетами для которых служили сандаловые дощечки с инкрустацией из полудрагоценных камней.

Главное здание теософской штаб-квартиры, в особенности большой зал с высокими колоннами, стилизовано под храм. Да и порядки здесь точно такие, как в храме: только сняв обувь, можешь переступить порог.

В глубокой нише стены две скульптурные фигуры, высеченные из белого мрамора: Блаватская (она сидит) и Олькотт (он стоит, опустив руку на ее плечо). Со стен смотрят лики основоположников религий: Христос, Будда, Кришна, Зороастр, Конфуций, Лао-Цзы; вместо Магомета, поскольку ислам строжайшим образом запрещает любое изображение человека, какая-то вязь арабских букв. Все это вместе взятое играет роль своеобразного символа, потому что, выделяя в каждой религии ее позитивное нравственно-эзотерическое ядро, теософы в то же время стремились синтезировать разные духовные истоки и ликвидировать различия между ними. Поэтому общество и выступало под девизом: «Нет религии, кроме истины».

В скандальной славе Блаватской новинны прежде всего ее необычайные способности, вернее, непродуманное использование их. Неординарные свойства ее психики проявились еще в детстве. По этому поводу Желиховская пишет скупно, сдержанно, но пишет: «Бывали с ней в детстве и молодости и такие случаи, которые теперь все объяснили бы ясновидением; но в те бесхитростные времена они относились к сильному развитию воображения и проходили незамеченные».

Однако по мере роста известности и популярности Блаватской они становились все более и более «замеченными». К сожалению, нередко и сама Блаватская, дабы ошеломить собеседника и убедить в своей правоте, прибегала к демонстрации феноменов, в чем впоследствии горько раскаивалась: ведь «феномены эти ни в проблеме жизни, ни в вечной загадке смерти... сами по себе ничего не доказывают».

То, что мы знаем о Блаватской со слов Сиппета и других ее друзей, похоже на сказки Шехерезады. По ее желанию на гостей с потолка обрушивался каскад ароматных роз; буквально из ничего материализовывались золотые

кольца и драгоценные камни. Все это, естественно, порождало недоверие, скепсис, а значит, и отрицание Блаватской и тех идей, которые она несла.

Вопрос о феноменах Блаватской по сю пору остается запутанным и неясным, и чтобы спустя сто лет разобраться в нем, давайте отметем в сторону рассказы, вызывающие сомнение. Остановимся на тех, которые сомнения не вызывают, поскольку в их описании сходятся друзья и враги Блаватской. Просто какие-то вещи одни принимали со знаком «плюс», другие — со знаком «минус».

Чем удивляла и озадачивала современников Блаватская? Что было в ней сверхъестественного? Что она умела?

Во-первых, она умела вызывать звуки, похожие на звон хрустальных колокольчиков. (В наше время это объяснили бы способностью человека внушать слуховые галлюцинации.)

Во-вторых, она умела выводить из строя электроприборы, не прикасаясь к ним. (В наше время это объяснили бы избытком биоэнергии в человеческом организме.)

В-третьих, она умела читать письма в нераспечатанных конвертах. (Эксперименты такого рода в наше время, как известно, проводятся: вспомним хотя бы Розу Кулешову.)

Вот и получается: то, что делала Блаватская, сейчас нас не удивляет, вернее, удивляет, но не в той степени, как раньше, потому что находите для этого разумное объяснение. Думаю, что Блаватскую, если бы она жила в наше время, причислили бы к разряду экстрасенсов и на этом бы успокоились.

Довольно часто Блаватская демонстрировала еще одно «чудо». В комнатах, причем запертых наглухо, вдруг появлялись огненные шары, а говоря точнее — шаровые молнии.

Но с этим, пожалуй, мы тоже сталкивались. Помните недавнюю историю с мальчиком из Епакиева, в присутствии которого проявлялся примерно такой же эффект шаровой молнии, благодаря чему он и стал невольным поджигателем собственной квартиры. Но, конечно, в отличие от мальчика, которого шаровые молнии могли лишь повергнуть в испуг и смятение, Блаватская вызывала их по собственной инициативе и свободно манипулировала ими.

А теперь перенесем мысленно в прошлое столетие и спросим: а как же должна была реагировать на подобные

феномены наука того времени, не обладавшая знаниями о тонких энергиях, плазме, голографии и самонадеянно полагавшая, что она может объяснить все загадки мира лишь при помощи физических и химических законов?

Только единственным способом: повернуться спиной, проигнорировать, объявить шарлатанством. Так, собственно, и было сделано. Да по-другому, очевидно, тогдашняя наука и не могла поступить, если хотела остаться (при том запасе знаний, которыми располагала) на только что завоеванных материалистических позициях.

Но взвесим на внутренних весах: нам ли вникать прошлое, когда и наша современность, казалось бы выпедшая на космический простор, и та порою пасует перед такими вещами и спешит от них отгородиться. Это тоже своего рода «чудо», что мальчишка из Енакьева сочли возможным исследовать представители научных учреждений. Могло быть и по-иному. Могли объявить шарлатаном (правда, он слишком мал), значит — злым хулиганом. Миллицию метафизическими тонкостями не проймешь. И на первых порах, не видя другого выхода из тупика, там и завели уголовное дело на... самих же погорельцев.

Но есть загадка, связанная с Блаватской, и она более серьезного свойства, чем все ее телепатические чудеса, вместе взятые. Прочитав объемистые тома «Разоблаченной Иуды», армянский архиепископ Айвазовский, человек широких взглядов и неординарного мышления, воскликнул:

«Зачем все эти бессмысленные медиумические проявления?.. Они ничто пред феноменом осмысленным и неопровержимым этих двух томов со всеми их ссылками!.. В них заключается труд, который мог бы поглотить целую жизнь ученого; а их в *семь месяцев* написала женщина!»

Такую же, если не большую степень удивления высказывала по этому поводу и Вера Петровна Желиховская: «Я дивлюсь происшедшему с ней самой *феномену внезапного всезнайства* и глубочайшей учености, свалившейся на нее, как с неба,— гораздо больше, чем всем чудесам, которые ей приписывают ее поклонники-теософисты».

И действительно, когда читаешь, предположим, «Тайную доктрину», то не знаешь, чему больше удивляться: то ли бездне разнообразнейшего материала, втиснутого в две тысячи страниц убористого текста двух томов «Тайной доктрины», то ли поразительной быстроте, с которой этот

материал был изложен, систематизирован, прокомментирован (на каждый том у Блаватской уходило менее года; за такой срок его просто переписать и то затруднительно). А к этому надо добавить, что писала Елена Петровна на английском, который, естественно, знала гораздо хуже, чем русский. «Автор не считает пужным,— предупреждает она в предисловии к первому изданию «Тайной доктрины»,— просить снисхождения читателей и критиков за несовершенства английского языка и за многие недостатки литературного стиля, которые могут встретиться на этих страницах... знание этого языка было приобретено ею в последние годы жизни...» А на страницах «Тайной доктрины» как бы стыкуются история и мифы, по большей части эзотерического характера, поэзия и физические формулы, намекающие (еще до Эйнштейна) на огненного джинна, заключенного в атомном ядре. По нашим временам, чтобы проделать такую работу, потребовался бы, пожалуй, целый штат научно-исследовательского института. А тут всего лишь один человек...

Есть ли ответ на эту загадку? Давала ли на этот счет объяснения сама Блаватская?

Конечно, давала, но боюсь, что они покажутся нам неправдоподобными. Вот что пишет она своему постоянному оппоненту, которого имела в лице своей сестры Веры Петровны Желпховской:

«Ты вот не веришь, что я истинную правду пишу тебе о своих *учителях*. Ты считаешь их мифами... Но разве ж самой тебе не очевидно, что я сама, *без помощи*, не могла бы писать «о Байроне и о материях важных»... Что мы с тобой знаем о метафизике, древних философиях и религиях? О психологии и разных премудростях?.. Кажется, вместе учились, только ты гораздо лучше меня... А теперь посмотри, о чем я не пишу?.. И люди, да какие — профессора, ученые,— читают и хвалят... А я тебе говорю правду: ...передо мной проходят картины, древние рукописи, числа, я только списываю и так легко пишу, что это не труд, а величайшее удовольствие...»

То есть честь авторства она себе не приписывала. И твердо стояла на своем. Она, пожалуй, могла бы сказать с себе словами Гегеля: «То, что в моих книгах принадлежит лично мне, ошибочно».

Случались с нею забавные казусы. Сложнейшие математические постулаты, изложенные ею же самой на бумаге, она не могла прочесть вслух. Без помощи знатоков она с этим не справлялась. Когда же сестра укоряла ее —

«как же-де ты сама высчитала и написала, а прочесть не умеешь?» — Елена Петровна отвечала со смехом:

— Да откуда же мне задачи высшей математики знать, матушка моя?.. Это твои дочери... всё в нынешних премудрых женских гимназиях проходили. А мы с тобой, сама знаешь, рядом учились! Едва четыре правила одолели.

— Да как же ты писала об этом, если сама не знаешь?!

— Ну вот! Мало о чем я пишу, чего прежде и во сне не видела... Не я пишу,— а я только с *готового списываю*... Хоть ты никогда мне не верила, а вот тебе и еще доказательство, что я только орудие, а не мастер.

— Но описываешь ты мастерски!.. Будто все это сама видела, сама везде была.

— Бывать не бывала, а видеть видела! Постоянно вижу то, что описываю.

Итак, вот и гипотеза, как бы сама собой вытекающая из четких и откровенных признаний Елены Петровны Блаватской,—она обладала внутренним зрением, позволяющим ей читать книги из уникальной и необычной библиотеки всех времен и народов. Фантастично? Но другого объяснения — ругать и ярлыки не в счет — пока нет.

А косвенные подтверждения данной версии имеются. Елена Петровна уверяла, что тексты ей даются в зеркальном отражении. Чтобы воспринимать и разбираться в них, требовались тренировки и внимание. Но так как у нее были постоянные нелады с цифрами, то нередко, когда складывалась необходимость сослаться на то или иное издание, порою известное, она по рассеянности путала нумерацию, и у нее получались числа-перевертыши. Вместо числа «32», предположим, она ставила «23». Поэтому она просила своих друзей перепроверять ее, особенно в том, что касалось дат и нумерации.

Иркутский писатель Юрий Самсонов в книге «Прогулки в лабиринте» (я познакомился с нею в рукописи; публикация ее по не зависящим от автора обстоятельствам все откладывается и откладывается) обращает внимание на одно достопримечательное совпадение. Известно, что многие записи Леонардо да Винчи сделаны так, что читать их можно лишь с помощью зеркала. Не означает ли это, говорит он, что Леонардо да Винчи, как и Блаватская, получал информацию из одного и того же источника! Просто, в отличие от Блаватской, он подчас записывал так, как видел. Расшифровку оставлял на потом.

Так что самое разумное, наверное, принять точку зрения Шекспира. Помните: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

«Иной раз истина невероятнее вымысла», — утверждала, исходя из собственного опыта, Блаватская и советовала не уподобляться тому индийскому радже, который приказал отрубить голову своему подданному, побывавшему в Северной Европе и уверявшему его, что там полгода люди ездят и ходят пешком по воде, которая *каменеет*.

Атмосфера предубеждения против Блаватской в начале восьмидесятых годов сгустилась до предела. Без учета этого обстоятельства нельзя понять причины и характер того грандиозного скандала, который вспыхнул вокруг ее имени. Цель скандала — а уличали ее в фальсификации пресловутых феноменов — была ясна: дискредитировать на веки вечные Блаватскую, а вместе с нею и ее идеи о наших старших братьях по разуму — Махатмах. Принцип простой: плох поп — значит, и бога нет.

Начали кампанию, как и следовало ожидать, иезуиты. Исходя из незыблемого правила «цель оправдывает средства», мадрасский миссионер Патерсон подкупил некоего Куломба, работавшего в Адьяре в качестве плотника и столяра, и его жену. На страницах печати миссионер в открытую похвалялся тем, что за большие деньги приобрел у них письма с инструкциями Блаватской относительно изготовления потайного шкафа с секретами, благодаря которым послания Махатм и другие «сюрпризы» появлялись как бы сами собой, чуть ли не с неба. Со статьей, претендующей на сенсацию, выступил журнал «Мадрас Кристиян Колледж Магазиин».

Но это была легкая кавалерия. Тяжелая артиллерия заговорила, когда в Мадрас прибыли члены лондонского общества психических исследований. В течение нескольких месяцев они детально изучали обстановку, допрашивали людей и, наконец, пришли к заключению, что феномены Блаватской должны квалифицироваться как преднамеренный обман, совершенный ею или по ее наущению. (Правда, заключение сопровождалось оговоркой, страхующей на всякий случай авторитетную комиссию: «Более чем вероятно».)

Собственно, вот эти выводы комиссии, а также статьи в иезуитских журналах и явились питательной основой почти для всех последующих негативных отзывов и выца-

дов против Блаватской. Авторы наших отечественных публикаций в данном случае лишь перепевали чужие голоса, не вникая в суть дела.

А вникнуть в нее даже столетие спустя — стоило бы. Ведь процессу разоблачения Блаватской сопутствовали столь пастораживающие «странности», что пужны специальные усилия, чтоб не заметить их.

Прежде всего иезуиты. Их обвинения базировались на главном — письмах Блаватской, адресованных Куломбу. Но тщетно просили и даже требовали у Патерсона, чтоб он показал эти письма. Он отказывал решительно всем. Можно подумать, что он заплатил за них круглую сумму лишь затем, чтоб подальше их упрятать. Куломбы же растворились неведомо где.

Но отсутствие доказательств не смутило миссионера. Был бы пущен слух, а дым всегда останется.

С ходу Патерсон выдвигает новое обвинение в адрес Блаватской, на этот раз уголовное: дескать, никакая она не мученица за идею, а простая воровка. Она прикарманила кассу теософского общества. Нет нужды, что это явный абсурд. Денежные поступления в кассу общества в то время составляли главным образом гонорары Блаватской. Поэтому обворовать кассу общества было для нее то же самое, что обворовать себя. Но чего только не сделаешь ради того, чтобы потопить конкурирующую организацию.

Что же касается лондонской комиссии, то здесь бросаются в глаза три характерных момента.

Первое. Комиссия почему-то сосредоточила главное внимание на письмах Махатм. Эксперты с торжеством установили, что они написаны рукою Блаватской. Следовательно, они поддельны. Но ведь Блаватская и не делала тайны из того, что книги и письма от имени Махатм она пишет под диктовку Махатм. Другое дело — верить этому или нет. Ее сподвижники верили. Но не могло и речи идти о примитивном подлоге или низкопробном обмане (что пытались ей инкриминировать).

Второе. Ну бог с ними, с письмами Махатм, так же как и со шкафом, тем более что Блаватская, естественно, отрицала свое участие в этой акции. Она утверждала, что шкаф изготовили в ее отсутствие по наущению иезуитов подкупленные Куломбы. Но ведь были феномены, которые комиссия могла бы, как говорится, потрогать собственными руками. Если бы захотела. Но она не захотела.

Третье и самое главное. При всем уважении к комиссии надобно заметить, что преследовала-то она не науч-

ные, а политические цели. Ее отчет, занимающий полтысячи страниц, венчает неожиданный вывод. Он тем более неожидан, что доказательств не приводится никаких: Блаватская — агент и шпион на жалованье у русского правительства. Дескать, «феномены», «махатмы» — ширмы, все это лишь для отвода глаз.

К русским — а тем более в Индии — англичане относились с величайшей настороженностью и подозрительностью. По выражению Блаватской, они «готовы видеть шпионов России даже в собственных сапогах».

Появление русской женщины, да еще возглавлявшей какое-то сомнительное движение, замешанное на «индийских» идеях, для британской администрации в Индии было более чем неприятным сюрпризом. Вина Блаватской, по мнению английских властей, состояла уже в том, что она приобрела слишком большую популярность среди туземного населения. Действительно, Блаватскую индийцы любили и не только потому, что она была страстным пропагандистом Индии и ее культуры на Западе, но и потому, что благодаря ей они как бы заново открывали для себя собственную страну. Мохамед Карамчанд Ганди, которому суждено было впоследствии стать Махатмой, признавался, что, живя в Лондоне — там он изучал юридическое право, — на какое-то время поддавался призрачному блеску достижений западной цивилизации, и лишь Блаватская и ее последователи обратили его взоры к священным писаниям его страны, и он почувствовал себя индийцем.

Многое можно зачеркнуть (или попытаться зачеркнуть) в жизни Блаватской. Но вот это никак не зачеркнешь — то, что она является одухотворяющим фактором новой истории Индии. Не сбросишь также со счета и то, что ее друзья и соратники стояли у истоков национально-освободительного движения Индии. Не кто иной, как ближайшая ученица Блаватской, президент теософского общества Анни Безант в течение ряда лет занимала пост Председателя партии Индийский национальный конгресс.

Разумеется, за Блаватской в Индии была учреждена слежка. Велась она таким образом, что не заметить ее мог только слепой. Полицейский, как навязчивая тень, сопровождал Блаватскую во всех ее передвижениях. Елена Петровна постепенно привыкла к нему и даже изводила его горькими сетованиями по поводу того, что, дескать, он по воле своего начальства должен изображать из себя «ду-

рака и осла», преследуя везде и всюду «старую бабу, которая годилась бы ему в бабушки, если бы могли у нее быть внуки на такой подлой службе».

Надо признать, что дипломатом Блаватская была плохим и сдержанности в поступках и делах не проявляла. Например, с друзьями она делилась такой мечтой: как было бы замечательно, если б на севере Индии, на отрогах Гиндукуша, объявился русский отряд. И уж совсем было бы замечательно, если б командовал им генерал Скобелев, прославившийся в войне за освобождение Болгарии. Пусть отряд будет небольшим, пусть всего какая-то тысяча человек. Но этого достаточно, чтоб всколыхнулась вся Индия от мала до велика и сбросила бы английское владычество. Само собой, говорилось это в узком кругу, но у британской разведки во все времена были достаточно длинные уши.

Друзья Блаватской (а значит, и ее враги) прекрасно знали, что она — русская не только по имени, но и по духу и убеждениям. Когда началась русско-турецкая война и внимание всего мира было приковано к Шипке, Блаватская — тогда она жила в Америке — отдала распоряжение переводить гонорары от своих статей в русский Красный Крест. А статьи ее за подписью «a russian woman» («русская женщина») были направлены против всех антирусских происков, и прежде всего против «Главы христианской западной церкви, благословляющего мусульман на избивание христиан, славян и русских».

Публицистические выступления Блаватской будоражили американское общественное мнение, и католики не на шутку встревожились. К ней для выяснения отношений явился секретарь одного из влиятельнейших кардиналов римской церкви. Начал он с слейных похвал и лести в адрес Блаватской, «передовой мыслительницы, сумевшей отбросить предрассудки патриотизма». Но Елена Петровна сразу раскусила, куда он клонит, и ему пришлось выслушать резкую отповедь:

«...Во что бы я, как теософка, ни верила, ему до этого дела нет!.. Православная вера моих русских братьев для меня священна!.. за нее и за Россию я всегда вступлюсь и буду писать против нападков на них лицемерных католиков, пока рука держит перо, не боясь ни угроз их папы, ни гнева их римской церкви...»

Как и у всякого русского на чужбине, в ней жило обостренное чувство постальгии. В последние годы она часто

хандрила, требуя «чего-нибудь своего, кого-нибудь русского». Незадолго до кончины своей сестры Вера Петровна Желиховская с семьей приезжала в Лондон, чтобы навестить ее.

«Любимейшим удовольствием ее, — вспоминала она, — было в эти последние наши вечера слушать русские простые песни... То и дело обращалась она то к одной, то к другой из дочерей моих с занскивающей просьбой в голосе:

— Ну попой что-нибудь, душа!.. Ну хоть «Ноченьку». Или «Травушку»... Что-нибудь наше родное спойте...

Последний вечер перед отъездом нашим до полуночи дочери мои, как умели, тешили ее; пели ей «Среди долины ровные» и «Вниз по матушке по Волге» и русские величественные молитвы.

Она слушала с таким умилением, с такою радостью, будто знала, что больше русских песен не услышит».

Блаватской иногда казалось, что в чем-то она грешит против собственных концепций, но поделать с собой ничего не могла. Упрекая самое себя в непоследовательности, она пишет:

«Не странно ли, что я, язычница, ненавидящая протестанство и католичество, как только дело дойдет до православия, так душу и тянет к русской церкви?.. Ведь я — отщепенка! неверующая космополитка, все так думают и я сама. А за торжество православной России, нашей церкви и всего русского отдала бы кровь последнюю...»

А заключает письмо следующей фразой:

«Господи! Хоть бы перед смертью увидеть Россию торжествующею над врагами!»

Скандал, раздутый мировой прессой, не мог пройти бесследно для Елены Петровны. Болезнь — причем жесточайшая — свалила ее. Она была в беспамятстве. Доктор уже объявил, что она скончается не приходя в себя. Но он ошибся. Как любила говорить Елена Петровна, она вновь надула «курносую».

Едва оправившись от болезни, Блаватская заявила о своем твердом намерении возбудить судебный иск против организаторов заговора, порочащего ее имя, основанного на подкупе слуг, которые исчезли, и подложных письмах, которых никто не видел. Но руководство теософского общества решительно воспротивилось этому. Полковник Олькотт пригрозил даже уйти в отставку.

Они исходили из того, что для суда решить дело в пользу Блаватской — значит решить дело в пользу туземцев (как и она, верящих в Махатм), а на это присяжные англо-индийского суда никогда не пойдут. Но даже если допустить невозможное — оправдательный вердикт, то и он ни к чему не приведет. Враги оправдания не поверят, а друзья в нем не нуждаются: они и так знают, что все это — ложь и клевета. Поэтому обращаться в суд — безумие.

Между тем врачи настаивали на немедленном выезде Блаватской из Индии и переселении ее в зону умеренного климата. Да если бы и позволяло здоровье, оставаться здесь после того, как ее публично объявили русской шпионкой и каждый день грозил ей арестом, было невозможно.

Британские власти могли торжествовать: наконец-то русская, столь основательно попортившая им кровь, покидает Индию. Покидает развенчанная и опозоренная.

Когда вникаешь в подробности скандала с Блаватской, то поначалу удивляешься абсурдности, причем нарочитой абсурдности, главных обвинений. Они, как говорится, вопиют против здравого смысла. Но потом понимаешь, что в этом есть своя логика. Ведь расчет строился на обывателя, читающего газеты, которого, что называется, надо глушить обухом по голове. Чем грубее, тем вернее. Феномены — материя тонкая, деликатная; они столь же доказуемы, сколь и недоказуемы. Другое дело — уголовщина: вор. Тут уж никакая репутация не устоит. Иди доказывай, что ты не верблюд.

А чтобы окончательно запутать, а кстати и запугать западного обывателя, которому русофобская пресса издавна внушала мысль, что все зло от русских, присовокупляется политический детектив: агент русского царского правительства.

Не сомневаюсь, что кампания против Блаватской разворачивалась по заранее разработанному сценарию. А если бы сомневался, то скандал, случившийся впоследствии с Рерихом, убедил бы меня в этом. Дело в том, что он строился по сценарию, написанному тем же почерком и с использованием точно таких же стереотипов. Судите сами.

В 1935 году Рерих — в зените мировой славы и известности. Рериховское движение в защиту мира и культуры

на подъеме. Сотни комитетов, посящих имя художника, действуют в Европе и Америке, Азии и Африке. Штаб-квартира движения — музей Николая Рериха — занимает двадцатисемнэтажный небоскреб в Нью-Йорке над Гудзоном. Руководители стран американского континента подписывают Пакт Рериха об охране культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. В связи с этим президент США Рузвельт выступает со специальным радиообращением. Кандидатуру художника выдвигают на Нобелевскую премию мира, и есть основания считать, что он получит ее.

Но в том же 1935 году и начинается грубая провокация, которой было суждено торпедировать глобальные проекты Рериха. Затеяли ее свои, вернее, бывшие «свои», американские помощники Рериха, которым он доверял и на которых полагался, особенно в практических делах: Хорш (биржевой маклер в прошлом) и его жена. Хорши действовали нагло, с вызовом. Подделав документы, они присвоили себе двадцатисемнэтажный небоскреб и все ценности, находившиеся там (в том числе и тысячу полотен Рериха).

Естественно, Рерих не мог оставаться безучастным к такому грабежу среди бела дня. Он намеревался отправиться в Америку, чтобы возбудить судебное дело против Хорша. Но из Америки он получил деликатный совет — ни в коем случае не предпринимать этого.

Хорш предусмотрел такой вариант и подстраховался. Опытный вор всегда кричит «держи вора!». Он обвинил Рериха в том, что тот посягнул на святая святых американских законов — уклонился от уплаты налогов. Дескать, готовя свои азиатские экспедиции, он не выплатил соответствующих сумм государственному ведомству. Это было передергиванием и ложью: экспедиции снаряжались на средства общественных организаций (а не на частные) и по американским законам не подлежали обложению налогом. Но теперь требовалось доказывать, что ты — не верблюд. А пока не докажешь, ты в глазах американской Фемиды преступник — вор. И если бы художник пересек границу Америки, его бы арестовали и посадили в тюрьму.

Однако поход против Рериха (так же как в свое время и против Блаватской) не ограничился лишь уголовным делом. Политика здесь фигурировала тоже. Но так как в России произошла смена режима, то Рериха объявили «агентом Коминтерна».

Теперь уж противник не выпускал из поля зрения Блаватскую. Ее имя в сопровождении ругательных эпитетов постоянно появлялось на страницах газет. Небылица сочинялась за небылицей. Это была тотальная психическая атака, рассчитанная на то, что человек ведь не железный, что когда-нибудь, а сдадут его нервы.

В шутиливой манере (Елена Петровна любила иронизировать над собой и своими неурядицами) она пишет, что в Лондоне против нее образовалось «целое общество», состоящее из католического духовенства и фанатиков. «Было уж три митинга... В первом они доказывали, что я — ни много ни мало — сам черт в юбке... Во втором подпята была старая капитель: она-де шпионка, агент русского правительства и опасна для британских интересов... На третьем митинге возбужден был вопрос: не аптихрист ли я?»

(Любопытно сопоставить это с одним из писем Рериха: «обозвали самым Аптихристом, главою всемирного Коминтерна и Фининтерна...»)

Разумеется, Блаватская держалась стойко. Но давалось ей это большим напряжением сил. В горькую минуточку она признавалась:

«Вы не можете себе представить, как тяжело чувствовать множество противных течений, недобрых мыслей, против вас направленных. Точно будто вас колют тысячи игл! Я постоянно должна (силой воли) воздвигать вокруг себя стену в ограждение от этих токов».

И вот в такой атмосфере трудится — да еще как трудится! — Елена Петровна Блаватская. Ее жизнь, перемежаемая болезнями (причем почти каждый раз врачи предрекают смертельный исход), заполнена непрерывной работой. Она торопится. Она как будто боится не успеть высказать то, что необходимо высказать.

В последние два года жизни она бьет все собственные предыдущие рекорды. За эти два года появляется огромное количество ее статей в теософских журналах. Выходят в свет ее книги «Ключ к теософии», «Голос Безмолвия», а также сборник стихов, стансов, шлоков «Перлы Востока», переведенных ею с восточных языков.

Но самое главное: она пишет капитальный, итоговый труд своей жизни — «Тайную доктрину».

«Цель этого труда,— говорит Блаватская в предисловии,— может быть определена так: доказать, что Природа не есть «случайное сочетание атомов», и указать человеку его законное место в схеме Вселенной; спасти от извращения архаические истины, являющиеся основой всех религий; приоткрыть до некоторой степени основное единство, откуда все произошло...»

А еще ранее она дает четкие пояснения читателю:

«Истины эти ни в коем случае не выдаются за откровение, также автор не претендует на положение разоблачителя мистического знания, впервые обнаруживаемого в истории мира. Ибо то, что заключается в этом труде, можно найти разбросанным в тысячах томов, вмещающих писания великих азиатских и ранних европейских религий, сокрытых в глифах и символах и, в силу этого покровя, до сих пор оставленных без внимания. Теперь делается попытка собрать вместе древнейшие основы и сделать из них одно гармоническое и неразрывное целое. Единственное преимущество, которым обладает писательница перед ее предшественниками, заключается в том, что ей не нужно прибегать к личным спекуляциям. Ибо труд есть частичное изложение того, что сама она узнала от более знающих, и добавленное в некоторых деталях результатами ее личного изучения и наблюдения».

Книгу открывают набранные крупным жирным шрифтом древние стансы Дзэн (в современной транскрипции Дзен). Для обычного человеческого сознания они представляют собой шараду и головоломку. Попробуйте, например, добраться до смысла вот этих строк:

«Времени не было, оно покоилось в Бесконечных Недрах Продолжительности...

...Причины Существования исчезли; бывшее Видимое и Сущее Невидимое покоились в Вечном Не-Бытии — Едином Бытии...

...Познайте: нет ни первого, ни последнего; ибо все есть Единое Число, исшедшее из Не-Числа...»

Недаром дзен-буддийские тексты по сю пору являются камнем преткновения для многих ученых. Образовалось даже два течения. Одни считают, что они несут в себе информацию космической важности. Другие утверждают, что никакой информации они не несут, а призваны сыграть роль взрывного эффекта в сознании читающего.

Истина, очевидно, где-то посредине. Тексты призваны

как прорвать шаблонные рамки нашего мышления, так и содержат неординарную информацию. Доказательство этому — «Тайная доктрина», являющаяся своеобразным и развернутым комментарием к древнебуддийским текстам.

Расшифровать загадку «Тайной доктрины», равно как и криптограмму жизни Елены Петровны Блаватской, в кратком очерке невозможно. Позволю себе лишь высказать несколько догадок, заранее зная, что они покажутся фантастическими. Но вспомним Нильса Бора, который отвергал гипотезы лишь на том основании, что они недостаточно сумасшедшие.

Как известно, в последнее время из нас основательно выветрился дух гордыни. Мы начинаем допускать возможность того, что существует иная, более высокая, чем наша, ступень разума. Есть даже попытки обосновать на математическом уровне эту более высокую реальность.

Но если стать на такую точку зрения, то возникает вопрос, вернее, серия вопросов. В какой форме мыслятся нам контакты со старшими братьями по разуму? Какого рода помощь мы от них ожидаем? Как, собственно говоря, должна поступать информация от них? В виде магии небесной, что ли, низвергающейся с облаков?

А что если наши желудки не в состоянии переварить эту магию? А что если рука помощи нам давным-давно протянута, а мы не видим ее? А что если все препятствия — в нас самих, в нашем сознании, в нашем недостаточно развитом воображении, в предубеждении, в скепсисе, в недоверчивом отношении к собственной интуиции?

В этой связи по-прежнему высвечивается и «феномен» Блаватской. А что если через Блаватскую была предпринята попытка контакта с нами? А что если она была своеобразным мостом между двумя ступенями общечеловеческого разума? Ведь неспроста так решительно отвергала она любое намерение приписать ей авторство. А было бы проще и удобнее: объявили бы гением или сверхгением — и дело с концом. Нет, она видела свою миссию именно в том, чтоб указать на истинный источник своих сверхчеловеческих знаний.

XIX век оказался не подготовленным к информации Блаватской и предпочел проигнорировать ее. Вряд ли нам следует повторять ту же ошибку. Современная наука, вооруженная электронной и вычислительной техникой,

способна, по-моему, «переварить» любую информацию. Вряд ли ныне затруднит специфический язык, устаревшие термины (тот же самый руганый и переруганный «окультизм», который то и дело возникает на страницах Блаватской). Все это второстепенное, оболочка, а не суть. Суть в ином. Что же касается мифов, то, думаю, — мы уже давно согласились с тем, что в них содержатся зерна истины, которые при бережном и добром отношении могут превратиться в тучные колосья. Единственное, что требуется от нас: быть широко открытыми для всех возможностей.

Иногда мне приходит в голову и такая мысль: а не была ли Блаватская подвергнута осмеянию и ошельмованию специально, чтоб отвратить наше внимание от жгучих тайн, связанных с нею? И неспроста почти при каждой нашей встрече Святослав Николаевич Рерих обязательно возвращается мыслями к Блаватской и говорит, что наш долг — сказать безбоязненно полную правду о ней и очистить имя ее от клеветнических наслоений.

К сожалению, еще мало изучен «индийский раздел» личной библиотеки Владимира Ильича Ленина в Кремле. Он достаточно обширен и включает в себя книги с дарственными надписями индийских авторов, издания, хранящие пометки Надежды Константиновны Крупской. Наряду с трудами основателя школы русской индологии академика Ольденбурга и сборниками Рабиндраната Тагора здесь находится книга Радды-Бей (псевдоним Елены Петровны Блаватской) «Из пещер и дебрей Индостана». В качестве предисловия к книге использован биографический очерк Веры Петровны Желиховской.

Третий том «Тайной доктрины» остался незавершенным. Елена Петровна написала его вчерне. После смерти Блаватской ее ученики собрали эти материалы и издали их.

Смерть наступила в результате гриппа, или, как было принято тогда говорить, инфлюэнцы. Надо сказать, что и врач, и друзья Блаватской, привыкшие к тому, что она справлялась и с более серьезными болезнями, не придали

особого значения ее педомоганию. Но на этот раз ей не удалось обмануть «курносую».

Скончалась она не в постели. Смерть настигла Елену Петровну Блаватскую, как истинную труженицу, на ее постоянном рабочем месте, за письменным столом.

Это произошло 8 мая 1891 года.

Николай Копстаптинович Рерих рассказывал об оригинальном способе охоты на льва, бытующем где-то в Африке:

«Выходят на выслеженного царя пустыни без ружья, но с большой сворою маленьких, яростно лающих собачек.

Лев, укрывшийся в кустарнике, долго выносит облаивание, но, наконец, среди веток начпнает появляться его грозная лапа. Опытный охотник говорит: «Сейчас будет скачок»; и действительно, грозный зверь высоко взвивается и падает в следующий кустарник.

Тогда к своре добавляется новая, свежая стая. Собачий лай усиливается. Опытные охотники говорят: «Теперь уже недолго; теперь он не выдержит». Затем наступает страшный момент, когда собаки, в охватившей их ярости, устремляются в кусты. Ловцы говорят: «Идемте, он уже копчился». Царь пустыни не выносит облаивания, он кончается от разрыва сердца».

Думаю, что рассказ этот имеет прямое отношение к судьбе Елены Петровны Блаватской.

Когда дерзаешь спрашивать о тайне,
То это означает, что она
Готова и желает быть раскрытой.
Все тайное желает быть открытым,
Но только в радости, сияющей всегда.

Коль поиск истины идет из глубины,
Он неизменно приведет к вершине.

Ты не один, а ты один. И это —
Ключ к радости и тайнам бытия.

Ничто не может ограничить вас.
Ничто не может быть помехой.
Ты сам не ограничивай себя.

Духовный опыт в замкнутом пространстве
Существовать не может. Он — для всех.

Доверие к безмолвью и себе:
Вся радость — здесь, все чудеса — отсюда.

Мир внутренний вибрацией своею
Сдвигает горы, звезды, небеса.
Недвижными как будто оставаясь,
Они — другие, если ты — другой.

Познай себя, и истину откроешь.
Познай себя! В самом призыве этом
Заклучено признание, что ты
Есть истина.

Встречаюсь и беседую я со Святославом Николаевичем Рерихом главным образом в Бангалоре. В Москве с каждым разом это становится все затруднительней. Здесь столько жаждущих увидеть его, что у него на счету буквально каждая минута. Гостиница «Советская», где он обычно останавливается, находится как бы в осаде. Бедная переводчица пытается справиться с наплывом людей, как-то отрегулировать его, кому-то отказать. Безуспешно! Всеми правдами и неправдами прорываются к Рериху.

Естественно, что к вечеру Святослав Николаевич выматывается донельзя. Я видел однажды, как в полном изнеможении, почти без чувств, рухнул он в своей комнате на постель и долгое время не приходил в себя. «Громкая известность — наказание за талант и кара за заслуги», — утверждал Ференц Лист, и на примере Святослава Николаевича приходится убеждаться в горькой истине этих слов.

Другое дело — Бангалор. Нельзя сказать, конечно, что Святослав Николаевич свободен от встреч и обязанностей — их с лихвой хватает и здесь. Но здесь он может управлять событиями и по своему усмотрению распределять время. Поэтому бангалорские беседы наши, по существу, непрерывны. Начинаясь в его городском офисе, они продолжаются в машине, за обедом, во время прогулок по аллеям сада, ведущим к баньяну.

Помню, как в один из приездов я сказал ему, в чем вижу нашу задачу: продолжать Рериха. «Не только продолжать, но углублять и расширять, — заявил он, сопровождая свою мысль энергичными жестами. — Главное — не останавливайтесь и держите в памяти слова Учителей наших:

«Кто не боится пересмотреть основы учения для уточ-

чения знания, тот уже прав. Кто не боится остаться непонятым, тот с нами. Кто не боится соединить русла больших течений, тот наш друг».

Центр изобразительных искусств в Бангалоре — оп­строился по инициативе и под личным наблюдением Свя­тослава Николаевича — представляет собой ныне внуши­тельное монументальное здание. Гранитные колонны, вы­сокие залы. Это идеальное место для выставок. Картины находятся на значительном удалении друг от друга, и можно пойти нужную перспективу и внимательнейшим образом изучить то или иное полотно.

Но бангалорский центр предназначен не только и не столько для вершсажей. В его просторных классах зани­маются начинающие художники по программе, соответ­ствующей требованиям творческого вуза.

По замыслу основателя этот центр должен сыграть роль своеобразной цитадели, противостоящей натиску за­падного модернизма, захлестнувшего городскую культуру Индии и формирующего в значительной мере вкусы мо­лодых художников. В свое время в подобной ситуации Николай Константинович Рерих попытался возродить традиции древнерусского искусства. То же самое сделал и Святослав Николаевич Рерих. Он обратился к индий­ской «иконописи». Поэтому фрагмент храмовой живописи здесь не музейный экспонат, который хранят и которым любуются. Нет, это рабочая модель, обязательная для на­чинающего художника. Но это еще не все. Здесь стара­ются восстановить в полной силе забытые или почти за­бытые приемы и методы старинного искусства и потому опираются на опыт народных умельцев, не утративших былые навыки (их ищут и разыскивают по всей Индии, особенно в глухих уголках страны). Естественно также, что тщательно изучаются древние трактаты по искусству. Вот почему бангалорский центр называют подчас Акаде­мией национальной живописи Индии.

— Вспомните,— говорил Святослав Николаевич,— па чем настаивал когда-то Кант: «Красота — это цветок, а наука — плод». К сожалению, в наше время цветы по большей части искусственные, а плоды, увы, синтетиче­ские. Потому актуальной нашей задачей и становится борьба за все подлинное, утверждение всего естествен­ного, органичного, почвенного.

Чему я учу своих молодых последователей? Да не по-

кажется вам парадоксальным в наш век возрастающих скоростей, но я учу их спешить медленно. Для искусства это закон. Ламартин говорил, что он пять минут размышляет, а потом час пишет. Оспаривая его, Ренар заявлял, что искусство заключается как раз в обратном. И он, безусловно, прав.

Есть такая притча. Однажды ко двору китайского императора был приглашен знаменитый художник. Приглашен он был издалека, и приезд его обошелся императору, как говорится, в копейчку.

Император пожелал, чтоб он написал для его покоев картину, разумеется, самую лучшую, и спросил, сколько на это потребуется времени. Художник отвечал: «Год».

Ну, хорошо. Художнику создали замечательные условия для работы: отвели роскошное помещение, предоставили в его распоряжение все необходимые материалы.

Но шел день за днем, и придворные стали замечать, что художник и не думает приступать к работе. Или, ничего не делая, он проводил время в своем помещении, или бесцельно бродил по дворцовому саду. Вначале деликатно, потом все настойчивее стали напоминать ему о работе. Но он всем отвечал одно и то же: «Не мешайте». Пожаловались императору, но тот предпочел не вмешиваться. И вот ровно за день до обусловленного срока художник взял кисти и написал свою лучшую картину. А потом сказал всем сомневающимся и скептикам: «Сделать недолго, но нужно раньше увидеть совершенно ясно и четко то, что будешь делать».

— О расцвете или, наоборот, упадке и вырождении пародов,— продолжал Святослав Николаевич,— обычно судят по историческим фактам. Однако о том же самом можно смело судить и по проявлениям творчества. Стиль времени, например, прекрасно характеризуют строения, в которых запечатлена мысль о красоте, а также забота о качестве и прочности материалов этих строений. Огрубение духа непременно ведет к огрубению всех форм творчества. Посмотрите с этой точки зрения на состояние современного искусства. Что является отличительным признаком всех видов современного искусства? Тут можно ответить одним-единственным словом: диссонанс.

Ритм, в особенности мажорный, стал признаком устарелости, вышел из моды. А между тем еще в древности ритм называли породителем сотрудинчества. Отсюда шло

понимание всей значимости хорового пения и гармоничной музыки. Давно уже было замечено и отмечено, что ритм помогает избегать раздражения и разъединения. Утверждая одинаковое устремление, он как бы концентрировал в одном направлении общую энергию людей. Музыка и пение перед работой, во время работы являли собой могучий знак единения.

Как вы знаете, современная музыка дисгармонична и аритмична. А, собственно, аритмичность и есть разъединение. Она ведет к психической и бесполезной растрате человеческой энергии и в конечном счете к опустошению и отупению.

Все это, разумеется, знаменует собой не прогресс, а регресс музыкального слуха людей, развивавшегося и утопчавшегося в течение веков. Говорят, что в Индонезии долгое время не могли справиться с дикими слонами, совершавшими набеги на рисовые плантации. Напрасно по ночам крестьяне зажигали костры, били в барабаны. Никакого впечатления на животных это не производило. Но вот однажды кто-то вздумал прокрутить, усилив динамиком, кассету с записью поп-музыки. Эффект был неожиданный. Слоны в панике разбежались. Сейчас этот способ отпугивания диких животных рекомендован по всей стране и — говорят — действует безотказно.

— Так что даже слоны не выдерживают рок-музыку, — с улыбкой заключил Святослав Николаевич. — А мы с вами крепче слонов: выдерживаем.

В книге Елены Ивановны Рерих «Криптограммы Востока» есть поучительная легенда, называемая «Дар тьмы». Содержание ее таково.

«Дух тьмы мыслит: «Как еще крепче привязать человечество к земле? Пусть будут сохранены обычаи, привычки. Ничто так не прикрепляет человечество к обычным обликам.»

Но это средство годно лишь для множества, гораздо опаснее одиночество. В нем просветляется сознание и создаются новые построения.

Нужно ограничить часы одиночества. Не следует людям оставаться одним. Снабжу их отражением, и пусть привыкают к своему облику.»

Слуги тьмы принесли людям зеркало».

— Ну, на нынешний день, — с пророческой интонацией в голосе говорит Святослав Николаевич, — зеркало —

это пройденный этап. Появилось глобальное средство отвлечения людей от себя — телевизор. Площадка для уединения и безмолвия, столь необходимая душе человеческой, сузилась до крохотного размера, а для многих и вообще исчезла. Ведь, включая телевизор, человек, в сущности, выключает самого себя.

Некоторые говорят, что массовая культура отвечает современным потребностям народа. Неверно! Она отвечает потребностям толпы. Век тотального наступления массовой культуры на наше сознание как бы с новой силой выявил и подтвердил непреклонный старый закон: *«Лишь минуя толпы, вы дойдете к народам».*

— ...И как никогда становится отчетливым и ясным, что пришло время, когда нужно готовить сознание к самым широким восприятиям. Спасение мира, говорила матушка, в новых формулах, в новом духовном и культурном подходе ко всем вопросам жизни, как государственным, так и частным обиходов. Беда в том (как говорила она еще в тридцатые годы), что старые формулы отжили, а новые конструктивные идеи еще не воспринимаются многими людьми. Сознание масс переросло своих лидеров.

Особенность нашей эпохи, столь не похожей на любую иную, ей рисовалась таким образом: «Сейчас мир вышел из обычных рамок. Корабль потерял курс, но зато вихрь ускоряет движение».

А смысл современных событий она видела в том, что в мировом масштабе доказывается наглядно непригодность отживших идей и построений, и среди неслыханных рушений, как зарница на черном, грозном небе, зарождаются новые идеи великой терпимости и культурного водительства. «Спасить людей можно лишь верою,— заявляла она,— которая превышает всех религий!»

Однажды Рерих посетил лабораторию знаменитого индийского ботаника Боса. Бос был выдающимся экспериментатором и сказал Николаю Константиновичу, что сейчас специально для него продемонстрирует интересный опыт. «Сейчас, мистер Рерих,— сказал он,— я сделаю небольшую инъекцию вот этому растению — всего одна-две капли раствора,— и в течение одной минуты оно зацветет, отцветет и засохнет, то есть весь цикл жизни

пройдет в ускоренном ритме». Бос делает инъекцию. Проходит минута-другая. Ничего обещанного не происходит. Бос делает повторную инъекцию. Никакого результата.

— И что же Бос? — спрашиваю я у Святослава Николаевича.

— Бос — идиот. С понимающей улыбкой смотрит он на своего гостя и говорит: «Так я и думал. В присутствии некоторых людей этот препарат не будет действовать».

— Речь, как вы понимаете, — продолжал рассказ Святослав Николаевич, — идет об энергии мысли, способной воздействовать на расстоянии, или, иными словами говоря, о психической энергии. Если еще недавно факт существования этой энергии оспаривался или замалчивался, то теперь он получает наглядное подтверждение в сугубо научных экспериментах.

Ныне ни для кого не секрет, что те же самые растения обладают эмоциями, имеют способность различения. Например, они «приходят в ужас», когда появляется человек, который причиняет им зло, терзает, предположим, их стебли, делает им уколы и т.п. Совершенно по-иному реагируют они на появление человека, который к ним внимателен и добр. Они могут даже расцвести раньше срока, чтобы сделать ему приятное.

В одном американском университете проводился любопытный опыт. Кроликов кормили жирной пищей с тем, чтобы вызвать в их крови повышенное содержание холестерина. Как и ожидалось, все подопытные животные заболели атеросклерозом. Все, кроме нескольких. Дело в том, что лаборант, кормя их точно такой же пищей, как и остальных, в то же время выделял их, гладил, говорил им ласковые утешительные слова. И вот — результат. И вот вам пример того, что может сделать энергия любви, энергия добра.

Ошибка человека, очевидно, состоит в том, что он приписывает лишь себе исключительное, монопольное право на мысль, и ему трудно привыкнуть к сознанию, что все сущее как бы проникнуто мыслью. Ныне модель мироздания совершенно иная, чем в недавнем прошлом. В книге «Таинственная Вселенная» знаменитый английский астрофизик Джеймс Джинс писал: «Вселенная начинает походить более на гигантскую мысль, нежели на гигантскую машину».

Но надо сказать, что психическая энергия, которая в

связанном состоянии находится буквально повсюду, сама по себе пейтральна. Высвобождаясь, она может служить одинаково как добру, так и злу.

В свое время картины Николая Константиновича специально вывешивали в некоторых санаториях для первобольных. Говорят, что это помогало. Люди обретали внутреннее равновесие, выздоравливали.

Но есть, конечно, примеры и другого рода. В Америке демонстрировался один сенсационный опыт (его засняли на кинолентку). В зал, битком набитый людьми, внесли небольшой прибор, величиной примерно со спичечную коробку. Естественно, его толком никто и не мог разглядеть. Но в зале началось нечто невообразимое. Людей охватила паника. С криками ужаса они стали выпрыгивать из окон. Этот небольшой ящичек оказывал психическое воздействие на людей, как бы излучая волны страха. Было это лет двадцать тому назад. Представляете, как могли к нынешнему дню продвигнуться в этом направлении.

С такими проявлениями психической энергии тоже нужно считаться. Не принимать их во внимание нельзя. И ни в коем случае нельзя оставаться перед ними безоружными.

«Ввиду наступления новой эпохи,— писала Елена Ивановна Рерих,— несущей еще небывалый прилив психической энергии, необходимо пробудить и воспитать в себе правильное отношение к этой обоюдоострой мощи. В книгах «Живой этики» (серия «Агни-йога») ¹ впервые дано многостороннее освещение этой энергии и приведены методы рационального подхода к изучению ее».

— Как вы знаете,— говорил Святослав Николаевич,— главным подвигом матушки было то, что она сумела донести до людей тексты Агни-йоги, автором которой она себя не считала и бывала удручена, если кто-то вдруг ей приписывал авторство. Весьма и весьма непростым делом оказалось записать эти тексты (понадобилась огненная перестройка всего организма), но еще более непростым

---

¹ Серия включает в себя следующие книги: «Зов», «Озарение», «Община», «Агни-йога», «Иерархия», «Беспредельность» (две части), «Сердце», «Мир огненный» (три части), «Аум», «Братство». Последняя книга — «Надземное» — осталась в рукописи. Елена Ивановна не успела ее отредактировать и выпустить в свет.

делом оказался путь этих текстов к сознанию людей. Много здесь стало помехой: и необычность изложения материала, и специфика понятий и терминов (особенно восточных), и пугающая широта синтеза, при котором увязываются в единое целое и древние притчи, и результаты современных лабораторных исследований. Переход на новый виток мышления, с необходимостью которого сегодня вроде бы и согласны, чрезвычайно труден и сложен, потому что несет с собою беспощадное разрушение всех стереотипов. Это в полной мере относится и к проблеме авторства. Иногда спрашивают, почему бы не поставить на обложках книг имена Елены Ивановны и Николая Константиновича: ведь все это прошло через их сознание и было записано их руками. Не понимают, что тем самым нарушался бы принцип нового мышления, утверждающий сознательную анонимность, освобождающий написанное от давления своего имени, и это абсолютно правильно, ибо в конечном итоге мысли человеческие принадлежат всем и никому не принадлежат.

Елена Ивановна считала, что книги «Живой этики» дают новое направление всему мышлению, устанавливая вехи для новых научных исследований (разумеется, при условии, что сознание ученых не будет затемнено предубеждениями). Она рекомендовала относиться к этим книгам как к путевому пособию. Сравнивала Агни-йогу с факелом, с которым «можно вступить на великий мост». Объясняла, что для пути дальнего дается «Живая этика».

Значит, если мы хотим стать на путь изучения психической энергии и ее законов, то нам следует обратиться к самому «путевому пособию», то есть «Живой этике».

А «Живая этика» предлагает каждому начать с себя. На многих случаях жизни мы имеем возможность убедиться в наличии психической энергии. Просто мы невнимательны, не умеем анализировать, сопоставлять и делать выводы.

Если врачи заявляют, что при первом подъеме сила человека возрастает десятикратно, то тем самым они признают факт существования этой энергии. Если медицинские приборы регистрируют разницу пульсов человека, пребывающего в сомнении или захваченного страхом, и человека уверенного, устремленного, собранного, то тем самым они указывают на проявления этой энергии. По собственному опыту каждый знает, что мысль может

даже изменить температуру тела, отсюда — гипотеза, что она оставляет отложения на стенках капалов нервной системы. Поэтому и утверждают, что чистота мыслей — самая лучшая дезинфекция. Если сомнение, а тем более страх физически разлагают нервную систему, то возвышенные мысли являются своеобразным токсизирующим средством и не только благотворно влияют на нервную систему, но и физически очищают кровь человека.

«Живая этика» настаивает на создании специальной науки «психомеханики», которая зашла бы проблемами установления оптимального равновесия и гармонии между психикой человека и местом приложения его сил. Давно замечено, что машины, предположим, стапки, как и люди, устают, как и люди, нуждаются в отдыхе. Но давно замечено и иное: при прочих равных условиях в одних руках они устают гораздо меньше и выходят из строя гораздо реже, нежели в других. О чем это свидетельствует? Это свидетельствует о том, что живой ток человека (иными словами, его психическая энергия) вступает в контакт с машиной или станком и укрепляет их жизнеспособность и удлиняет их жизнь.

И, конечно, особой формой психической энергии является радость, пронизывающая труд. Общеизвестно, что радостный труд гораздо продуктивнее и успешнее, нежели труд неодоухотворенный, мертвый по форме и устремлению.

Отсюда, как вы понимаете, вытекает, что забота о создании благоприятных условий для психической энергии не только личное дело каждого, но и общее дело, касающееся всех.

В «Живой этике» говорится: *«Могут спросить — почему такое нужное оружие не вручается всем? Но оно имеется у каждого, только часто оно заперто за семью замками. Сами люди виноваты, что наибольшую драгоценность они замыкают в подвал. Многие, даже слыша о такой энергии, не полюбопытствуют о способе открытия ее — так не развита любознательность!»*

Поэтому на вопрос «Как же начать приближаться к психической энергии?» дается ответ: «Для начала будете помнить, что эта энергия существует».

Итак, прежде всего признание факта существования психической энергии. Затем элементарное уважение к ней. Как сказано в «Живой этике», *«нужно уважение к энер-*

гии, которая, подобно огню, насыщает все пространство и конденсируется в нервных центрах. Пусть даже дети помнят, что в любом рукопожатии, в любом взоре излучается эта связующая энергия».

Ну и, конечно, понимание того, что сам термин «психическая энергия» временен и условен. В общем-то, речь идет об энергии всеначальной и, следовательно, включающей в себя все остальные виды энергий (они являются лишь ее дифференциациями). Под разными именами она стучалась и стучится во все наши врата. Можно считать ее и трансформацией огня, но, естественно, огня не простого, а утонченного, первозданного. Что, собственно, представляет собой пространство? Океан огня. Зерна огненные живут в каждом атоме, и сила сцепления держится на них. Вот этот огонь пространства, будучи осознанным, и превращается в психическую энергию.

Таким образом психическая энергия заложена во всей природе, но особенно выражена она в человеке. И право, нет ничего сверхъестественного и таинственного в том, что человек — эта животворящая частица Вселенной — несет в себе вселенский огонь.

Но очень важно помнить, не забывать ни на миг, что психическая энергия не может оставаться инертной. Как бы человек ни пытался забыть о ней, она напомнит о себе, ибо непрерывно вибрирует. Люди могут думать, что их энергия спит, но в сущности она не может оставаться в бездействии.

Об этом пужно помнить еще и потому, что тонкие энергии, пока не осознаны, не могут быть полезны людям. Более того, неосознанная энергия может быть разрушительной и превратиться в необузданную стихию, подавляющую все окружающее. А осознание — уже почти овладение, во всяком случае соизмерение.

«Живая этика» предупреждает:

«Огненные вихри стучатся в темницы своих. Приходит срок, когда они или приложатся разумно, или же должны будут излиться в огненные болезни или космические катаклизмы.

...Нам не уйти от века огня. И потому лучше оценить и овладеть этим сокровищем».

Есть старинная загадка: «Что не может сгореть?» Ответ: «Мысль».

Но если мысль, если психическая энергия человека

практически неуничтожима, то, значит, соприкасаясь с предметами, она обязательно оставляет на них свой след. Задачей нашего времени и является не суеверное, но вполне научное исследование вот этих наслоений, имеющих подчас многовековой характер. В будущем — скорее всего в ближайшем будущем — должна появиться психометрия, а точнее говоря, наука излучений (имеются в виду излучения, исходящие от человека и любого одушевленного и неодушевленного объекта вообще). Должны быть изобретены соответствующие приборы. В результате мы наконец-то научимся воспринимать и различать язык вещей. В результате мы наконец-то поймем, что вещи, добрые и злые, существуют не только в сказках, но они — неотъемлемая реальная принадлежность всей нашей жизни. Человек, создающий вещь или вступающий в контакт с нею, воистину творит добро и зло, по большей части и не подозревая об этом.

Вот почему нравственные понятия, такие, предположим, как альтруизм или человеконенавистничество, должны быть рассмотрены не только с точки зрения духовной (к этому мы привыкли), но и с точки зрения научной (к этому мы еще не привыкли). Ибо все моральные учения имеют чисто биологическую основу.

И, конечно, наука о мысли должна обрести глобальный характер. Она не может ограничиться одним народом или определенным слоем этого народа. Сравнение сознания различных народов или племен (как на примерах истории, так и на примерах современности) может дать неожиданные выводы. Одно уже ясно и сейчас: потенциал мысли не зависит от внешней цивилизации.

Наука о мысли в сущности есть наука о Бытии, и потому здесь не могут иметь места никакие ограничения. Эта наука должна быть вечно живой, ибо мысль постоянно вибрирует и живет в пространстве. В конце концов изучение природы мысли приведет и к пониманию так называемых феноменов, которые есть не что иное, как неосознанная психическая энергия в различных ее проявлениях.

Будем глядеть правде в глаза: ученые, когда говорят о подсознании, о животном магнетизме, о телепатии, говорят, конечно, об одном и том же: о психической энергии. Просто слово не найдено, или, вернее, найдено, но не получило еще должного признания. Обрывки знания сами просятся в одно русло, но предубеждение и суеверие мешают обобщать факты.

А между тем каждый человек представляет собою весьма сложное хранилище, и требуется много огня, чтобы осветить все его глубинные и темные склады. Настало время, когда вся область психической энергии должна быть изучена и исследована экспериментально. Причем не на предмет фокусов или поражающих воображение зрелищ. Нет, вопрос стоит сложнее и шире. Раз это энергия, то в конечном счете она не будет противоречить законам физики.

И еще одно небольшое соображение по этому поводу. Как известно, наука о человеке сегодня подразделяется на ряд отраслей. Биология, физиология, психология — каждая из них занимается лишь определенным аспектом человеческого организма и человеческого существа. Но за этой дробностью пропадает неразъединенное целое, и поневоле напрашивается вопрос: а где же сам человек? Вот и получается: невозможно изучать великий микрокосм без выявления и утверждения всеначальной энергии. Лишь такое объединяющее понятие может значительно продвинуть наши наблюдения и указать на истинные размеры величия природы человека.

В общем, решить данную проблему можно лишь на базе синтеза самого широчайшего плана. Удивления и сожаления заслуживает то, как легко порою наука позволяет себя ограничивать и судить в категорической форме о том, чего в сущности не знает. В «Живой этике» справедливо сказано: *«Дети иногда говорят правильно — не знаю. Незнание откровенное признается как Врата познания».*

Кнд человеческого организма пока еще чрезвычайно мал. Наши резервы космической энергии нами еще не затронуты. Большинство клеток человеческого организма находится в спящем или дремлющем состоянии. Говорят, что если бы они пробудились, то это сделало бы человека светящимся и летающим.

Лучшие наши аппараты — не те, что придумал человек в век научно-технической революции. Лучшие наши аппараты находятся в мозгу. Просто физически они еще не выявлены. Ведь мы живем не всей полнотой сознания, действует и вбирает лишь крохотный участок его. Полнота же сознания проявляется лишь в отдельные моменты, причем приобретает это порою характер вспышки, и мы говорим: озарение! экстаз! вдохновение!

Настанет время, собственно, оно настает, собственно, оно уже настало, когда придется уничтожить многие механические аппараты ввиду той опасности, которую они несут не только жизни человека, но и жизни всей планеты в целом. Но это не будет означать регресса, возвращения к первобытному состоянию. Дело в том, что механические приспособления и аппараты — лишь первичная ступень освоения действительности. Более высокая ступень этого освоения — когда будет приведен в действие природный внутренний аппарат человека. На этом, очевидно, и должны быть сосредоточены усилия современной науки. Словом, человечество во всем своем техническом всеоружии на новом, космическом витке своего развития вдруг обнаружилось, что вновь стоит перед самой неотложной задачей, сформулированной еще в древности: познай себя.

Индийский вариант названия невидимых аппаратов человека — чакры. Как вы знаете, их объявляли мифами, их относили к области оккультизма. Так продолжалось до тех пор, пока западная медицина не взяла знания о чакрах на вооружение и не образовалась целая отрасль медицины, именуемая психосоматикой. Психосоматика исходит из того, что грани между психическим и телесным условны, что их в принципе и не существует, что все телесное густо пропитано психическим началом. С ее точки зрения аппендикс (не так давно считавшийся рудиментарным органом) выполняет важную функцию в человеческом организме: он впитывает и перерабатывает психические элементы пищи. Но наиболее тесным образом психическое и телесное переплетено в чакрах. Умелая и грамотная концентрация внимания человека на этих центрах оказывает воздействие на психическое, а значит, и телесное его начало, а значит, и на весь организм в целом.

Центры невидимы, но давно уже сказано, что каждая сила, входящая в жизнь, творится на видимом плане, но приводится в действие механизмом невидимым. Только-только начался процесс постижения механизма чакров, а уже заставил по-новому взглянуть на извечную загадку мысли человеческой. А что, если мысль рождается в невидимом горниле чакров, а мозг служит лишь рычагом, напрягающим ее?

Еще недавно такое предположение показалось бы кощунственным, но сейчас, когда ученые все чаще и чаще

уподобляют мозг своеобразному компьютеру, это воспринимается спокойно, во всяком случае на уровне гипотезы. Мыслит не мозг, мыслят чакры.

Но отсюда с неизбежностью вытекает и другое: а не является ли все то, что принято считать феноменами, трансмутацией огненных центров человека?

Вырисовываются довольно четко контуры новой медицины, которая будет учитывать космический и огненный характер человеческого существа. Для нее, допускающей существование чакров, станут своего рода космическими градусниками сердце или солнечное сплетение. Психическая энергия превратится в существенный фактор ее диагностики и методов лечения. Связывая в значительной мере состояние крови и секретий человека с его духовным состоянием, она сделает отсюда далеко идущие выводы и скажет своим пациентам: «Примите совет, лечите сознание! Жалуетесь на печень, но проверьте ваши мысли!» Напомнит о рецепте, существовавшем еще во времена Гипократа: «Не допускайте злобы, она есть источник болезней».

Почему психической энергией можно лечить внушительное число самых разнообразных болезней? Да потому, что в ее функции входит защита нашей нервной системы. А ведь именно ослабление нервной системы, нервный срыв и т. п. и являются чрезвычайно часто, как мы знаем, причиной наших заболеваний чисто физического свойства. Благодаря психической энергии нервная система как бы приобретает иммунитет против всяческих педомоганий. Даже рак — с точки зрения новой медицины — объясняется отсутствием психической энергии в крови. Даже рак — считается — можно лечить психической энергией.

Однако это не означает отмены прежнего опыта нашей медицины, всего лучшего, что накоплено в этом опыте, не означает и перечеркивания достижений современной медицины. Как вы знаете, ныне кое-кто пытается официальному врачеванию противопоставить неофициальное: духовных целителей разного рода, экстрасенсов. Позиция Елены Ивановны по этому вопросу совершенно ясна. Вот ее доподлинные слова: «Целитель должен быть определенно правдивым человеком и не предаваться никаким излишествам, ибо он передает свою энергию, и, конечно, желательно получить энергию незараженную. Лечить можно,— говорит она,— все первые и некоторые воспа-

лительные процессы, но там, где необходима хирургическая помощь, поле действия должно быть предоставлено прежде всего хирургу».

Перестройка медицины — а она, в общем-то, неизбежна, — очевидно, должна начаться с уменьшения той лошадиной дозы лекарств, которая чуть что — предписывается больному. А это станет возможным тогда, когда наряду с обычной врачебной практикой станут интенсивно использоваться, во-первых, метод вибрационного воздействия, который даруют нам природа, искусство, возвышенные чувства; во-вторых, метод целенаправленного позитивного психического воздействия на сознание человека. В новой медицине органически соединится лечение телесное с лечением духовным, ибо на знаменах ее написано: «Борение духа есть шаг к исцелению».

В древности ключ ко всем загадкам бытия видели в сопоставлении Микрокосмоса с Макрокосмосом, в их отождествлении. Человек рассматривался в столь тесной взаимосвязи с миром и природой, что считалось: разрушительные страсти человека отзываются эхом на равновесии и гармонии природы, и потому нередко по вине самого человека и возникают бури, землетрясения, эпидемии, охватывающие сплошьяком все страны и континенты. Кому-то наверняка это покажется наивным. При чем тут моя вспышка гнева, скажет кто-то, и пространство, окружающее меня? А между тем понятие психической энергии связует в единое целое все эти вещи. Если мысль, как уже говорилось, не исчезает, то она конденсируется. А где она конденсируется? В пространстве.

Вот почему земля не кончается там, где кончается ее кора, а продолжается в надземном слое, насыщенном следствиями человеческих деяний. Интеллектуально-культурные накопления и вспышки жестокости и дикости, свет и тьма, добро и зло — все здесь зафиксировано, все здесь сконцентрировано. Как известно, Вернадский окрестил этот надземный слой, порожденный человечеством, ноосферой.

Если б мы могли проникнуть в пределы ноосферы, если б могли расшифровать информацию, заключенную в ней, то воочию бы убедились, сколь наполнено и перенаселено пространство. Не бактериями и микробами, которые можно разглядеть в обычный микроскоп, а тем, чего не разглядишь ни в какой микроскоп: загадочными суще-

ностями разных эволюций, мыслеформами всех времен и народов. И наверняка бы мы увидели, как заражены и болезнетворны низшие слои ноосферы, соприкасающиеся с нами, какими темными обручами стискивают они нашу Землю.

Платон говорил:

«С небес раскинут над Землею целительный покров, но люди вместо того, чтобы возвыситься, прилагают усилия снизить его. Они не думают, что даже самое целебное теряет силу в грязи земной.

...Сограждане, если вы не перестали стыдиться друг друга, то отвернитесь от звездного неба, оно с укором смотрит на вас».

Но то, что сделано нами, может быть исправлено только нами. Мы должны, если хотите, представить себя в роли санитаров, которым поручено очистить и дезинфицировать зараженные участки земли и ее атмосферы. Мы обязаны перестроить сознание и сделать целенаправленным поток нашей психической энергии. Если мы верим в то, что потенциал нашей мысли велик, если допускаем в ней наличие мощной творческой силы, то пойдем призыв «Живой этики» устремить в пространство добрую мысль. Когда человечество согласится послать добрую мысль одновременно, то и зараженный воздух низших сфер сразу прояснится — утверждается там. Нужно посылать каждый день мысль не о себе, но о мире. Не нужно утомительных медитаций, говорится в «Живой этике», — мысль о мире кратка и отрешенная от себя в ней так просто отражается. Пусть будет миру хорошо!

Если кого-то смущает термин «Агни-йога», если кто-то видит в слове «йога» поворот к чему-то бывшему, старому, то ему следует обратиться к ее текстам. А там черным по белому написано: *«механика йогизма не отвечает больше обновлению мира».* Разница между прежними йогами и новой — огненной — принципиальна и состоит в следующем: если, например, раджа-йога, или жнани-йога, или бхакти-йога оберегают человека от действительности и порою отрывают его от жизни, то Агни-йога считает своей задачей активное освоение жизни на всех ее уровнях: от будничного до социального. Ее главный призыв к людям: *«не уходите от жизни, развивайте способности вашего аппарата и поймите великое значение психической*

энергии — человеческой мысли и сознания как величайших факторов».

Однако новое мышление (результатом которого и явилась Агни-йога) не есть испровержение всего старого. Оно — лучший друг всего уже найденного. Поэтому и термин «йога» не отменяется. Но естественно, что все уже найденное здесь обобщено и осмыслено с учетом условий и запросов современности, а значит, и «в полном согласии с новыми проблемами науки». Последние слова можно было бы подчеркнуть или выделить жирным шрифтом — *«в полном согласии с новыми проблемами науки»*. Еще в далекие тридцатые годы высказывалось скромное пожелание: найти нескольких западных ученых, которые могли бы подняться над стереотипами и предубеждением и согласились бы заняться изучением свойств психической энергии. В силу различных обстоятельств наилучшую возможность для такого исследования представляют собой Гималаи (потому-то наш институт «Урусвати» и был основан именно здесь). Но этот давнишний проект не отпал и сегодня. Ныне, конечно, сознание людей выросло, и речь может уже идти не о двух-трех, а о значительно большем числе ученых.

— А теперь обратимся к Елене Ивановне, — сказал Святослав Николаевич, раскрывая том ее писем рижского довоенного издания. — Вот что говорила она по поводу соотношения старого и нового в нашем сознании:

«Многие еще убеждены, что можно приблизиться к высшим истокам через мертвые ритуалы и повторение бессмысленных теперь мантрамов, утративших весь смысл свой, ибо значение их лишь в ритме, рождающемся в пламенном сердце. Ничто внешнее, без внутреннего устремления, не может быть действительным. Ритуалы, при красоте, могут способствовать созданию некоторого возвышенного настроения, но нельзя рассматривать их как самостоятельное и самодовлеющее условие для духовного восхождения».

Несчастье современных псевдоокультистов она видела в том, что они игнорируют высшие свойства человеческой души, ее нравственную чистоту, главное и непреходящее условие всех истинных духовных достижений. Они бросаются на легкодоступные физические упражнения, которые или приводят в полное расстройство их здо-

ровье, или же при неудаче делают из них разочарованных и озлобленных людей.

В этой связи она говорила, как много вреда принесли книги о всяких хатха-йогических упражнениях. Какое невежество думать, возмущалась она, что высшее и тончайшее может быть достигнуто чисто механическим путем!

— Я никогда не делала никаких упражнений, даже простой пранаямы, — признавалась она. — По правде сказать, у меня инстинктивное отвращение ко всем искусственным насильям, особенно там, где мы касаемся сокровенных огней сердца. Ведь усиленная пранаяма развивает низший психизм и медлунизм, эти два антипода истинного духовного развития. Никакая пранаяма не даст необходимого очищения и высоких следствий, на которые рассчитывают люди, если сознание их не будет соответствовать высокому идеалу.

Едипственная пранаяма, на которой настаивала матушка как на очищающем и облагораживающем средстве, была пранаяма каждодневного труда. Как на величайший пример для подражания указывала она на Сергия Радонежского. Как известно, он запрещал любую магию. Больше того, он не разрешал даже так называемого «умного делапия», то есть постоянного повторения краткой Иисусовой молитвы, чем увлекались при нем, и особенно впоследствии, некоторые люди. Только труд, являющий собой возношение сердца, признавал он. В этом, как и во многом другом, он оказался далеко впереди своего времени.

И нужно ли объяснять, что двигало Еленой Ивановной, когда она делала столь суровый и категорический вывод: «Отойдите от всяких «эзотериков», не они будут строить новый мир, но подвижники духа, полагающие душу свою за общее дело».

«Не нарушайте праздник духа, хотя бы язык его был вам непонятен. Не понятое сегодня станет понятным завтра».

Так говорится в «Живой этике», и неспроста говорится, потому что учитывается трудность восприятия неордипарных и неоднозначных текстов, предлагаемых читателю. Собственно, два главных барьера встают на пути постижения этих текстов.

Первый барьер — издержки и наслоения нашего рационалистического мышления. Из того факта, что мысль при-

знается самой высокой из всех созидательных энергий, отнюдь не вытекает, что ее венцом, как нередко полагают на Западе, являются точное знание, строгая логика. На Востоке полагают по-другому: венцом мысли здесь считают легенду. *«Неверно думать, — говорится в «Живой этике», — что легенда принадлежит призрачной древности. Непредубежденный ум отличит легенду, творимую во все дни Вселенной. Каждое народное достижение, каждый вождь, каждое открытие, каждое бедствие, каждый подвиг облекаются в крылатую легенду... В легенде выражается воля народа, и мы не можем назвать ни одной лживой легенды. Духовное устремление мощного коллектива запечатлевает образ истинного значения, и оболочка символа означает мировой знак».*

Второй барьер — разница психологических уровней людей Запада и Востока. Ведь книги «Живой этики» во многом основаны на восточных и индийских источниках, к тому же порою эзотерических. Как пишет Елена Ивановна, «мы встречаемся с почти непреодолимыми трудностями из-за бедности определительных в наших языках. Мысль Запада груба и тяжела, и потому она не выработала еще всех тех тончайших оттенков в определениях, которыми так богат Восток. Главная причина непонимания именно в том, что люди Запада не привыкли, вернее, не воспитаны в утончении мышления. Многие ли умеют читать и усваивать прочитанное? Читают глазами, но не духом и сердцем, и внутренний смысл остается недоступным».

К этому надо прибавить, что переводы с древних языков Востока — санскрита и сансара, которыми насыщены книги «Живой этики», дают своеобразный налет всему изложению: необычен ритм, необычна архитектура текста.

Но все эти трудности как бы заранее предусмотрены, потому что в первой же книге «Живой этики» с самого начала звучат предупреждение и призыв: *«Читающий, если не усвоишь — перечти, переждавай».*

Мир парадоксов заключен во мне.
И чтоб незримое доступным стало взору,
Я должен как бы невидимкой стать
Для чувств и мыслей, чуждых и чужих,
Которые привык считать своими.

Пусть сущность пизшая даст побегу вверх.
Тогда она получит оправданье.

Преображение — каждый день и мгн.
Через внимание к встречам и преградам
Идет преобразование твое.

Коль ты есть истина, то кто же встречный? Он
Не просто истина, а истина всех истин.

Я вижу Солнце в глубине себя
И в каждом человеке Солнце вижу.
Должны уметь общаться через Солнце,
Друг друга через Солнце постигать.

Коль я не радуюсь, то вовсе не живу,
Я мертв душою или умираю.
Что воскрешает наши души? Радость.
Что нас возносит в небеса? Она.

Ты чудеса творишь, а просишь чуда.
Не бойся кочек, коль вершины достиг.

Работая над книгами «Живой этики», я делал из них выписки (довольно многочисленные). Некоторые отрывки я обозначал названиями, чтобы потом ориентироваться в своих записях. Характер изложения материала в «Живой этике» таков, что все время ощущаешь дыхание легенд и притч. Потому, очевидно, я вскоре и обнаружил, что фрагменты, помеченные моими названиями, превращаются в притчи. Впрочем, читатель и сам легко в этом убедится, поскольку я предлагаю их его вниманию. Разумеется, я понимаю, что это всего лишь искры, но, как мне кажется, по ним можно будет судить и о самом пламени (то есть об Агни-йоге).

КОГДА ПРИДЕТЕ...

Когда придете — приходите, как навсегда. Когда уходите — уходите, как навсегда. Когда придете, владейте всем, ибо от всего отказались. Уходя, оставляйте все, ибо все вместили. Утверждайте отказ среди имущества. Утверждайте овладение среди пустыни.

О НАГРАДЕ

О награде мечтает слепец; прозрев, он поразился бы самонаградением. Преуспевая сознанием, человек движется полный радости, и мысль о награде вернула бы его

в рабство. Дело в том, что много рабов, именно они думают скрыть рабство духа под ледяной непроницаемостью и кажущимся отказом от того, чего не имеют. Каждый награждаемый есть раб.

НЕ КЛЕВЕЩИ НА ПАМЯТЬ

Не клевети на память, но оглянись на неумение наблюдать. Люди легче упадут с лестницы, нежели осмотрят ступени.

Не говори — не знаю, но скажи — еще не успел узнать. Ни возраст, ни состояние здоровья, ни условия жизни не оправдывают гробовое — не знаю.

ДВЕ ПТИЦЫ

Совсем не так легко научиться мыслить. Трудно развить напряжение мысли, но еще труднее достичь высокого качества помысла. Часто разумом человек твердит себе — буду мыслить чисто, но сущность его привыкла к эгоистическому мышлению. Тогда получается самая нежелательная форма мысли. Две птицы летят из разных гнезд и не могут слиться воедино.

Нужно упражнять мышление не разумом, но огнем духа, пока всякая двойственность не исчезнет. Мысль может иметь мощь, пока она совершенно монолитна, но всякая трещина не только лишает силы, но космически вредна, внося в пространство диссонанс.

УМАЛЕНИЕ

Конечно, умаление плохой советчик. Самое ничтожное рождается из умаления. Пусть не примут умаляющих за мучеников; они посеяли гнилые зерна и низко ползают, надеясь разглядеть всходы.

О СКРОМНОСТИ И СМИРЕНИИ

Кто думает о скромности и смирении, тот уже не скромней и не смиренней. Природные качества не нуждаются в насильственном раздумии. От насильственных скромников и смиренников много гордости зародилось.

НОВОЕ И СТАРОЕ

В чем же преуспевание? Некоторые полагают, что в непрестанном познании нового. Не будет ли такое устремление односторонним и не нужно ли добавить к нему упорядочение старого. Не раз можно было убедиться, что люди отвлеченно стремились к чему-то новому и продолжали пребывать в старом свиномыслии.

СОСТЯЗАНИЕ СЕРДЦА С УМОМ

Состязание сердца с умом есть самое потрясающее зрелище. ...Ум и сердце не борются, только плывя океаном творчества.

ГДЕ ЖИВЕТ ГЛУПОСТЬ?

Некий учитель спросил у школьника: «Где живет глупость?» Тот сказал: «Когда не знаю урока, вы стучите меня по лбу, вероятно, глупость живет там».

МОЗГ И СЕРДЦЕ

Можно думать мозгом или сердцем. Может быть, было время, когда люди забывали о работе сердца, но сейчас время сердца, и мы должны сосредоточить наши стремления по этому направлению. Так, не освобождая мозг от труда, мы готовы признать сердце двигателем. Люди измыслили для сердца множество ограничений. Дела сердечные понимаются узко и даже не всегда чисто. Мы должны ввести в сферу сердца весь мир, ибо сердце есть микрокосм сущего. Кто не вдохновится великим понятием сердца, тот умалит свое собственное значение. Мы заповедуем не раздражаться, но лишь величие сердца спасет от яда раздражения. Мы говорим о вмещении, но где же океан вмещающий, кроме сердца? Мы вспоминаем о дальних мирах, но не мозг, а сердце может помнить о Беспредельности.

ВОДИТЕЛЬСТВО СЕРДЦА

Любовь, подвиг, труд, творчество — эти вершины восхождения при любой перестановке сохраняют восходящее устремление. Какое множество приходящих понятий они заключают в себе! Какая же любовь без самоотвержения, подвиг без мужества, труд без терпения, творчество без самосовершенствования! И над всем этим воинством благих ценностей водителем служит сердце! Без него самые терпеливые, самые мужественные, самые устремленные будут холодными гробами! Отягощенными знаниями, но неокрыленными будут бессердечные!

БЕССЕРДЕЧИЕ

Бессердечное чтение и даже заучивание мало помогают... Скучно слушать лишнее сердечности бормотание, когда число печатных книг достигает ужасающего количества. Редко количество настолько расходилось с качеством! Признак бессердечия и в этом сказывается.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ

Рассудочное мышление осуждается, но и безрассудные действия осуждены. Значит, есть какая-то сила, которая должна дополнить деятельность рассудка. Сердце должно быть верховным судьей.

...Неписаны законы сердца, но лишь в нем живет справедливость, ибо сердце есть мост миров.

ОБЕЗДОЛЕННЫЕ

Унылых людей называют обездоленными. Вдумайтесь в последнее слово. Кто же лишил таких людей присущей им доли? Прежде всего они сами лишили себя возможностей. Давно они начали свое разрушение. Недовольство, злоба, раздражение пресекали путь к радости. Темные помыслы лишили их источника сил. Самость помешала распознать радость. Самость шептала: радость лишь в личной выгоде. Таким образом, самая плодоносная радость скрывалась за безобразными тучами уныния. Слепцы уныния — самые жалкие двуногие.

Человек имеет высший дар познать радость. Высокое чело дано, чтобы увидеть высшее. От дальних миров до малого цветка — все предлагает людям радость. Новый запас сил происходит при каждой радости, ибо произойдет напряжение, которое откроет еще одни врата.

Кто дал людям право воображать, что они навсегда обездолены? Эту ложь прокричало невежество. Но мудрый герой даже в час гонения знает, что путь к радости не закрыт. Люди забывают простую истину — все находится в движении. Печаль забывается, но искры радости сияют навсегда.

СВИТОК

Среди монотонности обыденности лишь немногие ощущают реальность Космоса. Среди этих свитков рождений, болезней, горестей и смертей немногие найдут свиток пути без конца и начала.

УЧИТЕСЬ НЕ СЧИТАТЬ ДНЕЙ

Учитесь не считать дней, не замечать годов, ибо нет различия, когда вы в великом пространстве служения. Можно научиться чувствовать себя вне пошлой обыденности и приобщиться духом к миру явленной красоты. Пойдемте вместе туда, где нет границ и конца.

ПОТОК

Независимость существования человека является невозможностью...

Так сложно сочетание всех элементов, что недоступно человеку усмотреть все проявления жизни. Вселенная в огне, и бушует огонь пространственный. Легко проследить, как одно кольцо влечет за собою другое. Как один нарост утверждает другой. Как одна жизнь предсказывает другую. Но нелегко человеку принять истину о его зависимости. Ведь ту цепь существований не прервать, не выделить себя, не остановить течение. Как один поток Вселенная!

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Возможно ли, чтоб с вас началось и с вами кончилось? Кончается ли любой процесс? Цепь миров бесконечна. Там, где одна планета рассыпается, там другая зарождается. Истина борется со смертью, и там, где скептики говорят — конец, мы говорим — начало!

...Начало и конец сливаются, служба человеку точкой опоры.

СОКРОВИЩНИЦА

Сознание человека есть место встречи всех миров. В волнах созвучий, в видениях, в чувствованиях приближаются все миры. Сокровищница доверена человеку, сохранена ли она? Космический стук может раздаваться, и горе тому, кто не примет гостя.

РИТМ НОВЫЙ

Действительно ритм новый утомителен для тех, кто не может воспринять его. Неосознанный ритм может быть даже губителен. Необузданные газы могут быть смертельны. Техника, не приспособленная, может породить бедствия. Много опасностей возникло по причине недомыслия. Тем не менее уже вошел в жизнь новый ритм. Люди не могут не признать новых условий, нахлынувших в жизнь. Возвращение к прошлому невозможно. Остается сгармонизировать новые приобретения. Для этого люди должны обратить внимание на так называемые гуманитарные науки. Нужно возродить искусство мышления.

Быстрота жизни кажется ужасной, пока мышление не опередит ее.

ЗАКОН СОТРУДНИЧЕСТВА

Силы, действующие друг против друга, взаимно уничтожаются. Силы, действующие параллельно, в том же направлении, являют сумму этих энергий, и силы, действующие врозь, теряют в зависимости от угла расхождения. Как люди не могут принять, что этот основной закон физики также есть основной закон сотрудничества!

ПОМОЩЬ

Нужно помогать везде и во всем. Если препятствия к помощи будут заключаться в разделении политическом, или национальном, или кружковщине, или в веровании, то такие препятствия недостойны человечества. Помощь во всех видах оказывается нуждающимся. Нельзя смотреть на цвет волос, когда грозит опасность. Нельзя спрашивать о веровании, когда нужно спасти от пожара.

СВЯЗКА ШАРОВ

Невозможно Братство на Земле! — восклицают наполненные самостью. Невозможно Братство на Земле, — скажут темные разрушители. Невозможно Братство на Земле, — шепчут слабовольные. Так много голосов пытаются отрицать основы Бытия.

...Нужно найти какие-то способы, чтобы люди поняли смысл единения, иначе людские сборища походят на связку шаров, рвущихся во все стороны.

СПАСЕНИЕ

Устанет когда-то человечество, так устанет, что возопиет о спасении, и будет такое спасение в Братстве.

ЛЕГЕНДА О ГУРУ

Один Гуру остался невидимым в пещере. Когда ученики просили показаться им, он ответил: «Неразумные, разве не для вас самих сокрылся я? Ибо не хочу видом своим разделять вас. Когда вы примете меня как несуществующего, может быть, ваш огонь загорится сильнее».

СЛУГИ ТЬМЫ

Посмотрим, как они приходят, те, кто требует только новое. Вот он, требующий, но даже не знающий гармонизацию центров, — разве ему можно дать новое? Вот он, лишенный энтузиазма, — разве ему можно дать новое? Вот он, не знающий радости, — разве ему можно дать новое? Вот он, не освобожденный от злобы, — разве ему можно

дать новое? Вот он, серый от страха,— разве ему можно дать новое? Вот он, отвернувшийся от истины,— разве ему можно дать новое? Вот он, раздраженный и умерший сердцем,— разве ему можно дать новое? Многие придут и спросят: где же новое? Мы готовы попать его. Мышление наше готово к отрицанию... Слугам тьмы нужно слышать для отрицания и приближаться для поношения.

ГОНИМЫЕ

«Преследователи ярые, куда гоните? Сами не зная, приближаете к светлomu прибежищу». Эта древняя мысль может быть повторена во всех веках. Можно на всех наречиях подтвердить такую истину, потому лучше быть гонимым, нежели гонителем.

ПОНОШЕНИЯ

Проследим, за что были преследуемы лучшие люди всех народов. Можно усмотреть, что ложные обвинения были почти одинаковы и поражали своим неправдоподобием. Сравним, за что изгоняли Пифагора, Анаксагора, Сократа, Платона и других лучших людей; почти те же обвинения бросались им. Но в следующие века и последовало признание, как бы и не было поношения! Можно сказать, что такие высокие деятели не умещались в людском сознании, и меч палача готов был снизить слишком высокую голову.

НЕВИДИМЫЙ ПОСЕВ

...Удивительно наблюдать, как восходит невидимый посев. Сколько раз осмеянная книга была выброшена, чтоб достичь правильного внимания. Также сожжение сочинений способствовало их укреплению. Не гонения, а признания следует опасаться.

ПРОВОЗВЕСТИЕ

Можно сказать, не те опасны, которые бешено отвергают истину, не опасны, которые безобразно провозглашают истину, но опасны безучастные, мертвяки, которые

не трогаются словом истины. Попоящие и лжевозглашающие не ведают, что они пробуждают внимание. На таких темных можно лишь улыбаться. Нечто побуждает их устремлять всю энергию и кричать об истине громко. Когда приверженцы блага шепчут неслышно, тогда глашатаи противников надрываются, чтобы сказать о несуществующей истине. Посудите сами, кто приносит больше пользы, робкое ли шептание или рупор поношения.

Обернемся к прошлому и увидим, что самые яркие движения породились вследствие ярости поносителей. Если истина не существует, то не к чему надрываться, но если истина жива, то и поношения окажутся провозвестием.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Не нужно забывать, что преследование есть лучший успех. Звучать может лишь натянутая струна.

НАПАДЕНИЯ

Печально, если кто-нибудь не подвергается нападениям. Значит, его энергия в очень слабом состоянии и не вызывает противодействия. Только несведущие могут считать нападения несчастьем.

ДВА УСЛОВИЯ

Среди развития дел будет, конечно, встречаться и враждебность, но нужно твердо помнить два условия. Одно, что людей враждебных следует избегать, ибо не они предназначены, и второе, что, может быть, именно враждебность будет достойным трамплином. Но задержка не во врагах, сосчитайте ближе!

ВРАГИ

Мы не должны забывать, что враг той самой враждой уже связан с нами. В этой связи заключается слабость врага. Ненавидя нас, враг начинает наполнять существо свое нашим представлением. Враг приковывает сознание к нам...

...Когда знаем, что враг привязан к нам, мы можем смотреть на него, как на неразумного домочадца. Так вникните в сущность врагов и найдите им место. Они могут прекрасно служить ножками вашего рабочего стола.

НАПОМИНАНИЕ

Нужно помнить, что не сами темные опасны, но силы, вызываемые ими.

...Когда говорю о черных, советую обратить внимание на их изысканные приемы и усматривать, как они терпеливо подползают к цели и как они выбирают плечи, за которыми скрыться. Не черненьких видите, но сереньких и почти беленьких!

УБИЙЦЫ ДУХА

Ошибочно пренебрегать силами темными. Очень часто победа их заключается в таком небрежении. Люди очень часто говорят: «не стоит и думать о них». Но следует думать обо всем существующем. Если люди справедливо ограждаются от воров и убийц, то тем более нужно обещаться от убийц духа. Нужно лучше оценить их силу, чтобы лучше противостать.

САМОУНИЧТОЖЕНИЕ

...Свет не убивает тьму... Тьма, приближаясь к свету, разбивается и уничтожается. Очень важно понять, что тьма сама уничтожает себя, когда приближается к свету.

ОТРАВЛЕНИЕ

Каждое отравление жизни наполнено ядом, созданным человеческой средою. Отравление это равно самому ужасному распаднику болезней. Часто удивляются: почему столько трудностей, столько неудач и столько бедствий? Человеческое разумение не постигает, что разложение на духовном плане гораздо мощнее, нежели на физическом.

ТЕХНОКРАТИЯ

Нужно принять технократию как уловку темных. Много раз устремлялись темные на механические решения. У них была надежда занять человеческое внимание, лишь бы отвлечь от духовного роста. Между тем решить проблему жизни можно только расширением сознания. Можно видеть, как механические гипотезы овладевают людскими надеждами. У древних это и была Майя, которая могла нарушиться от малейшего толчка.

ИЕРАЗУМНЫЕ

Темные силы устремляют самые разрушительные средства, чтобы пронзить земную атмосферу и послать смертельную опасность. Они не принимают во внимание законы Вселенной и надеются через смятение достичь своей победы. Они не только опасные противники, но и неразумные, ибо не щадят равновесия планеты.

ЗНАМЕНА

Землетрясения, извержения, бури, туманы, обмеления, нарушения климата, болезни, обнищание, войны, восстания, неверие, предательство, каких еще грозных признаков ждет человечество?! Не нужны пророки, самый ничтожный писец может сказать, что не собиралось никогда столько страшных предвестников разложения Земли. Но глухо ухо и затемнены глаза!

СПЯЩИЙ

...Нельзя глаза насильно открыть. Спящий пусть спит. Но можно ли спать при сверкании неба и колебании всей земли?!

Борьба идет. Не забывай, однако:
Ты — наступаешь, отступает — враг.

Даны преграды, чтоб тебя усилить
И чтоб твое оружие отточить.

Спокойствие — вот лучшая защита.
Из тишины родятся огонь и гром.

Когда пет туч и облаков — тогда
Бьет молния с неотразимой силой.

Победа начинается с того,
Что ты в нее всем существом поверишь.

Дух победил, коль он решил сражаться.
Когда сражается, то он непобедим.

Стоять, как долг велит нам, — до конца
На страже мира, жаждущего света.
Пока он жаждет света — будет жить!

Вместе с Пришвинным Николай Константинович Рерих мог бы повторить его слова: «любить Россию — это духовное состояние». В письме, адресованном в Прагу Валентину Федоровичу Булгакову (бывшему секретарю Льва Николаевича Толстого), он признавался: «А хорошо быть русским, хорошо говорить по-русски, хорошо мыслить по-русски».

Легко (а кое для кого даже и соблазнительно) объявить Рериха на основании такого заявления националистом и даже шовинистом, не вникая в смысл того, что означали для него вот эти понятия: «быть русским», «говорить по-русски», «мыслить по-русски». А означали они для него (как и для Елены Ивановны, из письма которой я беру эту выдержку) следующее:

«Истинный патриотизм заключается не только в бескорыстной и самоотверженной любви к родине, ко всем проявлениям ее национального гения, но и в движении бережности ко всему и ко всем народам, ее населяющим и обогащающим ее строительство. Ведь задача национального гения в том, чтобы претворить и пропустить через свое сознание достижения всех народов страны, именно дать свой синтез этого конгломерата творческих выявлений».

Народы и страны должны научиться охранять основу своего характера, своей индивидуальности, развивая и обогащая его всеми цветами, растущими на их лугах».

О чем мечталось Рериху на чужбине? О восстановлении справедливого отношения к русскому народу. Он выражал надежду, что когда-нибудь, по будет все же написана правдивая, обоснованная «История о том, как много в разное время Россия помогала различным наро-

дам, причем помощь эта не была своекорыстна, наоборот, очень часто страдающей являлась сама же Россия». Но разве на аптекарских весах взвешивается помощь? Да и на каких весах вообще можно взвесить доброжелательство и самоотвержение?!

«Вовсе не хотим сказать, вот, мол, какне мы, русские! — говорил Рерих.— Совсем другое хочется отметить как факт непреложный, исторический... В какие века ни заглянем, всюду можно найти эти необыкновенные сочетания русского народа с народами всего мира... В будущих летописях будет отмечено это русское всемирное даяние. Происходит оно поистине в планетарных пределах».

В рериховском письме к Булгакову есть такие слова: «Вы мудро прикрыли надпись на картине Св. Сергей».

Тут требуется комментарий. В Праге в русском культурно-историческом музее, основанном Булгаковым, находилась картина Рериха «Святой Сергей». На ней был изображен Сергей Радонежский в монашеском одеянии. В руках у него собор как олицетворение духовной красоты и величия России. На заднем плане видны воины, направляющиеся на поле Куликово. Композицию картины завершает надпись внизу, сделанная славянской вязью: «Тебе трижды суждено спасти Россию. Первый раз при Дмитрии Донском, второй раз в Смутное время (имеется в виду предание о Козьме Минине, которому явился во сне святой Сергей и подвигнул его на создание ополчения.— В. С.), третий раз...» Далее следует многоточие, намекающее на то, что время испытания еще не пришло, но предельно приблизилось. Полотно написано в 1932 году.

Так вот: когда немцы оккупировали Прагу, Булгаков от греха подальше загородил нижнюю часть полотна каким-то интерьером.

«Вы мудро прикрыли надпись на картине Св. Сергей,— пишет Рерих.— Не сказать же тогда, что дано спасти от немцев. А до Сергеевой Лавры так и не дошли враги, а ведь у порога были».

Два любимых определения были у Елены Ивановны для России: «страна лучшая» и «страна будущего». Вот отрывок из ее письма:

«Теперь хочу сказать Вам, верьте в Новый Мир. Среди хаоса подымается мощная скала. Силы Света охраняют ее. Но люди, смотрящие с обывательской точки зрения,

люди, не могущие выйти из колеи старого мышления и потому не понимающие размаха совершающегося сдвига, не могут понять те искания и запросы, которые наполняют сейчас лучшие сердца. Иван Стотысячный проснулся, сдвиг сознания в народе велик, страна будущего растет и пачипает понимать свое назначение».

А вот из другого ее письма:

«Расцвет России есть залог благоденствия и мира всего мира. Гибель России есть гибель всего мира... Очищенная и возрожденная на новых началах широкого пародного сотрудничества и свободного культурного строительства, Россия станет оплотом истинного мира».

Елену Иваповпу неоднократно спрашивали, почему книги «Живой этики» даются на русском языке. На этот вопрос она отвечала примерно так: учение «Живой этики» предназначено для будущего, а Россия — страна будущего. Именно России, по ее убеждению, суждено сыграть решающую и ведущую роль в обновлении и переустройстве всего мира.

Выбор истории не случаен, а закономерен. И объясняется он тем обстоятельством, что русский народ «менее других замкнут в тесный круг». Испытания, выпавшие на его долю, как бы отметили и выделили его. *«Пусть осуждают его за многие несовершенства,— говорится в «Живой этике»,— но в таких несовершенствах заключается возможность. Хуже нет совершенного шарика, бегающего по замкнутому кругу. Народ учится на невзгодах. В истории человечества нет преуспеваний в спокойных периодах. Каждый народ-победитель умеет быть и подвижником. Мысль такого народа открыта к новым смелым находениям. Суровый обиход направляет народ в будущее».*

С учетом повои приближающейся ступени эволюции и был продиктован зов, прозвучавший на страницах «Живой этики»:

«Не опоздайте с изучением психической энергии. Не опоздайте с применением ее.

...Предоставьте старому миру бояться изучения психической энергии. Вы же, молодые, сильные и непредубежденные, исследуйте всеми мерами и примите дар, лежащий у ворот ваших.

Как ученики Лешина, смотрите орлиным взором и львиным прыжком овладевайте сужденной мощью. Не опоздайте!»

Октябрьскую революцию Рерих, как и многие люди его круга, принял не сразу. Петроградские события застали его в Сердоболе, принадлежавшем тогда Финляндии. Газеты приносили устрашающие вести о том, что творилось на родине: террор, уничтожение памятников истории и культуры. Рерих, положивший жизнь свою на алтарь созидания культуры, был подавлен и растерян. Старый мир рушился, а новый грозил еще большими бедствиями.

Тем неожиданнее был поворот, совершившийся в его сознании. Ничто внешнее (художник жил тогда в гранитной цитадели антисоветизма — в Лондоне) не предвещало этого. Но были вещи сокровенные, спрятанные от постороннего взора. О них говорится в дневниковых записях художника:

«Делаю земной поклон Учителям Индии. Они внесли в хаос нашей жизни истинное творчество, и радость духа, и тишину рождающую. Во время крайней пугды они подали нам зов спокойный, убедительный, мудрый».

24 марта 1920 года — знаменательная дата в жизни Рерихов: они встречаются с тем, кого именуют Учителем с большой буквы. Там же, в Лондоне, начинается первая книга «Живой этики», которая открывается словами, опущенными впоследствии в большинстве зарубежных изданий:

«В новую Россию моя первая весть».

В новую. Значит — в советскую.

А несколько лет спустя Рериху будет поручено доставить «весть» с Гималаев, непосредственно адресованную Советскому правительству. В Дарджилинге состоится новая встреча с Махатмами, где его снабдят необходимыми «полномочиями» и сведениями. В июне 1926 года он вручит паркому иностранных дел СССР Чичерину послание Махатм, текст которого мы прочтем много позже, в 1965 году, когда оно будет извлечено из архивов и опубликовано в журнале «Международная жизнь»: *«На Гималаях мы знаем совершаемое вами».*

Отправляясь в Москву, Рерих отчетливо осознавал всю сложность своей миссии. Ведь он вызвался быть послом Махатм, тех самых Махатм, которых на Западе было принято считать существами мифическими, а после истории и скандала с Блаватской — и опасными. Предубеждение, непонимание, подозрительность (а не провокация ли

это?) — все могло стать на пути и незамедлительно пресечь благие намерения.

На что же в таком случае рассчитывал Рерих, если почти наверняка знал, что встретится с непониманием? А рассчитывал он на то, что везет с собой сугубо конкретные предложения, выгоды которых, как ему казалось, совершенно очевидны.

Октябрьская революция послужила могучим стимулом для развития национально-освободительного движения на Востоке. Но в силу специфических условий и стоявших религиозных традиций она порою была интерпретирована здесь таким образом, что крестьянин, исповедующий ислам, ставил имя Ленина рядом с именем Магомета. Особым эхом отозвалась революция в буддийском мире, левые круги которого официально объявили Ленина «Махатмой». Тем самым создавалась предпосылка для своеобразной стыковки между буддийским миром и Советской Россией, что в свою очередь перевернуло бы сознание людей и всколыхнуло бы всю Азию. Авторитет Махатм, равно как и авторитет самого Рериха, предлагалось использовать для достижения этой цели. Назывались даже конкретные годы, которые, по мнению Махатм, могли бы стать поворотными — 1928, 1931 и последний — 1936. Теперь все зависело от позиции Советского правительства: насколько серьезно отнесется оно к данному предложению, сочтет ли возможным использовать открывающийся для него (и практически закрытый для остального мира) канал связи с духовными лидерами Востока.

В Москве Рерих жил целый месяц. Помимо Чичерина он встречался и беседовал с Крупской и Луначарским. Рериха принимали радушно, но о главной цели его визита старались не распространяться. «Полукоммунистом-полубуддистом» считал Рериха Чичерин, и в то время в этой оценке было больше укора, чем похвалы. В общем-то, эта оценка Чичерина и предопределила сдержанное и выжидательное отношение к предложению Рериха. Остановились на компромиссе: пусть Рерих продолжает свои исследования в Центральной Азии, пусть укрепляет и углубляет свои контакты с Махатмами, а через десять лет, как раз поближе к последнему сроку, намеченному самими же Махатмами, можно будет вернуться к этому вопросу. На том и порешили.

Но в течение десяти лет все круто переменилось. Не стало Чичерина и Луначарского. Наступил 1937 год. Подоспели другие грозные события. Переписка Рериха с

Советским Союзом оборвалась. Наладилась она вновь лишь во время Великой Отечественной войны.

Рерих понимал, что как бы там ни было, по семена будущего в результате его поездки посеяны. Но он понимал и другое: в настоящем успехом она не увенчалась. Поэтому чувством некоторой горечи и пронизаны слова в «Общине», вышедшей в Улан-Баторе (вскоре после поездки в Москву): *«Ленин охватил бы пришедшую минуту Азии. Где же его ученики?»*

А между тем «Интеллидженс сервис», как говорится, «запеленговала» Рериха. После Дарджилинга и его встречи с Махатмами делалось все, чтобы сорвать экспедицию художника и даже физически уничтожить его. Было совершено несколько нападений на караван экспедиции, причем в одной из почтовых атак участвовал личный шофер английского резидента в Кашмире Джон Вуд.

Как известно, на последнем этапе своего трансгималайского путешествия Рерих предпринял попытку достичь Лхассы. По прямому распоряжению английских властей тибетские солдаты остановили экспедицию и держали ее в изнурительной осаде пять с половиной месяцев. Дорога в столицу Тибета для Рериха была запечатана наглухо.

Что это означало? Почему английские власти, беспрепятственно пускавшие художника в любые места своей колониальной империи, столь решительно противились его посещению Лхассы? Все дело в том, что буддийские «эксперты» объявили Рериха воплощением пятого далай-ламы, жившего в семнадцатом веке и имевшего примерно такое же значение для буддистов, какое имел наш Сергей Радонежский для православных. Если бы «воскресший» святой буддизма появился в священной столице буддистов Лхассе, то последствия такого события невозможно было бы предсказать. Любой клич и призыв, раздавшийся из Лхассы, был бы немедленно подхвачен всеми буддистами. А ведь политические взгляды Рериха не были секретом для англичан. А ведь их и без того уже несколько смущал и тревожил неожиданный сюрприз с числами. День международной солидарности трудящихся — Первое мая — совпадал с днем рождения Будды. В один и тот же день шествовали коммунисты и шествовали буддисты, правда, под разными знаменами. Но что, если они выйдут на улицы под одним и тем же знаменем? Будда, окрашенный в красный цвет, ни в коем случае не устраивал англичан.

Вот почему, разрешив Рериху впоследствии поселиться в Индии, они наложили строжайший запрет на все его передвижения в сторону Тибета и особенно — Лхассы. Этот запрет действовал неукоснительно до самой его смерти.

Разумеется, Рерих знал и ценил буддизм. Но его отношение к основателю этого учения в корне отличалось от традиционно-религиозной (в частности, ламаистской) трактовки образа Будды. *«Всякая попытка сделать из великого революционера бога приводит к нелепости».*

А для Рериха Будда был именно революционером, смело и бескомпромиссно выступившим против кастовой системы Индии, против всего, что разделяет людей по расовым, религиозным и иным признакам. Как сказано в книге Елены Ивановны «Основы буддизма», Будда утверждал *«закон бесстрашия, закон отказа от собственности, закон ценности труда, закон достоинства человеческой личности вне классов и внешних отличий, закон реального знания, закон любви на основе самосознания»*, словом, все то, что делает (как сказано там же) *«заветы учителей непрерывной радугой радости человеческой».*

Елена Ивановна сопровождала своего мужа в поездке в Москву. Как и Николай Константинович, она была огорчена половичатым результатом поездки. По ее мнению, был упущен уникальный исторический шанс, который мог бы уберечь в ближайшем будущем от ненужных страданий и гибели миллионы человеческих жизней. Ведь вовсе не жертв требует начавшийся новый виток космической эволюции, говорила она, требуется единственное: быстрое подключение людей к эволюции.

Но, как и Николай Константинович, она была убеждена: семена посеяны, колосья взойдут. На определенном этапе развития вновь со всей неотвратимостью встанет перед нами та же задача: превращение страны в духовную державу, без чего невозможно будет решить внутренние и внешние вопросы, без чего тем более будет невозможно утвердить идеи справедливости во всем мире. И тогда вновь вспомнится послание Махатм. Но на этот раз активной стороной должны будут стать не Махатмы, а представители той страны, к которой обращен их зов. Ибо зов не звучит дважды.

Без подключения космоса и себя
Не мыслю устремленья своего.

Идешь вначале, а потом летишь.
Потом преодолеваешь расстоянья
Одним рывком, одним прыжком над бездной.

Нет перерыва. Остановок нет.
Есть устремленье. Ты есть устремленье.

Пути перекрестились и сошлись
На горном пике, устремленном к звездам.

Гора и свет нерасторжимы. Это
Как бы двойной удар по темноте.

Свет погрузился в мрак не для того,
Чтобы погаснуть, — для того, чтоб вспыхнул
В глубинах мрака спрятанный огонь.

...А человек, стоящий на горе,
Есть путник, возвращающийся к дому.

«Земля над нами» — так называется книга Юрия Глазкова, совершившего вместе с Виктором Горбатко орбитальный полет на космическом корабле «Союз-24». Не скрою — мне было приятно узнать, что, пролетая над Гималаями, они вспомнили мои стихи «Песнь о Шамбале» и читали вслух вот эти строфы:

У подножья вершины двуглавой,
У отрогов безмолвных хребтов,
Осененных сверкающей славой
Вековых гималайских снегов,

На сухом и песчаном откосе,
На паломе земли и небес,
В окружении кедров и сосен,
Образующих сказочный лес,

Где отшельники, гуру, саньяси
Обретали причал и привал,
Где, коль верить преданию, Вясп
Свое имя реке даровал,

На ступенях старинного храма,
Уводящих в забытый предел,
В одеянье оранжевом лама
Песнь о Шамбале огненной пел.

Пел о дивной стране, для которой,
По свидетельству древних страниц,
Не хватило земного простора
И земных не хватило границ.

В неприступных высотах Тибета
В очистительном зареве звезд
Основало отечество света
Свой бессменный и вечный форпост.

Легенда, как уже говорилось, своеобразная концентрация сокровенных знаний. Легенда о Шамбале — тоже. Опираясь на древние и современные источники (а некоторые из них определяли Шамбалу как «священное место, где земной мир соприкасается с высшим сознанием»), Рерих строил гипотезу, суть которой заключалась в следующем:

«Почему же трудно принять, что группа, получившая знания путем упорного труда, может объединиться во имя общего блага? Опытное знание помогло найти удобное место, где токи позволяют легче сообщаться в разных направлениях».

Но если сокрытая обитель существует в течение долгих веков, то она не могла не запечатлеть «свои излучения на пародной памяти». Питательной почвой легенд и преданий (всех, без исключения) является реальная действительность.

Воскрешая к новой жизни древнее понятие, Рерих называл наступающую космическую эру, эру «могучих энергий и возможностей», веком Шамбалы. В отличие от всех предыдущих эпох, которые эволюционировали довольно медленно, новая, говорил он, ворвется к нам революционно, стремительно. А раз стремительно — значит, победоносно. И как бы во исполнение старинных пророчеств каждый выступивший против Шамбалы будет незамедлительно поражен во всех делах и начинаниях своих.

«Будьте уверены, что можно обыскать все ущелья, но непрошенный гость путь не найдет». Однако, невзирая на такое предупреждение, люди, вдохновленные легендой, ищут путь или на худой конец хотя бы самую узенькую тропинку. Причем происходит это не только спонтанно, не только по-партизански, но поставлено подчас на солидную ногу. Локеш Чандра, индийский востоковед и буддолог, сам потративший немало сил на розыски в далеких монастырях и глухих асирах старинных карт с изображением Шамбалы, говорил мне, что сейчас наибольшую активность проявляют англичане. Им были снаряжены две научные экспедиции — одна в 1979, другая в 1981 го-

ду — в район Гималаев. Шамбалу, разумеется, они не нашли, но собрали многочисленные материалы, фотокопии которых хранятся в Гималайском центре научных исследований в Дели.

«Не там они искали Шамбалу,— заявил Локеш Чандра.— Мое мнение: ее следы надо искать на территории вашей страны, где-то в Сибири, где-то на Алтае. А вы зря столь категорически отвергаете эту мысль,— обратился он ко мне, потому что решительным жестом я выразил свое несогласие.— Учтите, что некоторые наши ученые само слово «Россия» выводят из санскритского «Ришия», что означает «страна мудрецов». Они же и слово «Москва» интерпретируют как трансформацию санскритского понятия «Мокшия». А что означает «Мокшия»? Место, где люди получают озарение. Наконец, вспомните профессора Рёриха, который считал Сибирь самой неизвестной и таинственной частью азиатского материка и полагал, что центр новой России со временем переместится именно сюда».

Алтаю было суждено стать завершающей стадией последней поездки Рериха на Родину. Пробыл он здесь недолго: меньше месяца. Но эхо алтайской экспедиции отзовется потом даже в названии его книги о путешествии по маршруту Великого индийского пути: «Алтай — Гималаи». На склоне лет он вновь обратится к своим сибирским воспоминаниям:

«Мудр русский народ. На призрачные заверения он скажет: «Мели, Емеля — твоя неделя», а не то сурово отрежет: «Говори, что хошь, а цена тебе грош». Велико и терпение народное, впрочем Илья Муромец тридцать лет сиднем сидел, а какие подвиги потом натворил. Есть природная культура в русском человеке. Сколько мудрых речений бывало в деревне наслушишься, а ведь пам много довелось с народом беседовать. Вот и в 1926 году на сибирском пути мы встречали замечательных собеседников. Строители новой жизни!»

А в книге «Алтай — Гималаи» по свежим впечатлениям Рерих папшет:

«Совершенно нелицеприятно смотрю в глаза трудящейся России. Какая жажда знания! Ведь эта жажда горами двигает, ведь она дает непоколебимое мужество к новым построениям. За наш долгий путь мы давно не видали глаз русских, и эти глаза не обманули. Здесь оплот новой эволюции!»

Красота алтайских пейзажей потрясла Рериха и его спутников. Елена Ивановна говорила местным жителям: «Мы уже несколько лет ездим, плаваем, летаем, побывали во многих странах мира. Но лучше вашего края не пашли. Вонстипу он благословенный».

Особенно поражали воображение травы, высокие, как деревья.

«И копей не найдешь,— восхищался Рерих.— Такой травной убор нигде не видели».

Надо сказать, что Горный Алтай был (да пока еще и остается) уникальным заповедником разнотравья. Нигде на земном шаре нет такого количества разных видов растений, собранных природой вместе (по подсчетам ученых их около пятисот). Трудно переоценить столь небывалую концентрацию растительного мира. Ведь еще в древности считали — и Рерих целиком принимал эту точку зрения, — что само вертикальное положение трав, цветов и деревьев объясняется притяжением Солнца, звезд, планет, словом, космоса в целом. Поэтому вправе сказать, что растения живут жизнью не одной лишь земли. Они, как своего рода проводники тончайших вибраций, связуют нас воедино с небом. Они вбирают в себя излучения звезд, луны и, конечно, солнечную энергию. Последнее наиболее важно. Осуществляя непосредственный контакт с солнцем, они, как ничто другое, очищают пространство и пронизывают его целебными токами.

Ровно пятьдесят лет спустя после алтайской экспедиции Рериха я приехал в Усть-Коксу, надеясь на встречи с людьми, видевшими и знавшими Рериха (и действительно, кое с кем мне удалось встретиться и переговорить). Помню ощущение, которое я пережил на перевале Громотуха. Он назван так по имени речки, бегущей внизу и гремящей о камни. Представьте себе высоченную гору и сплошную стену деревьев, наклонно стоящую над водой. Кажется, что она летит и ты летишь вместе с нею.

На мой взгляд, Горный Алтай по красоте и одухотворенности можно сопоставить лишь с Гималаями. Во всяком случае мне, побывавшему там у подножья Гепанга, это сравнение сразу пришло в голову.

Гималаи, как известно, стали последним прибежищем Рерихов: Николая Константиновича и Елены Ивановны. Но так получилось лишь в силу определенно сложившихся обстоятельств. Сами же они строили другие планы. После завершения экспедиций и странствий они мечтали вернуться на Алтай и здесь встретить конец своей жизни.

Рерихи поселились в Верхнем Уймоне в двухэтажном бревенчатом доме. Жизнь у них шла насыщенно, интенсивно. По утрам верхом на конях они отправлялись в окрестные горы. Исследовали старинные погребения, которых здесь было великое множество. Собирали образцы горных пород. Последнее делалось по просьбе Советского правительства. У молодой республики, экономившей на самом необходимом, не было средств и возможностей разведать, а тем более эксплуатировать природные богатства Алтая. Потому воспользовались поездкой Рериха, чтобы собрать сведения о полезных ископаемых края.

Вечерами при свете свечей Рерихи работали над рукописями, читали. Керосиновой лампы (а тогда эти лампы были в каждой избе) они не признавали. Елена Ивановна покупала воск, и соседи делали для нее свечи.

Презд Рерихов, естественно, взбудоражил всю округу. И как всегда это бывало с Рерихами, сразу возникли легенды. По одной из них Рерихов считали «американцами». Дескать, рыщут в горах, ищут золото. По другой — совершенно неожиданной — в Рерихах видели царя и царицу, чудом спасшихся от гибели. Скептикам показывали золотую монету с изображением Николая Второго. Действительно, профиль царя был похож на профиль Николая Константиновича.

Но наибольшей популярностью пользовалась третья версия, согласно которой Рерихи были посланцами Беловодья (буддисты бы сказали: Шамбалы). В Верхнем Уймоне были твердо убеждены, что они побывали в заповедной стране, куда допускают лишь избранных из избранных, святых. А так как село сплошь состояло из староверов, предки которых и бежали сюда во времена церковного раскола именно в поисках обетованного Беловодья, то появление Рериха воспринималось ими как некое знамение небес.

Феклу Семёвну Атаманову — встречу с нею я планировал еще в Москве — днем мне застать не удалось: была на покосе. Возвратилась, когда начало смеркаться. Я испытывал чувство некоторой неловкости. Думал, как вымоталась и устала она после тяжелой мужской работы, которую ей приходится выполнять в свои семьдесят лет. Но, к удивлению моему, она отнюдь не выглядела утомленной.

Фекла Семеновна была в белом платке, на лбу — очки. Она чистила грибы и складывала их в высокую миску.

Человеком оказалась она общительным, откровенным. В немногих словах поведала о судьбе своей. «Не повезло. Сып богатея на мне почему-то жепился. Жепился, наверно, для того, чтоб мучить меня». Не повезло и дальше. Когда раскулачивали, три года вместе с «мучителем» жила в ссылке. Да и сейчас не сладко: одна. Сып где-то на стороне. Идет. И ничего тут поделывать нельзя. Говорила она обо всем этом, не жалуясь, как о чем-то ординарном, обычном. Дескать, не я одна. Многие так живут.

Мы беседовали в сумерках. Потом, когда стало совсем темно, Фекла Семеновна, осенив себя двуперстным знаменем, зажгла свечу, и на стене в углу обрисовалась икона с ликом Богородицы-троеручицы.

С лукавой интонацией в голосе Фекла Семеновна спросила:

— Что это о Рерихе все спрашивают и спрашивают? Может, он святой какой?

— В Индии его считают святым, — сказал я.

— А у нас почему не считают?

— А у нас святых отменили.

— А разве можно отменить святых?

Я засмеялся:

— Нельзя. Однако вот сам Рерих предлагал заменить слово «святой» другим словом — «подвижник».

Фекла Семеновна помолчала, а потом начала нарасспев:

— Человек он был необыкновенный. Он и с нами умел говорить, и с небом умел разговаривать. Предвидеть он тоже умел. Варфоломею Атаманову, когда были на заимке, он сказал: «Ты, может быть, Варфоломей, и не доживешь, но дети и внуки твои доживут. Запомни: на этом месте село будет».

А сейчас там село, Тихонькое называется, — с торжеством заключила Фекла Семеновна. — А еще он сказал, что неподалеку от нас город будет. И называться он будет: Звени-город. Значит, город такой появится. А тому же Варфоломею Атаманову он говорил о Беловодье: с открытой, прямой, чистой и честной душою идут в Беловодье. Вот мы шли, шли и не заметили, как пришли в Беловодье.

Наш разговор с Феклой Семеновной свободно и произвольно переходил с одного на другое. Спросила:

«А сам чем занимаешься?» Я отвечал. Показал огоньковскую книжку «Гималайский сад».

— Прочти.

После некоторых колебаний (что же выбрать, чтоб не было трудно для восприятия?) я остановился на двух небольших стихотворениях, входящих в цикл «Из золотых правил мудрости». Прочел вот это:

А камни не старайся обойти.
Не сбрасывай их вниз в остервененье.
Пусть препоны на твоём пути
Все время превращаются
В ступени.

А камни под ногами
Не кляни.
Вот высота,
Открывшаяся взору.
Подумай сам:
Когда бы не они,
Ты разве мог бы подниматься в гору?

И вот это:

Узка стезя,
Что избрана тобою.
И глухнет эхо дальше в ушах.
Идя крутой, стремительной тропой,
Ты должен взвесить
Каждый новый шаг.

Встает гора
Отвесною стеною.
Встречает пропасть
Грохотом камней.
Но не смущайся этой крутизною.
Другие шли —
И ты пройдешь пад ней.

— На догад пишешь,— полувопросительно, полуутвердительно сказала Фекла Семеновна.

— Книжки многие на догад пишутся,— отвечал я.

— Верно, верно,— оживилась Фекла Семеновна.— А каждый должен по своему разумению прикладывать.

И вот прощание. Фекла Семеновна перекрестила меня на свой старообрядческий манер. А потом пожелала — громко и торжественно, — таких пожеланий мне уж не доводилось слышать более:

— Дай бог тебе на этом свете белого света. И чтоб на том свете тоже был белый свет.

«Семнадцатого августа смотрели Белуху,— записывал Рерих в своем дневнике.— Было так чисто и звонко. Прямо Звенигород.

А за Белухой, кажется, милый сердцу хребет Кунь-луня, а за ним — «Гора божественной владычицы», и «Пять сокровищ снегов», и сама «Владычица белых снегов», и все писаное и неписаное, все сказанное и не сказанное».

Разумеется, я считал бы алтайскую поездку завершённой лишь наполовину, если бы не увидел Белуху. А такое вполне могло случиться. Лето семьдесят шестого было исключительно дождливым. Горы постоянно заволакивало туманом и облаками. Светлые промежутки были редки. В один из таких промежутков я проскочил на газике в Тюнгур, откуда — как мне говорили — Белуха открывается людскому взору во всей своей красе.

У меня был адрес моего потенциального проводника — знакомого моих знакомых лесничего Владимира Федоровича Черепанова. К нему я первым делом и нагрязнул.

Едва познакомившись, я тут же спросил, можно ли увидеть Белуху.

— А почему же нет? — степенно отвечал Владимир Федорович. — Можно. Сегодня погода ясная.

Но лесничий был нетороплив и меня заразил своей неторопливостью.

— Поди, чай пить будете? — спросил он. — С дороги это первейшее дело. Чтоб, как говорится, кишки не обижались.

Я сказал, что не откажусь.

Самовар вскоре вскипел. К чаю подали снедь, от которой мы отвыкли, ибо она была домашнего производства: сметана, сделанная на ручном сепараторе; свежий — только что из печи — белый хлеб. И, конечно, дары алтайской природы: мед, земляника. Могу признаться, что таких «деликатесов» я не пробовал не только за все время алтайской поездки, но и за все последние годы жизни вообще.

Подкрепившись, мы направились было к выходу, но Владимир Федорович неожиданно остановился. Спросил:

— Бинокль есть?

— Нет.

— Значит, возьму свой.

С нами в экскурсию напросился его семилетний мальчишка, которого не столько прельщала гора, сколько по-

ездка на машине. Но ехали мы педолго: пять-шесть минут. Затем затормозили у какой-то скалы.

— Здесь,— сказал проводник.

Вышли. Стали карабкаться вверх. Причем Черепановы — и старший, и младший — взбирались с легкостью: ни дать ни взять — горные козлы. Я же отставал от них и, когда достиг вершины, совершенно выдохся. Пот градом струился по моему лицу. Владимир Федорович с сочувствием смотрел на меня. В утешение сказал, что в старину не спрашивали, как здоровье, а как потеешь. Сильно потеешь — значит, хорошо, значит, слабость выходит.

А потом я разглядывал в бинокль и без бинокля Белуху. Белая-белая ледяная стена. Ступенчатая вершина. То ли от солнца — было примерно одиннадцать утра, — то ли от преломления лучей в призме бинокля она играла радужным спектром, в котором преобладал оранжевый цвет. Толком так никто и не смог мне объяснить этого явления природы. Мне же настолько оно врезалось в память, что я зафиксировал его в своих стихах о Белухе:

Различаю уступы и даже
Замечаю оранжевый свет.
Подскажите, безмолвные стражи,
Это чей на горе сплут?..

...Неожиданно я вспомнил, что у меня в боковом кармане юбилейный рериховский значок, выпущенный к столетию со дня рождения художника. К великой радости мальчугана — ведь не где-нибудь, а на вершине, да еще на фоне Белухи! — я приколот к его красной рубашонке значок с изображением Рериха.

Века ушедшие вернулись, чтоб взглянуть
В твоё лицо. Они глядят с надеждой:
Добился ли того, о чём мечтали?
Достиг ли ты сверкающих вершин?

Нисходит то, чему названия нет.
Восходит то, что имена имеет.

Пытайтесь встать над жизнью и над смертью.
Пытайтесь встать над жизнью и над смертью.
Пытайтесь встать над жизнью и над смертью.
Не бойтесь повторенья этой мысли,
Не бойтесь повторенья этой мысли,
Не бойтесь повторенья этой мысли,—
И в вас проснется истинное «я».

Коль все во мне, то, значит, я во всем.
Бессмертен я лишь потому, что смертен.

Из тишины соткется тот узор,
Который светлой радостью зовется.

Прозревший, не жалеет, что был слепым,
Воскресший, не жалеет, что был ты мертвым,—
Пенным было б счастье бытия.

Кольцо времен распутано. Вперед!
Куда идешь? Неведомое знает.

В «Живой этике» содержится призыв к предельной краткости, к *«священной краткости»*, как сказано там. Она отнюдь не так легко достижима. Ведь в ней должны сочетаться *«и целесообразность, и бережность, и уважение, и заостренная сила»*. Она должна стать символом приказа, а символ приказа всегда — молния! (*«О ты, удлиняющий путь, найду молнию и по ней перейду бездну»*.)

Многие сжатые энергичные формулы «Живой этики» обрели для меня, если хотите, силу приказа. Например, вот эти:

«Отныне нет зрителей, нет спящих, ибо пламя у порога!»

Считайте счастьем нести светильник среди темных и злых.

Пойте: песнь волков пугает.

Умейте идти поверх рук, тянущих вниз.

Испытания лежат как пороги врат прекрасных.

Пусть все могущее восходить тянется ввысь!

Помогайте друг другу, слышите! Помогайте и в малом, и в великом. Помощь есть стук в будущее.

Сказано: кто сегодня не ищет света, не значит, что не восплачет о нем завтра.

Не слова спасут, а их применение.

Путей много, но если теперь настаиваем на кратчайшем, значит, мера событий приблизилась».

Впервые я увидел Карана Сингха на конференции гильдии индийских писателей. Она проходила в Дели в зале министерства здравоохранения. Он появился на трибуне — высокий, с гордой посадкой головы; орлиный нос; красивое, словно у киногероя, лицо. Я осведомился о нем у своего соседа. Мне объяснили, что это — бывший кашмирский махараджа и нынешний президент гильдии.

А он начал выступление такими словами:

— Мы собрались в зале медицинской ассоциации, что напоминает мне одно из моих бывших воплощений, когда я был министром здравоохранения.

Зал взорвался хохотом. Дело в том, что Каран Сингх когда-то в течение нескольких лет действительно занимал пост министра, правда, не здравоохранения, а информации и туризма.

Но шуточный тон сразу — без перехода — сменился серьезным.

— Бесчисленные глаза Вселенной, — говорил он, — наблюдают за человеком. Что он делает, чем занимается? А занимаемся мы тем, что сооружаем алтари. Ныне мы воздвигли алтарь науке, но он, как и все другие, рухнет. Это тем более неизбежно, что после Эйнштейна нарастали силы интеллекта, но не духовного разума.

— В чем заключается миссия писателя? — говорил он в другой части своего выступления. — Он должен стать мостом между двумя реальностями — реальностью очевидности и той, которой нет, но которой мы достигнем в будущем. Но чтобы стать этим мостом, человек должен быть титаном. Таким, как Вивекананда. Будем же надеяться, что он придет, Вивекананда новой литературы!

Мы познакомились. Это произошло уже после заседания. Каран Сингх вызвался проводить нас в гостиницу, и мы долго потом бродили по аллеям небольшого парка, примыкающего к отелю.

— Мы живем с вами в середине Кали-Юги — черного века, как ее иногда называют, — продолжал развивать свою мысль Каран Сингх. — «Вишну-пураны» дают такую характеристику этому веку: «Имущество станет единым мериллом. Богатство будет причиною поклонения. Страсть будет единственным союзом между полами. Ложь будет средством успеха на суде. Желания станут лишь предметом возжелания». Как видите, все полностью совпадает.

В чем разница между вашим и нашим — индийским — подходом к проблеме развития человечества? Ваша иудео-христианская традиция дает однолинейную, как бы непрерывную картину развития человечества. Индийская же традиция дает картину развития прерывистую, циклическую, идущую по кругу. Каждый цикл завершается катастрофой глобального масштаба, и человечество после определенной паузы вновь начинает с нуля. Судя по всему, мы находимся в конце нашего цикла и задача индийской философии, может быть, и состоит в том, чтобы подготовить человека к этому концу, дабы он с достоинством встретил его.

— Но меня в таком случае, пожалуй, больше устраивает христианский прогноз, нежели ваш,— сказал я.

— А в чем он состоит?

— О, суть его проста: Христос спас мир не затем, чтобы он погиб.

— Наша точка зрения несколько иная,— сообщил Локеш Чандра, когда я пересказал ему содержание своей беседы с президентом писательской гильдии.— Буддисты считают, что мы живем не в середине Кали-Юги, а в ее конце, вернее, даже в самом начале Сатиа-Юги, т. е. светлого века. И доказательство этого — ваша страна. Ведь характеристика «Вишну-пуран» в принципе к ней неприложима. Так что, пока вы не отступили от своей миссии, шанс на спасение есть.

Но вообще-то, если говорить откровенно, мы с вами живем на время, полученное взаймы. Как вы знаете, средств массового уничтожения ныне создано столько, что каждый из нас мог быть убитым не менее пятнадцати раз. Значит, теоретически нас нет. А практически мы существуем. Поэтому надо воспользоваться уникальной возможностью и приложить все усилия, абсолютно все усилия, чтобы не растратить добавочное время впустую, как это получилось у нас с основным временем.

— Сейчас именно час спешный,— предупреждал Рерих,— ибо мы подошли к решающим десятилетиям: быть или не быть нашей планете. А состояние планеты таково, что или будет найден верный подход к эволюции, или предстоит духовное одичание.

«Корабль человечества тонет,— заявляла Елена Ивановна,— и только слепые или тупицы не замечают всей грозности переживаемого времени».

Но в час величайшей опасности на корабле,— напомнил Рерих,— раздается команда: «Действовать по способности!»

Действовать всем, без единого исключения.

Но вот что удивляло и чрезвычайно тревожило Рериха.

«Странно — людей мало, а как только покажется дельный человек — он не находит себе применения. Везде так, и даже Армагеддон (этим библейским словом Рерих обозначал последнюю, решающую стадию битвы сил света и тьмы.— В. С.) не изменил такое уродливое положение».

А Елса Ивановна призывала:

«Научимся ценить каждого талантливого труженика, пора прекратить это безумное расточительство людьми, этими фокусами высших энергий, в которых заключается весь смысл эволюции и, следовательно, жизнечность нации и страны! Пора одуматься, ведь стоим на краю пропасти!»

Да, она не скрывала, что в час спешный, в час грозный свои главные надежды возлагает на великий потенциал русской души. Но она не скрывала и другого, что «потенциал этот в большинстве случаев еще глубоко захоронен» и что фатальной предопределенности развития и поворота событий нет и быть не может. «Несомненно, что в Иване Стотысячном имеются большие задатки,— писала она примерно полвека назад,— но если к сроку он не пробудит их в себе, то можно будет вообще поставить крест на спасении нашей расы, и ковчег нового Ноя за неадапбностью будет отставлен».

В нью-йоркском музее Рериха хранится его большое полотно: «Матерь Мира». Оно довольно хорошо известно по многочисленным репродукциям. Матерь Мира изображена сидящей на полукруглом возвышении (при желании его можно воспринимать как своеобразный престол) на фоне темного сине-фиолетового неба, прорезанного светящимися таинственными фигурками. Лица не видно. Оно скрыто плотным покрывалом.

Картина воспроизводит сюжет легенды из «Криптограмм Востока», рассказывающей о том, что после гибели Атлантиды Матерь Мира сокрыла лик свой и запретила произносить имя свое.

Если внимательней и пристальней всмотримся в детали символической тайнописи Рериха, то обнаружим, что покрывало надвинуто лишь на верхнюю часть лица. Наполовину лицо открыто! Это опять-таки в точном соответствии с легендой, текст которой гласит, что Матерь Мира не навсегда сокрыла свой лик от людей, а лишь до того момента, *«пока не пробьет час Светил»*. Значит — если верить Рериху — час заповеданный, *«час Светил»* уже наступает.

Когда лицо открыто, то оно
Одно из двух вещает для планеты:
Или спасенье, или катастрофу.
Сегодня открывается лицо.

СОДЕРЖАНИЕ

На вершинах	6
Семь дней в Гималаях	130
Рукопожатие на расстоянии	312
Мост над потоком	412

Сидоров В. М.

С 34 Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. На вершинах; Семь дней в Гималаях; Рукопожатие на расстоянии; Мост над потоком: Проза.—М.: Худож. лит., 1990.—527с.
ISBN 5-280-01084-7 (Т. 2)

Во второй том «Избранных произведений» вошли четыре повести: «На вершинах» (1974—1977), «Семь дней в Гималаях» (1981—1984), «Рукопожатие на расстоянии» (1985—1986), «Мост над потоком» (1987). Они написаны на документальной основе, посвящены творческой биографии известного русского художника Николая Константиновича Рериха. В книге использованы выдержки из писем, дневников художника, архивные материалы, воспоминания современников.

С $\frac{4702010201-146}{028(01)-90}$ 73-90

ББК 84Р7

*Валентин Митрофанович
Сидоров*

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ
Том второй

Редактор *И. Крюков*

Художественный редактор *И. Сальникова*

Технический редактор *Г. Такташова*

Корректоры *Л. Фильцер, И. Хорошасва*

ИБ № 5775

Сдано в набор 27.07.89. Подписано в печати 23.02.90. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 27,72. Усл. кр.-отг. 27,72. Уч.-изд. л. 29,13. Тираж 25000 экз.
Изд. № 111-3597. Заказ № 596. Цена 1 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валовая, 28

Отпечатано во Владимирской типографии Госкомпечати СССР.
600000. г. Владимир, Октябрьский проспект, 7

